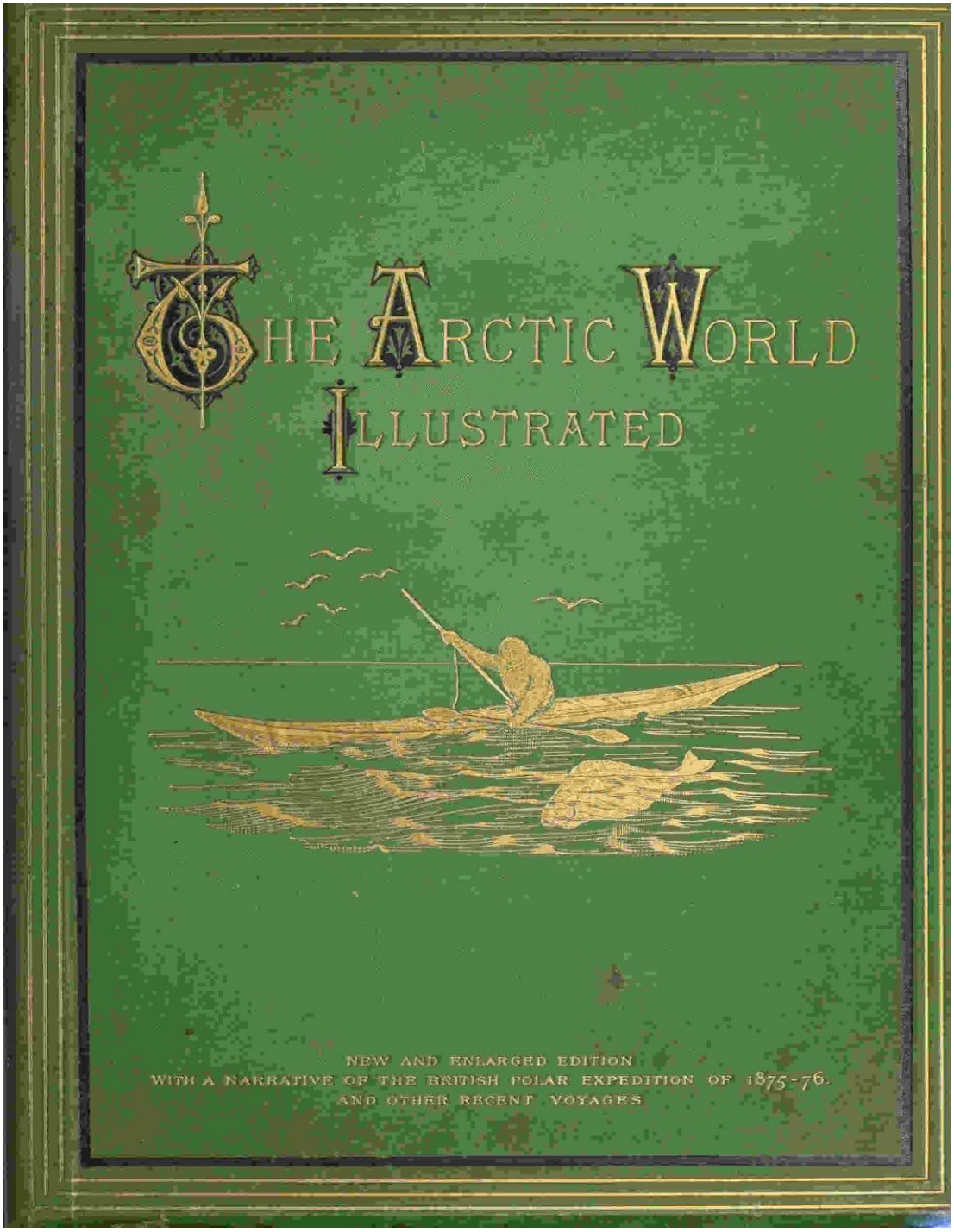
Арктический мир. Его растения, животные и природные явления

Аноним



Содержание

АРКТИЧЕСКИЙ МИР: РАСТЕНИЯ, ЖИВОТНЫЕ И ПРИРОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

СОДЕРЖАНИЕ.

Список иллюстраций.

ГЛАВА I. СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС — ПОРОГ НЕИЗВЕСТНОГО МИРА — ЦИРКУМПОЛЯРНЫЕ РЕГИОНЫ — ФЛОРА СЕВЕРА — ЖИЗНЬ В ПОЛЯРНОМ МИРЕ — СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ И СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ПРОХОДЫ.

ГЛАВА II. АРКТИЧЕСКОЕ НЕБО: АТМОСФЕРНЫЕ И МЕТЕОРИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ.

ГЛАВА III. ПОЛЯРНЫЕ МОРЯ: АЙСБЕРГИ — КРУЖАЩИЕСЯ ЛЕДОВЫЕ КРУГИ — ТЮЛЕНЬ — МОРЖ — НАРВАЛ — КИТ — РАЗНООБРАЗНЫЕ ФОРМЫ МОРСКОЙ ЖИЗНИ.

ГЛАВА IV. ЛЕДНИКИ.

ГЛАВА V. АРКТИЧЕСКИЕ ЗЕМЛИ — ФАУНА — ФЛОРА — ГРЕНЛАНДИЯ — ИСЛАНДИЯ — НОВАЯ ЗЕМЛЯ — СИБИРЬ.

ГЛАВА VI. ИСЛАНДИЯ И ИСЛАНДЦЫ.

ГЛАВА VII. ЭСКИМОСЫ.

ГЛАВА VIII. ЛАПЛАНДИЯ И ЛАПЛАНДЦЫ.

ГЛАВА IX. САМОЕДЫ И ДРУГИЕ ПЛЕМЕНА АРКТИЧЕСКОЙ АЗИИ.

ГЛАВА X. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ОТКРЫТИЯ АРКТИКИ.

УКАЗАТЕЛЬ.

СНОСКИ:

ПОЛНАЯ ЛИЦЕНЗИЯ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГА

Электронная книга проекта «Гутенберг» « » Арктический мир

Эта электронная книга предназначена для бесплатного использования в любой точке США и большинства других стран мира практически без каких-либо ограничений. Вы можете копировать, передавать или повторно использовать ее в соответствии с условиями лицензии проекта «Гутенберг», включенной в эту электронную книгу или доступной онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы не проживаете в США, перед использованием этой электронной книги вам необходимо ознакомиться с законодательством страны, в которой вы проживаете.

Название: Арктический мир

Его растения, животные и природные явления. С историческим очерком об открытии Арктики, вплоть до британской полярной экспедиции: 1875-76.

Автор: Аноним

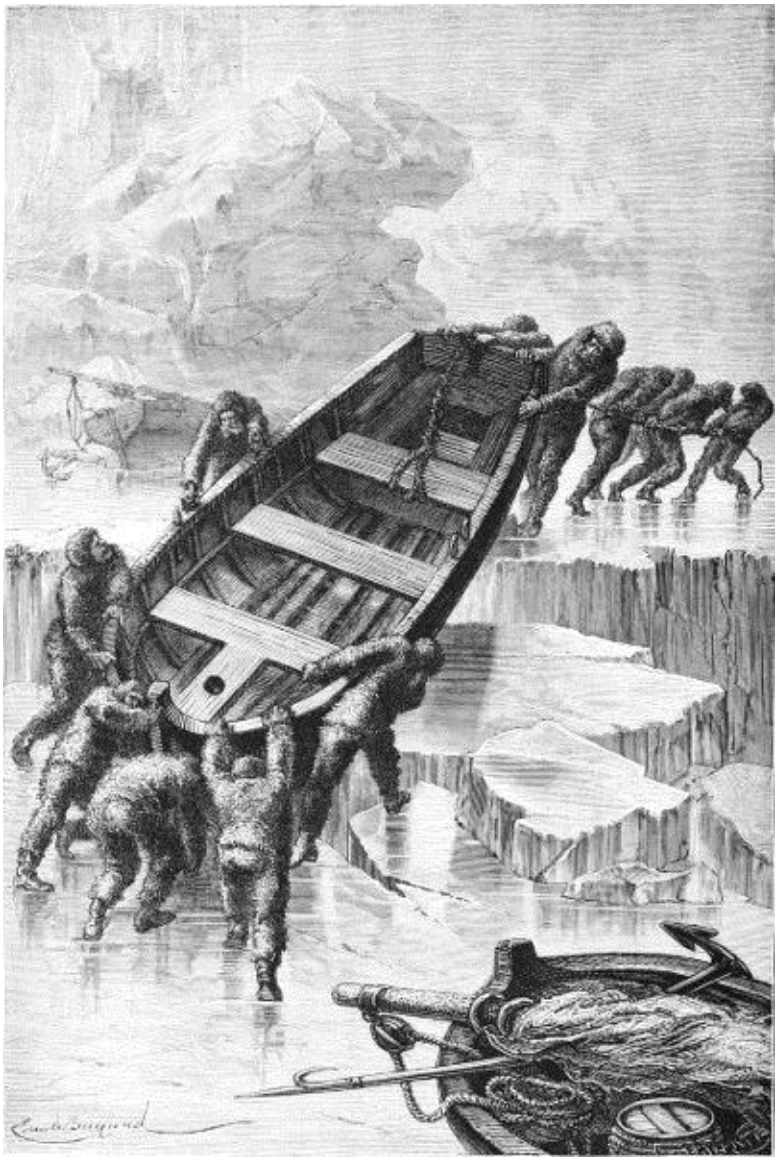
Дата выпуска: 14 ноября 2023 г. [электронная книга № 72123]

Язык: английский

Оригинальное издание: Лондон: T. Nelson & Sons, 1876

Благодарности: Брайан Коу, Карин Спенс и команда онлайн-корректоров https://www.pgdp.net (Этот файл был создан на основе изображений, любезно предоставленных The Internet Archive)

*** НАЧАЛО ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ «АРКТИЧЕСКИЙ МИР» ***



ЭКИПАЖ «ХАНСЫ» ТЯНЕТ ЛОДКИ ПО ЛЬДУ.

См. стр. 257.

АРКТИЧЕСКИЙ МИР: ЕГО РАСТЕНИЯ, ЖИВОТНЫЕ И ПРИРОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ.

С историческим очерком об открытии Арктики,

ВКЛЮЧАЯ БРИТАНСКУЮ ПОЛЯРНУЮ ЭКСПЕДИЦИЮ:

1875–76 гг.

«Здесь пусть волны успокоятся и умиротворятся» — Кольридж.

ЛОНДОН:

T. NELSON AND SONS, PATERNOSTER ROW;

ЭДИНБУРГ; И НЬЮ-ЙОРК.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Англичане всегда испытывали особый интерес к ледяным регионам Севера, начиная с тех пор, когда доктор Торн впервые предложил искать проход к полюсу, и вплоть до наших дней, когда экспедиция под руководством капитанов Нэрса и Стивенсона показала, что такой проход практически неосуществим. Интерес, первоначально вызванный коммерческими соображениями, был поддержан более чистыми и возвышенными мотивами — жаждой знаний и сочувствием к смелым поступкам отважных людей. И следует признать, что наши национальные добродетели — решительная настойчивость и терпеливое мужество — никогда не проявлялись так ярко, как в осуществлении великого дела арктических открытий. Наши исследователи отказывались признавать свое поражение и, несмотря на ужасный климат, айсберги и льдины, ураганы и метели, препятствия, опасности и трудности, продолжали продвигаться вперед, пока последние исследователи не пересекли порог неизвестной области и не столкнулись с огромной ледяной равниной, простирающейся на четыреста миль от полюса. Их труды, конечно, сопровождались тенью печальных бедствий, и долгая арктическая ночь закрыла могилы многих, кого Англия не хотела терять, но их успешный результат познакомил нас с явлениями странного и удивительного мира и открыл нам целую череду самых замечательных картин.

Нет сомнений в том, что в замерзших пустошах и заснеженных просторах таится мощное очарование, которое оказывается почти непреодолимым для духа приключений. Тот, кто однажды побывал в Арктике, какими бы ни были его страдания, не успокоится, пока не вернется туда снова. Заключается ли очарование в странном великолепии пейзажей, в великолепии небес, в тайне, которая все еще витает над далекими ледяными морями и отдаленными бухтами, или в волнении от постоянной борьбы с силами природы, или же все эти факторы действуют одновременно, мы не можем останавливаться, чтобы выяснять. Но нам кажется очевидным, что Арктический мир обладает романтикой и притягательностью, которые гораздо сильнее воздействуют на умы людей, чем богатые, пышные земли тропиков, увенчанные хлебными деревьями и пальмами, спонтанными дарами щедрой почвы.

«Летние острова Эдема, лежащие в темно-пурпурных сферах моря»,

Мы с гораздо большим интересом следим за следами Перри и Франклина, чем за следами Уоллиса, Картерета или даже Кука.

Поэтому обычный читатель, возможно, не будет недоволен попыткой автора настоящей книги представить ему, с помощью смелых штрихов и в общих чертах, а не в деталях, картину того полярного мира, который так ужасен и в то же время так привлекателен. На следующих страницах он найдет наброски его основных черт, четко и ясно прослеженные его главные особенности. Они не предназначены для ученых, хотя мы надеемся, что ученые, если они с ними согласятся, не найдут повода для критики. Их цель — описать чудеса неба, моря и суши; великолепие полярного сияния; красоту звездной арктической ночи; величие айсбергов и ледников; суровую мрачность холмистых ледяных полей; повадки белого медведя, тюленя и моржа; а также нравы и обычаи различных племен, которые часто посещают берега полярных морей и проливов или обитают на границе холодной зоны. ,

цель автора состояла в том, чтобы собрать воедино именно те подробности, которые могли бы помочь умному читателю самостоятельно понять истинный характер мира, простирающегося вокруг Северного полюса. Для достижения этой цели он был вынужден обратиться к путешествиям многочисленных исследователей и рассказам различных авторитетных ученых; и он уверен, что ни одно из его утверждений не было сделано без их поддержки.

СОДЕРЖАНИЕ.

ГЛАВА I.

Описание различных маршрутов между Атлантическим и Тихим океанами — Преимущества Северо-Западного прохода, если он осуществим — Что можно получить от дальнейших исследований Арктики — Что получит зоология — Проблема миграции птиц — О куликах — Границы северных полярных регионов — Их основные географические особенности — Разделение на две зоны или секции — Каменистые тундры— Флора Севера — Сибирская пустыня — Границы вечных снегов — Общий характер жизни в полярном мире 9–21

ГЛАВА II.

Воображаемое путешествие — Вид на побережье Гренландии — Великолепная картина суши и моря — Зимняя ночь и ее атмосферные явления — Описание северного сияния — Его особенности и возможные причины — Ветры и вихри — Явления рефракции — «Ледяной блеск»—Характеристики арктической ночи —Описание доктора Кейна —Замечательные атмосферные условия —Влияние длительной темноты на жизнь животных —Характеристики арктической весны —Весенний пейзаж в описании доктора Хейса —Лето на Севере —Северное небо и Полярная звезда —Список северных созвездий — Большая Медведица —Некоторые заметные звезды 22–40

ГЛАВА III.

(Полярные моря — Образование айсбергов — Их размеры и внешний вид — Описание гигантских айсбергов — Их опасность для судоходства — Приключения с айсбергами — Цитаты из различных авторов — Распад айсберга — Айсберги в заливе Мелвилл — Как образуются айсберги — Ссылка на айсберги в альпийских озерах — Цитата профессора Тиндалла — Распад айсберга, описанный доктором Хейсом— Видение айсбергов — Их распространение — Описание «пакового льда» — Протяженность ледяных полей — «Взятие пакового льда» — Инцидент, описанный адмиралом Бичи — Опасное положение кораблей капитана Перри — Характер ледяного поля — Пересечение ледяного поля — Его необычайные размеры — Животный мир полярных морей — Охота на моржей — Цитата из г-на Ламонта— Неприятный процесс — Естественная история моржа — Морж и полярный медведь — Исторический очерк о промысле моржей — Приключение с моржами—Описание охоты на моржей—Охота в арктическом шторме—Семейство Phocidae—Естественная история тюленя—Различные роды—Мясо тюленя и его использование—Инцидент в экспедиции доктора Кейна—Хижина эскимосов—Эскимос-охотник на тюленей—Кит и все о нем—Гренландский кит—Что такое китовый ус?—Пища кита— Северный горбатый кит—Эскимосские китобои—О нарвале—Черный дельфин—Орк, или грампус— Полярный медведь—Медведи и тюлени—Особенности повадок полярного медведя—Его прожорливость—Любовь медведицы к своим детенышам—Описание эпизода—Сражение с медведем— Медведь и эскимосские собаки—Арктическая ночь—Ее различные фазы—Восход солнца—Возвращение птиц—Кайры и гагары—О тупиках—Орханы—Смеянка, или белая монахиня—Описание гаги—Гаги в Исландии—Сбор пуха гаги—Дикий лебедь—Сказки о его предсмертной песне—Арктические воды,и их 41–107

богатая жизнь—Миграции рыб

ГЛАВА IV.

Описание образования снега — Снежные кристаллы — Воздействие кристаллизующей силы — Ледяные цветы — Эксперимент сэра Дэвида Брюстера с поляризованным светом — Регенерация и формовка льда — Характеристики ледникового льда — Раскол в плотном льду — Внешний вид ледников — О движении ледников — История его открытия — Описание морен — Теория движения ледников — Цитата из профессора Тиндалла—Ледники полярных регионов—Ледник в проливе Белл-Саунд—Образование айсбергов—Айсберги в заливе Баффина—Описание ледника доктором Хейсом—Гренландское море льда—Ледник Сермиациалик—Великий ледник Гумбольдта—Открытие доктором Кейном—Описание его особенностей—Теория Кейна об айсбергах—Заметки о леднике 108–134

ГЛАВА V.

Красный снег, что это такое? — Первые формы растительной жизни — Лишайники, их разнообразие — Оленьи мох — Каменная шерсть — Каменная рубца, или *tripe de roche*(—Используется в пищу — Исландский мох и его свойства — Мхи Арктических регионов — Цинк — Мухомор — Микроскопическая растительность— Памятник Франклину — Покрытосеменные растения Севера — Скрытосеменные растения — Растительность на Новой Земле — На Шпицбергене — На Камчатке —*Fritallaria sarrana (*—Лесные и пустынные зоны—Формы животной жизни—Естественная история оленя—Его полезность—Его пища—Олени и волки—Хитрый арктический волк—Домашний волк—Описание мускусного овна—Цитата капитана Маклинтока—Арктическая лиса—Ее осторожность—Ловушка для лис—Медведь и лиса—Полярный заяц—Альпийский заяц—Лемминг Гудзонова залива—Семейство куньих—Куница—Соболь—Хорь—О росомахе, или волке—Анекдоты о его необычайной сообразительности—Великий враг охотника—Укушенный укусил—Полярные птицы—Соколы—вороны—Распространение животных 135–161

ГЛАВА VI.

Исландия, ее площадь — ее история — ее вулканы — Хекла и ее извержения — извержение Скапта-Йокуль — гейзеры, или кипящие источники — описание их явлений — рассказ о Строкре — побережья и долины Исландии — Тингвалла — описание Рейкьявика, столицы — характер исландца — его работы по заготовке сена—Описание его жилища —Исландская церковь —Исландское духовенство —Путешествие по Исландии —Его неудобства —Переправа через ручьи —Рыбалка в Исландии 162–174

ГЛАВА VII.

Земля эскимосов — Ареал проживания так называемых арктических горцев — Датские поселения в Гренландии — Описание Упернавика — Якобсхавн — Годхавн — Их эскимосские жители — Моравские миссии — Характеристика кочевых эскимосов — Их физические качества — Их одежда — Эскимосская хижина—Эскимосский каяк или каноэ —Их оружие и орудия —Вражда между эскимосами и краснокожими индейцами —Эскимосское поселение в Анатоаке —Эскимосские песни —Пищаэскимосов 175–196

— Общение доктора Хейса с эскимосами — История охотника Ганса — Эскимосские собаки — Анекдот о Тудиле — Эскимосские сани — Оснащение саней — Оснащение эскимосского охотника — Общие черты характера эскимосов)

ГЛАВА VIII.

Лапландия, ее разделение, площадь и границы — ее климат—Ее жители—Их физические особенности—Одежда лапландцев—Их суеверия—Горные лапландцы—Их кочевые привычки—Их *тугурия* или хижины, описание—Доение оленей—Катание на санях и коньках—Коньки лапландца—Сани лапландца—Лапландские охотники—Встреча с медведем—Неумеренность горных лапландцев—Лесные лапландцы — Внутреннее устройство лапландской хижины — Лапландцы в Бьоркхольме — Расовые особенности лапландцев — Обычаи и нравы лапландцев — Лапландский диалект — Лапландцы и кене — Оседлые лапландцы и их *гърды* 197–207

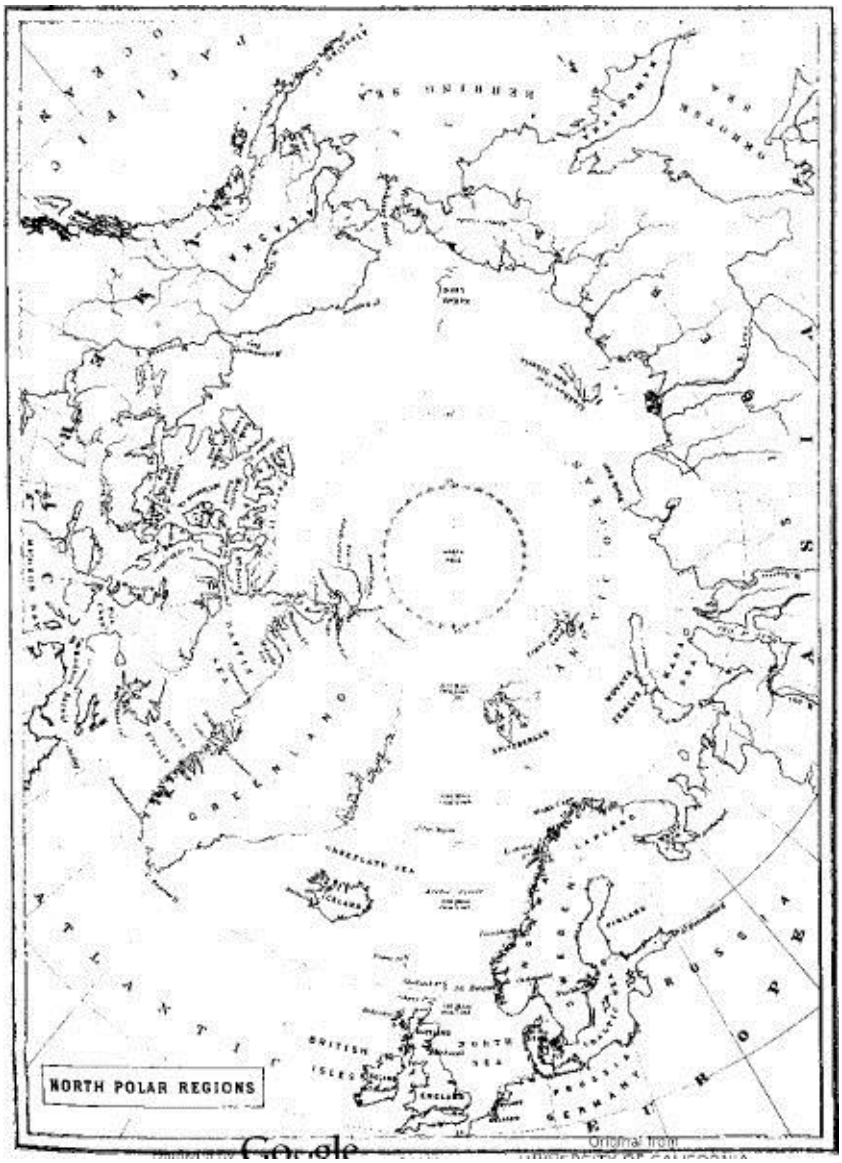
ГЛАВА IX.

(Самоеды — их унизительные суеверия — Самоедский идол в Вайгаце —*Тадебциос* (или духи — влияние*Тадибе* (или колдуна — его способ заклинания — обычаи самоедов — остяки — их*шайтаны* (и) *шаманы* (— Место жительства остяков — Охота на белого медведя — Описание Камчатки — Ее жители — Их физические особенности — Камчатская собака — Ее качества — Ее полезность — Как ее дрессируют — Сибирь и ее племена —Якуты— Их) *ярты* (или хижины — Их выносливые лошади — Характер якутов—Якутские путешественники—Якутские купцы и их караваны—Унылость страны, в которой они живут—Охота на оленей—В Колымске—Тунгусы—Их способ передвижения—Их пища—Чукчи и их земля—Их деятельность как торговцев—Табак, основной товар торговли—Визит к чукчской семье—Тенгыки и укилоны) 208–221

ГЛАВА X.

История открытий в арктических регионах — Экспедиции Торна и Хора — Сэр Хью Уиллоуби — Мартин Фробишер и его приключения — Открытия Дэвиса — Гудзон, его открытие Гудзонского залива, острова Ян-Майен и мыса Волстенхольм — Его судьба — Путешествия Баффина — Дорога к Северному полюсу — Экспедиция Росса и Перри — Вторая экспедиция Перри — Потеря*Фьюри* (—Путешествия по суше — Последняя экспедиция Франклина—Поиски Франклина — Обнаружение останков — Экспедиция капитана Пенни — Открытие северо-западного прохода сэром Робертом Маклюром — Путешествие Маклинтока — Открытия лейтенанта Хобсона — Экспедиция доктора Кейна — Исследование пролива Смита — Открытие ледника Гумбольдта и пролива Кеннеди — Зимовка в арктических регионах — Экспедиция доктора Хейса — Путешествие «Германии»*Германии* и*Ханзы* — Потеря последней — Спасение экипажа на льдине — Прибытие в Гренландию — Приключения*Германии*—Баренц и Карлсен — Австрийская экспедиция под руководством Пайера — Путешествие*Поляриса* — Смерть Холла — Путешествие Тайсона на льдине — Спасение Тигрицей — Капитан Баддингтон покидает*Тигрес* (—Капитан Баддингтон покидает)*Полярис* (—Его зимние кварталы—Путешествие на лодке—Безопасное прибытие—Британская экспедиция 1875–76 годов—Отправление) *Аларта* (и) *Дискавери* (—Рассказ об экспедиции—Зимние развлечения—Санные прогулки— 222–337

)Важные открытия—Нет дороги к полюсу—Возвращение домой—Круиз Пандоры



СЕВЕРНЫЕ ПОЛЯРНЫЕ РЕГИОНЫ

Список иллюстраций.

1. ЭКИПАЖ «ХАНСЫ» ТЯНЕТ ЛОДКИ ПО ЛЬДУ (ФРОНТИСПИС).

2. ЛЕДЯНАЯ ПУСТЫНЯ В АРКТИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ, 13

3. БОЛОТА ОБИ, 16

4. В ЛЕСНОЙ ЗОНЕ СЕВЕРА (ПОЛНАЯ СТРАНИЦА), 17

5. ПОЛУНОЧНОЕ СОЛНЦЕ (ПОЛНАЯ СТРАНИЦА), 23

6. У ПОБЕРЕЖЬЯ ГРЕНЛАНДИИ, 25

7. ЛУННЫЙ СВЕТ В ПОЛЯРНОМ МИРЕ, 26

8. СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ, 28

9. СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ — КОРОНА, 29

10. АТМОСФЕРНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В АРКТИЧЕСКИХ РЕГИОНАХ: ОТРАЖЕНИЕ АЙСБЕРГОВ, 32

11. ПРИХОД ВЕСНЫ В ПОЛЯРНЫХ РЕГИОНАХ, 35

12. БОЛЬШАЯ МЕДВЕДИЦА И МАЛЕНЬКАЯ МЕДВЕДИЦА, 36

13. ТУМАННОСТЬ В АНДРОМЕДЕ, 39

14. АРКАЛЬНЫЙ АЙСБЕРГ У ПОБЕРЕЖЬЯ ГРЕНЛАНДИИ, 42

15. СРЕДИ АЙСБЕРГОВ — УЗКИЙ ПУТЬ К СПАСЕНИЮ, 43

16. АЙСБЕРГ И ЛЕДОВОЕ ПОЛЕ, ЗАЛИВ МЕЛВИЛЛ, ГРЕНЛАНДИЯ, 45

17. ПРОИСХОЖДЕНИЕ АЙСБЕРГОВ — ПРОДОЛЖЕНИЕ ЛЕДНИКА В СТОРОНУ МОРЯ, 47

18. ЛЕДНИК АЛЕТШ, ШВЕЙЦАРИЯ, ВИД С ЭГГИШХОРНА, С МОРЕНАМИ 48

19. МОРЕ МАРЖЕЛЕН, ШВЕЙЦАРИЯ 48

20. ПАДЕНИЕ АЙСБЕРГА (ПОЛНАЯ СТРАНИЦА), 51

21. В ЛЕДОВОМ ПАКЕТЕ, ЗАЛИВ МЕЛВИЛЛ, 53

22. КАНАЛ В ЛЕДОВОМ ПОЛЕ, 54

23. «ЗАМЕРЗШИЙ» В ЛЕДОВОМ ПОЛЕ, 54

24. СРЕДИ ЛЕДОВЫХ ГОРБОВ (ПОЛНАЯ СТРАНИЦА), 57

25. ОХОТА НА МОРЖЕЙ, 61

26. МОРЖИ, ИЛИ МОРСЫ, 63

27. СЕМЬЯ МОРЖЕЙ, 64

28. БОРЬБА МЕЖДУ МОРЖОМ И БЕЛЫМ МЕДВЕДЕМ, 64

29. ЛОДКА, НАПАДЕННАЯ МОРЖОМ (ПОЛНАЯ СТРАНИЦА), 65

30. БОРЬБА С МОРЖОМ, 68

31. СТАДА ТЮЛЕНЕЙ, В БЛИЗИ ОТ ДЬЯВОЛОВОГО ПАЛЬЦА, МОРЕ БАФФИНА, ГРЕНЛАНДИЯ, 71

32. ОБЫЧНАЯ ТЮЛЕНЬ, 73

33. СТРЕЛЬБА ПО ПЕЧАТИ, 74

34. ОТАРИ, 75

35. КАПЮШОННАЯ ТЮЛЕНЬ, 76

36. ЭСКИМОССКИЙ ОХОТНИК НА ТЮЛЕНЕЙ, 77

37. ГРЕНЛАНДСКИЙ КИТ, 79

38. НАРВАЛЫ, САМЦЫ И САМКИ, 82

39. СТАЯ ДЕЛЬФИНОВ, 83

40. БЕЛЫЕ МЕДВЕДИ, 84

41. МЕДВЕДЬ ЛОВИТ ТЮЛЕНЯ, 86

42. Медведи уничтожают тайник, 88

43. БОРЬБА С БЕЛЫМ МЕДВЕДЕМ (ПОЛНАЯ СТРАНИЦА), 89

44. ПРЕСЛЕДОВАНИЕ МЕДВЕДЯ, 94

45. МОРСКИЕ ПТИЦЫ В ПОЛЯРНЫХ РЕГИОНАХ, 97

46. БОЛЬШАЯ АУКА — БРИТВИЦЫ — ТУПИЦЫ, 98

47. ТУПИКИ, 99

48. (ГОГАН), 100

49. ПТИЧИЙ «БАЗАР» НА НОВОЙ ЗЕМЛЕ (ПОЛНОСТЬЮ СТРАНИЦА), 101

50. ЧЕРНОСПИННАЯ ЧАЙКА, 103

51. ГАГАРА, 103

52. ОСТАНОВКА ДИКОГО ЛЕБЕДЯ, 105

53. РАЗЛИЧНЫЕ ФОРМЫ СНЕЖНЫХ КРИСТАЛЛОВ, 109

54. ВЫСТАВКА ЛЕДЯНЫХ ЦВЕТОВ ПО ПРОЕКЦИИ, 110

55. ЛЕДЯНЫЕ ЦВЕТЫ, 110

56. ПЛАВЯЩИЙСЯ ЛЕД, 112

57. ПОЛЬАРНЫЙ ЛЕДНИК, 118

58. ЛЕДНИК, АНГЛИЙСКАЯ БУХТА, ШПИЦБЕРГЕН, 119

59. ЛЕДНИК, БЕЛЛ-САУНД, ШПИЦБЕРГЕН, 120

60. ПАРОХОД «ЧАРДЖИНГ» У АЙСБЕРГА, УПЕРНАВИК, ГРЕНЛАНДИЯ (ПОЛНАЯ СТРАНИЦА), 121

61. ПРОХОЖДЕНИЕ МЕЖДУ ЛЬДАМИ (ПОЛНАЯ СТРАНИЦА), 125

62. ЛЕДНИК СЕРМИАТСИАЛИК, ГРЕНЛАНДИЯ (ПОЛНАЯ СТРАНИЦА), 129

63. PROTOCOCCUS NIVALIS, 136

64. ДИКИЙ СЕЛЬДЕРЬ, 145

65. МУСКОВЫЙ БЫК, 150

66. АРКТИЧЕСКИЕ ЛИСЫ, 152

67. ЛИСИЦА-ЛОВУШКА, 153

68. ГОРНОСТЯК ИЛИ СОБАЧЬЯ КУНИЦА, 156

69. РОСОМАНА, ИЛИ ВОЛКОВИНА, 157

70. ПРОСОТА, 160

71. Исландский пейзаж, 163

72. ГОРА ХЕКЛА, ИЗ ДОЛИНЫ ХЕВИТА, 164

73. БОЛЬШОЙ ГЕЙЗЕР, 166

74. ГАВАНЬ РЕЙКЬЯВИКА, 169

75. Исландцы, ловящие нарвалов, 174

76. УПЕРНАВИК, ГРЕНЛАНДИЯ, 176

77. ОСТРОВ ДИСКО, ГРЕНЛАНДИЯ, 177

78. ГОДХАВН, ОСТРОВ ДИСКО, ГРЕНЛАНДИЯ, 177

79. ДАНСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ЯКОБСХАВН, ГРЕНЛАНДИЯ, 178

80. СТРОИТЕЛЬСТВО ЭСКИМОСКОЙ ХИЖИНЫ, 181

81. ЭСКИМОССКИЙ КАЯК, 182

82. ЭСКИМОСКИЙ ООМИАК, 183

83. ДОКТОР ХЕЙЗ ВСТРЕЧАЕТ ОХОТНИКА ХАНСА (ПОЛНАЯ СТРАНИЦА), 187

84. ЭСКИМОСОВСКИЕ СОБАКИ, 191

85. ЭСКИМОССКАЯ УПРЯЖКА И КОМАНДА (ПОЛНАЯ СТРАНИЦА), 193

86. ПОЛЮСНЫЕ ОЛЕНИ В ЛАПЛАНДИИ, 200

87. ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ЛАПЛАНДИИ, 201

88. РЫБАКИ-ЛАППЫ, 203

89. ХИЖИНЫ САМОЕДОВ НА ОСТРОВЕ ВАЙГАТЦ 209

90. СЕМЬЯ САМОЕДОВ, 210

91. ЯКУТСКИЙ ОХОТНИК И МЕДВЕДЬ, 212

92. КАМЧАТЦЫ, 213

93. КАМЧАТСКИЙ САНИ И УПРЯЖКА, 215

94. ПОТЕРЯ «БЕЛКИ», 224

95. КОРАБЛЬ СЕДЕМНАДЦАТОГО ВЕКА, 225

96. ПЕЙЗАЖ ЯНА МАЙЕНА, 226

97. «ХЕКА» И «ФЮРИ» ЗИМУЮТ НА ОСТРОВЕ УИНТЕР, 229

98. КОРАБЛЬ «FURY», БРОШЕННЫЙ ПАРРИ, 230

99. ОБНАРУЖЕНИЕ КАИРНА, СОДЕРЖАЩЕГО ДОКУМЕНТЫ СИРА ДЖОНА ФРАНКЛИНА, 235

100. РЕЛИКВИИ ЭКСПЕДИЦИИ ФРАНКЛИНА, ВОЗВРАЩЕННЫЕ В АНГЛИЮ, 235

101. ОБНАРУЖЕНИЕ ОДНОЙ ИЗ ЛОДОК ЭКСПЕДИЦИИ ФРАНКЛИНА, 236

102. ТРИ БРАТЬЯ-ТУРЕЛИ 238

103. МОРТОН НА БЕРЕГУ ПРЕДПОЛАГАЕМОГО ПОЛЯРНОГО ОКЕАНА, 240

104. ДОКТОР КЕЙН ПОСЕЩАЕТ ХИЖИНУ ЭСКИМОСОВ В ЭТАХЕ, 241

105. ПОПЫТКА ПОймать МЕДВЕДЯ ЛАСО (ПОЛНАЯ СТРАНИЦА), 247

106. ПОЛУНОЧНОЕ СОЛНЦЕ, ГРЕНЛАНДИЯ, 249

107. МЕДВЕДЬ НА ЯКОРЕ, 249

108. КАТАНИЕ НА КОНЬКАХ — У ПОБЕРЕЖЬЯ ГРЕНЛАНДИИ, 250

109. СНЕЖНЫЕ ЛИННЕТЫ И ОТЫВЫ, ПОСЕТИВШИЕ ЭКИПАЖ «ХАНСЫ», 254

110. ЭКИПАЖ «ХАНСЫ» БИВАКУЕТ НА ЛЬДУ (ПОЛНАЯ СТРАНИЦА), 255

111. ПРЕСТУПНИК-НЕВЕЖА, 259

112. ОХОТА НА МЕДВЕДЕЙ, ГРЕНЛАНДИЯ, 260

113. «В ВОДЯНОЙ ПРОМЕЖУТОК», 261

114. ЭКИПАЖ «ГЕРМАНИИ» В СНЕЖНОЙ БУРЕ (ПОЛНАЯ СТРАНИЦА), 263

115. МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ДОМА, 266

116. НАПАДЕНИЕ НА МЕДВЕДЯ, 267

117. УСТАНОВКА ЛИСИЦЫХ ЛОВУШЕК, 268

118. ОБЛЕГЧЕНИЕ, 269

119. ПОХОРОНЫ КАПИТАНА ХОЛЛА (ПОЛНАЯ СТРАНИЦА), 273

120. АРКТИЧЕСКАЯ СНЕЖНАЯ БУРЯ, 276

121. КОВБОИ НА ЛЬДУ (ПОЛНАЯ СТРАНИЦА), 279

122. ДРЕВЕТЬ НА КОРОЧКЕ ЛЬДА, 281

123. СПАСЕНИЕ ЛОДКИ КАПИТАНОМ ТАЙСОНОМ, 282

124. ИГЛУ, ПОСТРОЕННОЕ КОРАБЛЕБРОСАННЫМИ 283

125. ХАНСА ПРИНЯЛИ ЗА МЕДВЕДЯ, 284

126. ТРУДНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ (ПОЛНАЯ СТРАНИЦА), 285

127. НАПРАВЛЯЮЩИЙ СВЕТ, 287

128. ТЯНУЩИЙ ТЮЛЕНЯ, 288

129. ВОЗВРАЩЕНИЕ СОЛНЦА (ПОЛНАЯ СТРАНИЦА), 289

130. СТРЕЛЬБА ПО НАРВАЛУ, 291

131. ТЯНУТ ООГДЖУК, 292

132. ЭФФЕКТ СОЛНЕЧНОГО СВЕТА В АРКТИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ (ПОЛНАЯ СТРАНИЦА), 293

133. ПЕРВОЕ ВИДЕНИЕ КИТА, 295

134. ВСТРЕЧА С ПОлярным МЕДВЕДЕМ, 296

135. АРКТИЧЕСКИЙ ЛЕДОВОЙ ПЕЙЗАЖ (ПОЛНАЯ СТРАНИЦА), 297

136. НА БОРТУ ЛОДКИ, 299

137. РАЗБИВАНИЕ ЛЬДА, 300

138. ДЖО ЛОВИТ ТЮЛЕНЯ, 300

139. НОЧЬ СТРАХА (ПОЛНАЯ СТРАНИЦА), 301

140. «ВОДЯНОЙ АД», 303

141. ПЕРЕНОС ЛОДКИ НА КОРОЧКУ ЛЬДА, 304

142. ДЕРЖАСЬ ЗА ЛОДКУ (ПОЛНАЯ СТРАНИЦА), 305

143. СПАСЕНЫ! (ПОЛНАЯ СТРАНИЦА), 309

АРКТИЧЕСКИЙ МИР.

ГЛАВА I.

СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС — ПОРОГ НЕИЗВЕСТНОГО МИРА — ЦИРКУМПОЛЯРНЫЕ РЕГИОНЫ — ФЛОРА СЕВЕРА — ЖИЗНЬ В ПОЛЯРНОМ МИРЕ — СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ И СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ПРОХОДЫ.

Как известно читателю, полюса — это две крайние точки оси, вокруг которой вращается Земля. Следующие страницы будут посвящены Северному полюсу и окружающим его регионам.

Жители Западной Европы, и в особенности жители Британских островов, испытывают особый интерес к северным полярным регионам. Получая богатство и влияние благодаря своим торговым предприятиям, а также благодаря тому, что эти торговые предприятия ведут их корабли и моряков в самые дальние моря, они неизбежно жизненно заинтересованы в открытии кратчайшего пути от той стороны Земли, на которой они живут, к другой, восточной стороне; и это тем более важно, что Восток богат природными ресурсами, которые имеют большую ценность для народов Запада.

Теперь, взглянув на карту, читатель увидит, что торговцы Западной Европы — британцы, французы, голландцы, скандинавы — расположены на северных берегах Атлантического океана, и что для достижения Тихого океана или Индийского океана в настоящее время открыты только два маршрута. Например, они могут пересечь Атлантический океан до американского побережья и, держась южнее, пройти через бурный пролив Магеллана или обогнуть мрачный мыс Горн в Тихом океане, а затем, преодолев несколько тысяч миль по воде, продолжить путь в Австралию, Индостан или Китай; или же они могут держаться вдоль африканского побережья до мыса Доброй Надежды, его самой южной точки, и таким образом пересечь теплые тропические моря до Индии и Восточного архипелага. В последние годы был открыт третий, *искусственный* маршрут: корабли, входящие в Средиземное море, могут пройти через Суэцкий канал в Красное море. Но этот последний маршрут не подходит для парусных судов, и все три маршрута являются трудоемкими и медленными. Насколько сократилось бы расстояние, если бы можно было плавать по северным морям и, держась северного побережья американского континента, спуститься по Берингову проливу в Тихий океан! Другими словами, если бы был осуществим Северо-Западный проход, который на протяжении трех веков наши географы и исследователи так усердно и мужественно пытались открыть! Но еще более короткий маршрут открылся бы, если бы мы могли следовать по линии, проходящей от Британских островов прямо через Северный полюс к Берингову морю и Алеутскому архипелагу. Эта линия не превышала бы 5000 миль в длину и сократила бы путь из Великобритании в Японию, Китай и Индию до очень короткого. Мы смогли бы добраться до Японии за три или четыре недели, что дало бы очевидное преимущество для нашей обширной торговли.

Однако до сих пор все попытки проложить этот маршрут и открыть эту великую океанскую магистраль между Европой и Азией заканчивались неудачей. Человек был остановлен природой: льдом, морозом, ветрами и климатическими условиями. С героическим упорством он пытался достичь открытого моря, которое, как полагают, окружает полюс, но ледяной барьер неизменно останавливал его продвижение. Его исследования привели его примерно в 500 милях от желанной точки, но он до сих пор не может сделать ни шага за пределы этого крайнего предела географических открытий. Непосредственно вокруг Северного полюса, в радиусе от восьми до десяти градусов или более, в зависимости от местности, все еще лежит Неизвестная область, на пороге которой

стоит наука, с нетерпением ожидая того дня, когда человеческие умение и мужество проникнут в ее безлюдные просторы и раскроют ее секреты.

Эта неизвестная область занимает площадь в 2 500 000 квадратных миль; это огромная часть земной поверхности, которая остается неизвестной цивилизованному человеку. Ее дальнейшее исследование, если оно будет осуществимо, не может не принести ценных результатов. Оно не только обеспечит кратчайший путь с Запада на Восток, из прогрессивной Европы в консервативную Азию, из Атлантики в Тихий океан, но и, несомненно, в значительной степени пополнит наши запасы научной информации. Сэр Эдвард Сэбин, безусловно, прав, когда говорит, что это величайшее географическое достижение, которое только можно предпринять, и что оно станет венцом тех арктических исследований, в которых Англия до сих пор занимала лидирующие позиции.

Мы можем кратко указать читателю некоторые преимущества, которые можно ожидать от исследования Неизвестного региона. Это, несомненно, продвинет науку гидрографии и приведет к решению некоторых из наиболее сложных проблем, связанных с экваториальными и полярными океаническими течениями, этими великими движениями вод, о которых мы пока знаем так мало.

Говорят, что серия маятниковых наблюдений на Северном полюсе и в его окрестностях принесла бы огромную пользу геологической науке. В настоящее время из-за недостатка данных мы не можем сформулировать математическую теорию физического состояния Земли и точно определить ее конфигурацию. Маятниковые наблюдения не проводились ближе, чем в 600–620 милях от Северного полюса.

Кроме того, какая ценная информация о странных и удивительных явлениях магнетизма и атмосферного электричества была бы получена! Сколько нам еще предстоит узнать об авроре, которую можно наблюдать только в высоких широтах, в точке, которая, по-видимому, представляет собой магнитный фокус или центр, или вблизи нее!

Г-н Маркхэм также указал, что на климат Европы в значительной степени влияют атмосферные условия полярного региона, в котором развитие чрезвычайно низких температур неизбежно приводит к соответствующим экстремальным изменениям давления и другим атмосферным возмущениям, влияние которых распространяется далеко в умеренную зону. Для адекватной оценки этих явлений, по словам г-на Маркхэма, необходимо точное знание распределения суши и воды в полярном регионе; и любое дополнение к нашим знаниям об этой неизвестной области, сопровождаемое соответствующими наблюдениями за ее метеорологией, не может не предоставить улучшенные средства для понимания метеорологии нашей собственной страны и Земли в целом.

Несомненно, геология также выиграла бы, если бы мы могли продвинуть наши исследования ближе к полюсу и проложить путь через великий барьер полярного льда. Кроме того, весьма желательно узнать больше об этом интересном классе животных, моллюсках, как наземных, так и водных, пресноводных и морских. И снова: какое широкое поле для исследований открывают полярные ледники; их протяженность, высота, ареал и последствия, вызванные медленным, но непрерывным движением этих огромных ледяных рек по поверхности страны. А ботаник имеет право рассчитывать на открытие многих ценных форм растительной жизни в Неизвестном регионе. Арктическая флора отнюдь не богата, но она особенно интересна. В Гренландии, помимо многочисленных мхов, лишайников, водорослей и т. п., процветают триста видов цветущих растений, все из которых являются уроженцами Скандинавского полуострова; и доктор Джозеф Гукер отмечает, что они практически не содержат примесей американских видов, хотя те встречаются на противоположном побережье Лабрадора. Вероятно, что в теплый период,

предшествовавший ледниковому периоду, скандинавская флора распространилась по всей территории полярных регионов, но в ледниковый период она постепенно была вытеснена в пределы своих нынешних границ, и только более выносливые виды пережили разрушительное воздействие долгой зимы.

А какая выгода была бы от этого зоологу? Ведь это хорошо известный факт, что жизнь изобилует в арктических водах, и особенно теми мельчайшими организмами, которые играют столь важную роль в образовании осадочных отложений и помогают наращивать земную кору. Более того, нам предстоит многое узнать о повадках и местах обитания рыб, иглокожих, моллюсков, кораллов, губок крайних Северных морей.

Существуют вопросы, связанные с миграциями птиц, которые могут быть прояснены только путем исследования Неизвестного региона. Множество людей, которые ежегодно посещают наши берега зимой и весной, летом возвращаются на крайний Север. Это их постоянный обычай, и, очевидно, он не стал бы обычаем, если бы не был признан полезным. Поэтому мы можем предположить, что в зоне, где они часто бывают, они находят немного воды, которая не всегда замерзает; немного земли, на которой они могут дать отдых своим уставшим ногам; и достаточный запас питательной пищи.

У профессора Ньютона мы заимствуем, в связи с этим соображением, краткий отчет о передвижениях одного класса перелетных птиц — Узлов.[1]

Сучок, или кулик, представляет собой нечто среднее между бекасом и ржанкой. Это очень активная и грациозная птица, с довольно длинными ногами, умеренно длинными крыльями и очень коротким хвостом. Он превосходно плавает, но его не часто можно увидеть в воде; он предпочитает собираться со своими собратьями на песчаных морских берегах, где он нащупывает в песке пищу или ловит рыбу в каменных заводях и на мелководье в поисках мелких ракообразных. Он известен как красный, так и пепельный кулик, потому что меняет цвет своего оперения в зависимости от сезона года: ярко-красный летом, сдержанный пепельно-серый зимой. Теперь, весной, узел стремится к нашему острову огромными стаями, и, пробыв на побережье около двух недель, можно проследить, как он постепенно продвигается на север, пока, наконец, не покидает нас. Его заметили в Исландии и Гренландии, но не для того, чтобы он остался; лето там было бы слишком суровым для него, и он уходит все дальше на север. Куда? Где она строит гнездо и выводит птенцов? На несколько недель мы теряем все ее следы: что с ней становится?

К концу лета он возвращается к нам большими стаями, чем раньше, и как старые, так и молодые птицы остаются на наших побережьях до ноября, а в теплое время года даже позже. Затем он улетает на юг и наслаждается голубым небом и благоуханным воздухом до следующей весны, когда возобновляет порядок своих миграций.

Комментируя эти факты, профессор Ньютон приходит к выводу, что земли, которые посещает узел в середине лета, менее стерильны, чем Исландия или Гренландия; ибо, конечно, он не обошел бы стороной эти страны, которые, как известно, являются местами размножения стаев водоплавающих птиц, чтобы обратиться к регионам, не столь хорошо обеспеченным запасами пищи. *Питание*, однако, в основном зависит от *климата*. Поэтому мы приходим к выводу, что за пределами уже исследованных северных районов лежит регион, где летом климат более благоприятный, чем у них.

Населяют ли Неизвестный Регион какие-либо человеческие расы, с которыми мы сейчас не знакомы? Г-н Маркхэм отмечает, что, хотя исследована едва ли половина Арктического мира, все же многочисленные следы прежних обитателей были обнаружены в пустошах, которые в настоящее время погружены в тишину и уединение. Человек, по-видимому,

мигрирует так же, как низшие животные, и вполне возможно, что племена обитают в таинственной внутренней зоне между Полюсом и известными полярными странами.

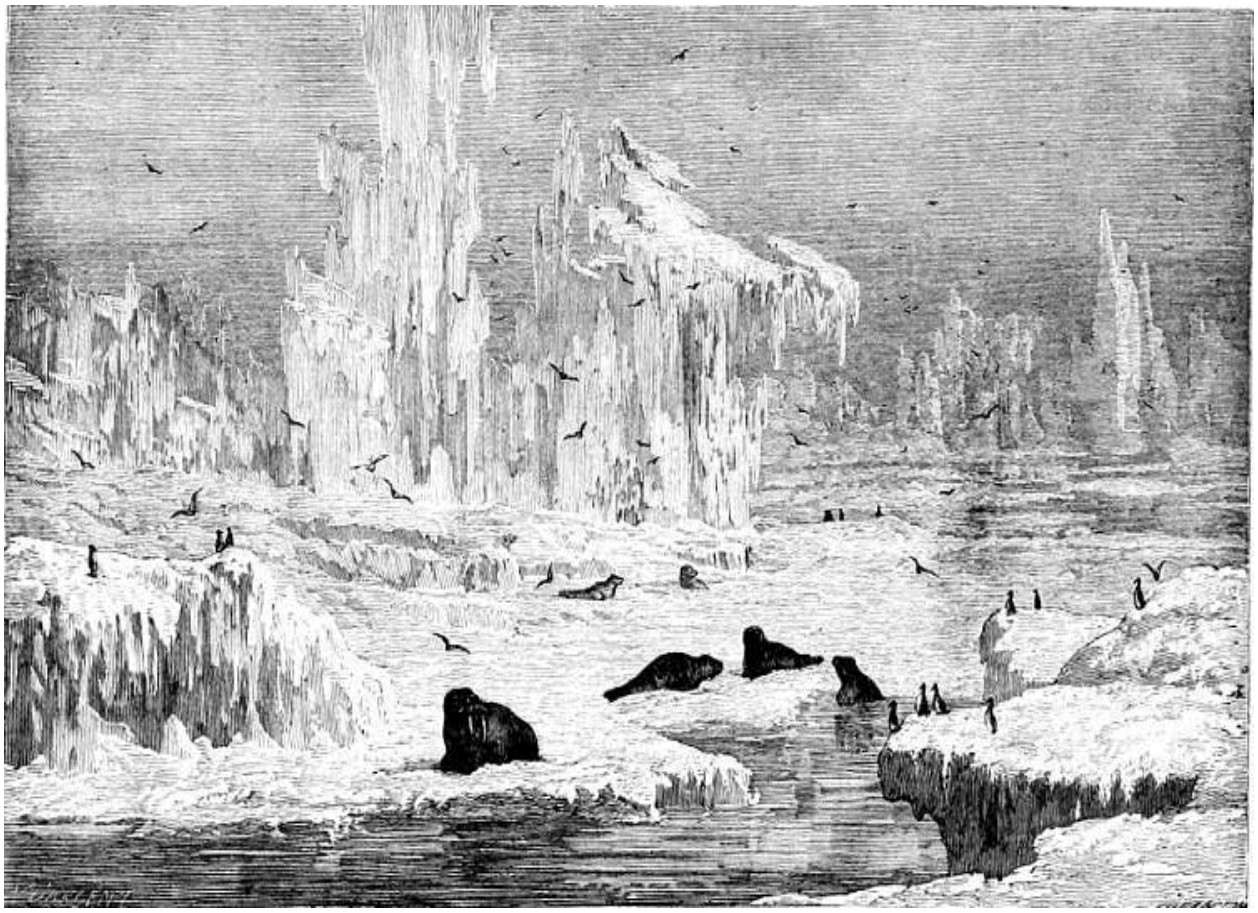
Крайние точки, которых достигли наши исследователи на скованном льдами побережье Гренландии, находятся примерно под 82 ° к западу и 76 ° к востоку; эти две точки находятся примерно в шестистах милях друг от друга. Поскольку человек обитал в обеих этих точках и поскольку они отделены от поселений дальше на юг унылым, пустынным, непригодным для жизни пространством, не является экстравагантным предположением, что неизвестная земля к северу была или является обитаемой. В 1818 году небольшое племя было обнаружено на суровом побережье Гренландии между 76° и 79 ° северной широты; их ареал на юге ограничен ледниками залива Мелвилл, а на севере - колоссальной массой ледника Гумбольдта, в то время как путь вглубь страны им преграждает *Серник-сук*, большой внутренний ледник. Эти так называемые арктические горцы насчитывают около ста сорока душ, и их существование "зависит от открытых водоемов и полос с водой в течение зимы, которые привлекают животных". Везде, где существуют подобные условия, можно найти человека.

Мы знаем, что к северу от ледника Гумбольдта, на самом пороге Неизвестного региона, есть или были обитатели; экспедиция доктора Кейна обнаружила полозья саней, сделанных из кости, лежащие на пляже непосредственно к северу от него. Более того, арктические горцы придерживаются традиции, согласно которой стада овцебыков часто посещают остров, расположенный далеко на севере в незамерзающем море. Следы этих животных были обнаружены экспедицией капитана Холла в 1871-72 годах далеко к северу до 81 ° 30' с.ш.; аналогичные признаки были отмечены и на восточной стороне Гренландии. В 1823 году капитан Клаверинг нашел двенадцать туземцев на мысе Борлаз Уоррен в лат. 79 ° северной широты; но когда капитан Кольдевей из немецкой экспедиции зимовал в том же районе в 1869 году, они исчезли, хотя сохранились следы их пребывания и достаточные средства к существованию. Однако они не могли направиться на юг из-за непреодолимых естественных препятствий; они, должно быть, двигались к Северному полюсу.

Таким образом, мы указали на некоторые результаты, которые можно ожидать от дальнейших исследований в Неизвестной Области. Однако не следует забывать, что "неожиданное случается всегда", и невозможно точно рассчитать последствия, которые могут возникнуть в результате более тщательного расследования. "Колумб, " справедливо сказано, - нашел очень немногих, кто сочувствовал ему или понимал полезность его попытки отправиться в неизведанные просторы вод за Гибралтарским проливом в поисках новой страны. Кто может в настоящее время оценить преимущества, которые последовали за этим приключением? Если теперь станет возможным достичь Полюса и произвести точные наблюдения в этой точке, исходя из отношения, которое Земля имеет к Солнцу и ко всей звездной вселенной, весьма вероятно, что за этим последуют наиболее полезные результаты в более тщательном изучении нашего земного шара ".

Теперь читатель имеет перед собой сведения, которые позволят ему составить представление о масштабах и характере неоткрытой области Полюса. Грубо говоря, с европейской стороны он ограничен 80-й параллелью широты, за исключением нескольких точек, где нашим доблестным исследователям удалось пересечь порог; с азиатской стороны он опускается до 75 °, а к западу от Берингова пролива - до 72°. Таким образом, его ширина варьируется от 500 или 600 до 1400 или 1500 миль. Ниже этих параллелей и ограниченный Полярным кругом или, в некоторых местах, 60-й параллелью, простирается обширный пояс суши и воды, который обычно известен как Арктический или Циркумполярный регионы. Они были более или менее тщательно изучены; и именно описанию их основных черт, форм

животной и растительной жизни и природных явлений мы предлагаем посвятить настоящий том.



ЛЕДЯНАЯ ПУСТЫНЯ В АРКТИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ.

Важно помнить, что северные берега Европы, Азии и Америки проходят по параллели 70°, и что пояс между 70-й и 80-й параллелями, частично исследованный моряками и путешественниками разных стран, является своего рода нейтральной полосой между известным и неизвестным. Мы можем, действительно, сформулировать наше утверждение так; от Полюса до 80-го градуса простирается неизвестное; от 80-го до 70-го - частично известное; в то время как к югу от 70-го мы пересекаем земли и моря, которые полностью завоеваны человеческой предприимчивостью.

Циркумполярная зона включает в себя самые северные части трех великих континентов, Европы, Азии и Америки; и с моря к ней есть три подхода, или шлюзов: один, через Северный океан, между Норвегией и Гренландией; другой, через пролив Дэвиса, — оба они со стороны Атлантики; и третий, через Берингов пролив, — вход со стороны Тихого океана.

Будет видно, что циркумполярные области, как они понимаются сейчас и как мы опишем их на следующих страницах, простираются к югу от воображаемой линии, проведенной географами вокруг Северного полюса, на расстоянии от него, равном наклону эклиптики, или 23° 30’. Внутри этого круга, однако, есть период года, когда солнце не заходит; в то время как есть другой, когда его никогда не видно, когда устойчивый мрак покрывает лик природы, — этот период может быть длиннее или короче в любой данной точке в зависимости от того, ближе эта точка к Полюсу или дальше от него.

Но поскольку животный и растительный мир в значительной степени зависит от климата, можно справедливо сказать, что везде, где преобладает арктический климат, *там*

мы найдем арктический или Полярный регион; и, следовательно, многие страны даже ниже 60-й параллели, такие как Камчатка, Лабрадор и Южная Гренландия, попадают в циркумполярную границу.

Воды, окружающие Северный полюс, носят общее обозначение Северного Ледовитого океана. Но и здесь почти невозможно определить какую-либо однородную границу на юге. Он впадает в Тихий океан примерно через Берингов пролив. 66° Северной широты, и, следовательно, в этой четверти простирается на целых полградуса *за* Северный полярный круг. В проливе Скорсби, как и на мысе Нордкап, где он впадает в Атлантику, его пересекает параллель 71 °, и, следовательно, он не доходит до Северного полярного круга примерно на 4 ° 30’ с.ш.

В Старом Свете Полярный океан, если мы включим в него заливы, простирается в Белом море на целых два градуса *за* Северный круг; в то время как у мыса Северо, самой северной точки Азии, в лат. 78 ° 25’ северной широты, он находится на расстоянии 11 ° 55’ от нее. Наконец, в Новом Свете она повсюду ограничена *внутри* Окружности; целых 5° в Пойнт-Барроу, около 7° 30’ в проливе Барроу и около 3 ° в проливе Гекла и Фьюри.

Мы можем добавить, что с точки зрения температуры большие заливы, известные в память об их первооткрывателях как пролив Дэвиса, Баффинов залив и Гудзонов залив, являются частями Северного Ледовитого океана.

Из более южной части этого великого океана единственная секция, которая была должным образом исследована на расстоянии от континента и в направлении Полюса, - это та, которая омывает северо-восток Америки. Здесь мы встречаемся под собирательным названием Полярный архипелаг со следующими островами: Земля Бэнкса, Земля Волластона, Земля Принца Альберта, Земля Виктории, остров Принца Патрика, Королевские острова принцессы, остров Мелвилл, остров Корнуоллис, Северный Девон, остров Бичи, Земля Гриннелла и Северный Линкольн. Далее к востоку лежат Шпицберген, остров Ян-Майен, Новая Земля, Новая Сибирь и острова Ляхова. Главными проливами и входами являются пролив Ланкастер, пролив Барроу, пролив Смита, залив Риджент, проливы Гекла и Фьюри, пролив Веллингтон и пролив Камберленд; в то время как дальше на запад находятся пролив Белчер, пролив Мелвилл, пролив Макклинток, пролив Бэнкс и пролив принца Уэльского.

Арктические земли состоят из двух четко определенных участков, или зон: лесов и безлесных пустошей.

К последнему относятся острова за полярным кругом, а также значительная часть северных континентов, образующих “пустоши” Северной Америки, а также “тундры” и “степи” Европейской части России и Сибири.

Безлесный характер этой обширной области дикой природы объясняется суровыми морскими ветрами, которые беспрепятственно дуют по островам и ровным берегам Полярного океана, заставляя даже самые сильные растения сгибаться перед ними и стелиться по земле.

Более унылых сцен, чем эти каменистые тундры или их бескрайние болота, нет нигде. Почти единственная растительность - это несколько серых лишайников, несколько унылых черноватых мхов; чахлые цветы или ползучие травы, которые встречаются тут и там, не спасают от единообразного запустения — они служат просто для усиления его мрачного характера. Летом, действительно, тундра полна жизни, ибо инстинкт нереста лосося и осетра побуждает их входить в свои реки и искать тихие уголки своих таинственных озер.

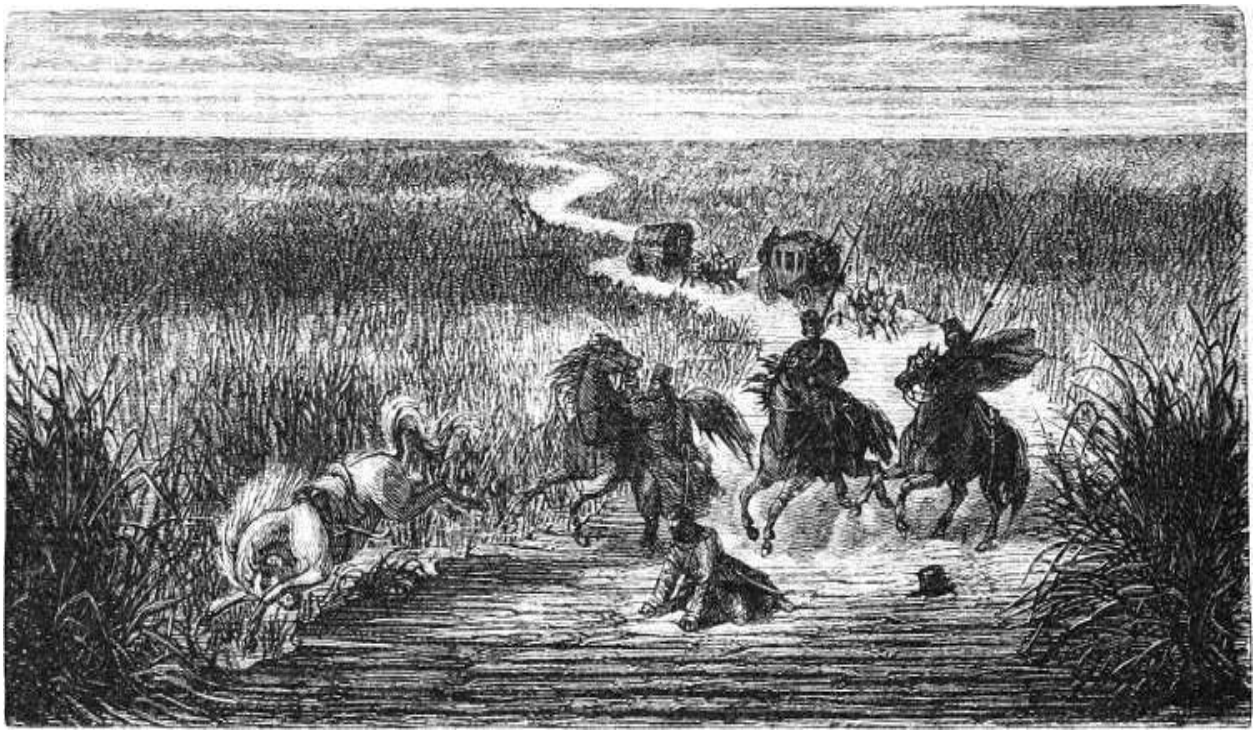
Северные олени собираются в многочисленные стада, чтобы полакомиться травой, нагретой на время восходящим солнцем; шум бесчисленных крыльев возвещает о появлении перелетных птиц, которые выводят потомство на берегах рек и на ровных берегах; а по их следу летят орел и ястреб, нацелившиеся на добычу.

Но с первыми числами сентября на сцене происходят перемены. Животный мир спешит на более благодушный юг; птицы покидают замерзшие пустоши; северный олень уходит под защиту лесов; рыба покидает скованные льдом ручьи; и в безлюдной глуши царит ужасающая тишина, нарушаемая только резким тявканьем лисицы или меланхолическим уханьем снежной совы. В течение примерно восьми или девяти месяцев на выбеленных равнинах лежит глубокий снежный покров. Никакие веселые солнечные лучи не озаряют его розовым сиянием; небо тусклое и темное, и кажется, что Природа погрузилась в вечную Ночь.

Но какими бы пустыми и унылыми ни казались бескрайние снежные просторы, в этих далеких северных регионах человек чувствует себя в безопасности. Это обеспечивает необходимую защиту скудной растительной флоры от суровых условий долгого зимнего сезона. В заливе Ренсселер доктор Кейн обнаружил, что, когда температура поверхности упала до -30 °, температура на глубине в два фута составила -8 °, на глубине в четыре фута + 2 ° и на глубине в восемь футов + 26 °, или не более чем на 6 ° ниже точки замерзания. Следовательно, под своим толстым ледяным покровом арктические травы и лишайники с трудом выживают и способны поддерживать его до тех пор, пока летнее солнце полностью не оживит их. Именно благодаря этому мудрому и благотворному положению в самых высоких широтах исследователь обнаруживает некоторые слабые формы растительности. Таким образом, как напоминает нам Хартвиг, Мортон собрал крестоцветного на мысе Конституции в Северной Широте. 80° 45’ северной широты; а доктор Кейн - на берегу реки Минтурн в Южной Широте. 78 ° 52’, где росли цветы, которые, хотя и были полностью арктическими по своему типу, были яркими и насыщенно окрашенными, включая пурпурный лихнис, звездчатую рябину и гесперис, а также фестуку и другие хохлатые травы.

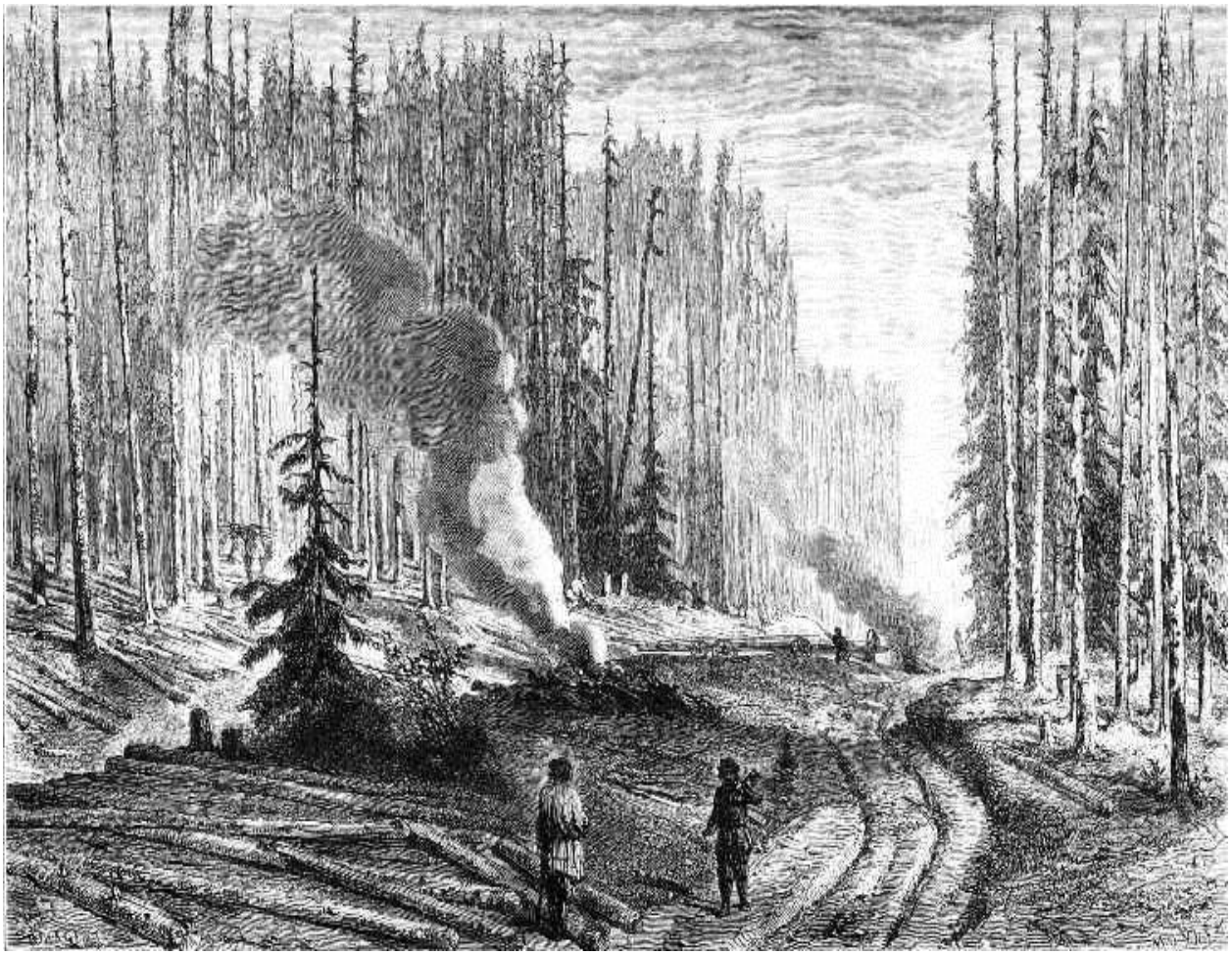
В тундрах наиболее распространенными растительными формами, наряду с лишайниками и мхами, являются злаки, крестоцветные, камнеломки, кариофилы и сложноцветные. По мере продвижения на север их становится все меньше и меньше, но количество отдельных растений не уменьшается. Там, где почва довольно сухая, мы обнаружим обширную поросль лишайников; на более влажных участках они перемешаны с хорошо известным исландским мхом. Лишайники встречаются повсюду, за исключением редких участков лугов, лежащих у подножия защищенных холмов, или в тех аллювиальных пойменных впадинах, которые густо заросли “шепчущим тростником” и карликовыми ивами.

Нелегко точно проследить границу между тундрой и лесной зоной. Первые опускаются на юг, а вторые продвигаются на север в соответствии с преобладающими климатическими влияниями; следуя изотермическим линиям равномерной температуры, а не математическим границам географических параллелей широты. Там, где земля волнистая, а холмистые гряды смягчают ярость ледяных порывов, леса вторгаются в каменистый безлесный регион; но пустынные равнины переходят в лесистую зону в местах, где океанские ветры дуют с неограниченной силой.



БОЛОТА ОБИ.

Самая южная граница “пустошей” находится на Лабрадоре, где они спускаются к 57° северной широты; и это неудивительно, если вспомнить об особом положении этого мрачного полуострова, с трех сторон омываемого ледяными морями, а с севера над ним дуют холодные ветры. На противоположных берегах Гудзонова залива они не опускаются ниже 60 °; и они продолжают повышаться по мере продвижения на запад, пока в долине Маккензи мы не обнаруживаем высокие заросли леса, достигающие к северу 68 ° или даже 70 °. Оттуда они постепенно отступают, пока на суровом берегу Берингова моря не поднимутся выше 65°. Пересекая восточный континент, мы находим, что они начинаются в стране тусков (или Чукчей) на 63 °, а оттуда постепенно вторгаются в тундры, пока у Лены не достигнут 71°. От Лены до Оби тундры сменяются лесами, а в долине Оби спускаются ниже полярного круга; но от Оби до скандинавского побережья леса сменяются тундрами, заканчиваясь, после многих вариаций, на 70° широты.



В ЛЕСНОЙ ЗОНЕ СЕВЕРА.

Результат, к которому приводит нас этот быстрый обзор, заключается в том, что "тундры" или “пустоши” Европы, Азии и Америки занимают площадь большую, чем вся Европа. Сибирская дикая местность более обширна, чем африканская Сахара или южноамериканские пампасы. Но еще более обширными по площади являются арктические лесные регионы, которые простираются “почти непрерывным поясом” через три четверти земного шара шириной от 15 ° до 20°, то есть от 1000 до 1400 миль. Особенностью этих приполярных лесов является то, что они почти полностью состоят из хвойных пород и что часто обширное пространство на протяжении многих лиг покрыто одним видом ели или сосны.

“Это первобытный лес. Шумящие сосны и болиголов,

Покрытый мхом, в одежде зеленой, неразличимой в сумерках,

Стойте, как полевые Друиды, с голосами печальными и пророческими,

Стойте, как арфисты хора, с бородами, которые падают им на грудь”.

Американские виды, однако, отличаются от азиатских или европейских. В то время как на территориях Гудзонова залива растут белая и черная ель,[2] канадская лиственница,[3] и серая сосна[4]; в Скандинавии и Сибири процветают сибирская пихта и лиственница[5] *Picea olovata* и *Pinus umbra*. Но как в Старом, так и в Новом Свете береза вытесняет ель и сосну, а по берегам рек и озер карликовые ивы образуют огромные и почти непроходимые заросли. В

арктических лесах также растут различные виды ясеня, бузины и служебного дерева; и хотя фруктовых деревьев совершенно не хватает, и человек, и зверь находят большое благо в чернике, клюкве, болотных ягодах и тому подобном, которые в изобилии растут во многих местностях.

Ареал арктической флоры включает Гренландию в западном полушарии и значительно простирается к югу от Полярного круга, особенно на побережьях, где достигает параллели 60 ° Северной широты и даже пересекает ее.

В Гренландии растительность носит более арктический характер, чем даже в Исландии. Долины покрыты болотными растениями и тусклыми мхами; мрачные скалы покрыты лишайниками; в то время как травы на лугах, граничащих с фьордами и заливами, почти в четыре раза менее разнообразны, чем в Исландии.

Флора Исландии приблизительно соответствует флоре Великобритании, однако в нее включено только каждое четвертое британское растение. Общее число видов может быть исчислено восемьюстами семьюдесятью, из которых более половины цветут; это соотношение больше, чем преобладает в Шотландии, но тогда только тридцать два имеют древесную текстуру. Они разбросаны группами в зависимости от того, предпочитают ли они болотистую, вулканическую, сухую или морскую почву. Многие цветут в непосредственной близости от горячих источников; некоторые недалеко от края бассейна Большого гейзера, где все остальные растения окаменели; и несколько видов конферве произрастают в источнике, вода в котором, как говорят, достаточно горячая, чтобы сварить яйцо.

Ознакомившись с природой арктических лесов, читатель будет готов узнать, что они не населены, как тропические, стаями животных; и не наполнены музыкой благодаря пению птиц, как наши европейские леса. Даже эхо молчит, за исключением тех случаев, когда хриплый ветер доносит до них своеобразный крик северного оленя, вой волка или резкий крик какой-нибудь хищной птицы. Жизнь насекомых, однако, активна и обильна, и наши арктические путешественники сильно пострадали от легионов мошек, населяющих их болотистые уголки.

Переходя из лесного региона в безлесные пустоши, мы можем еще раз взглянуть на их поразительно впечатляющие черты. К северу от 62-й параллели кукуруза не может созреть из-за губительной силы ветров, дующих с Северного Ледовитого океана. По мере нашего продвижения на север перед нами простирается обширная область запустения: соляные степи, каменистые равнины, бескрайние болота и озера с соленой и пресной водой. Холод настолько ужасен, что губчатая почва постоянно промерзает на глубину нескольких сотен футов под поверхностью; а сама поверхность, хотя и не оттаивает до конца июня, к середине сентября снова сковывается льдом. Один из самых наглядных зарисовок сибирской пустыни, с которыми мы знакомы, сделан адмиралом фон Врангелем, совершившим зимнее путешествие от устья Колымы до Берингова пролива.

Здесь, говорит он, бесконечные снега и покрытые коркой льда скалы сковывают горизонт; Природа окутана всем, кроме вечной зимы; жизнь - это постоянная борьба с лишениями и ужасами холода и голода; могила Природы, содержащая только кости другого мира. Люди и даже снег испускают постоянный пар; и этот пар мгновенно превращается в миллионы ледяных иголок, которые издают в воздухе шум, подобный шороху рвущегося атласа или толстого шелка. Северные олени уходят в лес или сбиваются в кучу в поисках тепла; и только ворон, темная птица зимы, все еще рассекает морозный воздух тяжелыми

крыльями, оставляя за собой длинный шлейф тонкого пара, отмечающий направление его одинокого полета. С громким лязгом ломаются стволы самых толстых деревьев, каменные глыбы срываются со своих мест, земля в долинах раскалывается на мириады трещин, из которых вода, находящаяся под ними, пузырится, выбрасывая клубы дыма, и немедленно превращается в лед. Атмосфера становится плотной, сверкающие звезды тускнеют. Собаки у хижин сибиряков зарываются в снег, и их вой с интервалом в шесть-восемь часов нарушает общую зимнюю тишину.

Обилие пушных зверей в менее суровых районах тундры побудило отважных русских колонизировать и строить города на этих границах Замерзшего Мира. Якутск, расположенный на реке Лена, на 62° 1' 30" северной широты, можно считать, пожалуй, самым холодным городом на Земле. Земля постоянно промерзает на глубину более 400 футов, из которых только три фута оттаивают летом, когда термометр по Фаренгейту часто показывает 77 ° в тени. Однако зимой суровость климата настолько велика, что ртуть постоянно замерзает на два, а иногда и на три месяца.

Из данных, изложенных на предыдущих страницах, читатель сделает вывод, что, как действительно следует из физических законов, линия вечных снегов будет опускаться все ниже и ниже по мере продвижения к полюсу. Под линией вечного снега мы, конечно, подразумеваем предел, выше которого держится постоянный мороз. Этот предел варьируется в зависимости от климата. Чем ниже температура, тем ниже снежный покров; чем выше температура, тем выше снежный покров. В тропиках он не опускается ниже вершин самых высоких гор. Таким образом, на расстоянии 1° от экватора, где средняя температура на уровне моря составляет 84°.2, линию снежного покрова следует искать на высоте 15 203 футов; на 51° 30’ северной широты, широте Лондона, она обычно находится на высоте около 5900 футов; в лат. 80 °, где средняя температура составляет 33 ° .6, она опускается до 457 футов. Эти цифры, однако, отражают его *нормальные* высоты; но температура, как мы все знаем, сильно зависит от местных условий, и поэтому линия вечных снегов сильно варьируется по высоте. По уже объясненным причинам снежный покров в Приполярных регионах опускается до очень низкого уровня; и, следовательно, многие горные районы или возвышенные равнины, такие как Шпицберген, Гренландия и Новая Земля, которые в более умеренном климате расцвели бы изумрудными склонами и колышущимися лесами, покрыты огромными ледниками и ледяными полями с, по-видимому, бесконечными просторами нетронутого снега.

Следует, однако, отметить, что нигде линия вечных снегов не спускается к кромке воды; нигде зимние чары полностью не лишили жизни всю растительность. Лишайники и травы, которыми северный олень добывает себе пропитание, встречаются около 80 ° северной широты; даже на ужасных равнинах острова Мелвилл снег тает в середине лета; а пустыни Новой Сибири служат пищей для значительного числа леммингов. Насколько человек продвинулся на север, говорит популярный и точный писатель, повсюду было обнаружено, что растительность, поддерживаемая защищенным положением и преломлением солнечного тепла от скал, поднимается на значительную высоту над уровнем моря; и если на Северном полюсе есть суша, мы можем разумно предположить, что она не лишена ни животной, ни растительной жизни. Было бы совершенно неверно делать вывод, что зимний холод неизменно усиливается по мере приближения к Полюсу, поскольку температура суши зависит от многих других причин, помимо ее широты. Даже в самых северных регионах, посещаемых человеком, влияние моря, особенно там, где благоприятствуют теплые

течения, значительно смягчает суровость зимы и в то же время уменьшает летнюю жару. С другой стороны, большие континентальные районы Азии или Америки, которые наклонены к полюсу, отличаются более суровой зимой и более суровым летом, чем многие прибрежные земли или острова, расположенные намного ближе к полюсу. Например: у западных берегов Новой Земли, выходящих на широкое морское пространство, средняя зимняя температура составляет всего -4 °, а средняя летняя температура очень мало поднимается выше точки замерзания воды (+ 36 ° 30’); в то время как в Якутске, расположенном в центре Сибири и на 20 ° ближе к Экватору, зимой температура составляет -36 ° 6’, а летом + 66 ° 6’.

Но хотя таковы физические условия Полярных регионов, не следует предполагать, что Природа носит только суровый и отталкивающий вид. Есть что-то прекрасное в бескрайних просторах заснеженной равнины при свете безоблачной луны; что-то величественное в колоссальных ледниках, заполняющих отдаленные арктические долины; что-то живописное в многочисленных айсбергах, величественно плывущих по темным полярным водам; что-то таинственное и чудесное в сиянии Северного сияния, которое озаряет тьму зимних ночей великолепием небесных огней. Закон компенсации преобладает на крайнем Севере, как и в ярких и буйных регионах Тропиков.

ГЛАВА II.

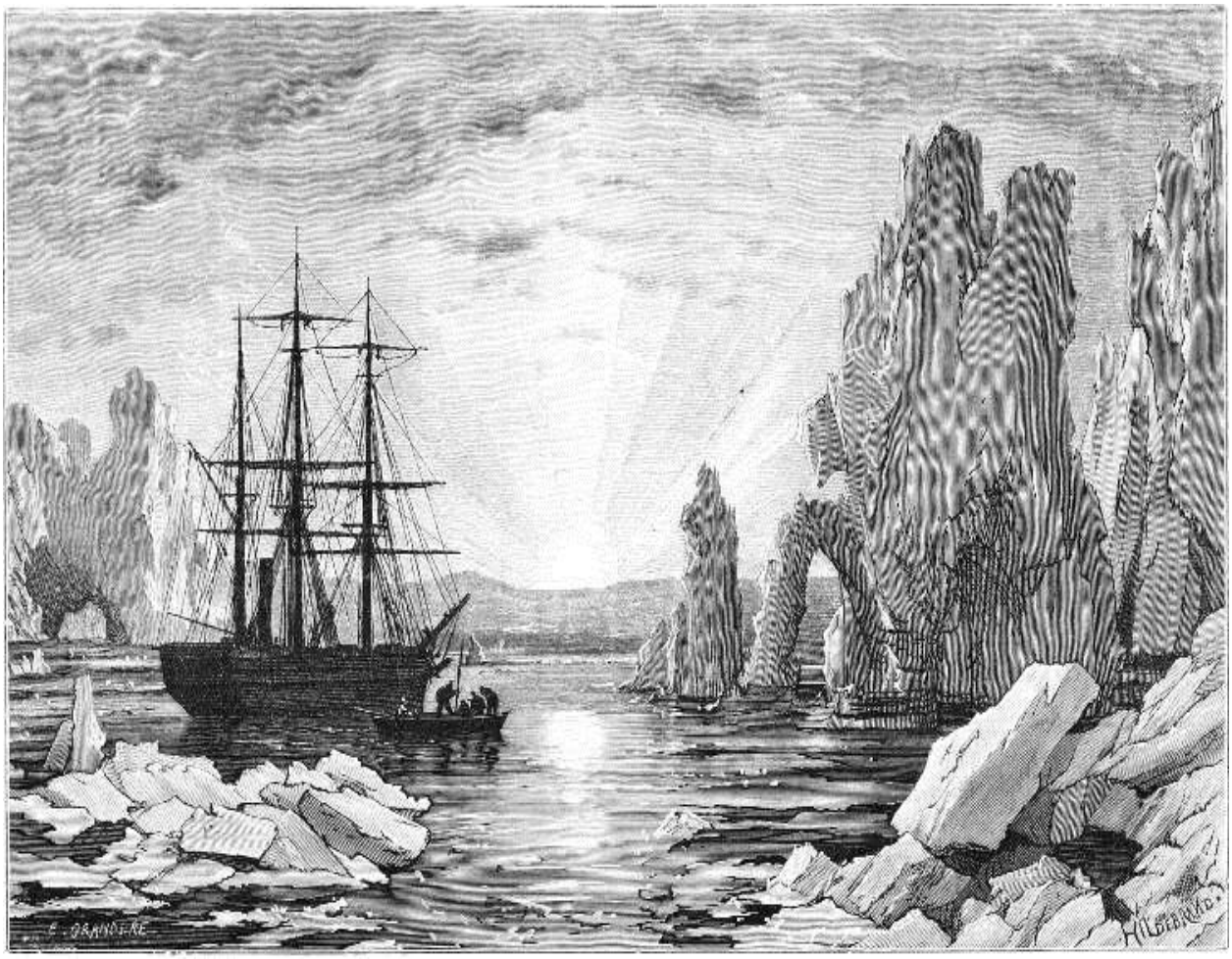
НЕБЕСА АРКТИКИ: АТМОСФЕРНЫЕ И МЕТЕОРНЫЕ ЯВЛЕНИЯ.

Пусть читатель вообразит себя — если бы он читал эти страницы теплым летним днем, фантазия не была бы неприятной! — пусть читатель вообразит себя на борту хорошо построенного китобойного судна, быстро приближающегося к берегам Гренландии. Но тяжелый туман нависает над населенными легендами берегами, и мы можем лишь уловить звук набегающего на них прибоя. Повсюду вокруг нас расстилается туман, плотный, непроницаемый. Что это перед нами? Мертвая белая масса айсберга, медленно дрейфующая по течению и почти надвинувшаяся на нас, прежде чем ее обнаружил впередсмотрящий. Но штурвал взят правильно; наш славный корабль развернулся, и мы отплываем подальше от могучей пирамиды. Мы можем заверить вас, что она достигает полных ста пятидесяти футов в высоту и вдвое шире у основания. Внезапный разрыв тумана обнажает его сияющий шпиль с белыми облачными гирляндами, кружащимися и танцующими вокруг него в солнечном свете.

И вот, по мере того как мы неуклонно продвигаемся вперед, туман рассеивается, как занавес, и перед нами, словно сцена в панораме, вырисовывается побережье Гренландии во всем его суровом великолепии: вон его широкие, покрытые льдом долины, его заснеженные ущелья, его благородные горы, окованная железом гряда утесов, его общий вид торжественного запустения.

Далеко над западным морем летят рассеянные пары, обнажая айсберг за айсбергом, подобно волшебным башням на некоторых картинах Тернера. Кажется, что какие-то непреодолимые чары увлекли нас в волшебный мир, и вся древнескандинавская романтика всплывает в памяти вместе с ее живописными ассоциациями. Вон там находится Валгалла древних океанских скитальцев; вон ослепительный город бога солнца Фрейи, одного из самых популярных скандинавских божеств, каким бы он ни был; вон эльфийские пещеры Альфхейма; и Глитнер с его золотыми стенами и серебряными крышами; и лучезарный Гимеле, обитель благословенных; и там также возвышается над облаками мост Бифрост, по которому герои вознеслись с земли на небеса. Хеймдалль, который может видеть на добрую сотню лиг как ночью, так и днем, стоит на страже на ней, готовый протрубить в свой рог, Гьяллар, если незваные гости попытаются пересечь ее!

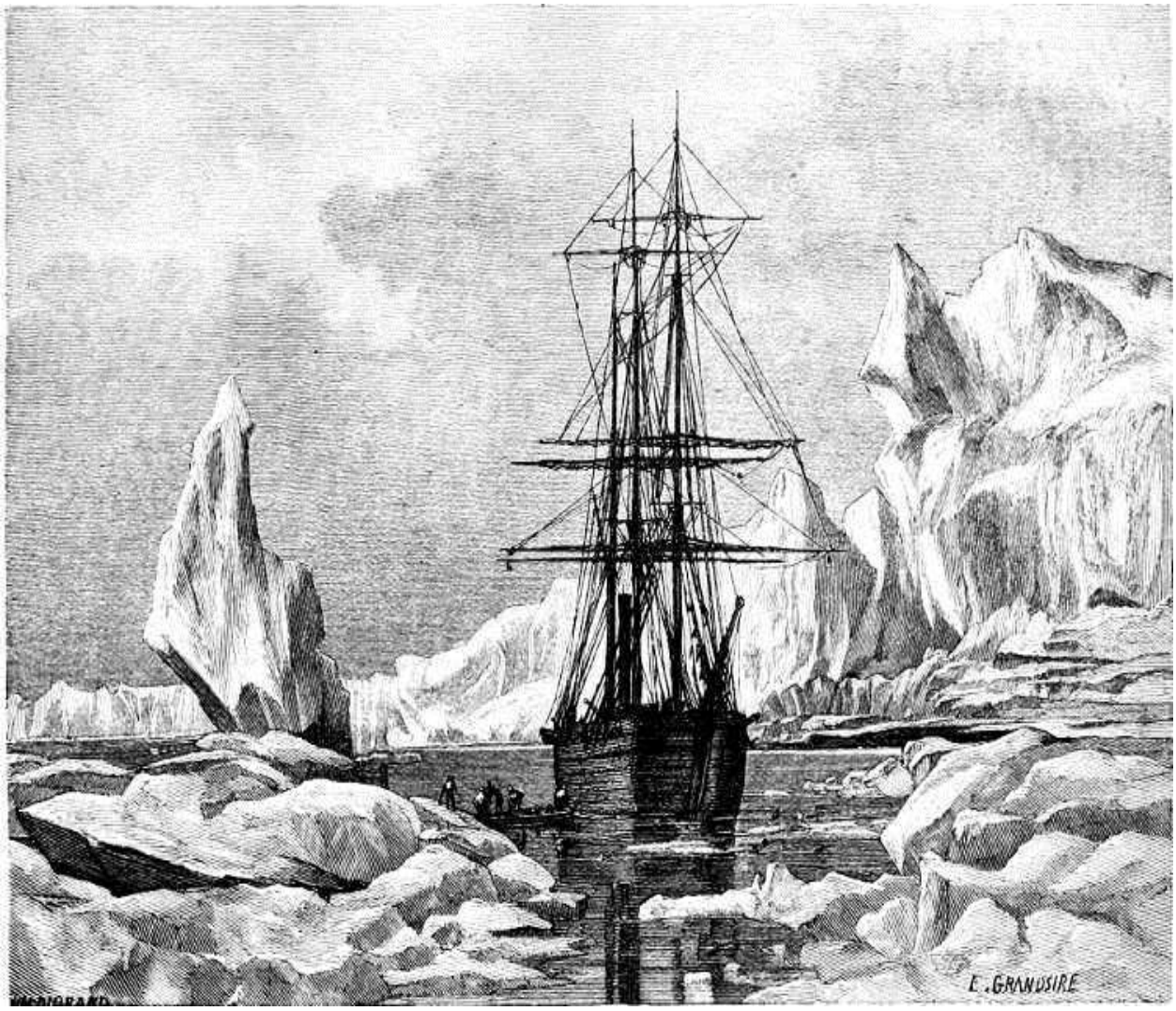
Море гладкое, как стекло; ни малейшая рябь не нарушает чудесного спокойствия его поверхности. Уже полночь, но в этом странном арктическом мире солнце все еще висит близко к северному горизонту; айсберги вздымают свои ослепительные гребни, похожие на парящие шпили, башенки и многобашенные храмы; темные мысы четко вырисовываются на фоне неба; и море, и небо, и горы, и айсберги погружены в необычайно красивую атмосферу малинового, золотого и пурпурного цветов. Картина подобна видению поэта и настолько поразительно нереальна, что непривычному зрителю трудно поверить в то, что это не иллюзия.



ПОЛУНОЧНОЕ СОЛНЦЕ.

Мы заимствуем следующее описание из живого языка доктора Хейса, который проявляет острое чувство красоты Полярного мира.

Воздух был теплым, по его словам, почти как летней ночью дома, и все же там были айсберги и унылые горы, с которыми воображение в нашей родной стране зеленых холмов и колышущихся лесов не может ассоциировать ничего, кроме холода и отталкивания. Небо было ярким, мягким и странно вдохновляющим, как небо Италии. Айсберги полностью утратили свой холодный вид и, сверкая в сиянии сверкающих небес, издали казались глыбами полированного металла или сплошным пламенем. Ближе к ним были огромные глыбы паросского мрамора, инкрустированные колоссальными драгоценными камнями - жемчугом и опалом. Одна из них особенно поражала совершенством величия. Его форма мало чем отличалась от Колизея, и он находился так далеко, что половина его высоты была погребена под линией кроваво-красных вод. Солнце, медленно двигавшееся по своему славному пути, скрылось за ним, и старые римские руины, казалось, внезапно вспыхнули пламенем.



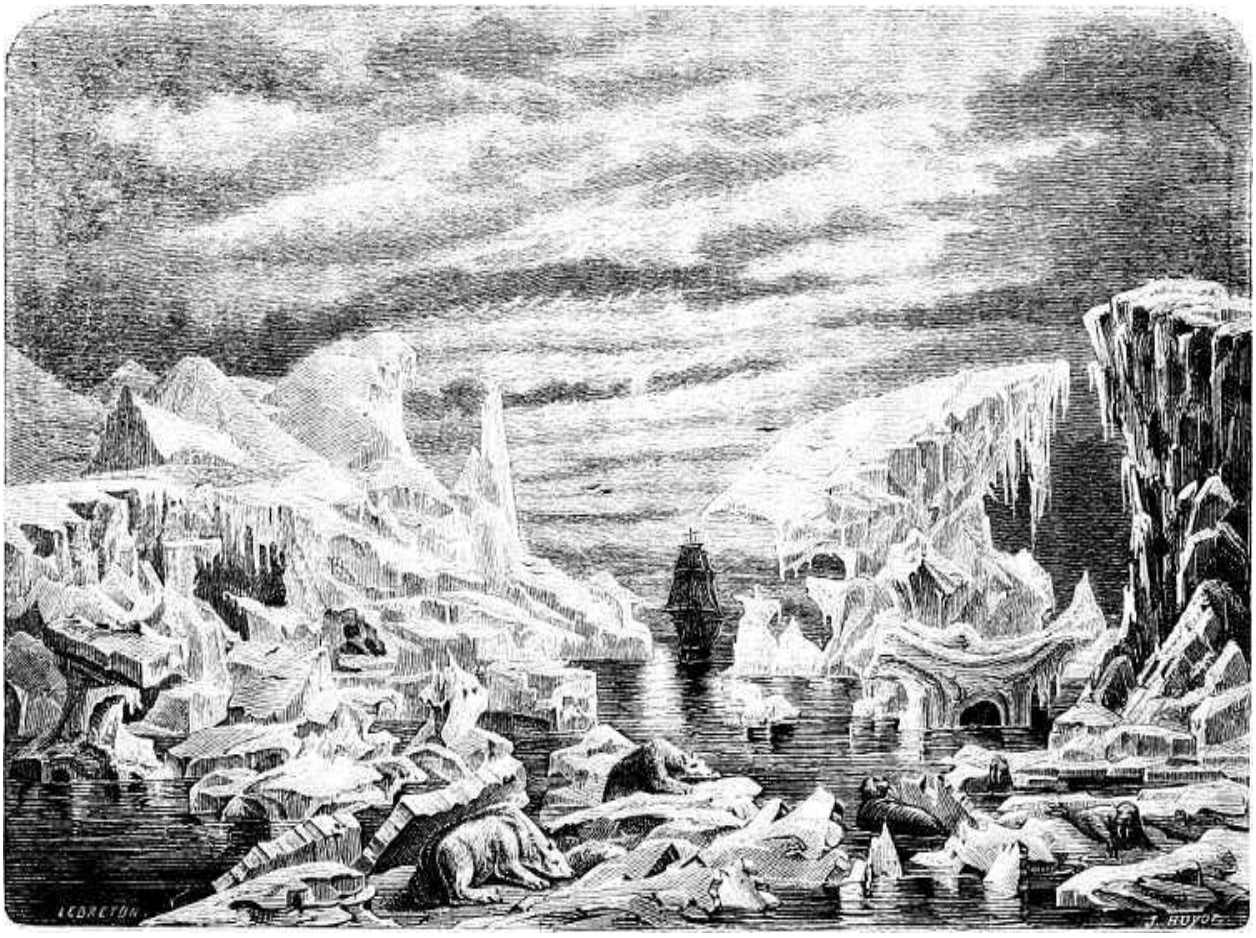
У БЕРЕГОВ ГРЕНЛАНДИИ.

Действительно, ничто, кроме карандаша художника, не могло передать удивительного богатства этого сочетания пейзажа и моря. Черч в своей великой картине “Айсберги” великолепно изобразил сцену, мало чем отличающуюся от той, которую мы пытались описать.

В тени айсбергов вода была насыщенно-зеленой, и ничто не могло быть более мягким и нежным, чем оттенки цвета, создаваемые морским прибоем, набегающим на пологие языки некоторых из этих плавучих масс. Оттенок усиливался там, где лед нависал над водой, и глубокая пещера в одном из них демонстрировала сплошной цвет малахита, смешанный с прозрачностью изумруда, в то время как, по странному контрасту, широкий пояс кобальтово-синего цвета проходил по диагонали через его тело.

Очарование этого зрелища усиливалось тысячью маленьких каскадов, низвергавшихся в море с айсбергов: вода вытекала из бассейнов с растаявшим снегом и льдом, которые безмятежно покоились высоко во впадинах на их верхней поверхности. От других айсбергов время от времени отделялись большие валуны, и они с оглушительным грохотом погружались в воду, в то время как плеск океана раздавался, как музыка торжественной панихиды, через их разрушенные арки.

Контрасты и сочетания цветов Полярного мира действительно относятся к числу его особых достопримечательностей, и в своем роде их невозможно превзойти или имитировать даже в великолепных царствах Тропиков. Бледно-лазурный блеск льда, ослепительная белизна снега, яркая зелень залитых солнцем равнин, глубокие изумрудные оттенки вод, смешанные с сапфиром и ультрамарином, сами по себе создают множество богатых и красивых эффектов; но к этому мы должны добавить магическое влияние сияния арктических небес, великолепие полуночного солнца и чудеса Северного сияния.



ЛУННЫЙ СВЕТ В ПОЛЯРНОМ МИРЕ.

Даже лунный свет в Полярном мире не похож на лунный свет где-либо еще; у него есть свой собственный характер — странный, сверхъестественный. Ночь за ночью небо будет свободным от облаков или теней, и сияющие звезды будут сиять с необычайной интенсивностью, казалось, что они разрезают воздух, как острые мечи. Лунные лучи отбрасываются бледным блеском на льдины, ледники и снежные заносы, и единственное, что смягчает яркость, - это то, что темные скалы отбрасывают тень на пейзаж. Восхитительно прекрасными выглядят покрытые снегом горы, когда лунный свет заливает их своим безмятежным великолепием, прерываемым лишь редкими облачками тумана, который вскоре превращается в сверкающее серебро. Вся сцена производит впечатление благоговейного трепета на вдумчивого зрителя, и он чувствует себя так, словно оказался лицом к лицу с видимым присутствием другого мира.

Затянувшаяся зимняя ночь сама по себе хорошо рассчитана на то, чтобы воздействовать на воображение европейца. Он читает о нем в “путешествиях" и книгах по астрономии; но чтобы узнать, что это *такое* и что это *означает*, он должен подчиниться его влиянию — он должен ”перезимовать" в Полярных областях. Не видеть восход и закат солнца и перемен,

которые они приносят с собой, день за днем, оживляющих, вдохновляющих, укрепляющих, поначалу ощущается как невыносимое бремя. Звезды, сияющие в любое время суток с одинаковой яркостью, и продолжительная темнота, которая царит в течение двадцати дней каждого зимнего месяца, когда луна находится за горизонтом, вызывают усталость и дискомфорт. Путешественник жаждет повторного появления луны; и все же, прежде чем она проделает свой десятидневный путь, он чувствует усталость от равномерного освещения.

Но иногда такое явление, как Северное сияние, приносит облегчение. Мы, жители Соединенного Королевства, кое-что знаем о редкой красоте “северного сияния”, когда небеса озаряются таинственной игрой красок, которая напоминает нам о странном сверхъестественном сиянии, которое иногда возникает в наших снах; однако они бедны и тривиальны по сравнению с полярными сияниями. Давайте попытаемся понять это на основе яркого описания, сделанного одним из самых красноречивых и наблюдательных исследователей Арктики.

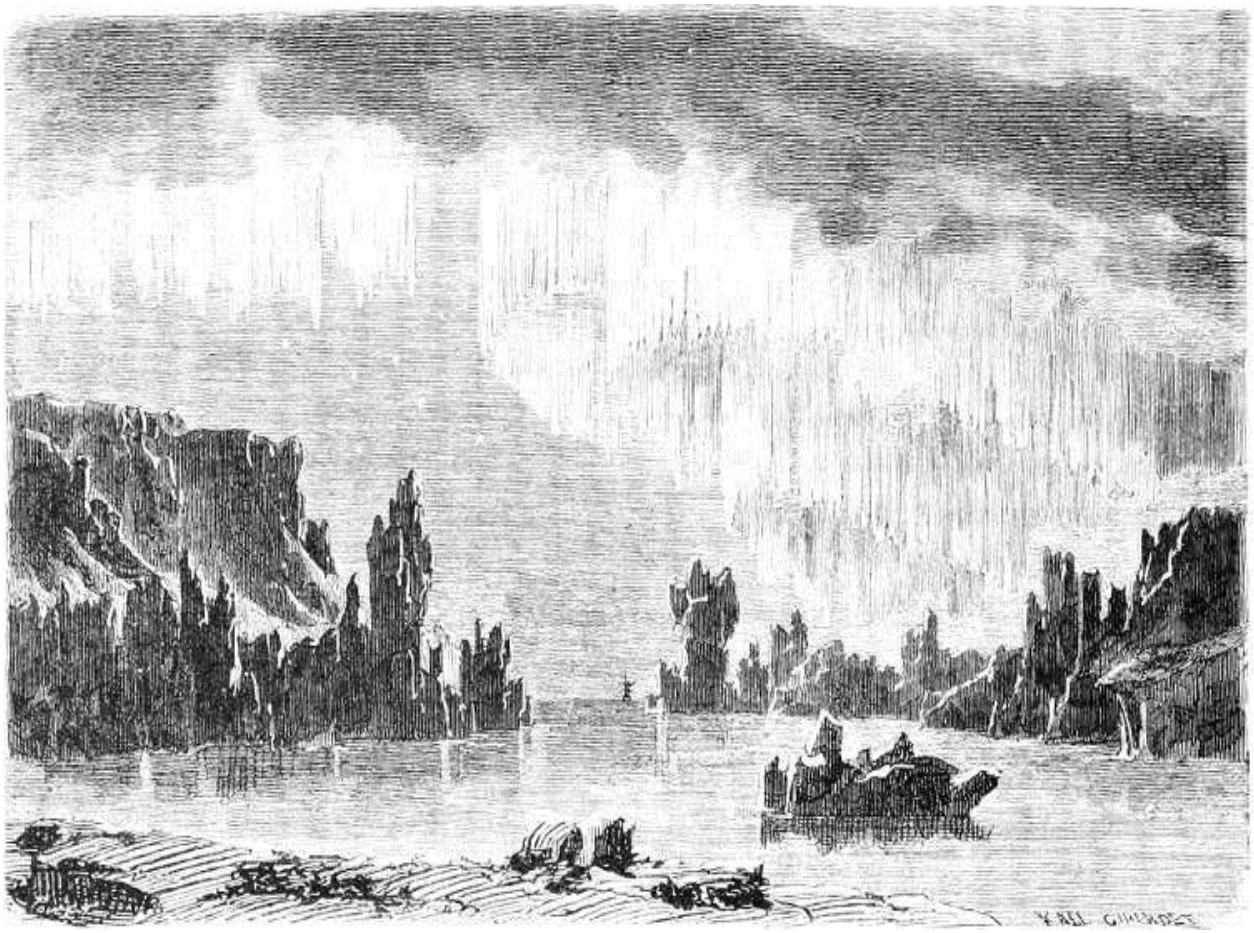
Он ощупью пробирался среди ледяных торосов в глубокой темноте середины зимы, когда внезапно яркий луч вырвался из-за черной тучи, низко нависшей над горизонтом перед ним. Это длилось всего мгновение и, наполнив воздух странным сиянием, исчезло, оставив темноту еще большей, чем прежде. Вскоре по небу пронеслась дуга цветного света, и полярное сияние постепенно становилось более устойчивым. Пространство, окруженное дугой, было очень темным и заполнено облаками. Игра лучей, поднимавшихся от его постепенно светлеющей границы, некоторое время была очень капризной, превращая вспышку пламени из того, что казалось пожаром небес, в мягкое сияние раннего утра.

Постепенно свет становился все более и более интенсивным, и из нерегулярных вспышек превратился в почти ровное сияние. Этот лист, однако, был далек от однородности, и лучше всего его можно описать как “поток смешивающихся полос разного цвета”.

Выставка, поначалу скромная и тихая, постепенно превратилась в потрясающее зрелище. Казалось, что весь обширный ночной купол охвачен пламенем. Зловещие пожары, более яростные, чем те, что окрашивали небеса в красный цвет от горящей Трои, яростно вспыхивали в зените. Звезды меркли перед этой чудесной вспышкой и, казалось, удалялись все дальше и дальше от Земли; “как тогда, когда колесница солнца, управляемая Фаэтоном и сбитая с проторенной дороги неуправляемыми конями, бешено мчалась по небу, опаляя мир и уничтожая созвездия. Кроткая Андромеда, дрожа, улетает от пламени; Персей со своим сверкающим мечом и щитом Горгоны в страхе отступает; полярная звезда преследуется из ночи; и Большая Медведица, верный страж Севера, оставляет свою стражескую вахту, следуя по слабому следу ”.

Цвет света был в основном красным, но это не было постоянным, и все оттенки смешивались в чудесном зрелище.

Голубые и желтые ленты протянулись поперек зловещего огня; и, иногда начинаясь бок о бок с широкого простора освещенной арки, они сливались друг с другом и отбрасывали на пейзаж причудливый зеленый отблеск.



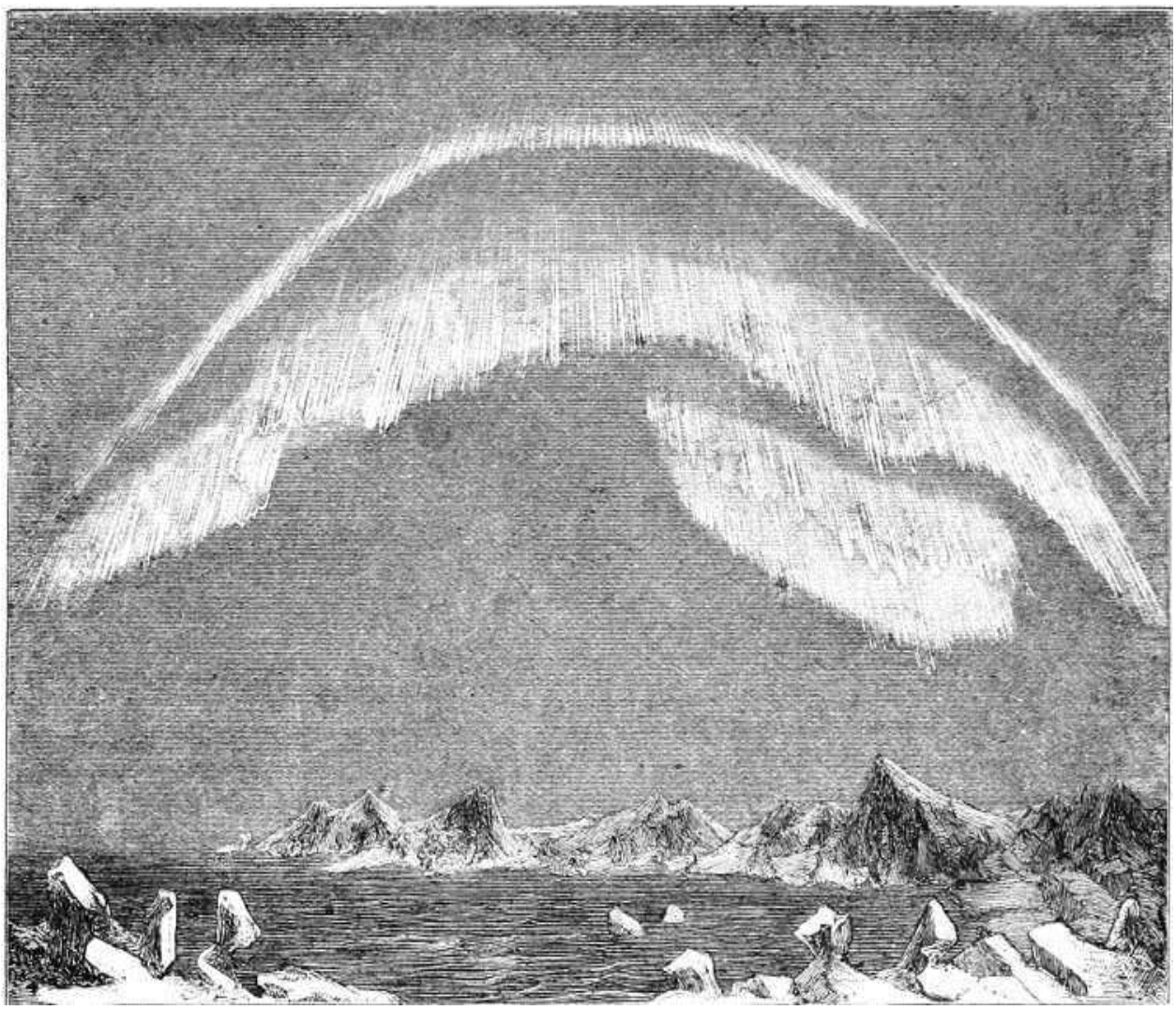
СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ.

Снова этот зеленый победил красный; синий и желтый смешались друг с другом в своем стремительном полете; фиолетовые стрелы пронеслись сквозь широкое оранжевое сияние, и бесчисленные языки белого пламени, образовавшиеся из этих сливающихся потоков, устремились ввысь и охватили небеса. Эффект разноцветного сияния на окружающие предметы был необычайно чудесным. Причудливые формы бесчисленных айсбергов, поодиночке или группами, возвышались над морем, а вокруг их вершин парило странное сияние, подобное огням Везувия над виллами и храмами Помпеи. По всей белой поверхности замерзшего моря, на горных вершинах и высоких утесах свет вспыхивал, тускнел и вспыхивал снова, как будто воздух был наполнен кладбищенскими метеорами, бешено проносящимися над каким-то огромным, безграничным городом мертвых. Вокруг царила тишина, но чувства были обмануты, ибо звуки, исходящие не от земли и не от моря, казалось, следовали за быстрыми переливами и падали на слух, как

"Поступь
Ужаса призраков,
Со знаменем, копьем и пламенем.

Хотя детали, так сказать, не всегда совпадают, общий характер полярного сияния меняется очень незначительно, и, исходя из сравнения многочисленных отчетов, градация явления представляется следующей:—

Небо медленно приобретает коричневый оттенок, на котором, как на заднем плане, вскоре появляется туманный сегмент, окаймленный просторной дугой ослепительной белизны, которая, кажется, непрестанно колеблется от трепетного движения. От этой дуги к зениту устремляется невероятное количество лучей света. Эти светящиеся столбы переливаются всеми оттенками радуги — от мягчайшего фиолетового и интенсивнейшего сапфирового до зеленого и пурпурно-красного. Иногда лучи исходят из блистательной дуги, смешиваясь с более темными вспышками; иногда они поднимаются одновременно в разных точках горизонта и соединяются в одно широкое море пламени, пронизанное быстрыми волнами. В других случаях могло показаться, что невидимые руки разворачивают огненные, ослепляющие знамена, которые, подобно метеорам, проносятся в неспокойном воздухе. Своего рода навес из мягкого и спокойного света, который известен как *корона*, указывает на завершение чудесного представления; и вскоре после его появления сияющие лучи начинают убывать в своем великолепии, богато окрашенные дуги растворяются и гаснут, и вскоре от всего великолепного зрелища не остается ничего, кроме беловатой облачной дымки в тех частях небосвода, которые всего несколько минут назад полыхали таинственными огнями северного сияния.



СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ — КОРОНА.

Дуга полярного сияния - это лишь часть широкого светового круга, который значительно возвышается над поверхностью нашего земного шара и центр которого расположен вблизи Полюса. Поэтому нетрудно учесть различные аспекты, под которыми он

представляется наблюдателям, расположенным под разными углами к фокусу дисплея. Человек, находящийся в нескольких градусах *к югу* от кольца, обязательно видит лишь очень маленькую дугу в северном направлении из-за расположения земли между ним и кольцом; если бы он стоял ближе к северу, дуга казалась бы больше и выше; если бы она находилась непосредственно под ним, он увидел бы, что она пересекает зенит; или если внутри кольца и еще дальше на север, он увидел бы, что она достигает кульминации на юге. Предполагалось, что центр кольца соответствует северному магнитному полюсу на острове Бутия Феликс.

Обычно это явление длится несколько часов, и временами оно будет отличаться особыми особенностями. Теперь будет казаться, что это полусферический сегмент колоссального колеса; теперь оно будет колыхаться и опадать подобно богатому гобелену многоцветного света в тысячах призматических складок; и теперь оно демонстрирует множество бесчисленных ослепительных лент, развевающихся в темном и насыщенном небе.

Высота дуги варьируется, но редко превышает девяносто миль над поверхностью земли. Однако его диаметр, должно быть, огромен, поскольку известно, что он простирается на юг до Италии и одновременно был виден на Сардинии, в Коннектикуте и в Новом Орлеане.

По мнению некоторых авторитетных источников, это явление сопровождается звуками, напоминающими взрыв фейерверка или шуршание шелка, когда один кусок складывают поверх другого; но это утверждение опровергается наиболее заслуживающими доверия наблюдателями.

Описание миссис Сомервилл стоит процитировать, поскольку оно более выразительно отражает некоторые моменты, на которые мы уже ссылались:

Полярное сияние, по ее словам, определенно является электрическим (или, более строго говоря, магнитоэлектрическим) явлением. Обычно оно появляется вскоре после захода солнца в виде светящейся дуги, протянувшейся более или менее с востока на запад, причем наиболее возвышенная точка всегда находится на магнитном меридиане места нахождения наблюдателя; поперек дуги сияния быстрые, яркие и различных цветов, устремляющиеся подобно молнии к зениту и в то же время перемещающиеся вбок с непрекращающейся скоростью. Яркость лучей меняется мгновенно; иногда они превосходят великолепием звезды первой величины и часто обладают восхитительной прозрачностью— кроваво-красным у основания, изумрудно-зеленым в середине и ярко-желтым к концу. Иногда один, а иногда быстрая последовательность световых потоков проходит от одного конца дуги или изгиба к другому, так что яркость лучей быстро увеличивается; но невозможно сказать, действительно ли горизонтальное движение перемещения влияет на сами свечения, или более яркий свет передается от луча к лучу. Время от времени лучи проносятся далеко за зенит, исчезают, внезапно появляются снова и, к ним присоединяются другие по дуге, образуют великолепную корону или огромный купол света. Участок неба под дугой совершенно черный, как будто образован плотными облаками; однако говорят, что г-н Струве видел на нем звезды, и поэтому может показаться, что чернота, о которой говорят некоторые наблюдатели, должна быть эффектом контраста. Нижний край дуги очерчен равномерно; его верхний край окаймлен корускациями, их схождением к северу и самой дуги, что, вероятно, является эффектом перспективы.

Полярное сияние оказывает заметное влияние на магнитную стрелку даже в тех местах, где дисплей не виден. Его колебания кажутся медленнее или быстрее в зависимости от того, находится ли полярное сияние в состоянии покоя или в движении, а колебания показаний компаса в течение дня показывают, что полярное сияние не характерно для ночи. Путем тщательных наблюдений было установлено, что колебания магнитной стрелки и полярные

сияния происходили одновременно в Торонто, в Канаде, в тринадцать дней из двадцати четырех, остальные дни были облачными; и одновременные наблюдения показывают, что в эти тринадцать дней магнитные возмущения наблюдались также в Праге и на Тасмании; так что возникновение полярных сияний в Торонто в этих случаях можно рассматривать как локальное проявление, связанное с магнитными эффектами, которые, независимо от их источника, вероятно, преобладали *в один и тот же день по всей поверхности земного шара*.

Среди *атмосферных* явлений внешнего мира мы вправе причислить Ветры, которые примечательны своей изменчивостью. Их сила значительно уменьшается, когда они проходят по широкой поверхности льда; иногда кажется, что лед даже сдерживает ветер и поворачивает его в противоположном направлении. Теплый воздух с юга становится прохладным, проносясь по замерзшим просторам, и отдает свою влагу в виде снега. В столь суровом и холодном регионе нечасто образуются облака, атмосферные пары конденсируются в снег или град, не проходя через какие-либо промежуточные состояния.

Снежные вихри - грозные враги для моряка, вынужденного преодолевать лед пешком или в санях, запряженных эскимосскими собаками. Плотный ливень хлещет и жалит лицо несчастного путешественника, проникает в рот и ноздри, замораживает даже веки и почти ослепляет его. Его кожа приобретает синеватый оттенок и горит, словно покрытая шрамами от острых ударов кнута.

Оптическая иллюзия, часто встречающаяся в Полярных регионах, заставляет объекты казаться намного большими, чем они есть на самом деле. Лиса приобретает пропорции медведя; низкие ледяные берега поднимаются в высокие горы. Глаз утомляется, задерживаясь на горизонте земель, к которым никогда не приблизишься. Точно так же, как в песчаных пустынях Сахары расстояния до реальных объектов кажутся уменьшенными, так и исследователь Арктики, введенный в заблуждение воздушной иллюзией, продвигается к цели, которая кажется всегда близкой, но никогда не достигается.

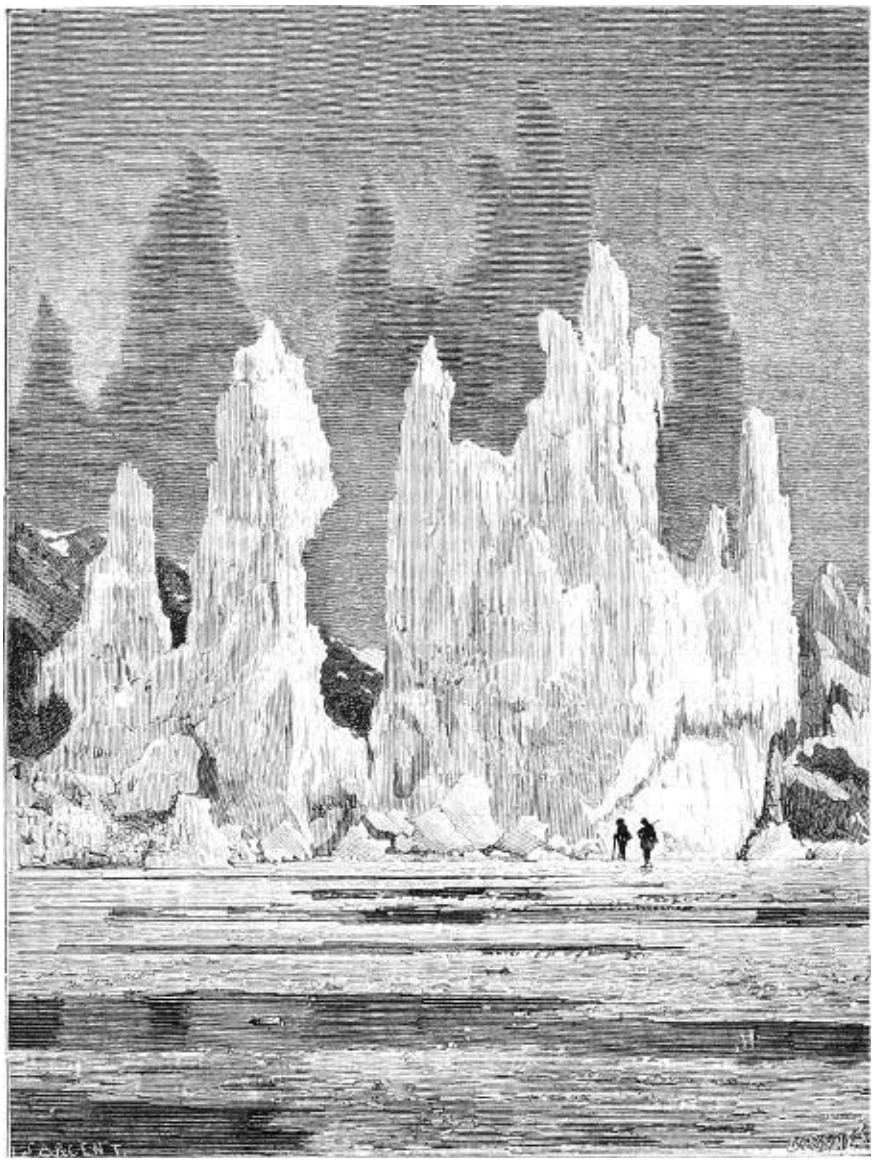
Другим источником ошибок, распространенных как в арктических, так и в тропических пустынях, является мираж, явление преломления, которое представляет собой подвешенные в воздухе изображения удаленных объектов и, таким образом, порождает самые любопытные иллюзии и фантастические сцены. Однажды доктор Скорсби заметил в воздухе перевернутое изображение корабля, в котором он узнал "*Славу*", которым командовал его отец. Впоследствии он обнаружил, что судно стояло пришвартованным в бухте примерно в десяти лигах от того места, где мираж разыграл его воображение.

Опять же, приближаясь к ледяному или снежному полю, путешественник неизменно видит ослепительно белый пояс непосредственно над горизонтом. Это явление известно как “мерцание льда”, и оно заранее показывает арктическому штурману характер льда, к которому он приближается. Временами также ряд айсбергов или разбитых ледяных глыб будет отражаться в колоссальных тенях на небе, создавая странный и даже сверхъестественный эффект.

Но, в конце концов, особым отличием арктических земель от других регионов земного шара является их длинный день и более длинная ночь. Описывая огромную спиральную дугу на горизонте, солнце постепенно поднимается до 30 °, высшей точки своего пути; затем таким же образом оно возвращается к горизонту и прощается с дикой местностью Севера, медленно скрываясь за пеленой мрачных и призрачных сумерек.

Когда штурман, говорит капитан Пэрри, впервые оказывается погребенным в безмолвных тенях полярной ночи, он не может побороть непроизвольного чувства страха; он чувствует, что вырван из сферы обычного, обыденного существования. Смертоносные и мрачные пустыни Северного Полюса кажутся теми несотворенными пустотами, которые

Мильтон поместил между царствами жизни и смерти. Даже животные подвержены глубокой меланхолии, которая омрачает лик Природы.



АТМОСФЕРНОЕ ЯВЛЕНИЕ В АРКТИЧЕСКИХ РЕГИОНАХ: ОТРАЖЕНИЕ АЙСБЕРГОВ.

Кто сможет без эмоций прочитать следующие отрывки из дневника доктора Кейна?—

“*28 октября, пятница.*—Луна достигла своего наибольшего северного склонения примерно 25 ° 35’. Это великолепный объект; проносясь по небесам, в нижней части своей кривой она все еще находится на высоте 14 ° над горизонтом. В течение восьми дней она совершает свой круг с почти неизменной яркостью. Это одна из тех сверкающих ночей, которые навевают воспоминания о колокольчиках на санях, песнях и радостном общении сердец в далеких краях.

“Погода на улице 25° ниже нуля”.

Прошло несколько дней, и героический исследователь пишет:—

“*7 ноября, понедельник.*— Тьма надвигается с коварной неуклонностью, и ее продвижение можно ощутить, только сравнив один день с ее собратьями некоторое время назад. Мы по-прежнему показываем показания термометра в полдень без света, и около

пяти часов черные массивы холмов кажутся ровными с их ослепительными пятнами снега; но все остальное - темнота. Фонари всегда горят на рангоуте, а внизу никогда не гаснут масляные лампы. Звезды шестой величины сияют в полдень.

“У нашей тьмы есть девяносто дней, прежде чем мы снова вернемся даже к оспариваемым сумеркам сегодняшнего дня. В общей сложности наша зима будет бессолнечной в течение ста сорока дней.

Вот еще один важный отрывок; однако все его значение едва ли может быть оценено жителями умеренного климата:

“*27 ноября, воскресенье.*— Столбик термометра показывал около 40 ° *ниже нуля*, и день был слишком темный, чтобы можно было определить время полудня”.

“*15 декабря, четверг.*— Мы потеряли последние остатки наших полуденных сумерек. Мы не можем видеть отпечатки пальцев и вряд ли можем видеть бумагу: пальцы невозможно сосчитать на расстоянии фута от глаз. Полдень и полночь похожи друг на друга; и, кроме смутного проблеска на небе, который, кажется, очерчивает очертания холмов на юге, у нас нет ничего, что говорило бы нам о том, что в нашем арктическом мире есть солнце ”.

11 января (1854 г.) термометр доктора Кейна показывал 49 ° ниже нуля, а 20-го числа диапазон показаний в обсерватории был от -64 ° до -67 °. 5 февраля они начали показывать беспрецедентную температуру. Они колебались от 60 ° до 75° ниже нуля, а один замечательный прибор на гакселе брига показывал -65°. Уменьшенное среднее значение лучших стандартов спирта составило -67°, или на 97° ниже точки замерзания воды.

При этих температурах хлорный эфир затвердевал, и тщательно приготовленный хлороформ образовывал на своей поверхности зернистую пленку или пелликулу. Спирт нафты застывал при температуре -54°, а масло сассафраса - при -49°. Масло зимне-зеленого цвета приобретает хлопьевидный вид при температуре -56° и затвердевает при -63° и -65°.

Некоторые дополнительные детали, позаимствованные из опыта доктора Кейна, еще ярче проиллюстрируют особые атмосферные условия арктической зимы.

При выдохе с поверхности тела любая открытая или частично прикрытая часть тела покрывается облаком пара. При вдыхании воздух приобретал ощутимую остроту, но доктор Кейн не испытывал болезненных ощущений, описываемых некоторыми сибирскими путешественниками. При длительном дыхании это вызывало ощущение сухости в дыхательных путях; и доктор Кейн заметил, что все его спутники как бы непроизвольно дышали постепенно и со сжатыми губами.

В полдень 21 января стал виден первый проблеск возвращающегося света, южный горизонт на короткое время окрасился отчетливым оранжевым оттенком. Возможно, солнце и раньше давало им своего рода освещение, но если это и так, то его нельзя было отличить от “холодного света звезд”. Они приближались к солнечному свету в течение тридцати двух дней и только что достигли той степени сгущения темноты, которая была крайней полночью для сэра Эдварда Парри в лат. 74° 47’.

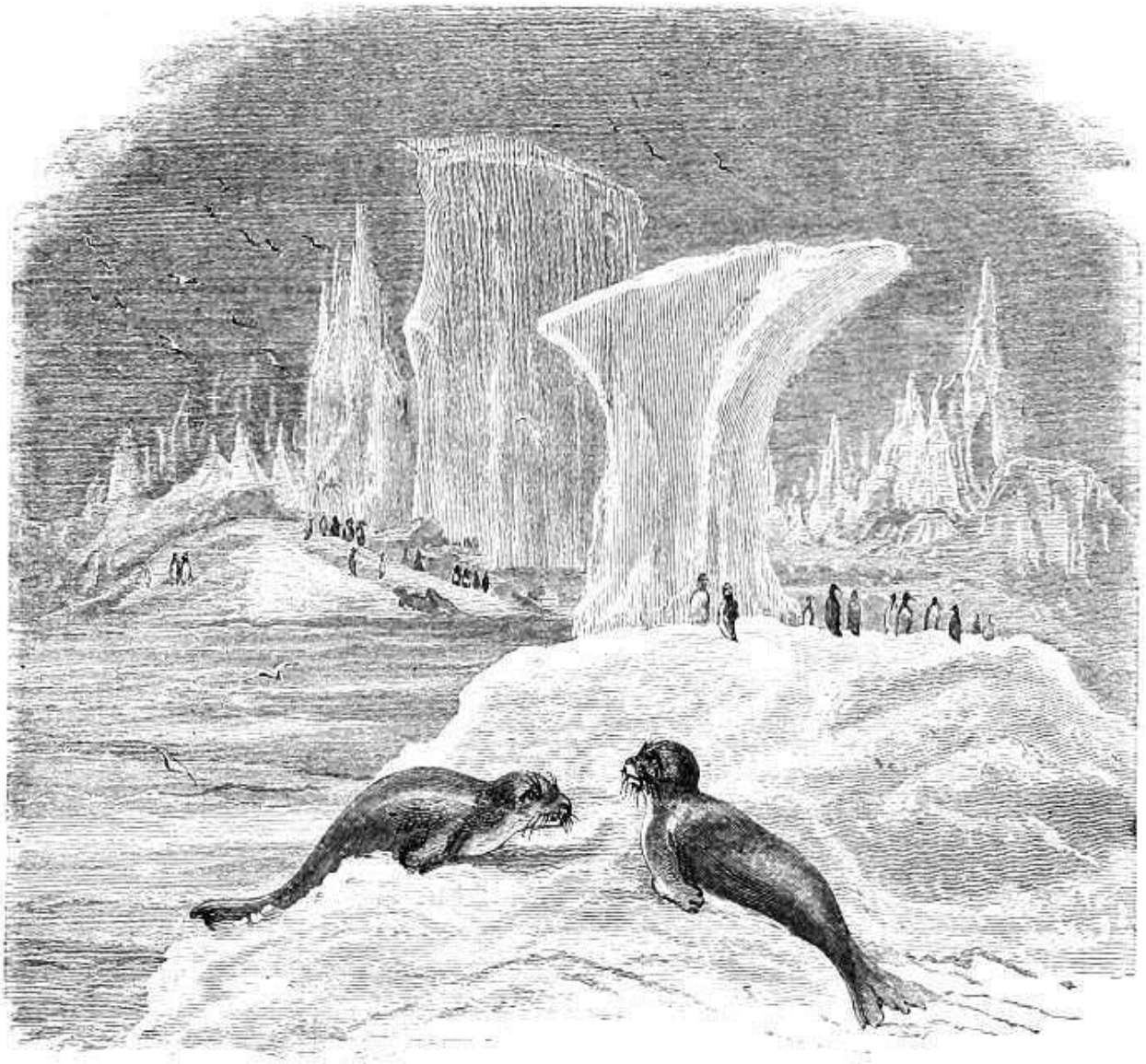
Мы уже упоминали об угнетающем влиянии, оказываемом продолжительной и интенсивной темнотой полярной ночи, и упоминали об исключительном воздействии, которое она оказывает на животных. Собаки доктора Кейна, хотя большинство из них были уроженцами Северного полярного круга, оказались неспособны противостоять этому. Большинство из них умерло от аномальной формы болезни, которой, по-видимому, отсутствие света способствовало в той же степени, что и сильный холод. Это обстоятельство кажется заслуживающим более подробного рассмотрения, и поэтому мы приводим замечание доктора Кейна по этому поводу:

“20 января.— Сегодня утром, в пять часов, — поскольку я так страдаю от *бессонницы* этой вечной ночи, что встаю в любое время между полуночью и полуднем, — я вышел на палубу. Было абсолютно темно, холод не позволял качать лампу. Сквозь покрытые коркой льда оконные стекла каюты до меня не доходило ни малейшего проблеска света. Пока я нащупывал свой путь, наполовину озадаченный лучшим способом уклониться от того, что могло быть передо мной, две мои ньюфаундлендские собаки ткнулись своими холодными носами в мою руку и немедленно принялись изображать бурное удовлетворение. Тогда мне пришло в голову, насколько унылыми и заброшенными должны быть эти бедные животные при температуре воздуха + 10 ° внутри и -50 ° снаружи, — живущие в темноте, воющие при случайном свете, как будто он напоминает им о Луне, - и не имеющие ничего, ни инстинкта, ни ощущений, которые могли бы рассказать им о прошедших часах или объяснить давно ушедший дневной свет ”.

Эффект продолжительной темноты на этих животных был самым необычным. Их нуждам уделялось самое пристальное внимание; их держали внизу, ухаживали за ними, кормили, чистили, ласкали и *лечили*; тем не менее им становилось все хуже и хуже. Как ни странно, их болезнь была столь же явно *психической* как и у любого другого человека. У них не было физической дезорганизации; они жадно ели; они крепко спали, они сохраняли свои силы. Но сначала их поразила эпилепсия, а за ней последовало настоящее помешательство. Они яростно лаяли ни на что; они ходили прямыми и изогнутыми линиями с беспокойством и неутомимым упорством. Они заискивали перед моряками, но, казалось, не ценили ни малейшей ласки, оказанной им; они прижимались головой к другу, который их замечал, или колебались со странной пантомимой страха. Их самые разумные действия, казалось, носили автоматический характер; иногда они царапали своих хозяев, словно пытаясь зарыться в их тюленьи шкуры; иногда они часами хранили угрюмое молчание, а затем начинали выть, как будто их преследовали, и довольно долго носились взад и вперед.

Когда пришла весна, доктору Кейну пришлось оплакивать потерю девяти великолепных ньюфаундлендов и тридцати пяти эскимосских собак; из всей стаи выжило только шесть, и одна из них оказалась непригодной для содержания.

Довольно подробно остановившись на характеристиках арктической зимы, мы теперь переходим к рассмотрению характеристик арктической весны. Это начинается в апреле, но не проявляется во всей свежести своей красоты до мая. Температура в этот промежуток повышается ежедневно; зимний снег, который так долго покрывал суровые холмы и лежал в долинах, скатывается под лучами восходящего солнца; и растаявший снег льется шумными потоками и сверкающими каскадами через неровные ущелья и по темным склонам высоких утесов: повсюду воздух наполняется шумом падающих вод. В начале июня путешественник с восторгом видит признаки возвращения растительности. Стебли ивы зеленеют от свежего живого сока; начинают прорастать мхи, маки, камнеломки, улитки и другие выносливые растения; ветерок доносит приветственный шум крыльев; утесы кишат маленькими птицами; стаи величавых уток-гаг заплывают в ручьи и издают звуки; грациозные крачки кричат и носятся над морем; бургомистры и кречеты с еще большим достоинством расхаживают взад и вперед; длиннохвостая утка наполняет эхо. с его пронзительным голосом; бекасы парят над пресноводными прудами; воробьи чирикают, перепрыгивая с камня на камень; длинные вереницы кудахчущих гусей плывут в ясной синеве над головой, направляясь все дальше на север; моржи и тюлени греются на льдинах, которые разбились на маленькие плоты и лениво дрейфуют по течению; флотилия айсбергов движется на юг торжественной и величественной процессией, их шпили и башни сверкают на солнце.



НАСТУПЛЕНИЕ ВЕСНЫ В ПОЛЯРНЫХ РЕГИОНАХ.

Мы приводим набросок весеннего пейзажа Полярного мира со страниц доктора Хейса:—

По его словам, мы прибыли к озеру в разгар очень оживляющей сцены. Снег в долине в основном сошел, и, хотя цветы еще не появились, ранняя растительность покрывала берега зеленью, а хилые растения распустили свои маленькие листочки почти под самым снегом и стояли живыми и свежими на замерзшем дерне, радуясь весне не меньше, чем их более амбициозные собратья с теплого Юга. Многочисленные небольшие стада северных оленей спустились с гор, чтобы откормиться на этой только что зарождающейся жизни. Журчащие ручьи и фантастические водопады смешивали свою приятную музыку с неумолчным щебетом птиц, мириады которых сидели на камнях на склоне холма, или сидели на утесах, или парили в воздухе такими густыми стаями, что казались темными облаками, проплывающими перед солнцем. Этими птицами были маленькие ауки, водоплавающие птицы размером не больше перепела. Быстрое хлопанье их крыльев и постоянный крик наполняли воздух ревом, подобным грохоту бури, надвигающейся среди лесных деревьев. Долина была залита солнечным светом раннего утра, который струился над ледником и ярко освещал холмы, горы и равнину.

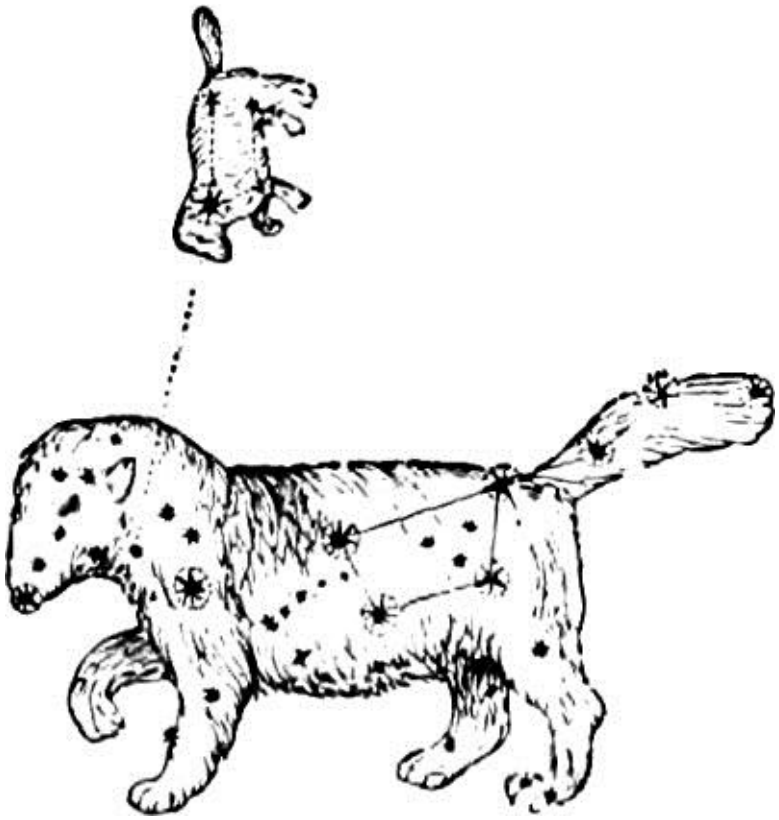
Весна переходит в лето, и вся природа, кажется, наделена новой жизнью. Гробовая тишина, гнетущая темнота, чувство страха и уныния - все ушло; и земля, и вода отзываются

веселыми голосами, пейзаж купается в великолепном сиянии, человеческая душа осознает чувство надежды и ожидания. Зима прошла; на земле появляются цветы; пришло время пения птиц. Снег на холмах растаял, ручьи текут с веселой музыкой, и скудная флора далекого северного мира достигает своего полного развития. Днем и ночью солнце изливает свои бодрящие лучи, и даже бабочкам предлагается резвиться среди цветов. Полярное сияние больше не переливается разноцветными огнями, а небо такое же чистое и безоблачное, как в добродушной Италии. Но этот сезон жизни и тепла длится недолго, и когда июль заканчивается, солнце начинает опускаться все ниже и ниже, словно собираясь посетить другой мир; тень постепенно набегает на небо; яростно дуют ветры, принося с собой ослепляющий дождь из мокрого снега и сосулек; фонтаны и ручьи прекращают свое приятное течение; широкая корка льда покрывают заключенное в тюрьму море; снежный покров ложится на склоны холмов и долины; птицы улетают на более теплый Юг; и Полярный мир снова погружается в тишину, одиночество и суету. мрак долгой полярной ночи.

Обратив теперь наше внимание на “звездное небо”, мы заметим, что среди славного воинства выделяется Полярная звезда, которая с древнейших времен была другом и путеводителем мореплавателя.

Полярная звезда, или Полярная звезда, - это звезда α в созвездии *Малой Медведицы*, ближайшая крупная звезда к северному полюсу небесного экватора. Мы говорим “ближайший”, потому что на самом деле он не обозначает положение полюса, а находится примерно в 1 ° 30’ от него. Однако из-за движения полюса небесного экватора вокруг полюса эклиптики примерно в 2000 году Н.Э. ОНО ПРИБЛИЗИТСЯ НА РАССТОЯНИЕ 28ФУТОВ К СЕВЕРНОМУ ПОЛЮСУ; НО ПОСЛЕ ДОСТИЖЕНИЯ ЭТОЙ ТОЧКИ ПРИБЛИЖЕНИЯ ОНО НАЧНЕТ УДАЛЯТЬСЯ..... Во времена Гиппарха он был удален от нее на 12° (то есть в 156 ГОДУ ДО Н. Э.); в 1785 году - на 2° 2’ с.ш. Вы можете легко найти ее место на “звездном небосводе”, поскольку линия, проведенная между звездами α и β (отсюда называемые “Указателями”) созвездия *Большой Медведицы*, или Большой Медведицы, и проведенная в северном направлении примерно в четыре с половиной раза длиннее своей собственной, почти коснется Полярной звезды. Две тысячи лет этот, так сказать, почетный пост занимала звезда β *Большой Медведицы*, а примерно через двенадцать тысяч лет его займет звезда Вега в *Лире*, которая будет находиться в пределах 5 ° от северного полюса.

Созвездие *Большой Медведицы* всегда находится над горизонтом Европы, и поэтому оно было объектом любопытства ее жителей с самой глубокой древности. Наши читатели могут легко узнать его по трем звездам, которые образуют треугольник на его хвосте, в то время как еще четыре образуют четырехугольник на теле воображаемого медведя. В треугольнике первая звезда на кончике хвоста - Бенетнаш второй величины; вторая - Мицар; и третья - Алиот. В четырехугольнике первая звезда у основания хвоста называется Мегрез; вторая под ней - Фад; третья, в горизонтальном направлении, Мерак; и четвертая, над последней, Дубхе первой величины.



БОЛЬШАЯ И МАЛАЯ МЕДВЕДИЦЫ.

В *Малой Медведице* единственная заметная звезда - Полярная звезда, о которой мы недавно говорили.

Мы приводим список северных созвездий, включая имена тех, кто сформировал их, количество их видимых звезд и названия наиболее важных и заметных.

СЕВЕРНЫЕ СОЗВЕЗДИЯ.

Созвездия.	Автор.	Количество звезд.	Главные звезды.
Малая Медведица,	Аратус.	24	Полярная звезда, 2.
Большая Медведица,	Аратус.	87	Дубхе, 1; Алиот, 2.
Персей и Голова Медузы	Арат.	59	Алгениб, 2; Алгол, 2.
Аурига, Возница	Арат.	66	Капелла, 1.
Бутес, Пастух	Арат.	54	Арктур, 1.
Драко, Дракон	Арат.	80	Растабен, 3.
Цефей	Арат.	35	Альдерамин, 3.

Трости Венатичные, борзые Чара и Астерия	Гевелиус.	25	
Кор Кароли, Сердце Карла II	Галлея.	3	
Triangulum, Треугольник	Арата.	16	
Треугольник Минус, Меньший Треугольник	Гевелия.	10	
Муха,	Предвещающая будущее.	6	
Рысь	Гевелий.	44	
Малый Лев	Гевелий.	53	
Кома Береники, Волосы Береники	Тихо Браге.	43	
Камелеопардалис, Жираф	Гевелий.	58	
Гора Менелай, гора Менелай	Гевелий.	11	
Северная корона,	Аратус.	21	

Серпенс, Змей	Аратус.	64	
Скутум Собеского, Щит Собеского	Гевелий.	8	
Геркулес с Цербером	Аратом.	113	Рас Альграта, 3.
Змееносец, или Змееносец Змееносец	Арат.	74	Рас Алиагус, 2.
Телец Понятовский, или Бык Понятовского	Поэзобат.	7	
Лира, Арфа	Арата.	22	Вега, 1.
Vulpeculus et Anser, Лисица и гусь	Гевелий.	37	
Сагитта, Стрела	Арата.	18	
Аквила, Орел, с Антиноем	Аратом.	71	Альтаир, 1.
Дельфин	Арат.	18	
Лебедь	Аратус.	81	Денеб, 1.
Кассиопея, Дама в своем кресле	Арат.	55	
Эквулус, Голова Лошади	Птолемея.	10	
Лацерта, Ящерица	Гевелия.	16	
Пегас, Летающий Конь	Аратус.	89	Маркаб, 2.

Андромеда	Аратус.	66	Альмаак, 2.
Турандус, Олень	Лемонье.	12	

Несколько замечаний относительно некоторых из этих созвездий и великолепных сфер, которые они помогают обозначить взорам смертных, могут уместно завершить эту главу.

Мы уже упоминали о *Большой Медведице*, которая образует один из самых заметных объектов северного неба. В разное время и у разных народов он носил разные названия. У греков это былорρκτος μεγάλη, у латинян - “Три сентября”. В некоторых местах он известен как Колесница Давида; китайцы называют его *Чоу-пей*.

Днем и ночью это созвездие наблюдает за северным горизонтом, совершая медленный и величественный оборот вокруг Полярной Звезды за двадцать четыре часа. Четырехугольник звезд в теле Большой Медведицы образует колеса колесницы; треугольник в ее хвосте - шест колесницы. Над вторым из трех последних сияет маленькая звезда Алькор, также называемая Всадником. Арабы называют это Сайдак, или “Испытание”, потому что они используют его, чтобы испытать дальность и силу зрения человека.

Это блестящее северное созвездие, состоящее, за исключением δ, из звезд второй величины, часто воспевалось поэтами. Мы можем перефразировать, для удобства наших читателей, яркий апостроф, вышедший из—под пера the American Ware:

Какими величественными шагами, говорит он, движется оно вперед по своему вечному кругу, следуя среди звезд своим царственным путем в медленном и безмолвном великолепии! Могущественное творение, я приветствую тебя! Я люблю видеть тебя бредущим по сияющим тропам, как великана, гордящегося своим крепким поясом, — сурового, неутомимого, решительного, — чьи ноги никогда не запинаются на дороге, лежащей перед ними. Другие племена оставляют свой ночной образ жизни и опускают свои усталые глаза под волны; но ты, ты никогда не закрываешь свои горящие глаза и никогда не приостанавливаешь своих решительных шагов. Вперед, всегда вперед! В то время как системы меняются, и солнца удаляются, и миры погружаются в сон и снова пробуждаются, ты продолжаешь свой бесконечный поход. Близкий горизонт пытается остановить тебя, но тщетно. Бдительный страж, ты никогда не оставляешь свой вековой долг; но, не позволяя застать себя врасплох сном, ты охраняешь неизменный свет вселенной и не даешь северу когда-либо забыть свое место.

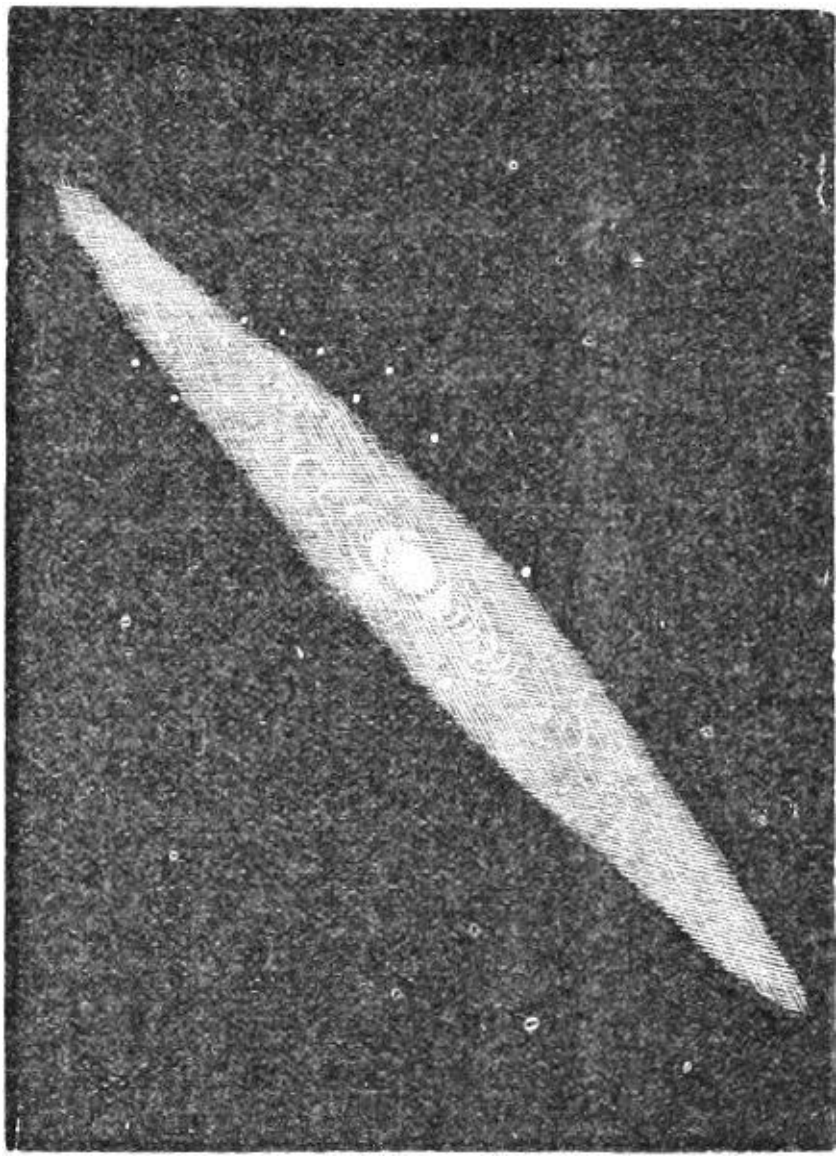
Семь звезд находятся в этой сияющей компании; глаз охватывает их все одним взглядом; однако их расстояния друг от друга не меньше, чем расстояние каждой из Них от Земли. И это опять-таки взаимное расстояние небесных центров или фокусов. Из глубин небес, неисследованных мыслью, пронзительные лучи пронзают пустоту, открывая нашим чувствам бесчисленные миры и системы. Давайте вооружим наше зрение телескопом и осмотрим небесный свод. Небеса широко раскрываются; ливень сверкающих огней нисходит на нашу голову; звезды смыкают свои ряды, концентрируются в регионах, столь отдаленных, что их быстрые лучи (быстрее, чем что-либо другое в творении) должны путешествовать столетиями, прежде чем смогут достичь нашей Земли. Земля, солнце и вы, созвездия, что вы такое среди этой бесконечной необъятности и множества Божественных творений!

Если мы повернемся лицом к Полярной звезде, которая, как мы видели, сохраняет свое место в центре северной области неба, у нас за спиной будет юг, восток справа от нас, запад

слева. Все звезды, вращающиеся вокруг Полярной звезды справа налево, следует распознавать по их взаимному расположению, а не относить к сторонам света. По другую сторону Полярной Звезды, по сравнению с Большой Медведицей, мы находим другое легко узнаваемое созвездие. Если от центральной звезды δ провести линию к Полюсу, а затем продлить ее на равное расстояние, то мы пересекаем созвездие *Кассиопеи*, состоящее из пяти звезд третьей величины, расположенных чем-то наподобие внешних косяков буквы М. Маленькая звезда χ, завершающая квадрат, придает ему также форму стула. Эта группа занимает всевозможные положения, вращаясь вокруг Полюса, находясь то над ним, то под ним, то слева, то справа; но ее всегда легко найти, потому что, подобно *Большой Медведице*, которой она неизменно противоположна, она никогда не заходит. Полярная звезда - это ось, вокруг которой вращаются эти два созвездия.

Если мы теперь проведем от звезд α и δ в *Большой Медведице* две линии, пересекающиеся на Полюсе, а затем расширим их за пределы *Кассиопеи*, они упрутся в квадрат *Пегаса*, который ограничен с одной из сторон группой или серией из трех звезд, напоминающих треугольник в *Большой Медведице*. Эти три принадлежат к созвездию *Андромеды* (α, β и γ) и сами примыкают к другой группе из трех орбит, к группе *Персея*.

Последняя звезда в квадрате *Персея* также является первой звездой *Андромеды*: остальные три названы Алгениб, γ; Маркаб, α; и Схит, β. К северу от *Андромеды* β, недалеко от маленькой звезды ν, полярный путешественник различит продолговатую туманность, которую можно сравнить со светом свечи, видимым сквозь роговой слой; это первая туманность, упоминание о которой встречается в анналах астрономии. В *Персее* α, очень ярком шаре, расположенном на вытянутой плоскости трех главных звезд *Андромеды*, равномерно сияет между двумя менее ослепительными сферами, и образует вместе с ними вогнутую дугу, которую очень легко различить. Этой дугой мы можем воспользоваться в качестве новой отправной точки. Продолжая его в направлении δ, мы приходим к очень яркой звезде первой величины, *Козлу*. Формируя прямой угол к этому продолжению в южном направлении, мы подходим к той великолепной массе звезд, которая не очень часто появляется над полярным горизонтом, - *Плеядам*. У древних они пользовались дурной славой. Предполагалось, что их появление предвещало сильные штормы, и Валерий Флакк говорит о них как о смертельных для кораблей.



ТУМАННОСТЬ АНДРОМЕДЫ.

Алголь, или Голова Медузы, известная астрономам как Персей β, принадлежит к особому классу Переменных звезд. Вместо того чтобы сиять постоянным блеском, как другие шары, он иногда очень яркий, а иногда очень бледный; переходя, по-видимому, от второй к четвертой величине. По словам Гудрика, период его изменения составляет 2 дня 20 часов 48 минут. Этот феноменальный характер был впервые замечен Маральди в 1694 году; но продолжительность изменения была определена Гудриком в 1782 году. В течение двух дней и четырнадцати часов он остается самым ярким и великолепно сияет в небесах. Затем его блеск внезапно начинает ослабевать и через три с половиной часа уменьшается до минимума. Однако самый слабый период его действия длится не более пятнадцати минут. Затем его яркость начинает увеличиваться, и еще через три с половиной часа он восстанавливается в своем полном великолепии; таким образом, он проходит череду изменений за 2 дня 20 часов 48 минут.

Эта необычная периодичность навела Гудрика на мысль о некоем непрозрачном теле, вращающемся вокруг звезды и, встав между ней и Землей, перекрывающем часть ее света. Алголь - одна из самых интересных желанных звезд, которые зажигаются в долгой арктической тьме.

Звезда ζ в *Персее*, расположенная над “бурными Плеядами”, двойная; то есть двойная звезда. ξ в Большой Медведице также есть звезда-близнец; как и Полярная звезда, вторая и меньшая звезда, кажущаяся просто пятнышком по сравнению со своим компаньоном.

Это главные звезды и звездные группы в приполярных областях неба, с одной стороны; давайте теперь обратим наше внимание на другую.

Для этой цели мы снова должны взять Большую Медведицу за отправнуюточку. Удлиняя хвост в его изгибе, арктический путешественник замечает на некотором расстоянии от него звезду первой величины Арктур, или Боэтес α. Эта звезда, хотя и без каких-либо авторитетных источников, одно время считалась ближайшей к Земле из всего звездного воинства. Примерно в 10 ° к северо-востоку от него находится Мирак, или ε Boötes; один из самых красивых небесных объектов из-за контрастных оттенков, желтого и лазурного, двух составляющих его звезд. К сожалению, двойные шары невозможно отчетливо разглядеть, кроме как в телескоп с двухсоткратным увеличением.

Небольшое звездное кольцо слева от Боотеса соответственно известно как *Северная корона*, или Северная корона.

Созвездие *Боэтов* образует пятиугольник; и все звезды, составляющие его, имеют третью величину, за исключением α, которая относится к первой. Арктур, как мы уже говорили, в древности считался ближайшей к Земле звездой. Во всяком случае, это *один* из ближайших объектов, и он принадлежит к небольшому числу тех, расстояние до которых нашим астрономам удалось вычислить. Это 61 триллион, 712 000 миллионов лье от нашей планеты; расстояние, о котором мы не можем составить никакого заметного представления. Более того, это цветная звезда; рассматривая ее в телескоп, мы видим, что она того же оттенка, что и “красная планета Марс”.

Проведя линию от Полярной звезды к Арктуру и подняв перпендикуляр в середине этой линии, напротив *Большой Медведицы*, наблюдатель арктического неба обнаружит одно из самых ярких ночных светил, *Вегу*, или α Лиру, недалеко от Млечного Пути. Звезда β Лира, или Шелиак, является переменной звездой, изменяющейся с третьей на пятую звездную величину и совершающей свое изменение за 6 дней, 10 часов и 34 минуты. β и ε Лиры - четверные системы, каждая из которых состоит из двойных звезд.

Линия, проведенная от Арктура до Веги, пересекает созвездие Геркулеса.

Между Большой и Малой Медведицами можно наблюдать длинный ряд маленьких звезд, как бы сворачивающихся в несколько спиралей и простирающихся в сторону Веги: они принадлежат к созвездию *Дракона*.

Таковы основные объекты, которые привлекают внимание путешественника при созерцании усыпанного звездами небосвода полярной ночи.

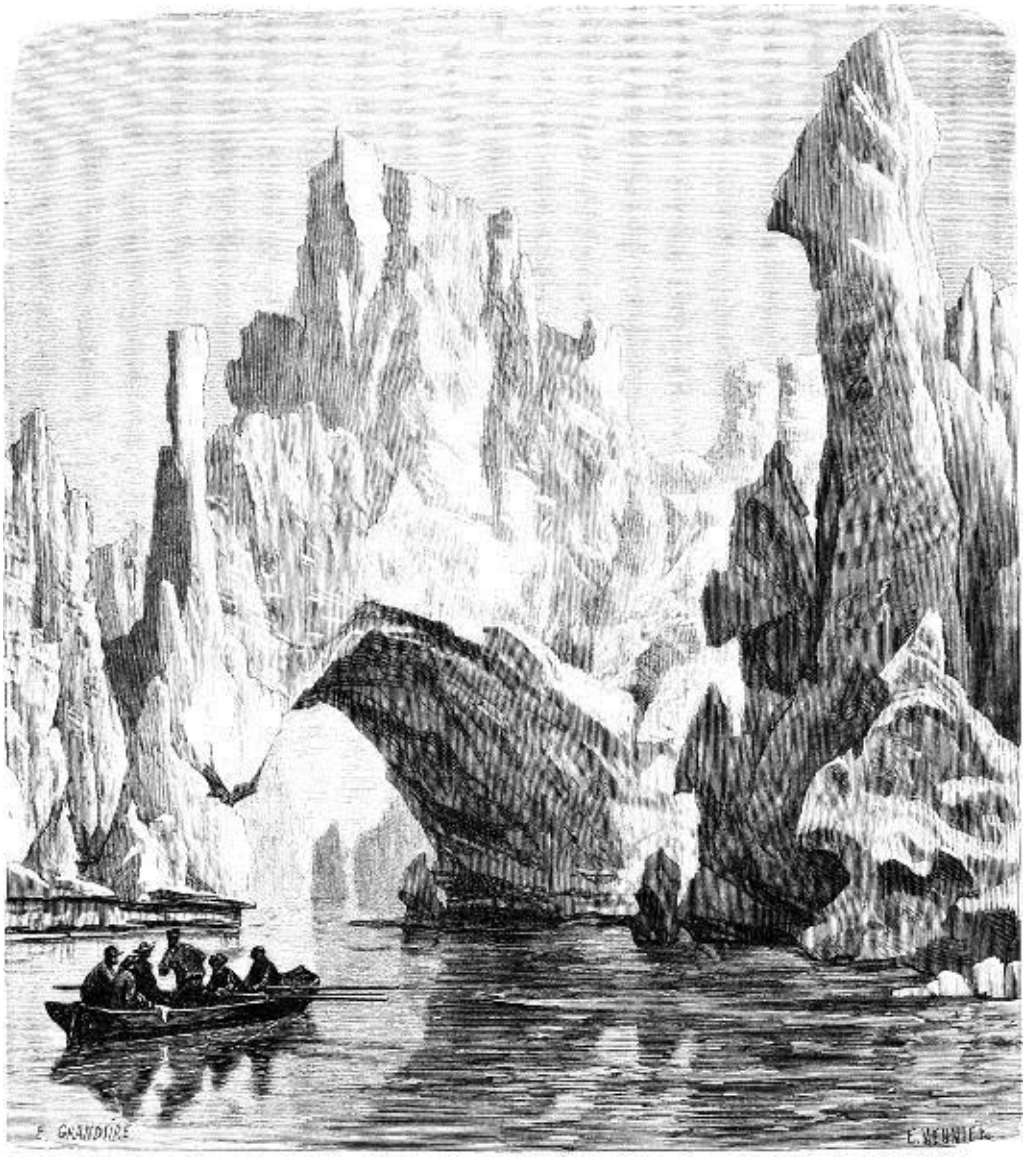
ГЛАВА III.

ПОЛЯРНЫЕ МОРЯ: АЙСБЕРГИ—ЛЬДИНЫ-ТЮЛЕНЬ—МОРЖ, НАРВАЛ—КИТ — РАЗЛИЧНЫЕ ФОРМЫ МОРСКОЙ ЖИЗНИ.

Те массы льда, которые, возвышаясь на значительную высоту над поверхностью воды, переносятся туда-сюда течениями Полярного моря, известны как *айсберги*. Это пресноводные образования, берущие начало в великих ледниках северного нагорья. Ибо, как реки непрерывно вливают свои воды в океан, так и ледники непрестанно скользят вниз от начала долин, которые они занимают, пока, достигнув побережья, не сбрасывают свои конечные выступы, которые уносятся вдаль действием приливных волн.

Эти айсберги, или плавучие горы, иногда возвышаются на 250-300 футов над уровнем моря, и их вместимость неизменно равна их высоте. Исходя из их удельного веса, было подсчитано, что объем айсберга, *находящегося под* водой, в восемь раз превышает объем части, возвышающейся над ним. Они часто бывают самого внушительного масштаба. Росс во время своей первой экспедиции столкнулся с одним из них в Баффиновом заливе, на расстоянии семи лиг от суши, который сел на мель на глубине шестидесяти одной морской сажени. Его размеры, по словам лейтенанта Пэрри, составляли 4169 ярдов в длину, 3869 ярдов в ширину и 51 фут в высоту. Его конфигурация описывается как напоминающая заднюю часть острова Уайт, в то время как его утесы напоминают те меловые валы, которые тянутся своей сверкающей линией к западу от Дувра. Его вес был рассчитан в 1 292 397 673 тонны. Капитан Грааб исследовал массу на западном побережье Гренландии, которая возвышалась над водой на 120 футов, имела 4000 футов в окружности у основания и, по расчетам, была равна по объему более 900 000 000 кубических футов. Доктор Хейс произвел измерения айсберга, севшего на мель у маленькой гавани Тессуиссак, к северу от залива Мелвилл. Квадратная стена, обращенная к его базе триангуляции, имела чуть больше трех четвертей мили в длину и 315 футов в высоту. Поскольку над морем у него были почти квадратные стороны, то и под ним он должен был иметь такую же форму; и, согласно уже приведенному соотношению, должно быть, сел на мель на глубине добрых полумили. Другими словами, от основания до вершины он, должно быть, был таким же высоким, как пик Сноудон. Его кубический объем не мог быть меньше примерно 27 000 000 000 футов, а вес - более 2 000 000 000 тонн!

При взгляде издалека зрелище любого значительного количества этих медленно движущихся гор очень впечатляет, и оно становится особенно великолепным, если его осветить великолепием полуночного солнца. Они величественны не только по размерам, но и по внешнему виду, то принимая вид величественного кафедрального собора, то высокого обелиска, то ослепительной пирамиды, то группы высоких башен. Казалось бы, природа щедро одарила их всей своей архитектурной фантазией; и поскольку они величественно возвышаются, можно было бы простить предположение, что это омываемые морем дворцы расы океанских Титанов.

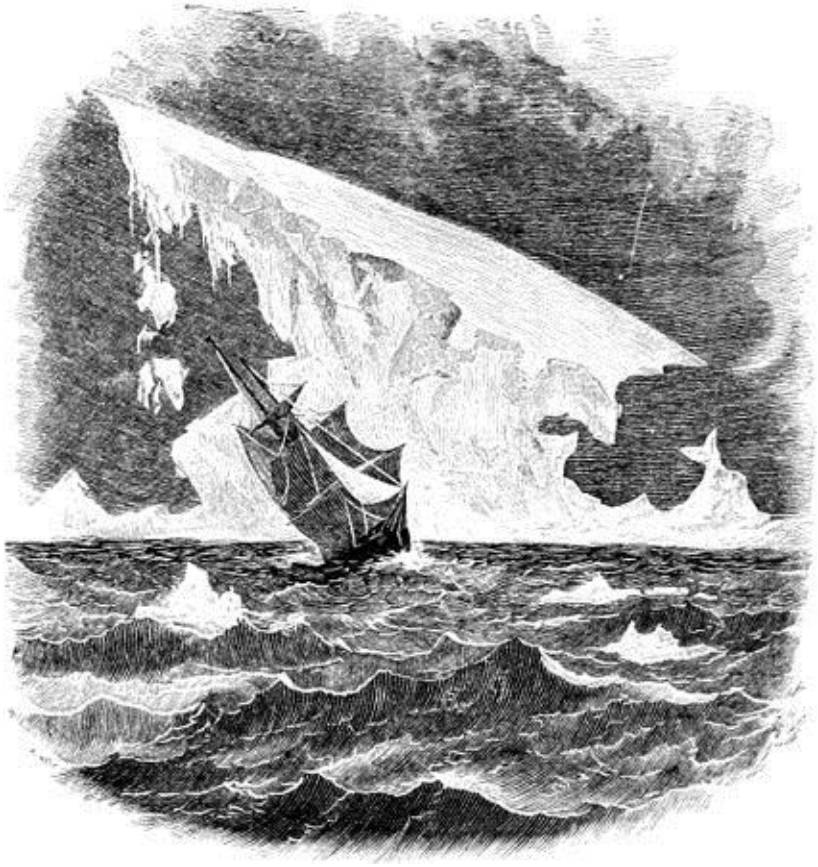


ИЗОГНУТЫЙ АЙСБЕРГ У БЕРЕГОВ ГРЕНЛАНДИИ.

В заливе Мелвилл корабль доктора Кейна бросил якорь у айсберга, который защитил его от ярости сильного шторма. Но он недолго наслаждался предоставленным им спокойным убежищем, когда наверху послышался громкий треск; и маленькие осколки льда, не крупнее грецкого ореха, начали усеивать воду, словно первые крупные капли грозового дождя. Доктор Кейн и его команда не пренебрегли этими признаками; однако едва они успели отчалить, как поверхность ледяной скалы превратилась в руины, грохоча, как артиллерийский снаряд.

После этого он пристал к айсбергу побольше, который он описывает как движущийся волнорез гигантских размеров; он неуклонно держал курс на север.

Когда он снялся с якоря и направился на северо-восток через лабиринт льдин, ему представилось великолепное зрелище, которое вряд ли какое-либо предвкушение опасности могло заставить его не заметить. Полуночное солнце выглянуло из-за северного гребня огромного айсберга, зажигая разноцветные огни на каждой части его поверхности и превращая лед вокруг в одну изумительную прозрачность из подсвеченных драгоценных камней, сверкающих карбункулов, рубинов и расплавленного золота.



СРЕДИ АЙСБЕРГОВ — УЗКИЙ ПОБЕГ.

Доктор Хейс описывает огромный айсберг, который в общих чертах напоминал Вестминстерский дворец, созданный сэром Чарльзом Барри. Он разрушился на его глазах. Сначала одна высокая башня рухнула головой в воду, подняв с поверхности бесчисленный рой чаек; затем последовала другая; и, наконец, после пяти часов ужасных разрушений от этого архитектурного ледяного колосса не осталось ни одного фрагмента, возвышавшегося на пятьдесят футов над водой.

Эти плавучие островки льда уносятся на юг на целых две тысячи миль от своих родительских ледников, чтобы растаять в Атлантике, где они сообщают ощутимый холод воде на тридцать-сорок миль вокруг, в то время как их влияние на температуру атмосферы можно распознать на большем расстоянии. Их количество просто поразительно. В Полярном бассейне было замечено сразу до семисот айсбергов, каждый из которых выше купола собора Святого Павла, а некоторые - креста Святого Петра; как будто Ледяной Король послал армаду, чтобы противостоять опрометчивой попытке человека проникнуть в пределы его владений. Волны разбиваются о них, как о окованный железом берег, и часто брызги перелетают через самые их вершины, подобно брызгам от бурлящих вод Ла-Манша над гребнем Эддистоунского маяка. Лед крошится с их поверхности и падает в море с грохотом, подобным артиллерийскому; и по мере того, как они истощаются под совместным действием воздуха и воды, они время от времени теряют равновесие и опрокидываются, производя волну и сильное волнение, которые раскалывают соседние ледяные поля: шум распространяется далеко и широко, и кажется, что вокруг гремит гром.

Трещины или разломы, часто видимые в сверкающих скалах айсбергов, имеют изумрудно-зеленый цвет и похожи на участки красивой свежей травы на меловых утесах; в то время как лужицы воды самого изысканного сапфирово-синего цвета ослепительно сияют на их поверхности или стекают по их скалистым склонам светящимися каскадами.

Даже ночью их легко отличить издалека по их сиянию, а в туманную погоду - по особенной черноте в атмосфере. Поскольку Гренландское течение часто относит их к югу от Ньюфаундленда и даже к 40-й или 39-й параллели широты, корабли и пароходы, пересекающие границу между Европой и Америкой, иногда встречаются им на пути. Столкновение с ними - верная гибель; и вполне вероятно, что некоторые из тех злополучных судов, которые благополучно покинули свои гавани, но с тех пор о них никогда не слышали, — как, например, пароход "*Президент*".

Но если они иногда опасны для моряка, то часто доказывают его безопасность. Поскольку большая часть их массы находится ниже поверхности воды, они либо уносятся подводными течениями против ветра, либо из-за своих колоссальных размеров способны противостоять самому сильному шторму и двигаться с величественной медлительностью, когда мимо них быстро проносятся льды любого другого вида. И поэтому случается, что при встречном ветре китобоец рад вывести свое судно на гладкую воду с подветренной стороны. Описывая трудности своего перехода через рыхлый и дрейфующий лед у мыса Йорк и разбитые ледяные поля, доктор Кейн отмечает помощь, которую он получил от больших айсбергов, к которым он пришвартовал свое судно, и таким образом, по его словам, смог удержаться на плаву, как бы быстро надводные льдины ни проходили мимо него на юг.

Однако постановка на якорь айсберга иногда сопряжена с опасностями. Как мы уже говорили, большие куски часто отрываются от вершины или боков и падают в море с оглушительным грохотом. Когда происходит эта операция, “отел”, как ее называют, горе несчастному кораблю, который лежит под водой!

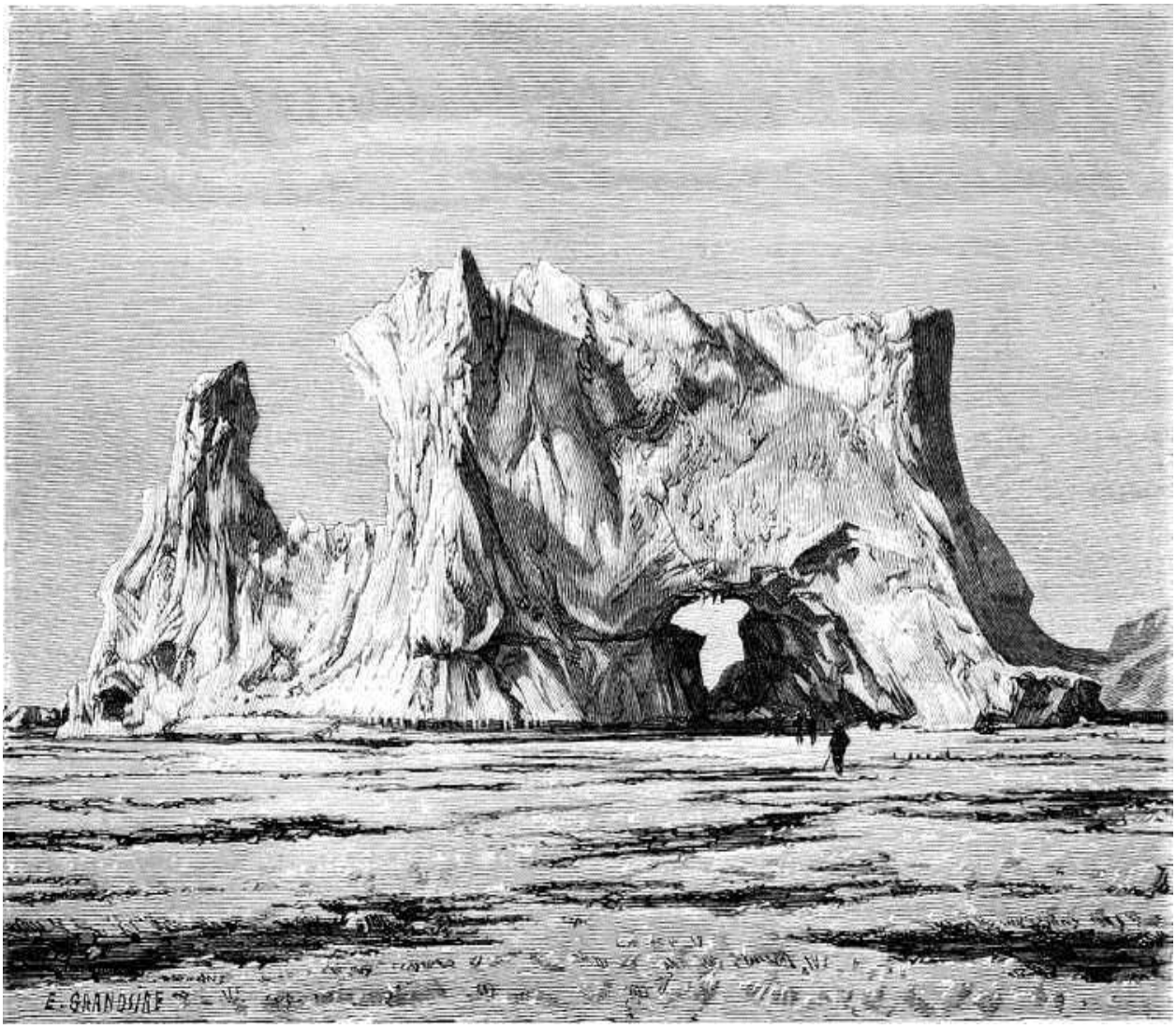
Любой лед становится чрезмерно хрупким под воздействием солнца или умеренной атмосферы, и одного удара топора достаточно, чтобы расколоть огромный айсберг на части, похоронив беспечного искателя приключений под обломками или сбросив его в зияющую пропасть.

Доктор Скорсби описывает приключение двух моряков, которых послали прикрепить якорь к айсбергу. Они принялись за работу, чтобы прорубить дыру во льду, но едва был нанесен первый удар, как колоссальная масса раскололась сверху донизу и развалилась на части, две половины с оглушительным грохотом разлетелись в разные стороны. Один из матросов, проявив поразительное присутствие духа, мгновенно вскарабкался на огромный обломок, на котором он сидел, и продолжал раскачиваться взад и вперед на головокружительной вершине, пока не восстановил равновесие; другой, упав между массами, вероятно, был бы раздавлен насмерть, если бы течение, вызванное их волнением, не отнесло его в пределах досягаемости ожидавшей их лодки.

Крепление к айсбергу, говорит Шерард Осборн, сопряжено с определенными рисками. Иногда первый удар человека, ставящего ледяной якорь, вызывает сотрясение айсберга, и люди, занятые таким образом, подвергаются большому риску получить увечья; в другой раз суда, вынужденные швартоваться под крутым бортом айсберга, были серьезно повреждены кусками, отколовшимися над головой; и, опять же, известно, что выступающие массы, называемые языками, которые образуют под водой основание айсберга, отламываются и ударяют по судну с такой силой, что оно тонет. Все эти опасности должным образом описаны каждым арктическим мореплавателем, который при швартовке к айсбергу всегда обращает внимание на низкую и пологую сторону, без каких-либо выступов под водой.

Капитан Пэрри однажды был свидетелем этого величественного зрелища, которое, хотя и является частым явлением, редко можно увидеть человеческими глазами, - полного растворения огромного айсберга.

Его огромные размеры и массивность были особо отмечены, и люди подумали, что он вполне может выдержать “столетие солнца и оттепели”. Он выглядел таким же большим, как Вестминстерское аббатство. Все на борту корабля капитана Парри описывали как самое чудесное зрелище этот айсберг, без всякого предупреждения полностью расколовшийся. Море вокруг него превратилось в бурлящий котел от яростного падения масс, когда они разбивались и вновь разбивались на тысячи кусков. Льдины, разорванные на две мили вокруг него яростным действием набегающих вод, из-за волнения льда угрожали уничтожить любое судно, оказавшееся среди них; и капитан Парри и его команда поздравили себя с тем, что они были достаточно далеко от места происшествия, чтобы лицезреть его величие, не подвергаясь опасности.



АЙСБЕРГ И ЛЕДЯНОЕ ПОЛЕ, ЗАЛИВ МЕЛВИЛЛ, ГРЕНЛАНДИЯ

Айсбергов в основном предостаточно в Баффиновом заливе, а также в связанных с ним заливах и бухточках. Особенно многочисленны они в большом углублении, известном как залив Мелвилл, вся внутренняя часть страны, граничащая с ним, является местом скопления огромных ледников, и они постоянно “сбрасывают” айсберги самых больших размеров. Большая их часть, как мы уже объясняли, находится ниже ватерлинии; и соответствующая глубина, на которую они погружаются при плавании, подвергает их действию более глубоких океанских течений, в то время как их широкая поверхность над водой, конечно, подвергается воздействию ветра. Поэтому, как отмечает доктор Кейн, нередко случается, что они движутся в разных направлениях от окружающих их льдин и

какое-то время препятствуют их замерзанию в единую массу. Тем не менее, в конце зимы, когда крепчают холода, залив Мелвилл превращается в сплошную массу льда от мыса Йорк до Большого Пальца Дьявола. В других случаях этот регион оправдывает название, которым его наградили китобои, - “Берги-Хоул”.

Капитан Бичи во время своего плавания с Бьюкеном в 1818 году имел возможность наблюдать образование “айсберга”, или, скорее, двух из этих огромных масс. В бухте Магдалена он сел на корабельный катер недалеко от берега, чтобы осмотреть великолепный ледник, когда выстрел из ружья мгновенно разрушил его основную массу. Со стороны ледника послышался шум, напоминающий гром, и еще через несколько секунд от него откололся огромный кусок и упал головой в море. Команда катера, полагая, что они вне досягаемости его влияния, спокойно наблюдала за происходящим, когда поднялось море и накатило на берег с такой быстротой, что лодку выбросило на берег и наполнило водой. Как только их изумление улеглось, они осмотрели лодку и обнаружили, что она так сильно повреждена, что ее необходимо было починить, прежде чем они смогут вернуться на свой корабль. Им также было любопытно измерить расстояние, на которое лодку отнесло волной, и они установили, что оно составляло девяносто шесть футов.

Вскоре после этого, когда капитан Бичи и лейтенант Франклин приблизились к одной из этих колоссальных ледяных стен и пытались заглянуть в самое сокровенное углубление глубокой пещеры, лежащей у подножия ледника, они внезапно услышали выстрел, похожий на пушечный, и, повернувшись в ту сторону, откуда он исходил, увидели, как огромный участок передней части ледника соскользнул с высоты по меньшей мере двухсот футов в море и разогнал воду во всех направлениях, сопровождаемый громким скрежещущим звуком, за которым последовал отток воды. который, ранее застряв в трещинах, теперь вырвался наружу бесчисленными крошечными сверкающими ручейками и водопадами.

Отделившаяся таким образом масса сначала полностью исчезла под водой, и ничего не было видно, кроме сильного бурления моря и вздымающихся облаков сверкающих брызг, подобных тем, что возникают у подножия большого водопада. Но через короткое время он появился снова, подняв голову на добрую сотню футов над поверхностью, со всех сторон по нему струилась вода; а затем, с трудом, словно сомневаясь, в какую сторону ему падать, перевернулся, несколько минут раскачивался взад-вперед и, наконец, успокоился.

Приблизившись и измерив его, Бичи обнаружил, что оно имеет почти четверть мили в окружности и выступает на шестьдесят футов над водой. Зная его удельный вес и делая справедливую поправку на неравномерность, он вычислил его вес в 421 660 тонн.

В первом плавании Пэрри сразу после пересечения Полярного круга он прошел за один день мимо пятидесяти айсбергов больших размеров; а на следующий день мимо еще более протяженной цепи ледяных пиков еще больших размеров, на которые яростно налетала тяжелая южная зыбь, разбивающая рыхлый лед с огромной силой, иногда поднимая над ними белые брызги на высоту более ста футов и сопровождаемая громким шумом, “в точности напоминающим раскаты далекого грома”.

Между одним из этих айсбергов и оторвавшейся льдиной “*Гекла*", корабль Парри, едва не был, как говорят китобои, "зажат” или раздавлен. Айсберг имел около ста сорока футов в высоту и садился на мель на глубине ста двадцати морских саженей, так что вся его высота, должно быть, превышала восемьсот футов; то есть по объему он был равен церкви Святой Екатерины на острове Уайт.

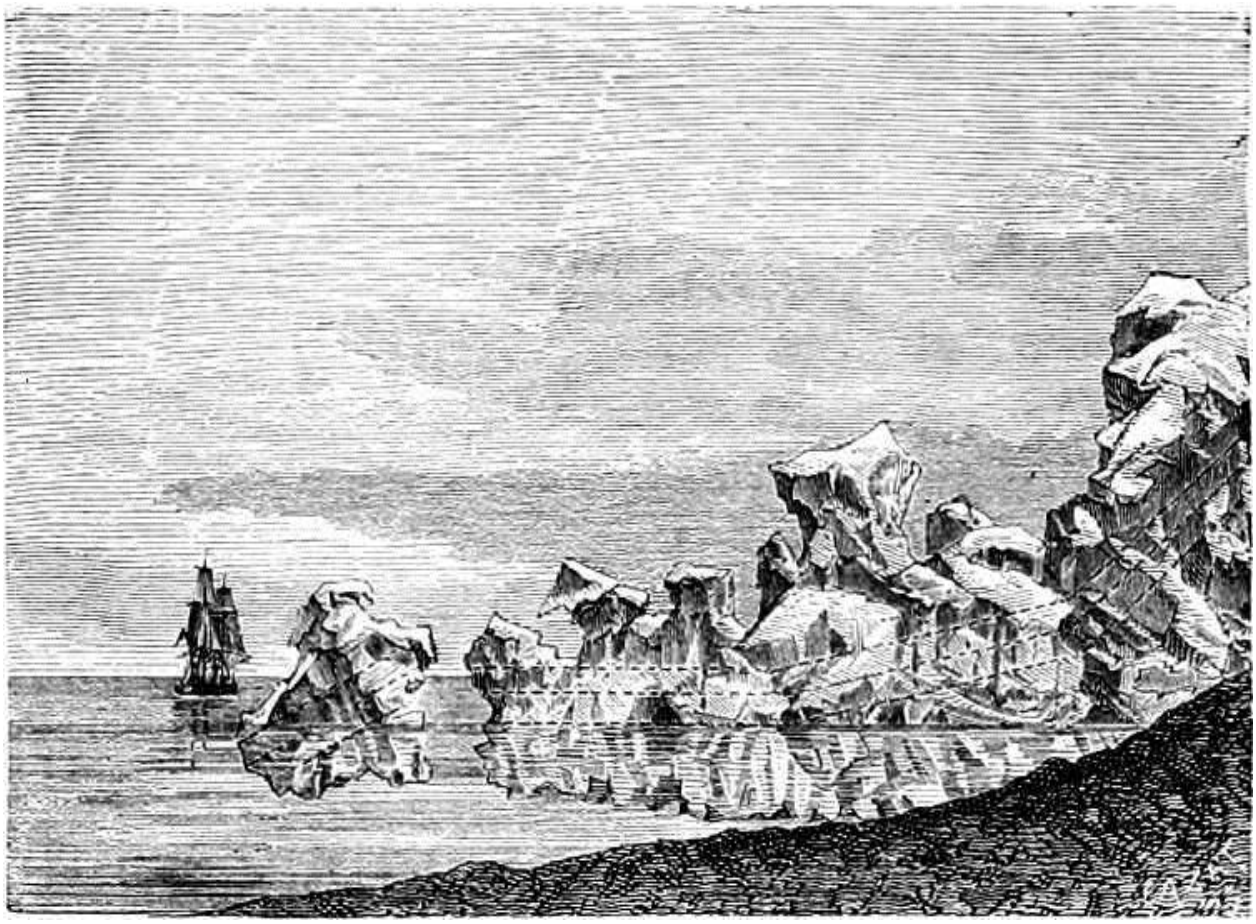
В своем втором путешествии Пэрри говорит о пятидесяти четырех айсбергах, видимых одновременно, некоторые из которых находились на высоте не менее двухсот футов над

уровнем моря; и снова о тридцати таких огромных массах, многие из которых были закручены приливами, как соломинки в мельничном потоке.

Айсберги могут образовываться только в регионах, где ледников предостаточно: первые являются порождением вторых, и там, где нет земель, непригодных для производства последних, первые никогда не встречаются. Следовательно, в Баффиновом заливе, где крутые скалы из холодного гранита хмурятся над почти бездонными водами, “монарх ледниковых образований” медленно выплывает из ущелья, которое было его местом рождения, пока не погрузится в глубины океана, и “по прошествии долгих лет” дрейфует в более теплые регионы Атлантики, чтобы способствовать сохранению законов природы о равновесии температуры воздуха и воды.

Было время, когда ученые, и, среди прочих, французский философ Сен-Пьер, верили, что айсберги - это снег и льды, веками накапливавшиеся в арктическом море, которые, образуясь на полюсах, отделялись от материнской массы. Такая гипотеза, естественно, породила множество теорий, не менее остроумных, чем поразительных, относительно эффекта, который непрерывное скопление льда должно производить на самом земном шаре; и Сен—Пьер намекнул на возможность того, что огромные “ледяные купола”, которые, как он предположил, поднимались на огромную высоту в пронзительных морозных небесах полюсов, внезапно устремились к Экватору, растворились под тропическим солнцем и привели ко второму потопу!

Простым языком профессор Тиндалл дает объяснение происхождения айсбергов, которое мы можем перенести на эти страницы в дополнение к предыдущим замечаниям.



ПРОИСХОЖДЕНИЕ АЙСБЕРГОВ — РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЛЕДНИКА В СТОРОНУ МОРЯ.

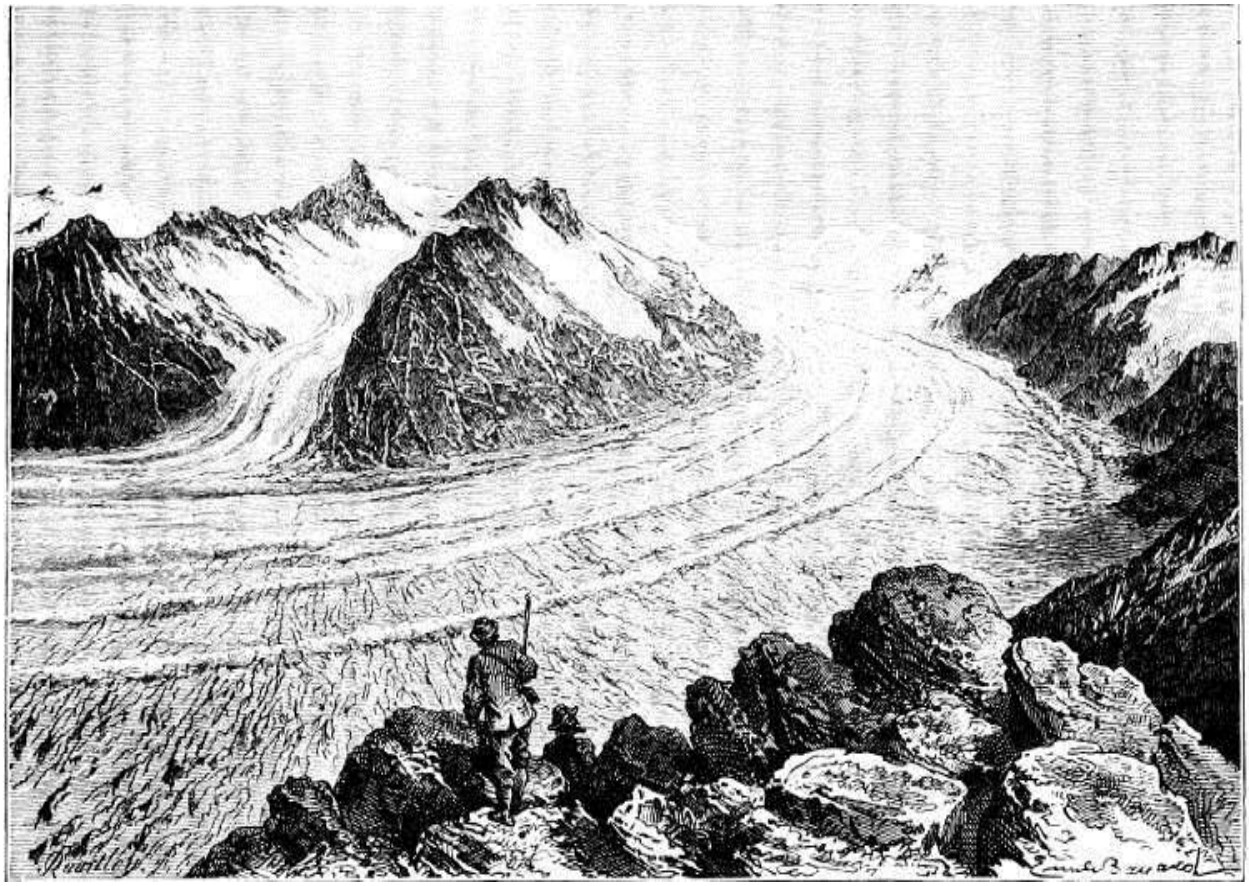
Каково их происхождение? он спрашивает; и он отвечает, как и мы, - арктические ледники. С гор в глубине страны затвердевшие снега стекают в долины и заполняют их льдом. Созданные таким образом ледники, подобно швейцарским, непрерывно движутся вниз. Но арктические ледники спускаются к морю и даже входят в него, часто вспахивая его дно подводными моренами. Подтачиваемые непрерывным действием волн и неспособные противостоять давлению собственного веса, они прорываются через поверхность и выбрасывают огромные массы в океан. Некоторые из них дрейфуют у соседних берегов и часто сохраняются годами. Другие уплывают на юг и попадают в широкую Атлантику, где в конце концов растворяются. Но для простого разжижения льда требуется огромное количество тепла, и по этой причине таяние айсбергов происходит так медленно, что, будучи большими, они иногда сохраняются до тех пор, пока их не отнесет течением на две тысячи миль от места их рождения.

Таким образом, айсберги представляют собой пресноводные образования, и хотя они встречаются в колоссальных масштабах только в полярных морях, все же они отнюдь не редкость среди высокогорных альпийских озер.

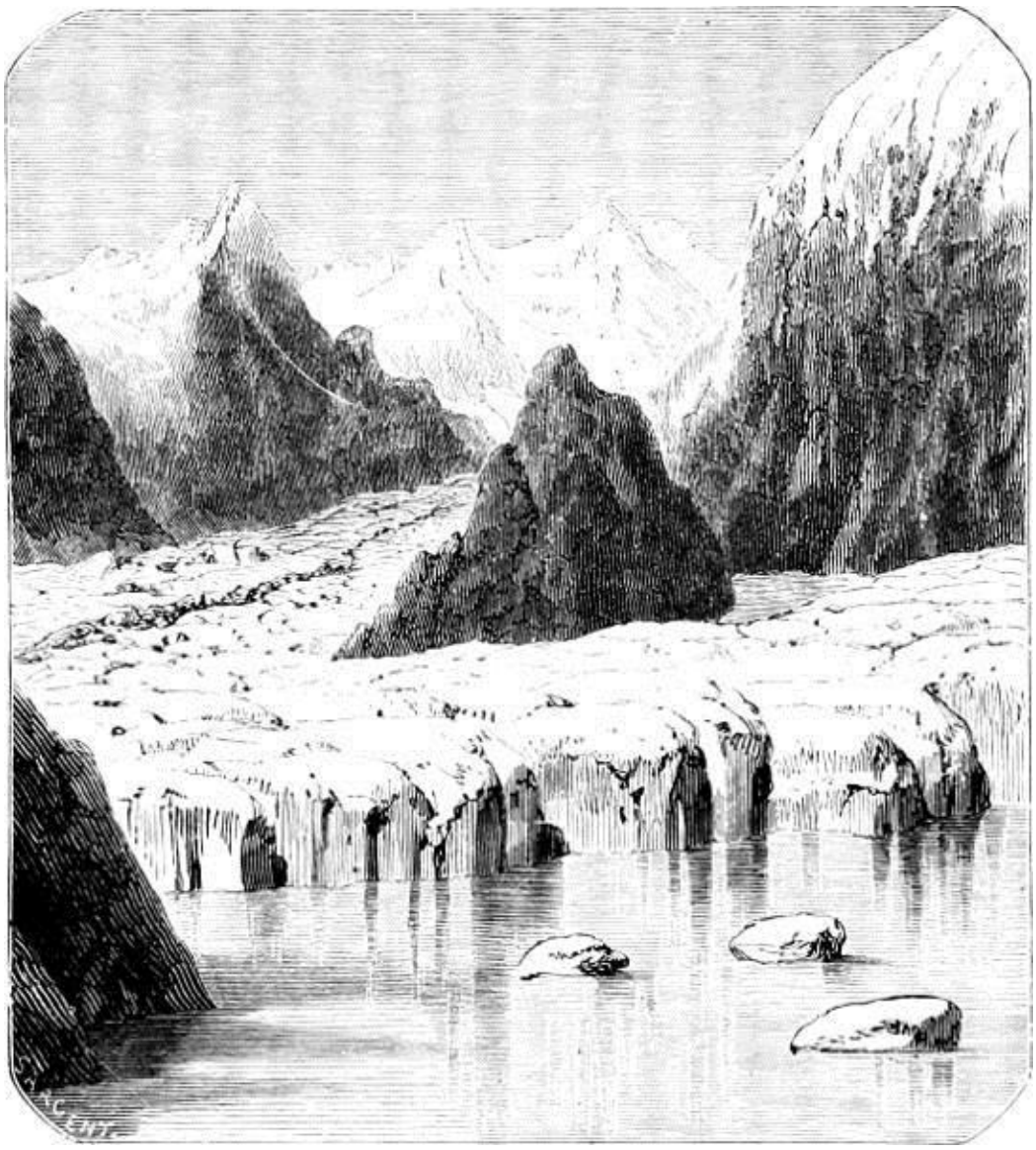
Повелителем европейских ледяных рек является большой ледник Алеч, расположенный в верховьях долины Роны. Он имеет около двадцати миль в длину и собирается из снежных заносов самых величественных гор Бернского Оберланда - Юнгфрау, Менха, Трюгберга, Алечхорна, Брайтхорна и Глетчерхорна.

С вершины Эггишхорна путешественнику по Альпам открывается прекрасный вид на его русло, похожее на реку, и он видит под собой, по правую руку, окруженный защищающими горами объект почти поразительной красоты. “Вон там, - говорит Тиндалл,[6], “ мы видим голую сторону ледника, обнажающую блестящие ледяные утесы высотой шестьдесят или семьдесят футов. Могло бы показаться, что алечи здесь были заняты тщетной попыткой просунуть руку через боковую долину. Когда-то так и было; но теперь рукав постоянно отламывается близко к телу ледника, и огромное пространство, ранее покрытое льдом, занято его жидкой водой. Таким образом образуется озеро прекраснейшей синевы, которое достигает самого основания ледяных утесов, иссушает их, подобно тому как арктические волны иссушают гренландские ледники, и получает от них обломки, которые оно подорвало. Когда мы смотрим вниз на озеро, по спокойной поверхности проплывают небольшие айсберги, каждый из которых напоминает снежного лебедя в сопровождении своей тени”.

Это озеро называется Швейцарским морем Марьелен.



ЛЕДНИК АЛЕЧ, ШВЕЙЦАРИЯ, С ЭГГИШХОРНА, ПОКАЗАНЫ ЕГО МОРЕНЫ.



МОРЕ МАРЬЕЛЕН, ШВЕЙЦАРИЯ.

Профессор Тиндалл продолжает описывать зрелище, свидетелем которого он был и которое, как мы видели, часто встречается в Арктических морях. Большой и одинокий айсберг плавал посреди озера. Внезапно он услышал звук, похожий на водопад, и, посмотрев в сторону айсберга, увидел, что с его боков стекает вода. Откуда взялась вода? Айсберг стал слишком тяжелым сверху из-за таяния под ним; он выполнял сальто и, переворачиваясь, уносил с собой огромное количество воды, которая водопадом стекала по его бокам. А айсберг, который всего мгновение назад был снежно-белым, теперь приобрел нежно-голубой цвет, характерный для плотного льда. Однако вскоре она снова стала белой под действием солнца.

Мы можем сравнить эту картину одинокого айсберга в центре темно-синего озера с картиной, описанной доктором Хейсом в его живописном путешествии по открытому Полярному морю.

Миновав Упернавик, он увидел плотную линию айсбергов, лежащих поперек его курса, и, не имея альтернативы, врезался в них. Некоторые из них оказались огромных размеров — более двухсот футов в высоту и милю в длину; другие были не больше шхуны, которая прокладывала себе путь среди них. Их формы были столь же разнообразны, как и их размеры, от сплошных массивов мертвенной белизны по бокам стен, с которых

низвергались водопады, до старого, потрепанного непогодой скопления готических шпилей, чьи хрустальные вершины и острые углы сливались с голубым небом. Они казались бесконечными и неисчислимыми и располагались так близко друг к другу, что на небольшом расстоянии казалось, что они образуют над морем сплошной ледяной покров.

Доктор Хейс описывает приключение, которое, возможно, даст читателю представление о природе опасностей, с которыми сталкивается исследователь Арктики. Океанское течение с неприятной скоростью несло его шхуну к лабиринту айсбергов. Поэтому была спущена лодка, чтобы пришвартовать трос к айсбергу, который лежал на мели примерно в ста ярдах от нас. Пока это делалось, шхуна буквально задела борт айсберга, который возвышался на сотню футов над ее топ-мачтами, а затем проскользнула мимо другого айсберга меньших размеров. Но сильный вихрь в этот момент понес ее против огромной плавучей массы, и хотя толчок был незначительным, его оказалось достаточным, чтобы оторвать несколько осколков льда, достаточно больших, чтобы раздавить судно, если бы они попали в него. Затем айсберг начал медленно и грузно вращаться и медленно опускаться на находящийся под угрозой корабль, гибель которого казалась неизбежной.

К счастью, она была спасена действием айсберга. Огромная масса откололась от той части, которая лежала под поверхностью воды, и этот колоссальный обломок, в дюжину раз больше шхуны, всплыл в нескольких ярдах от них, разбрасывая по бортам огромное количество пены и воды. Этот разрыв остановил вращательное движение айсберга, который затем начал оседать в другом направлении, и шхуна смогла отвесно оторваться.

В этот момент экипаж был поражен громким грохотом. За ним быстро последовал еще один и еще, пока грохот не стал оглушительным, и весь воздух не стал казаться резервуаром хаотических звуков. Противоположная сторона айсберга откололась кусок за куском, сбросив огромное количество льда в море, и айсберг, вращаясь, обрушился обратно на корабль. Затем ближайший к ним борт подвергся такому же странному процессу разрушения и с бешеной скоростью обрушился в море, обдав их дождем брызг и подняв волну, которая раскачивала корабль взад и вперед, как при порыве ветра, и оставила его лежать в *обломках* руин.

- Лед был здесь,
Лед был там,
Кругом был лед;
Она скрипела и рычала,
И ревел, и выл,
Как демоны в обмороке.

Мы должны сказать, что любой человек, не имевший реального опыта работы с условиями арктического мира, не может понять или представить себе огромное количество льда, отложившегося в его холодных унылых водах. Простое перечисление плавучих айсбергов порой не поддается навигатору. доктор Хейс однажды насчитал до пятисот, а затем в отчаянии сдался. Вблизи, по его словам, они выделялись во всей суровой резкости своих резких очертаний; и от этого, смягчаясь с расстоянием, они растворялись в чистом сером небе; и там, далеко в море жидкого серебра, воображение рисовало самые странные и удивительные группы и объекты. Птицы, звери, человеческие формы и архитектурные проекты обретали очертания в далеких массах синего и белого. Здесь был узнаваем купол собора Святого Петра; затем резко и отчетливо возвышался шпиль деревенской церкви; а в тени пирамид приютились византийская башня и греческий храм.

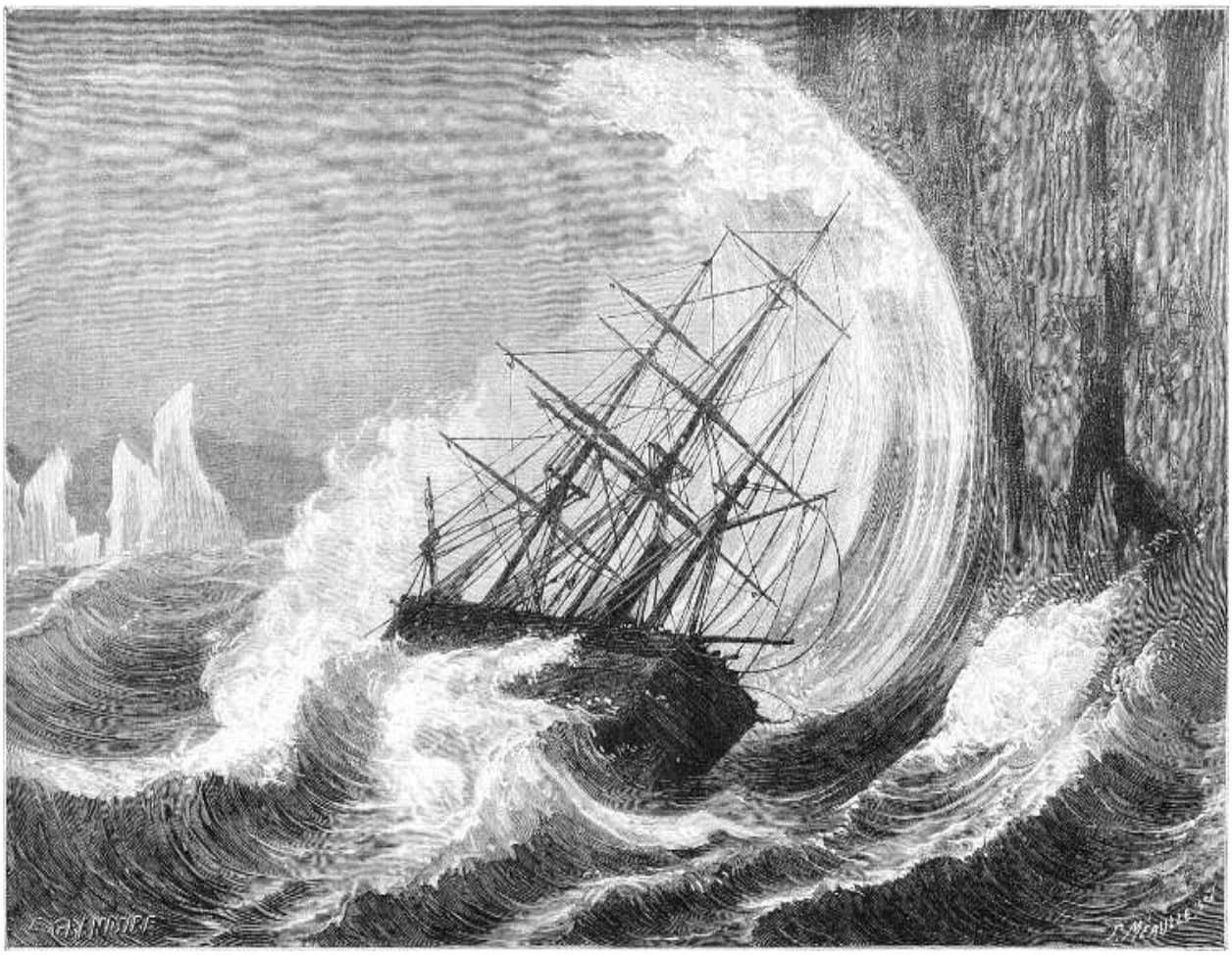
“К востоку, ” говорит доктор Хейс, описывая похожую сцену, “ море было усеяно маленькими островками — темными пятнышками на блестящей поверхности. Айсберги, большие и малые, теснились в каналах, разделявших их, пока вдалеке не показались скоплением, заканчивающимся на покрытой снегом равнине, которая поднималась вверх, пока не терялась в тусклой линии голубовато-белого цвета. Эту линию можно было проследить за изрезанным берегом так далеко на север и юг, насколько хватало глаз. Это был великий *Мер-де-Глас*[7], который охватывает континент Гренландия вдоль и поперек. Покрытый снегом склон представлял собой спускающийся с него ледник — материнский ствол, с которого через неравные промежутки времени сбрасывались многие айсберги, которые так беспокоили нас ”.

Теперь мы собрали достаточное количество данных, чтобы помочь читателю составить яркое представление об этих чудовищах Полярных морей, айсбергах; и дать ему возможность, если только он не слишком отстал в воображении, осознать самому, что они *собой*представляют*и каков их общий вид*. Но мы можем добавить одну интересную деталь, замеченную мистером Ламентном, заядлым охотником на тюленей, которая очень часто упускается из виду.

В течение короткого арктического лета повышенное солнечное тепло оказывает ощутимое воздействие на прочный лед, и он становится подтаявшим и покрытым сотами, или, как называют это моряки, “гнилым”, подобно меловому утесу. Быстрее всего он разлагается, по-видимому, “между ветром и водой”, так что в стенах айсбергов выкапываются огромные пещеры.

Поэты никогда не мечтали ни о чем более прекрасном, чем эти хрустальные своды, которые иногда кажутся глубокими ультрамариново-синими, а иногда изумрудно-зелеными. Можно было бы представить их излюбленными местами обитания русалок и водяных людей, а также всевозможных морских чудовищ; но, по правде говоря, ни одно животное никогда не проникает в них; вода, набегающая и вытекающая через их ледяные пещеры и туннели, издает звучный, но довольно монотонный и меланхоличный звук. В умеренно тихую погоду многие из этих раскопанных айсбергов приобретают форму гигантских грибов и всевозможные фантастические очертания; но как только возникает дуновение ветра, они с большой скоростью распадаются на мелкие кусочки.

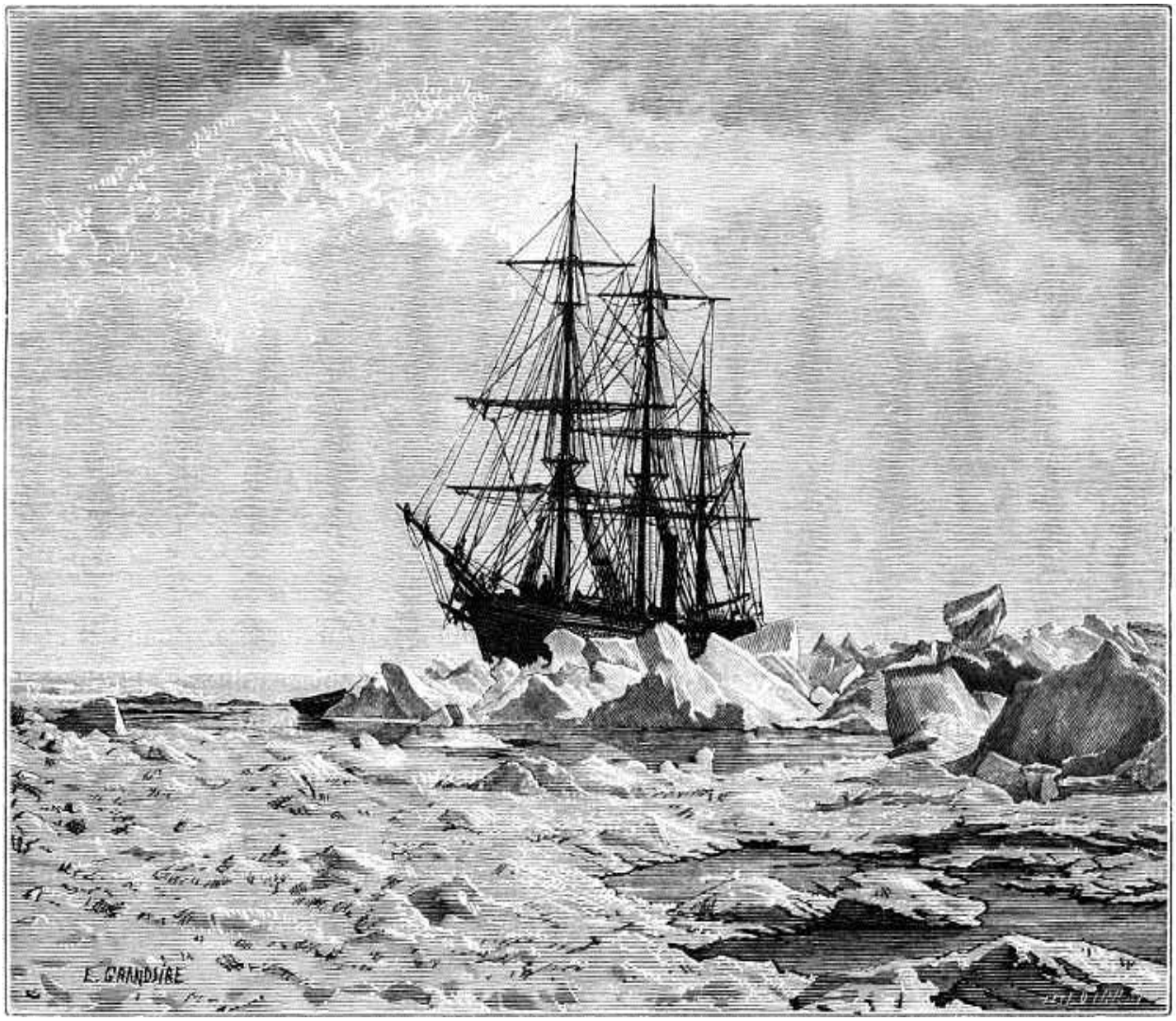
Айсберги встречаются по обе стороны Южного полюса и на каждом меридиане великого Антарктического океана. Но на Севере дело обстоит иначе. На 360-м меридиане долготы, который пересекает параллель 70 ° Северной Широты, айсберги распространяются на протяженность всего около пятидесяти пяти градусов, и это непосредственно в Гренландии и Баффиновом заливе. Или, как выразился адмирал Осборн, на протяжении 1375 миль долготы мы встречаем айсберги, а на протяжении 7635 географических миль не встречаем ни одного. Этот факт, как называет его тот же автор, чрезвычайно интересен и убедительно указывает на вероятность того, что вокруг Северного полюса не существует обширной территории суши; предположение, подкрепляемое другим фактом, а именно тем, что обширные ледяные поля у Шпицбергена не обнаруживают признаков того, что когда-либо соприкасались с землей или гравием.



ПАДЕНИЕ АЙСБЕРГА.

Еще одна трудность, с которой сталкивается арктический мореплаватель, - это “паковый лед”.

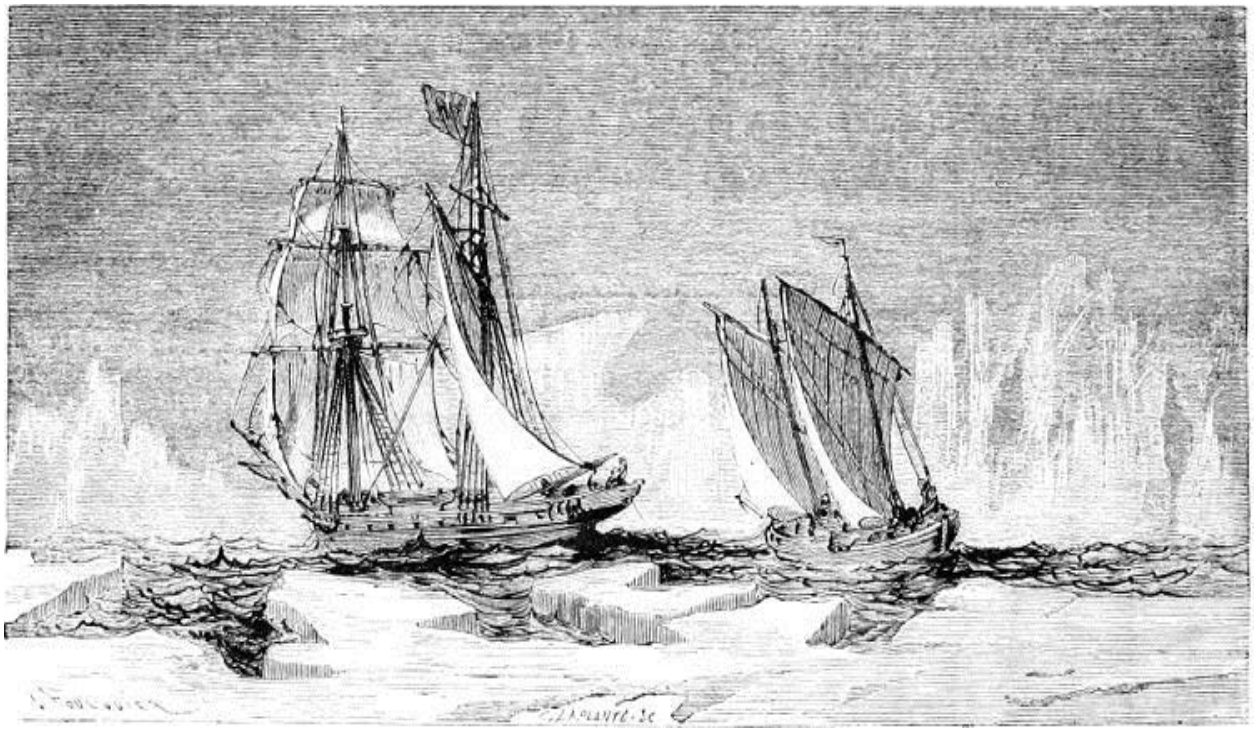
Зимой лед с Северного полюса опускается так далеко на юг, что делает недоступным побережье Ньюфаундленда; он окутывает Гренландию, иногда даже Исландию, и всегда окружает и блокирует Шпицберген и Новую Землю. Но когда солнце садится на север, это огромное замерзшее пространство, простирающееся на несколько тысяч квадратных миль, распадается на огромные массы. Когда они простираются горизонтально на значительное расстояние, их называют *ледяными полями*. *Льдина* - это отдельная часть поля; большая площадь льдин, плотно прижатых друг к другу, известна как *паковый лед*; в то время как *дрейфующий лед* - это рыхлый лед в движении, не настолько прочно спаянный, чтобы помешать судну пробиваться сквозь податливые фрагменты.



В ПАКОВОМ ЛЬДУ, ЗАЛИВ МЕЛВИЛЛ.

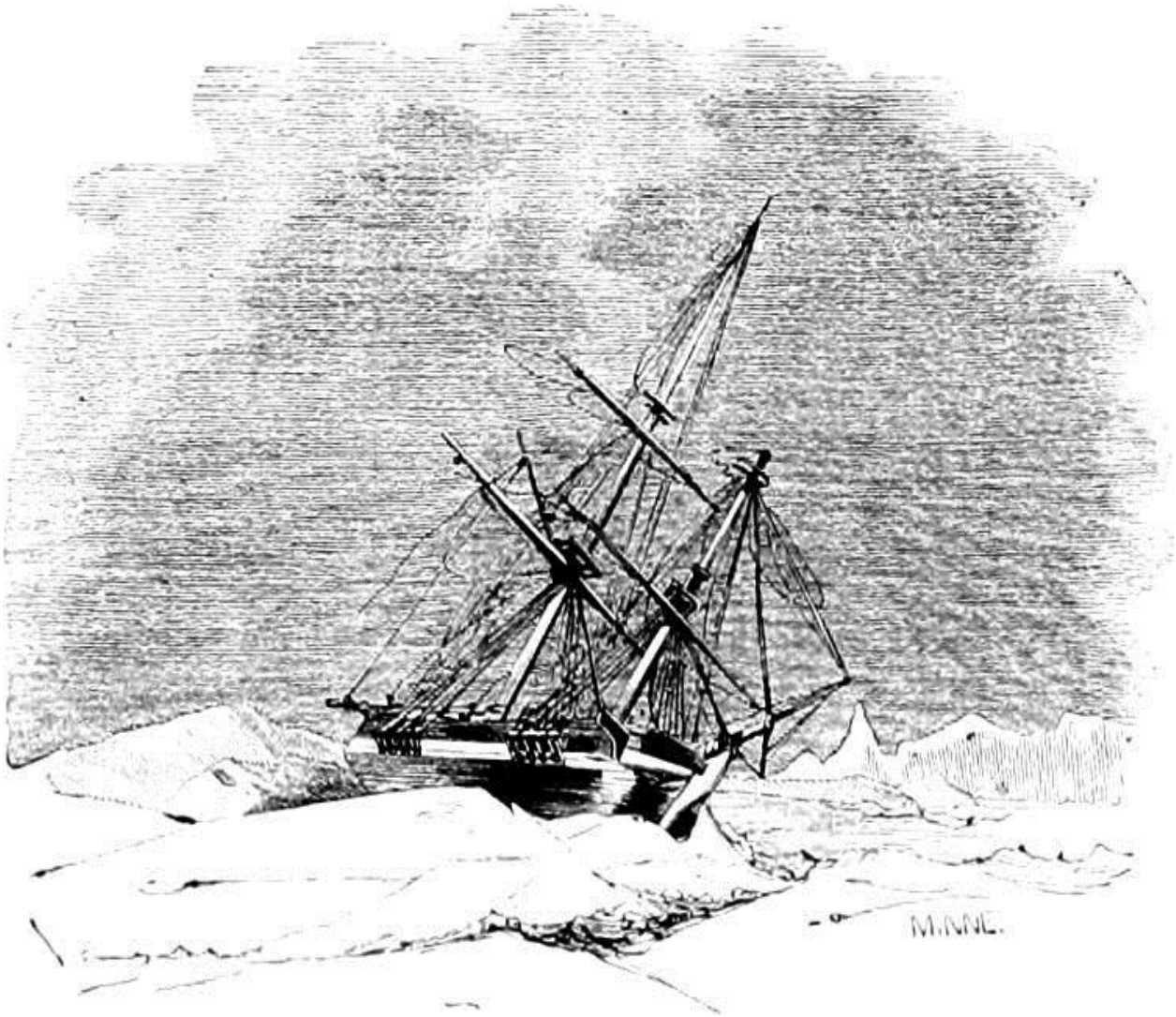
Однако этот “паковый лед” является серьезным препятствием для освоения Арктики; и часто он представляет собой барьер, который не может преодолеть никакая человеческая предприимчивость или мастерство. Время от времени обнаруживалась возможность прорубить через него канал, или же он обрывался и открывал водный путь, по которому направлялся смелый искатель приключений. В 1806 году капитан Скорсби, подвергаясь неминуемой опасности, провел свой корабль через двести пятьдесят миль паковых льдов, пока не достиг параллели 81 ° 50’ — ближайшего подхода к полюсу. В 1827 году сэр Эдвард Парри достиг широты 82 ° 45’, протащив лодку по ледяным полям, но затем был вынужден отказаться от своей смелой и опасной попытки, потому что течение относило лед на юг быстрее, чем он мог пересечь его на север.

Теплым летом эта масса льда внезапно рассеивается и оставляет открытую полосу серебристого моря вдоль западного побережья Шпицбергена, ширина которой варьируется от шестидесяти до ста пятидесяти миль, а высота достигает 80° или 80° 30’ северной широты. Именно по этому каналу Скорсби провел свой корабль в экспедицию, о которой мы только что упомянули. Прямой путь от Темзы через Полюс до Берингова пролива составляет 3570 географических миль; мимо пролива Ланкастер-Саунд - 4660 миль. Русские были бы избавлены от путешествия в 18 000 географических миль, если бы они пересекли Полюс и через Берингов пролив достигли Британской Колумбии, вместо того чтобы идти мимо мыса Горн.



КАНАЛ В ЛЕДЯНОМ ПОЛЕ.

Ледяные поля от двадцати до тридцати миль в поперечнике часто встречаются в великом Северном океане; иногда они простираются на целых сто миль, утрамбованные так плотно, что между ними нет просвета даже для лодки; толщина их варьируется от десяти до сорока или даже пятидесяти футов. Временами эти поля, вес которых составляет многие тысячи миллионов тонн, приходят в быстрое вращательное движение и сталкиваются друг с другом с яростью, о которой никакие слова не могут дать точного представления. Читатель знает, к каким ужасным последствиям приводит столкновение двух железнодорожных составов, и, возможно, ему удастся составить некоторое представление об этой еще более ужасающей сцене, когда он вспомнит огромные размеры и мощь противостоящих сил. Вода бурлит и пенится, словно охваченная страшной бурей; воздух погружен в неподвижность из-за хаоса звуков, скрипа, треска и вздымания, когда два ледяных поля сталкиваются друг с другом.



“ЗАСТРЯЛ” В ЛЕДЯНОМ ПОЛЕ.

Горе кораблю, оказавшемуся между этими измельчающими массами! Ни одно судно, когда-либо построенное руками человека, не могло противостоять их давлению; и многие китобои, плавающие среди плавучих полей, особенно в туманную погоду, таким образом, были обречены на гибель. Некоторые были подхвачены, как тростинки, и беспомощно брошены на лед; другие были завалены льдом и погребены под скопившимися обломками; третьи были разбиты на куски и внезапно пошли ко дну вместе со всеми, кто был на борту.

Отчеты об исследованиях Арктики полны историй о “спасении на волосок” от опасностей ледяного поля и льдин. Вот одно из них, которое мы позаимствовали из плавания "*Доротеи* и "*Трента*" под командованием капитана Бакена и лейтенанта Франклина.

Оба судна направлялись в бухту Магдалена, когда попали в сильный шторм и были вынуждены встать на якорь под штормовыми парусами. На следующее утро (30 июня) с подветренной стороны был замечен лед, о который разбивалось яростное море. В надежде избежать опасности были подняты паруса с зарифом. Когда Бьюкен обнаружил, что это невозможно осуществить на его корабле, тихоходном и тяжелом паруснике, он решился на отчаянную уловку - “взять пакет”, предпочтя падать бортом среди ревущих бурунов и разбивающегося льда. “Да помогут им Небеса!” - был невольный возглас тех, кто находился на борту "*Трента*", и молитва была тем более искренней от убеждения, что их вскоре постигнет та же участь.

"*Доротея*", подгоняемая ветром и морем, устремилась навстречу тому, что казалось неизбежной гибелью; находившиеся на "*Тренте*" затаили дыхание, наблюдая за этим опасным подвигом. Напряженное ожидание длилось всего мгновение, ибо судно, подобно снежинке перед бурей, врезалось в ужасную картину пены, брызг и битого льда, которые образовали стену, непроницаемую для зрения смертного. Погибла она или спасена, доблестные сердца на борту "*Трента*" никогда не узнают, пока их тоже не вынудят к маневру, который выглядел как бросок в пасть смерти. Но это было неизбежно; и когда Франклин сделал все свои приготовления, он твердым, решительным тоном отдал приказ “поставить руль”.

Ни один язык, говорит адмирал Бичи, который в то время служил лейтенантом на борту "*Трента*", не может передать адекватного представления об ужасающем величии последствий, вызванных столкновением льда и бушующего океана. С другой стороны, ни один язык не может передать представление о героическом спокойствии и решительности Франклина и его команды. По мере того, как они приближались к ужасной сцене, Франклин высматривал одно отверстие, менее опасное, чем другое; но его не было. Перед ними тянулась длинная линия устрашающих бурунов, огромные ледяные глыбы вздымались, вставали на дыбы и сталкивались друг с другом с таким грохотом, что громкий голос доблестного командира был почти неслышен. На гребне огромной волны "Литтл *Трент"* ворвался в ужасную суматоху; толчок, от которого задрожало все судно от носа до кормы, и команду швырнуло на палубу, а мачты согнулись, как ивовые прутья.

“ Держитесь, спасайте свои жизни, и становитесь к штурвалу, ребята! ” крикнул Франклин. “Да, да, сэр”, - последовал уверенный ответ многих героических сердец. Волна с грохотом обрушилась на корму брига; будет ли бриг затоплен, или она проедет перед ним? К счастью, она продвигалась вперед, хотя и дрожала, как загнанная скаковая лошадь, и каждая балка натягивалась и поскрипывала. Теперь, брошенный бортом на берег, он был безжалостно разбит осколками льдины; затем, перебрасываемый морем через глыбу льда за глыбой, он казался игрушкой во власти непреодолимой силы. Несколько часов длилось это суровое испытание сил и стойкости; затем шторм утих так же быстро, как и возник, и их благодарность за собственное спасение смешалась с радостью от спасения "*Доротеи*", которую они могли видеть вдалеке, все еще на плаву, и ее команда в безопасности.

Во время второй экспедиции капитана Парри в 1822 году его корабли, "*Гекла* и "*Фьюри*", оказались в не менее опасном положении.

Таким образом, мы читаем о "*Гекле*", которая в то время была прикреплена тросами ко льду на суше, что очень тяжелая и обширная льдина зацепила ее бортом и, будучи поддержана другим большим массивом льда, постепенно приподняла ее корму, как будто под действием клина. Вес корабля с каждым мгновением увеличивался, и экипаж был вынужден поворачивать тросы, трение которых было настолько велико, что они едва не прорезали головки наконечников и в конце концов подожгли их, так что потребовалось выливать на них ведра воды. Наконец давление стало непреодолимым; тросы лопнули; но так как море было слишком покрыто льдом, чтобы позволить кораблю двигаться, единственным способом, которым он мог уступить огромной нагрузке, выпавшей на его долю, было наклониться над береговым льдом, в то время как его корма была поднята из воды на целых пять футов.

Если бы другая льдина подперла ту, которая подняла ее, корабль неизбежно перевернулся бы бортом или был бы разорван надвое. Но давление, которое было таким опасным, в конце концов доказало свою безопасность, ибо из-за увеличивающегося веса льдина, на которой ее несло, вырвалась вверх, не в силах противостоять его силе. *"Гекла"*

затем выровнялась, и, пробив небольшой канал среди движущегося льда, судно вскоре оказалось в сравнительно гладкой воде.

На следующий день, незадолго до полудня, тяжелая льдина длиной в несколько миль приблизилась к "*Фьюри*", вызвав самые серьезные опасения за ее безопасность. Через несколько минут он со скоростью полутора миль в час соприкоснулся с выступом наземного льда, с оглушительным грохотом раскалывая его и поднимая бесчисленные огромные массы, возможно, многотонным весом, на высоту пятидесяти или шестидесяти футов; откуда они снова скатывались вниз по внутренней, или наземной, стороне, и за ними быстро следовал новый поток. Хотя они были вынуждены оставаться пассивными зрителями этого грандиозного, но ужасающего зрелища, находясь в пятистах или шестистах ярдах от мыса, опасность, которой они подвергались, была двоякой: во-первых, чтобы льдина не качнулась и не обслужила корабль таким же бесцеремонным образом; и, во-вторых, чтобы ее давление не оторвало прибрежный лед, к которому они были привязаны, и не бросило их плыть по течению на милость приливов. К счастью, ни одной из этих ужасных альтернатив не произошло, льдина оставалась неподвижной до конца прилива и отчалила с отливом, когда вскоре после этого начался прилив.

Читатель не должен воображать, что ледяное поле - это гладкая и однообразная равнина, ровная, как английский луг; напротив, это неровная череда впадин и выступов, называемых “кочками”, перемежающихся лужицами воды и иногда пересекаемых глубокими трещинами. Во многих местах это можно сравнить только с беспорядочным нагромождением камней, плотно уложенных друг к другу и нагроможденных на обширном унылом пространстве огромными кучами и бесконечными гребнями, оставляющими едва ли фут ровной поверхности и вынуждающими путешественника прокладывать свой путь как можно лучше среди вызывающих недоумение неровностей; иногда неизбежные препятствия поднимаются на высоту десяти, а иногда и более ста футов над общим уровнем.

Промежутки между этими плотно скопившимися ледяными массами в некоторой степени заполнены занесенным снегом.

Теперь пусть читатель попытается составить определенное представление о сцене, представляемой ледяным полем. Пусть он понаблюдает за медленным продвижением саней, петляющих по лабиринту разбитых ледяных плит, за людьми и собаками, тянущими и толкающими свою поклажу, как, возможно, делали солдаты Наполеона, проводя свою артиллерию через труднопроходимые альпийские перевалы, или за Он увидит, как они взбираются на самую вершину высоких хребтов, где нет пропасти, и снова спускаются с другой стороны, сани часто падают с обрыва, иногда опрокидываясь, а иногда ломаясь.

СРЕДИ ЛЕДЯНЫХ ТОРОСОВ.

Опять же: он увидит, как группа искателей приключений, потерпев неудачу в попытке пересечь или найти проход, прокладывает тропу лопатой и заступом; или, опять же, неспособные даже с этими приспособлениями достичь своей цели, они отступают в поисках более легкого маршрута. Возможно, им посчастливится обнаружить что-то вроде прохода или ворот и по его извилистой и неровной поверхности сравнительно легко преодолеть милю или около того. Снежные заносы иногда помогают, но чаще становятся препятствием, потому что, хотя их поверхность всегда твердая, она не всегда устойчива для стопы. Затем корочка поддается, и нога опускается в тот самый момент, когда поднимается другая. Но хуже всего то, что пропасти между кочками могут быть занесены снегом таким образом, что на дне остается значительное пространство, совершенно пустое; затем, когда все выглядит благоприятно, один из незадачливых исследователей проваливается по пояс, другой - по шею, третий “пропадает из виду”, сани проваливаются, и все становится еще более запутанным! На наведение порядка в хаосе, вероятно, уйдут часы; особенно если сани, как это часто бывает, необходимо разгрузить. Нередко приходится перевозить груз двумя или тремя партиями; сани постоянно приезжают и уезжают; и день превращается в “бесконечную тягу”.

Доктор Хейс говорит о льдине, увенчанной торосами и покрытой снежной коркой, твердое содержимое которой оценивается в круглых цифрах в 6 000 000 000 тонн, а глубина ее составляет около ста шестидесяти футов. По всей его границе было насыпано нечто вроде вала из прошлогоднего льда, самая высокая вершина которого возвышалась на целых сто двадцать футов над уровнем моря. Эта ледяная башня состояла из ледяных глыб всевозможной формы и размера, нагроможденных одна на другую в величайшем

беспорядке. Множество других башен или бастионов, столь же прочных, хотя и меньшей высоты, росли на том же гребне и в каждой части этой пустынной местности; и “если бы тысяча Лисбонов были сбиты в кучу и развалились на куски в результате землетрясения, картина вряд ли могла быть более суровой, а переход через руины - более сложной задачей”.

Мы должны датировать происхождение подобной льдины очень отдаленным периодом. Вероятно, с самого начала его хранили в каком-нибудь глубоком углублении земли, где он оставался до тех пор, пока не накопился до такой толщины, что не поддавался воздействию летнего солнца и зимних ветров. Тогда он будет расти, как растет ледник, сверху; ибо, как и ледник, он полностью состоит из свежего льда, то есть из замерзшего снега. Таким образом, можно увидеть, процитировав доктора Хейса еще раз, что накопление льда на вершинах гор ничем не отличается от накопления, которое имеет место на этих плавучих полях, где каждый повторяющийся год увеличивает их глубину. Какими бы огромными они ни казались на вид и какими бы пигментными ни казались по сравнению с внутренним Мер-де-Глас, все же во всем, что касается их роста, это настоящие ледники, карликовые плавучие ледники. То, что только таким образом они могут разрастись на такую большую глубину, читатель сразу же поймет, если вспомнит, что лед вскоре достигает максимальной толщины в результате прямого замерзания и что его рост приостанавливается естественным законом. Эта максимальная толщина обязательно варьируется в зависимости от температуры в данной местности, но лед сам по себе является защитой моря. Холодный воздух не может поглотить тепло воды через слой льда большей, чем определенной толщины, и эта толщина достигает окончательного предела задолго до того, как зима подходит к концу. Глубина льда, образовавшегося в первую ночь, больше, чем во вторую; во вторую больше, чем в третью; в третью больше, чем в четвертую; и так продолжается до тех пор, пока увеличение больше не прекратится. Другими словами, коэффициент увеличения толщины льда обратно пропорционален продолжительности периода замерзания. Наступает время, когда вода подо льдом больше не застывает, потому что ледяная корка над ним защищает ее от воздействия атмосферы. Доктор Хейс утверждает, что он никогда не видел арктического столового льда, *образовавшегося в результате прямого замерзания* глубиной более восемнадцати футов; и он справедливо добавляет, что если бы не это премудрое провидение Божества - этот закон природы, как называют его наши ученые, - арктические воды давным-давно были бы сплошными морями льда до самых глубин.

Сказав так много о различных формах, которые принимает лед в полярных морях, — об их айсбергах и ледяных полях, паковых льдах и дрейфующих льдах, а также о толстом ледяном поясе, окружающем их берега, - мы можем теперь обратить внимание читателя на их животный мир; на существ, которые их населяют, моржей, тюленей и китов, рыб, моллюсков и даже более мелких организмов.

И сначала мы начнем с моржа, который находит уютный дом в арктических дебрях.

Охота на моржей - основное или, во всяком случае, наиболее прибыльное занятие норвежских рыбаков, которые ежегодно отправляются к безрадостным берегам Шпицбергена в поисках добычи. Их жизнь ужасно тяжела и опасна; и мистер Ламонт, у которого был большой опыт общения с ними, замечает, что у всех них беспокойный, усталый взгляд — взгляд, как будто суженный от постоянного присутствия опасности. Они дикие, грубые и безрассудные; но они также смелы, выносливы и переносят холод, голод, усталость; активны и напористы в море, хотя, к сожалению, невоздержанны во время зимних каникул.

Суда, занятые ловлей тюленей и моржей, снаряжаются купцами Тромсе и Хаммерфеста, которые в последние годы внедрили систему распределения выручки со своими экипажами, что дает им прямую заинтересованность в процветании экспедиции. Судно оснащается и

снабжается провизией владельцами, которые также выдают матросам деньги, которые им могут потребоваться на покупку одежды и обеспечение своих семей во время их отсутствия. Затем они выделяют одну треть валовых доходов от приключения команде, разделяя их на доли: три капитану, две гарпунщику и по одной каждому из простых людей. Таким образом, если в результате довольно успешного плавания удастся выручить в виде шкур, жира и слоновой кости сумму в две тысячи долларов, а число матросов достигнет десяти человек, обычной численности команды морского судна, каждый получит сорок семь с половиной долларов, или около 10 фунтов стерлингов, - очень значительную сумму для норвежца.

На каждом корабле есть пара лодок и лодка для перевозки моржей, способная вместить пятерых человек, длина которой составляет двадцать один фут, ширина - пять футов, а основная ширина - около семи футов от носа. Она имеет дугообразную форму с обоих концов и построена таким образом, что легко поворачивается в центре, к тому же она прочная, легкая и ее легко грести. Каждый человек управляет парой весел, подвешенных в “грумметах” к прочным штифтам; рулевой управляет лодкой, также гребя парой весел, но лицом к носу; а поскольку реев шесть, он может, при необходимости, сидеть и грести, как остальные. Благодаря такому устройству силы людей экономятся, и лодка быстрее поворачивается, когда преследует моржа.

Рулевой также выполняет функции гарпунщика и, конечно же, сидит на носу. Самого сильного человека в лодке обычно сажают рядом с ним, чтобы он держал и тащил леску, когда морж ранен, и в его обязанности входит передавать гарпуны и пики гарпунщику по мере необходимости.

ОХОТА НА МОРЖА.

Каждая лодка — которая, кстати, выкрашена в белый цвет, чтобы напоминать лед, по которому она движется, — обычно снабжена тремя гарпунными наконечниками внутри носа, с каждого борта: они вставляются в небольшие полочки из раскрашенного брезента, чтобы их острые кончики и кромки не затуплялись и чтобы они не ранили людей. Гарпуны одинаково хорошо служат для охоты на тюленей и моржей и, какими бы простыми они ни казались, превосходно соответствуют цели, для которой они предназначены. Оружие вонзается в животное; его усилия натягивают леску; затем большой внешний шип захватывает петлю из его прочной шкуры или жестких сетчатых волокон, содержащих его жир; в то время как маленький внутренний шип, похожий на рыболовный крючок, предотвращает его отсоединение или ослабление. Когда моржа хорошенько ударили и леска натянута туго, он редко ускользает. К каждому гарпуну привязана леска длиной в двенадцать-пятнадцать саженей : достаточной длины, поскольку морж редко встречается в воде глубиной более пятнадцати саженей; и даже если вода превысит эту глубину, он не сможет утащить лодку на дно, потому что не способен напрячь всю свою силу под давлением двенадцати-пятнадцати саженей воды.

Помимо гарпунов, каждая лодка снабжена четырьмя или пятью огромными пиками; древко сделано из соснового дерева, длиной девять футов и толщиной в полтора дюйма у рукояти, увеличивающейся кверху до толщины в два с половиной дюйма там, где оно

входит в железное гнездо. Это могло бы показаться грозным оружием, и оно действительно грозно в крепких руках норвежского гарпунщика; однако часто железный черенок сгибается вдвое или прочное древко ломается, как тростинка, при яростном сопротивлении морского конька; и поэтому, чтобы не потерять наконечник, его прикрепляют к древку двойным ремешком из сырой тюленьей кожи, обвязывают вокруг черенка и прибивают к рукоятке на высоте примерно трех футов. Древко может показаться непропорционально длинным, но необходимо придать ему плавучесть, достаточную для того, чтобы держать на плаву тяжелое железное копье, если оно упадет в воду. Это копье не используется для охоты на тюленей, потому что оно может испортить шкуры.

Несмотря на разрушения, причиняемые ежегодными экспедициями охотников на моржей, морские коньки все еще встречаются большими стадами во многих частях Полярного мира. М-р Ламонт описывает любопытное и захватывающее зрелище, когда было замечено, что четыре больших плоских айсберга были настолько плотно набиты этими животными, что они находились почти на уровне воды и представляли собой “сплошные острова моржей”! Моржи лежат, положив головы друг другу на спины и задние лапы, точно так же, как носороги дремлют в густой тени африканских лесов, или, если использовать более банальное, но знакомое сравнение, как свиньи дремлют и валяются во дворе британской фермы.

Такое зрелище было искушением, которому не устоял бы охотник на моржей, и мистер Ламонт со своим гарпунщиком быстро нарушили покой чудовищ, которые в основном состояли из коров и молодых бычков. После умерщвления жертв и доставки их на борт наступала неприятная, но необходимая задача по отделению жира от шкур и укладке его в бочки; процесс, который выполняется следующим образом:—

Поперек палубы корабля, сразу за люком, воздвигнуто нечто вроде каркаса или помоста из толстого дерева высотой около четырех футов, но наклоненного вниз под углом около шестидесяти градусов, с палубой у передней стороны: с другой стороны он перпендикулярен, и там стоят два *спексионера* (или “рубщики жира”), одетые не в доспехи, а в промасленную кожу с головы до пят и вооруженные большими острыми ножами, загнутыми по лезвию. Затем шкуры извлекаются из трюма и по две за раз подвешиваются поперек рамы так, чтобы жирная сторона была сверху: затем жир, или ворвань, удаляется своеобразным *скашивающим* движением ножа, который держат обеими руками и покачивают слева направо. Только длительная практика и большая устойчивость запястья могут развить ловкость, необходимую для надлежащего выполнения этой сложной операции. Даже при снятии шкуры с моржа мастерство необходимо.

Когда ворвань очищается, ее разделяют на куски весом по двадцать-тридцать фунтов каждый и сбрасывают в люк, где дежурят два человека, которые принимают ее и упаковывают в бочки, которые, когда они наполняются, надежно закрываются.

Шкура, которую разделяют с животного на две продольные половины, является ценным товаром и продается по цене от двух до четырех долларов за половину шкуры. Основными покупателями являются русские и шведские купцы, и в основном он используется для изготовления сбруи и подошвенной кожи. Его также скручивают в румпельные канаты и используют для защиты корабельного такелажа от трения. Жир ценится из-за жира; но ни у моржа нет такого количества жира, пропорционального его размеру, как у тюленя, и из жира не получается такого хорошего жира. Тюлень весом 600 фунтов. выдержит от 200 до 250 фунтов. вес жира; обычный морж весом 2000 фунтов больше не выдержит.

Самая полезная часть несчастного морского конька - это его бивни, которые состоят из очень твердой, плотной и белой слоновой кости. Эта слоновая кость не так хороша и, следовательно, не требует такой высокой цены, как слоновая кость, но пользуется высокой

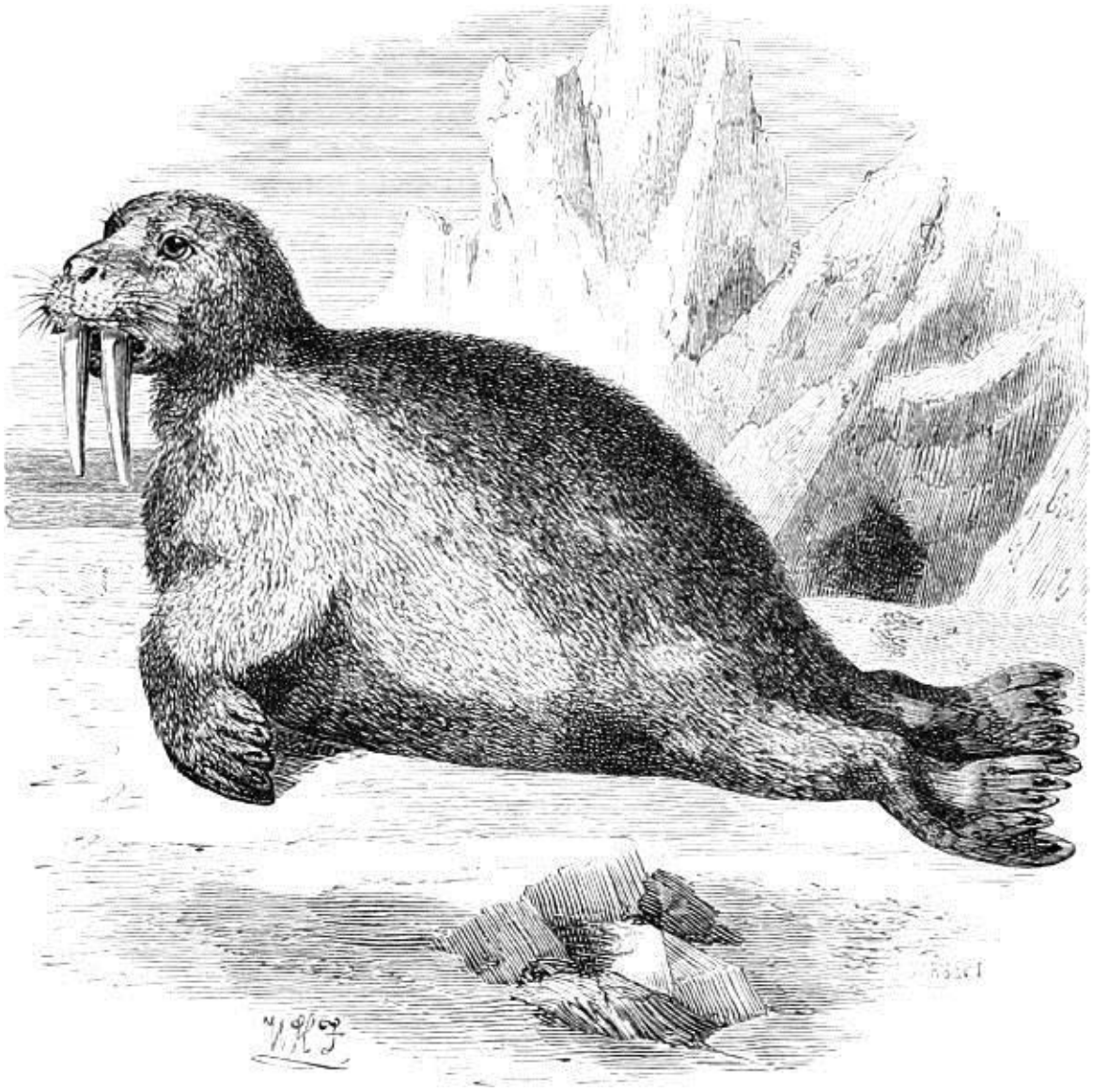
репутацией при изготовлении вставных челюстей, шахматных фигурок, ручек для зонтиков, свистулек и других мелких изделий.

Бивни - это не дополнительная пара зубов, а развитие и модификация клыков. Примерно на шесть или семь дюймов своей длины они прочно закреплены в массе твердой кости, которая образует верхнюю челюсть животного. Поскольку они встроены в голову, они полые, но в основном заполнены клетчатым костным веществом, содержащим много масла; остальная часть бивня твердая на всем протяжении.

У молодого моржа, или детеныша, в первый год жизни нет бивней; но на втором, когда он размером примерно с крупного тюленя, у него появляется пара клыков почти такого же размера, как у льва. На третий год бивни достигают примерно шести дюймов в длину.

По размеру и форме они сильно различаются в зависимости от возраста и пола животного. Хорошая пара бычьих бивней, говорит мистер Ламонт, будет иметь двадцать четыре дюйма каждый в длину и четыре фунта веса каждый; но часто встречаются экземпляры покрупнее и тяжелее. Говорят, что бивни коров в среднем будут такой же длины, как и у быков, потому что их легче сломать, но они редко весят более трех фунтов. Обычно они расположены гораздо ближе друг к другу, чем бивни быка, иногда даже перекрывая друг друга в остриях; в то время как бивни быка часто расходятся на целых пятнадцать дюймов.

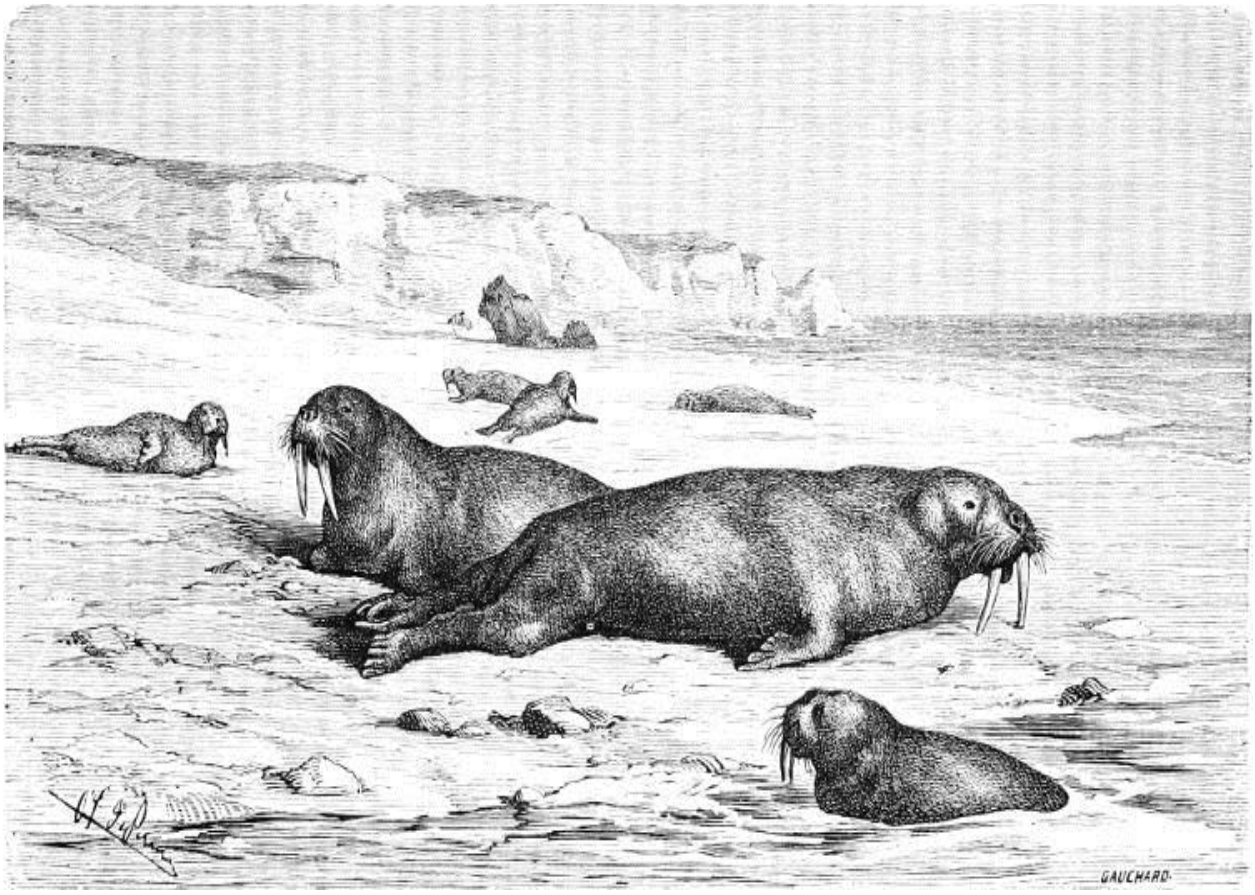
Говоря научным языком, морж, или морской конек (*Trichecus*), принадлежит к роду земноводных млекопитающих семейства *Phocidae*, семейства, включающего хорошо известных тюленей. Он сходен с другими представителями этого семейства в общей конфигурации тела и конечностей, но отчетливо отличается от них головой, которая примечательна, как мы видели, необычайным развитием клыков верхней челюсти, а также выпуклым или припухлым видом морды — из-за размера их впадин и толщины верхней губы. Эта верхняя губа густо усажена крепкими, прозрачными, щетинистыми волосками, которые достигают около шести дюймов в длину и толщиной с гусиное перо. Потрясающие усы с длинными белыми изогнутыми клыками, толстая выступающая морда и свирепые, налитые кровью глаза придают *Rosmarus trichecus* странный и почти демонический вид, когда он поднимает голову над волнами, и этим объясняются некоторые легенды о морских чудовищах, украшающие скандинавскую мифологию.



МОРЖ, ИЛИ МОРЗЯНКА.

У моржа нет клыков на нижней челюсти. Его резцы маленькие, их десять; шесть на верхней и четыре на нижней челюсти. Коренные зубы, сначала по пять с каждой стороны на каждой челюсти, но меньше у взрослого человека, простые и небольшие; их коронки изношены косо. Ноздри, по-видимому, вытеснены гнездами бивней; по крайней мере, они обе открываются почти прямо вверх на некотором расстоянии от морды. Глаза маленькие, но свирепые; наружных ушей нет.

Арктический морж - единственный известный вид этого рода. Это стадное животное, всегда собирающееся в большие стада, которые время от времени покидают воду, чтобы отдохнуть на берегу или на льду; и именно в такие моменты охотники в основном нападают на них, поскольку их передвижения *вне* воды очень трудоемки и неуклюжи.



СЕМЕЙСТВО МОРЖЕЙ.

Они защищаются от своих врагов, главным из которых является Белый медведь, своими грозными бивнями; и ими они также пользуются в своих жестоких схватках друг с другом. Они сражаются с большой решимостью и свирепостью, используя свои клыки почти так же, как охотничьи петухи используют свой клюв. Судя по громоздкому виду животного и положению его бивней, неопытный зритель предположил бы, что последние можно использовать только для *удара* сверху вниз; но, напротив, оно поворачивает свою шею с такой легкостью и быстротой, что может наносить удары во всех направлениях с одинаковой силой...

СХВАТКА МЕЖДУ МОРЖОМ И БЕЛЫМ МЕДВЕДЕМ.

У старых быков очень часто ломаются один или оба бивня; это может быть результатом драки или использования их для взбирания на камни и льдины. Но эти сломанные бивни вскоре снова стираются и заостряются до остроты под действием песка, поскольку морж, подобно слону, использует свои бивни для выкапывания пищи из земли, то есть со дна океана. Его пища в основном состоит из морских звезд, креветок, песчаных червей, моллюсков, ракушек и водорослей; Скорсби рассказывает, что нашел в его желудке останки молодых тюленей.

НА ЛОДКУ НАПАЛ МОРЖ.

Что касается постепенного вымирания или, правильнее говоря, истребления моржа, то следующие подробности кажутся достоверными.

Когда охота на моржей впервые была систематически организована из Тромсе и Хаммерфеста, использовались суда гораздо больших размеров, чем сейчас; и обычно они получали свой первый груз у острова Медвежий в начале сезона и два дополнительных груза на Шпицбергене до конца лета. Этот регулярный и массовый забой отогнал стада морских коньков с их местообитаний у острова Медвежий; но даже впоследствии нередко случалось доставлять на Шпицберген по три партии за сезон, и менее двух полных партий расценивалось как прискорбная неудача. Однако сейчас очень редко удается получить более одного груза за сезон, и многие суда возвращаются после четырехмесячного отсутствия заполненными лишь наполовину.

Подсчитано, что в морях около Шпицбергена ежегодно отлавливается около тысячи моржей и вдвое большее количество тюленей-бородачей (*Phoca barbata*), не считая тех, которые тонут или могут умереть от полученных ран. Таким образом, можно составить некоторое представление о количестве морских коньков, которые все еще плавают по волнам полярных морей. Но совершенно ясно, что их численность быстро сокращается, а также что они постепенно уходят в недоступные уединенные места самого отдаленного Севера.

Из путешествия Охтера, предпринятого десять веков назад, мы узнаем, что моржи тогда водились в изобилии даже на самом побережье Финмаркена. Однако они покинули этот регион на несколько столетий, хотя отдельные отставшие были схвачены в течение

последних сорока лет. Покинув Финмаркен, они отступили на Медвежий остров; оттуда их оттеснили на острова Тысячи, Надежды и Рик-Исе; а оттуда, снова, к берегам и шхерам к северу от Шпицбергена. Преследуемым моржам повезло, что последние районы доступны только в открытый сезон или, возможно, раз в три-четыре лета; так что они получают передышку и время для размножения и пополнения своей численности. В противном случае конец нынешнего столетия ознаменовался бы также полным исчезновением моржей на прибрежных островах Северной Европы.

Мы согласны с доктором Кейном в том, что сходство моржа с человеком было абсурдно преувеличено. Тем не менее, эта идея выдвигается в некоторых наших систематических трактатах и сопровождается предложением искать в этом животном тип водяного или русалки. Если мы будем искать, то не найдем. У моржа голова квадратной формы, лобная кость имеет крутой спуск к глазам, и любое сходство с человеком должно существовать в воображении зрителя. Некоторые тюлени обладают гораздо большим сходством: размер головы, правильность овала лица, опущенные плечи, даже движения тюленя впечатляюще напоминают нам человека. И, конечно, если смотреть на него издалека, с поднятой над волнами головой, это дает некоторое оправдание причудливому представлению о нимфах океана, русалках, которые так привлекательно фигурируют в песнях и легендах.

Доктор Кейн отмечает, что инстинкт нападения, который силен у моржа, хотя столь слаб у тюленя, и является хорошо известной характеристикой толстокожих, представляет интерес для натуралиста, поскольку помогает установить родство моржа с последними. Будучи раненым, он высоко поднимает свое тело из воды, тяжело ударяется о лед и пытается подняться на поверхность с помощью передних ласт. Когда лед прогибается под его тяжестью, его морда приобретает поистине свирепое выражение, лай переходит в рев, а из пасти выливается пена, пока не покрывается пеной вся его борода.

Даже когда морж не возбужден, он смело управляет своими бивнями. Они настолько прочны, что служат захватами, с помощью которых он держится за поверхность крутых скал и ледяных отмелей, по которым любит взбираться; и таким образом он может взбираться на скалистые острова, находящиеся на высоте шестидесяти и ста футов над уровнем моря. Он может нанести противнику страшный удар, но предпочитает атаковать, как опытный воин; и человек, если он не хорошо вооружен, часто оказывается вторым в состязании.

Губернатор Флайшер рассказал доктору Кейну, что в 1830 году бурый морж — а эскимосы говорят, что бурые моржи самые свирепые — после того, как был пронзен копьем близ Упернавика, обратил в бегство многочисленных нападавших и в страхе заставил их обратиться за помощью в датское поселение. Его движения были настолько яростными, что он выдернул гарпуны, которые были запущены в его тело. Губернатор с большим трудом убил его после того, как он получил несколько ружейных выстрелов и ранений копьем со своего вельбота.

БОЙ С МОРЖОМ.

В другом случае молодой и предприимчивый иннуит вонзил свой *нож* в бурого моржа; но, встревоженный диким поведением зверя, позвал на помощь, прежде чем пустить в ход копье. Напрасно старшие и более осторожные охотники советовали ему воздержаться. “Это бурый морж!” - закричали они. “*Авок-Кайок*! Отойдите!” Убедившись, что осторожность проигнорирована, его единственный брат поплыл вперед и метнул второй гарпун. Почти мгновенно разъяренный зверь, подобно дикому кабану, набросился на несчастного молодого иннуита и разорвал его тело.

Вот описание охоты на моржа:-

Отправляясь в путь, охотники жадно прислушиваются к каким-либо звукам, по которым можно определить среду обитания животного. Морж, как и вокалисты-любители, неравнодушен к своей собственной музыке и может часами лежать, наслаждаясь монотонным пением, которому он привык предаваться. Это описывается как нечто среднее между мычанием коровы и самым глубоким лаем мастифа; очень округлый и насыщенный, с его “лаем” или “отрывистыми нотами”, повторяющимися от семи до девяти раз в довольно быстрой последовательности.

Охотники слышат рев и продвигаются вперед гуськом; петляя за ледяными торосами и грядами, серпантином приближаются к группе “водоемоподобных пятен цвета”, недавно замерзших участков льда, которые окружены более старым и прочным льдом.

Через несколько минут они появляются в поле зрения моржа. Вот они, всего пятеро, поднимаются через определенные промежутки времени всем скопом сквозь лед и раскалывают его взрывом, который звучит как разрыв тяжелого снаряда. Заметными вожаками стада являются два крупных и свирепого вида самца.

Теперь перейдем к демонстрации ловкости и мастерства. Пока морж остается над водой, охотник лежит плашмя и неподвижно; когда он начинает тонуть, смотрите, охотник настороже и готов к прыжку. На самом деле, едва голова с бивнями оказывается ниже линии воды, как каждый человек бросается бежать; в то время как, словно инстинктивно, прежде чем она вернется, все ложатся ничком за защищающими насыпями льда. Они, кажется, интуитивно угадывают не только то, как долго он будет отсутствовать, но и сам момент, в который он появится вновь. И таким образом, прячась и продвигаясь по очереди, они достигают плиты тонкого льда, едва ли достаточно прочного, чтобы выдержать вес человека, на самом краю темной заводи, в которой резвятся моржи.

Флегматичный эскимосский гарпунщик теперь приходит в новое состояние возбуждения. Его моток моржовой шкуры, хорошо выделанная леска длиной во много морских саженей, лежит рядом с ним. Он прикрепляет один конец к железному стержню, а тот свободно, с помощью гнезда, прикрепляет к древку из рога единорога; другой конец уже развязан. Это работа секунды! Он схватил гарпун. Вода бурлит; пыхтя и отдуваясь, всплывает неповоротливый морской конек. Эскимос медленно поднимается; его правая рука откинута назад, левая прижата к боку. Морж оглядывается по сторонам и сбрасывает воду со своего гребня; эскимос пускает в ход смертоносное оружие, и оно глубоко погружается в бок животного.

Раненые падают, *просыпаются*, но эскимос уже убегает с места боя, размахивая крыльями, выпустив свою катушку, но отчаянной хваткой вцепившись в последнюю петлю. На бегу он хватает маленькую костяную палочку, грубо заостренную железом, и быстрым сильным движением втыкает ее в лед; он обматывает вокруг нее леску и готовится к борьбе.

Раненый морж отчаянно ныряет и взбивает ледяную заводь в пену; тем временем леска в один момент натягивается туго, а в следующий ослабевает, ибо охотник остался на своем месте. Но лед трескается, и пара моржей пробивается сквозь него на дыбы, всего в нескольких ярдах от того места, где он стоит. Один из них, самец, возбужден, разгневан, отчасти встревожен; другая, самка, выглядит спокойной, но жаждет мести. Внизу, после быстрого осмотра поля, они снова уходят в океанские глубины; и гарпунщик немедленно выбирает свое место, унося с собой свою катушку и закрепляя ее заново.

Едва этот маневр был завершен, как пара снова поднялась, образовав площадку десяти футов в диаметре примерно на том самом месте, которое он оставил. Они тонут во второй раз, и во второй раз он меняет свое место. И так продолжается битва между силой зверя и ловкостью человека, пока первый, наполовину истощенный, не получает вторую рану и не отказывается от состязания.

Эскимосы относятся к моржу с определенной степенью суеверного почтения, и они верят, что он находится под опекой специального представителя или прототипа, который на самом деле не вмешивается, чтобы защитить его от охоты, но заботится о том, чтобы охота на него велась в приемлемых условиях. Они утверждают, что возле замечательной конической вершины, возвышающейся в уединении залива Форс, огромный морж живет в

полном одиночестве, а когда луны нет, выползает на край оврага, где ревет голосом огромной силы.

Охотник на моржей, если только он не держится морского берега и льдин в пределах досягаемости лодки, должен быть готов претерпеть множество лишений и со спокойным сердцем противостоять самым непостижимым и ужасным опасностям. Его может настигнуть шторм; а шторм на диком далеком Севере, вдали от всякого укрытия, — шторм, который гонит перед собой слепящий снег и безжалостные сосульки, — шторм, который неудержимо проносится над льдами замерзшего снега, — шторм, который обрушивается из горных ущелий, где поднимаются ледники, - это нечто настолько ужасное, настолько жутковатое, что обитатель умеренных регионов не может составить о нем ни малейшего представления.

Мы помним, что один из доблестных искателей Франклина описывает арктический шторм и его последствия. Он говорит, что лед на небольшом расстоянии от берега во многих местах был очищен от снега сильным порывом ветра; и по стеклянной поверхности его и его товарищей беспомощно несло штормом. Собаки, редко натягивая следы, с воем бежали впереди саней, которые наступали им на пятки.

Диким был пейзаж и темным. Луна скрылась далеко за заснеженными горами, и у путешественников не было иного света, кроме мерцания звезд. Глубокие тени от скал, возвышавшихся на тысячу футов над их головами, тяжело ложились на них и усиливали полуночный мрак. Участки снега, прилипшие к острым углам колоссальной стены; белый саван, лежащий на ее высокой вершине; ледники, которые тут и там выступали из ее расщелин, с поразительной рельефностью подчеркивали черноту ее пещерообразных глубин. Воздух был наполнен облаками сугробов, которые иногда полностью скрывали землю и неумолимо проносились перед исследователями, когда они, пошатываясь, пересекали замерзшую равнину.

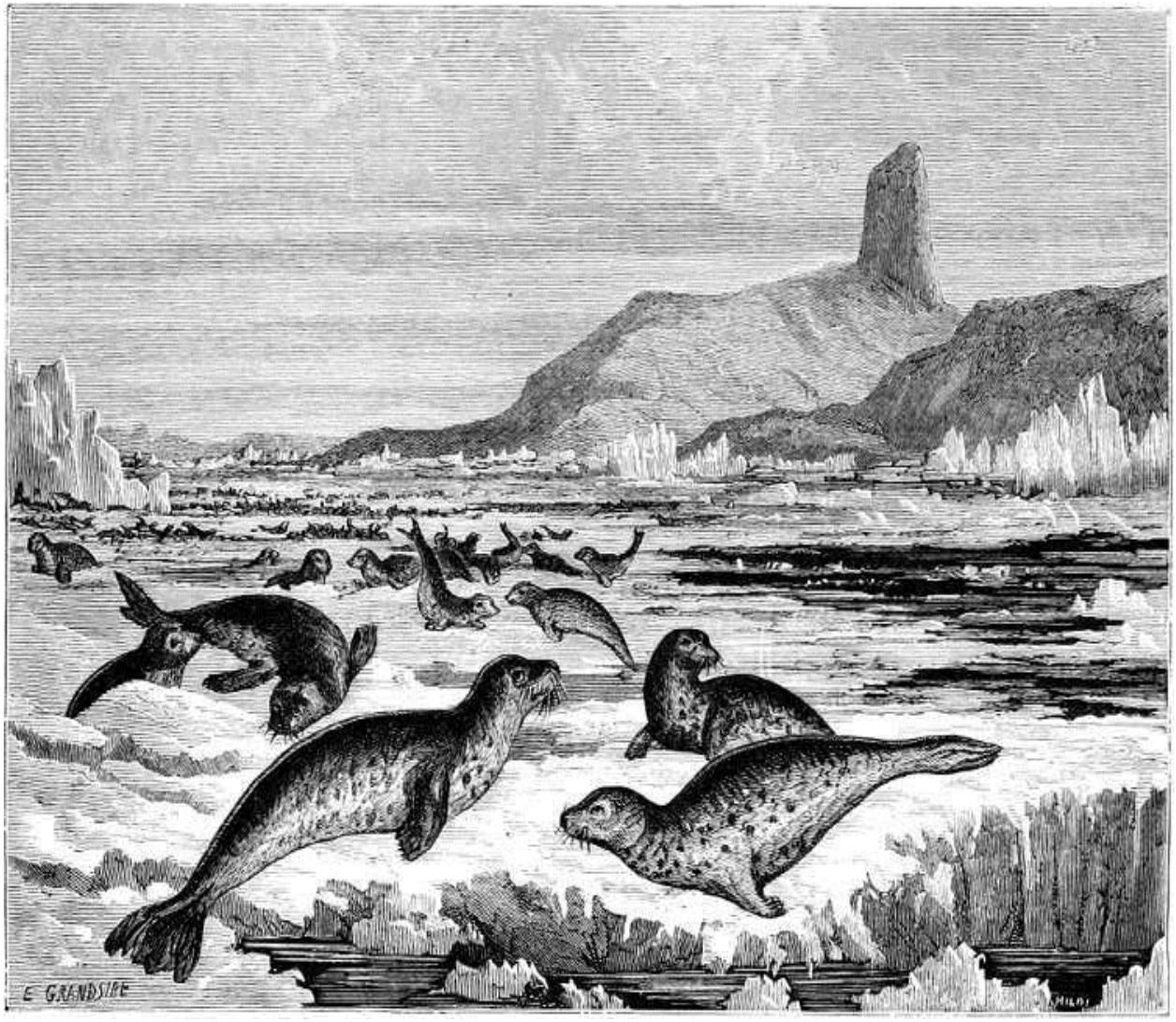
Внезапно на их пути стала видна темная линия; ее истинную природу раскрыли кружащиеся клубы “морозного дыма”. “*Эмерк! эмерк!*(Воды! воды!) — кричали погонщики, как можно резче останавливая движение саней, но не раньше, чем отряд оказался в нескольких футах от недавно открывшейся и быстро расширяющейся трещины - разлома в ледяной корке, уже двадцати футов в поперечнике.

Некоторые из путешественников взобрались на вершину груды торосов и попытались разглядеть их во мраке. Всего в нескольких милях впереди виднелся мыс, обозначенный на карте как мыс Александер. Лед в мелководном заливе на его южной стороне был разорван во всех направлениях, в то время как за ним, от подножия мыса, на запад простиралась широкая полоса воды. Ветер разнообразил его темную поверхность гребнями снежных брызг, в то время как тут и там морозный прибой разбивался бурунами о небольшой айсберг или дрейфующую льдину. Куски льда, лежащие вдоль его края, находились в движении, и был слышен треск их твердых поверхностей, когда они постоянно сталкивались. Их пронзительный рев, непрерывное омовение поверхности, завывания ветра, стальной напор наносов, жалобный вой собак и все странные звуки и голоса бури усугубляли мрак и ужасную меланхолию той безлунной ночи.

Нам не нужно удивляться, что эскимосы арктической пустыни так же боятся бури, как бедуины африканской пустыни. Одного заваливает тучей снега, другого хоронит в облаке песка; и каждый требует и получает свою долю жертв.

То, что охотой на тюленей следует заниматься более активно, чем охотой на моржей, естественно; ибо, будучи менее захватывающей, она также менее опасна; а тюлень не только более ценная добыча, чем морж, но и его легче поймать.

Фокиды широко представлены в арктических водах. В Беринговом море мы встречаем морского льва и медведя; в то время как от островов Парри до Новой Земли простирается ареал гренландского тюленя (*Phoca GrœNlandica*), тюленя-бородача (*Phoca barbata*) и испаноязычного тюленя (*Phoca hispida*). Шкуры всех этих видов более или менее ценны; их масло высоко ценится, а их мясо служит диким северным племенам одним из основных средств к существованию.



СТАДО ТЮЛЕНЕЙ Возле БОЛЬШОГО ПАЛЬЦА ДЬЯВОЛА, МОРЕ БАФФИНА, ГРЕНЛАНДИЯ.

Строение тюленя во всех деталях превосходно адаптировано к водной флоре и фауне. Она живет главным образом в воде, где ее движения всегда легки и грациозны; но часть своего времени она проводит, наслаждаясь солнечными лучами на ледяных полях, открытых берегах, скалах и песчаных пляжах; а самка вынашивает детенышей на суше.

Тело тюленя удлиненное и значительно сужается от груди к хвосту. Голову сравнивали с головой собаки; мозг, как правило, объемный. Ступни короткие, немногим больше лапы, выступающие за пределы кожного покрова тела; они перепончатые и пятипалые: передние ступни поставлены так же, как у других четвероногих; но задние направлены назад, с

пальцами, которые могут быть широко расставлены и действовать как весла. Хвост короткий.

Движения тюленя на суше скованы и своеобразны. Передние лапы используются мало, и тело выбрасывается вперед в результате серии рывков, производимых сокращением позвоночника. Каким бы неуклюжим ни казался этот способ продвижения, он, тем не менее, чрезвычайно быстр. Тюлень, однако, никогда не отваживается далеко отходить от берега, и в тот момент, когда его потревожат, он бросается в воду.

Физиономия животного находится в полном соответствии с его характером и выражает значительную степень интеллекта в сочетании с большой мягкостью нрава. Глаза большие, черные и блестящие; нос широкий, с продолговатыми ноздрями; имеются большие бакенбарды. У тюленя нет наружных ушей, но в ушных отверстиях имеется клапан, который может закрываться по желанию и защищает внутренний организм от воды; ноздри обладают аналогичным клапаном. Тело густо покрыто жесткими блестящими волосками, очень плотно прилегающими к коже и обильно смазанными маслянистым выделением, так что поверхность всегда гладкая и не подвержена воздействию воды. Зубы различаются у разных родов, но у всех они специально приспособлены для захвата рыбы и другой скользкой добычи, хотя тюлени всеядны по своим привычкам и питаются как растительной, так и животной пищей. На верхней челюсти шесть или четыре резца, а на нижней - четыре или два; клыки неизменно большие и сильные; а коренные зубы, обычно по пять или шесть с каждой стороны, на каждой челюсти, имеют острые края или коническую форму и щетинятся остриями. Тюлень любит глотать крупные камни; с какой целью - точно не известно, но, вероятно, для облегчения пищеварения.

Тюлени живут более или менее многочисленными стадами вдоль замерзших берегов арктических морей; а на одиноких пустынных побережьях они выводят своих детенышей, за которыми наблюдают с особой любовью. Они плавают с большой скоростью и могут длительное время оставаться под водой. По своим привычкам они мигрирующие, и по крайней мере четыре вида посещают наши британские воды. На северных побережьях Гренландии наблюдается их отлет в июле и повторное возвращение в сентябре. Они производят на свет по два-три детеныша за раз и выкармливают их в течение шести-семи недель в отдаленных пещерах и укромных уголках, после чего улетают в море. Детеныши проявляют замечательную степень сговорчивости; распознают материнский призыв и повинуются ему; и помогают друг другу в беде или опасности. Многие, если не все, представители этого вида полигамны, и самцы часто с отчаянной храбростью борются за обладание любимой самкой.

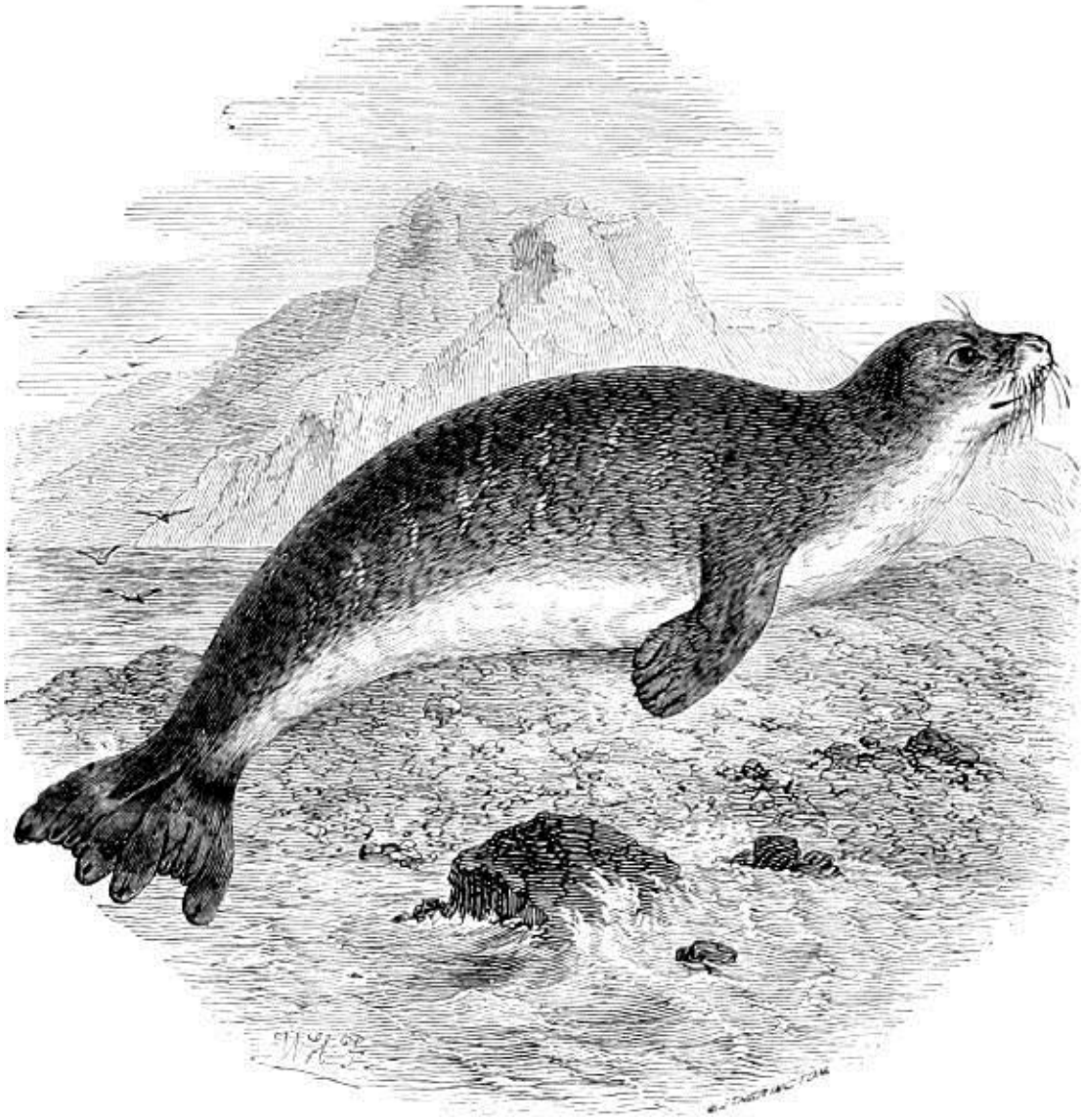
В повадках различных родов или видов фокид нет большой разницы; но в то время как большой арктический тюлень ныряет подобно моржу, совершая при погружении что-то вроде полупереворота, обыкновенный тюлень (*Phoca vitulina*), прозванный охотниками *штайнкоббе*из-за своего обычая греться на камнях, ныряет, внезапно ныряя под воду, причем последней исчезающей частью его тела является нос, а не хвост.

Обыкновенный тюлень имеет очень тонкую пятнистую кожу и весит около шестидесяти-семидесяти фунтов. Он намного толще, пропорционально своему размеру, чем тюлень-бородач, и, следовательно, его туша, имеющая меньший удельный вес, гораздо дольше плавает на воде после смерти.

Третий вид тюленей, обитающий в морях Шпицбергена, - это, вероятно, Phoca hispida, хотя охотники знают его только под названиями “спрингер” и тюлень Ян-Майена. В

весенние месяцы китобои убивают его в больших количествах среди обширных ледяных полей, окружающих одинокие скалы острова Ян-Майен.

М-р Ламонт отмечает, что эти тюлени, хотя и существуют в таком огромном количестве к западу, на Шпицбергене не так многочисленны, как большой или даже гораздо менее многочисленный обыкновенный тюлень. Они стадны, чего не присуще ни одной из других разновидностей, и обычно объединяются в группы численностью от пятидесяти до пятисот особей. Их чрезвычайно трудно убить, так как в летние месяцы они очень редко выходят на лед; они кажутся гораздо менее любопытными, чем другие тюлени, и передвигаются по воде с такой скоростью, что не поддаются преследованию с лодки. Выныривая подышать, эти тюлени не делают, в отличие от своих сородичей, обдуманного вдоха и неторопливого осмотра, но всей стаей совершают что-то вроде одновременного прыжка в воздухе, подобно косяку морских свиней, на ходу и снова появляются на невероятном расстоянии от своего предыдущего места дыхания. Отсюда и название “спрингеры”, данное им китобоями.



ОБЩАЯ ПЕЧАТЬ.

Тюлень Ян-Майена весит от 200 до 300 фунтов и описывается как самое жирное и жизнерадостное из арктических млекопитающих.

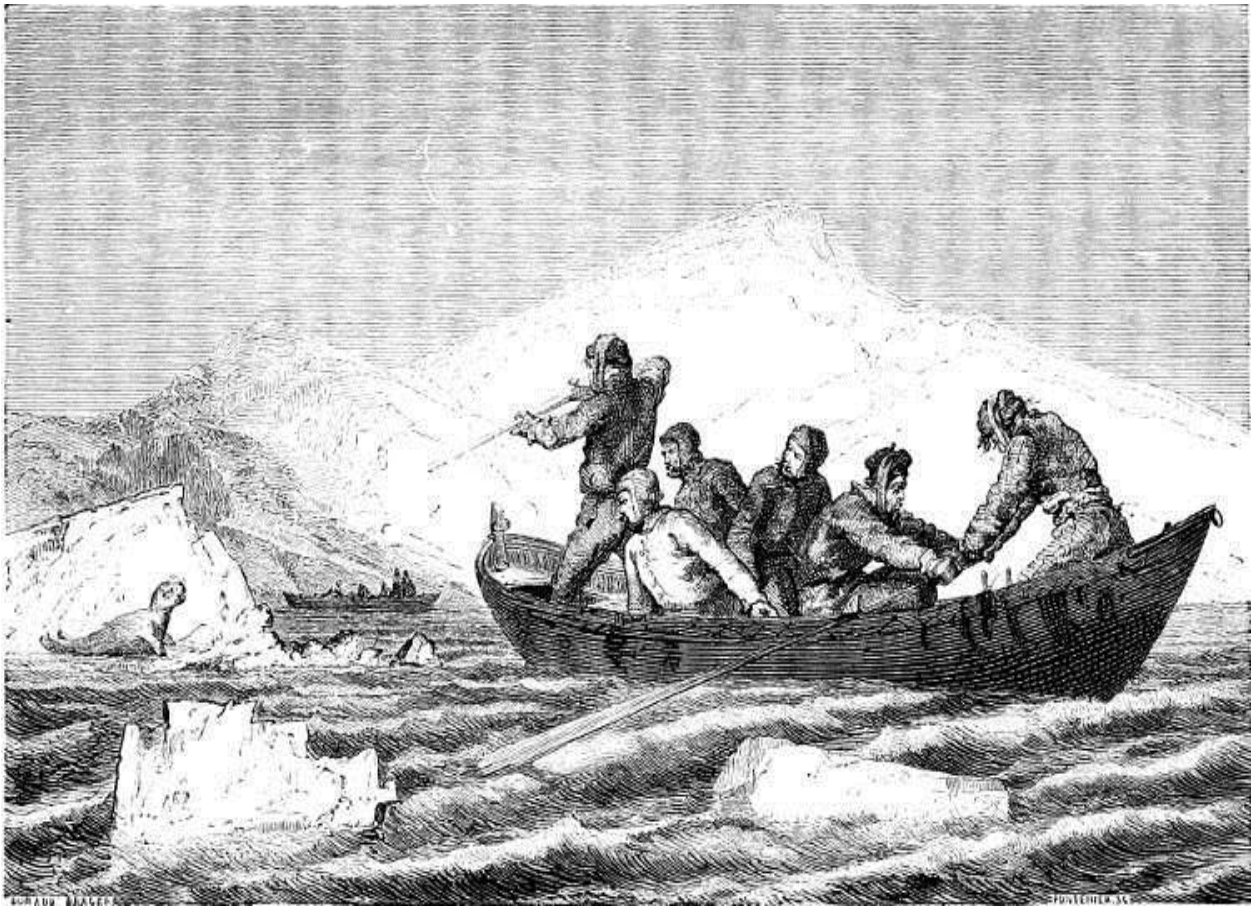
Мы говорили о тюленьем мясе как о важном предмете пропитания эскимосских племен. Наши арктические путешественники и исследователи часто с удовольствием лакомились им и говорили, что по вкусу оно чем-то напоминает телятину. Не раз и не два, а несколько раз это спасало отважного пионера цивилизации от уничтожения, а обнаружение заблудившегося тюленя стало средством сохранения целой экспедиции.

В рассказе доктора Кейна есть очень поразительный случай такого рода. Он и его группа достигли мыса Йорк по пути к датским поселениям после долгих, но бесплодных поисков сэра Джона Франклина. Они были измотаны и полумертвы от голода. Своего рода низкая температура подорвала их энергию, и они не могли заснуть. В своих хрупких и неморeходных лодках, которые едва держались на плаву из—за постоянного вычерпывания воды, они медленно продвигались по открытому заливу; когда в этот критический момент их состояния они заметили большого тюленя, плавающего, по обыкновению этих животных, на небольшом участке льда и, по-видимому, спящего, - тюленя настолько большого, что сначала они приняли его за моржа.

Дрожа от беспокойства, Кейн и его спутники приготовились подкрасться к чудовищу.

Один из матросов, Петерсен, с большим английским ружьем, стоял на носу лодки, а на весла вместо шарфов были натянуты чулки. Когда они приблизились к животному, их возбуждение стало настолько сильным, что мужчины едва могли сдерживать волнение. Чтобы не было слышно ни звука, доктор Кейн передал свои приказания сигналом; и когда они отошли примерно на триста ярдов, взялись за весла, и они двинулись дальше, крадучись и бесшумно, с единственным веслом за кормой.

Тюлень не спал, потому что он поднял голову, когда его враги были почти на расстоянии ружейного выстрела; и еще долго спустя доктор Кейн помнил тяжелое, измученное, почти отчаявшееся выражение изможденных лиц людей, когда они видели, как он двигался; их жизни зависели от его поимки. Доктор Кейн опустил руку, давая Петерсену сигнал стрелять. М'Горри, который греб, повис, по его словам, на своем весле, и лодка медленно, но бесшумно продвигалась вперед, казалось, вне пределов досягаемости. Взглянув на Петерсена, он увидел, что бедняга был парализован своим беспокойством и тщетно пытался найти опору для своего ружья на поверхности лодки. Тюлень приподнялся на ластах, некоторое время смотрел на своих противников со смешанным чувством любопытства и тревоги и приготовился к прыжку. В этот момент, одновременно с треском ружейного выстрела, он распластался всем своим огромным телом на льду, и у самой кромки воды его голова беспомощно склонилась набок.



СТРЕЛЬБА по ТЮЛЕНЮ.

Доктор Кейн приказал бы сделать еще один укол, но никакая дисциплина не могла сдержать его людей. С диким воплем, каждый в соответствии со своим порывом, они погнали обе лодки на льдины. Толпа рабочих схватила драгоценную добычу и перенесла ее на более безопасный лед. Люди казались наполовину сумасшедшими, настолько они были истощены голодом. Они бегали по льдине, плача и смеясь, размахивая ножами. Не прошло и пяти минут, как каждый мужчина уже обсасывал свои кровоточащие пальцы или жевал ртом длинные полоски сырого жира.

Ни одна унция этой печати не пропала даром!

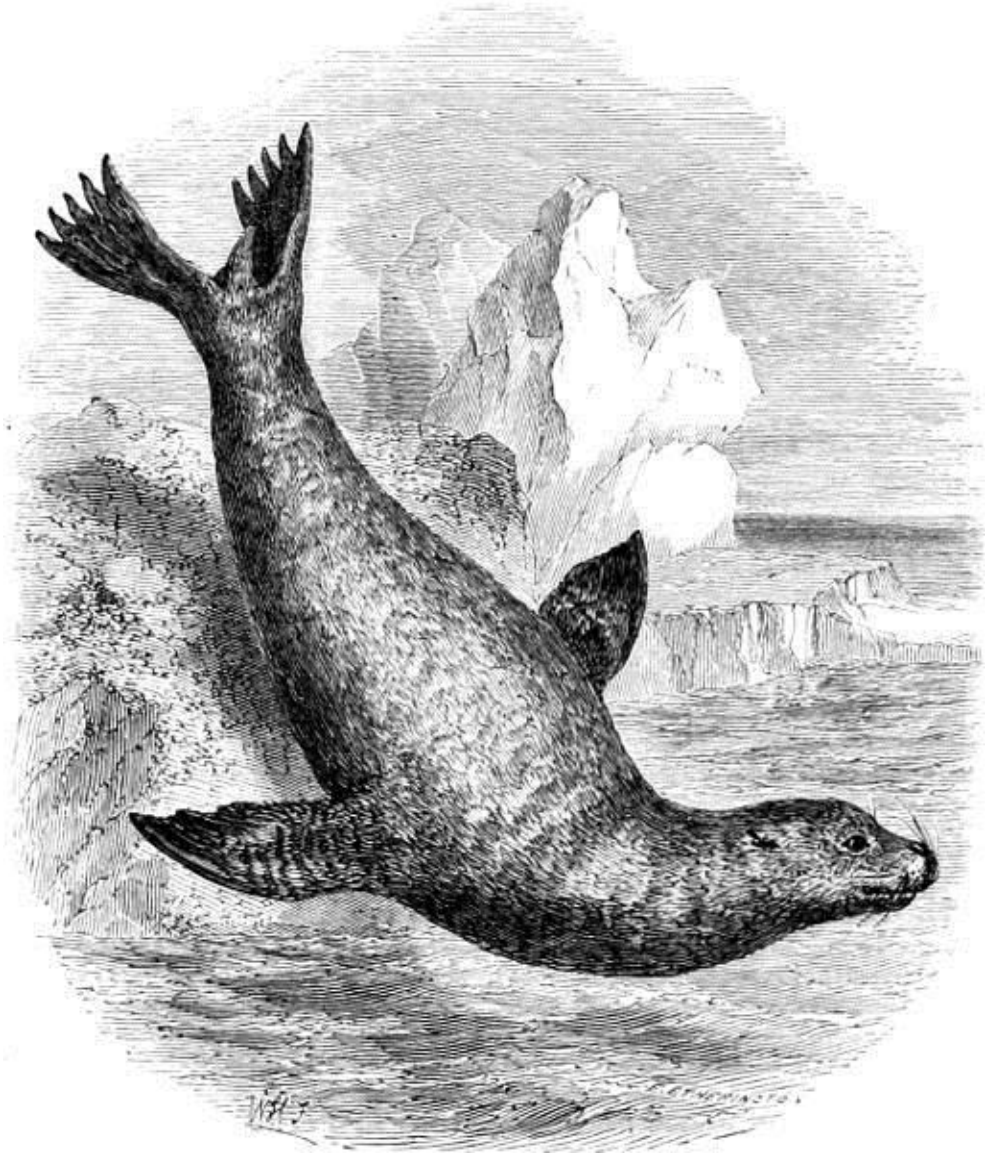
Кишечник попал в котелки для супа без какого-либо соблюдения предварительных домашних процедур. Хрящевые части передних плавников были срезаны в *месиве* и пущены по кругу для пережевывания; и даже печень, какой бы теплой и сырой она ни была, была съедена еще до того, как ее положили в кастрюлю. В ту ночь на большой льдине, к которой, пренебрегая опасностями дрейфа, счастливые искатели приключений вытащили свои лодки, целых две доски "*Красного Эрика*" были использованы для разжигания большого костра для приготовления пищи, и они наслаждались обильным и диким пиршеством.

Таков опыт жизни в Арктике; таковы трудности, с которыми сталкиваются героические люди, отправляющиеся выполнять работу на благо науки и цивилизации.

Возвращаясь к тюленям, мы можем отметить, что, согласно научному авторитету, угол заросшей водорослями скалы, на котором фока привык отдыхать со своей семьей, считается его собственностью, и никакие другие особи его вида не имеют права претендовать на него. Хотя в воде эти животные собираются вместе в многочисленные стада и защищают и

мужественно защищают друг друга, все же, когда они однажды выбрались из своей любимой стихии, они считают себя на своем собственном каменном пространстве как в священном жилище, где ни один товарищ не имеет права нарушать их домашний покой. Если какой—либо незнакомец приближается к этому семейному очагу, вождь — или нам следует называть его отцом? - готовится отразить силой то, что он считает недопустимым вторжением; и неизменно начинается ужасная битва, которая заканчивается только смертью властелина скалы или вынужденным отступлением незваного гостя.

Но семья никогда не захватывает участок больше, чем ей абсолютно необходимо, и живет в мире с соседними семьями, от которых ее редко отделяет расстояние большее, чем сорок или пятьдесят шагов. Если их вынудит необходимость, они даже будут жить в дружеских отношениях в гораздо более тесных условиях. Три или четыре семьи будут делить скалу, пещеру или льдину; но каждая занимает место, отведенное ей при первоначальном распределении, и, так сказать, запирается в нем и никогда не вмешивается в дела представителей другой семьи.

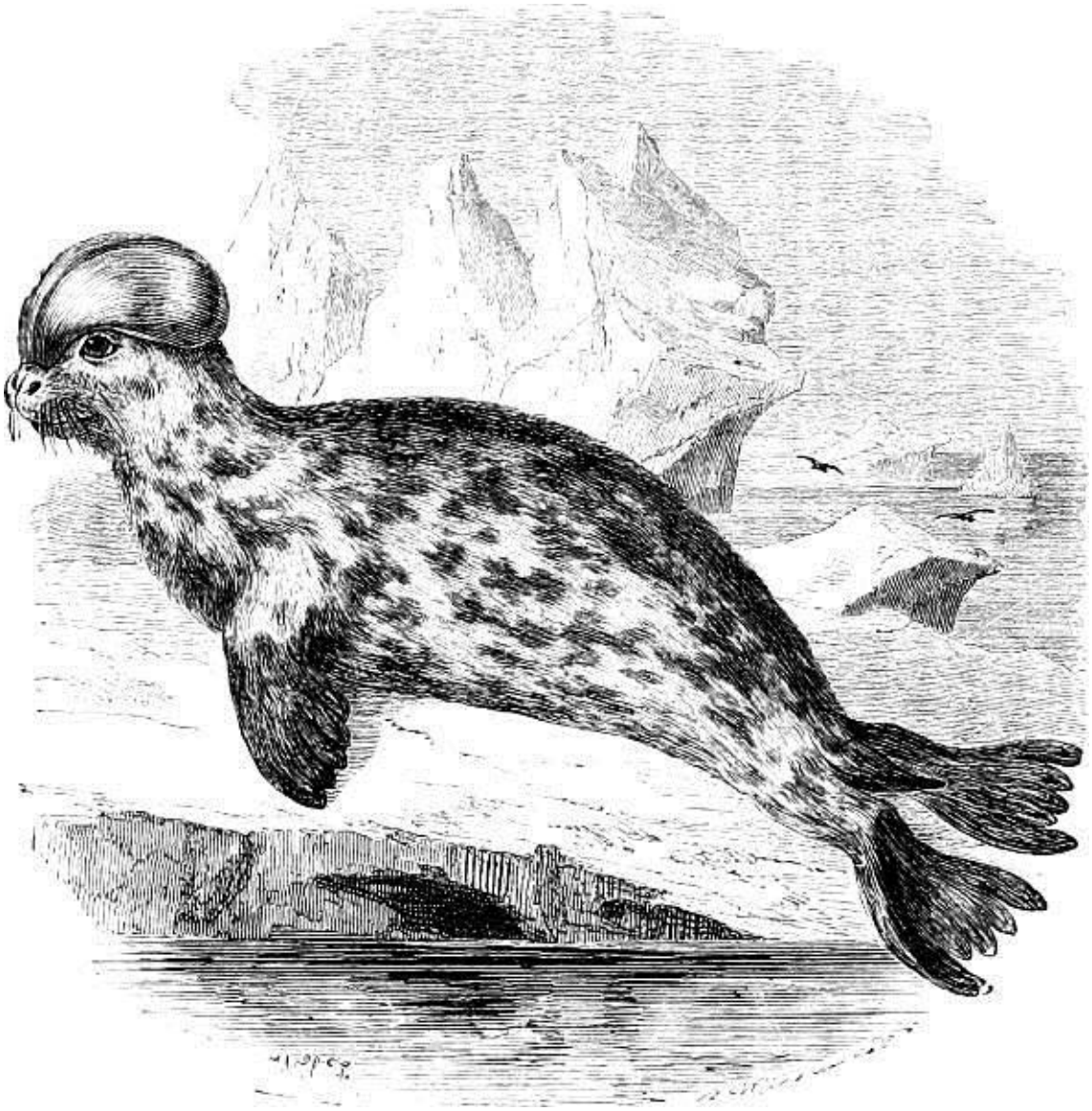


ОТАРИ.

Наши современные натуралисты делят фокидных на два отдельных отряда: *фокусные*, собственно так называемые, у которых нет наружных ушей, а есть только слуховое отверстие на поверхности головы; и *отарии*, которые снабжены внешними органами.

Сделанные нами замечания в большей степени относятся к обыкновенному тюленю (*Phoca vitulina*), или малому шпицбергенскому тюленю, длина которого составляет от четырех до пяти футов. Гренландский тюлень, или гренландский гренландец (*Phoca GrœNlandica*), о котором мы уже упоминали, крупнее и жирнее и отличается изменениями окраски, которым он подвергается до достижения зрелости. Мы также говорили о бородатом тюлене (*Phoca barbata*), который иногда достигает в длину десяти футов и известен не только своими размерами, но и густыми и крепкими усами. Хохлатый тюлень (*Stemmatopus cristatus*) отличается шаровидным и расширяющимся мешком, расположенным на вершине головы самцов. Этот вид достигает в длину семи-восьми футов и обитает в водах Ньюфаундленда и Гренландии.

Ценность тюленя для эскимосских племен лучше всего будет понята из описания использования различных частей животного в эскимосской хижине.



ТЮЛЕНЬ В КАПЮШОНЕ.

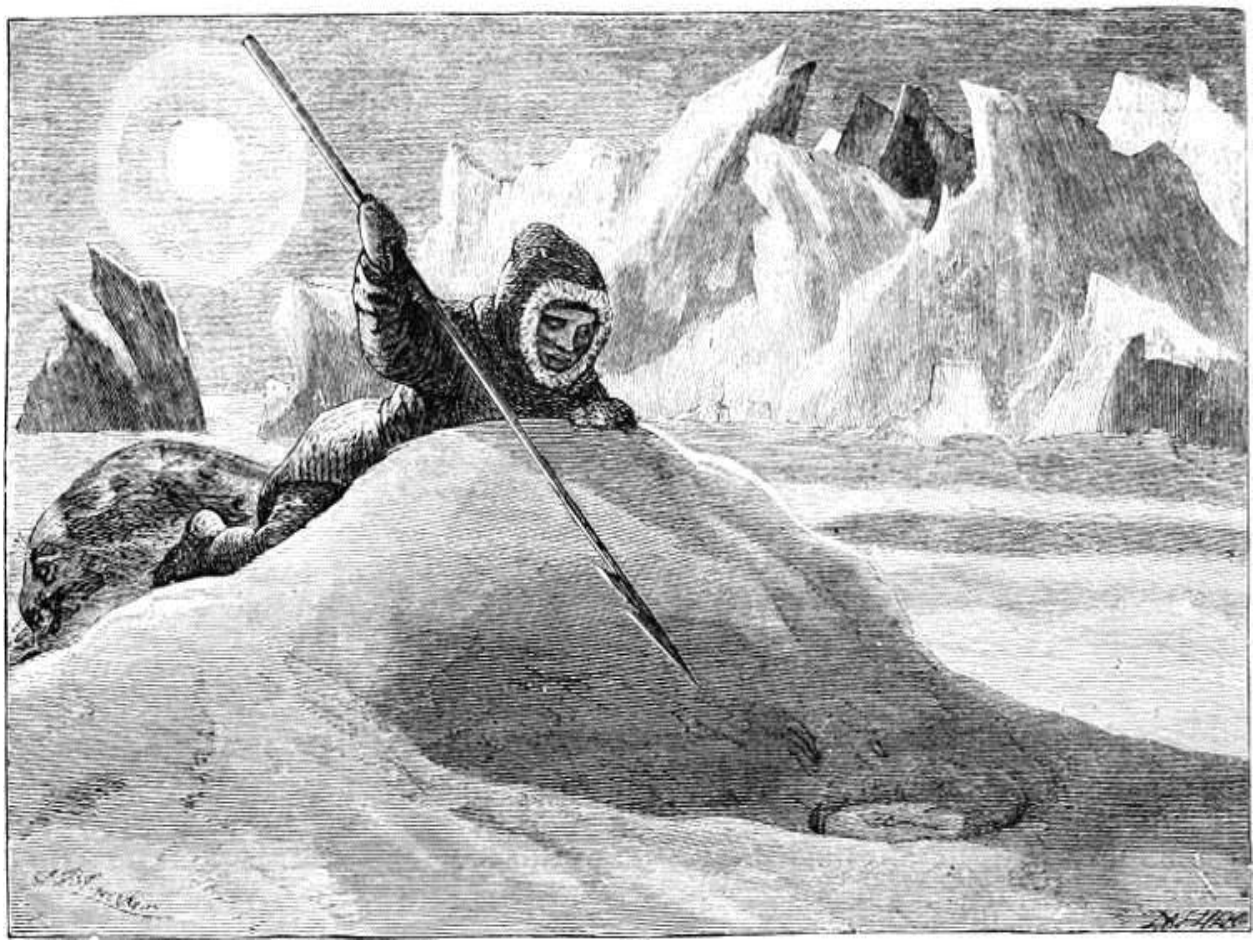
Мы предположим, что эта хижина имеет размеры около пяти или пяти с половиной футов в высоту и около десяти футов в диаметре. Стены сделаны из камней, мха и костей

тюленей, нарвалов, китов и других обитателей океана. Они не сводчатые, но постепенно отступают внутрь от фундамента и перекрыты длинными продолговатыми плитами из сланцевого камня, простирающимися из стороны в сторону. Мы входим: пол состоит из тонких плоских камней. В задней части хижины пол поднимается примерно на фут, и этот *выступ*, как называется это возвышение, служит и ложем, и сиденьем, поскольку покрыт толстым слоем сухого мха и травы под тюленьими, собачьими и медвежьими шкурами. Подобные возвышения расположены по углам спереди; под одним из них, возможно, будет лежать выводок детенышей вместе с их матерью, а под другим - порция тюленьего мяса. В квадратной передней части хижины, над проходом, вставлено окно; свет проникает через квадратную простыню из полосок сушеных кишок, сшитых вместе. Вход находится в полу, рядом с передней стеной, и прикрыт куском тюленьей шкуры. Тюленьи шкуры развешаны по стенам для просушки. На краю *коряги*, с обеих сторон, сидят женщины, каждая из которых занята обслуживанием коптящей лампы, заправленной тюленьим жиром. Эти лампы сделаны из мыльного камня и по форме напоминают раковину моллюска, имея около восьми дюймов в диаметре. Полость заполнена маслом, получаемым из тюленьего жира; и на прямом краю пламя горит довольно ярко, так как фитиль, который его подпитывает, сделан из мха. Работа женщин, по-видимому, заключается в том, чтобы не давать лампам коптить и постоянно снабжать их жиром, большие куски которого помещаются в полости, так как тепло вытягивает масло. Примерно в трех дюймах над этим пламенем висит, подвешенный к потолку, продолговатый квадратный горшок, сделанный из того же материала, что и лампа, в котором медленно кипит кусочек мяса. Над ним висит вешалка, сделанная из голых реберных костей, связанных крест-накрест, на которой сушатся чулки, рукавицы и различная одежда из тюленьей кожи. Нельзя увидеть никакого другого огня, кроме того, который горит в лампах, да и не нужно никакого другого. Внутри теснится так много людей, что становится невыносимо жарко, и все вокруг пропитано запахом тюленьего мяса, тюленьего жира и тюленьей кожи!

Вполне естественно, что мы должны здесь рассказать об эскимосском способе ловли тюленей. Великим сезоном охоты на тюленей является весна, когда безобидные *фоки* резвятся в открытых водоемах у берегов или взбираются на льдины, чтобы насладиться лучами запоздалого солнца. Они отличаются осторожным и робким нравом, и мы можем предположить, что их традиции научили их быть настороже перед человеком; но поскольку все их привычки и повадки хорошо известны эскимосам, им не удается ускользнуть от его ловкой настойчивости. Иногда охотник облачается в тюленью шкуру и настолько точно имитирует их внешний вид и движения, что приближается к ним на расстояние выстрела, прежде чем маскировка будет обнаружена; или же он прокрадывается в их логово за белой ширмой, которую передвигают перед ним с помощью саней. Поскольку сезон приближается к середине лета, становится все меньше необходимости в предосторожностях; глаза тюленей настолько слипаются от яркого солнца, что они часто почти слепнут. Зимой на них нападают, когда они трудятся у своих дыхательных отверстий или когда они поднимаются, чтобы сделать вдох.

Если эскимос убедится, что тюлень работает подо льдом, он занимает свой пост в предполагаемом месте и редко покидает его, какой бы суровой ни была погода, пока не поймает животное. Чтобы защититься от ледяного ветра, он воздвигает снежную стену высотой в четыре фута и, усевшись в ее тени, опирает свои копья, лески и другие приспособления на несколько маленьких раздвоенных палочек, воткнутых в снег, чтобы

при необходимости передвигать их без малейшего шума. Он доводит свою осторожность до такого предела, что даже связывает собственные колени ремешком, чтобы его одежда не шуршала! о нас



ЭСКИМОССКИЙ ОХОТНИК НА ТЮЛЕНЕЙ.

Чтобы выяснить, продолжает ли тюлень грызть лед, наш терпеливый наблюдатель использует свой *куттук*- тонкий костяной стержень, не толще обычной проволочной проволоки, искусно закругленный, с набалдашником на одном конце и острым концом на другом.

Это орудие он вонзает в лед, и ручка, которая остается над поверхностью, своим движением сообщает ему, занято ли животное все еще рытьем своей норы; если она не двигается, попытка в этом месте прекращается, и охотник перебирается в другое место. Когда он полагает, что лунка почти закончена, он украдкой поднимает свое копье, и как только он слышит свист тюленя и знает, следовательно, что ледяная корка очень тонкая, он изо всех сил вонзает его в ничего не подозревающее животное; а затем своим острым ножом или *панной*, разделяющим лед, чтобы повторить свои удары и обезопасить свою жертву. *Нейтук*, или фока испанская, будучи самым маленьким тюленем, держится во время борьбы либо за руку, либо за леску, один конец которой обвит вокруг копья, вбитого в лед. В случае с тюленем-бородачом, или *огукой*, леска наматывается вокруг ноги или руки охотника; у моржа - вокруг его тела, при этом ступни плотно упираются в ледяную кочку, чтобы увеличить способность к сопротивлению. Пятнадцатилетний мальчик может убить *нейтука*, но с более крупными животными может справиться только сильный и опытный взрослый.

Теперь мы переходим к разговору о ките, который по своим размерам является повелителем арктических морей и самым грандиозным представителем морской фауны.

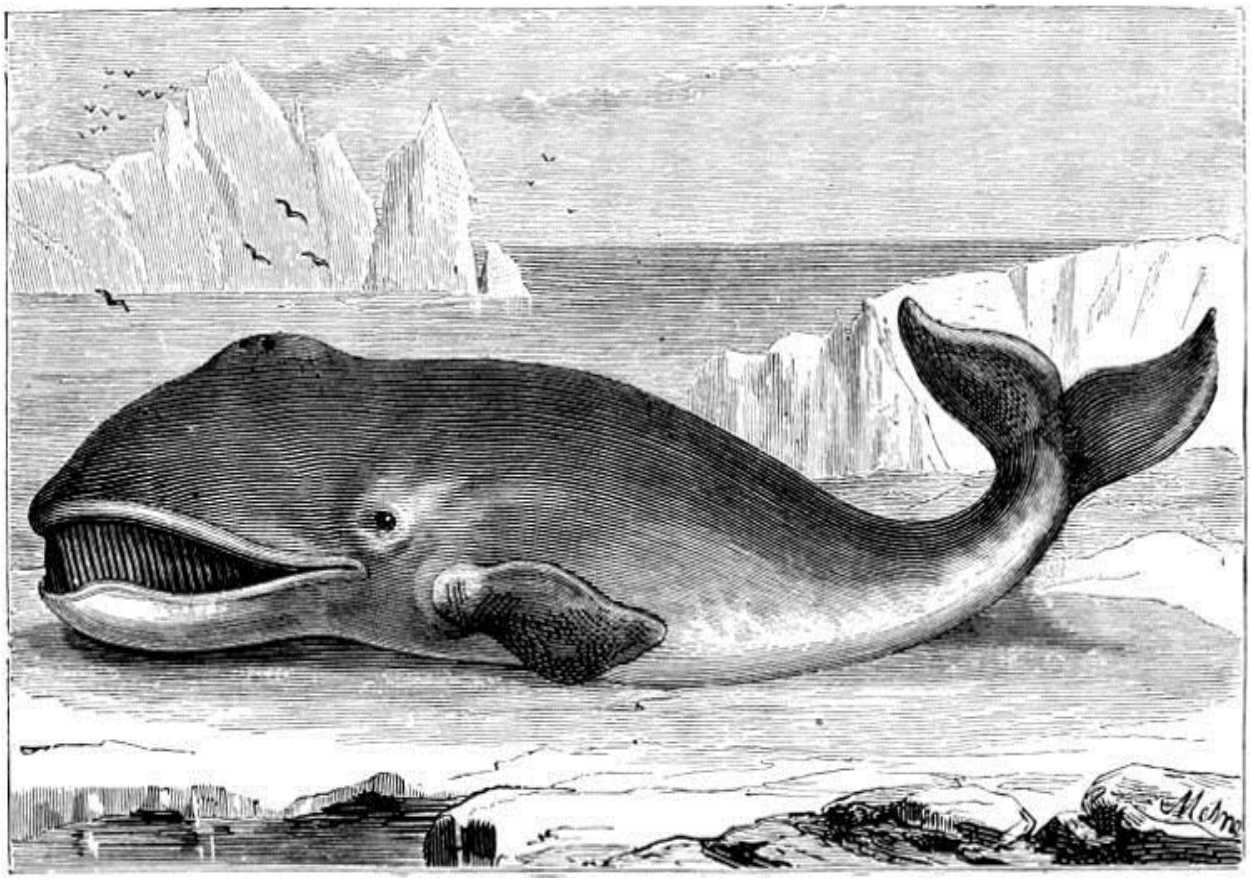
Киты (*китообразные*), как известно большинству современных людей, относятся к отряду водных млекопитающих, отличающихся передними конечностями, похожими на плавники, и той особенностью, что место задних конечностей занимает большой горизонтальный хвостовой плавник, или хвост; в то время как шейные кости настолько сжаты, что у животного, по крайней мере внешне, кажется, что шеи нет.

Общая форма кита, несмотря на его положение среди млекопитающих, сходна с формой рыб, а горизонтальное удлинение тела, гладкая и округлая поверхность, постепенное удлинение концов туловища и величина плавников и хвоста специально приспособлены для легкого и быстрого передвижения в воде. Расположение костей, составляющих переднюю конечность, очень любопытно. Весь плавник состоит в точности из тех же частей, что и те, которые мы находим в человеческой кисти; но они настолько скрыты под толстой кожной оболочкой, что не видно ни следа кости. В этом отношении промежуточную организацию демонстрируют передние конечности тюленя.

Задняя конечность у всех китообразных либо абсолютно неполноценна, либо находится в зачаточном состоянии. Если он рудиментарный, то его единственный рудимент состоит из определенных мелких костей, несовершенного подобия таза, как бы подвешенного в плоти и не связанного с позвоночным столбом. Здесь мы можем наблюдать замечательное различие между китом и тюленем: у последнего, как мы видели, короткий хвост, а задние конечности выполняют функцию настоящего хвостового плавника; у первого этот важный орган развития состоит, по словам м-ра Белла, из “чрезвычайно широкого и мощного горизонтального диска, различающегося по форме у разных родов, но во всех случаях составляющего главное орудие передвижения”. У рыб хвост расположен вертикально, а у китов горизонтально; и хорошо было сказано, что замечательное приспособление такой особенности в его положении к потребностям животного служит свежей и прекрасной иллюстрацией бесконечных ресурсов и дальновидности Творческой Мудрости.

Итак, рыбы, дышащие только воздухом, содержащимся в плотной жидкой среде, в которой они живут, не нуждаются в доступе к атмосфере; и, следовательно, их развитие в основном ограничено одним и тем же регионом. Но киты, вдыхающие атмосферный воздух, обязательно должны всплывать на поверхность для каждого вдоха; и, следовательно, им нужен мощный инструмент или рычаг, положение которого должно направлять импульс в вертикальном направлении, чтобы выталкивать их колоссальную массу из самых низких глубин океана на поверхность каждый раз, когда легким требуется свежий приток атмосферного воздуха. Наибольшая скорость движения достигается попеременными ударами хвоста по воде, вверх и вниз; но обычное продвижение достигается косым боковым и нисходящим толчком, сначала с одной стороны, а затем с другой, подобно тому, как лодку приводит в движение человек с одним веслом в искусстве “гребли”. Длина хвоста у некоторых более крупных видов поистине огромна; его поверхность составляет не менее ста квадратных футов, а ширина значительно превышает двадцать футов.

Обыкновенный, правый, или гренландский кит (*Balæna mysticetus*) на протяжении веков был объектом систематической охоты человека из-за его ценного жира и едва ли менее ценного уса.



ГРЕНЛАНДСКИЙ КИТ.

Этот кит редко превышает пятьдесят-шестьдесят футов в длину или тридцать-сорок в обхвате и, следовательно, ни в коем случае не является главой своего семейства. Как и у других видов, тело толстое и громоздкое в передней части, самое большое примерно посередине и резко сужается к хвосту. Голова колоссальная; широкая, плоская, закругленная снизу и узкая сверху; она составляет примерно треть всей длины животного и около десяти-двенадцати футов в ширину. Его губы — какие губы! — толщиной в пять или шесть футов. Они не прикрывают никаких зубов, но защищают пару очень грозных челюстей. Пещерообразная внутренняя часть рта заполнена двумя рядами пластинок китового уса, около трехсот в каждом, которые требуют особого описания. Китовый ус, или китовый ус, как его еще называют, состоит из множества параллельных пластин, слоев или пластинок, каждая из которых образована центральным грубоволокнистым слоем, лежащим между двумя плотными и отполированными снаружи. Но эта внешняя часть не полностью покрывает внутреннюю; обнажается своего рода край, и этот край заканчивается рыхлым бахромчатым или волокнистым концом. Более того, у основания каждой пластинки китового уса находится коническая полость, покрывающая соответствующую ей мякоть; и эта мякоть погружена в вещество десны или щечной мембраны, натянутой на небо и верхнюю челюсть.

Плотные *наружные* слои китовой пластинки непрерывны с белым роговым слоем камеди, который переходит на поверхность каждой пластинки; и поэтому мякоть можно рассматривать только как орган выделения внутренней грубой структуры. Нити бахромы чрезвычайно многочисленны и настолько заполняют ротовую полость, что образуют очень эффективное и хитроумное сито; а поскольку пищевод, или “глотка” кита, настолько ограничен, что не может пропускать даже более мелкую рыбу, и, следовательно, пища кита ограничивается мельчайшими организмами, такими как медузы, эта искусно

сконструированная конструкция абсолютно необходима для того, чтобы удерживать все то, что попадает в рот.

Способ, которым питается кит, может быть описан следующим образом:—

Широкие воды арктических морей изобилуют бесчисленными косяками моллюсков, лучеперых и ракообразных животных, и часто их так много, что они полностью окрашивают поверхность волн.

Поэтому, когда кит желает пищи, он открывает свою колоссальную пасть, и множество этих организмов как бы подхватывается огромной нижней челюстью: когда пасть закрывается, вода выбрасывается, а жизнь, которая в ней обитает, оказывается в плену у устройства, которое мы пытались описать.

Если мы примем во внимание количество китов, обитающих в Северных морях, и могучую массу каждой особи, наше воображение совершенно не сможет оценить бесчисленные мириады мельчайших организмов, которыми приходится жертвовать ради их надлежащего питания.

Одним из основных продуктов, добываемых гренландским китом, является его китовый ус, с домашним использованием которого наши читатели, вероятно, знакомы; но большие количества масла, которое из него добывают, еще более ценны. Кит длиной шестьдесят футов даст целых двадцать тонн чистого масла.

Помимо обыкновенного кита, наши охотники находят в северных морях кита с колючей спиной, или северного рогача (*Balænoptera physalis*), для которого характерен выступающий гребень, тянущийся вдоль его могучей спины. Говорят, что это чудовище глубин достигает в длину ста футов и имеет размеры от тридцати до тридцати пяти футов в окружности. Но его добыча жира и китового уса меньше, чем у правого или гренландского кита, и поскольку его поимка сопряжена с трудностями и опасностями, китобои редко нападают на него. В своих движениях он более быстр и беспокойен, и когда его загарпунируют, он часто ныряет вниз с такой силой и скоростью, что обрывает леску. В некоторых отношениях он отличается от гренландских видов, и особенно по характеру своей пищи, поскольку питается рыбой значительных размеров.

Некоторые из наших натуралистов утверждают, что в арктических морях обитает несколько видов рогатых китов; а щучий кит, названный так из-за сходства его рта со ртом щуки, часто описывается как самостоятельный вид. Другие, однако, придерживаются мнения, что щука - это просто детеныш чудовища, которое мы описывали. Рорквaль очень прожорлив и широко охотится на рыбу; в желудке одной особи было обнаружено до шестисот тресковых особей, не говоря уже о более мелких “мальках".

В то время как гренландский кит быстро вытесняется обратно в ледяные дебри за Беринговым проливом на западе и в ручьи и заливы за Баффиновым заливом на востоке, редкие виды, включая *Balænoptera rostratus* (или клювастого кита), *Balænoptera musculus* и *Balænoptera boops*, все еще часто встречаются в открытых водах, — преследование их, как мы показали, более затруднено и менее прибыльно. Обычно их можно встретить на косяках сельди, усердными и разрушительными врагами которой они являются. У берегов Гренландии, Шпицбергена и Новой Земли они встречаются в значительном количестве.

Наши китобои каждый год выходят в море на хорошо оснащенных судах, оснащенных самым лучшим и грозным оружием, какое только может изобрести научная изобретательность. Тем не менее, они считают это предприятие полным опасностей и лишений, и общепризнано, что оно требует от тех, кто пускается в него, не только обычной выносливости, но и мужества, терпения и настойчивости. И все же азиатские и

американские племена не боятся противостоять океанскому левиафану самым простым оружием. Алеут садится в свою маленькую лодку, или *байдар*, и, завидев свою добычу, крадучись приближается к ней сзади, пока почти не достигает головы чудовища. Затем он внезапно и ловко вонзает свое короткое копье в огромный бок, прямо под передний плавник, и отступает так быстро, как только могут нести его хорошо управляемые весла. Если копье вонзилось в плоть, кит обречен; в течение следующих двух-трех дней он погибнет, а течения и волны выбросят огромную тушу на ближайший берег, где ее заберет доблестный победитель. И поскольку на каждом копье нанесен особый знак его владельца, это утверждение никогда не оспаривается.

Иногда байдар не успевает убежать вовремя, и разъяренный левиафан, яростно хлеща по воде хвостом, подбрасывает хрупкую лодчонку высоко в воздух, словно это была тростинка, или топит ее одним сокрушительным ударом. Неудивительно, что те из их расы, кто берется за столь опасное занятие, пользуются среди алеутов высокой репутацией. Выйти в одиночку и встретиться с китом в ледяных водах Полярного моря - задача, требующая предельного бесстрашия и предельного спокойствия нервов.

Многие киты, которых таким образом дерзко загарпунили, погибли. Известно, что летом 1831 года около Каджака было добыто сто восемнадцать китов, и из них было найдено только сорок три. Остальных либо отнесло к далеким берегам и одиноким неизвестным островам, либо они стали добычей акул и морских птиц. Врангель утверждает, что в последние годы русские ввели в употребление гарпун и наняли нескольких английских гарпунщиков, чтобы те обучили алеутов секрету своего ремесла; и, следовательно, более старый и опасный метод, которому алеуты научились у своих предков, скоро уйдет в прошлое.

Эскимосы посвящают месяц август китобойному промыслу и с этой целью собираются в компании и строят колонию хижин на каком-нибудь крутом мысу полярного побережья, где глубина воды достаточна для того, чтобы всплыть на поверхность предназначенной им жертве.

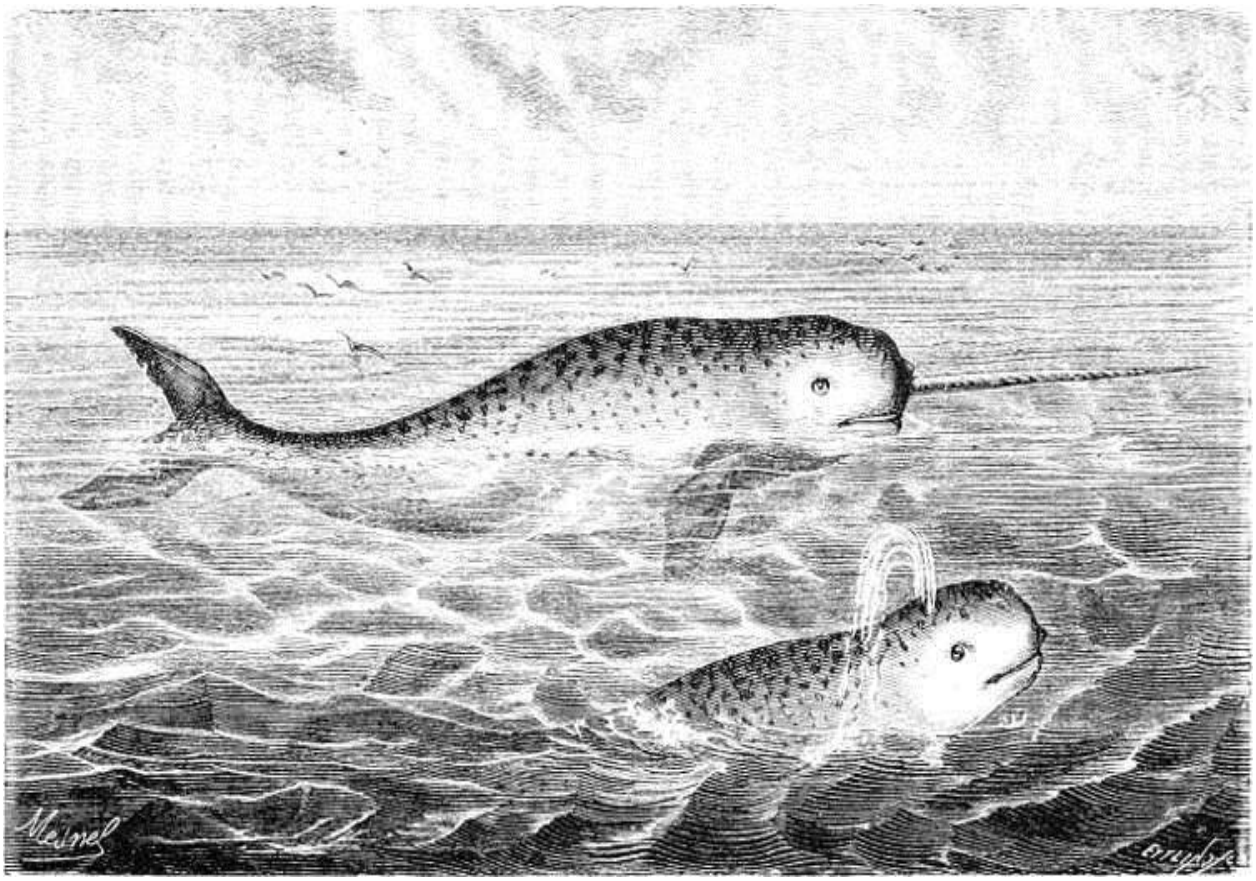
Как только появляется колоссальная туша кита, распростертого на воде, дюжина каяков или больше осторожно подплывают сзади, пока один из них, вырвавшись вперед, не подойдет достаточно близко с одной стороны, чтобы люди могли вонзить копье в его плоть со всей силой обеих рук. К копью прикреплены надутая тюленья шкура и длинный моток ремня. Кит ныряет сразу же, как только его подстрелят. Через некоторое время он появляется снова, и по сигналу плавучего буя из тюленьей кожи все каноэ снова гребут к своей добыче. Снова предоставляется возможность пустить в ход смертоносные копья; и этот процесс повторяется до тех пор, пока измученный кит все чаще и чаще не всплывает на поверхность, его, наконец, убивают и буксируют к берегу.

Капитан Макклюр встретился с эскимосским племенем у мыса Батерст, которое охотилось на кита таким примитивным способом, но в погоне участвовали не только самцы, но и самки. *Омайак*, или женская лодка, по его словам, “*управляется* женщинами”, гарпунщиком которых является избранный мужчина племени; также присутствует косяк мелкой рыбешки в виде *каяков*, или каноэ для одиночек. Гарпунщик выбирает "рыбу”, вонзает в ее плоть свое орудие, к которому с помощью ремешка из моржовой шкуры прикреплена надутая тюленья шкура. Затем люди в каяках беспрестанно преследуют раненую рыбу оружием аналогичного типа; и некоторое количество такого оружия, попадая

в несчастного кита, сводит на нет его попытки спастись и истощает его силы, пока в течение дня он не умирает от истощения и потери крови.

Шерард Осборн рассказывает нам, что гарпунщик, добившись успеха, становится действительно очень важной персоной и неизменно награждается эскимосским орденом Голубой ленты; то есть через его лицо над переносицей проводится синяя линия. Это самая высокая честь, известная героям Кейп-Батерста; но она включает в себя привилегию награжденного человека, которому разрешается взять себе вторую жену!

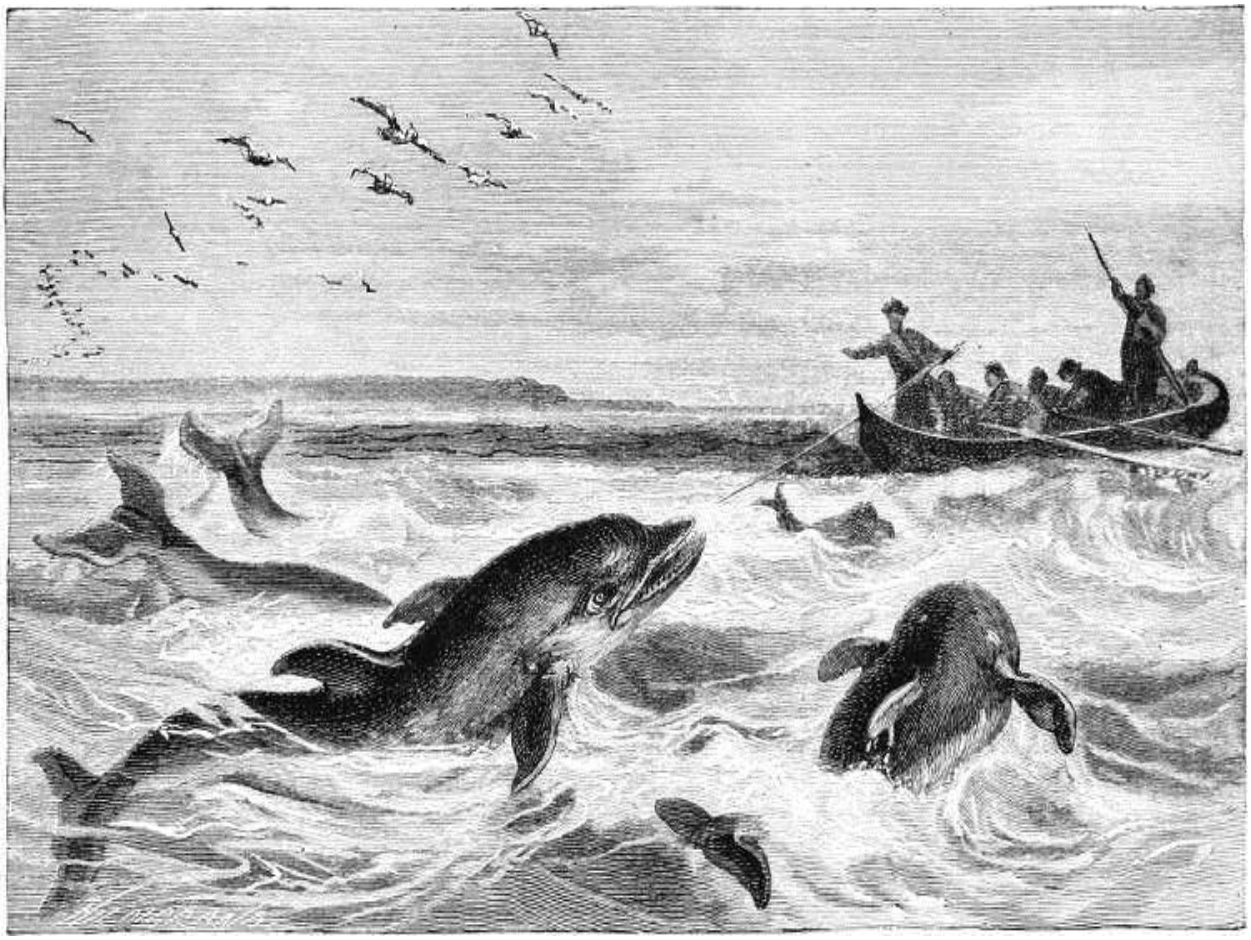
В водах Новой Земли, Гренландии и Шпицбергена водится нарвал, или морской единорог (*Monodon monoceros*), который в свое время был темой множества экстравагантных легенд. Он принадлежит к китообразным, но отличается от кита отсутствием зубов, собственно так называемых, и тем, что вооружен огромным рогом, выступающим прямо вперед из верхней челюсти, на прямой линии с телом. Этот рог, или бивень, использование которого не было установлено удовлетворительно, тверже и белее слоновой кости, исчерчен спиралью от основания к кончику, сужается по всей длине и имеет длину от шести до десяти футов. М-р Белл замечает, что было бы странной аномалией, если бы очевидная уникальность этого оружия была реальной. По правде говоря, *оба* зуба неизменно находятся в челюсти не только самца, но и самки; но в обычных (хотя и не во всех) случаях полностью развит только один, и тот у самца, а другой остается в зачаточном состоянии — как и оба у самки.



НАРВАЛЫ, САМЕЦ И САМКА.

Длина нарвала от пасти до хвоста составляет около двадцати футов, хотя иногда встречаются особи размером в тридцать футов. Голова короткая, верхняя часть выпуклая; рот маленький; дыхало, или дыхательное отверстие, дублируется внутри; язык длинный; грудные плавники маленькие. Спина выпуклая и довольно широкая, без плавников, постепенно заостряется к хвосту, который, как и у других китообразных, расположен горизонтально. Пища нарвала, повадки которого удивительно миролюбивы, состоит из медуз, более мелких видов плоских рыб и других морских животных.

Поразительное зрелище, которое часто предстает взору путешественника в арктических морях, - это стая дельфинов, резвящихся и прыгающих, словно в самом расцвете наслаждения. Белуха, иногда называемая белым китом (*Delphinus leucos*), привлекает внимание ослепительной белизной своего тела и стремительностью движений. Он часто посещает устья Оби и Иртыша, рек Маккензи и Коппермайн, по которым иногда поднимается на значительное расстояние в погоне за лососем. Его длина колеблется от двенадцати до двадцати футов; у него нет спинного плавника, а голова круглая, с широкой усеченной мордой.



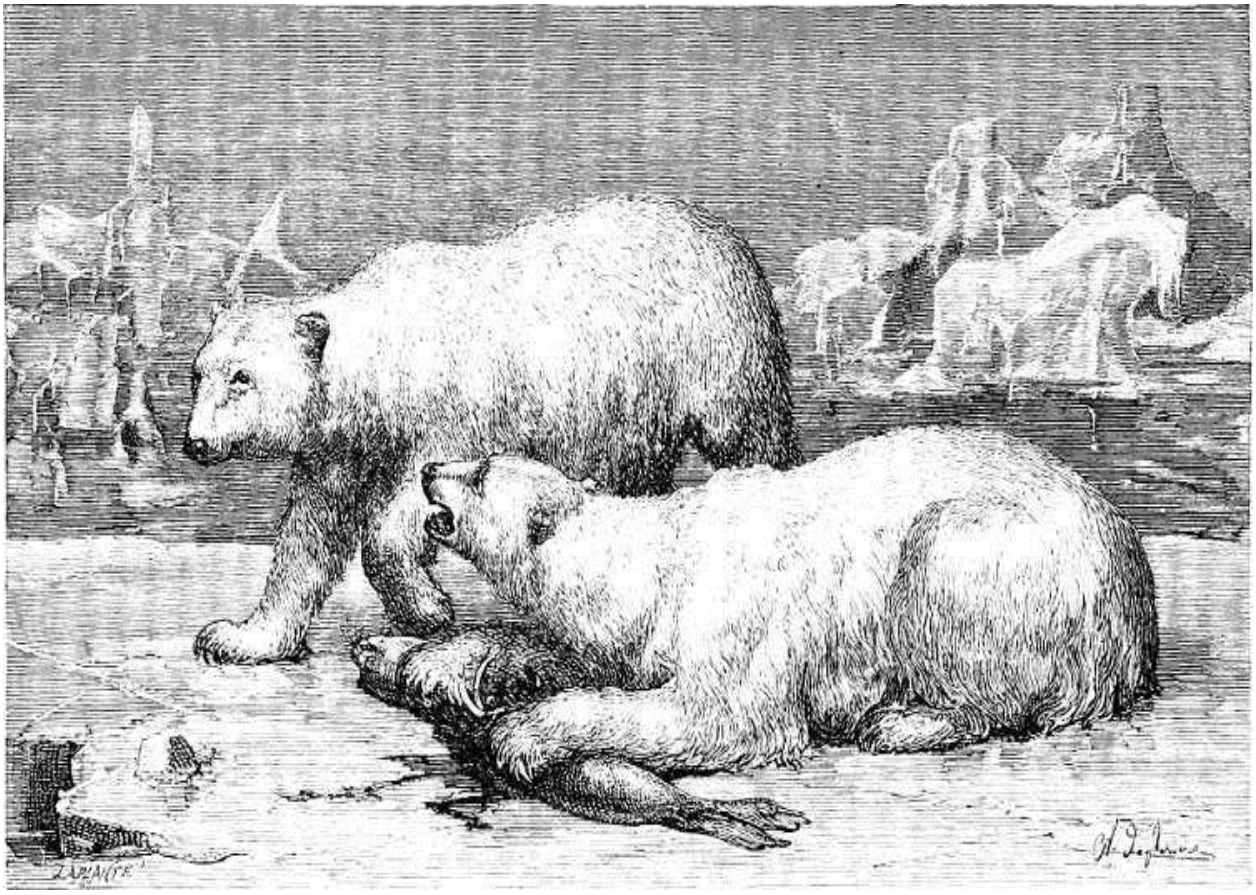
СТАЯ ДЕЛЬФИНОВ.

Черный дельфин (*Globicephalus globiceps*) также обитает в полярных морях, как за Беринговым проливом, так и между Гренландией и Шпицбергеном. Однако он часто встречается в водах южнее. Его длина в среднем составляет около двадцати четырех футов,

а окружность - десять футов. Его гладкая маслянистая кожа имеет голубовато-черный оттенок на верхней и тускло-белый оттенок на нижней частях тела. Двадцать два или двадцать четыре крепких сцепленных зуба в каждой челюсти образуют его грозный аппарат нападения и защиты; его спинной плавник около пятнадцати дюймов в высоту; хвост шириной пять футов; грудные плавники длинные и узкие и хорошо приспособлены для того, чтобы помогать своему владельцу в его быстрых движениях. Он держится со своими сородичами стадами в несколько сотен особей под руководством нескольких старых и осторожных самцов, за которыми остальные следуют так же послушно, как стадо овец за своим вожаком; поэтому шетландцы называют его “кайнским китом”. Большие косяки часто выбрасываются на берег Норвегии, Исландии, Оркнейских, Фарерских и Шетландских островов, доставляя обитателям желанную добычу.

К тем же широтам относится свирепый орк, или грампус (*Delphinus orca*), морской тигр, который нападает не только на морскую свинью и дельфина, но даже на колоссального кита. Его широкое глубокое тело черное сверху и белое снизу; бока отделаны черным и белым мрамором. В каждой челюсти по тридцать зубов, те, что спереди, тупые, круглые и тонкие, в то время как те, что сзади, острые и толстые; и между каждым из них есть пространство, приспособленное для размещения зубов противоположной челюсти, когда рот закрыт. Спинной плавник грампуса большого размера; иногда достигает шести футов в длину, от основания до кончика. Грампусы обычно путешествуют небольшими эскадрильями по четыре-пять особей, следуя друг за другом гуськом и попеременно поднимаясь и опускаясь таким образом, что это напоминает волнообразные движения огромного кракена или морского змея.

К числу обитателей Полярного океана, безусловно, следует отнести Белого медведя (*Thalassarctos maritimus*), поскольку он плавает и ныряет с большой ловкостью и, более того, часто встречается на дрейфующих льдинах на расстоянии восьмидесяти-ста миль от суши. Это существо огромной силы, великой свирепости и великого мужества, хотя мы можем не принимать преувеличенные рассказы о нем, которые оживляют повествования более ранних путешественников.



БЕЛЫЕ МЕДВЕДИ.

Благородное создание - белый медведь, говорит Шерард Осборн, независимо от того, называем ли мы его учеными титулами “Морской медведь”, “Талассарктос морской” или, как выражаются моряки, "Джек Грубиян”! При всех своих многочисленных чудесах, продолжает этот живой писатель, природа никогда не создавала существа, более превосходно приспособленного к той жизни, которую ему приходится вести. Наполовину плоть, наполовину рыба, моряк, бродящий по негостеприимным регионам Севера, не может не быть поражен появлением скрытой энергии и мощи, о которых свидетельствует каждое его действие, когда он гибко и чванливо катится по неровной поверхности замерзшего моря; или, в течение короткого арктического лета, преследует разбитую и вероломную “стаю” в поисках своей добычи.

Когда медведь не слишком набит жиром — а он, кажется, быстро жиреет, — его походка неторопливa и легка, но в самом медленном состоянии она равна походке хорошего пешехода; а когда он встревожен или раздражен, его скорость удивительна, хотя и не грациозна. На ровном льду он как бы бросается вперед резкими рывками мощных передних лап, совершая то, что было описано как “неуклюжий галоп”; но он всегда, когда может, выбирается на неровный лед, где его сила и проворство проявляются наилучшим образом и где ни человек, ни собака не могут его догнать. В проливе Королевы во время экспедиции капитана Макклюра было замечено не одного медведя, пробиравшегося по расколотому льду, неровному и обрывистому, насколько это может себе представить разум, с поистине удивительной легкостью; их мощные передние и задние лапы позволяли им перепрыгивать с куска на кусок, взбираясь на один фрагмент и соскальзывая по другому с проворством огромного четвероногого, а не четвероногого. Очевидно, он осознает свое превосходство на такой неровной и опасной местности и обычно встречается на краю поясов торосов или

битого льда, которые пересекают большинство ледяных полей, или же среди замерзшего пакового льда в каналах, таких как Барроу и Куинс.

Однако есть еще одна причина, по которой медведи держатся среди торосов и пакового льда, а именно то, что вблизи таких мест вода обычно впервые появляется летом. Следовательно, тюлени там наиболее многочисленны, в то время как неровности льдины служат укрытием медведям при приближении к своей добыче. Летом окраска белого медведя имеет тусклый желтоватый оттенок, очень напоминающий цвет тающего снега или льда. Тогда мех становится тонким, а шерсть на подошвах лап почти полностью стирается, как у других животных арктического климата; но осенью, когда тело оправляется от лишений предыдущей зимы и тело покрывается толстым слоем жира, чтобы удовлетворить потребности следующего сезона скудного питания, лапы с наступлением сезона становятся красиво очерченными и обрастают шерстью, и окрас животного обычно становится очень бледно-соломенным, который, с определенной точки зрения, при попадании на него света выглядит как белый, или почти такой. Нос и губы угольно-черные; глаза различаются по цвету. Распространены карие, но у некоторых были замечены глаза бледно-серого цвета. Их обоняние необычайно обострено, чему, без сомнения, способствует особый способ, которым чистый, острый воздух Севера разносит запахи на очень значительные расстояния.

Шерард Осборн утверждает, что были замечены медведи, которые шли по запаху, точно так же, как это делали бы собаки; а льдины вокруг острова Лоутер в 1851 году выглядели так, как будто медведи поселились там в поисках тюленей, подобно пойнтеру на зеленых полях Англии. Фыркающий звук, который они издают при приближении, указывает на то, насколько больше они доверяют своему запаху, чем зрению; хотя и то, и другое, когда дело касается охотника, может обмануть их.

Белый медведь достигает очень внушительных размеров; но когда моряки говорят о чудовищах пятнадцати футов в длину, их слушателей можно простить за то, что они не верят своим глазам. *Десять* футов - это, по-видимому, максимум; и медведь должен быть крупным, сильным и мускулистым, чтобы справиться с крупным арктическим тюленем, особенно с седлоспинными и пузыроносыми видами. Ибо, хотя он хорошо плавает и ныряет, он не плавает и не ныряет так хорошо, как тюлень, и, следовательно, у него было бы мало шансов добыть достаточные средства к существованию, если бы он не мог напасть на свою жертву на льдинах и схватить ее.

Тюлень, с другой стороны, полностью осознавая свою опасность и единственное средство спастись от нее, всегда держится поближе к воде, будь то лунка, которую он прогрыз и проломил во льду, или открытое море у кромки льдины.

И когда он лежит, греясь на плавучем льду, и выглядит апатичным и вялым, ничто не может превзойти его бдительность. Благодаря своим великолепным глазам он способен охватить широкий диапазон горизонта, как бы слегка он ни поворачивал голову; его острый слух добавляет ему безопасности. Есть что-то особенно поразительное в его постоянной бдительности. Теперь он поднимает голову и оглядывается по сторонам; теперь он прислушивается к малейшему звуку, который доносится по хрустящей поверхности льда; теперь он смотрит и вслушивается в свою нору - необходимая предосторожность против такого ловкого охотника, как старина Бруин! Казалось бы, невозможно застать врасплох столь бдительное и осторожное животное; и действительно, обходя свою добычу, медведь проявляет проницательность и ловкость, которые выходят за рамки инстинкта и вплотную приближаются к границам разума.

По своему нюху и быстрому острому зрению медведь определяет местонахождение тюленя. Затем он бросается ничком на лед и, пользуясь невидимыми человеческому глазу неровностями, постепенно подкрадывается к намеченной жертве мягкими и едва

уловимыми движениями задних лап. Чтобы скрыть свою черную морду, он постоянно использует передние лапы; и таким образом, поскольку видна только тускло-белая шерсть, его едва ли можно отличить от общей массы льдины. Он терпеливо подплывает все ближе и ближе; тюлень принимает его за одного из своих сородичей или же, поддавшись пагубному любопытству, медлит, пока нападающий одним прыжком не настигнет его.

Однако, как гласит старая пословица, часто случается промах; и даже в этих обстоятельствах медведю не всегда удается утолить свой голод. Иногда его постигает разочарование, как только добыча кажется в пределах его досягаемости; и насколько велико это разочарование, могут оценить только, как нам говорят, незадачливые арктические путешественники, “которые часами ползли наверх, мечтая о вкусной тюленьей икре и переполненных мешках с горючим, и видели, как добыча выскакивает из норы, находясь в сотне ярдов от нее”. Огромная мускульная сила тюленя часто позволяет ему броситься в воду, несмотря на попытки медведя удержать ее на льдине; Брюн, однако, сохраняет хватку, поскольку его ныряющие способности ненамного уступают способностям медведя. запечатайте, и они отправятся вниз вместе! Иногда медведь оказывается победителем из-за смертельных ран, нанесенных тюленю до того, как тот достигнет воды; иногда его можно увидеть вновь появляющимся у другой лунки во льдине или карабкающимся по другому расшатанному куску льда, очевидно, сильно огорченным отсутствием успеха.

МЕДВЕДЬ ЛОВИТ ТЮЛЕНЯ.

Как мы уже говорили, медведь хорошо ныряет и чувствует себя в воде почти так же уверенно, как на льду. Если он заметит тюленя на дрейфующей льдине, он тихо соскользнет в море, поплывет, выставив над водой только кончик носа, и, нырнув под льдину, достигнет того самого места, которое несчастный тюлень считал оазисом безопасности. Именно эта уловка его врага научила тюленя так осторожно следить за своей норой. Даже на обширных ледяных полях, прилегающих к суше, где медведь не может скрыть свое приближение, воспользовавшись кочками или другими неровностями, тюлень небезопасен; потому что тогда медведь ныряет в нору и плывет под ледяной коркой, пока не достигнет той, где бедный тюлень, сам того не подозревая, наслаждается последними лучами солнца.

Сезон изобилия у медведя начинается с приходом весны. В феврале и марте тюлень рожает своих детенышей, которые рождаются слепыми и беспомощными и в течение десяти дней не могут выйти к воде. Бедные матери прилагают все усилия, чтобы защитить их, но, несмотря на их нежные усилия, происходит настоящая резня невинных, в которой, что не маловероятно, полярный волк виноват не меньше, чем полярный медведь.

Однако прожорливость часто оказывается ее собственным Заклятым Врагом, и медведь в своем нетерпеливом преследовании добычи часто попадает в серьезные неприятности. Тюлень инстинктивно гнездится как можно ближе к открытой воде. Но льдины во время

штормов в начале равноденствия иногда раскалываются и уносятся прочь в виде пакового льда; для тюленя это безразлично, говорит Осборн, но для медведя это вопрос жизни и смерти. Унесенные вдаль на своих маленьких ледяных островках, сотрясаемые бурными водами, трепещущие под ледяными порывами, многие из этих потерпевших кораблекрушение теряются по всей акватории Полярного моря. Говорят, что когда штормы дуют с севера, медведи иногда в таком количестве выбрасываются на берега Исландии, что ставят под угрозу безопасность стад исландских крестьян; известно, что они достигают берегов Норвегии.

Китобои достаточно часто видят медведей, дрейфующих на значительном расстоянии от суши. Они были обнаружены в шестидесяти милях от берега, в проливе Дэвиса, безо всякого льда в поле зрения и совершенно измученные долгим плаванием. Именно таким образом Природа сдерживает их слишком быстрый рост; ибо, помимо возможности волчьей охоты стаями и уничтожения детенышей, кажется, нет другого ограничения их численности. Эскимосов слишком мало, и они слишком плохо снабжены оружием, чтобы устраивать массовые убийства. Везде, где водятся тюлени, водятся и медведи; в проливе Барроу и в проливе Королевы их видели очень многочисленными стаями. Датчане утверждают, что они в изобилии водятся в северном поселении Упернавик в Гренландии в течение девяти месяцев в году; и из объединенных показаний туземцев, населяющих северо-восточную часть Баффинова залива, и доктора Кейна, который зимовал в проливе Смита, очевидно, что они в изобилии водятся в *полиниях*, или открытых заводях, образовавшихся там под действием приливов.

В летние месяцы, когда медведь набит жиром, на него легко охотиться, поскольку тогда он не может ни двигаться быстро, ни долго бегать; но глубокой зимой его прожорливость и огромная сила делают его грозным врагом для нецивилизованного и безоружного человека. Обычно он избегает вступать в контакт с нашими британскими моряками, хотя известны случаи ожесточенных боев, в которых Брюин с трудом терпел поражение.

Глупо, говорит Шерард Осборн, говорить о зимней спячке белого медведя: что бы ни делали медведи на американском континенте, есть только один арктический мореплаватель, который когда-либо видел медвежье гнездо! Медведей видели во всех точках, посещенных нашими моряками в ходе экспедиции Макклюра; в любое время и при любой температуре; самцов или самок, а иногда и самок со своими детенышами. В середине зимы, а также в середине лета они, очевидно, часто посещали места, где приливы или течения либо создавали постоянное наличие воды, либо позволяли образоваться такому тонкому слою льда, что тюлень или морж могли легко прорваться сквозь него.

То, что белый медведь добровольно не нападает на человека, за исключением случаев, когда его преследуют по горячим следам или когда он страдает от крайней нужды, утверждается несколькими авторитетными источниками и подтверждается опытом, о котором рассказывает доктор Хейс. Однажды он прогуливался вдоль берега и с большим интересом наблюдал за воздействием недавних весенних приливов на ледяное подножие, когда, обогнув мыс суши, внезапно обнаружил, что при свете полной луны столкнулся с огромным медведем. Он только что спрыгнул с суши и на полном скаку столкнулся с доктором Хейсом, так что они увидели друг друга, человека и животное, в одно и то же мгновение. Оставшись без ружья или других средств защиты, доктор Хейс внезапно повернул к своему кораблю, вероятно, с теми же размышлениями о благоразумии и доблести, которые пришли в голову старому Джеку Фальстафу, когда на него напал "Дуглас“; но, обнаружив после нескольких длинных шагов, что его не ”сожрали", он оглянулся через плечо и, к своему удовольствию и удивлению, увидел медведя, несущегося к открытой воде со стремительностью, которая не оставляла сомнений относительно

состояния его ума. Трудно было бы определить, кто в данном случае был напуган больше - медведь или доктор Хейс!

Любопытная иллюстрация сочетания ненасытности и эпикурейства Бруина приведена доктором Кейном. *Тайник*, или склад провизии, который был с большой тщательностью сооружен одной из его исследовательских групп и предназначался для снабжения их припасами на обратном пути, они обнаружили полностью разрушенным. Он был построен со всеми возможными предосторожностями из камней, собранных тяжелым трудом и подогнанных самым искусным образом. Насколько позволяли средства строителей, вся конструкция была максимально эффективной и устойчивой. И все же эти “ледяные тигры”, казалось, почти не столкнулись с препятствием. Не осталось ни кусочка пеммикана (мясных консервов), за исключением железных ящиков, которые, будучи круглыми, с коническими концами, не поддавались ни когтям, ни зубам. Их они катали и лапали во всех направлениях, швыряя повсюду, как футбольные мячи, хотя весили более восьмидесяти фунтов. Ящик из-под спиртного, прочно окованный железом, был разлетелся на мелкие осколки, а жестяная банка из-под спиртного скрутилась почти в шар. Сильные когти медведей пробили металл и разорвали его, как долотом.

МЕДВЕДИ УНИЧТОЖАЮТ ТАЙНИК.

Но грабители были слишком деликатны для соленого мяса. Молотый кофе они, очевидно, любили; старый холст также был любимым —*de gustibus non est disputandum*; даже флаг, который был поднят, “чтобы вступить во владение” ледяной пустыней, был обглодан до самого древка. Казалось, медведи наслаждались обычной резвостью; перекатывая бочонки с хлебом по подножию льда и на разбитый внешний лед; и, обнаружив, что они не в состоянии пережевывать тяжелую резиновую ткань, они развлекались, завязывая ее невообразимо крепкими узлами.

Медведица проявляет сильную привязанность к своим детенышам, которых она не бросит даже в крайней опасности. Уже цитировавшийся исследователь приводит интересный рассказ о погоне за матерью и детенышем, в котором трогательно проявились материнские качества первой.

При появлении охотничьего отряда и их собак медведица убежала; но так как малышка не могла ни опережать собак, ни поддерживать ту же скорость, что и ее мать, последняя повернула назад и, просунув голову ему под задние лапы, отбросила его на некоторое расстояние вперед. Детеныш, находившийся, таким образом, в безопасности на данный момент, поворачивался лицом к собакам, чтобы дать ему шанс убежать; но он всегда останавливался там, где приземлился, пока его мать не подходила и не давала ему еще одного толчка вперед; казалось, он ожидал ее помощи и без нее не двинулся бы вперед. Иногда мать забегала на несколько ярдов вперед, как бы заманивая к себе своего детеныша, и когда собаки приближались, она яростно набрасывалась на них и отгоняла назад. Затем, когда они уворачивались от ее ударов, она возвращалась к детенышу и подталкивала его вперед, иногда подставляя под него голову, иногда хватая его ртом за загривок.

СРАЗИСЬ С БЕЛЫМ МЕДВЕДЕМ.

Некоторое время она отступала с таким же мастерством и быстротой, оставив двух охотников далеко в тылу. Они заметили ее на сухопутном льду, но она повела собак к берегу, вверх по небольшой каменистой долине, которая проникала в глубь острова. Однако, пройдя полторы мили, она замедлила шаг и, поскольку малышка была измотана, вскоре остановилась, очевидно, решив не покидать его.

В этот момент люди отстали всего на полмили; и, мчась во весь опор, они вскоре достигли места, где собаки держали ее на расстоянии. Затем схватка стала отчаянной. Мать никогда не продвигалась вперед дальше чем на два ярда, постоянно и с любовью глядя на своего детеныша. Когда собаки приблизились, она села на задние лапы и, взяв малыша между задних лап, отбивалась от нападавших лапами, рыча так громко, что ее можно было услышать за милю. Она вытягивала шею и отчаянно хватала ближайшую собаку своими блестящими зубами, вращая лапами, как парусами ветряной мельницы. Если она промахивалась, не осмеливаясь преследовать одну собаку, чтобы другие не набросились на ее детеныша, она издавала низкий вой сбитой с толку ярости и шла дальше, размахивая лапами и огрызаясь, лицом к рингу, ухмыляясь им широко раскрытыми челюстями.

Когда подошли охотники, малыш, по-видимому, немного восстановил свои силы, потому что смог повернуться вместе со своей матерью, как бы быстро она ни двигалась, так, чтобы всегда держаться перед ее животом. Тем временем собаки активно прыгали вокруг медведицы, терзая ее, как множество оводов; действительно, было трудно выстрелить в нее, не рискуя убить собак. Но Ганс, один из охотников, опершись на локоть, спокойно, точно

прицелился и выстрелил ей в голову. Она тут же упала и перекатилась замертво, не шевельнув ни единым мускулом.

Тотчас же собаки бросились к ней, но детеныш вскочил на нее и встал на дыбы, впервые хрипло зарычав. Казалось, они очень боялись маленького существа, так активно оно отбивалось и производило так много шума; и, вырывая клочья шерсти у мертвой матери, они отскакивали в сторону в ту минуту, когда детеныш поворачивался к ним. Мужчины на время отогнали собак, но в конце концов были вынуждены застрелить детеныша, так как она не хотела покидать тело.

Еще более волнующий эпизод записан доктором Кейном, который вполне подойдет к завершению нашего рассказа о Белом медведе.

"*Наннук! наннук!*" (Медведь! медведь!) Этим приветственным возгласом Ганс и Мортон, двое из его помощников, разбудили доктора Кейна одним прекрасным субботним утром.

К скандалу с его внутренними правилами, все пистолеты были непригодны для использования. Пока матросы заряжали и заново надевали колпачки, доктор Кейн схватил свой шестизарядный револьвер и, выбежав на палубу, обнаружил медведицу средних размеров с четырехмесячным детенышем, которая вела активную борьбу с собаками. Они висели на ее юбках, и она с поразительной быстротой выбирала одну жертву за другой, хватала их за загривок и отбрасывала на много футов, или, скорее, ярдов, едва заметным движением головы.

Тудеа, лучшая собака, уже был *снят с боя*; его дважды подбрасывали. Дженни, еще одна из стаи, сделала необычный кувырок почти на пятьдесят футов и упала без чувств. Старый Уайти, ветеран боевых действий, стойкий, но не "по-медвежьи мудрый", был первым в битве; вскоре он, беспомощно повизгивая, лежал на снегу.

Казалось, что битва подошла к концу; и *наннук*, несомненно, так и думала, потому что она повернулась к бочкам с говядиной и начала с величайшим хладнокровием переворачивать их и вынюхивать их жирность. Медведь, более бесстрашный, чем он, не фигурирует в старых-престарых историях об исследователях Баренцева моря и Шпицбергена.

Теперь доктор Кейн всадил пистолетную пулю в бок детенышу. Мать сразу же положила своего малыша между задних ног и, подталкивая его вперед, направилась в заднюю часть магазина, или "мясной лавки". По пути она получила ружейный выстрел, но, казалось, едва ли обратила на это внимание. Без посторонней помощи передних рук она снесла бочки с замороженной говядиной, из которых состояли тройные стены склада, взобралась на мусор и, схватив полбочки селедки, унесла их в зубах и приготовилась ускользнуть. Очевидно, пришло время остановить ее движения. Подойдя на расстояние половины пистолетного выстрела, доктор Кейн выстрелил в нее шесть раз. Она упала, но тут же поднялась и, вернув своего детеныша в прежнее положение, умчалась прочь!

И на этот раз ей, несомненно, удалось бы сбежать, если бы не замечательная тактика собак-эскимосов-союзников доктора Кейна. Собаки Смит-Саунда, по его словам, воспитаны более основательно, чем любой из их более южных собратьев. После тюленя и моржа медведь составляет основной рацион питания северных племен и, за исключением лисы, является самым важным элементом их гардероба. В отличие от собак, которых доктор Кейн привез с собой из Баффинова залива, собаки Смит-Саунда были натренированы не нападать, а смущать. Они кружили вокруг озадаченного медведя и, когда их преследовали, держались

впереди размеренной походкой, а их товарищи в критический момент отвлекали внимание, кусая *наннука* за заднюю часть. Это было сделано самым систематическим образом, насколько это было возможно, и с поистине удивительным хладнокровием. “Я видел медвежьих собак в других местах, - говорит доктор Кейн, - которых натаскивали заменять друг друга в *схватке*и избегать прямого нападения; но здесь две собаки, даже не демонстрируя атаки, становились на пути животного и, отступая направо и налево, втягивали его в бесполезное преследование, которое полностью останавливало его продвижение”.

Несчастное животное все еще сражалось и все еще отступало, смущенное собаками, но ласково несущее своего раненого детеныша и, хотя оно было изранено, истекало кровью и устало, все же настигало своих преследователей, когда Ганс и доктор Кейн обеспечили победу, какой бы она ни была, своей стороне, выпустив пару ружейных пуль. Она, пошатываясь, встала перед своим детенышем, встретила нападавших с вызовом, подобным смерти, и не упала, пока ее не пронзили еще шесть пуль.

Когда с ее тела сняли кожу, было обнаружено не менее девяти шариков. Она оказалась среднего размера, очень худой, и в ее желудке не было ни крошки пищи. Голод, вероятно, придал ей смелости, доведшей ее до отчаяния. Чистый вес очищенной туши составлял 300 фунтов; всего животного - 650 фунтов; его длина составляла всего 7 футов 8 дюймов.

Говорят, что медведи в таком тощем состоянии более аппетитны и полезны, чем в откормленном; и что пропитывание жирным жиром клеточных тканей делает упитанного медведя практически несъедобным. Мясо изголодавшегося животного, хотя и менее питательно как топливо для организма или как стимулирующая диета, скорее сладкое и нежное, чем что-либо другое. *Мораль*: морите своего медведя голодом, прежде чем съесть его!

Маленький волчонок был крупнее, чем следовало бы из соответствующего прилагательного. Она была выше собаки, а ее вес составлял 114 фунтов. Она вскочила на труп своей зарезанной матери и огласила воздух горестными воплями. Все попытки накинуть на нее петлю она отбивала с необычайной свирепостью; но в конце концов, когда ей полностью надели намордник веревкой, завязанной узлом между челюстями и затылком, ее под рев собак потащили на гауптвахту.

Доктор Кейн утверждает, что во время этой драки и обязательных сальто, которые в ней были задействованы, ни одна собака серьезно не пострадала. Зная склонность плантиградусов к объятиям, он ожидал, что животное встанет на дыбы, или если оно не встанет на дыбы, то, по крайней мере, воспользуется передними лапами; но она неизменно хватала собак зубами и, избавившись от них на некоторое время, воздерживалась от дальнейшего использования своего преимущества — вероятно, потому, что ей нужно было заботиться о своем детеныше. Эскимосы утверждают, что это привычка преследуемого медведя. Один из псов Смит-Саунда не предпринял никаких усилий, когда его схватили, но позволил отшвырнуть себя, расслабив все мышцы, на поистине устрашающее расстояние; в следующее мгновение он поднялся и возобновил атаку. По словам эскимосов, собаки вскоре усваивают эту привычку “играть с опоссумами”.

Может показаться, что чем выше широта, тем свирепее медведь или что его свирепость возрастает по мере удаления от обычных мест охоты.

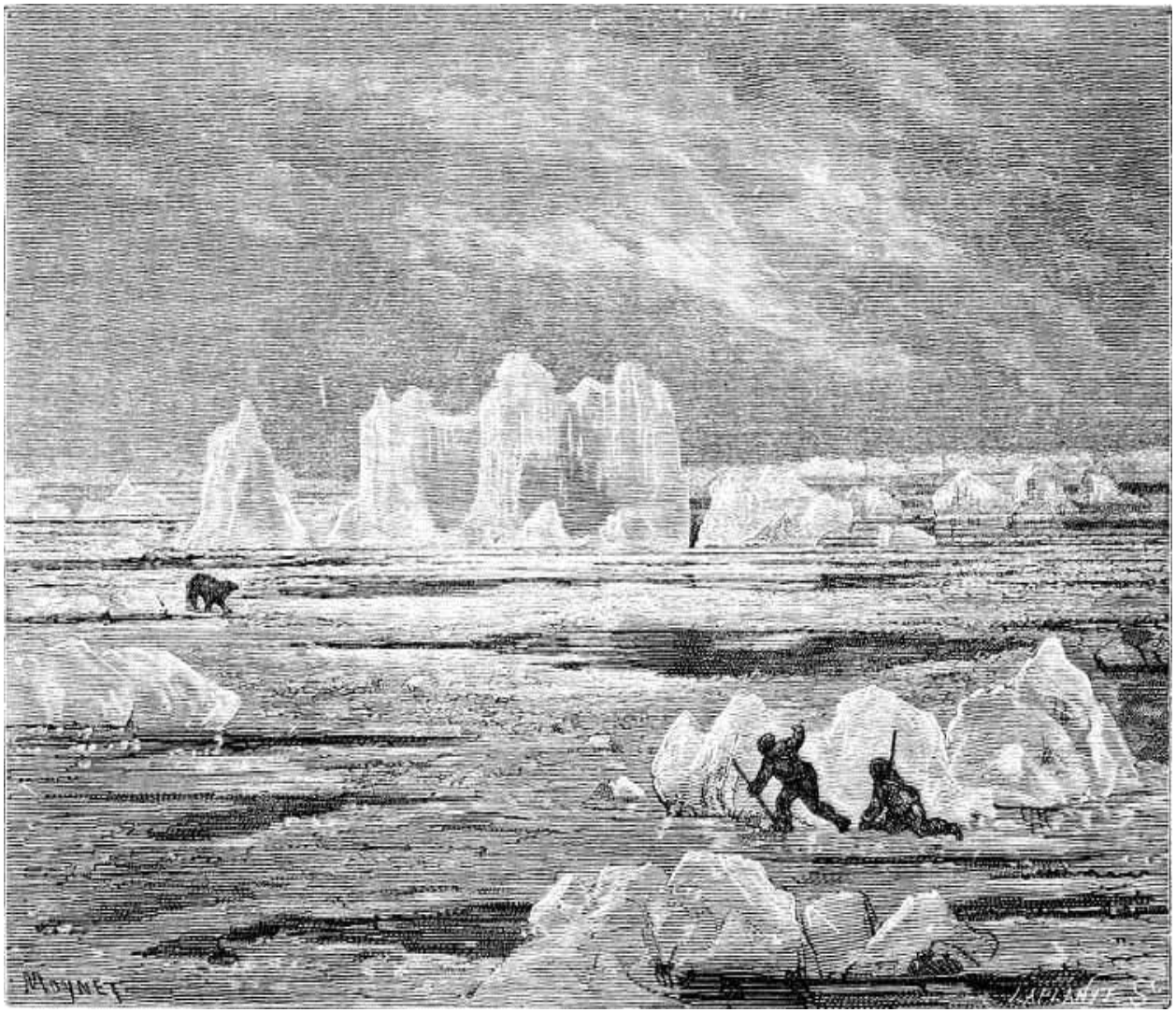
Однажды зимним днем в Уминаке эскимос и его сын чуть не были убиты медведем, который укрылся в айсберге. Они напали на него с копьями, но он смело повернулся к ним и жестоко расправился с ними, прежде чем они смогли убежать.

Однако продолжающаяся враждебность человека оказала, по мнению доктора Кейна, модифицирующее влияние на характер медведиц в Южной Гренландии; во всяком случае, медведи этого региона никогда не нападают и даже в целях самозащиты редко причиняют вред охотникам. Было много случаев, когда они защищались и даже атаковали после того, как были ранены, но ни в одном из них не погибло ни одной жизни.

Толстый эскимос, помощник датского бондаря из Упернавика, выстрелил в медведицу, и животное закрылось в момент получения мяча. У человека хватило присутствия духа броситься ничком на землю, вытянув руку, чтобы защитить голову, и после этого лежать совершенно неподвижно. Зверь был обманут. Она пару раз укусила его за руку, но, обнаружив, что ее враг не шевелится, отошла на несколько шагов и присела на корточки, чтобы понаблюдать. Но она наблюдала не так настороженно, как следовало бы, потому что охотник ловко перезарядил ружье и убил ее вторым выстрелом.

Было указано, что при приближении к медведю охотники должны пользоваться укрытием, обеспечиваемым неровностями замерзшей поверхности, такими как ее гребни и бугры. Они различаются по высоте, от десяти футов до ста, и часто расположены так тесно друг к другу, что оставляют едва ли ярд ровной поверхности. Именно в таком регионе белый медведь проявляет свою максимальную скорость, и в таком регионе его преследование сопряжено с немалыми трудностями.

А после дневных трудов наступает ночной отдых; но что это за ночь! Мы знаем, что такое ночь в этом умеренном климате или в добродушных южных землях; звездная ночь с темно—синим небом, накрывающим счастливую землю подобно сапфировому куполу; яркая и безмятежная ночь, когда луна стоит высоко в небе, и кажется, что ее мягкое сияние касается деревьев и ручьев, холмов и долин, придавая им серебристый оттенок; грозовая ночь, когда тучи нависают низко и тяжело, и льет дождь, и завывающий порывистый ветер теряется в глубине содрогающихся лесов; мы знаем, что такое ночь звезд. что такое ночь в этих регионах с умеренным климатом во всех ее различных проявлениях - то мягкая и прекрасная, то мрачная и печальная, то величественная и бурная; долгая темная зимняя ночь с ее морозным воздухом и опущенными тенями, отбрасываемыми мертвой поверхностью снега; короткая светлая летняя ночь, которая образует столь короткую паузу между вечером одного дня и утром другого, что, кажется, предназначена только для того, чтобы дать занятой земле передышку; — но мы не можем составить ни малейшего представления о том, что такое *Полярная ночь*, во всей ее таинственности, великолепии , и удивляюсь. Странные звезды освещают небеса; формы земли странны; все незнакомо и почти непонятно.



ВЫСЛЕЖИВАЮ МЕДВЕДЯ.

Дело не в том, что полярная ночь предъявляет большие требования к нашим физическим способностям. От его суровости человек способен защититься; но не так-то просто защититься от его нагрузки на моральные и интеллектуальные способности. Темнота, которая так долго окутывает Природу, открывает чувствам европейского исследователя практически новый мир, и чувства плохо приспосабливаются к этому миру. Ободряющее влияние восходящего солнца, приглашающего к труду; успокаивающее влияние вечерних сумерек, располагающих к отдыху; быстрая смена дня ночью, а ночи днем, которая так облегчает бремя существования в нашем умеренном климате для ума, души и тела, разжигая надежду и обновляя мужество, — всего этого не хватает Полярному миру, и человек соответственно страдает и изнемогает. Величие Природы, говорит доктор Хейс, перестает радовать притупленные симпатии, и сердце постоянно стремится к новым ассоциациям, новым надеждам, новым объектам, новым источникам интереса и удовольствия. Одиночество настолько темно и уныло, что угнетает разум; воображение преследует царящее повсюду запустение; а тишина настолько абсолютна, что вызывает ужас.

Любитель природы, конечно, найдет много привлекательного в полярной ночи; в таинственных отблесках полярного сияния, в потоках лунного света над холмами и айсбергами, в пронзительной ясности звездного света, в величии гор и ледников, в

ужасающей дикости штормов; но следует признать, что они говорят на грубом, изрезанном и суровом языке.

Кажется, что в арктическом мире все построено в колоссальных масштабах. Колоссальны эти темные, побитые бурями утесы, которые своей мрачной крепостной стеной противостоят непрекращающемуся набегу покрытых льдом вод. Колоссальны эти горные вершины, которые вздымают свои гребни, белые от бесчисленных зим, к самым небесам. Колоссальны эти огромные ледяные реки, эти ледники, которые, родившись давным-давно в глубинах далеких долин, постепенно переместили свои тяжелые массы вниз, к краю океана. Колоссальны эти плавучие острова изо льда, которые, превосходя ничтожную архитектуру человека, его храмы, дворцы и пирамиды, дрейфуют в бескрайних водах, словно покинутые Рукой, создавшей их. Колоссален этот обширный слой замерзшего, покрытого инеем снега, мерцающего кристаллическим блеском, который покрывает ледяные равнины на бесчисленные лиги и простирается, возможно, до самой границы моря, которое, как предполагается, окружает недостижимый Полюс.

В отчете доктора Хейса о его исследовательском путешествии к Северному полюсу есть прекрасный отрывок, описывающий различные фазы полярной ночи. “Я часто выходил, ” говорит он, “ в его темноту и рассматривал Природу с разных сторон. Я радовался вместе с ней ее силе и общался с ней в ее покое. Я видел дикую вспышку ее гнева, наблюдал за ее спортивными играми и молча наблюдал за тем, как она облачается в мантию. Я бродил по окрестностям в темноте, когда ветер ревел в холмах и обрушивался на равнину. Я прогуливался по пляжу, когда единственным звуком, нарушавшим тишину, был глухой скрип льдин, лениво поднимавшихся и опускавшихся вместе с приливом. Я бродил далеко по замерзшему морю и слушал голос айсбергов, оплакивающих свое заточение; вдоль ледника, где образуется и сходит лавина; на вершине холма, где падающий снег, оседая на камни, поет свою жалобную песню; и снова я забредал в какую-нибудь далекую долину, где все эти звуки смолкали, а воздух был тих и торжествен, как в могиле ”.

Кого бы ни застигла зимняя ночь, когда он пересекал какую-нибудь заснеженную равнину или пробирался по холмам и долинам, по глубоким сугробам, среди сосулек, свисающих с голых ветвей, и белой мантии, покрывающей каждый предмет, смутно различимый в темноте, тот почувствует благоговейный трепет и таинственность *тишины*, которая царит здесь и сейчас. И небо над головой, и земля внизу демонстрируют лишь бесконечную и непостижимую тишину. Это тоже своеобразная характеристика полярной ночи. Здесь нет никаких признаков жизни или движения. Ни один звук шагов живого существа не доносится до тоскующего слуха. Ни один крик птицы не оживляет пейзаж; нет дерева, среди ветвей которого ветер мог бы вздыхать и стонать. И поэтому тот, кто много путешествовал, видел много опасностей и был свидетелем Природы во многих проявлениях, был вынужден сказать, что он не видел на лице Природы выражения, столь исполненного ужаса, как тишина полярной ночи.

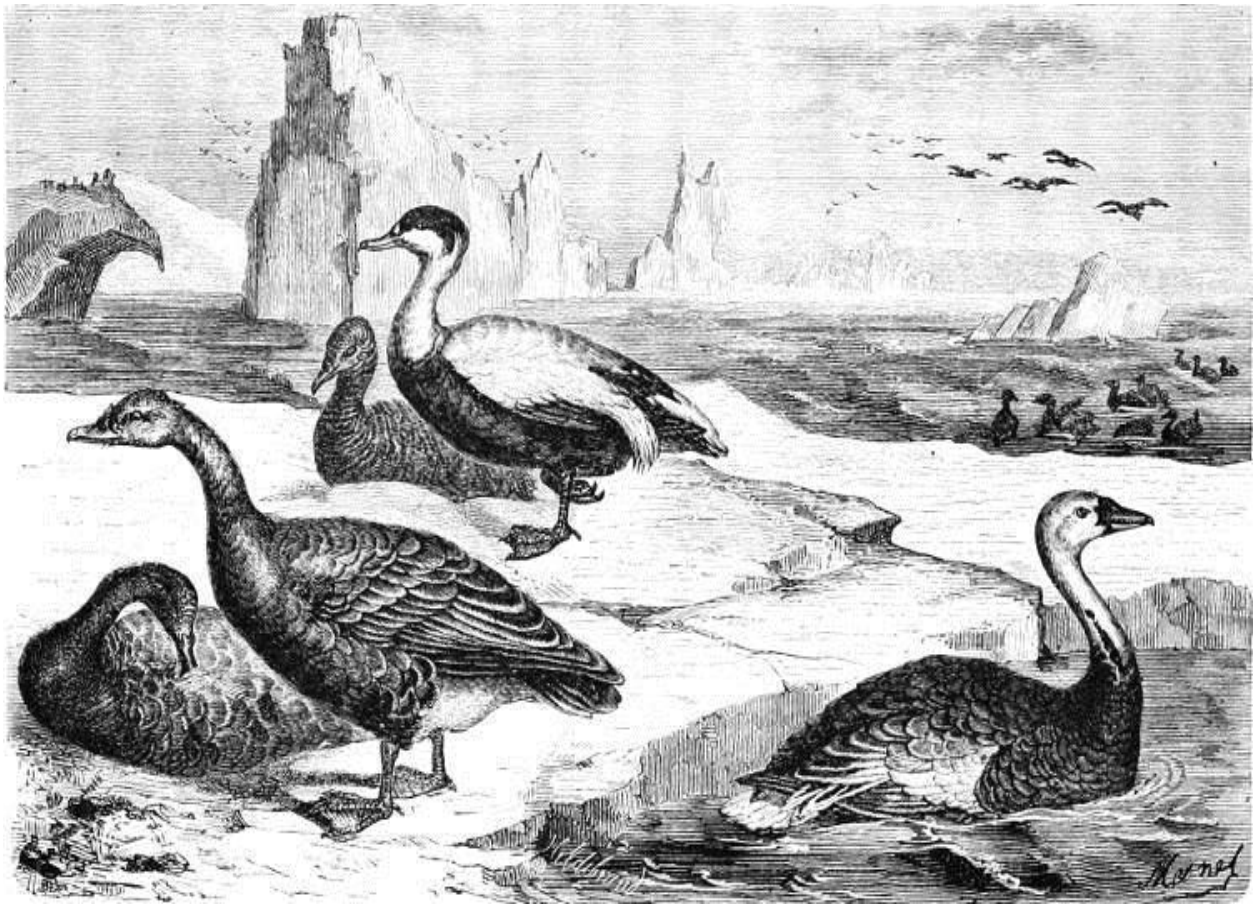
Но постепенно темнота становится менее густой, и о наступлении дня возвещает преобладание своеобразных сумерек, которые сгущаются все быстрее по мере того, как зима переходит в весну. Есть признаки того, что природа снова пробуждается к жизни и движению. Лисы выходят на склон холма, как голубые, так и белые, и скачут туда—сюда в поисках пищи, следуя по следу медведя, чтобы питаться отбросами, которые “ледяной тигр” отбрасывает в сторону. Морж и тюлень чаще выходят на сушу; и последние начинают собираться на льдинах и выбирать места для своего размножения. Наконец, в начале февраля, в полдень наступает ясный день, и тогда усталый исследователь радуется, зная, что конец близок. Прилетают стаи пестрых птиц и укрываются с подветренной стороны

берега; главным образом *голубки*, как их называют в Южной Гренландии - *Uria grylle* натуралиста. Наконец, 18 или 19 февраля солнце снова появляется над южным горизонтом, и его встречают так, как встречают друга, который был давно потерян и снова найден. По гребням холмов лениво плывут легкие облака, и сквозь них великолепное светило изливает поток золотого огня, и все южное небо как бы дрожит от переливающегося великолепия наступающего дня. Вскоре мягкий яркий луч пробивается сквозь парообразную дымку, превращая ее в пурпурное море, и касается серебристых вершин высоких айсбергов, пока они не кажутся огненными куполами. Все ближе и ближе приближается этот благоприятный луч и расширяется по мере приближения; и это пурпурное море расширяется во всех направлениях; и эти купола и шпили пламени множатся в быстрой последовательности, когда они чувствуют прохождение оживающего света; и темно-красные скалы согреваются неописуемым сиянием; и таинственная перемена проходит по поверхности океана; и вся Природа признает присутствие солнца!

“Родитель света и жизни повсюду, ” говорит доктор Хейс, “ он один и тот же в этих пустынях. Зародыш ждет его здесь, как на Востоке; но там он покоится только в короткие часы летней ночи, в то время как здесь он месяцами покоится под покровом снегов. Но через некоторое время яркое солнце разорвет этот лист на части и бросит его бьющими фонтанами в море, и поцелует холодную землю, и подарит ей тепло и жизнь; и цветы распустятся, и обрат свои крошечные личики с улыбкой и благодарностью к нему, когда он долгим летом будет бродить по этим древним холмам. Сами ледники будут плакать слезами радости при его пришествии. Лед ослабит свою железную хватку на водах и позволит диким волнам играть на свободе. Северные олени будут радостно скакать по горам, приветствуя его возвращение, и с тоской будут смотреть на зеленые пастбища. Морские птицы, зная, что Он даст им пристанище для ног на скалистых островах, прилетят искать подстилки из мха, которые Он расстилает для их гнезд; а воробьи слетятся на его животворящие лучи и будут петь свои любовные песни в течение бесконечного дня”.

С приходом солнца возвращаются арктические птицы, и прежде чем мы покинем царство вод, мы предлагаем взглянуть на некоторых из тех, что часто встречаются на утесах и берегах в течение короткого полярного лета.

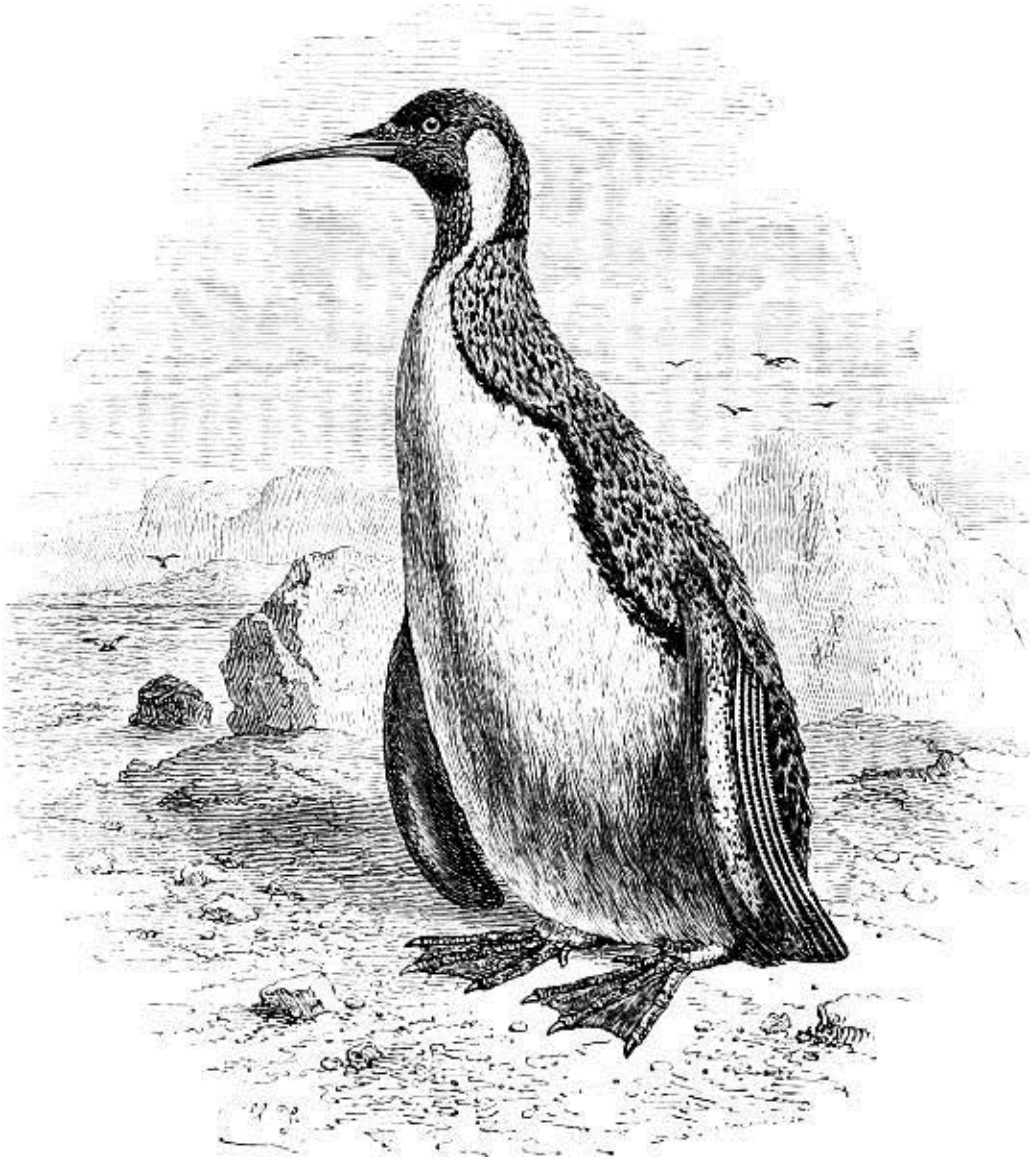
Среди первых пришельцев - горлица, или черная кайра (*Uria grylle*), которая с приближением зимы мигрирует в умеренный климат, посещая Лабрадор, Норвегию, Шотландию и даже спускаясь на юг до Йоркшира. На самом деле, мы не знаем лучшего места для наблюдения за его повадками, чем вдоль огромной гряды отвесных скал, протянувшихся от Фламборо-Хед до залива Файли. Здесь, на голых выступах этой колоссальной океанской стены, кайра откладывает свои яйца, но без защиты гнезда; некоторые из них расположены параллельно краю шельфа, другие почти рядом, а третьи своими тупыми и заостренными концами без разбора направлены в море. Они не прикреплены к камню каким-либо клейким веществом или каким-либо посторонним веществом вообще. Вы можете увидеть девять или десять, а иногда и двенадцать старых кайр, выстроившихся в ряд так близко друг к другу, что их крылья почти соприкасаются. Яйца сильно различаются по размеру, форме и цвету. Одни большие, другие маленькие; одни чрезвычайно острые с одного конца, другие округлые и шаровидные. Говорят, что кайра, если ее не беспокоить, никогда не откладывает больше одного яйца; но если его убрать, она отложит еще одно, и так далее. Но Одюбон утверждает, что видел этих птиц, сидящих на трех яйцах одновременно.



МОРСКИЕ ПТИЦЫ В ПОЛЯРНЫХ РЕГИОНАХ.

Черная кайра отличается от глупой кайры (*Uria troile*) только цветом своего оперения, которое, за исключением большого белого пятна на кроющих перьях каждого крыла, черное, шелковистое и блестящее; перья кажутся полностью лишенными паутины, похожими на шелковистые нити или тонкие волоски. Клюв у всех видов тонкий, сильный и заостренный; верхняя челюсть слегка изгибается ближе к концу, а основание покрыто мягкими короткими перьями. Пища кайры состоит из рыбы и других морских продуктов.

The *Альциды*, или сойки, также относятся к арктическим птицам. Маленький аук (*Arctica alca*) часто встречается в странах, простирающихся на север от наших широт до регионов вечных льдов, и встречается в Полярных регионах как Старого, так и Нового Света. Здесь, действительно, они собираются в почти бесчисленные стаи. Ранним утром они выходят на прогулку, чтобы позавтракать, который состоит из различных видов морских беспозвоночных, главным образом ракообразных, которыми изобилуют арктические воды. Затем они возвращаются на берег огромными стаями. Было бы невозможно, говорит путешественник, путешествующий по Арктике, передать адекватное представление о количестве этих птиц, которые роились вокруг него. Склон по обе стороны долины, в которой он разбил свой лагерь, поднимался под углом примерно в сорок пять градусов на расстояние от 300 до 500 футов, где он встречался со скалами, возвышавшимися примерно на 700 футов выше. Склоны этих холмов состоят из рыхлых пород, оторвавшихся от утесов под действием мороза. Птицы ползают среди этих скал, петляя далеко в узких местах, и там откладывают яйца и высиживают детенышей, защищенные от своего злейшего врага, песца.



АВСТРАЛИЕЦ.

Однажды они собрались на склоне длиной в добрую милю, и над этим склоном несся непрерывный поток птиц, всего в нескольких футах над камнями; и, пролетев в своем быстром полете всю длину холма, они вернулись выше в воздухе, снова и снова описывая полный круг. Время от времени несколько сотен или тысяч из них спускались вниз, словно следуя за каким-то вожаком; и в одно мгновение скалы на расстоянии нескольких прутьев кишели ими повсюду, их черные спины и белоснежные грудки очень красиво усеивали холм.

Хотя экипажи судов уничтожают их в большом количестве так же, как и эскимосы, их численность, кажется, никогда не уменьшается. Их мякоть одновременно полезна и нежна и является приятным дополнением к рациону моряка, уставшего от соленого мяса и пеммикана. Они очень ручные, и их легко поймать — в некоторых местах их даже ловят ручными сачками, как мотыльков или бабочек; и они проводят большую часть своего времени в океане, где ведут себя с таким же изяществом и самообладанием.

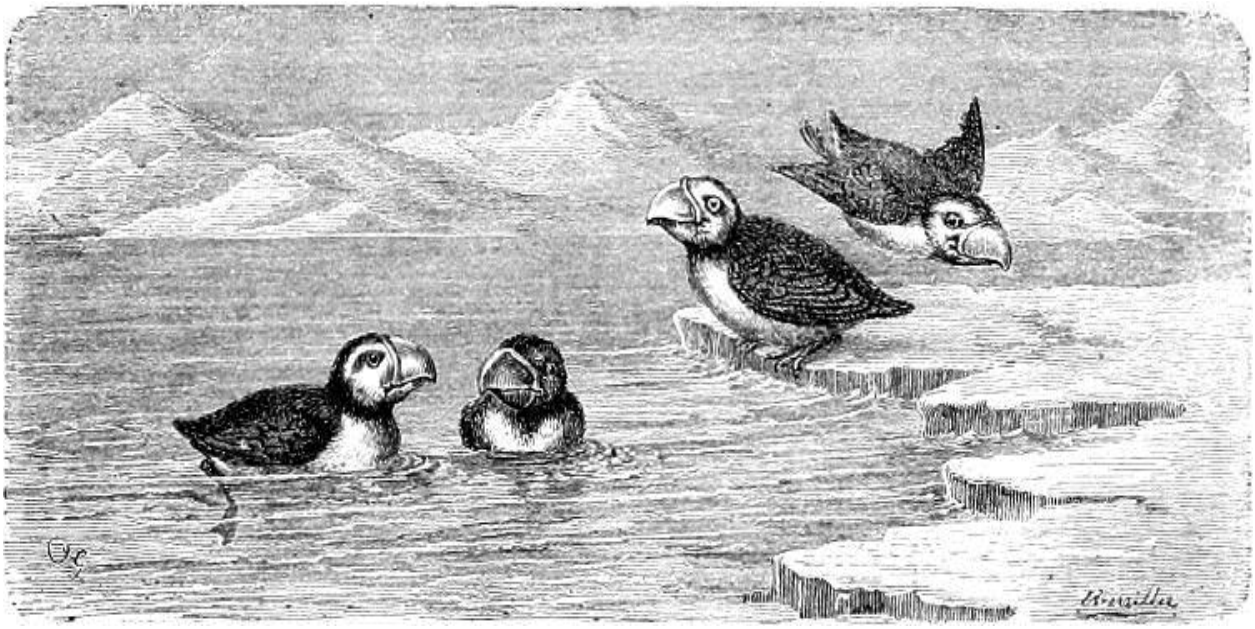
Стараки (*фалеридины*) населяют архипелаги, которые лежат между Китаем и Северной Америкой. Они собираются в небольшие стаи и плавают в поисках ракообразных, моллюсков и других морских животных, которыми они питаются. С наступлением темноты они возвращаются на сушу, где находят убежище под выступами скал или в норах, вырытых клювом и лапами, самка откладывает одиночное яйцо.

Птицы в изобилии водятся в высоких северных широтах. Все они - океанские птицы, и их никогда не находят, в отличие от ныряльщиков, в пресноводных ручьях и озерах. Те виды, которые обладают способностью к полету, гнездятся на скалистых утесах и айсбергах, где они откладывают одно яйцо конической формы; форма, которая предотвращает его скатывание или перемещение, за исключением очень узкого круга, по голому скальному выступу, где оно откладывается.

Тупики (*Fratercola*), которые зимой в изобилии водятся у наших берегов, живут главным образом в воде. Они ловко ныряют и плавают, но из-за коротких крыльев способны лишь к ограниченному полету. Их оперение густое, гладкое и плотное и настолько полностью очищается от воды, что совершенно непроницаемо для намокания; в то время как их глубокий, сжатый и заостренный клюв, в точности напоминающий двойной киль, превосходно приспособлен в качестве инструмента для разрезания волн, когда птица желает нырнуть.

Тупики питаются главным образом кильками и другими мелкими рыбешками; пищу, предназначенную для их детенышей, они сохраняют до тех пор, пока не переварят частично, после чего извергают ее себе в рот. Как и все сойки, птица-мать откладывает только одно яйцо.

Внешний вид острова или айсберга, часто посещаемого этими птицами, очень живо описан Одюбоном, ни один натуралист не имел более полного знакомства с Птичьим миром, чем он.



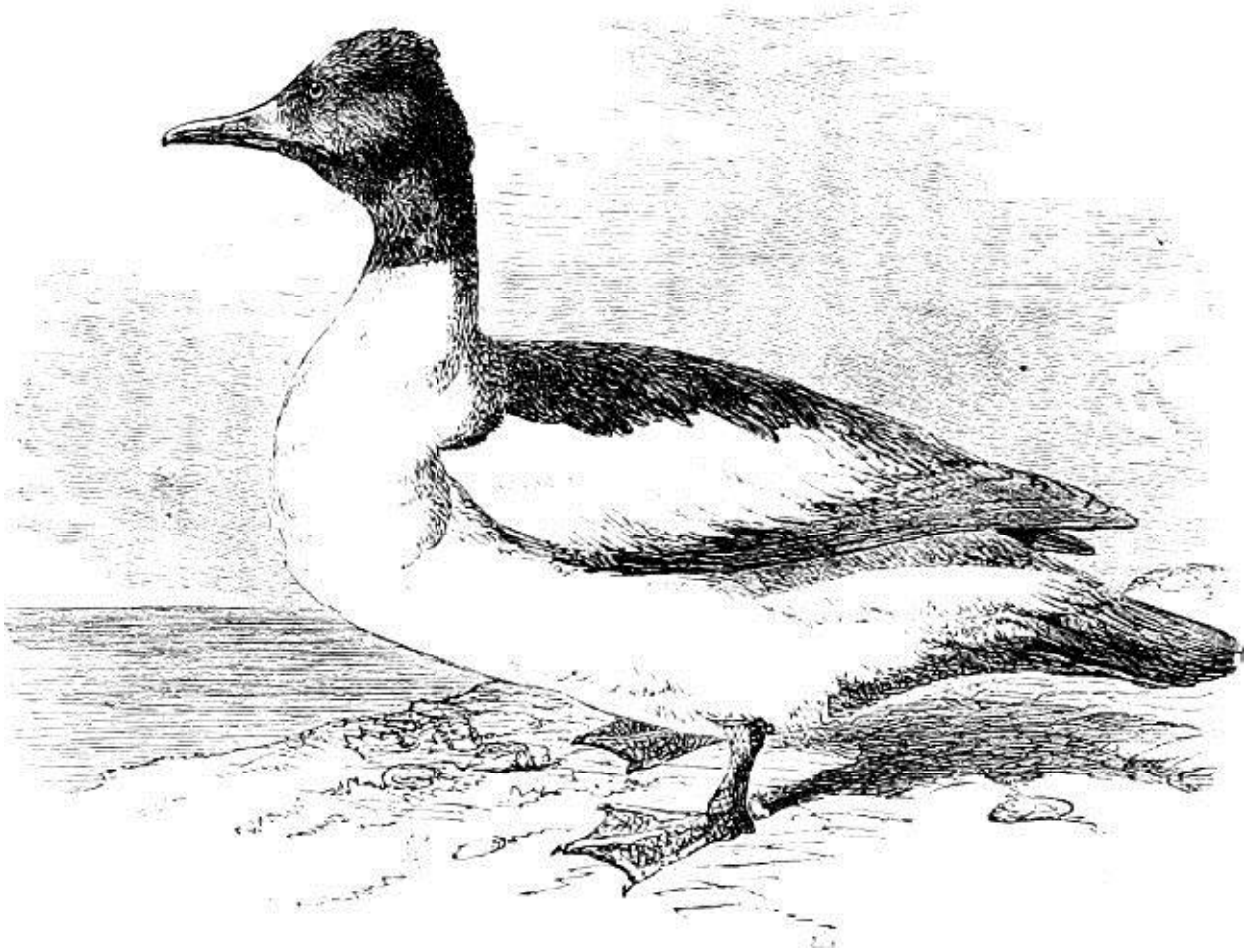
ТУПИКИ.

Он рассказывает нам, что на каждой скале или камне стояло по тупику, у входа в каждую нору - по другому, и все же море было покрыто ими, а воздух наполнен ими. Все норы были населены молодыми птицами разного возраста и размеров; над нами пролетали тучи тупиков, каждая особь держала за голову маленькую рыбку. Все норы сообщались друг с другом различными способами, так что весь остров, казалось, был пронизан множеством подземных лабиринтов, по которым невозможно было пробежать, не рискуя упасть почти на каждом шагу. Голоса молодежи звучали под ногами путника, как голоса из могилы, и зловоние было чрезвычайно неприятным.

Далее следует сказать кое-что о мерганерах (*Merginæ*), подсемействе пальмоногих, которые также принадлежат к Полярному миру. Таким образом, можно сформулировать их основные признаки: прямой клюв, сильно сжатый с боков и выпуклый к кончику, который снабжен широким и сильно загнутым ногтем; крылья умеренные и заостренные; хвост короткий и закругленный; лапки короткие, пальцы умеренные, наружный из них длиной до середины, три передних соединены сплошной перепонкой, в то время как задний палец умеренный, приподнятый и снабжен широкой перепонкой по краю.

По этим признакам легко сделать вывод, что птица по своим привычкам водная; что она может хорошо плавать и нырять; что она также способна к сильному и быстрому полету; и что ее пища будет состоять в основном из рыбы.

Бурый ныряльщик, или гусенок (*Mergus merganser*), широко распространен в полярных регионах как восточного, так и западного континентов. Во время своей миграции на юг он посещает Соединенные Штаты, а также Францию, Голландию и Германию; но с приближением лета он возвращается в Сибирь и Камчатку, Исландию, Гренландию и к арктическим берегам Северной Америки.



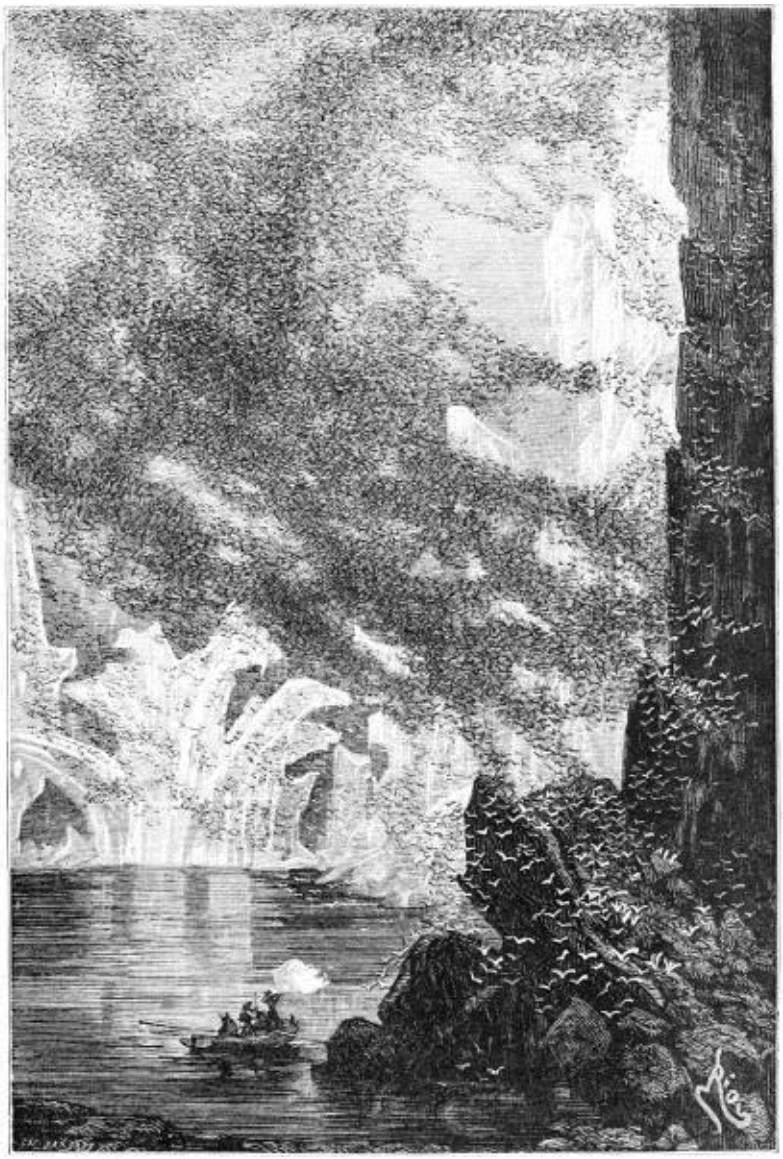
ГУСЕНИЦА.

В этих местах он строит свое гнездо — всегда у кромки воды; сооружает его из травы, корней и подобных материалов, без особого внимания к симметрии, и выстилает пухом. Иногда его кладут среди замшелых, заросших сорняками камней, а иногда прячут в высокой траве, или под покровом кустарника, или в пнях или дуплах сгнивших деревьев. Самка откладывает от двенадцати до четырнадцати яиц кремово-желтого цвета; их форма - длинный овал, оба конца одинаково тупые. Можно сказать, что гусеничный змей проводит

свое время в воздухе и на воде; и, по правде говоря, по суше он передвигается с трудом и неуклюже из-за обратного положения своих ног. Он с трудом отрывается от земли, но когда оказывается на крыле, его курс стремителен, силен и устойчив. Поскольку он питается в основном рыбой, его мякоть маслянистая и невкусная; обстоятельство, которое в значительной степени компенсирует охотнику частые неудачи в его попытках поймать ее. Это дикая и осторожная птица, и поскольку она быстро плавает и с легкостью ныряет, ей обычно удается скрыться от всех, кроме самых опытных охотников.

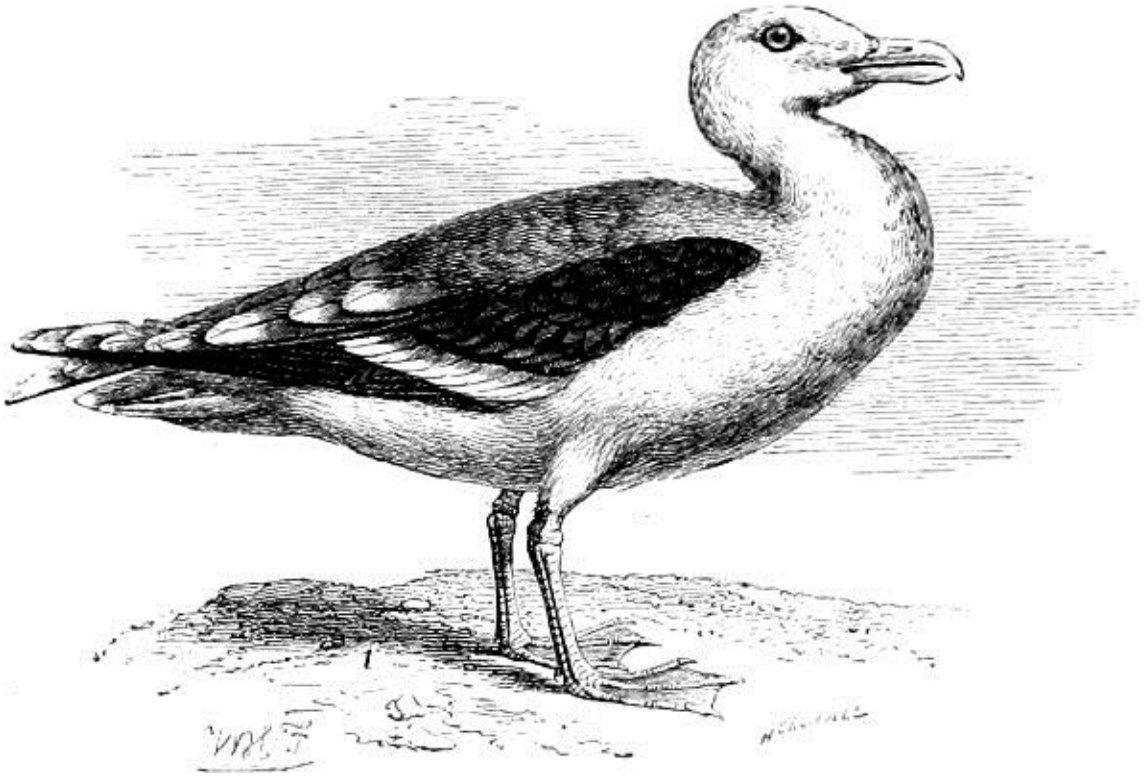
Другим видом, который в изобилии встречается в северных широтах, является смью (*Mergus albellus*), также известный как белая монашка или белый мергансер. Это пальчатоклювое животное размером примерно с морского окуня, изящной формы, а его оперение красиво окрашено в черный и белый цвета. Клюв темно-синего цвета, почти двух дюймов длиной, самый толстый у основания и сужающийся к концу в более тонкую форму. Овальное черное пятно с зеленым отливом отмечает каждую сторону головы; нижняя часть гребня черная; но вся остальная часть головы и шеи, а также изящная грудь и брюшко белые как снег, за исключением изогнутой черной линии с каждой стороны верхней части груди и аналогичных отметин в нижней части; спина, кроющие на гребне крыльев и первичные перья черные; второстепенные и большие кроющие с белыми кончиками; в то время как бока тела, от крыльев до хвоста, покрыты белым налетом. , демонстрируют любопытное разнообразие темных волнистых линий. Ноги и ступни свинцово-синего цвета.

Ареал размножения очень обширен, поскольку он мигрирует на юг вплоть до Средиземноморья, в то время как в арктических регионах он встречается повсеместно.



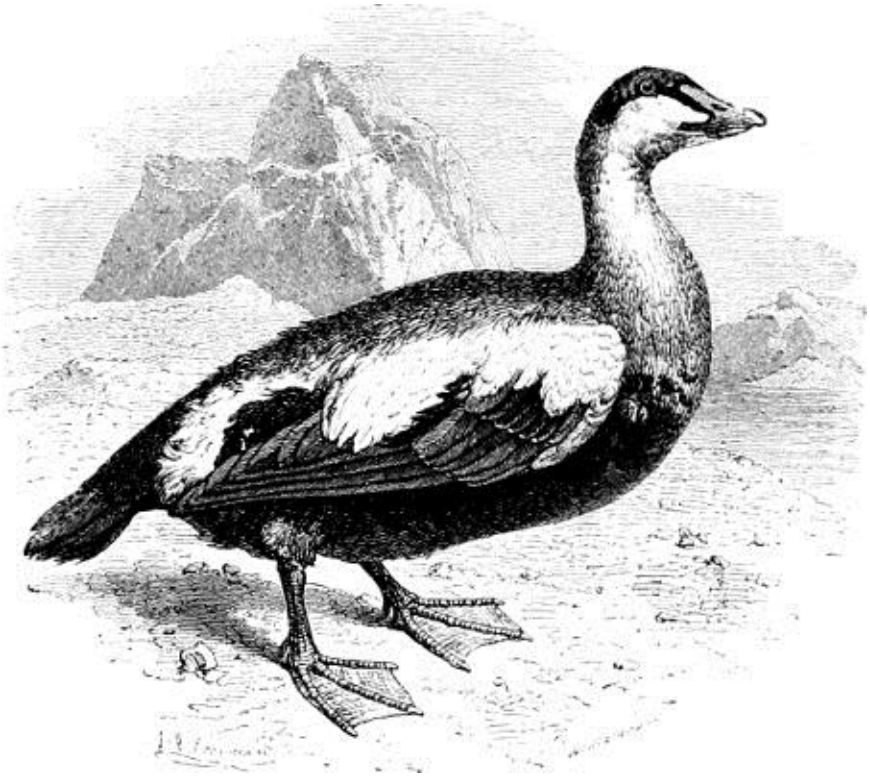
ПТИЧИЙ “БАЗАР” На НОВОЙ ЗЕМЛЕ.

На берега Новой Земли, как и на берега Шпицбергена, морские птицы прилетают бесчисленными стаями, как только летнее солнце избавляет Природу от долгих и унылых чар, царящих в зимние месяцы. Узкие скальные выступы, на которых они скапливаются и где сойки и кайры собираются тысячами, русские называют “базаром”. Большой серый морской сокол (*Larus glaucus*), “бургомистр” голландских китобоев, предпочитает уединенные вершины изолированных утесов, где он может править всем, что он обозревает. Чайка цвета слоновой кости (*Larus eburneus*) редко встречается в высоких северных широтах; но обыкновенная чайка (*Larus canus*) и черноспинная чайка (*Larus marinus*) почти так же многочисленны, как кайры.



ЧАЙКА С ЧЕРНОЙ СПИНКОЙ.

В Исландии одной из самых полезных и, конечно, не наименее красивых птиц является гагара (*Somateria mollissima*), которая также часто обитает на берегах Баффинова и Гудзонова заливов, Лапландии, Гренландии и Шпицбергена. Он любит размножаться на небольших плоских островах, лежащих у побережья, таких как Акени, Флатри и Вида, где он защищен от нападений песца. Места ее размножения в Исландии являются частной собственностью, и некоторые из них веками находились во владении одних и тех же семей, которые обязаны птицам всем своим богатством и процветанием. Поэтому они очень бдительно охраняются. Тот, кто убьет одного из них, будет оштрафован на тридцать долларов; а спрятать яйцо или прикарманить несколько монет - преступление, наказуемое законом. Главное занятие некоторых владельцев - разглядывать в подзорные трубы все приближающиеся лодки, чтобы убедиться, что на борту нет оружия.



УТКА-ГАГА.

Поскольку птицы на этих островах довольно ручные, гагачий пух легко собирать. Самка отложила пять или шесть бледно-зеленовато-оливковых яиц в гнездо, выстланное морскими растениями и густо выстланное пухом из самого изысканного деликатеса, собиратели осторожно вынимают ее, очищают гнездо от драгоценной подкладки, а затем кладут птицу обратно. Она немедленно начинает откладывать заново и снова прибегает к пуху на своем теле, чтобы защитить яйца; и если ее собственный запас истощается, что случается нередко, самец снабжает ее вспомогательным запасом. Даже эту вторую подкладку часто снимают, и бедная птица в третий раз повторяет процесс, как в отношении яиц, так и пуха; но если грабители не пощадят ее сейчас, впоследствии она покидает гнездо и ищет пристанища в каком-нибудь более уединенном уголке.

Когда дело доходит до европейских рынков, этот пух, который высоко ценится из-за своей легкости, эластичности и теплоты, выпускается в виде шариков размером с мужской кулак и весом от трех до четырех фунтов. Его тонкость и эластичность таковы, что, когда шар раскроют, и осторожно положат возле огня, чтобы он расширился, он полностью заполнит стеганое одеяло площадью пять квадратных футов. Следует, однако, отметить, что пух от мертвых птиц представляет сравнительно небольшую ценность, поскольку утратил свою эластичность.

Интересный отчет о посещении Вигра в Исафьярдарджуфсе, излюбленном месте обитания гаги на севере Исландии, приводит мистер Шеперд:

По его словам, приближаясь к острову, он мог видеть стаи священных птиц и слышать их воркование на большом расстоянии. Высадившись на скалистый, изрезанный волнами берег, на котором едва заметна рябь, он отправился осматривать остров. Берег он описывает как “самое замечательное орнитологическое зрелище, которое только можно себе представить”. Утки и их гнезда были повсюду. Большие коричневые утки вспархивали у него из-под ног при каждом шаге, и ему с трудом удавалось не наступить на некоторые гнезда. Поскольку остров имеет всего три четверти мили в поперечнике, мы вскоре

достигаем противоположного берега. На берегу была стена, сложенная из больших камней, чуть выше отметки прилива, высотой около трех футов и значительной толщины. На дне, по обе стороны от него, были оставлены чередующиеся камни, образующие ряд квадратных отделений, в которых утки могли устраивать свои гнезда. Почти все купе были заняты, и когда человек-нарушитель шел вдоль берега, длинная вереница вспугнутых уток вылетела одна за другой. Поверхность воды также была белой от уток, которые приветствовали своих "коричневых жен" громким воркованием.

Мистер Шеперд, прибыв на ферму, был принят самым радушным образом, поскольку гостеприимство было одной из особых добродетелей исландца. На него произвел большое впечатление внешний вид дома, который, казалось, был превращен в один большой *птичник*. Земляная стена, окружающая дом, и оконные проемы были заполнены утками; на земле, окружавшей дом, было кольцо уток; на покатой крыше сидели утки; и утка сидела на дверном скребке!

Поросший травой берег неподалеку был разрезан на квадратные участки наподобие шахматной доски (был удален квадрат дерна примерно в восемнадцать дюймов и вырыто углубление), и все эти квадраты были заняты утками. Ветряная мельница была кишмя кишит ими, как и все приусадебные участки, холмы, скалы и расщелины. На самом деле, утки были повсюду. Многие из них были настолько ручными, что позволяли незнакомцу гладить их по гнездам; и их хозяйка сказала, что на острове едва ли найдется утка, которая не позволила бы ей взять ее яйца, не убегая и не испытывая страха. Когда она впервые стала владелицей острова, вес утиного пуха не превышал пятнадцати фунтов в год, но благодаря ее тщательному уходу за ним за двадцать лет он вырос почти до ста фунтов в год. На изготовление покрывала для односпальной кровати требуется около полутора фунтов, а пух стоит от двенадцати до пятнадцати шиллингов за фунт. Большую часть яиц отбирают и маринуют для употребления на зиму, до вылупления остается только одно или два.

Гагачьи утки собираются в многочисленные стаи, обычно на большой глубине; они ныряют с удивительной силой и таким образом получают возможность ловить моллюсков, которые составляют их основную пищу. Если надвигается шторм, они удаляются на скалистые берега, где любят размножаться и отдыхать. Гренландцы убивают их дротиками, преследуя на своих маленьких лодках, следя за их курсом по пузырькам воздуха, всплывающим вверх, когда они ныряют, и ловко прицеливаясь в них, как только они усталые всплывают на поверхность. Гренландцы едят их мясо, но оно невкусное; однако их яйца высоко ценятся.

Королевская гагара (*Somateria spectabilis*) принадлежит к тому же роду, что и первая.

Мы предполагаем, что каждый читатель знаком с прекрасными строками, в которых Теннисон воплотил басню об умирающем лебеде, поющем свою собственную панихиду:

"С внутренним голосом текла река,

Внизу он плыл умирающим лебедем,

И громко причитал....

Предсмертный гимн дикого лебедя забрал душу

Из этого пустынного места с радостью

Скрытый в печали: сначала на слух

Трель была низкой, полной и ясной;...

Но тут же ее ужасный ликующий голос:

Со странной и разнообразной музыкой,

Потекла песня, свободная и смелая....

И ползучие мхи, и вьющиеся сорняки,

И ветви ивы становятся иными и промозглыми,

И волнистая зыбь шелестящего тростника,

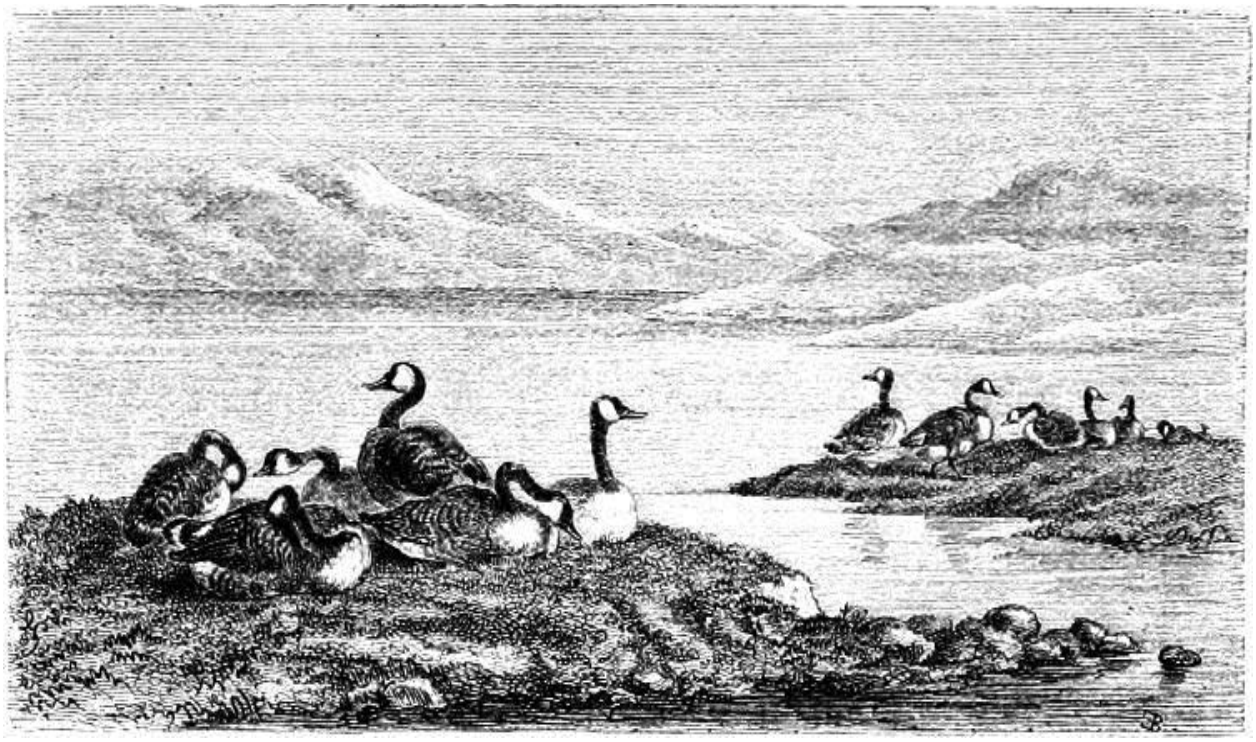
И изношенные волнами рога гулкого берега,

И серебристые марийские цветы, которые толпятся

Пустынные ручьи и заводи среди,

Нас захлестнула волнующая песня".

Но голос дикого лебедя, даже в его смертный час, не обладает такой музыкальной сладостью, как здесь излагает поэт. Он всегда резок и диссонирует, а когда он нарушается тишиной арктических небес, производит почти болезненное впечатление.



ЛОГОВО ДИКОГО ЛЕБЕДЯ.

Озера Исландии и ее ручьи изобилуют этими прекрасными птицами. Они очень многочисленны в Миватне, или Великом озере, а также дикая утка, скутер, обыкновенный гусак, красногрудый мергансер, скапидная утка и другие гусари. Дикого лебедя отстреливают или ловят ради его перьев, которые высоко ценятся в декоративных целях. Иногда он встречается большими стаями, иногда одиночными парами; и помимо озер и ручьев, он часто обитает в соленых и солоноватых водах вдоль побережья. В основном в сезон спаривания или при приближении зимы он собирается во множестве; и по мере приближения зимы он поднимается высоко в воздух и формирует свой курс в поисках более мягкого климата.

Самка строит свое гнездо из увядших листьев и стеблей тростника в уединенных местах. Обычно она откладывает шесть или семь яиц с толстой скорлупой, которые вылупляются примерно через шесть недель, когда оба родителя усердно охраняют и кормят лебедей. В зрелом возрасте эта прекрасная птица достигает почти пяти футов в длину и более семи в

ширину при расправленных крыльях; весит она около пятнадцати фунтов. Все оперение чисто-белое, а рядом с кожей лежит слой густого тонкого пуха.

Богатства арктических и субарктических морей, по-видимому, неисчерпаемы. Во многих районах треска водится в изобилии и является ценным продуктом питания гренландцев. Мойву (*Mullotus vitlosus*), которая в мае и июне часто встречается в водах Гренландии, употребляют в пищу как в свежем, так и в сушеном виде; в последнем случае она служит полезным запасом на зиму. Палтус встречается большого размера; в океане также водятся норвежская пикша, лососево-форелевая рыба, кусковая рыба и бычья голова. Не малочисленны и ракообразные: в изобилии водятся длиннохвостые крабы, в то время как обыкновенных мидий можно встретить почти повсюду во время отлива. Моря, однако, становятся беднее по мере продвижения к Полюсу, и многие важные виды рыб не проникают дальше Северного полярного круга.

Однако даже там, где их не хватает, океанские воды изобилуют жизнью; и один недавний автор с полным правом отмечает, что огромное множество живых существ, населяющих их, составляют поразительный контраст с наготой их унылых и пустынных берегов. Более холодные поверхностные воды, как он говорит, почти постоянно подвергаются воздействию холодной атмосферы и, будучи часто покрыты, даже летом, плавучим льдом, не благоприятствуют развитию органической жизни; но это неблагоприятное влияние смягчается более высокой температурой, которая постоянно преобладает на большей глубине. Вопреки правилу экваториальных морей, в Полярном океане мы обнаруживаем повышение температуры от поверхности вниз вследствие более теплых подводных течений, текущих с юга на север и проходящих под холодными водами поверхностного арктического течения.

Следовательно, ужасная суровость арктической зимы, которая поражает землю смертельным гниением, не ощутима в океанских глубинах, где мириады организмов находят безопасное убежище от морозов и откуда они всплывают долгим летним днем, либо обитая на берегах, либо поднимаясь по широким рекам Полярного мира. Между параллелями 74° и 80 ° доктор Скорсби заметил, что цвет Гренландского моря варьируется от чистейшего ультрамарина до оливково-зеленого и от кристальной прозрачности до поразительной непрозрачности; и эти явления не преходящи, а постоянны.[8]Вид этой зеленой полупрозрачной воды, которая меняется в зависимости от местоположения в зависимости от течения, часто образуя отдельные полосы, а иногда распространяясь на два или три градуса широты, в основном обусловлен мелкими медузами и голожаберными моллюсками. Многие тысячи квадратных миль, должно быть, буквально кишат жизнью, поскольку цветные воды, о которых мы говорим, составляют, по расчетам, одну четвертую часть моря между 74-й и 80-й параллелями.

На побережье Гренландии, где прозрачность воды настолько велика, что дно и каждый предмет на нем отчетливо различимы даже на глубине восьмидесяти морских саженей, океанское дно покрыто гигантскими зарослями, которые напоминают зрителю океанские сады Тропической зоны. Альциониды, сертуларии, асцидии, нуллипоры, мидии и множество других сидячих животных покрывают каждый камень или скапливаются в каждой трещине и впадине каменистого грунта. Говорят, что выброшенный в море мертвый тюлень или рыба вскоре превращается в скелет благодаря мириадам мелких ракообразных, которые кишат в этих северных водах и, подобно муравьям в экваториальных лесах, выполняют роль морских падальщиков.

Из наблюдений профессора Форбса очевидно, что *глубина* оказывает очень значительное влияние на распределение морской флоры и фауны. В море от поверхности до глубины 1380 футов нанесены на карту восемь различных зон или регионов, каждый из которых имеет

свою собственную растительность и обитателей; и теперь, после удивительных результатов глубоководных зондирований, проведенных доктором Карпентером и профессором Уивиллом Томсоном, число этих регионов должно быть увеличено. Изменения в различных зонах не являются резкими: некоторые существа из нижнего региона всегда появляются до того, как исчезают существа из верхнего региона; и хотя в некоторых из восьми зон есть несколько одинаковых видов, только два являются общими для всех. Следует отметить, что те, что находятся у поверхности, имеют формы и окраску, аналогичные обитателям южных широт, в то время как те, что находятся на большей глубине, аналогичны животным северных вод. Следовательно, в море *глубина* соответствует широте, как и *высота* на суше. Миссис Сомервилл добавляет, выражаясь предельно лаконично, что масштабы географического распространения любого вида пропорциональны глубине, на которой он обитает. Следовательно, те, что обитают у поверхности, расселены менее широко, чем те, что обитают на глубоководье.

Более крупные и активные обитатели морей подчиняются тем же законам, что и все остальное творение, хотя их провинции, или регионы, в некоторых случаях очень обширны. Выше 44-й параллели атлантические виды часто совпадают с видами тихоокеанских. Лосось Америки идентичен лососю Британских островов и побережий Швеции и Норвегии; то же самое верно для *гадиды*, или трески. *Котты*, или племя бычьих голов, также одинаковы по обе стороны Атлантики; численность и специфические различия увеличиваются по мере приближения к арктическим морям. Тот же закон действует и в Северной части Тихого океана, но *родовые* формы отличаются от таковых в Атлантике. Из-за близости берегов Америки и Азии в Беринговом проливе рыба по обе стороны почти одинакова, вплоть до залива Адмиралтейства с одной стороны и Охотского моря с другой.

ГЛАВА IV.

ЛЕДНИКИ.

В качестве введения к описанию арктических ледников представляется необходимым сказать несколько слов об образовании снега. Вкратце, можно сказать, что снег является результатом кристаллизации воды.

Молекулы и атомы всех веществ, когда они не ограничены какой-либо внешней силой, сами выстраиваются в кристаллы. Это верно в отношении металлов и минералов, если после расплавления им дать постепенно остыть. Висмут развивает этот процесс очень впечатляющим образом, и при правильном расплавлении и затвердевании образуются кристаллы исключительной красоты большого размера.

Аналогичным образом, растворенный в воде сахар после выпаривания образует кристаллы сахарной карамели. Процесс готовой кристаллизации квасцов известен каждому школьнику, который занимался “химическими экспериментами”. Растворенный и кристаллизованный мел превращается в исландский шпат и принимает различные причудливые и изящные формы. Алмаз представляет собой кристаллизованный углерод; и способность к кристаллизации присуща всем нашим драгоценным камням — сапфиру, топазу, изумруду, бериллу, аметисту, рубину.

В процессе кристаллизации обнаруживается, что мельчайшая частица вещества обладает полюсами притяжения и отталкивания и что их естественное действие определяет форму и структуру кристалла.

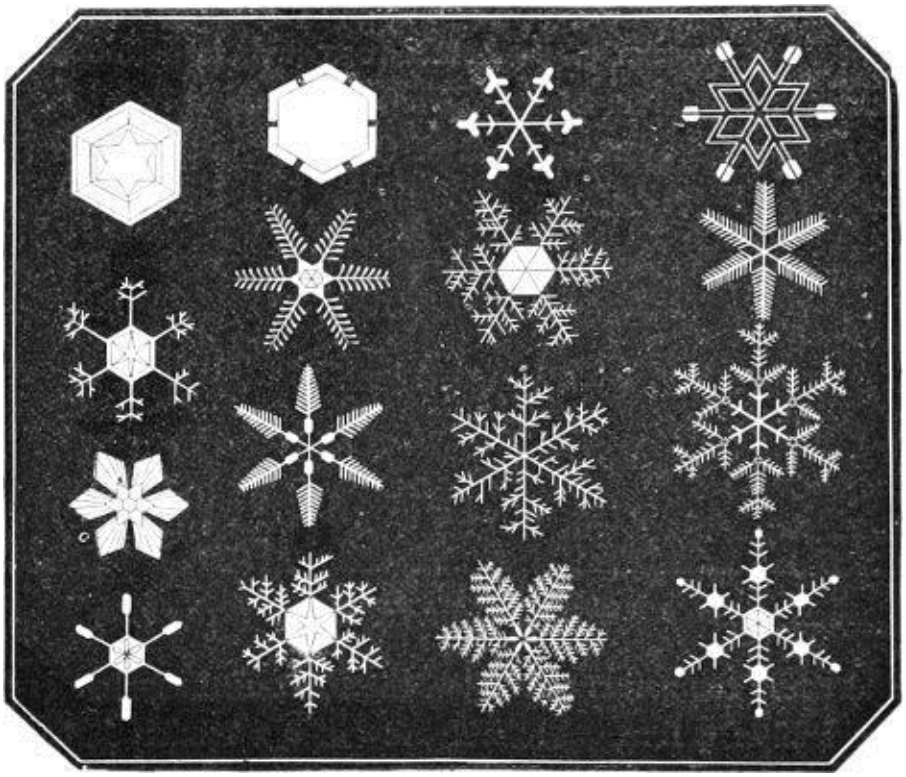
Притягивающие полюса в твердом состоянии любого данного вещества прочно сцеплены; но разрушьте сцепление при приложении достаточного количества тепла, и полюса отойдут так далеко, что окажутся практически за пределами досягаемости друг друга. И таким образом нейтрализуется естественная тенденция молекул собираться вместе.

Вода, например, как жидкость, по всей видимости, не имеет формы; но при достаточном охлаждении ее молекулы попадают под действие кристаллизующей силы и затем принимают самые разнообразные и красивые формы. Когда в спокойном воздухе выпадает снег, ледяные частицы образуют шестилучевые звезды. От этого типа нет никаких отклонений, хотя внешний вид снежных звезд в других отношениях бесконечно разнообразен.

Как отмечает профессор Тиндалл, стоит сделать паузу, чтобы подумать, какая чудесная работа происходит в атмосфере во время образования и схода каждого снежного дождя: какая "созидающая сила” задействована! и какими несовершенными кажутся творения человеческих умов и рук по сравнению с тем, что создано силами Природы!

Мы говорили о притягивающих и отталкивающих полюсах, но, по-видимому, желательно сказать несколько слов для пояснения. Каждый магнит обладает двумя такими полюсами; и если разбросать по магниту железные опилки, каждая частица также будет наделена двумя полюсами. Теперь предположим, что подобные частицы, лишенные веса и плавающие в атмосфере, соберутся вместе, что произойдет? Очевидно, что отталкивающие полюса будут удаляться друг от друга, в то время как привлекательные будут приближаться и, в конечном

счете, сцепляться. Далее: если частицы вместо одной пары обладают несколькими парами полюсов, расположенных в определенных точках на их поверхностях, вы можете представить себе, как они, подчиняясь взаимному притяжению и отталкиванию, объединяются в массы определенной формы и структуры.



РАЗЛИЧНЫЕ ФОРМЫ СНЕЖНЫХ КРИСТАЛЛОВ.

Тогда вам нужно только представить, что частицы воды в холодном спокойном воздухе наделены полюсами такого описания, заставляющими указанные частицы принимать определенные агрегатные формы, и перед вашим мысленным взором возникает невидимая архитектура, которая создает видимые и красивые кристаллы снега.

Важную роль, которую играет эта кристаллизующая сила как во льду, так и в снегу, можно понять из следующих замечаний профессора Тиндаля, которого по праву можно назвать самым выдающимся из ныне живущих авторитетов в этом вопросе:

При любой температуре ниже 32 ° F., то есть точки замерзания, теплового потока достаточно, чтобы разорвать молекулы воды с их жесткими связями сцепления. Но при 32 ° движение настолько уменьшается, что атомы замыкаются друг на друга и объединяются в твердое тело. Однако этот акт объединения контролируется хорошо известными законами. Неразумному глазу глыба льда кажется не более интересной и красивой, чем лист стекла; но для образованного ума лед для стекла то же, что оратория Генделя для крика исполнителя баллады. Лед - это музыка, стекло - это шум; лед олицетворяет порядок, стекло - беспорядок. В последнем случае молекулярные силы создали неразрывную переплетенную сеть; в первом они соткали богатую и правильную вышивку, узоры которой бесконечно красивы.

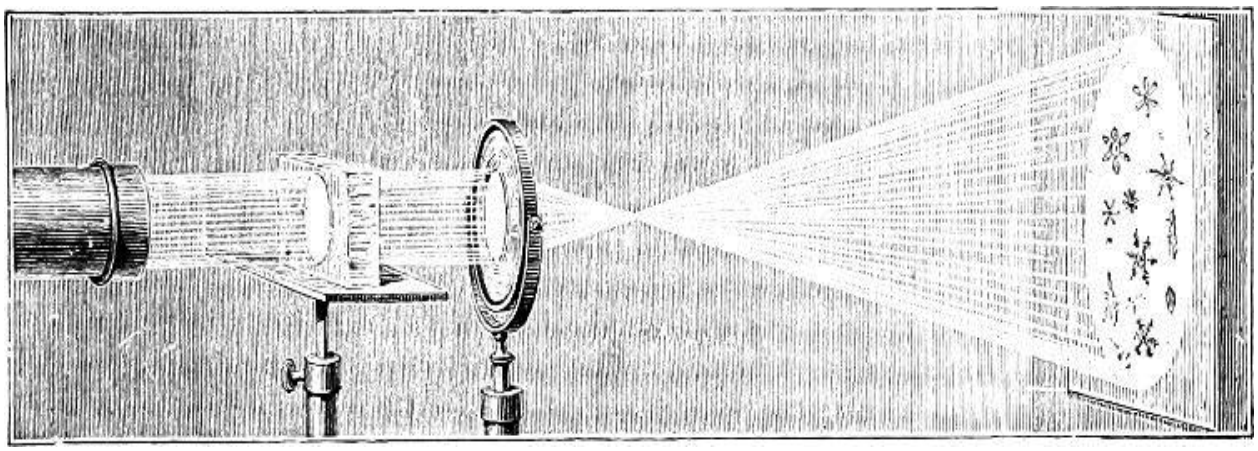
Предположим, что мы рассматриваем глыбу льда. Каким образом мы можем получить представление о ее структуре? Солнечный луч или, если его не хватает, луч электрического света - это анатом, которому мы должны доверить работу по вскрытию. Мы направляем этот луч прямо от нашей лампы на пластину прозрачного льда.

Он разносит на куски ледяное здание, в точности изменяя порядок его архитектуры.

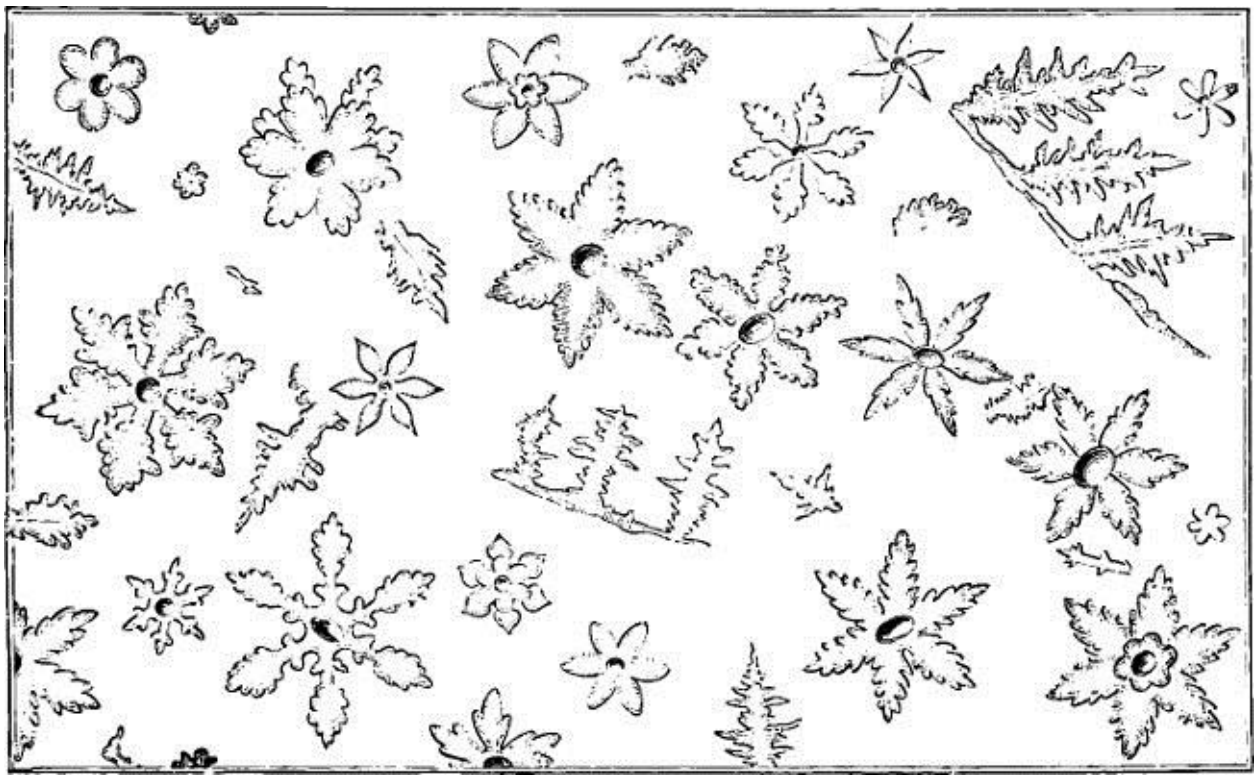
Кристаллизующая сила, например, тихо и систематически выстраивала атом за атомом; электрический луч, так сказать, смещает их так же тихо и систематически.

Мы поднимаем глыбу льда перед лампой, чтобы свет теперь мог проходить сквозь ее вещество. Сравните луч, когда он входит, с лучом, когда он выходит; для глаза ощутимой разницы нет, и его интенсивность кажется едва уменьшенной. Но не так обстоит дело с его теплом. Как термический агент, луч был более мощным до своего появления, чем после. Часть его тепла задерживается во льду, и этой частью мы сейчас воспользуемся. К чему это приведет?

Мы помещаем линзу напротив льда на экране. Теперь обратите внимание на это изображение (см. Иллюстрацию), красота которого все еще очень далека от реального эффекта. Вот одна звезда; вон другая; и по мере того, как действие продолжается, кажется, что лед все больше и больше распадается на звезды, все из шести лучей, похожие на кристаллы снега и напоминающие прекрасный цветок. Перемещая линзу туда-сюда, мы показываем новые звезды; и пока действие продолжается, края лепестков покрываются углублениями, похожими на углубления на листе папоротника. Вероятно, мало кто из наших читателей имеет представление о волшебных красотах, скрытых в глыбе льда! Пусть они помнят, что расточительная Природа действует подобным образом во всем мире. Каждый атом твердой коры, покрывающей замерзшие воды Севера, был создан в соответствии с законом, который мы провозгласили. Природа всегда и везде гармонична, и миссия науки состоит в том, чтобы пробудить нас к пониманию ее гармонии.



ПРОЕКЦИОННАЯ ВЫСТАВКА ЛЕДЯНЫХ ЦВЕТОВ.



ЛЕДЯНЫЕЦВЕТЫ.

Есть еще один момент нашего эксперимента, на который следует обратить внимание читателя. Он видит цветы, освещенные проходящим через них лучом. Но если он рассмотрит их, направив на них луч, который они отразят и направят обратно в его собственный глаз, он увидит в центре каждого пятно, сияющее, как полированное серебро. У него возникнет искушение подумать, что это пятно - пузырь воздуха; но, погрузив лед в горячую воду, вы можете растопить лед вокруг пятна, и когда останется только он, вы увидите, как он уменьшается и исчезает без всякого следа воздуха. Пятно - это вакуум. Такова верность себе, с которой действует Природа; таким образом, во всех своих действиях она подчиняется своим собственным законам. Мы знаем, что лед при таянии сжимается; и здесь мы останавливаем сжатие, так сказать, в самом акте. Вода из цветов не может заполнить пространство, занимаемое льдом, который своим расплавлением породил их; отсюда возникает вакуум, неразлучный спутник каждого жидкого цветка.

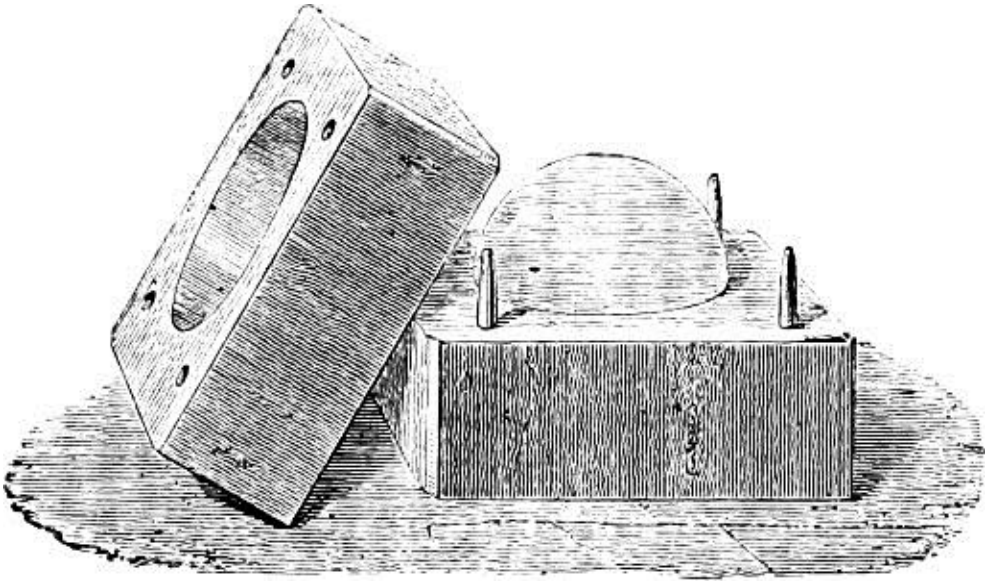
Фрагмент плотного льда, элементы которого принимают такие красивые кристаллические формы, сам по себе является кристаллом. Это было показано сэром Дэвидом Брюстером, который использовал для анализа ту модифицированную форму света, которую мы называем *поляризованным светом*. Он необычайно хорошо приспособлен для выявления особенностей основной структуры веществ благодаря цветным фигурам, которые он выделяет на экране после прохождения через них. Все кристаллы с осью — такие, например, как исландский шпат, — образуют серию ярко окрашенных колец, пересеченных правильным крестом, полностью черным. Поскольку лед образует те же фигуры, мы вправе приписать ему тот же вид кристаллизации. Однако мы должны отметить, что сейчас мы имеем в виду толстый лед, образовавшийся на наших каналах и озерах. Если бы мы исследовали первую пленку, образовавшуюся на поверхности воды, мы обнаружили бы в ней совершенно неправильную кристаллизацию, луч поляризованного света создавал бы лишь мозаику разнообразных оттенков, распределенных без какого-либо порядка. Но легко объяснить способ, которым образуется эта первичная корочка или пленка. Те части жидкой массы, которые контактируют с воздухом, замерзают первыми, но

каждая молекула льда отдает свое тепло окружающей воде, температура которой, таким образом, немного повышается, и в результате происходит частичное застывание. Затем исследуемая нами поверхность представляет собой сеть тонких игл, перекрещивающихся во всех направлениях и образующих своего рода тонкое кружево, ячейки или промежутки которого постепенно заполняются. Когда сеть превращается в непрерывный слой, потеря тепла уменьшается все больше и больше по мере того, как эта внешняя корка становится все толще и толще; но образование льда неизменно происходит с помощью длинных переплетенных игл, в чем читатель может убедиться сам, отломив кусок от ближайшего пруда (зимой) и исследовав поверхность среза.

Сказав так много о кристаллизации льда и снега, мы переходим к объяснению *регелляции* и *формования льда*. Несколько лет назад Фарадей поразил научный мир очень любопытным экспериментом. Расколов на две части кусок льда, он соединил эти части в тот момент, когда на их поверхностях произошло слияние, и они немедленно соединились. Как мы должны учитывать этот эффект, который может проявляться даже в горячей воде?

Когда температура воды повышается, поверхностные молекулы сначала становятся жидкими, затем газообразными; будучи помещенными вне коэрцитивного действия окружающих частиц, они легко высвобождаются; транспортируемые, напротив, в центр массы, они полностью попадают под влияние этого воздействия, которое вызывает новое затвердевание, или, используя научный термин, *регеляцию*. Таким образом, становится легко понять, как простым нажатием можно придать осколку льда самые разнообразные формы. Если наблюдатель последовательно помещает прямой стержень в формы увеличивающейся кривизны, он может легко заставить его принять форму кольца или даже узла. В каждой форме, это правда, лед ломается; но если давление поддерживается на высоком уровне, поверхности осколков соприкасаются и прилипают друг к другу, восстанавливая состояние целостности. Таким образом, снежок может быть превращен в ледяной шар, а шар при постоянном давлении - в чашу или статую.

Профессор Тиндалл ссылается на замечательный случай регеляции, который он наблюдал однажды ранней весной. Слой снега толщиной не более двух дюймов упал на стеклянную крышу маленькой оранжереи, и внутренний воздух, нагревая стекла, растопил снег в той мере, в какой он непосредственно соприкасался с ними. Весь слой соскользнул по стеклу и выступил за край крыши, не упав, и изгибался по мере необходимости, точно гибкое тело.



ФОРМОВОЧНЫЙ ЛЕД.

Снежные поля, покрывающие верхнюю часть каждого ледника, будь то в арктических регионах или где-либо еще, состоят из кристаллизованного снега, чья хрупкая, изящная и сказочная архитектура сохраняется до тех пор, пока он остается сухим, но претерпевает значительные изменения, когда солнце, расплавляя верхний слой, позволяет воде проникать в его субстанцию. Жидкость, вновь застывая за ночь, превращает снег в состояние, технически известное как *неве*; термин, данный швейцарскими физиками зернистой массе, состоящей из маленьких округлых сосулек, дезагрегированных, но более клейких, чем снежные хлопья, и имеющих плотность, промежуточную между плотностью снега и льда. Под давлением новых слоев и в результате проникновения воды *неве* соединяется и спаивается в лед, плотность которого постоянно увеличивается.

Но ледниковый покров обладает некоторыми другими любопытными особенностями. Каждое обильное выпадение снега на вершинах гор образует слой, легко отличимый от предыдущих слоев, которые в большинстве случаев уже перешли в состояние *неве*. Это расслоение становится более заметным, когда белизна поверхности была запятнана грязью или пылью, принесенными “крыльями ветра”. Это заметно и во льду; но здесь мы не должны путать это с другим явлением, причина которого иная, - с *прожилочной структурой*.

В местах, где ледники были случайно вырублены почти в вертикальном направлении, на разрезе обнаруживается ряд параллельных прожилок, образованных красивым и очень прозрачным лазурным льдом посреди общей массы, который имеет беловатый цвет и слегка непрозрачен.

В разных ледниках и в разных частях одного и того же ледника эти голубые прожилки будут различаться по количеству и интенсивности окраски. Они особенно красивы в трещинах недавнего образования и по бокам каналов, вырытых во льду крошечными ручейками, образовавшимися в результате поверхностного плавления. Немало ледников демонстрируют эту замечательную прожилковидную структуру на всем своем протяжении. Когда вертикальный разрез подвергает нежную лазурную сетку атмосферным воздействиям, более мягкий лед тает до образования голубого льда, который затем остается в отделенных листьях. Внимательно изучив их, мы не можем не отметить отсутствие или, во всяком случае, крайнюю редкость пузырьков воздуха, хотя их так много в более крупном льду.

Объяснение этого феномена профессором Тиндаллом столь же интересно, сколь и остроумно. Во время инспекционной поездки на сланцевые карьеры Уэльса у него была возможность изучить *спайность* пород, из которых они состоят; другими словами, их способность к естественному разделению, свойство, присущее всем кристаллам. Сланцеватый сланец легко разделяется на листы, и при обходе различных карьеров можно увидеть, что все плоскости спайности в каждом из них параллельны. Это обстоятельство поначалу побудило наших ученых рассматривать сланцы как продукты расслоения различных отложений. Такое объяснение, однако, не могло быть принято Тиндалем, когда он заметил, что мельчайшие окаменелости, находящиеся в них, постоянно деформировались и сплющивались в направлении плоскости расщепления, потому что большая модификация, которой они подверглись, не могла иметь места в наложенных друг на друга слоях на дне первобытного моря. Он пришел к выводу, что эти сланцы, следовательно, должны были подвергаться значительному давлению; и далее, что это давление должно было оказываться под прямым углом к плоскости разделения различных слоев.

Длинная серия экспериментов доказала, что многие тела при сильном сжатии обнаруживают в своей структуре очень отчетливую слоистость и часто очень красивые прожилки.

Он тщательно исследовал железо, прошедшее под паровым молотом или через прокатный стан; глина и воск подвергались гидравлическому прессованию. Во всех случаях он обнаруживал признаки расщепления; и, следовательно, мы вправе сделать вывод, что это явление неизменно вызывается давлением во всех телах неправильной внутренней структуры. Таков результат с ледником- льдом, из массы которого постепенно удаляются пузырьки воздуха, внесенные снегом. Поначалу ослепительно белый, он приобретает в параллельных слоях, соответствующих плоскостям спайности, те прекрасные лазурные оттенки, которые характеризуют структуру с прожилками. Это так мало связано со слоистостью, что в местах, где это очевидно, образовался ряд горизонтальных линий, в то время как параллельные прожилки в одних и тех же ледяных массивах все наклонены под углом около 60 °.

Тенденция к раскалыванию плотного льда, по-видимому, объясняет правильную форму тех фрагментов или отдельных кусков, которыми покрыты некоторые участки ледников. Обычно они имеют форму кубов или прямоугольных параллелепипедов. Альпийские горцы называют их *сераками*, намекая на их сходство с некоторыми сырами, носящими это название и выпускаемыми в прямоугольных коробках. Они были найдены во многих местах поистине колоссальных размеров, достигающих пятидесяти футов в длину, ширину и глубину, и такой правильной формы, как будто их высекли зубилом.

Есть много интересных моментов, связанных с образованием и строением ледников, которые мы с удовольствием обсудили бы, но в силу наших ограничений мы ограничены замечаниями общего характера, и теперь мы должны перейти к разговору о явлениях, сопутствующих их движению. Без сомнения, путешественнику, который впервые видит одну из этих огромных ледяных рек и видит могучую массу, по-видимому, приросшую к дну своей долины, прочную, неизменную, несокрушимую, трудно поверить, что она движется вперед с определенным и неуклонным, хотя и постепенным прогрессом. Это похоже на благородную реку, внезапно окаменевшую под действием какой-то непреодолимой силы: застывшую, когда она текла, в одно мгновение, под действием какого-то непреодолимого заклинания! Такова, действительно, концепция поэта:

“Вы, ледопады! вы, которые падают с вершины горы

На склоне огромного оврага сохранился...

Потоки, мне кажется, услышавшие могучий голос,

И сразу же остановились во время своего самого безумного прыжка!

Неподвижные потоки! безмолвные водопады!”

И эта концепция обосновывается *видом* ледника. Так, о леднике Геан профессор Тиндаль говорит: “Он плавно тянется на большое расстояние, затем становится неспокойным, а затем превращается в огромный замерзший каскад, по которому лед, кажется, катится в диком беспорядке. Над каскадом вы видите сверкающее снежное пространство, занимающее площадь в несколько квадратных миль”. Но мы увидим, что здесь, как и в мире человека, внешность обманчива, и что ледник вполне заслуживает названия ледяной реки, намекая на его регулярное и непрерывное движение.

Разница между количеством снега, выпадающего в высокогорных районах земного шара, и количеством снега, которое каждое лето исчезает в результате разжижения, очень значительна. Предложение, так сказать, превышает спрос, и ежегодно остается некоторый остаток. Только ниже постоянной снежной линии снег, образовавшийся и накопленный зимой, полностью тает в теплое время года. И, следовательно, если бы в течение какого-либо значительного периода избыток на какой-либо конкретной горе продолжал накапливаться, огромные массы льда постепенно поднялись бы на предельную высоту в атмосфере, подверженной воздействию водных явлений.

Ренду, римско-католический прелат, который первым проложил путь к открытию истинной природы ледников, очень справедливо говорит: “Экономика мира была бы вскоре разрушена, если бы в определенных точках преобладали скопления вещества. Центр тяжести земного шара был бы незаметно смещен, и на смену замечательной регулярности его движений пришли бы беспорядок и пертурбация. Если бы Полюса не направляли обратно в Экваториальные моря воду, которая, превращенная в пар, ежедневно выходит из этих горящих регионов для превращения в лед в Арктической и Антарктической зонах, океан был бы осушен досуха, и жизнь прекратилась бы, равно как и циркуляция воды по всему нашему миру. Однако Творец, чтобы обеспечить постоянство Своей всемогущей работы, вызвал к жизни обширный и могущественный закон круговорота, и внимательный наблюдатель видит, как этот закон воспроизводится во всей экономии Природы. Вода циркулирует из океана в воздух, из воздуха она распространяется по земле, а из земли попадает в моря. Реки возвращаются туда, откуда они пришли, для того, чтобы снова разлиться; воздух циркулирует вокруг земного шара и, так сказать, сам по себе, последовательно проходя и возвращаясь обратно на всех высотах атмосферного столба. Элементы каждого органического вещества циркулируют, переходя из твердого состояния в жидкое или воздухообразное, и возвращаясь из последнего в состояние плотности или организованности. Не исключено, что универсальный агент, который мы обозначаем именем огня, света, электричества и магнетизма, вероятно, также имеет круг *обращения*, столь же обширный, как вселенная. Если бы о его перемещениях когда-нибудь было известно нам больше, чем сейчас, вполне вероятно, что они позволили бы решить множество проблем, которые все еще бросают вызов человеческому интеллекту. Циркуляция - это закон жизни, метод действия, используемый Провидением при управлении вселенной. В насекомом, как и в растении, как и в человеческом теле, мы находим циркуляцию, или, скорее, несколько циркуляций — крови, жидкостей, элементов, огня, всего того, что входит в состав индивидуума”.

Какими бы причудливыми ни были некоторые предположения любезного прелата, несомненно, что ледники подчиняются этому закону циркуляции. Скопления снега в верхних областях до некоторой степени уменьшаются за счет схода лавин, то есть масс снега и льда, которые отрываются от горных склонов и стремглав устремляются в долины внизу, где они быстро тают под воздействием более теплой атмосферы. Но этого самого по себе было бы совершенно недостаточно. Необходимо другое движение, одновременно более эффективное и более регулярное; движение, которое охватывает всю систему ледяных массивов и которое уносит ледники ниже линии вечных снегов, так что каждый год они могут отдавать часть своих конечных оконечностей. Открытие этого общего прогресса является одним из самых плодотворных событий, которыми за последние годы обогатилась физика земного шара.

Профессор Тиндалл справедливо замечает, что существует множество очевидных признаков существования движения ледников, хотя оно слишком медленное, чтобы сразу броситься в глаза. Трещины меняются в определенных пределах из года в год, а иногда и из месяца в месяц; и этого не могло бы быть, если бы лед не двигался. Также наблюдаются

скалы и булыжники, которые были явно оторваны от склонов гор. Блоки, которые, как видно, падали с определенных точек, впоследствии замечаются ниже. На моренах встречаются породы совершенно иного минералогического характера, чем те, что слагают горы справа и слева; и во всех подобных случаях слои того же характера встречаются на границе ледника выше. Отсюда следует вывод, что инородные *валуны* были *унесены* льдом вниз. Кроме того, концы или “рыла” многих ледников действуют на землю перед ними подобно лемехам плуга, с непреодолимой энергией опрокидывая хижины и шалаши, попадающиеся на их пути. Факты, подобные этим, были давно известны жителям Высоких Альп, которые, таким образом, были ознакомлены в смутных и общих чертах с движением ледников. Но наука не может оперировать общими понятиями: она требует точной информации; и эта информация, что касается продвижения ледников, была получена благодаря терпеливому труду Ренду, Шарпантье, Агассиса, Дезора, Фогта, профессора Форбса, Браве, Чарльза Мартинса, Хопкинса, профессора Тиндаля, Коломба, Джона Болла и Шлагинтвейта. Их эксперименты и наблюдения установили истинность определенных неизменных принципов и доказали существование общего закона движения.

Скопление обломков, стремительно разбрасываемых горами, образует на поверхности ледника длинные полосы камня и земли, которые называются *моренами*; они расходятся в определенных направлениях, в зависимости от обстоятельств, которые мы сейчас собираемся объяснить.

Оползни, которые происходят на берегах или краях ледника, приводят к образованию *боковых морен*, которые ежедневно увеличиваются в размерах под действием двойного эффекта падения камней и обломков и поступательного движения, которое уносит их вместе со всей массой льда. Ближе к центру великих ледников почти в каждом случае обнаруживается *медиальная морена*; результат столкновения боковых морен двух ледников, которые объединились в один. Эти поверхностные морены участвуют в движении ледника, каждый из их блоков в конечном итоге скатывается к подножию конечного обрыва, и, таким образом, *фронтальная морена* образуется на самой почве долины, подобно насыпи, возведенной для предотвращения дальнейшего продвижения льда. И, наконец, слой песка, гравия, гальки и обломков, который находится под ледником и по которому он скользит, называется *глубокой мореной*.

Борозды, оставленные этим последним по названию слоем на дне каналов ледника, показывают удивительную силу трения, которую проявляет ледник во время своего спуска. Глубина этих борозд полностью зависит от твердости обломков, уносимых ледником, и природы пород, подвергающихся трению. Блеск, который приобретают эти породы, когда они становятся достаточно твердыми, чтобы противостоять громоподобному маршу ледника, указывает на огромное давление, которое он оказывает на склоны долины, через которую прокладывает свой путь. Это усилие, направленное главным образом на сторону скал, обращенную в направлении их гребней, придает им своеобразную округлую форму, настолько напоминающую по внешнему виду стадо овец (*мутонов*), что Де Соссюр дал им название *мутонные рощи*.

Ледник в Бернском Оберланде, связанный с научными доказательствами поступательного движения ледников, навсегда запомнится надолго. Два ответвляющихся ледника, Лаутераар и Финстераар, соединяются на мысе под названием Абшвунг, образуя магистральный ледник Унтераар, который несет огромную срединную морену вдоль своей колоссальной спины.

Здесь в 1827 году "бесстрашный и полный энтузиазма” швейцарский профессор Хуги из Золотурма (или Солеура) построил небольшую каменную хижину для наблюдений за ледником. Хижина сдвинулась, и он предпринял шаги, чтобы измерить ее движение. За три

года, с 1827 по 1830 год, она сместилась на 330 футов вниз. В 1836 году он спустился на 2354 фута, а в 1841 году преодолел расстояние в 4712 футов. [Это было со скоростью около 336 футов в год.]

В 1840 году М. Агассис с несколькими друзьями-учеными, господами Дж. Дезор, Фогт и Николеб обосновались под большой нависающей каменной плитой на той же морене и с помощью боковых стен и других приспособлений соорудили грубое жилище, которое, поскольку некоторые из этих ученых были родом из Невшателя, они назвали “Отель Невшателуа”.

Через два года после его возведения Агассис обнаружил, что он сместился вниз не менее чем на 486 футов.

Эти и некоторые подобные измерения выявили очень важный факт. Читатель заметит, что *средние числа*, соответствующие центральной части ледника, являются *наибольшими*: отсюда было очевидно, что *центр ледника, как и река, движется быстрее, чем боковые поверхности*.

Из-за большего центрального движения ледника его трещины неизменно принимают изогнутые очертания, выпуклость которых продвигается ко дну долины.

Также было установлено, что поверхностная часть ледника движется быстрее, чем его основание.

Еще раз: Тиндалл и Херст, используя высокоточные инструменты, продемонстрировали, что максимум движения находится не точно в центре, но что, в соответствии с изгибами долины, по которой течет ледник, он перемещается иногда вправо от центра, а иногда влево. Итак, течение реки демонстрирует все признаки, которые мы только что перечислили, и истина, предсказанная Ренду, была подтверждена во всех деталях. Ледник - *это* “ледяная река”.

Читатель, естественно, спросит, как может вещество такой кажущейся жесткости, как лед, подчиняться тем же законам, которые регулируют движение жидкостей, как это *происходит* на самом деле? Я могу понять, может сказать он, как вода течет таким-то образом: это жидкость, и ее молекулам не хватает свойства сцепления; но то, что такая твердая и невпечатляющая субстанция, как лед, способна двигаться, кажется невозможным. Я могу очень легко понять, что масса льда, будучи ослабленной или отделенной от своего места покоя, будет скользить вниз до тех пор, пока не наткнется на какое-нибудь соответствующее препятствие; но это не тот вид движения, который вы описываете. Согласно вашим объяснениям, каждая составная часть ледника движется, причем центральная быстрее боковой, а поверхность быстрее основания.

Эти возражения были выдвинуты учеными, когда движение ледников впервые было выдвинуто в качестве теории; и ответ, данный Шейхцером, состоял в том, что ледник можно сравнить с губкой, пропитанной водой, которая, застывая впоследствии под воздействием низких температур осени и зимы, расширяется и вызывает расширение массы во всех направлениях. Затем, поскольку он не мог отступить, поскольку он не мог *вновь* подняться по склону долины, увеличение размеров обязательно произошло бы в его нижней части.....

Нам нет необходимости объяснять, почему этот ответ был неудовлетворительным. Последующие наблюдения, однако, доказали его невозможность, и тогда профессор Форбс выдвинул свои идеи о *вязком характере* льда. Но они тоже не соответствовали условиям

явления; и принятая сейчас точка зрения принадлежит профессору Тиндалю, который показал, что это результат регуляции, которую мы уже описали.

Профессор Форбс сформулировал свою теорию следующим образом: “Ледник - это несовершенное текучее или вязкое тело, которое выталкивается вниз по склонам определенного наклона естественным давлением своих частей”. Но мы знаем о чрезвычайной хрупкости льда, и как вязкость совместима с хрупкостью? Мы также знаем, что на леднике внезапно образуются трещины, подобные трещинам на оконном стекле. Но если бы лед был вязким и мог расширяться, шириться или растягиваться, как это делают вязкие вещества, эти трещины были бы невозможны. Они бы постепенно закрывались, подобно углублению в массе желе. И все же нельзя отрицать, что ледник *действительно* движется как вязкое тело; центр обтекает стороны, вершина обтекает дно, в то время как движение по изогнутой долине соответствует движению жидкости. Как нам примирить эти, казалось бы, противоречивые обстоятельства?

По теории регеляции профессора Тиндаля, которая основана на уже упомянутом факте, а именно, что когда два куска тающего льда соприкасаются, они замерзают вместе.

Этот *факт* и его применение независимо от *причины* регеляции можно проиллюстрировать следующим образом: “Отрежьте две пластины от глыбы льда и соприкосните их плоские поверхности; они немедленно примерзнут друг к другу. Две пластины льда, положенные одна на другую и обернутые на ночь фланелью, иногда утром так прочно замерзают, что скорее треснут в другом месте, чем в месте соединения. Если вы войдете в одну из ледяных пещер Швейцарии, с которых капает вода, вам достаточно на мгновение прижать ледяную глыбу к потолку пещеры, чтобы она замерзла и прилипла к крыше.

“Поместите несколько кусочков льда в таз с водой и заставьте их соприкасаться друг с другом; они замерзнут там, где соприкоснутся. Вы можете сформировать цепочку из таких фрагментов; а затем, взявшись за один конец цепочки, вы можете нарисовать за ним весь ряд. Цепи айсбергов иногда образуются таким образом в арктических морях”.

Из этих наблюдений мы выводим следующий результат: —Снег состоит из мелких частиц льда. Теперь, если с помощью давления мы выдавим воздух, запутавшийся в тающем снеге, и приведем маленькие гранулы льда в тесный контакт, можно ожидать, что они замерзнут вместе; и если вытеснение воздуха будет полным, спрессованный снег примет вид плотного льда.

Именно таким образом происходит уплотнение снегов в Арктике, как и в высокогорных регионах. Более глубокие слои *неве* превращаются в более или менее совершенный лед под давлением вышележащих слоев; и, кроме того, они принимают форму долины, которую они заполняют, благодаря медленному и непрерывному давлению ее склонов.

В ледниках, как указывает профессор Тиндалл, мы имеем множество примеров грубого разрушения и регелляции; как, например, в открытии и закрытии трещин. Ледник разбит на каскадах и заделан у их основания. Когда два ответвляющихся ледника соединяют свои стороны друг с другом, уплотнение настолько прочное, что они сразу же начинают течь по магистральному леднику единым потоком. Средняя морена своей медлительностью движения не указывает на то, что она образована из вялого льда боковых сторон ледников бранч.

Мы можем резюмировать теорию регеляции в нескольких словах. Лед ледников меняет свою форму и сохраняет свою целостность под *давлением*, которое удерживает его частицы вместе. Но при *растяжении* раньше, чем при растяжении, оно *ломается*и больше не ведет себя как вязкое тело.

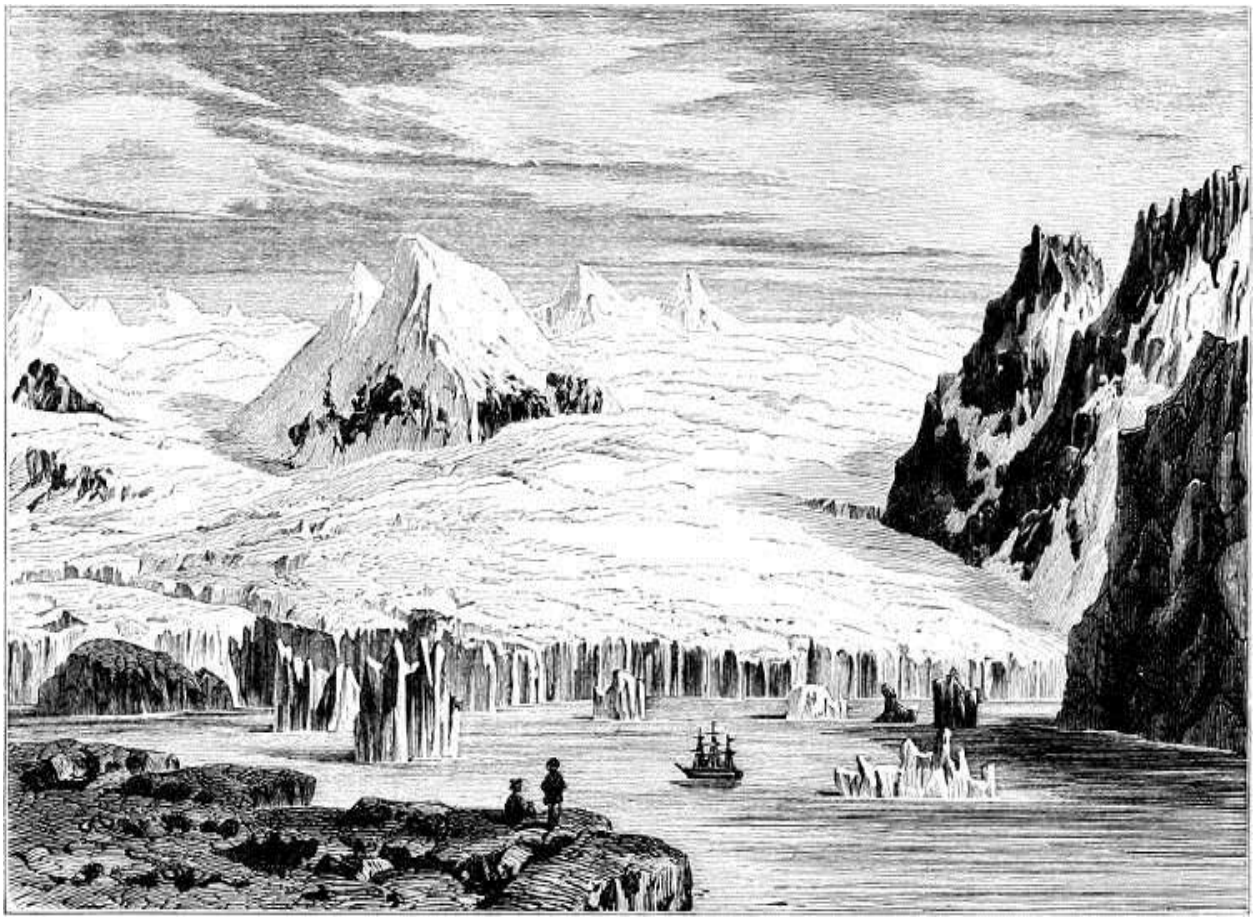
Это слова профессора Тиндаля, и тот факт, который они воплощают, было бы трудно изложить более четко или сжато.

ПОЛЯРНЫЙ ЛЕДНИК.

Сказав таким образом много о структуре, причинах, характеристиках и движении ледников, мы переходим к рассмотрению некоторых наиболее примечательных из тех, что расположены в Арктическом мире.

Ледники Полярных регионов не отличаются по структуре или способу образования от ледников других стран. Тем не менее, они обладают некоторыми специфическими особенностями, которые поверхностному наблюдателю могут показаться независимыми от физических законов, которые мы пытались объяснить. То, что это не так, было показано Чарльзом Мартинсом, который тщательно изучил ледники Шпицбергена во время исследовательского рейса *Исследовательской экспедиции* на этот остров и продемонстрировал, что их различия являются лишь частным случаем общего явления.

В качестве особых примет он указывает, во-первых, на редкость ледяных игл и призм, которые он объясняет небольшим наклоном и однородностью склонов, а также уменьшением солнечного тепла, которое даже в долгие летние дни не растопляет поверхность. Здесь нет ручьев, способных выдалбливать трещины и формировать выступы. Но поперечных трещин, образовавшихся в результате движения ледников, множество, и они часто очень широкие и очень глубокие.



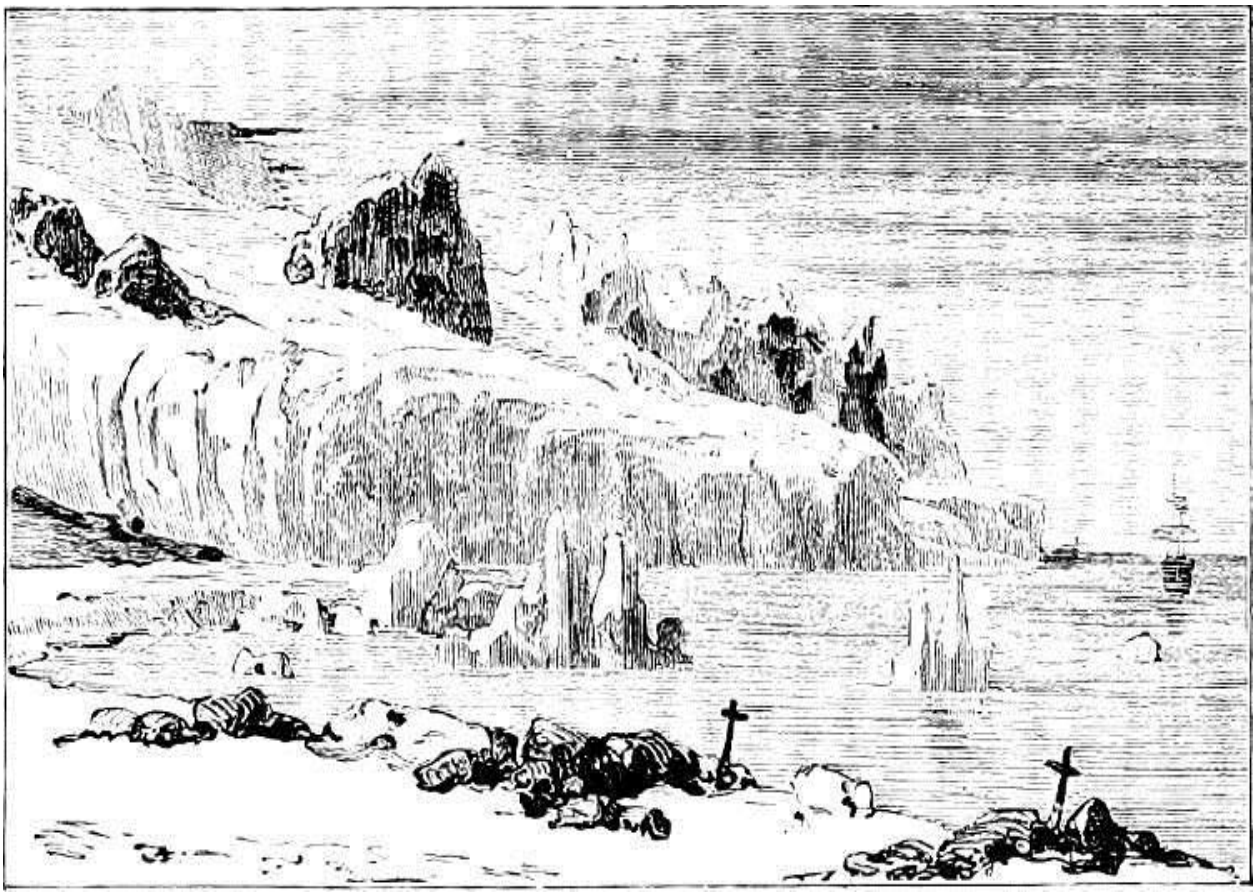
ЛЕДНИК, АНГЛИЙСКИЙ ЗАЛИВ, ШПИЦБЕРГЕН.

На конечном склоне, который тает по мере погружения в море, иногда можно увидеть огромные пещеры; пещеры настолько огромные, что сверкающие лазурью гроты Арвейрон и Гриндельвальд, которыми так восхищаются европейские путешественники, являются всего лишь миниатюрами. “Однажды, ” рассказывает Чарльз Мартинс, “ после того как я определил температуру моря у большого ледника Белл-Саунд, я предложил сопровождавшим меня морякам отнести нашу лодку в его пещеру. Я объяснил им, какому риску мы должны подвергнуться, поскольку не желаем предпринимать ничего без их согласия. Когда наша лодка пересекла порог, мы очутились в огромном готическом соборе; длинные ледяные цилиндры с коническими заострениями спускались с крыши; ниши казались множеством часовен, выходящих из главного нефа; широкие трещины разделяли стены, и открытые промежутки, подобно аркам, поднимались к вершинам; лазурные отблески играли на ледяной поверхности и отражались в воде. Матросы, как и я, онемели от восхищения. Но слишком длительное созерцание было бы опасным; вскоре мы вернулись к узкому проходу, через который проникли в этот зимний храм, и, возвращаясь на борт нашего судна, хранили благоразумное молчание относительно эскапады, которая могла быть справедливо осуждена. Вечером мы увидели с берега, как наш утренний собор медленно наклонился вперед, отделился от материнского ледника, врезался в волны и снова появился в виде тысячи глыб и осколков льда, которые отступающий прилив медленно унес в море ”.

Ледники Шпицбергена не имеют тех многочисленных морен, которые наблюдаются на большинстве ледников Швейцарии.

Горы, будучи не очень высокими, как бы погребены под тяжестью ледников, вместо того чтобы возвышаться над ними, и, кажется, с трудом поднимают свои вершины из массы льда и снега, окружающих их. Следовательно, здесь нет значительных оползней или обвалов земли и камня, которые, скапливаясь вдоль границ ледников, могли бы образовывать морены. Мартинс придерживается мнения, что ледники Шпицбергена соответствуют верхней части ледников Швейцарии; то есть той части, которая находится выше линии вечных снегов.

Теперь, говорит он, чем выше мы поднимаемся по альпийскому леднику, тем больше уменьшаются в ширине и форме боковые и средние морены, пока они не сужаются и, наконец, не исчезают под высокими *выступами* амфитеатров, из которых выходит ледник, подобно тому, как горные потоки часто берут начало в одном или нескольких озерах, расположенных террасами одно над другим.

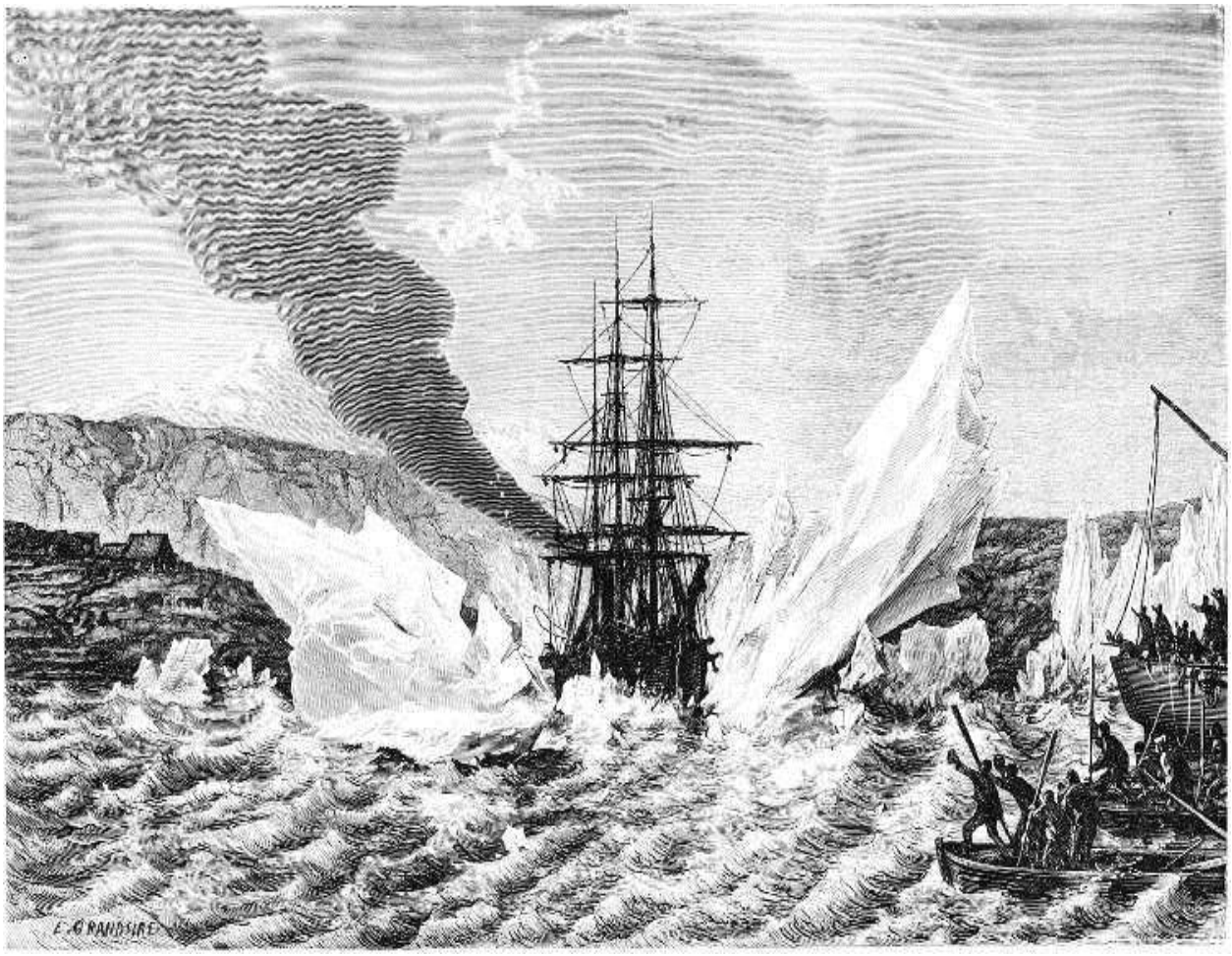


ЛЕДНИК, БЕЛЛ-САУНД, ШПИЦБЕРГЕН.

По всем этим причинам, добавляет он, срединные и боковые морены едва заметны на ледниках Шпицбергена; по бокам, а иногда и в центре, можно увидеть ряд камней и валунов, но лед никогда не бывает скрыт, как в Альпах, под массой скопившегося на нем мусора. Что касается конечных морен, то их следует искать на дне моря, поскольку конечный откос почти всегда нависает над ним. Следовательно, каменные глыбы падают одновременно с глыбами льда и образуют подводную фронтальную морену, две оконечности которой иногда видны на берегу.

В предыдущей главе мы упоминали о том, каким образом образуются айсберги в результате отрыва от обращенной к морю оконечности ледника огромных масс льда, которые течением уносит в открытое море. К уже данному описанию мы можем здесь добавить то, что приводит Чарльз Мартинс в своем ценном и интересном отчете о

настойчивых научных усилиях “О Шпицбергене в Сахаре”: "На Шпицбергене, по его словам, ледник после более или менее значительного по продолжительности перехода достигает моря. Если берег прямолинейный, он не продвигается дальше; но в углублении бухты, где берег изогнут, он продолжает свое продвижение, поддерживая свою массу по бокам бухты и возвышаясь над водой, над которой он нависает. Это легко понять. Летом температура морской воды на дне бухт всегда чуть выше 32°; при соприкосновении с этой сравнительно теплой водой ледник тает, и во время отлива между льдом и поверхностью воды становится заметным промежуток. Поскольку ледник больше не поддерживается, он частично крошится и уступает дорогу; огромные глыбы отделяются сами от себя, падают в море, исчезают под водой, снова появляются, вращаясь вокруг своих собственных осей, и колеблются в течение нескольких мгновений, пока не займут положение равновесия. Блоки, отделенные таким образом от плавающих масс, всех размеров и форм, называются айсбергами.



ПАРОХОД “ЗАРЯЖАЕТ” АЙСБЕРГ, УПЕРНАВИК, ГРЕНЛАНДИЯ.

Наш путешественник отмечает, что дважды в день, в заливе Магдалена и Белл-Саунде, он был очевидцем частичного разрушения оконечностей ледников. Их падение сопровождалось шумом, подобным раскатам грома; вздувшееся море обрушилось на берег чередой гигантских волн; залив был покрыт айсбергами, которые, подхваченные водоворотом, огромными флотилиями выходили из залива, чтобы выйти в море за его пределами, или были выброшены на мель тут и там, в местах, где вода была мелкой. Айсберги, замеченные М. Мартинсом, однако, не отличались какой-либо удивительной

величиной; он оценивает их среднюю высоту в тринадцать-шестнадцать футов. Мы видели, что айсберги в Баффиновом заливе в десять раз значительнее и внушительнее; но ведь в этом заливе температура моря ниже 32 °; ледник не тает, когда входит в воду; он опускается на дно моря; и все отделившиеся от него части имеют большую высоту, чем даже затопленная часть айсбергов, которые дрейфуют взад и вперед в заливах Шпицбергена.

Мы можем дополнить это описание некоторыми наблюдениями лейтенанта Белло, благородного молодого француза, погибшего в одной из экспедиций, отправленных на поиски сэра Джона Франклина и его спутников. Он говорит о массах льда, с которыми столкнулось его судно вскоре после того, как обогнуло мыс Фарвелл, южную оконечность Гренландии, и замечает, что по мере сужения Баффинова залива к югу айсберги, впервые приведенные в движение северными штормами выше по заливу, неизбежно имеют тенденцию скапливаться в образовавшемся таким образом ущелье и, таким образом, затруднять и загораживать пролив Дэвиса, даже когда более высокие воды совершенно свободны. Только благодаря серии попеременных движений вперед и назад айсберги, наконец, преодолевают барьер и выплывают в Атлантику, где подвергаются медленному процессу растворения.

Подвижность айсбергов, хотя и необходима для судоходства, в то же время представляет особую опасность, поскольку судно часто оказывается между берегом и колоссальными массами, гонимыми вперед ветром, или между ними и прочным льдом, который еще не раскололся. Бесполезно останавливаться на огромной силе, которой обладают массы, которые часто имеют протяженность в несколько квадратных лье и которые, придя в движение, не могут быть остановлены никаким человеческим сопротивлением. Парусное судно оказывается в условиях, тем более неблагоприятных, что ветры дуют именно с того направления, которое оно должно принять, чтобы проложить путь сквозь льды. Теперь, при сильном шторме, действительно опасно продвигаться вперед посреди лабиринта айсбергов, которые образуют так много плавучих камней; если преобладает штиль, судно может продвигаться вперед только с помощью кропотливой тяги или буксировки шлюпками. Применение гребного винта на паровых судах дало им большое преимущество, потому что они не подвержены никаким несчастным случаям с гребными колесами, которые, как таковые, должны быть подвержены столкновению с плавучим льдом. Зафиксировано, что однажды винтовой пароход недалеко от Упернавика, на побережье Гренландии, действительно *столкнулся* с айсбергом и проехал прямо сквозь него, как железнодорожный локомотив может проломить забор или заграждение. Конечно, айсберг был небольшой высоты, но его прочная масса поддалась огромной силе парохода и раскололась на крупные обломки.

В результате сотрясений, вызванных яростными штормами, которые далеко не так редки за полярным кругом, как принято считать, форма айсбергов становится очень неправильной, а конфигурация ледяных полей постоянно претерпевает изменения. Поэтому часто случается, что путешественник видит перед собой открытый водоем большей или меньшей протяженности, от которого его отделяет только узкая полоска льда. В таком случае он пытается пробить брешь, либо направляя свое судно на полной скорости к самому слабому участку льда, либо с помощью огромных пил длиной в двадцать футов, которые приводятся в действие веревкой и блоком, расположенными на вершине треугольника, образованного из длинных шестов; или, наконец, взрывая мину. Когда лед не очень твердый, судно загоняется в проход, прижимаясь к бортам которого наподобие клина.

Иногда в ходе операции случается, что ледяные поля, приводимые в движение ветром или течениями, сближаются после того, как на мгновение предательски разделились, и тогда судно подвергается опасному давлению. Несчастлив тот моряк, который не предвидит или в достаточной степени не замечает предупреждающих признаков этого несчастного случая, который почти всегда сопровождается фатальными последствиями. Лед, который ничто не может остановить, проходя под кораблем, опрокидывает его или, если оно сопротивляется, раздавливает.

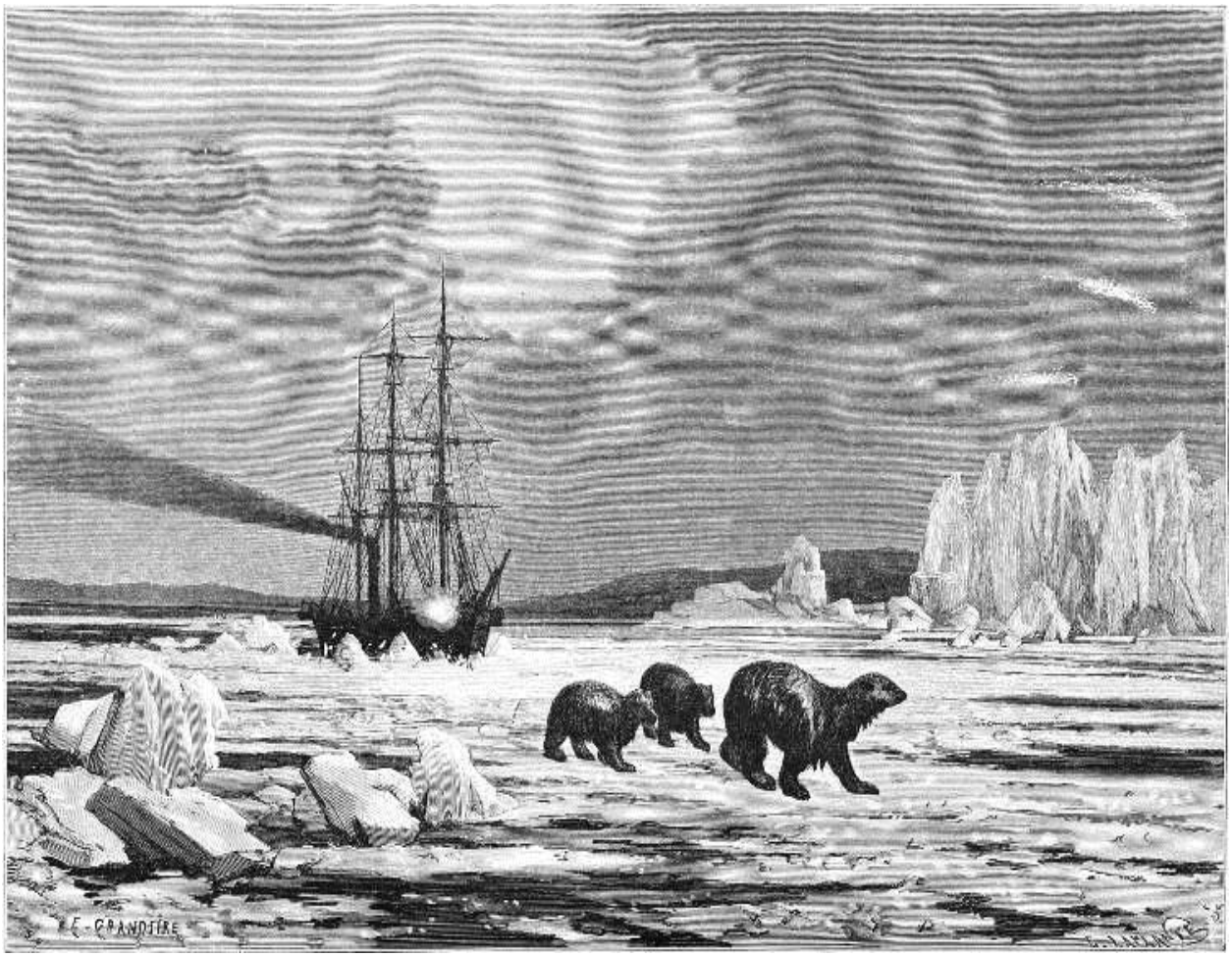
Мы упоминали о колоссальных айсбергах Баффинова залива. Они сбрасываются с северных ледников, и особенно с огромной ледяной реки, названной в честь Гумбольдта, которая пересекает склоны Гренландских Альп за 79-й параллелью. Мореплавателей часто удивляло, что эти могучие массы плывут в направлении, противоположном направлению ледяных полей, которые опускаются вместе с полярным течением в Атлантику. Они поднимаются с такой быстротой, что разрушают так называемую “ледяную опору”, или пояс льда, все еще прилипающий к берегу. Капитан Мори собрал многочисленные наблюдения по этому важному вопросу, и он приводит случай с судном, которое с трудом тащили против течения, когда огромная плавучая гора, приближавшаяся с юга, направилась против нее, но, к счастью, не столкнулась с ней, а, продвигаясь вперед, очень быстро исчезла. Как можно объяснить такой инцидент? Из-за существования подводного противотока, действующего на нижнюю оконечность затопленной части айсберга, которая, как мы уже указывали, всегда в семь или восемь раз больше, чем объем воды, *выступающий*над поверхностью волн.....

Наши китобои в своих опасных экспедициях часто получают помощь от этих движущихся островов. Они ищут укрытия с подветренной стороны, когда внезапно налетают штормы, потому что огромные айсберги едва ли подвержены самым сильным порывам ветра. Они считают свое убежище ценным также во время определенных промысловых операций, для которых необходимы отдых и тишина. Однако оно не является абсолютно безопасным. Кажущийся друг может оказаться скрытым врагом. Айсберг может разрушиться или быть опрокинут; или огромные фрагменты, оторвавшиеся от его боков или вершин, могут обрушиться вниз головой и угрожать затопить находящийся под ними корабль; но поскольку на этих и других происшествиях мы уже подробно останавливались, мы воздерживаемся от утомления наших читателей дважды рассказанной историей. Повторение, которому мы в некоторой степени позволили, было необходимо, чтобы показать читателю, каким образом происходит разрушение нижних оконечностей ледников в Арктическом мире.

В окрестностях мыса Александер, одного из мысов пролива Смита, доктор Хейс встретился с ледником, интересное описание которого он дает в своем рассказе “Путешествие на арктической лодке” (1854):

Это было первое выступающее в океан образование, которое он имел возможность внимательно осмотреть; и хотя оно было небольшим по сравнению с другими подобными образованиями, оно, тем не менее, обладало всеми их основными характеристиками. Он

представлял собой обращенную к морю выпуклую фреску высотой семьдесят футов и длиной около двух миль, центр которой выступал в воду за пределы общей линии побережья к востоку и западу от нее. Поверхность резко поднималась на высоту около двухсот футов и, уходя оттуда назад с пологим наклоном, казалось, соединялась с обширным *морем* наверху. Несколько трещин, по-видимому, большой глубины, проходили вертикально через его тело и простирались далеко внутрь; и другие, более мелкие, которые, , казалось, были образованы потоками растаявшего снега, которые водопадами стекали в море. Доктор Хейс отмечает, что на него произвел впечатление его вязкий вид; но мы показали, что определенная вязкость естественным образом присуща ледниковому льду.



ПРОБИВАТЬ ПРОХОД ВО ЛЬДАХ.

Параллельно его выпуклой поверхности тянулся ряд неясно обозначенных линий, которые придавали ему вид полужидкой массы, движущейся вниз по наклонной поверхности; и эта идея подтверждалась ее внешним видом на скалах с обеих сторон. По ним, казалось, текла вода; и, точно вписываясь во все их неровности, она создавала эффект огромной движущейся массы частично затвердевшего вещества, внезапно застывшего.

Еще больший интерес представляет описание того же отважного исследователя великого арктического *озера Мер-де-Глас*, которое находится в глубине материка от залива Ренсселер, примерно на широте. 79° северной широты и длинный. 68° W.

Доктор Хейс и его группа отправились в экспедицию в глубь страны, и, пройдя по действительно живописному ландшафту, изобилующему зарослями мха и дерна, пятнами пурпурной андромеды и свисающими ветвями карликовой ивы, они вышли на широкую равнину или долину, в центре которой покоилось замерзшее озеро, примерно двух миль в длину и полумили в ширину. Они пересекали его прозрачную поверхность. По обе стороны от них возвышались скалистые утесы, которые тянулись длинными рядами холмов, последовательно завершаясь широким горным хребтом, который, убегая вправо и влево, был перерезан пропастью шириной в несколько миль, открывавшейся прямо перед ними. Прямо перед ними возвышался невысокий холм, у подножия которого с обеих сторон

протекали ответвления ручья, по течению которого они шли. Покинув русло реки прямо над озером, они взобрались на вершину этого холма; и там их взору предстало зрелище, грандиозное и внушительное, которое невозможно адекватно описать словами. От скалистого ложа, всего в нескольких милях впереди, поднималась пологая стена чистой белизны, переходящая в широкую ровную ледяную равнину, которая, по-видимому, не имела границ и простиралась далеко на неведомый восток. Это было великое *ледяное море* Арктического континента.

Тогда здесь на самом деле был аналог речных систем других земель. Из-за гранитных холмов застывшие стоки внутренних водоемов, атмосферные осадки веков двигались массой, которая, хотя и была твердой, была пластичной, стекая вниз через каждую расщелину в горах, поглощая скалы, заполняя долины, затопляя холмы: стремительный, непреодолимый, хрустальный прилив, приливающийся к океану. Поверхность была пересечена многочисленными вертикальными трещинами, некоторые из которых были значительной глубины, по которым стекал растаявший снег.

Была полночь, когда исследователи приблизились к этому колоссальному резервуару. Солнце находилось на несколько градусов ниже горизонта и давало слабый сумеречный отблеск. Звезды второй величины были едва различимы в холодных, стально-голубых арктических небесах. Когда они были примерно в полумиле от ледяной стены, перед ними упал сверкающий метеор, который, отразившись от стеклянной поверхности внизу, значительно усилил магический эффект происходящего; в то время как громкие выстрелы, похожие на отдаленный гром или артиллерийскую канонаду, время от времени доносились из глубин замерзшего моря.

При ближайшем рассмотрении оказалось, что поверхность ледника поднималась под углом от 30° до 35°. У его подножия лежал высокий снежный вал, и путешественники вскарабкались по нему примерно на шестьдесят футов; но дальше их усилиям препятствовала чрезмерная гладкость льда. Горы, возвышавшиеся по обе стороны, как гигантские стражи, были перекрыты ледником и в некоторой степени затоплены им. С поверхности огромной ледяной реки сбегали бесчисленные маленькие ручейки по каналам, которые они постепенно прорыли, или журчали из-подо льда, образуя на равнине внизу нечто вроде болота, менее чем в двадцати ярдах от ледяной стены. Здесь, по странному контрасту, цвели грядки из зеленого мха; а на них пучки карликовых ив обвивали своими крошечными веточками и корешками более слабые цветоносы; и там, сбившись в кучку, прячась среди травы, прикрываясь листьями и питаясь ложем из лишайников, цвели крошечная драба с белыми цветами и белая рябина. На нескольких футах зелени вокруг можно было увидеть желтые цветы более выносливого мака, фиолетовую лапчатку и желтые, фиолетовые и белые камнеломки.

Великий ледник Сермяциалик является одним из рукавов, или выходов, этого огромного ледяного резервуара. Он занимает дно долины, ширина которой варьируется от трех с половиной до пяти миль, а глубина достигает в определенных местах более трехсот семидесяти футов. Эта долина выходит на фиорд Сермиациалик, который отделен от фиорда Юлианшааб горным хребтом, кульминацией которого является пик Редкамен.

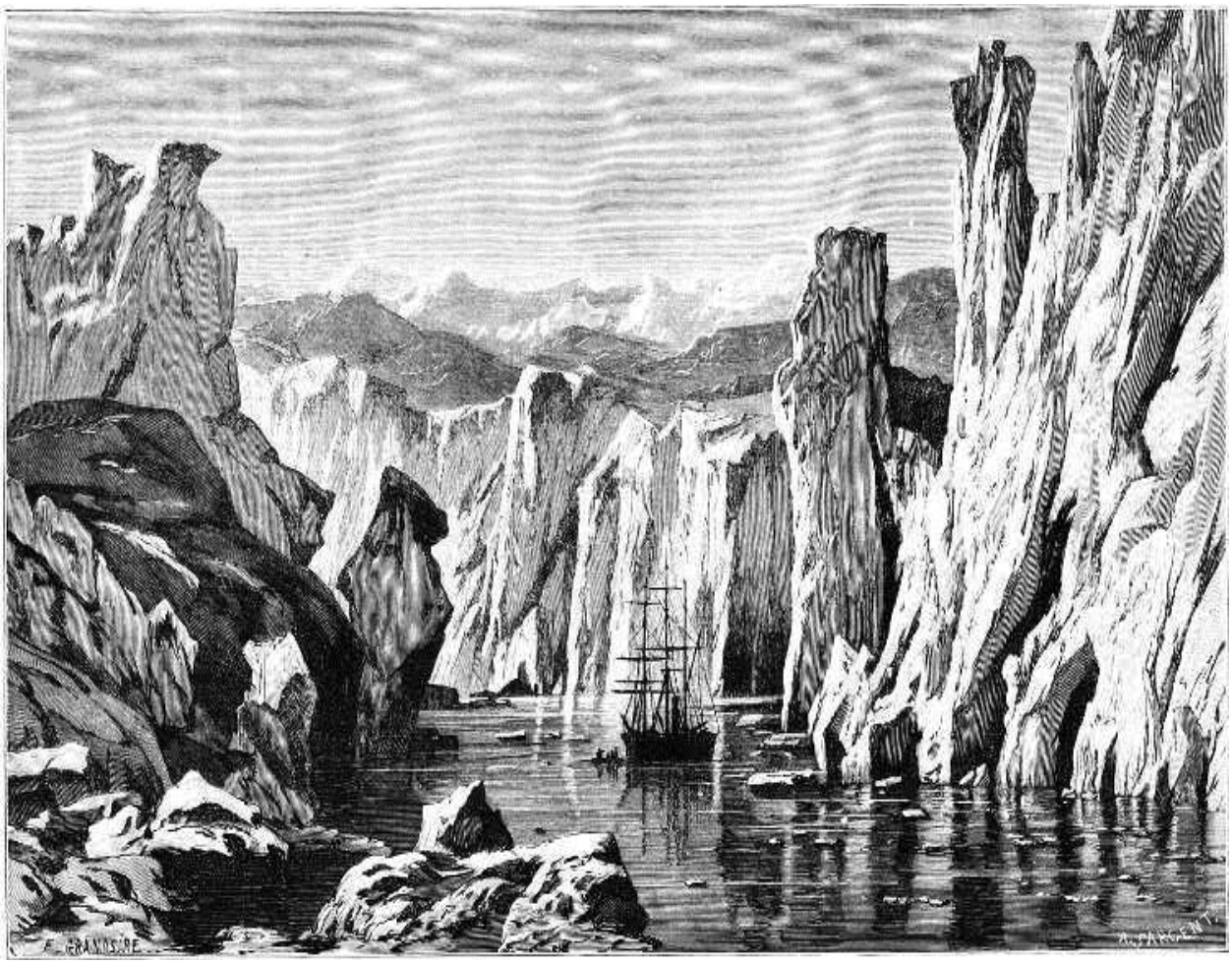
Мы обязаны доктору Хейсу живым описанием ледника Сермяциалик, глубина которого, по его мнению, в некоторых местах должна превышать семьсот пятьдесят футов и который выходит за пределы долины подобно разлившемуся потоку. На протяжении более четырех

лиг айсберги, окружающие фиорд, или залив, принадлежат самому леднику и, оканчиваясь клинообразными очертаниями, исчезают в обширном ледяном море, простирающемся направо и налево над самыми высокими вершинами и непреодолимо притягивающем взгляд к его покрытой рябью поверхности, по—видимому, безграничной, как поверхность океана. По мере того как путешественник плывет вверх по заливу, он постепенно теряет из виду замерзший склон, а затем и белую линию *мер-де-глас*: он оказывается перед огромным утесом высотой от ста до двухсот футов, прозрачным, как чистейший кристалл, и отражающим все оттенки неба.

Человек почти содрогается, приближаясь к этим обширным владениям Зимы. Собираясь в обильные потоки, лед и снег, растаявшие на поверхности ледника, переливаются через его край, образуя плавающие облака брызг, переливающиеся всеми цветами радуги. Шум этих каскадов наполняет воздух. Время от времени громкие сообщения о внутренних конвульсиях ледника повторяются каждым эхом.

Утес полностью отвесен; но его поверхность, далеко не гладкая, разбита на бесконечное разнообразие форм: на непостижимые, похожие на пещеры впадины, симметричные шпили, острия, пики и глубокие трещины, где глаз погружается в прозрачную синеву, которая ежесекундно меняет свои мимолетные, опаловые оттенки; оттенки настолько мягкие и в то же время настолько яркие, что они бросают вызов мастерству художника воспроизвести их. Передать блеск “темных глаз женщины” не так сложно. Глубокий темно-зеленый, менее нежный, но не менее великолепный, окрашивает все углубления, где лед нависает над водой. В солнечном свете видно, как поверхность этих огромных кристаллов сияет белизной чистейшего снега, за исключением тех мест, где недавно произошли трещины. Они наводят на мысль о блеске и отражениях кусочка атласа; волнообразный блеск и переливающийся блеск создаются различными углами, под которыми отражается свет.

Но давайте предположим, что мы высадились, с большим трудом взобрались на утесы и вскарабкались по леднику на самую его вершину. Сцена, которая перед нами, как мы должны донести до сознания читателя?



ЛЕДНИК СЕРМИАЦИАЛИК, ГРЕНЛАНДИЯ.

Представьте, если сможете, пороги Верхней Ниагары, застывшие даже на самой низкой глубине; представьте водопады, широкую реку и великое озеро Эри, вмерзшие в сплошной лед; с айсбергами над водопадом, возвышающимися так же высоко, как нижние берега: предположите, что вы, зритель, встали на порогах, а Эри так близко, что вы можете видеть его кристаллизованную поверхность, и у вас будет картина в уменьшенном масштабе ледяного моря, расстилающегося сейчас далеко перед нами. Пороги будут представлять ледник; Большой водопад - утес, который он обрушивает в море (только знаменитая “подкова” здесь обращена наружу); река, которая расширяется в Онтарио, будет фиордом; а Онтарио - темным, мрачным океаном, в который медленно погружаются гигантские айсберги, отделившиеся от могучего ледяного каскада!

Мы должны указать, однако, на одно примечательное отличие, к которому читателя подготовят наши предыдущие наблюдения за природой ледников. От одного берега до другого поверхность реки всегда *горизонтальна*, но поверхность ледника слегка *выпуклая*.

По узкой долине, или оврагу, образованному этим изгибом ледника, своего рода боковому желобу или промоине, ограниченной откосом почвы, мы достигаем моря. Спуск не лишен опасностей, так как в каждом месте открываются расщелины, разделенные скользкими выступами. Эти глубокие борозды в некоторых местах находятся всего в

нескольких ярдах друг от друга; и они постоянно пересекаются и переходят одна в другую, образуя совершенный лабиринт, в извилинах которого искатель приключений может почувствовать себя сбитым с толку.

После пересечения границы ледника путь становится менее трудным; на протяжении полутора миль уровень почти идеален, и лед лишь немного растрескался. Замерзшая пустыня, однако, производит на нас почти торжественное впечатление, и есть что-то ужасное в запустении такой снежной Сахары!

Более того, на путешественника непрекращающийся рев огромной массы, которая, кажется, шевелится и трясется у нас под ногами, оказывает непреодолимое воздействие. Он бы не удивился, если бы перед ним внезапно разверзлась огромная пропасть! Однако эти резкие глубокие голоса ледника - не единственные звуки, которые мы слышим. Со всех сторон доносится журчание ручьев, которые прокладывают свои борозды по кристально чистой равнине. Некоторые из них постепенно сходятся и, соединяясь, образуют значительный поток, который с лязгом перескакивает с ледяной скалы на ледяной выступ, пока не теряется в расщелине или не низвергается с замерзшего утеса в воды фиорда. *Одиночество* сцены полное, но не *тишина*. Воздух так же полон “шумов”, как всегда был полон остров Просперо.

Таковы основные особенности ледника Сермяциалик.

Примерно в девяноста милях к северо-востоку от залива Ренсселер лежит большой ледник Гумбольдта, который, по-видимому, служит связующим звеном между Старым Светом и Новым.

Он расположен между 79-й и 80-й северными параллелями и между 64-м и 65-м западными меридианами, огибая берег залива Пибоди, который является жирным углублением восточного побережья моря Кейн.

Он был обнаружен в ходе экспедиции доктора Кейна и, вероятно, является одним из самых грандиозных зрелищ в арктическом мире. доктор Кейн признает, что сам не в состоянии отдать должное его великолепию. Он может говорить только о его “длинной, вечно сияющей линии утеса, уменьшенной в перспективе до остроконечного клина”; о его “поверхности из сверкающего льда, уходящей длинной дугой из низкой внутренней части, грани спереди ярко освещены солнцем”.

Эта линия утесов возвышается, подобно сплошной стеклянной стене, на триста футов над уровнем воды, с неизвестной, непостижимой глубиной под ней; и ее изогнутая поверхность, *шестьдесят миль в длину*, исчезает в неизвестном пространстве на расстоянии не более одного дня пути по железной дороге от Полюса. Внутренность, с которой он сообщается и из которой исходит, представляет собой неисследованную *морскую гладь*, ледяной океан, размеры которого кажутся безграничными.

Таков “могучий хрустальный мост”, соединяющий два континента - Америку и Гренландию. Мы говорим "континенты"; ибо Гренландия, как отмечает доктор Кейн, какой бы изолированной она ни оказалась в конечном итоге, в массе своей является строго континентальной. Его наименьшая возможная ось, измеренная от мыса Фарвелл до линии ледника Гумбольдта вблизи 80—й параллели, дает протяженность свыше тысячи двухсот миль - не существенно меньше, чем протяженность Австралии от ее северного мыса до южного.

Представьте себе центр такого континента, говорит доктор Кейн, почти на всем его протяжении занятый глубоким, непрерывным ледяным морем, которое постоянно увеличивается на водоразделе огромных заснеженных гор и всех атмосферных осадков на своей поверхности. Представьте себе это, движущееся вперед подобно великой ледниковой реке, ищущее выходы в каждом фьорде и долине, скатывающее ледяные водопады в Атлантическое и Гренландское моря; и, достигнув наконец северной границы земли, породившей его, изливающееся могучим замерзшим потоком в неизвестные арктические пространства.

“Именно так, - замечает доктор Кейн, “ и только так мы должны сформировать справедливую концепцию такого явления, как этот великий ледник. Я мысленно ожидал такого появления, если мне когда-нибудь посчастливится достичь северного побережья Гренландии. Но теперь, когда это было передо мной, я с трудом мог это осознать. В моей тихой домашней библиотеке я узнал о прекрасных аналогиях, которые Форбс и Штудер провели между ледником и рекой; но поначалу я не мог понять этой полной замены воды льдом.

“Постепенно до меня дошло убеждение, что я смотрю на аналог великой речной системы Арктической Азии и Америки. Однако здесь не было источников воды с юга. Каждая частица влаги происходила из-за Полярного круга и превратилась в лед. Здесь не было обширных намывов, никаких следов леса или животных, уносимых жидкими потоками. Это была пластичная, движущаяся, полутвердая масса, уничтожающая жизнь, поглощающая скалы и острова и с неудержимой быстротой прокладывающая себе путь сквозь кору бурлящего моря ”.

Когда позже доктор Кейн более внимательно изучил это великое чудо природы, он обнаружил, что раньше не осознавал всего величия этого зрелища. Он отметил, что направление ледника было на несколько градусов западнее северного; и он отмечает, как особенность его вида, что это указывало не на *покой*, а на активность, энергию, движение.

Его поверхность, казалось, повторяла поверхность страны-основы, по которой он протекал. Она была волнистой на горизонте и вокруг него, но по мере того, как спускалась к морю, представляла собой изломанную равнину с общим наклоном около девяти градусов, все еще уменьшающуюся к переднему плану. Трещины, которые на расстоянии казались просто морщинами, расширялись по мере приближения и пересекались почти под прямым углом длинными непрерывными линиями разломов, параллельными поверхности ледника.

Эти линии тоже, едва различимые на большом расстоянии, расширялись по мере приближения к морю, пока не образовали гигантскую лестницу. Казалось, что лед потерял свою опору внизу и что масса опускалась сверху в несколько этапов; и такое действие является необходимым результатом тепла, выделяемого почвой, чрезмерного поверхностного стока и постоянного истирания моря.

В то время, когда доктор Кейн посетил великий ледник, признаки существования мощной движущей силы, казалось, только начинались. Отколовшиеся линии льда, очевидно, находились в движении, на них давили те, что были сзади, но они продолжали расширять свои трещины, как будто побудительное действие становилось все более и более энергичным ближе к воде, пока, наконец, они не уплыли в виде айсбергов. Можно было

видеть длинные ряды этих обособленных масс, похожие на ряды величественной армады, медленно плывущей в далекое море, их разделение отмечено темными параллельными тенями; широкие и просторные проспекты вблизи, но сужающиеся в перспективе до простых борозд. Более впечатляющую иллюстрацию сил природы трудно было бы себе представить.

Взгляд доктора Кейна на образование айсбергов значительно отличается от того, которого придерживается большинство физиков.

Он не верит, что айсберг падает в море, оторвавшись своим весом от материнского ледника; он придерживается мнения, что он *поднимается из* моря. Этот процесс одновременно постепенный и сравнительно тихий. “Идея выброса айсбергов, столь распространенная среди авторов-систематиков, кажется мне противоречащей упорядоченным и прогрессивным действиям Природы. Возникшие в результате такого процесса тысячи айсбергов, которыми усеяны полярные моря, должны поддерживать воздух и воду в постоянном волнении, в одной устрашающей последовательности взрывов и распространяющихся волн. Но только меньшие массы, падающие в глубокие воды, могли бы оправдать общественное мнение. Огромные массы великого ледника перемещаются шаг за шагом и год за годом, пока, достигнув воды, способной их поддерживать, они не уносятся прочь, чтобы затеряться при температурах других регионов ”.

Ледник Гумбольдта не отличался по структуре от альпийских и норвежских ледниковых наростов, и на его поверхности были представлены почти все характерные черты последних. *Перелив*, или вязкое перекрытие поверхности, было очень сильно выражено. “Когда я приблизился к островным скалам, - говорит Кейн, - и посмотрел на верхнюю поверхность ледника, меня поразила простая аналогия с пирогом из жидкого теста, который сам собой растекается под половником хозяйки, причем верхняя поверхность меньше подвергается трению и, как следствие, катится вперед”.

Трещины несли на себе следы прямого разрушения, а также более постепенного воздействия поверхностного дренажа. Обширный водораздел между их сходящимися плоскостями придавал ледяной поверхности большую часть гидрографических особенностей речной системы. Образованные льдом реки, разделявшие их, иногда были окаймлены выступами обесцвеченного льда и обычно терялись в центральных областях ледника, прежде чем выйти на его передний план. Иногда поверхность ледника также была изрезана вертикальными линиями, которые, как и в альпийских примерах, очевидно, служили выходами поверхностного стока.

Высота этой ледяной стены в ближайшей точке составляла около трехсот футов, если измерять от кромки воды; и непрерывная прямая линия ее уменьшающейся перспективы показывала, что это можно рассматривать как ее постоянное измерение. На самом деле это было огромное ледяное плато, обрывающееся чистым обрывом к морю. Это, действительно, главная характеристика всех тех арктических ледников, которые вытекают из центральных водохранилищ или *мерс-де-глас* на фьорды или заливы, и разительно контрастируют с зависимым или висячим ледником ущелий, где каждая линия, борозда и пропасть, по-видимому, указывают на движение спуска и механические нарушения, которые этому препятствовали.

Доктор Кейн назвал этот чудовищный ледник в честь Александра фон Гумбольдта, чьим трудам во многом обязана физическая наука; а мыс, обрамляющий его на побережье

Гренландии, в честь выдающегося натуралиста, которого мир так недавно потерял, профессора Агассиса.

Точка, в которой ледник Гумбольдта входит в "Землю Вашингтона”, даже на расстоянии дает очень четкие указания на его пластичный или полутвердый характер. Наблюдатель считает невозможным устоять перед впечатлением текучести, создаваемым его своеобразными отметинами. Доктор Кейн очень уместно назвал его мысом Форбс в честь прославленного сына Шотландии, который внес столь значительный вклад в наше истинное знание структуры и способа продвижения ледников.

По мере того, как поверхность ледника, добавляет его первооткрыватель, отступала к югу, его поверхность казалась изрытой кучами земли и испачканного камнями мусора, пока далеко в глубине он не скрылся из виду за склона холма. Но даже за пределами этой точки о его продолжающемся распространении свидетельствовало белое сияние или мерцание льда в небе над головой.

Его очертания на севере было не так легко проследить из-за огромных сбросов у его основания. Осыпь его спуска с внутренней стороны, обращенная далеко на восток, колебалась от 7 ° до 15 °; однако трещины прерывались настолько, что создавали эффект наклонной плоскости только на расстоянии. Несколько черных выступов возвышались над сверкающей поверхностью снега, словно острова в пенистом море.

По общим неровностям его поверхности было видно, насколько хорошо огромная масса приспособилась к неровностям лежащей под ней страны-основы. Были заметны те же изменения холмов и долин, что и на суше. Такой величественный и разнообразный в своем внушительном облике, он простирается на север, пока не упирается в новую Землю Вашингтон, скрепляя воедино кажущейся неразрывной связью Гренландию норвежских викингов и Америку англосаксонских колонистов.

ГЛАВА V.

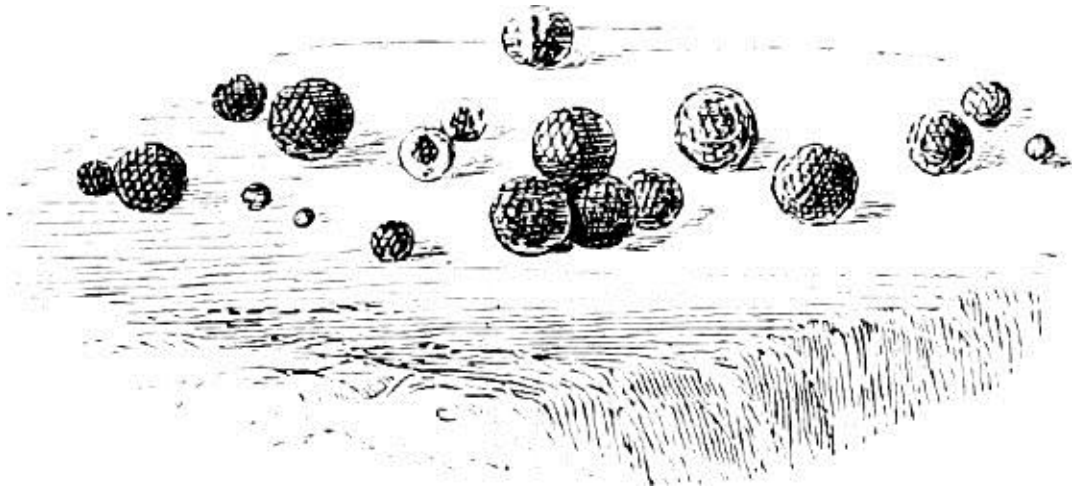
АРКТИЧЕСКИЕ ЗЕМЛИ—ФАУНА—ФЛОРА—ГРЕНЛАНДИЯ—ИСЛАНДИЯ—НОВАЯ ЗЕМЛЯ—СИБИРЬ.

Мы уже указывали, что в самых северных районах арктических земель год делится на одну продолжительную и пронзительно холодную ночь продолжительностью в несколько месяцев и один великолепный летний день, длящийся девять или десять недель, в результате чего скудная растительность внезапно достигает зрелости. Мы указывали, что даже в пределах вечного снега жизнь Природы не уничтожена полностью; и в подтверждение этого утверждения мы можем сослаться на “красный снег”, который так часто фигурирует на страницах наших арктических путешествий, хотя его истинный характер поначалу не был понят.

Этот так называемый “красный снег” был найден сэром Джоном Россом в его первой арктической экспедиции в 1808 году на гряде утесов, возвышающихся примерно на 800 футов над уровнем моря и простирающихся на восемь миль в длину (75 °Северной широты). Он также был обнаружен сэром У. Э. Парри в его сухопутной экспедиции в 1827 году. Снег был покрыт слоем толщиной в несколько дюймов. Более того, если поверхность снежной равнины, ранее имевшая свою обычную безупречную чистоту, разрушалась под давлением саней и шагов группы, мгновенно появлялись пятна, похожие на кровь; иногда отпечатки были оранжевого оттенка, а иногда больше напоминали бледно-лососевый оттенок.

Было установлено, что это необычное изменение окраски происходит из-за огромного скопления мельчайших растений вида, называемого *Protococcus nivalis*; родовое название указывает на крайнюю примитивность его организации, а специфическое - на своеобразный характер его среды обитания. Если мы поместим небольшое количество красного снега на лист белой бумаги и дадим ему растаять и испариться, останется достаточное количество гранул, чтобы придать бумаге слабый малиновый оттенок. Изучите эти гранулы под микроскопом, и окажется, что это сферические фиолетовые клетки почти незаметного размера, не более трехтысячной- одной тысячной доли дюйма в диаметре. Присмотритесь повнимательнее, и вы увидите, что в каждой ячейке есть отверстие, окруженное вдавленными или зубчатыми линиями, наименьший диаметр которых составляет всего пятитысячную долю дюйма. В идеальном состоянии растение, как отмечает доктор Макмиллан, имеет сходство с ягодой красной смородины; по мере того, как оно разлагается, красная окраска переходит в темно-оранжевый цвет, который в конечном итоге приобретает коричневатый оттенок. Толщина стенки ячейки оценивается в двадцатитысячную долю дюйма, и от трехсот до четырехсот таких ячеек могут быть сгруппированы вместе на меньшем пространстве, чем мог бы покрыть шиллинг. И все же каждая клетка - это отдельное растение; совершенно независимое от других, которыми оно может быть скомпоновано; полностью способное выполнять само по себе все функции роста и размножения; обладающее “удерживающей мембраной, которая поглощает жидкости и газы из окружающей матрицы или элементов, содержащейся в ней жидкостью особого характера, сформированной из этих материалов, и рядом чрезвычайно мелких гранул, эквивалентных спорам, или, как некоторые сказали бы, клеточным зародышам, которые должны стать зародышами новых растений”. Доктор Макмиллан добавляет: “Таким образом, одна и та же примитивная клетка должна в равной степени обеспечивать поглощение, питание и регенерацию”. , и воспроизведение является экстраординарной

иллюстрацией того факта, что самый маленький и простейший организованный объект сам по себе и для той роли, которую он был создан выполнять в процессах природы, так же превосходно приспособлен, как и самый большой и сложный ".



ПРОТОКОКК НИВАЛИС.

Первыми растительными формами, появляющимися на границах снеговой линии, будь то в высоких широтах или на вершинах гор, являются лишайники, которые растут на скалах, или на камнях, или на деревьях, или везде, где они могут получать достаточное количество влаги для поддержания существования. Известно свыше двух тысяч четырехсот видов. Одни и те же виды преобладают во всех арктических регионах, а виды, общие как для Восточного, так и для Западного полушарий, очень многочисленны. Они придают красоту красок многим арктическим пейзажам, которые в противном случае были бы невыразимо унылыми; самые суровые скалы приобретают определенную живописность благодаря их роскошному оформлению. Их формы удивительно разнообразны, так что для изучающего Природу они представляют собой почти неисчерпаемое поле для исследований. В своих самых рудиментарных аспектах они, кажется, состоят не более чем из набора порошкообразных гранул, настолько мельчайших, что очертания каждой едва различимы, и таких сухих и настолько неорганизованных, что мы не можем не удивляться, как они живут и поддерживают жизнь. Теперь они видны как чернильные пятна на стволах упавших деревьев; теперь они обильно рассыпаны белой пылью по камням и увядшим пучкам мха; другие появляются серыми пленчатыми пятнами; третьи снова похожи на узелки или розетки различных оттенков; а некоторые мясистые и студенистые, как воздушные морские водоросли, которые отступающий прилив оставляет обнаженными на внутренних скалах. Более сложная структура, однако, видна у лишайников высшего порядка, и мы находим их либо с хохолками и кустарниками, похожими на миниатюрные деревья; либо в виде гроздьевидных чашечек, которые, подобно гебе, преподносят солнцу свои “росистые подношения”.

В Полярном мире и его регионах вечной зимы, где снег, лед и темные унылые воды, огромный ледник и колоссальный айсберг объединяются, образуя ужасную и впечатляющую картину, путешественник благодарен за обилие этих скромных и примитивных форм, которые сообщают свежесть и разнообразие жизни болезненному и смертоносному однообразию скованной морозом природы. Это правда, что здесь,

“Вверху, вокруг, внизу,

На горе или в долине,

Ни дерево, ни куст, ни растение, ни цветок”,

можно встретить в землях за линией вечных снегов; это правда, что

“Все это камни, брошенные наугад,

Черные волны, голые утесы и каменные берега;

Как будто им здесь отказано

Летнее солнце, весенняя сладкая роса,

Которые облекают во множество разнообразных оттенков

Самый унылый горный склон”;

но в растительности нет абсолютного недостатка, и лишайники настолько сильно развиты и так широко распространены, что придают пейзажу довольно своеобразный характер.

Лишайник, который встречается почти во всех высокогорных и широтных зонах, от диких берегов острова Мелвилл в Арктике до берегов острова Десепшн за Полярным кругом, который цветет на гребнях Гималаев, на высоком пике Чимборасо и был найден Агассисом недалеко от вершины Монблана, — это *Lecidea geographica*, красивый ярко—зеленый лишайник, скопления которого принимают почти калейдоскопический вид.

Лишайником, имеющим большое значение в арктическом мире, является хорошо известная *кладония рангиферина*, или олений мох, который является основным продуктом питания этого животного в течение долгой арктической зимы. В бескрайних тундрах или степях Лапландии он цветет в величайшем изобилии, полностью покрывая землю своими снежными пучками, которые похожи на серебристые побеги какого-то волшебного растения. Согласно Линнею, он цветет пышнее, чем любое другое растение в сосновых лесах Лапландии, поверхность почвы покрыта им на многие мили; и если леса случайно выжигаются дотла, он быстро появляется снова и растет со всей своей первоначальной энергией. Эти равнины, которые кажутся путешественнику пораженными проклятием запустения, лапландец считает плодородными пастбищами; и здесь свободно бродят огромные стада северных оленей, процветая там, где лошадь, слон и даже верблюд погибли бы. Это полезное животное почти полностью зависит от лишайника в плане поддержки. Какой глубокий интерес, таким образом, к нему проявляют! То, что огромное количество семей, живущих в пасторальной простоте в безрадостных и негостеприимных полярных регионах, должны зависеть в своем пропитании от некультурных и обильных запасов растений, находящихся на столь низком уровне организации, как это, является, по словам доктора Макмиллана, поразительным доказательством огромной важности даже самых маленьких и незначительных объектов в природе.

Когда земля покрывается коркой твердого и замерзшего снега, который мешает ему добывать обычную пищу, северный олень обращается к другому лишайнику, называемому каменным волосом (*Alectoria jubata*), который растет длинными бородатыми пучками почти на каждом дереве. В особо суровые зимы лапландцы вырубают целые леса из самых больших деревьев, чтобы их стада могли свободно пастись на пучках, покрывающих верхние

ветви. Поэтому справедливо было сказано, что “обширные унылые сосновые леса Лапландии обладают характером, присущим только им самим, и, возможно, в глазах путешественника они более необычны, чем любая другая особенность ландшафтов этого отдаленного и пустынного региона. Этим характером они обязаны огромному количеству лишайников, которыми они изобилуют. Земля вместо травы покрыта густыми пучками оленьего мха, белого, как дождь из только что выпавшего снега; в то время как стволы и ветви деревьев раздулись далеко за пределы своих естественных размеров огромными, темными, траурными ветвями скального волоса, которые свисают массой, источая влажный земляной запах, как из старого погреба, или тянутся от дерева к дереву длинными гирляндами, колышась при каждом дуновении ветра и создавая вечный меланхоличный звук ”.

В регионах, расположенных дальше всего к северу, встречаются различные виды лишайников, принадлежащих к родам *Gyrophora* и *Umbilicuria*, и известные в отчетах об арктических путешествиях как скальный рубец, или *рубец де рош*; название дано им из-за их покрытого волдырями слоевища, которое имеет слабое сходство с так называемым животным веществом. Они представляют собой грубую пищу и оказали величайшую услугу экспедициям под командованием сэра Джона Франклина; хотя их питательные свойства невелики и, какими бы они ни были, к сожалению, ослаблены присутствием горького вещества, которое способно вызывать диарею. В ужасном сухопутном путешествии Франклина и Ричардсона от реки Коппермайн до форта Энтерпрайз одно время это была почти единственная поддержка маленького героического отряда. Доктор Ричардсон говорит, что они собрали четыре вида *Gyrophora*,[9] и использовали их все в качестве продуктов питания; “но, не имея средств извлечь из них горькое начало, они вызвали тошноту у всех, а у некоторых из участников группы - вред, вызвав серьезные жалобы на кишечник”. Франклин как-то заметил: “Это был шестой день с тех пор, как мы наслаждались хорошей едой; *рубец де рош*, даже когда мы съели достаточно, помог утолить муки голода лишь на короткое время”. И снова мы читаем: “Из-за нехватки *рубца де рош* мы отправились спать без ужина”.

Доктор Хейс во время своего “Путешествия на арктической лодке” был вынужден прибегнуть к такому же неудовлетворительному питанию. Скальный лишайник, или каменный мох, как он его называет, он описывает как около дюйма в диаметре при максимальном росте и толщиной с пластинку. Снаружи он черный, но при ломке внутри кажется белым. При варке получается клейкая жидкость, которая слегка питательна.

“Хотя в некоторых местах он растет очень обильно, ” пишет доктор Хейс, “ все же в одной местности его, как и дичи, было мало. На большинстве камней ничего не было, и было очень мало таких, из которых мы могли бы собрать хотя бы кварту. Трудность его сбора значительно усугублялась его хрусткостью и прочностью крепления.

“Для этого растения, каким бы бедным оно ни было, мы были вынуждены копать. Камни в каждом случае приходилось очищать от снега, и часто наши усилия оставались без награды. Когда мы попробовали эту пищу в первый раз, она, казалось, пришлась нам по вкусу — по крайней мере, она наполнила желудок и, таким образом, избавила нас от ужасного чувства голода, пока мы не заснули; но впоследствии было обнаружено, что она вызывает мучительный понос. Помимо этого неприятного эффекта, осколки гравия, которые были смешаны со мхом, пробовали нас на зуб. Мы срывали растения со скалы

нашими ножами или куском железного обруча, и нам не удалось избежать отлома некоторых частиц камня ”.

Эти лишайники черные, похожие на кожу, усеяны маленькими черными точками, похожими на “пуговицы из свернутой проволоки”, и прикреплены либо пуповинным корнем, либо короткими и цепкими волокнами к камням. Некоторые из них можно сравнить с куском шагреневой кожи, в то время как другие напоминают фрагмент обожженной кожи. Они встречаются в холодных унылых местностях, на альпийских высотах из гранита или слюдянистого сланца, почти во всех частях света — в горах Шотландии, в Андах, в Гималаях; но именно в Полярном мире они наиболее многочисленны, покрывая поверхность каждой скалы мрачной плутонийской растительностью, которая, кажется, была опалена огнем, пока вся ее красота и богатство не иссякли.

Некоторые лишайники в менее отдаленных широтах — как, например, в Швеции — намного превосходят по полезности любые из тех, что мы до сих пор описывали. Шведский крестьянин находит в них свою аптеку, свои красильные материалы, свою еду. Фредерика Бремер говорит, что с помощью различных лишайников, растущих на деревьях и скалах, он лечит опасные болезни, которые иногда поражают его, окрашивает предметы одежды, которые он носит, и отравляет вредных животных, которые ему досаждают. Можжевельник и клюква дают ему свои ягоды, которые он превращает в напиток; он варит из них консервы и смешивает их соки со своим сухим соленым мясом, и становится здоровым и веселым благодаря им и своему труду, который доставляет ему удовольствие.

Единственный лишайник, сохранивший свое место в современной аптеке, - это хорошо известный “исландский мох”. Он по-прежнему используется как тонизирующее и жаропонижающее средство при лихорадке; но более широко его добавляют в супы и шоколад, в качестве диетического продукта для слабых и чахоточных. В Исландии *Cetraria Islandica* высоко ценится местными жителями. Что значат ячмень, рожь и овес для индо-кавказских народов Азии и Западной Европы; олива, инжир и виноград для жителей Средиземноморского бассейна; рис для индуса; чайное растение для уроженца Цветущей Страны; финиковая пальма для араба - все это исландский мох для исландца, лопаря и эскимоса.

Он встречается на некоторых из самых высоких вершин Шотландского нагорья; но в Исландии он распространяется по всей стране, цветет более обильно и достигает большего роста на вулканической почве западного побережья, чем где-либо еще. Его собирают три раза в год, поскольку для достижения зрелости ему требуется три года, после того как будут очищены места, где он растет. Нам говорят, что из муки, полученной из него, при смешивании с пшеничной мукой получается большее количество хлеба, хотя, возможно, и менее питательного качества, чем из одной только пшеничной муки. Большим возражением против него является его горечь, возникающая из-за особого вяжущего вещества - цетрарии. Однако лопари и исландцы устраняют эту неприятную остроту простым способом. Они измельчают лишайник на куски и несколько дней мацерируют его в воде, смешанной с винным камнем или негашеной известью, которые он очень легко впитывает; затем его сушат и измельчают в порошок; затем, смешав с мукой из сучковой травы, из него делают лепешку или отваривают и едят с оленьим молоком.

Мхи в изобилии растут в арктических регионах, увеличиваясь в количестве и красоте по мере приближения к полюсу и покрывая пустынные земли тонкой зеленой пеленой, которая освежает глаз и радует слух путешественника. Они широко распространены на холмах Лапландии и Гренландии, и ландшафт в наибольшей степени интересен благодаря очаровательным контрастам, которые они создают. Из всех родов, пожалуй, болотные мхи, *Sphagna*, самые пышные; но в то же время они наименее привлекательны, а равнины, которые они покрывают, еще более унылые, чем голые скалы. На острове Мелвилл эти мхи составляют более четвертой части всей флоры. Гораздо приятнее на вид обыкновенный волосяной мох (*Polytrichum commune*), который растет на равнинах Лапландии и используется лопарями, когда они отправляются в длительные путешествия, в качестве временного ложа. Мы можем упомянуть также вилочный мох (*Dieranum*), который эскимосы скручивают в фитили для своих грубых ламп.

У нас нет места подробно останавливаться на травах и грибах, хотя их множество, и некоторые из них интересны. *Улитка*, или цинготная трава, часто оказывалась очень полезной исследователям Арктики; и доктор Кейн не раз пользовался ее лечебными свойствами. Грибы простираются почти до самых границ арктической растительности. Гренландцы и лопари используют их в качестве трутовика или кровоостанавливающих средств для остановки кровотока и уменьшения боли. В Сибири их предостаточно. Часто в высоких широтах они принимают форму “снежной плесени” и встречаются растущими на голом и негенизированном снегу. Эти виды оживают только тогда, когда солнце становится достаточно сильным, чтобы растопить поверхностный снежный наст, не вызывая общей оттепели, и тогда они распространяются повсюду блестящими шерстяными пятнами, усеянными красными или зелеными крапинками. Когда снег тает, они покрывают траву под ними, как паутинная пленка, и через день или два исчезают.

В Сибири растет мухомор (*Agaricus muscarius*), из которого жители получают опьяняющий напиток особо опасного характера. У него высокий белый стебель, увенчанный куполом насыщенного оранжево-алого цвета, усыпанный белыми чешуйчатыми бугорками, и в некоторых частях Камчатки и северных районах Сибири его так много, что земля искрится и сияет, как будто покрыта алым ковром. Местные жители собирают его в жаркие летние месяцы и сушат. Пропитанный соком черники, он образует крепкое опьяняющее вино; или скатанный в виде комочка и проглоченный не разжевывая, он производит почти такой же эффект, как опиум. На некоторых, однако, он действует как возбуждающее средство и вызывает активное мышечное напряжение. Разговорчивый человек под его влиянием не может хранить молчание или секреты; тот, кто любит музыку, непрестанно поет; и если человек, принявший ее, хочет переступить через соломинку или маленькую палку, он делает шаг или подпрыгивает, достаточный, чтобы перемахнуть через ствол дерева!

Коряки и камчатчане олицетворяют этот гриб под именем *Мочо Моро* как один из своих *пенатов*, или домашних богов; и если его воздействие побуждает их совершить какое-либо ужасное преступление, они притворяются, что действуют только в соответствии с приказами, которые не подлежат оспариванию. Чтобы оправдать себя за убийство или самоубийство, они пьют дополнительные дозы “этого опьяняющего продукта разложения”.

Во время путешествия капитана Пенни на поиски сэра Джона Франклина он подобрал два куска плавучего дерева, далеко выходящие за обычные рамки эскимосских занятий, которые своим необычным видом возбудили живейшее любопытство. Один был найден в заливе Роберт, недалеко от острова Гамильтон, широты. 76° 2’ северной широты и длинный. 76° западной долготы, то есть по маршруту, по которому, как предполагается, следовали корабли Франклина, и был явно фрагментом кованой доски из вяза, которая когда-то была

частью корабельной обшивки. На нем было три вида поверхности: одна была выстругана и скошена, другая грубо распилена, а третья расколота топором. Второй кусок плавника был подобран на северной стороне острова Корнуоллис, в широте. 75° 36’ северной широты и в длину. 96° западной долготы. Это была ветка белой ели, в некоторых местах сильно побелевшая, а в других обуглившаяся и почерневшая, как будто ее использовали в качестве топлива.

На обоих фрагментах были обнаружены следы микроскопической растительности; и поскольку считалось, что при тщательном изучении они могут дать некоторый ключ к разгадке судьбы экспедиции Франклина, их представили мистеру Беркли, хорошо известному натуралисту. В отчете, который он направил в Адмиралтейство, он заявил, что растительность в обоих случаях напоминала темно-оливковые пятна, которыми быстро покрываются деревянные строения в этой стране, подвергающиеся атмосферным воздействиям. Обесцвеченные клетки и волокна фрагмента вяза были заполнены тонкими грибовидными формами, *мицелиями*; в то время как на разных его поверхностях появилось несколько темных пятнышек, принадлежащих к роду *Phoma*. Поскольку было маловероятно, что столь миниатюрные растения смогли бы сохранить во время ужасной суровой арктической зимы свои нежные обнаженные споры в том идеальном состоянии, в котором они были обнаружены, м-р Беркли пришел к выводу, что они, должно быть, развивались в течение того же лета; в то время как трех-четырех лет в этих высоких широтах и среди суровости штормовых, покрытых льдом морей было бы достаточно, чтобы древесина приобрела побеленный вид. Отсюда он сделал вывод, что доска была открыта совсем недавно.

На другом фрагменте плавника он обнаружил несколько глубоко укоренившихся мелких черных грибовидных форм, называемых *Sporidesmium lepraria*. В отличие от *phomas*, которые очень эфемерны, эти растения обладают долговечностью лишайников, и одни и те же пятна сохраняются годами без изменений на одних и тех же кусках дерева, в то время как их следы заметны еще более длительный период. Исходя из их состояния, м-р Беркли заключил, что грибы на приплывшей древесине появились не недавно, а, напротив, были остатками тех видов, которые существовали на приплывшей древесине, когда ее использовали в качестве топлива несчастные экипажи кораблей Франклина, *Эребуса* и *Террора*.

Не может быть никаких сомнений, как замечает доктор Макмиллан, учитывая обстоятельства, при которых они были обнаружены, и примечательный внешний вид, который они представляли, — не может быть никаких разумных сомнений в том, что оба обломка плавучего дерева принадлежали погибшим кораблям или были связаны с ними; и любопытная информация о курсе, которым они следовали в определенное время, предоставленная такими необычными и неправдоподобными свидетелями, как несколько крошечных темных пятнышек криптогамной растительности на плавучем плавучем дереве, была чудесным образом подтверждена обнаружением первого достоверного отчета, когда-либо полученного о печальной и трогательной истории Франклина экспедиция.

Читатель не ожидает, что тундры Северной Азии или берега Полярного моря будут богаты бутонами и цветением, но даже эти унылые пустоши не лишены цветочного оформления. Селинум и цератиум, а также мак и щавель, андромеда и несколько видов вереска упоминаются доктором Кейном как цветущие по соседству с проливом Смита. На

южном побережье Полярного моря доктор Ричардсон обнаружил значительное разнообразие растительности. Мы заметили, говорит он, около ста семидесяти феногамных, или цветковых растений, что составляет одну пятую от числа видов, существующих на пятнадцати градусах южной широты дальше к югу. Он добавляет: —Травы, изгибы и камыш составляют лишь пятую часть от числа видов на побережье, но два первых вида на самом деле покрывают больше территории, чем вся остальная растительность. *Крестоцветные*, или крестообразная триба, составляют одну седьмую часть вида, и составных цветков почти столько же. *Кустарниковые растения*, достигающие морского побережья, - это можжевельник обыкновенный, два вида ив, карликовая береза, ольха обыкновенная, гиппофея, крыжовник, красная медвежья ягода (*arbutus uva ursi*), лабрадорский чай, лапландская роза, болотная брусника и воронник. Оксирия почколистная растет там в большом изобилии и иногда служит приятным дополнением к нашим блюдам, поскольку по вкусу напоминает садовый щавель, но более сочный и нежный. Туземцы употребляют его в пищу, и он, как и многие растения, похожие на кресс-салат, является отличным средством для устранения грубого, маслянистого, прогорклого и часто гнилостного мяса, которым они питаются. Маленькие шарики альпийского бисторта и длинные, сочные и сладкие корни многих астрагалов, растущих на песчаных берегах, съедобны; но, по-видимому, эскимосы не знакомы с их употреблением. Несколько зарослей белой ели-пихты с редкими черными елями и березами-каноэ растут на расстоянии двадцати или тридцати миль от моря, в защищенных местах на берегах рек.

Было отмечено, что основной характеристикой растительности арктических регионов является преобладание многолетних и скрытогаменных растений; но дальше на юг, где ночь начинает чередоваться с днем, или в том, что можно назвать субарктической зоной, появляется различие видов, которое значительно усиливает красоту ландшафта. Богатая и ярко окрашенная флора украшает эти широты в Европе, а также в Азии во время их короткого, но жаркого лета, с его интенсивным сиянием и интенсивным теплом, состоящая из потенцилл, горечавок, звездчатых сорняков, раскидистых камнеломки и седумов, спира, драбаса, артемизии и тому подобного. Сила солнца так велика, а вытекающая из этого скорость роста столь необычайна, что эти растения всходят, цветут, прорастают и погибают в течение шести недель. В более низких широтах встречается много древесных растений, таких как ягодные кустарники, сизая кальмия, висячая азалия, полноцветный рододендрон. Сибирская флора отличается от европейской в тех же широтах наличием североамериканских родов флоксов, мителлы и клейтонии, а также пышностью астр, спиреи, вики и солончаковых растений - крыжовника и солянки.

На Новой Земле и в других северных регионах растительность настолько низкорослая, что едва покрывает землю, но там на ограниченном пространстве собрано гораздо большее разнообразие мельчайших растений поразительной красоты, чем в Альпийском климате Европы, где встречаются те же роды. Это происходит из-за скудости растительности, ибо в швейцарских Альпах одно и то же растение часто захватывает большую территорию и вытесняет все остальные, такие как темно-синяя горечавка, фиолетовые анютины глазки и желтые и розовые косточковые культуры. Но на крайнем севере, где жизнеспособность

слаба и семена не созревают, было замечено, что тридцать различных видов “сбились в блестящую массу”, и ни один из них не обладает достаточной силой, чтобы одолеть своих собратьев. Можно сказать, что в этом морозном климате растения живут между воздухом и землей, поскольку они едва поднимают свои головки над почвой, а их корни, неспособные проникнуть в нее, стелются по поверхности. Все древесные растения, такие как betula nava, ива сетчатая, andromeda tetragona и несколько кустарников, содержащих ягоды, стелются по земле и никогда не возвышаются над ней более чем на дюйм или два. *Саликс ланата*, гигант арктических лесов, достигает около пяти дюймов в высоту; в то время как его стебель длиной десять или двенадцать футов скрыт среди мха и обязан своим скромным соседом убежищу, почти жизни.

От Новой Земли мы переходим к Шпицбергену, флора которого насчитывает около девяноста трех видов цветковых или феногамных растений, которые, подобно уже упомянутым, обычно растут пучками или грядками, как бы ради взаимной защиты. Нежные мхи, покрывающие влажные низменности, и выносливые лишайники, покрывающие скалы вплоть до самых отдаленных пределов растительности, очень многочисленны. Некоторые растения Шпицбергена произрастают в Альпах, на высотах от 9000 до 10 000 футов над уровнем моря; такие как *Arenaria biflora*, *Cerastium alpinum* и *Ranunculus glacialis*. Единственным травянистым растением является *Cochlearia fenestrata*, которая здесь теряет свои горькие свойства, на которые так жалуются наши исследователи Арктики, и ее можно употреблять в качестве салата. Исландский мох и некоторые травы служат пищей северным оленям.

Дается совсем другое описание Камчатки, к которому мы еще раз подходим в ходе нашего быстрого обзора. Климат здесь гораздо более умеренный и однородный, чем в Сибири, а поскольку воздух влажный, травянистая растительность необычайно пышная. Не только по берегам рек и озер, но и на аллеях и в лесных перелесках трава достигает в высоту полных двенадцати футов, в то время как размеры некоторых сложноцветных и зонтичных поистине колоссальны. Например, *Heraclium dulce* и *Senecio cannabifolius* часто вырастают настолько высокими, что превышают всадника верхом. Пастбища настолько богаты, что трава обычно дает три урожая каждое лето. Разновидность лилии, темно-фиолетовая *Fritallaria sarrana*, очень распространена, и жители используют ее клубни вместо хлеба и муки. Если плоды хлебного дерева выделяются среди всех других, поскольку дают человеку идеальную замену хлебу, то корни сарраны, которые очень похожи по вкусу, стоят, возможно, сразу после них. Сбор этих клубней на лугах - важное летнее занятие женщин, довольно хлопотное, поскольку растение никогда не растет скопом, так что каждый корень приходится выкапывать ножом отдельно. К счастью, работа по сбору клубней значительно облегчается активностью сибирской полевой полевки, которая выкапывает просторную нору и запасает ее на зиму вместе с большим запасом корнеплодов, в основном сарраны.

Подводя итог:—

То, что можно назвать арктическим климатом, распространяется почти на всю Датскую Америку, недавно приобретенные владения Соединенных Штатов, первоначальную территорию Гудзонова залива и Лабрадор, вплоть до того незначительного водораздела, который отделяет от притоков Гудзонова залива три больших бассейна Святого Лаврентия, пять великих озер и Миссисипи. Эта линия водораздела проходит волнисто между 52-й и 49-й параллелями широты, от пролива Бель-Айл до истоков Саскачевана в Скалистых горах, где она впадает в Тихий океан, огибая с севера бассейн Колумбии.

Таким образом, ограниченные с юга арктические земли Америки, включая группы островов, лежащих к северу и северо-востоку, не могут занимать менее 560 000 квадратных лье. Следовательно, они превышают поверхностную площадь европейских земель, оцениваемую примерно в 490 000 квадратных лье.

Мы предлагаем разделить эти земли на две зоны или регионы, лесистую и пустынную зоны: первая в Америке включает бассейны рек Верхняя Маккензи, Черчилль, Нельсон и Северн.

В лесистой зоне столбик термометра не поднимается выше нуля до мая месяца. Затем, под влиянием более благоприятной температуры, дыхание жизни переходит в дремлющую, инертную растительность. Тогда красноватые побеги ив, тополей и берез распускают свои длинные хлопковые сережки; приятная зелень разливается по перелескам и чащобам; одуванчик, лопух и камнеломка поднимают свои головки в укрытии скал; шиповник наполняет воздух благоуханием, а крыжовник и земляника появляются благодаря доброй природе; в то время как долины цветут, а склоны холмов радуют красотой туи, лиственницы и сосны.

Граница между лесистой зоной и бесплодной будет показана линией, проведенной от устья реки Черчилль в Гудзоновом заливе до горы Святого Ильи на тихоокеанском побережье, пересекающей южные берега Медвежьего и Невольничьего озер. На севере эта бесплодная зона соприкасается с вечными снегами и включает скованные льдом побережья архипелага Парри; на востоке и северо-востоке идентичность климата и однородный характер почвы охватывают большую часть Лабрадора и всю Гренландию.

В Азии изотермическая линия 0 ° спускается к 55-й параллели широты, на одну ниже, чем в Америке, хотя к северу от нее расположены некоторые важные города, такие как Тобольск, лат. 58° 11’; Иркутск, широта 58° 16’; и Якутск, широта 62°.

В Континентальной Европе единственными арктическими землями, которые называются так по-настоящему и отличаются арктической флорой, являются русская Лапландия и глубоко изрезанное побережье Северной России. Далеко на севере, отделенные от континента узким морским рукавом, лежат три почти смежных острова, известные как Новая Земля (широты от 68 ° 50’ до 76 ° Северной широты). А еще дальше на север, почти на равном расстоянии от Старого и Нового Света, лежит мрачный гористый архипелаг Шпицберген (широты от 77° до 81 ° и длиннее). от 10° до 24°).

Теперь нам остается только кратко описать общие черты арктической флоры, какими они представляются путешественнику, переходящему из лесистой зоны в пустыню, а оттуда к берегам Полярного моря.

На южной окраине лесного региона, как и в Швеции, России и Сибири, простираются огромные леса, в основном хвойных пород. По мере продвижения на север эти леса превращаются в разрозненные перелески, состоящие в основном из низкорослых тополей, карликовых берез и ив. Субальпийский мирт и небольшая ползучая жимолость с округлыми листьями встречаются в благоприятных условиях. Продолжая наше продвижение на север, мы полностью оставляем позади древесные виды; но скалы пестрят растениями, принадлежащими к семействам ranunculaceae, saxifragaceae, cruciferae и gramineae. Карликовые ели и карликовые ивы сменяют несколько разбросанных кустарников, таких как крыжовник, клубника, малина, псевдотелковица (*Rubus chamæmorus*), произрастающая в этом регионе, и лапландский олеандр (*Rhododendron laponicum*).

Продолжая продвигаться на север, мы находим на крайних границах материка несколько драбас (*Cruciferae*), потенцилл (*Rosaceae*), бурьян и тростник (*Cyperaceae*) и, наконец, большое количество мхов и лишайников. Самыми распространенными мхами являются *сплехнум*, напоминающий маленькие зонтики; а во влажных местах - *сфагнум*, или болотный мох, последовательные скопления которого с давних времен образовали с обломками *Cyperaceae*обширные участки торфа, которые в будущем, возможно, будут использованы в качестве топлива.

Теперь мы переходим к рассмотрению форм животной жизни, существующих в условиях климата и растительности, которые мы описывали.

На первое место мы должны поставить животное, которое в арктическом мире занимает почти такое же положение, как верблюд в тропическом, — северного оленя (*Cervus turandus*).

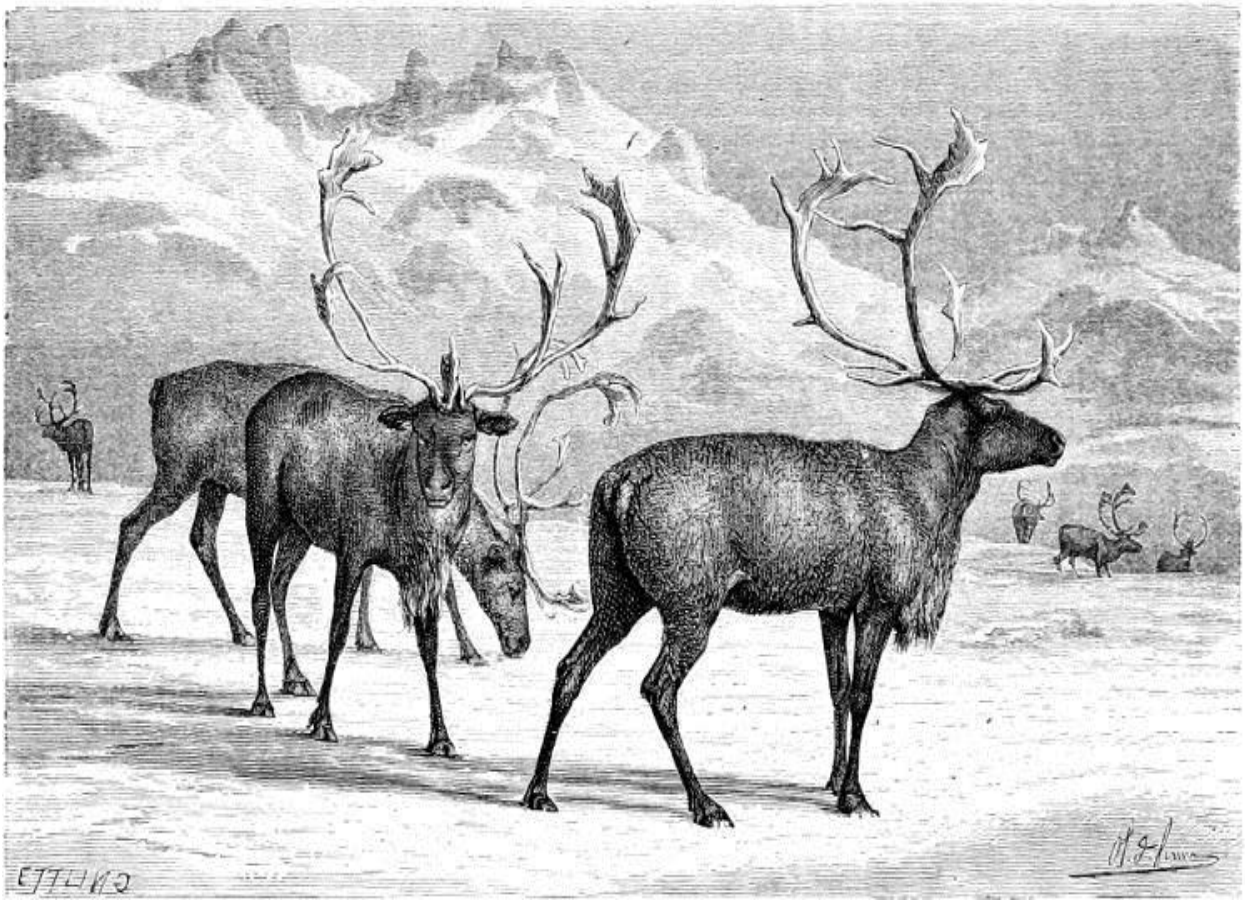
По размерам северный олень напоминает английского оленя, но его форма менее грациозна и более сжата. Его рост составляет около четырех футов шести дюймов. Его голову украшают длинные, тонкие ветвистые рога. Верхняя часть его тела коричневого цвета, нижняя - белая; но по мере взросления животного вся его шерсть становится серовато-белой, а в некоторых случаях и чисто белой. Нижняя часть шеи, или подвеса, свисает, как свисающая борода. Копыта большие, длинные и черные; такими же являются второстепенные копыта на задних лапах. Последние, когда животное бежит, при столкновении издают странный клацающий звук, который можно услышать на значительном расстоянии.

Северный олень в древности вторгся в Европу и Азию на сравнительно низких широтах; и Юлий Цезарь относит его к животным великого Герцинского леса. Даже в наше время большие стада бродят по лесистым высотам южного продолжения Уралийского хребта. Между Волгой и Доном они спускаются к 46-й параллели и простирают свои странствия до самого подножия Кавказа, на берегах Кумы. Тем не менее, настоящей средой обитания северного оленя является область льда и снега, ограниченная Полярным кругом, или, точнее, изотермической линией 0 ° C.

Как дикие, так и ручные виды меняют места своего кормления в зависимости от времени года. Зимой они спускаются на равнины и долины; летом они удаляются в горы, где дикие стада занимают наиболее возвышенные террасы, чтобы спастись от настойчивых нападений своих врагов-насекомых. Заслуживает внимания тот факт, что каждый вид животных заражен паразитическим насекомым. Гроза настолько пугает северных оленей, что простое появление одного из них в воздухе приведет в ярость стаю из тысячи животных. В период линьки эти насекомые откладывают яйца в кожу несчастного животного, и там

личинки поселяются и размножаются *до бесконечности*, непрерывно обновляя очаги нагноения.

Для аборигенов Северной Америки северный олень бесценен. Вряд ли найдется хоть одна часть животного, которую не использовали бы для какой-нибудь полезной цели. Одежда из его кожи, по словам сэра Дж. Ричардсона, настолько непроницаема для холода, что с добавлением покрывала из того же материала любой защищенный таким образом человек может безопасно расположиться бивуаком на снегу в самый сильный холод арктической ночи. У оленины, когда она хорошо прожарена, на бедрах имеется несколько дюймов жира, и говорят, что он равен жиру ланей в наших английских парках; язык и часть рубца считаются самыми вкусными лакомствами. Пеммикан готовится путем заливки одной трети жира поверх двух третей частей толченого мяса и тщательного перемешивания жира и мяса. Эскимосы и гренландцы считают желудок, или брюшко, с его содержимым особым деликатесом; а капитан сэр Джеймс Росс говорит, что это единственное растительное блюдо, которое когда-либо пробовали туземцы Бутии. Ибо северный олень - травоядное животное и питается мхами и травами.



ДИКИЙ СЕВЕРНЫЙ ОЛЕНЬ.

Северного оленя ни в коем случае нельзя назвать грациозным животным; суставы у него крупные и мощные пропорционально его размерам; раздвоенные копыта очень крупные, и поскольку животное вынуждено высоко поднимать ноги, когда идет по снегу, в его галопе нет той красивой упругой пружинистости, которая характеризует оленей наших островов, хотя его темп “красноречив” и вскоре уносит его впереди всех, кроме запыхавшегося длинноногого волка.

Олени сбрасывают рога, а самки сбрасывают детенышей в мае или июне, примерно во время первой оттепели. Самцов и самок тогда очень редко можно встретить вместе; самки

оленей собираются в небольшие стада со своими детенышами; маленькие существа, которые, кажется, сплошь глаза, уши и ножки, встревоживаются при любом непривычном звуке или малейшем проявлении опасности. Летняя растительность способствует откорму самцов и делает это изумительно, а оленята процветают и развиваются; все трое, говорит Осборн, проводят сравнительный отпуск и набирают форму, чтобы противостоять испытаниям наступающей зимы; в то время как волк и лиса, их заклятые враги, преследуют детенышей тюленей и медведей или занимаются своими собственными маленькими домашними обязанностями. Но когда наступают осенние морозы и земля затвердевает, а унылый северный пейзаж снова покрывается густым снегом, волки возобновляют свои нападения на несчастного оленя.

В поисках тепла или защиты и следуя естественным инстинктам стадных животных, они теперь начинают собираться в большие стада самцов, лань и оленят, насчитывающие до шестидесяти-семидесяти голов. Stags, похоже, следят за дисциплиной этих крупных компаний, а также несут ответственность за их безопасность.

Капитан Мэчем рассказывает, что в октябре 1852 года, пересекая ту часть острова Мелвилл, которая находится между заливом Лиддон и Уинтер-Харбор, он встретил до трехсот голов оленей; и он добавляет, что северные олени всегда были в поле зрения, и их количество варьировалось от десяти до шестидесяти. К одному из таких стад, состоявшему из двадцати самцов, он попытался подкрасться 7 октября, но не сумел выстрелить в них; ибо, хотя самки, с присущей их полу слабостью, проявляли чрезмерное любопытство и предприняли одну или две попытки покинуть стадо и осмотреть незнакомца, олени ни в коем случае не стали бы мириться с таким поведением, но ловко наказывали их своими рогами и поддерживали стадо вместе и в движении, быстро бегая круг за кругом, издавая при этом странный звук, который, казалось, встревожил стадо и заставил его убегать от предполагаемого хищника. опасность.

Шерсть северного оленя летом удивительно тонкая и превосходно адаптируется по цвету к почве, лишенной снега; но с приближением зимы она утолщается и постепенно вновь приобретает свою снежную белизну. Хотя, строго говоря, это и не *мех*, он образует замечательное непроводящее вещество.

Поскольку зима, “властительница перевернутого года”, распространяет свою власть на Полярный мир, а пищи становится все меньше и меньше, и ее приходится искать на больших территориях, стада разбиваются на группы по десять-двадцать животных; лишайники, олений мох, уже описанный ранее (*Cetraria Islandica*) и побеги стелющейся ивы составляют их основную пищу.

По этой части нашей темы адмирал Шерард Осборн делает два наводящих на размышления замечания.

У арктической растительности, по его наблюдениям, осенью нет времени на увядание или гниение — в период полного цветения и до того, как соки успевают вернуться в материнский корень или иным образом рассеяться, “волшебная рука короля морозов” поражает их; и таким образом мудрость Создателя обеспечила питание своих созданий свежей и создающей тепло пищей, скрытой под снежным покровом, который инстинкт этих арктических животных учит их убирать и доставать запасы, так благотворно сохраненные под ним.

Более того, большинство травоядных животных имеют замедленную систему пищеварения, даже в домашнем состоянии; как, например, наш крупный рогатый скот и овцы. Это, по-видимому, более заметно у овцебыка, северного оленя и полярного зайца и очень полезно в землях, где растительность скудна и широко распространена, а погода

иногда бывает настолько суровой, что вынуждает этих существ в течение двух-трех дней думать только о своей безопасности, ища укрытия от снежных бурь в глубоких ущельях или под высокими утесами. В их случае создается впечатление, что природа извлекла из их пищи большее количество питательных веществ, чем из пищи животных в более южных широтах; или, возможно, пища, просто оставаясь в желудке или кишечнике, служит для подавления острого аппетита, хотя больше никаких питательных веществ извлекать не следует.

У большинства овцебыков и оленей, подстреленных в экспедиции капитана Макклинтока, и особенно у овцебыков, внутренности были раздуты от пищи, по-видимому, полностью переваренной, в то время как окружающая местность во многих случаях была абсолютно бесплодной и безжизненной, что наводит на вывод, что эти существа долгое время собирали свои запасы, а также что они были долгое время проглочены, и требовала полной активности жизненных сил, чтобы пища не оказалась источником болезней. Это, действительно, было ясно доказано в случае с овцебыками, которых, если подстрелить и оставить на двенадцать часов без выпотрошения, повсюду распространялся сильный мускусный запах, делавший мясо несъедобным.

В качестве иллюстрации легкости, с которой северные олени могут зимовать в высоких широтах, можно также указать, что в Лапландии, где они используются в качестве тягловых животных, ежедневный запас в четыре фунта лишайника (*Cenomyceus rangiferina*) считается достаточным для рабочего животного; и на таком рационе северный олень будет в достаточно хорошем состоянии, чтобы иногда обходиться без пищи в течение двух-трех дней, и все же, по всей видимости, не испытывать огорчений.

Таким образом, что касается запасов пищи и обеспечения на случай суровой арктической зимы, северный олень, по-видимому, обеспечен соответствующим образом; и его величайшим испытанием является непрекращающаяся ненасытность волков, которые идут по его следу в течение всего зимнего сезона. По мере приближения этого сезона несчастное животное, очевидно, смиряется со злом, которого оно не может избежать; и спокойное самообладание, с которым небольшая стая этих существ будет пастись в *окружении* полудюжины волков, вызывает у наблюдателя не меньшее любопытство, чем философское отношение северного оленя!

“Стадо оленей, ” говорит очевидец, “ окруженное таким образом волками, которые были слишком трусливы, чтобы броситься на свою добычу, время от времени вздрагивало от протяжного неземного воя голодных зверей; иногда испуганный олень, пораженный отвратительным пением, бешено бросается прочь от стада — все или часть волчьего братства устремляется за ним. Во многих случаях сцену можно кратко охарактеризовать старой трехтомной *развязкой*: "бросок, визг, хруст костей и рычание хищных зверей, и все кончено!" ибо, чтобы понять удивительную силу ласточки и ужасающую прожорливость арктического волка, нужно увидеть; ни один писатель не стал бы рисковать своей репутацией правдивца, повторяя то, что было замечено в этой главе. Но иногда испуганный олень выбирается на открытую местность и преодолевает огромные расстояния, преследуемый настойчивым волком, у которого он, несомненно, есть, если только не встретится другое стадо, которое примет преследуемого оленя в свои ряды.

“Иногда, когда стадо оленей пасется, один из них может случайно наткнуться на место, где много пищи; естественно, он задерживается там, в то время как стадо медленно движется против ветра. Волки немедленно замечают отставшего и украдкой ползут дальше, их цель - отрезать его от стада; после этого раздается вой и бросок, от которого, если олень не уклоняется, прилагая чрезвычайные усилия, его судьба мгновенно решена ”.

Эти сцены разыгрываются на протяжении всей долгой арктической зимы. Когда зрение становится бесполезным, на помощь хищному разрушителю приходит обоняние; и мы

вполне можем поверить, что многие исследователи в декабрьской темноте замерзших пустошей часто жалели, что их обонятельные нервы не так чувствительно организованы, как у волка. Ибо, хотя он и может тогда слышать северных оленей, увидеть их невозможно, за исключением тех случаев, когда они спешат по темному, но заснеженному ландшафту; и много неудачных выстрелов было сделано голодным моряком в пару больших печальных глаз, которые выглядывали из окутывающего тумана, потому что он, хоть убей, не мог сказать, находится ли животное на расстоянии двух или двадцати ярдов.

Ужасной зимой 1852-53 годов олень приблизился вплотную к исследовательскому судну "*Исследователь*", покинув сушу и пересекши ледяной пояс. Трудно сказать, было ли это сделано с целью получения тепла, которое, как подсказывал им инстинкт, если не нюх, исходило от сосудов, — сосудов, по сравнению с преобладающей повсюду температурой (а именно, 9,5 ° ниже точки замерзания), представлявших собой настоящие вулканы тепла; или же это было сделано для защиты от их волчьих врагов. Вероятно, это было по первой названной причине; поскольку известно, что лисы Леопольд-Харбора в 1848 году вскоре почувствовали более теплую атмосферу, вызванную присутствием эскадры сэра Джеймса Росса, и предусмотрительно зарылись и размножились на набережных, возведенных вокруг кораблей.

Но, наконец, зима и ее печали проходят, и в начале нового года у испытанных северных оленей начинается более счастливая жизнь. В феврале-марте тюлени начинают размножаться, и поскольку внимание волков и других хищных зверей затем привлекается к беспомощным детенышам, которые являются поистине “лакомыми кусочками”, можно сказать, что начинаются праздники северного оленя. Мы можем также напомнить читателю, что арктический заяц и лемминг зимуют на ледяном севере и время от времени служат пищей волку и лисе.

Возвращается весна, и по мере того, как солнце поднимается над горизонтом, огромные стада постепенно разделяются и разбредаются по округе; и тогда оленей можно увидеть кочующими группами по три-четыре человека, пока снова не сгущаются осенние сумерки и они не собираются в многочисленные компании.

Как северный олень - верблюд Полярного мира, так и арктический волк, можно сказать, занимает место тигра; настолько дерзка его отвага и столь неистова его жажда крови. Собираясь в большие стаи, они не боятся преследовать человека в непосредственной близости от него. В экспедиции капитана Мак-Клинтока они собрались вокруг *Исследователя* так близко, что команде было небезопасно покидать корабль, разве что в компании и хорошо вооруженной; и своим меланхолическим воем они делали ночь отвратительной. Пятеро из них попытались наброситься на эскимосскую собаку, которая долгое время была домашним любимцем *Следователя*. Одно из этих животных описывается как “совершенный гигант”, достигающий почти четырех футов в холке и имеющий след ноги размером с след северного оленя.

Наши английские моряки разработали множество хитроумных планов, чтобы заманить в ловушку этих осторожных созданий, но все они потерпели неудачу, хотя некоторые столкновения с ними были неприятно близкими, а риск очень значительным. Однажды боцман, находясь на охоте, сломал выстрелом две ноги прекрасному северному оленю. Наступал вечер, и он, зная, что животное не сможет далеко уползти, вернулся на корабль. На следующее утро он рано отправился в путь, чтобы заполучить свою добычу. Каково же было его отвращение, когда, прибыв на место, он обнаружил свою добычу во владении пяти крупных волков и нескольких лисиц! Полный решимости во что бы то ни стало получить свою долю, боцман двинулся вперед, крича изо всех сил и бросая в адрес воров все оскорбительные фразы, какие только мог придумать, но боясь выстрелить из своего

одноствольного ружья в кого-либо из них, опасаясь, что остальные окажут ему такую же услугу, какую они оказывали оленю; особенно потому, что они, казалось, были склонны к драке и не подавали признаков отступления, пока он не оказался в четырех ярдах. Но даже тогда только четверым хватило такта отойти, усевшись на расстоянии пистолетного выстрела и жалобно завывая.

Боцман поднял ногу оленя, которая была расчленена, а затем ухватился за один конец наполовину съеденной туши, в то время как большая волчица тянула его за другой.

Следует признать, что это положение было неприятным, и если бы вой четырех волков привел на помощь других представителей их вида, последствия этой стычки между голодными волками и не менее голодным матросом могли оказаться серьезными. К счастью, переводчик, который также случайно оказался на охоте на соседнем холме, привлек внимание зверей и появился на месте происшествия. Впоследствии он описал это как самое странное, что он когда-либо видел. Боцман и хищник были так близки в своей борьбе за мясо, что ему показалось, что последний на самом деле напал на первого. По прибытии этого подкрепления волки разбежались, оставив доблестному боцману всего двадцать фунтов мяса вместо ста двадцати, которые первоначально должны были весить его трофеи.

Различия между арктической собакой и арктическим волком настолько важны, что доктор Кейн соглашается с мистером Бродерипом в том, что они приписывают этим животным семейное происхождение. Косое расположение волчьего глаза не редкость среди эскимосских собак. У доктора Кейна была шлюха, одна из самых ручных и ласковых в его команде, с длинными ногами, компактным телом, опущенным хвостом и диким испуганным выражением глаз, которое, как полагают некоторые натуралисты, отличает только волка. При раннем приручении — а приручить его несложно — волк следует за вами и любит вас, как собака. “То, что они любят бродяжничать, ничего не доказывает; многие из нашей стаи будут блуждать неделями, - говорит Кейн, - в ледяной пустыне; и все же их невозможно убедить, когда они вернутся, поселиться в конуре, которую мы построили для них всего в нескольких сотнях ярдов отсюда. Они приседают в поисках общества людей ”. Оба животных одинаково воют в унисон; и в большинстве случаев их следы одинаковы.

Овцебык (*Ovibos moschatus*) - одно из крупнейших полярных жвачных животных. Как указывает его зоологическое название, это промежуточное звено между быком и овцой. Меньше первого, крупнее последнего, он напоминает нам о себе как по форме, так и по общему виду. У него тупой нос; широкие у основания рога, закрывающие лоб и макушку головы и загибающиеся книзу между глазом и ухом примерно до уровня рта, где они загибаются вверх; хвост короткий и почти скрыт густой шерстью, которая обычно темно-коричневого цвета и бывает двух видов, как у всех животных Полярных областей; длинная шерсть, которая на некоторых частях тела густая и курчавая, а под ней тонкая мягкая шерсть пепельного цвета; ноги короткие и толстые, как у всех животных Полярных регионов. и снабжен узкими копытами, как у лося. Самка меньше самца, и ее рога меньше. Ее общий окрас черный, за исключением того, что ноги беловатые, а вдоль спины проходит приподнятый гребень или грива темных волос.

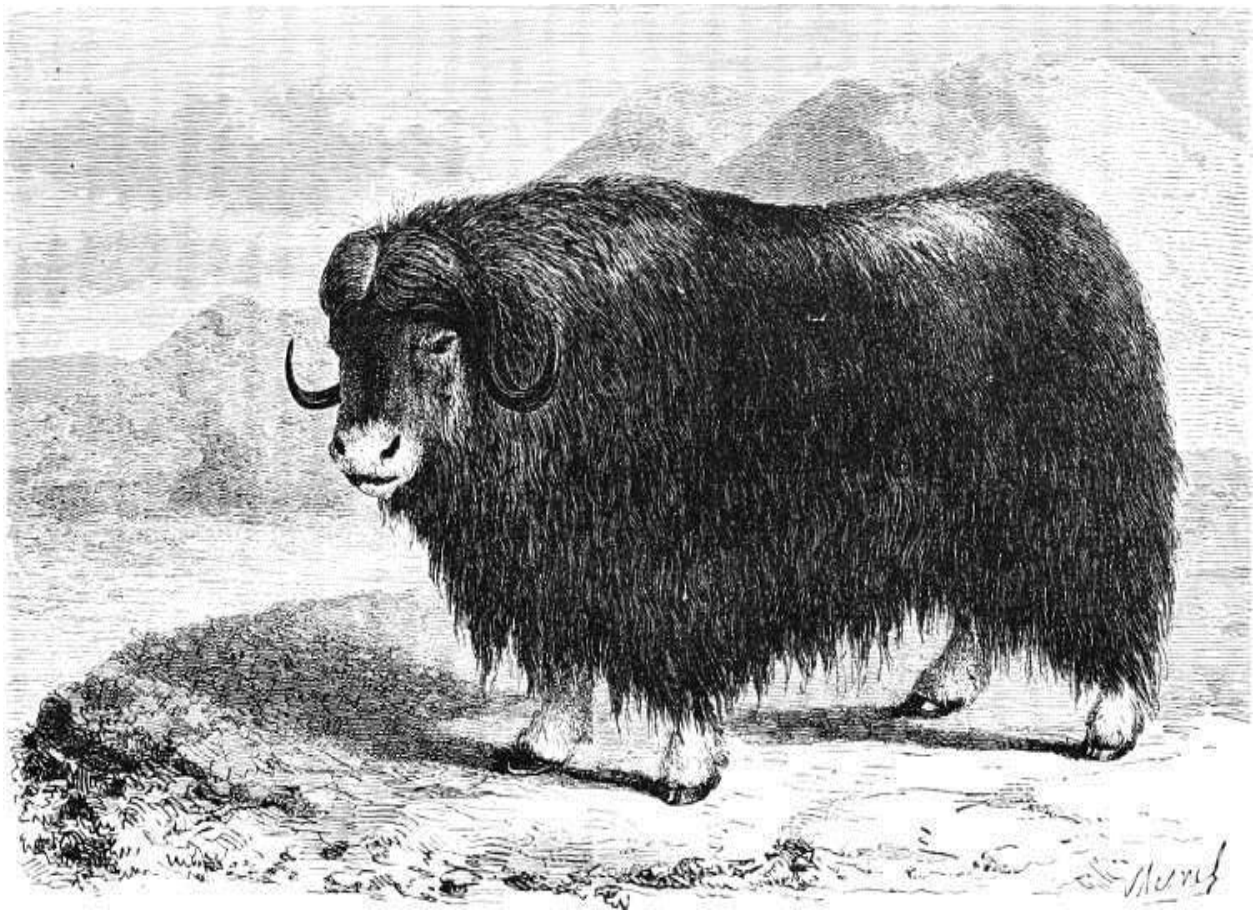
Овцебык, как следует из его названия, издает сильный запах мускуса, которым, собственно, пропитано само его мясо, так что запах передается ножу, которым разделывают животное. Тем не менее индейцы и эскимосы считают его ценной добычей, которые

охотятся за ним с энтузиазмом. Он бродит небольшими отрядами по каменистым прериям, которые простираются к северу от великих озер Северной Америки. Это свирепое животное, и, защищая свою самку, он будет отчаянно сражаться.

Его общие повадки сильно напоминают повадки северного оленя; но ареал его обитания, по-видимому, в основном ограничен островом Мелвилл, землей Бэнкса и большими островами к юго-востоку от последнего.

Один из наших исследователей Арктики описывает овцебыков как очень диких в апреле и обычно встречающихся большими стадами от десяти до семидесяти особей. В июне они были до глупости ручными и, казалось, были подавлены своими тяжелыми шерстяными покровами, которые в большом количестве свободно свисали с их плеч и задних конечностей; стада были намного меньше и в основном состояли из коров и телят.

Толстый шерстяной покров, которым покрыты овцебыки, является идеальной защитой от любых температур. Она состоит из длинной тонкой черной шерсти, а в некоторых случаях и белой (поскольку не установлено, что эти волы меняют свой цвет зимой), с красивой тонкой шерстью или мехом под ней, более мягким и насыщенным, чем тончайшая шерсть альпаки, а также гораздо более длинным основным материалом. Эта мантия, по-видимому, касается земли; и говорят, что маленькое существо выглядит как тюк черной шерсти, установленный на четырех коротких нервных козлиных ножках, с двумя очень яркими глазами и парой острых рожек “зловещей формы”, выглядывающих с одного его конца.



ОВЦЕБЫК.

Они кажутся очень неуверенными в себе, иногда стоят, тупо уставившись на нападающих, и точат рога о передние лапы; в другое время они яростно бросаются на своих охотников.

Капитан Мэчем обнаружил очень большое количество овцебыков недалеко от устья залива Харди, остров Мелвилл. На одной равнине он заметил до семидесяти пасущихся в радиусе двух миль; при его приближении они разделились на стада примерно по пятнадцать человек в каждом, возглавляемые двумя или тремя огромными быками. Их маневры, по его словам, были настолько быстрыми и регулярными, что их можно было бы более уместно сравнить с кавалерийскими эскадронами, чем что-либо еще, что он мог бы придумать. Одно стадо двинулось вперед галопом, несколько раз на расстоянии ружейного выстрела, и выстроилось в идеальную линию с быками в авангарде, демонстрируя внушительный набор рогов. В последний раз они приближались галопом до расстояния примерно в шестьдесят ярдов, когда выстроились в линию, быки дико фыркали и разрывали снег. Но как только капитан Мэчем выстрелил, они быстро развернулись, присоединились к основной группе и скрылись из виду, лишь изредка поджидая раненое животное.

Следующий наглядный отчет о встрече с овцебыком дан капитаном Мак-Клинтоком:

“Мы увидели и подстрелили двух очень крупных быков — очень своевременный запас, поскольку последняя часть оленины была израсходована; мы обнаружили, что они были в лучшем состоянии, чем все, кого мы когда-либо видели. Я никогда не забуду смертельной схватки одного из этих благородных быков; испанская коррида не дает о ней ни малейшего представления, и даже заклание медведя по сравнению с ней - ничто. Этому животному прострелили легкие, и кровь хлынула из его ноздрей на снег. Когда он стоял, свирепо

наблюдая за нами, готовый, но неспособный броситься в атаку, его маленькие, но неподвижные горящие глазки были почти скрыты зарослями лохматой шерсти, и все его тело сотрясалось в страшных конвульсиях агонии; дрожащие движения передавались его огромному покрову из спутанной шерсти; даже жесткая густая грива, казалось, возмущенно вздыбилась и медленно закачалась из стороны в сторону. Казалось, вся ярость его страсти была сдержана внутри него для одного последнего и мстительного выпада. Рычания не было; величественный зверь был нем; но дикий блеск дикого огня, который вырывался из его глаз, и его угрожающая поза были гораздо ужаснее самого отвратительного рева. Мы молча наблюдали, ибо время делало свое дело, и мы не осмеливались опустить оружие до тех пор, пока его силы не иссякли, он пошатнулся и упал.

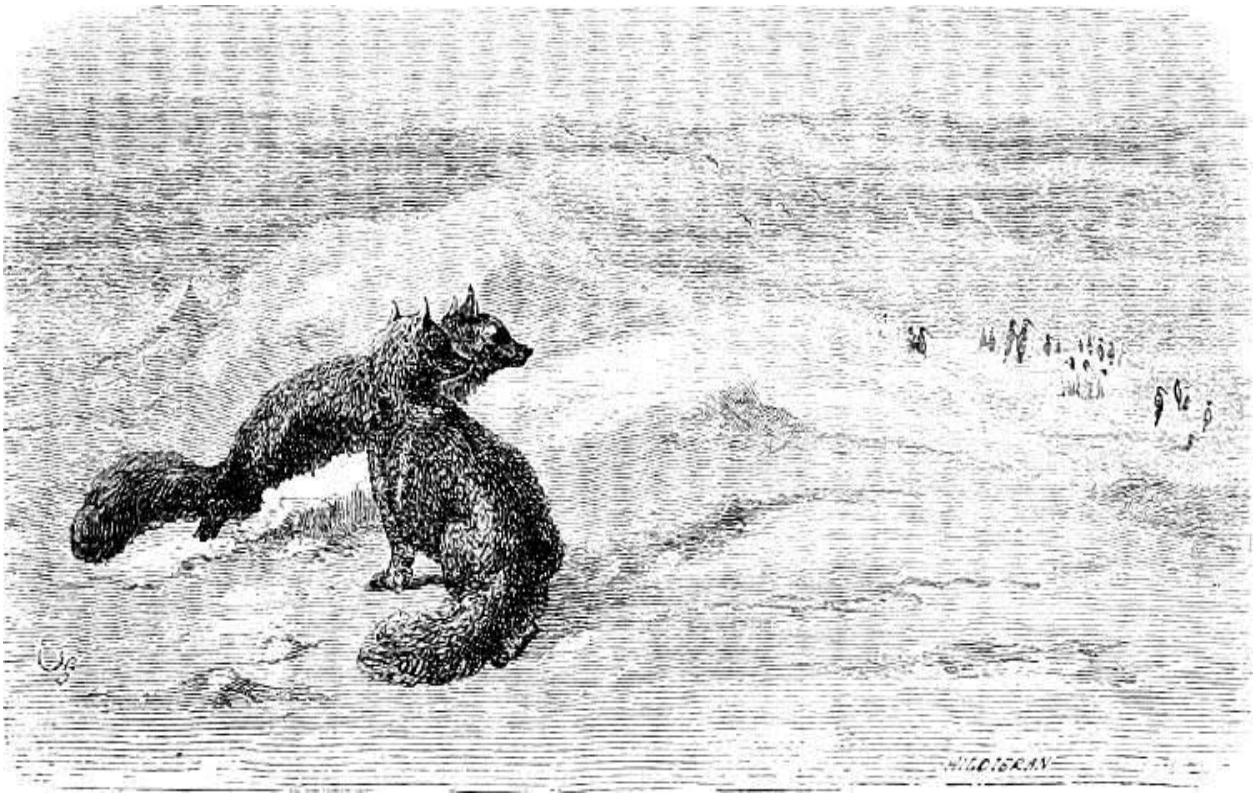
“Я никогда не был свидетелем такой силы ярости и ни на мгновение не представлял, что такое явно тупое животное при любых обстоятельствах, связанных с болью и страстью, могло представлять такое поистине ужасающее зрелище. Почти невозможно представить себе более потрясающее зрелище, чем то, которое предстало перед нами в последние минуты жизни этого несравненного обитателя северных дебрей”.

Представляется сомнительным, что волк, который от природы является самым трусливым существом, может перейти в наступление на овцебыка; и большинство арктических мореплавателей, похоже, придерживаются мнения, что он нападает только на хромой или болезненный скот.

Активность этих быков и их козлиная способность лазать очень примечательны и сильно расходятся с их неуклюжей внешностью. Было замечено, как они, будучи напуганными, взбираются по склону утеса, который не поддавался никаким человеческим усилиям, и спускаются по крутым склонам ущелий, попеременно скользя на своих бедрах или раскачиваясь и останавливая свой путь вниз, как замечает Шерард Осборн, используя великолепный щит из рога, который покрывает их лоб таким образом, что вызывает живейшее изумление зрителя.

Песец (*Canis lagopus*) не может сравниться ни с одним из предыдущих животных по значимости или интересу, тем не менее он широко фигурирует в журналах наших исследователей Арктики. Он меньше обыкновенной европейской лисицы; имеет острый нос и короткие округлые уши, почти скрытые мехом; ноги короткие, а пальцы ног сверху и снизу покрыты густым мягким мехом; хвост короче, чем у обыкновенной лисицы, но более пушистый. Его ареал очень обширен, поскольку он встречается на землях, граничащих с Полярным морем на обоих континентах. С приближением зимы его шерстяной покров становится густым и неровным, пока, наконец, он не становится белым как снег — в последнюю очередь изменение цвета происходит на хребте спины и кончике хвоста. Его пища состоит из различных мелких четвероногих, таких как арктический заяц и лемминг, всех видов водоплавающих птиц и их яиц, тушек рыб, моллюсков и отбросов молодых тюленей, убитых и съеденных белым медведем. По следам последнего он, по-видимому, систематически охотится. Он ловко плавает и переплывает с острова на остров в поисках добычи. Его мех легкий и теплый, хотя и не очень прочный, и ради этого меха его

преследуют как в Арктической Азии, так и в Гренландии и Гудзоновом заливе. Однако это осторожное животное, и его нелегко поймать.



ПЕСЦЫ.

Доктор Хейс приводит нам иллюстрацию этого утверждения.

Однажды, когда он и его последователь по имени Бонсолл проводили разведку на острове Нортумберленд, они обнаружили лису, убегавшую прочь по равнине. Бонсолл бросился в погоню, но не смог подойти на расстояние выстрела. Затем над их головами послышался лай другого животного. Доктор Хейс схватил ружье и, перелезая через несколько огромных валунов, которыми было завалено дно ущелья, попытался, спрятавшись за скалой, догнать животное или приблизиться к нему; но оно, казалось, догадалось о его намерениях и, удрав, устроило за ним дикую погоню по равнине. Хитрый Рейнард сначала убежал, чтобы нападавший “не смог прикрыть его на утесе”, а когда оказался вне опасности, взгромоздился на камень и залаял на него самым дразнящим образом. Доктор приблизился на достаточное расстояние. В тот момент, когда он собирался вскинуть ружье к плечу, оно спряталось за камнем и перебежало на другой, где издало такой же быстрый треск - пронзительное “Хук! хук! хук!” - звучащий как смесь гнева и вызова. Доктор Хейз снова попытался приблизиться к нему, но без особого успеха; оно бегало круг за кругом, пока наконец, устав следовать за ним, доктор Хейз не выстрелил. Часть пуль, вероятно, задела его, потому что он громко закричал; но он убежал с поразительной быстротой и в конце концов сбил с толку своего преследователя.

Поскольку мясо лисицы ни в коем случае нельзя презирать и, более того, оно входит в рацион питания арктического мореплавателя как деликатес, за ним часто ведется охота по горячим следам и для обеспечения его поимки сооружаются ловушки. Обычно они строятся почти по тому же принципу, что и ловушки для кроликов. Выбрав гладкую ровную скалу, трапперы раскладывают несколько плоских камней толщиной около шести дюймов таким образом, чтобы окружить с трех сторон участок размером шесть дюймов на два с половиной фута. Поверх этого ограждения укладываются другие плоские камни; а между двумя,

используемыми для заделки одного из концов, вставляется колышек, выступающий примерно на дюйм внутрь ловушки.

К этому колышку с помощью петли свободно подвешен небольшой кусочек мяса; и к тому же колышку снаружи прикреплена еще одна петля, сделанная на конце шнура, причем шнур проходит через заднюю стенку ловушки и сверху к передней, где он обвязывается вокруг тонкого плоского флажка из шифера, который свободно перемещается вверх и вниз, направляемый и удерживаемый двумя большими блоками, расположенными по обе стороны от входа.

Принцип работы этого оборудования очень прост:—

Лиса пролезает под задвижку или люк, подходит сзади, хватает приманку и пытается вернуться. Приманка, разумеется, снимается с крючка, а вместе с ней снимается петля, поддерживающая дверь. Как только ее опора снимается, дверь опускается, и мастер Рейнард оказывается в ловушке. Теперь все зависит от того, каким образом были заделаны трещины; ведь если животное сумеет просунуть свой маленький носик между двумя камнями, оно, несомненно, сумеет сбежать. Не менее важно и то, что загон не должен быть достаточно большим, чтобы лиса могла развернуться, поскольку в этом случае она обычно ухитряется открыть дверь и уйти в бесконечном ликовании.

ЛИСИЙ КАПКАН.

Доктор Хейс описывает песца как самое красивое и провоцирующее на провокации живое существо. Один из них, за которым он безуспешно гонялся целых три часа, был размером с домашнюю кошку, круглый и пухлый, белый как снег, с длинным заостренным носом и волочащимся пушистым хвостом, который, казалось, был его особой гордостью. Было совершенно очевидно, что ему доставляло удовольствие замешательство своих охотников, поскольку он перепрыгивал с камня на камень или кружил вокруг них, проявляя полнейшее безразличие к страданиям их голодного состояния. Он катался и метался среди рыхлого сугроба, то подпрыгивая в воздух, то отскакивая прочь, то резко останавливаясь, то склоняя голову набок и поднимая одну лапу, словно прислушиваясь, и, казалось, все время был полон решимости продемонстрировать свои “достоинства” своим врагам, для которых его не волновала ценность мельчайшей части его очень красивого хвоста. Усталый и измученный, доктор Хейс прекратил преследование и вернулся в свой лагерь, сопровождаемый лисой, хотя всегда на безопасном расстоянии; и когда они в последний раз увидели ее, когда оглядывались со скал над хижиной, она стояла на возвышенности, издавая свой пронзительный крик, явно насмехаясь над их поражением.

Говоря о предполагаемых отношениях между медведем и лисой, доктор Кейн замечает, что когда-то он думал, что его наблюдения подтвердили их. Несомненно, что их часто можно встретить вместе; медведь шагает впереди со своей добычей, лиса позади собирает падающие крошки; и доктор Кейн часто видел, как паразит зализывает следы раненого тюленя, которого его защитник унес по снегу. История такова, что эти двое охотятся парами. В этом вполне можно усомниться, хотя ясно, что низшее животное радуется своему общению с высшим, по крайней мере, ради выгоды, если не симпатии, которую это приносит ему. “Однажды я ранил медведя, - рассказывает доктор Кейн, - когда мы с Мортоном шли за ним двенадцать миль по льду. Несчастный маленький лисенок шел рядом со своим покровителем и слизывал кровь везде, где тот ложился. Медведь, наконец, добрался до воды, и когда мы возвращались после нашей бесплодной погони, то увидели лису, которая во весь опор бежала по краю тонкого льда, словно хотела догнать его ”.

Приятным дополнением к скудному рациону арктического мореплавателя является арктический заяц (*Lepus glacialis*), который, как и северный олень, собирается в стада или стаи с приближением зимы. Одновременно было замечено до двухсот человек; а в одном из их излюбленных мест обитания — на мысе Дандас, остров Мелвилл, — можно было увидеть целое шоссе шириной в три ярда, которое их многочисленные шаги протоптали по снегу. Зимой они ищут себе пищу и прячутся в поисках защиты под снежной коркой. Капитан Мак-Клинток утверждает, что они повсеместно распространены в Полярных регионах, но, конечно, наиболее многочисленны там, где пастбища наиболее богаты, как, например, на земле Бэнкса и острове Мелвилл. Спортсмены двух кораблей "Дискавери", "*Резолют"* и "*Бесстрашный*", подстрелили сто шестьдесят одного зайца за год на острове Мелвилл; их средний вес, когда они годились для стола, составлял семь фунтов, из них от десяти до двенадцати фунтов, включая кожу и потроха.

Теплым коротким летом заяц прячется от преследования хищных зверей под большими валунами или на крутых склонах скалистых ущелий. Затем их находят группами от двенадцати до двадцати. Их кожа настолько нежна, что, хотя зимний мех необычайной красоты и ослепительной белизны, его нельзя использовать ни для каких полезных целей. Они не впадают в спячку, и наши исследователи обычно находили их среди тяжелых торосов на льдинах, как будто они бежали в эту неровную местность от волков или лисиц.

В пределах Алтая, простирающихся даже до Камчатки, мы встречаем альпийского зайца (*Lagomys Alpinus*); небольшой грызун, размером едва превышающий морскую свинку и достигающий в длину всего девяти дюймов: у него длинная голова с короткими, широкими и округлыми ушами. Его излюбленные места обитания - среди скал и водопадов в диких лесистых районах, где он образует норы под камнями или обитает в их трещинах. Когда небо ясное, а солнце ласковое, они редко покидают свои норы днем; но в пасмурную погоду их можно увидеть скачущими среди скал и оглашающими эхо своим низким свистом или птичьим щебетом. Осенью они готовятся к зиме, собирая большое количество наиболее питательных трав, которые после сушки на солнце они складывают в кучи различных размеров, в зависимости от количества животных, занятых в этой работе; и поскольку эти кучи часто достигают нескольких футов в высоту и ширину, их легко различить даже по глубокому снегу, и они часто оказываются очень полезными сибирским охотникам на соболей, чьи лошади погибли бы, если бы не припасы, доставляемые таким странным образом. Следовательно, везде, где встречается сибирское или татарское племя, альпийский заяц носит характерное название и, несмотря на свою миниатюрность, высоко ценится.

Еще один грызун, заслуживающий упоминания на этих страницах, - это арктический лемминг, или лемминг Гудзонова залива (*Myodus lemmus*), обитающий на Лабрадоре и на всем американском материке, омываемом холодными водами Северного Ледовитого океана. Он был описан как “совершенная бриллиантовая копия морской свинки”. По повадкам он очень похож на зайца, за исключением того, что он более общительный и обычно встречается большими семьями. Летом она пепельного цвета, с рыжевато-коричневым отливом на спине, темной полосой посередине и светлой полосой по бокам. Он имеет репутацию чрезвычайно безобидного существа и так легко приручается, что, будучи пойман, через день или два примиряется со своим пленом и вскоре начинает чувствовать ласки своего хозяина. Зимой он совершенно белый, белый как снег, от которого его можно отличить только по острому нюху лисы или эскимосской собаки.

Примерно в конце мая или начале июня он покидает сушу и отправляется на поиски плавучих льдов; с какой целью, по-видимому, еще точно не установлено. Связано ли это с инстинктом миграции, который так ярко проявляет норвежский лемминг? Может быть, оттепели вытесняют их с суши, или, как говорят моряки, “Эти благословенные маленькие лемминги, должно быть, солевые артерии!” Их часто находили отплывающими от северного побережья острова Мелвилл, оставляя за собой сравнительно много следов; и, насколько можно было разглядеть в ясный день с суши, расположенной на значительной высоте, в том

направлении, куда они направлялись, не было ничего похожего на *твердую землю*. Оказавшись таким образом на открытой льдине, совы, чайки и лисы подбирают их себе в пищу. Может ли быть так, что Провидение вызвало или предопределило этот исход с целью прокормить этих существ и сократить численность животного, которое в противном случае чрезвычайно размножилось бы и пожрало всю растительность естественно бесплодного региона?

Из "Арктического журнала" следует, что на леммингов охотится белый медведь. Мы приводим наглядный отрывок для дальнейшей иллюстрации привычек этого замечательного плотоядного животного:

“Увидев валяющийся поблизости плавник, ” рассказывает доблестный мореплаватель, “ который было важно осмотреть, я остановился и разбил лагерь, рассредоточив людей по берегу, чтобы они принесли все, что смогли найти. Направляясь к берегу, чтобы полюбоваться видом с холма, я был поражен, увидев медведицу и двух детенышей на некотором расстоянии от берега. Внимательно наблюдая за ними, я был немало заинтересован, увидев, как мать применяет свою гигантскую мускульную силу для переворачивания больших глыб песчаника, которыми усеяна равнина и под которыми в это время года укрываются незадачливые лемминги. Как только медведица подняла камни, что она сделала, усевшись на свои окорока и подтянув их к себе передними лапами, детеныши бросились вперед и схватили свою добычу, в порыве распутства подбрасывая ее в воздух. После повторения этой операции до тех пор, пока молодняк, должно быть, не стал очень вкусным блюдом, я был рад понаблюдать за тем, как медведица кормит грудью своих детенышей — зрелище, я бы сказал, редкое. Сидя на корточках, с выгнутым позвоночником, чтобы опустить груди (которые располагались между плечами) как можно ниже, малыши сосали стоя. Желая обезопасить это семейное торжество, мы продолжили сжигать всевозможные сильно пахнущие предметы; и, наконец, она спустила своих малышей вниз, хотя и очень осторожно, и, когда до нее оставалось более ста ярдов, отвернулась, очевидно, что-то заподозрив ”.

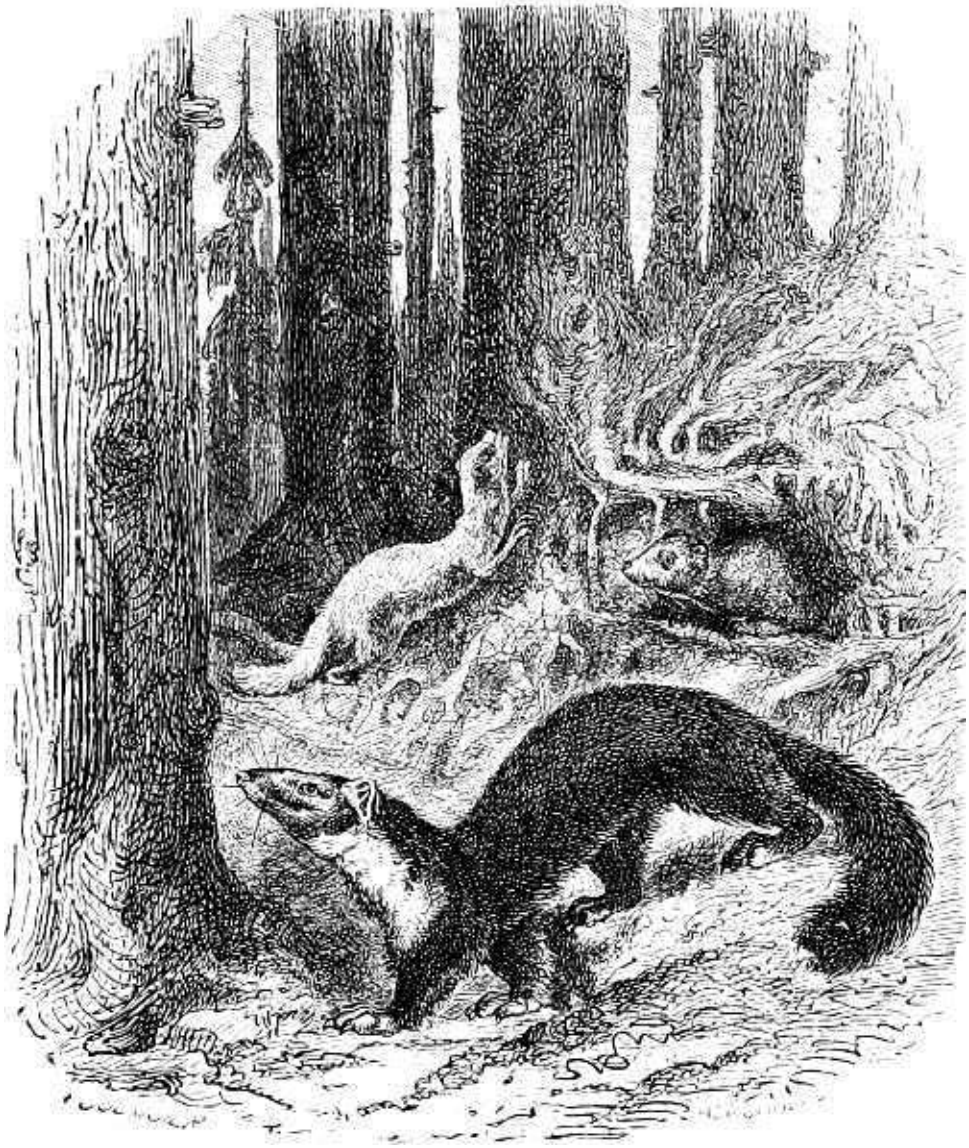
В субарктических регионах водятся некоторые из тех животных, которые обеспечивают торговлю самыми дорогими мехами. Однако все они принадлежат к семейству *куньих*, представленному в умеренном климате обыкновенной лаской (*Musteles*).

Североамериканская куница на самом деле является двоюродной сестрой немецкой ласки и не менее свирепа по своим повадкам. В еловых и березовых лесах, которые он любит часто посещать, он охотится на мелких грызунов, птиц и, если его аппетит очень острый, на рептилий. Он лазает по деревьям так же проворно, как кошка; а его гибкое тело позволяет ему проникать в мельчайшие щели, куда кошка не смогла бы пройти, а также в норы и дупла деревьев или скал, в которых ищут укрытия его жертвы. Тем не менее, это симпатичное животное с живыми повадками, проницательной физиономией и роскошным мехом.

В лесистой зоне, граничащей с пустынным регионом Полярного мира, водятся как сосновая куница (*Mustela martes*), так и вымпеловая куница (*Mustela Canadensis*). Мех первого из них очень высокого качества, а его шкура является важным предметом торговли. Он роет норы в земле и питается мышами, кроликами и куропатками. Канадская куница крупнее предыдущей; длиннее и сильнее. Он живет в лесах, предпочитая влажные места сухим; и лазает с замечательной легкостью и ловкостью.

Соболь (*Mustela zibellina*) гораздо более ценится за свой мех, чем любой другой представитель племени ласки. У него длинные усы, округлые уши, большие лапы (подошвы которых покрыты мехом), белые когти и длинный пушистый хвост. Общий цвет меха коричневый, более или менее блестящий, но нижние части горла и шея сероватые.

Живым и проворным животным является соболь, который обитает в самых отдаленных уголках лесов, под корнями деревьев и в земляных норах и проникает до самых границ царства вечных снегов. Огромное количество людей погибает в Сибири в ноябре, декабре и январе. Охотники собираются большими группами и отправляются вниз по великим рекам в лодках, везя с собой достаточный запас провизии на три месяца отсутствия. Достигнув назначенного места встречи, различные группы, каждая под руководством лидера, разбивают свои жилища, возводят хижины из деревьев и насыпают вокруг них снега. По соседству с ними они расставляют свои силки; а затем, продвинувшись еще на милю или около того, они устанавливают еще большее количество; и так они продвигаются до тех пор, пока не покроют значительную площадь местности; строят хижины в каждой местности и возвращаются в надлежащем порядке к каждому набору силков, чтобы забрать свою добычу. Эти силки простейшей конструкции; не что иное, как небольшие ямки или углубления, неплотно прикрытые грубыми досками или ветками деревьев, с наживкой из рыбы или мяса. Когда дичи становится мало, трапперы выслеживают соболей до их убежищ, выслеживая их следы на свежевыпавшем снегу; расставляют сети у входов в них; и спокойно ждут, если это займет два или три дня, пока животные не появятся.



ГОРНОСТАЙ И СОБОЛИНАЯ КУНИЦА.

Мех соболя отличается от всех других мехов этим необычным свойством: шерсть не имеет особого наклона, но может быть уложена безразлично в любом направлении.

Род хорьков (*Mustela putarius*) включает в себя самых маленьких из всех известных плотоядных, а именно ласку, хорька и горностая. Страны Европы с умеренным климатом обладают разнообразием последних видов, но горностаи отдаленного Севера дают самый густой и мягкий мех. Эти животные, как и многие другие в высоких широтах, меняют цвет своей шерсти в зависимости от времени года. Поэты приняли их за символ чистоты из-за безупречной белизны их меха; но, по правде говоря, они заслуживают этой чести только зимой: летом их окрас ярко-бордовый. Хвост всегда красивого блестящего черного цвета.

ОБЖОРА, ИЛИ РОСОМАХА.

Еще одно плотоядное четвероногое, обитающее в северных лесах, - Обжора (*Gulo Arcticus*), или Росомаха; своим прежним и более популярным названием он обязан своей чрезвычайной прожорливости. Но он, по крайней мере, столь же примечателен своей силой и свирепостью, поскольку не боится оспаривать свою добычу у волка и медведя; и своей хитростью, поскольку снова и снова ставит в тупик самые тщательно разработанные уловки охотника. Это медлительное и несколько неповоротливое животное; но оно решительное и настойчивое и будет продвигаться ровным шагом на многие мили в поисках добычи, застигая врасплох зайцев, сурков и птиц; и заставая врасплох даже более крупных четвероногих, таких как лоси и северные олени, когда они спят.

Рассказы о сообразительности этого замечательного животного, которая намного превосходит ту, которую обычно приписывают лисе, казались бы невероятными, если бы они не были подтверждены авторитетными источниками. Именно в намек на его необычайную хитрость индейцы называют его *Кеквахаркесс*, или "Злой". С энергией, которая никогда не угасает, он день и ночь охотится по человеческому следу, по которому, будучи обнаруженным, безошибочно идет по нему. Подъезжая к озеру, где след обычно занесен течением, он продолжает свой ровный галоп вокруг берега, чтобы обнаружить место, где след снова уходит в лес, и снова преследует его, пока не достигнет одного из

деревянных капканов, установленных на куницу или норку, горностая или мускусную крысу. Осторожно обходя дверь, он совершает насильственный вход сзади и безнаказанно хватает наживку; или, если в ловушке находится животное, вытаскивает его и с беспричинной злобой растерзает и прячет на некотором расстоянии в подлеске или на верхушке какой-нибудь высокой сосны. Если на него сильно давит голод, он пожирает жертву. И таким образом он разрушает всю серию капканов; так что, когда росомаха обосновывается на тропинке для ловли, единственный шанс охотника на успех - сменить место дислокации и поставить новую кучу капканов в надежде добыть несколько мехов до того, как его трудолюбивый враг обнаружит новую тропу.

Некоторые интересные подробности о привычках и повадках обжоры описаны лордом Милтоном и доктором Чидлом в их живом рассказе об экспедиции из Атлантики в Тихий океан ("Северо-западный проход по суше"). Они говорят нам, что его никогда не ловят при обычном падении в яму. Иногда человека отравляют или ловят в стальной капкан; но сила этого существа так велика, что многие капканы, достаточно прочные, чтобы надежно удержать крупного волка, не удержат росомаху. Пойманный таким образом, он не приступает, подобно лисе и норке, к ампутации конечности, но, помогая нести капкан пастью, спешит добраться до озера или реки, где его продвижению не будут препятствовать деревья или валежник. Отойдя на достаточное расстояние, чтобы на какое-то время оказаться в безопасности от преследования, он принимается за работу по освобождению своей попавшей в плен конечности, и очень часто ему это удается.

Иногда обжору убивают из ружья, расположенного таким образом, чтобы насаживаться на приманку, к которой прикреплен шнурок, соединяющийся со спусковым крючком. Но один траппер заверил лорда Милтона и его спутника, что очень часто животное оказывалось слишком хитрым для него, сначала подходя к ружью и перегрызая пополам шнур, соединяющий спусковой крючок, а затем благополучно пожирая наживку.

В одном случае, когда все уловки охотника, направленные на обман его врага, были разгаданы и явно сорваны, он принял план размещения ружья на дереве так, чтобы дуло было направлено вертикально вниз на приманку. Он был подвешен к ветке на такой высоте, что животное не могло закрепить его, не прыгнув; и, более того, он был полностью закрыт ветвями. Так вот, любопытство росомахи почти равно ее прожорливости. Это свидетельствует о склонности исследовать все; старый мокасин, брошенный в кустах, или нож, потерянный в снегу, необходимо найти и изучить, а любой предмет, подвешенный почти вне досягаемости, обычно оказывается непреодолимым искушением. Однако в данном случае осторожность обжоры превзошла его любопытство и утолила его голод; он взобрался на дерево, перерезал крепления ружья, которое затем упало на землю, и, спустившись, безнаказанно поймал наживку.

Спутники лорда Милтона лично пострадали от коварства животного и были свидетелями этого. Однажды, отправившись осмотреть свои капканы, они заметили следы очень большой росомахи, которая шла по их следу, и Ла Ронд, их траппер, сразу воскликнул: "C'est fini, monsieur, если вы не поймаете кого-нибудь из ловушек, то все будет в порядке"; и так оно и оказалось. Подойдя к каждому из них по очереди, они обнаружили, что оно разорвано сзади и наживка проглочена; а там, где животное было поймано, его уносили. По всей линии были уничтожены все до единого, и были обнаружены хвосты не менее чем десяти куниц, тела которых, по-видимому, были сожраны голодной и хитрой росомахой.

Мы должны удовлетвориться еще одной иллюстрацией и обратиться к другой области нашей темы, хотя и не предполагаем, что наших читателей утомит изложение фактов, которые проливают столь яркий свет на интеллект, отличный от инстинкта животных и превосходящий его. И, конечно, манеру, с которой обжора срывает хитроумные уловки

трапперов, следует приписать интеллекту, а не инстинкту. Мы думаем, что следующий анекдот ясно показывает, что последнего было бы недостаточно, чтобы защитить животное от происков его настойчивых врагов.

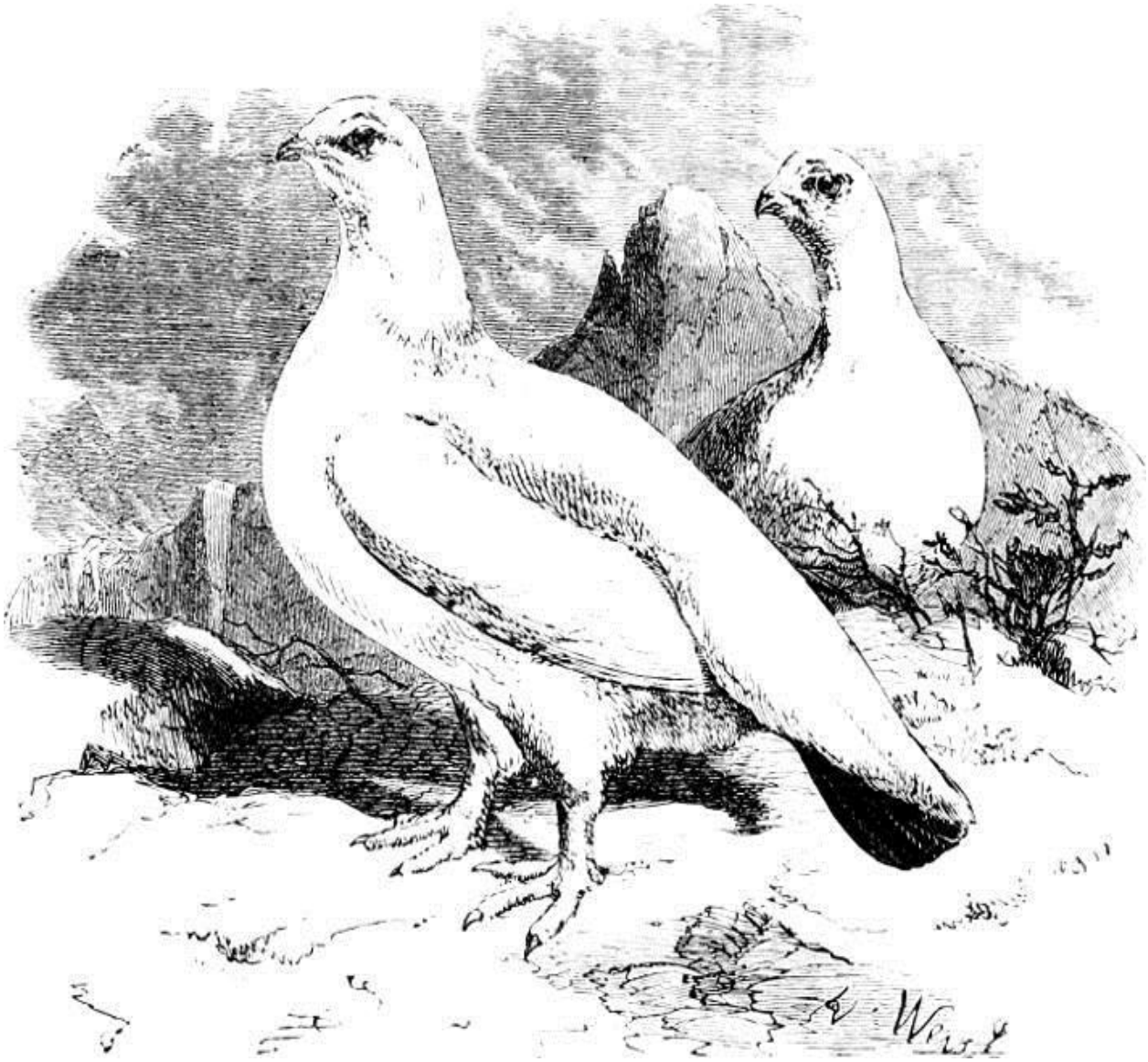
Доктор Чидл в сопровождении мальчика-индейца по имени Мисквапаснаю отправился в лес, намереваясь доказать росомахе свое превосходство в сообразительности. Они обнаружили, что последний возобновил свои визиты вдоль линии ловушек и сломал все, что было восстановлено, пожирая животных, найденных в них. Вслед за этим доктор Чидл применил прием, который, по его мнению, не мог не поймать его врага в его же собственные сети. Все сломанные ловушки были отремонтированы и установлены заново, а отравленные приманки в ловушках заменены обычными; не в каждом случае, но кое-где вдоль лески.

Лес здесь был очень обширен и, казалось, простирался до самого замерзшего Севера беспрепятственно, массу древесины нарушали только многочисленные озера и болота или расчистки, образовавшиеся в результате пожаров. Путешественник всегда стремится к озерам; не только потому, что они позволяют ему путешествовать быстрее и проникать дальше в менее затравленные районы, но и потому, что берега озер и переправы между ними являются излюбленными местами обитания лисиц, рыболовов и норок. На одном из таких озер было отмечено любопытное обстоятельство. Озеро имело около полумили в длину и почти такую же ширину, но не отличалось большой глубиной. Вода, по-видимому, промерзла до дна, за исключением одного конца, где журчал родник, и в ледяной корке диаметром около ярда, толщина которой составляла всего несколько дюймов. В этой яме вода была переполнена мириадами мелких рыбешек, большинство из которых были не намного крупнее человеческого пальца, и так тесно прижаты друг к другу, что не могли свободно передвигаться. Когда засовывали руку, казалось, что погружаешь ее в “массу густого месива”. Повсюду снег был утоптан ногами многочисленных животных, привлеченных на этот великопостный пир, и следы сходились к нему со всех сторон. По следам можно было узнать кросс- или чернобурку, изящно отпечатавшуюся на снегу, когда она изящно трусила легкой и воздушной поступью; грубые следы более неуклюжего рыболова; четкий и резко очерченный след проворной норки; и большой поперечный след вездесущего обжоры. На деревьях вокруг множество ворон сонно переваривали свою обильную трапезу.

Когда доктор Чидл и его спутник повернули домой, они обнаружили, что их враг активно преследовал их. На участке, который они прошли накануне, все ловушки были уже разобраны, а все приманки извлечены. доктор Чидл сначала подумал, что он наконец-то перехитрил и уничтожил своего врага; но более проницательный взгляд индейца обнаружил, что каждая из отравленных приманок лежала поблизости, разорванная надвое и отвергнутая, в то время как все остальные исчезли. Приманки, тем не менее, были приготовлены очень тщательно; стрихнин вводился в середину мяса через маленькое отверстие, и после замораживания их было невозможно отличить от безвредных по каким-либо особенностям внешнего вида. Казалось, животное заподозрило яд, разорвало пополам и попробовало каждый кусочек, прежде чем проглотить. Приманки намеренно были сделаны очень маленькими, чтобы при обычном течении они были бы проглочены целиком. Они прекрасно знали, что та же самая росомаха с самого начала следовала по их пути, потому что она была необычайно большого размера, о чем свидетельствовали ее следы, которые было легко отличить от следов более мелких животных.

Распространение птиц в Полярных регионах - тема, по которой, по-видимому, желательно сделать несколько замечаний, чтобы наши читатели могли составить точное представление о характере и разнообразии характерной для них животной жизни.

Что касается птиц Гренландии и Исландии, то можно утверждать, что целых три четверти видов и еще большая доля особей более или менее водны, а многие из оставшихся - всего лишь летние посетители. Самая крупная птица, забредающая далеко на север, - это *Aquila albicilla*, или орел-рыболов, который строит свое гнездо на самых высоких утесах океанских утесов и питается лососем и форелью. *Falco Islandicus*, или кречет, хотя и является уроженцем Исландии, в настоящее время встречается очень редко. Снежная сова обитает на ледниках, которые заполняют глубокие внутренние долины Гренландии, и ее ареал простирается на юг до Оркнейских островов. Определенные виды тетеревов обитают только в высоких широтах, и в особенности белая куропатка, которая является приятным дополнением к скудному рациону арктических мореплавателей. Он встречается даже в разгар зимы на острове Мелвилл; возможно, прячется под снегом в поисках тепла, защиты и пищи. Но, по-видимому, наиболее многочисленны они в апреле, когда встречаются парами; в сентябре они собираются стаями, иногда по пятнадцать-двадцать птиц, готовясь к их миграции на юг.



КУРОПАТКА.

Из *врановых*единственный вид, который выходит за пределы Северного полярного круга, - это ворона Ройстона, да и то только летом.

Ворон, однако, обитает во всех обширных полярных областях и на арктических островах крупнее, сильнее и прожорливее, чем где бы то ни было еще. Он выгоняет уток-гагарок из их гнезд, чтобы поохотиться на их детенышей или полакомиться их яйцами, и объединяется в стаи, чтобы изгнать незваных птиц из их жилища.

The *Граллаторисы* в Арктическом мире более многочисленны, чем наземные птицы. Бекас и золотистая ржанка - всего лишь гости; но ловец устриц - обитатель Исландии, где, строя свое гнездо на поросших тростником берегах ручьев, он ведет войну с вороньим племенем. Цапля, кроншнеп, ржанка и большинство других куликов эмигрируют; песчаные дудочки и водоплавающие остаются “круглый год”.

The *Музыкальный лебедь*, или лебедь-свистун, особенно известен своими миграциями. Его длина составляет пять футов от кончика клюва до конца хвоста и восемь футов в поперечнике его благородно распростертых крыльев; его оперение белое, как снег, с легким оранжевым или желтым оттенком на голове. Некоторые из этих лебедей зимуют в Исландии, и долгой полярной ночью их песня, когда они пролетают стаями, ложится на слух слушателя подобно звукам скрипки.

Распространение животных, конечно, регулируется законами, аналогичными тем, которые регулируют распространение растений, насекомых, птиц и рыб. Каждый континент и даже разные части одного и того же континента являются центрами зоологических семейств, которые всегда существовали там и нигде больше; каждая группа почти всегда специфически отличается от всех остальных. Поскольку Арктический мир включает в себя район, общий для Европы, Азии и Америки, с однородными климатическими условиями, животные, населяющие высокие широты этих континентов, часто очень похожи, а иногда и идентичны; и, фактически, в арктических регионах не существует ни одного рода четвероногих, который не встречался бы на всех трех континентах, хотя существует всего двадцать семь видов, общих для всех, и это в основном пушные звери. Плотоядные животные, как мы уже видели, очень малочисленны, и из них самым важным является белый медведь. Из травоядных животных наиболее ценен северный олень; его южная граница в Европе проходит по Балтийскому морю, в Америке - по широте Квебека.

Существует целых восемь разновидностей американских собак, некоторые из которых являются уроженцами крайнего Севера. *Лагопус*, или исатис, уроженец Шпицбергена и Гренландии, распространен во всех арктических регионах Америки и Азии и встречается на некоторых Курильских островах. В Ньюфаундленде и Канаде собак используют для запряжки саней; а эскимосские собаки, используемые для этой цели исследователями Арктики, славятся своей силой, послушанием и выносливостью. Они были немыми, пока не научились лаять у европейских собак на борту кораблей "Дискавери".

ГЛАВА VI.

ИСЛАНДИЯ И ИСЛАНДЦЫ.

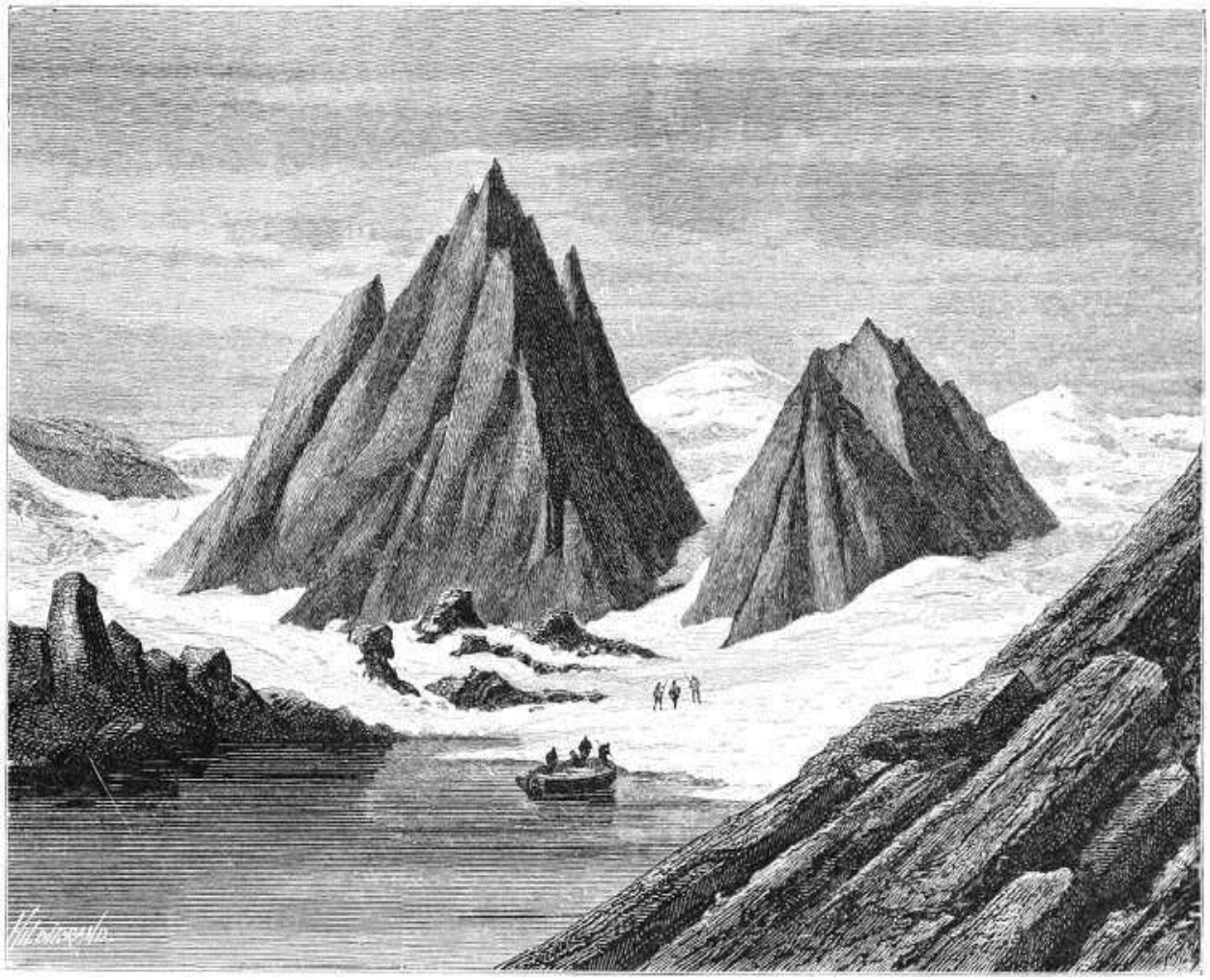
Прямо в Арктическом регионе, но почти на границе того, что географы называют Атлантическим океаном, лежит остров, который с момента его колонизации в IX веке не переставал вызывать интерес исследователей и людей науки.

Исландия— которая имеет размеры около 300 миль в наибольшую длину с востока на запад и около 200 миль в наибольшую ширину с севера на юг, расположена в лат. 63° 23’-66° 33' северной широты и длинный. 13° 22’ -24 ° 35’ западной долготы; на расстоянии 600 миль от ближайшей точки Норвегии, 250 миль от Фарерских островов, 250 миль от Гренландии и более 500 миль от северной оконечности Шотландии. Еще в восьмом веке нашей эры он был обнаружен некоторыми европейскими эмигрантами; хотя, действительно, Книга Ланднана, одна из самых ранних записей об острове, утверждает, что они обнаружили следы еще более раннего поселения в различных христианских реликвиях, таких как деревянные кресты, которые, по-видимому, ирландского происхождения. Как бы то ни было, первая по-настоящему успешная попытка колонизации была предпринята норвежцем Ингольфом, который обосновался сам и его последователи в Рейкьявике в 874 году. В следующем столетии произошла довольно обширная иммиграция норвежцев, которые были возмущены изменениями в государственном устройстве, введенными Гарольдом Харфагером, и все пригодные для проживания пункты на побережье были заняты примерно к 950 г.н.э. Пятьдесят лет спустя, хотя и не без особого сопротивления, христианство было юридически установлено, и были основаны епископства Холар и Скалхольт. Правительство приобрело характер аристократической республики с народным собранием, называемым Альтингом, собирающимся каждое лето в долине Тингвалла. Поощрялась торговля, и исландцы рано отличились смелостью своих морских предприятий и масштабами своего океанского рыболовства.

Примерно в 932 году они открыли Гренландию, а около 986 года - часть побережья Северной Америки, которую они назвали “Вайнленд”. Они не ограничивали свои путешествия севером, но отправляли свои корабли даже на юг, в Средиземное море. Период с 1150 по 1250 год по праву считается периодом наибольшего расцвета исландской литературы и торговли. После завоевания острова Хако VI. казалось, что большая часть старого духа Норвегии угасла. Когда Норвегия была объединена с Данией в 1380 году, Исландия была включена в узы, и она до сих пор считается зависимой от последнего королевства. В 1540 году она приняла принципы лютеранского протестантизма. Его население одно время насчитывало 100 000 человек, но постепенно уменьшалось, пока в 1840 году не сократилось до 57 094; но в последние годы произошел медленный рост, и сейчас оно составляет около 70 000 человек. Язык, на котором говорят, - древнескандинавский.

Исландия на пятую часть больше Ирландии, а ее поверхностная площадь оценивается в 39 207 квадратных миль. Однако не более 4000 миль пригодны для жизни, все остальное покрыто льдом и лавой; поскольку остров кажется немногим больше массы трахита, покрытой снегом и скованной морозом, покоящейся в море огня. Он состоит из двух обширных параллельных плоскогорий, являющихся основанием хребтов высоких гор, большинство из которых представляют собой действующие вулканы; и эти плоскогорья

тянутся через центр острова с северо-востока на юго-запад на расстоянии друг от друга от девяноста до ста миль. Их горные вершины не пирамидальные, как это обычно бывает в Европе, а округлые, похожие на купола, как в Андах Южной Америки. Однако их склоны изрезаны отвесными массивами туфа и конгломерата, пересеченными глубокими оврагами самого мрачного характера. Они покрыты толстым покровом льда и снега, но в их утробах бурлят огненные стихии, которые время от времени проявляют ужасную активность. Восточное плоскогорье и его горный хребет являются самыми обширными и содержат Эрафу, кульминационную точку Исландии. Его видно с большого расстояния в море, как белое облако, висящее над островом. Его высота составляет 6426 футов, и он берет начало в обширном горном массиве; не менее 3000 квадратных миль постоянно покрыто льдом и снегом на высоте от 3000 до 6000 футов.

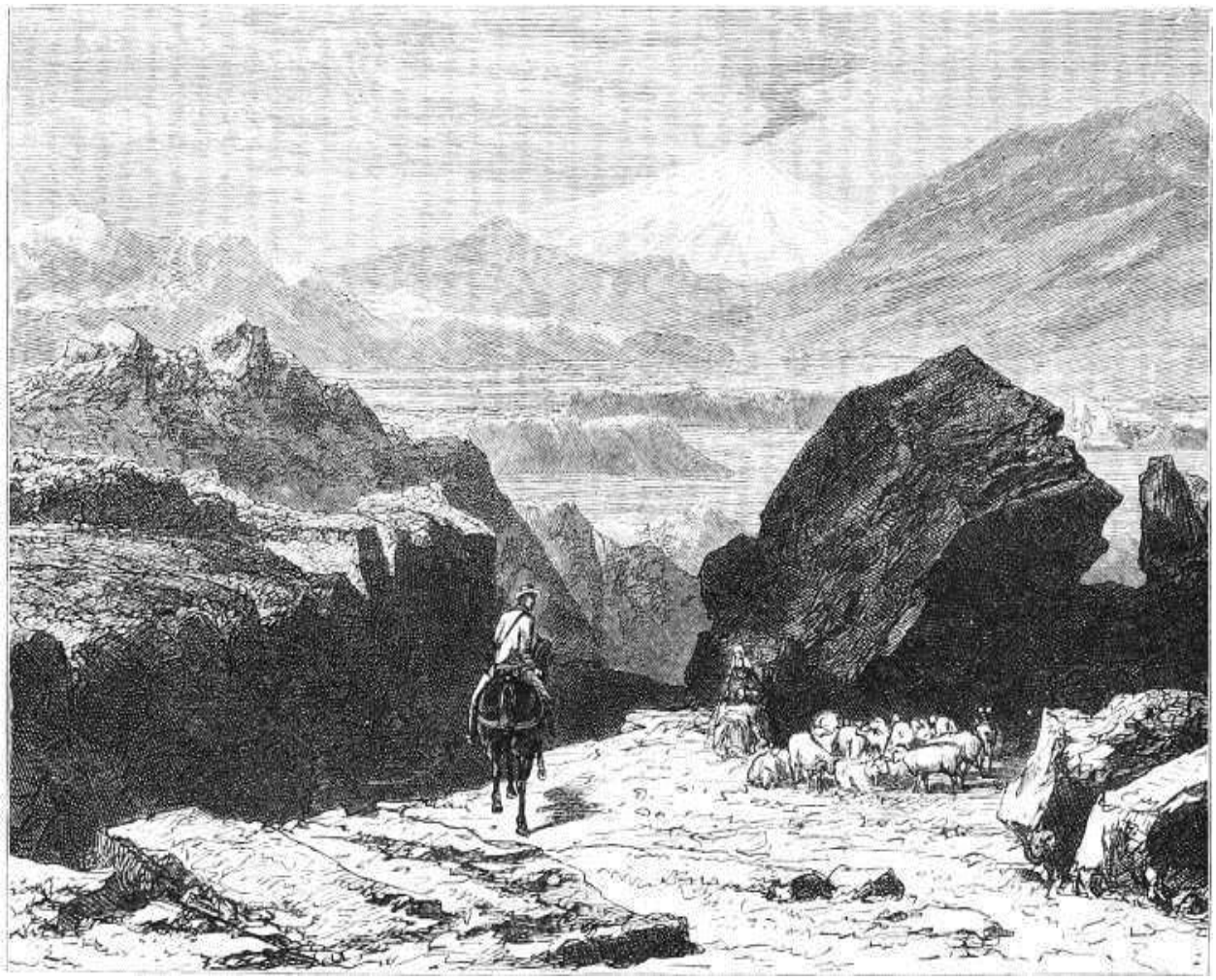


ИСЛАНДСКИЙ ПЕЙЗАЖ.

Очень значительная часть острова занята большими ледниками, которые спускаются с гор подобно замерзшим потокам, продвигаясь в низины и даже к кромке моря. Они действуют как почти непреодолимые барьеры для сообщения между различными населенными пунктами.

Мы говорили о двух грядах плоскогорий на расстоянии примерно девяноста-ста миль друг от друга. Это пространство образует низкую широкую долину, которая с обеих сторон выходит к морю — ужасная пустошь, область запустения, где человек совершенно бессилен; где стихии огня и мороза поддерживают постоянный антагонизм; где никогда не видно ни

травинки, ни капли воды; где птица никогда не пролетает крыльями и не видно никаких признаков жизни. Похоже, это воплощение “ледяного круга” Данте в “Аду”. Поверхность состоит из потоков лавы, изрезанных бесчисленными расщелинами; из камней, нагроможденных на скалы; из унылых ледников, сменяющихся низкими вулканическими конусами. Предполагается, что некоторые отдаленные части недоступных внутренних районов менее бесплодны, потому что были замечены стада северных оленей, питающиеся исландским мхом, который окаймляет границы этого унылого региона. Но нет никаких оснований полагать, что она когда-либо может быть заселена человеком.



ГОРА ГЕКЛА Из ДОЛИНЫ ХЕВИТА.

Оконечности долин, там, где они подходят к океану, являются основными местами проявления вулканической активности. На северной оконечности находится самый известный вулкан Гекла, который приобрел зловещую репутацию благодаря потрясающему характеру своих извержений. Зарегистрировано двадцать шесть из них, последнее произошло в 1845-46 годах. Один продолжался шесть лет, сея опустошение в стране, которая раньше была резиденцией процветающей колонии, похоронив поля под потоком лавы, отложений и пепла. Во время извержения со 2 сентября 1845 года по апрель 1846 года образовались три новых кратера, из которых вырвались столбы огня на высоту 14 000 футов. Лава скопилась в огромных холмах, и обломки известняка и пемзы весом в два центнера были выброшены на расстояние полутора лиг; в то время как лед и снег, которые веками лежали на горе, разжижились и обрушились на равнины разрушительными потоками.

Но извержение другого из этих ужасных вулканов, Скапта-Йокуль, которое вспыхнуло 8 мая 1783 года и продолжалось до августа, носило еще более ужасный характер. В то время вулканический пожар под Европой, должно быть, бушевал особенно яростно, поскольку в том же году огромное землетрясение разрушило значительную часть Калабрии, а подводный вулкан в течение многих недель яростно пылал в океане, в тридцати милях от юго-западного мыса Исландии.

Его пожары внезапно прекратились; серия землетрясений потрясла остров, а затем Скапта начал внезапную разрушительную деятельность.

Месяцами солнце было скрыто плотными облаками пара, а облака вулканической пыли уносились на многие сотни миль в море, простираясь даже до Англии и Голландии. Песок и пепел, поднятые в атмосферу на огромную высоту, разлетелись во всех направлениях и засыпали тысячи акров плодородных пастбищ. Сернистые испарения погубили траву на полях и загрязнили воды рек, озер и морей, так что погибли не только стада крупного рогатого скота, но и рыба в своей отравленной стихии.

Количество вещества, выброшенного расколотой и содрогнувшейся горой, было подсчитано в пятьдесят или шестьдесят тысяч миллионов кубических ярдов. Расплавленная лава текла потоком, который в некоторых местах достигал двадцати-тридцати миль в ширину и огромной толщины; бурлящий, шипящий поток, заполнивший русла рек, излился в море почти в пятидесяти милях от места своего извержения и уничтожил рыбную ловлю на побережье. Говорят, что некоторые из рек острова были нагреты до кипения; другие пересохли; конденсированный пар выпадал в виде снежных вихрей и ливневых бурь. Но каким бы ужасным ни было само извержение с его возвышенными, но ужасными явлениями, гораздо более ужасными были его последствия. Страна в пределах его ареала представляла собой одну обширную ужасную пустыню, опустошенную пожарами дикую местность; и, частично из-за нехватки пищи, частично из-за нездорового состояния атмосферы, не менее 9336 человек,[10] 28 000 лошадей, 11 461 крупный рогатый скот и 190 000 овец были сметены за короткий двухлетний период. Даже сейчас Исландия едва оправилась от этого удара.

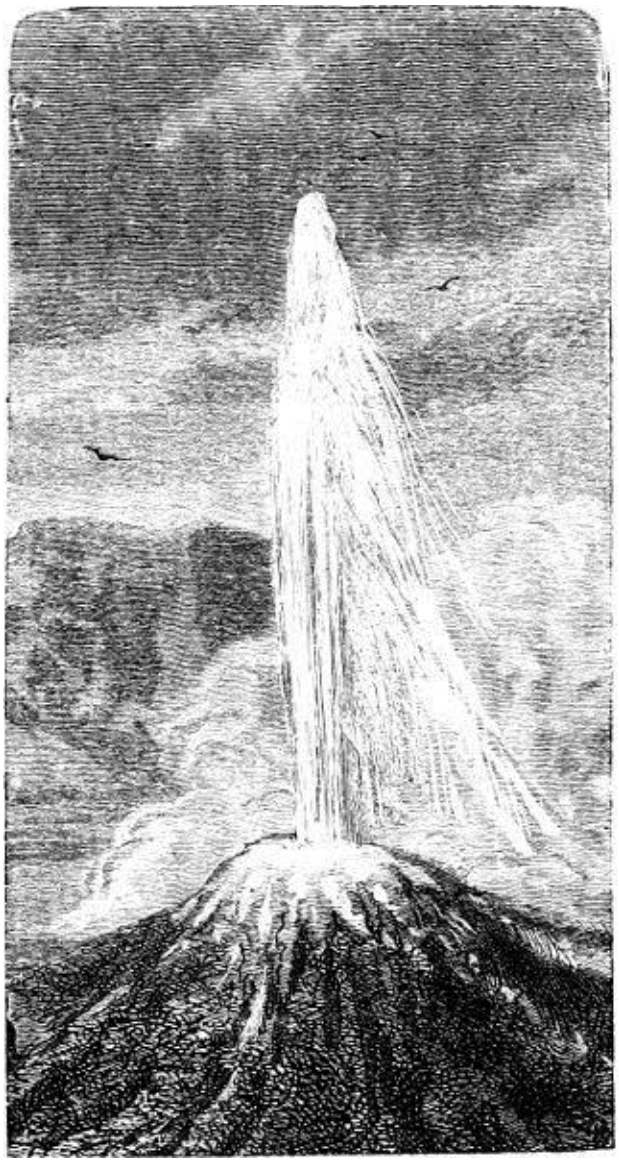
На северной оконечности великой центральной долины фокус магматических явлений находится в полукруге вулканических высот, которые наклоняются к восточному берегу озера Миватр. Два из них очень грозны, а именно, Лейрхнукр и Крабла на северо-востоке. После долгих лет бездействия они внезапно разразились с огромной яростью, излив такое количество лавы в озеро Миватр, которое имеет двадцать миль в окружности, что вода находилась в состоянии кипения в течение многих дней. На склонах горы Крабла и у подножия этой группы гор расположены различные котлы с кипящей минеральной смолой, разрушенные кратеры древних вулканов; из их глубин выбрасываются струи расплавленного вещества, окутанные облаками пара и сопровождаемые громкими взрывами через равные промежутки времени.

Но самыми необычными явлениями в этой необычной стране, где мороз и огонь постоянно оспаривают первенство, являются *гейзеры*, или извергающиеся кипящие источники. Все они встречаются в трахитовой формации, характеризуются высокой температурой, удерживанием кремнистых веществ в растворе, которые они осаждают в виде кремнистого агломерата, и выделением большого количества сероводорода.

На площади в несколько акров в южной части великой долины было насчитано более пятидесяти гейзеров. Некоторые из них постоянные, некоторые периодические, некоторые застойные, некоторые лишь слегка возбужденные. Самые грандиозные и знаменитые - Великий Гейзер и Строкр, расположенные в тридцати пяти милях к северо-западу от Геклы. Они через равные промежутки времени выбрасывают в воздух огромные столбы кипящей

воды на высоту ста футов, сопровождаемые облаками пара и оглушительным шумом. В случае с Великим гейзером струя выходит из шахты глубиной около семидесяти пяти футов и десяти в диаметре, которая открывается в центр неглубокого бассейна, около ста пятидесяти футов в окружности. Бассейн попеременно опорожняется и наполняется: при наполнении раздаются громкие взрывы, земля дрожит, и кипящая вода гигантскими столбами устремляется вверх. Таким образом, резервуар опорожняется, и взрывы прекращаются до тех пор, пока он не будет снова наполнен.

Господа . Деклуазо и Банзен, которые, по словам миссис Сомервилл, посетили Исландию в 1846 году, обнаружили, что температура Большого гейзера на глубине семидесяти двух футов равнялась 260 ° 30 ’ С.ш. до сильного извержения, а после извержения снизилась до 251 ° 30 ’ С.ш.; интервал в двадцать восемь часов проходил в тишине.



ВЕЛИКИЙ ГЕЙЗЕР.

Примерно в ста сорока ярдах от нас находится Строкр (от *stroka*- волновать), круглый колодец глубиной сорок четыре фута, с трубой шириной восемь футов у устья, уменьшающейся до немногим более десяти дюймов на глубине двадцати семи футов. Поверхность воды находится в постоянном кипении, в то время как на дне температура превышает температуру кипящей воды примерно на двадцать четыре градуса. Из экспериментов, проведенных Донни, следует, что вода при длительном кипячении

становится все более и более свободной от воздуха, и что, таким образом, сцепление частиц настолько увеличивается, что при достаточном увеличении температуры для преодоления этого сцепления образование пара становится настолько значительным и настолько мгновенным, что вызывает взрыв. В этом обстоятельстве М. Донни находит объяснение феномену гейзеров, которые находятся в постоянном кипении в течение многих часов, пока, будучи почти очищенными от воздуха, интенсивный внутренний или подземный жар не преодолевает сцепление частиц, и таким образом происходит взрыв.

Лорд Дафферин описывает извержение, свидетелем которого он стал во время своего визита к Гейзерам, но которого он ждал три дня. По его словам, подобно паломникам, окружающим некую древнюю святыню, он и его друзья терпеливо наблюдали; но Огромный Гейзер едва ли соизволил проявить малейшее проявление своей скрытой энергии. Два или три раза они слышали звук, похожий на подземную канонаду, и однажды произошло извержение вулкана высотой около десяти футов. Утром четвертого дня крик проводников заставил их вскочить на ноги и в едином порыве броситься к бассейну. Обычный подземный гром уже начался. Сильное волнение волновало центр бассейна. Внезапно водяной купол поднялся на высоту восьми или десяти футов, затем лопнул и упал; сразу же после этого сверкающий жидкий столб, или, скорее, сноп колонн, окутанных облачением пара, взметнулся в воздух и в серии резких прыжков, каждый выше предыдущего, взметнул свои серебряные гребни к небу. В течение нескольких минут фонтан держался особняком, затем, казалось, внезапно утратил свою восходящую силу. Нестабильные воды дрогнули, обвисли, упали, “как сломанная цель”, обратно на себя и были немедленно засосаны в углубления своей трубы.

Зрелище было поистине великолепное, но никакое описание не может дать точного представления о его наиболее поразительных чертах. Огромное богатство воды, ее жизненная сила, ее скрытая мощь, безграничная широта залитого солнцем пара, струящегося в неисчерпаемом изобилии, — все это в совокупности производит на зрителя почти болезненное ощущение колоссальной энергии малейших движений природы.

Тот же путешественник приводит очень юмористический отчет о Строкре (или “маслобойке”).

Это, по его словам, несчастный Гейзер, который так плохо владеет своим характером и желудком, что вы можете получить от него *подъем*, когда захотите. Ничего больше не нужно, кроме как собрать некоторое количество дерна и выбросить его в воронку. Поскольку у него нет бассейна, защищающего его от подобных вольностей, вы можете подойти к самому краю трубы, которая имеет около пяти футов в диаметре, и посмотреть вниз на кипящую воду, постоянно бурлящую на дне. Через несколько минут только что введенная доза дерна начинает ему не соответствовать; он распаляется до “ужасной страсти”; терзаемый приступами зарождающейся болезни, он стонет и шипит, вскипает и плюет в вас со злобной яростью, пока, наконец, с ревом, в котором смешались боль и ярость, он не выбрасывает в воздух столб воды высотой в сорок футов, увлекая за собой всю брошенную в него грязь, и разбрасывает ее, ошпаренную и полупереваренную, к вашим ногам. Желудок бедняжки настолько раздражен дисциплиной, которой он подвергся, что даже спустя долгое время после того, как все посторонние вещества были выброшены, его продолжает рвать и отплевываться, пока, наконец, природа не истощается, когда, всхлипывая и вздыхая про себя, он опускается обратно на дно своего логова.

Земля вокруг Гейзеров примерно на четверть мили выглядит так, как будто она была “испещрена болезнями в виде многочисленных язв и отверстий”; ни травинки не росло на ее горячей, воспаленной поверхности, которая состояла из нездоровой на вид красной глины мертвенно-бледного цвета или смятых лоскутков и осколков, похожих на наслоения тины.

Область, соответствующая по характеру горному массиву пустыни, который мы описывали, простирается на запад от него до оконечности хребта Снейфилд Сиссел и заканчивается замечательным конусом Снейфилд Джокул.

Берега островов имеют необычно изломанные очертания, а глубокие озера или фиорды, подобные норвежским, только менее романтичные, уходят вглубь на много миль и отбрасывают многочисленные ответвления. Эти фьорды дикие и мрачные; темные, тихие бухты с обрывами по обе стороны, высотой в тысячу футов, и тишина, не нарушаемая ничем, кроме случайного плеска воды или крика одинокой морской птицы. Однако в глубине страны они приобретают более мягкий характер: заканчиваются длинными узкими долинами, орошаемыми приятными ручьями и изобилующими пастбищами. В этих уголках Аркадии жители построили свои города и деревни.

В долинах северного побережья, украшенных зарослями ивы и можжевельника, почва сравнительно плодородна; но самый приятный пейзаж находится на востоке, где в некоторых местах березы достигают двадцати футов в высоту и достаточно велики, чтобы их можно было использовать при строительстве домов. Исландцы используют дрова, которые Гольфстрим привозит из Мексики, Каролинских островов, Вирджинии и реки Святого Лаврентия.

На юге острова средняя температура составляет около 39°; в центральных районах - 36°; на севере она редко поднимается выше 32°, или точки замерзания. Грозы, хотя и редки в высоких широтах, не являются редкостью в Исландии; обстоятельство, которое, без сомнения, связано с атмосферными возмущениями, вызванными вулканическими явлениями. Ураганы здесь часты, и редко бывают дни, когда остров свободен от морских туманов. На северной оконечности солнце всегда находится над горизонтом в середине лета и под ним в середине зимы; но абсолютной темноты здесь нет.

Одно из самых интересных мест Исландии - Тингвалла, где в старину “Альтинг”, или верховный парламент, имел обыкновение проводить свои ежегодные собрания под руководством “Логматурмана”, или президента республики.

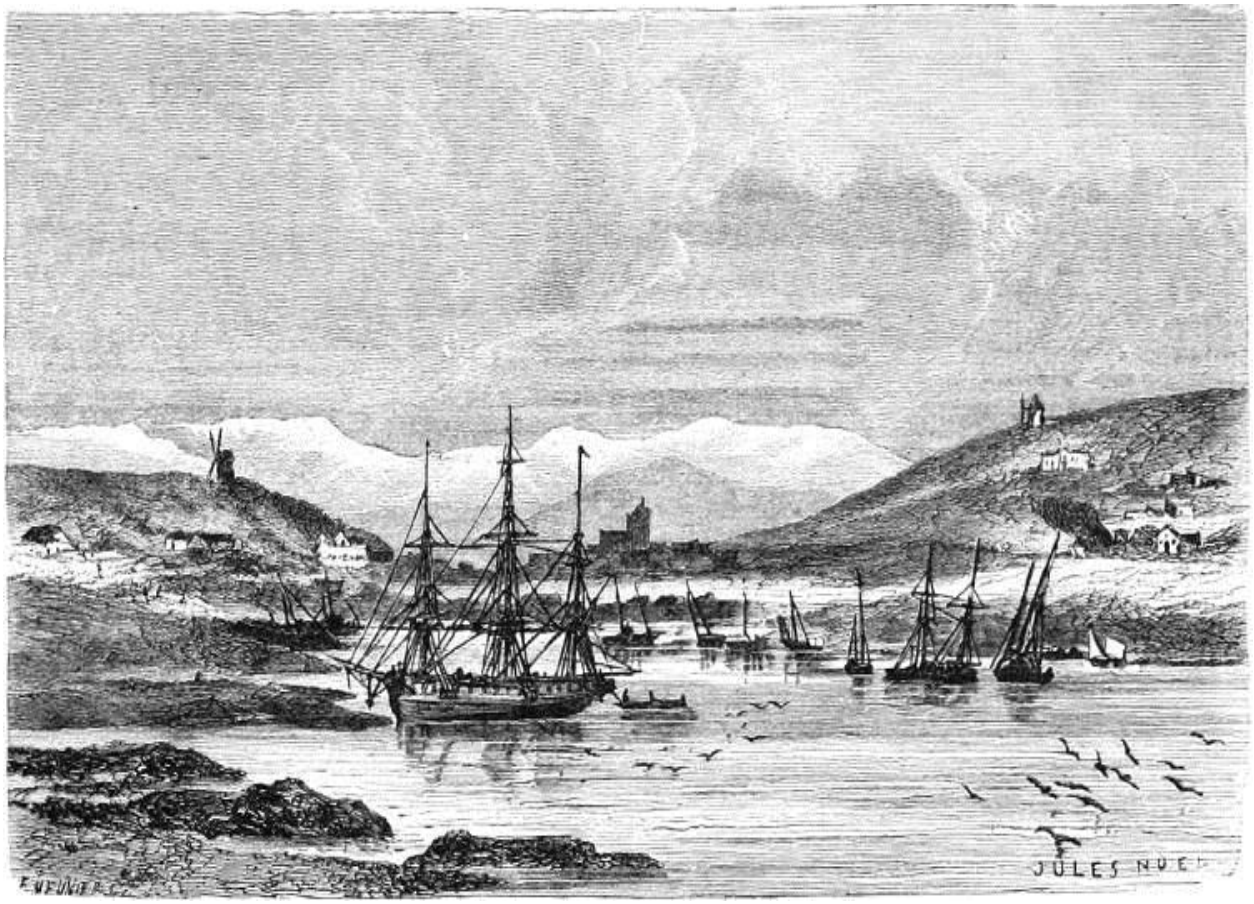
Это не что иное, как широкая равнина на берегу реки Оксера, недалеко от того места, где быстрые воды, образовав величественный каскад, впадают в озеро Тингвалла. Всего лишь равнина, но пейзаж вокруг нее неописуемо величественный и торжественный. По обе стороны раскинулось бесплодное плато, над которым возвышается гряда заснеженных гор, а от плато равнина отделена глубокими пропастями — пропастью Альманна-Гья на востоке и Храфна-Гья на западе. Он имеет восемь миль в ширину, и его поверхность покрыта сетью бесчисленных трещин огромной глубины и ширины. У подножия равнины раскинулось озеро, около тридцати миль в окружности, в центре которого расположены два небольших кратерных острова, образовавшихся в результате какого-то древнего извержения. Горы на его южном берегу имеют романтический вид, и о том, что их вулканическое пламя не погасло, свидетельствуют облака пара, выделяющиеся из горячих источников, стекающих по их скалистым склонам. Фактическим местом встречи Альтинга была неправильная овальная площадка размером примерно двести на пятьдесят футов, почти полностью окруженная расщелиной, такой широкой и глубокой, что она была непроходимой, за исключением тех мест, где узкая дамба соединяла ее с прилегающей равниной и позволяла проникнуть внутрь. В другом месте, правда, окружающая пропасть настолько узка, что ее, возможно, можно преодолеть одним прыжком; и история гласит, что некий Флоси, когда его

яростно преследовали враги, таким образом избежал их; но поскольку падение на дюйм ниже означало бы верную смерть в зеленых водах внизу, пропасть можно рассматривать как относительно надежную преграду для незваных гостей.

Древней столицей острова был Скалхольт, где в одиннадцатом веке была основана первая школа; резиденция епископа; место рождения длинной череды норвежских достойных людей, хрониста Айлифа, лингвиста Гиссура и историка Финнура Джонсона. Но его слава миновала; его величественный собор прекратил свое существование, и только три или четыре коттеджа увековечивают название некогда цветущего города.

Нынешняя столица - Рейкьявик, которому в 1797 году были переданы объединенные епископства Столум и Скалхольт. Он состоит из набора деревянных сараев высотой в один этаж, кое-где переходящих в более претенциозный двускатный конец, протянувшийся вдоль унылой лавы и окруженный с обоих концов пригородом дерновых хижин. Со всех сторон от него простирается унылая лавовая равнина, и мрак выжженного и жуткого пейзажа не рассеивается ни деревом, ни кустарником. Белые горы слишком далеки, чтобы служить фоном для зданий, но перед дверью каждого купеческого дома, обращенной к морю, развевается маленький яркий вымпел; и когда путешественник шагает по тихим улицам, пыль которых никогда не оскверняли колеса карет, ряды цветочных горшков, выглядывающих из окон между белыми муслиновыми занавесками, сразу убеждают его, что, несмотря на их непритязательный вид, в каждом жилище царят “элегантность и уют дома, за которым ухаживают женщины”.

Процветанием Рейкьявик в основном обязан своей превосходной гавани и рыбным промыслам по соседству, которые снабжают его важными товарами коммерческого назначения. Летом и ранней осенью его часто посещают туристы, которые отправляются оттуда, чтобы полюбоваться чудесами Геклы, Скапты и Гейзеров; но самое оживленное время - июль, когда ежегодная ярмарка привлекает туда толпу рыбаков и крестьян. Они прибывают с расстояния в сорок-пятьдесят лиг с длинными вереницами вьючных лошадей, их запас рыбы свободно перекинут через спины животных, а другие товары плотно упакованы в ящики или мешки из оленьей кожи.



ГАВАНЬ РЕЙКЬЯВИКА.

Исландец честен, сдержан, гостеприимен, одержим пылким духом патриотизма и твердо привержен древним обычаям. Он также трудолюбив; и хотя его трудолюбие оплачивается весьма скудно, он зарабатывает достаточно, чтобы удовлетворить свои простые вкусы. В глубине страны он больше всего зависит от своего скота; и поскольку трава является основным продуктом на его ферме, его беспокойство во время сенокоса чрезвычайно велико. Неурожай был бы почти разорением. Однако он прискорбно невежествен в земледелии как науке, мало что делает для улучшения почвы и пользуется орудиями самого примитивного характера. Процесс заготовки сена в Исландии описывается следующим образом:—

Лучший урожай собирают в “туне”, своего рода домашнем парке или выгоне, включающем земли, прилегающие к усадьбе, — единственной части своих владений, которой владелец уделяет какое-либо особое внимание и на благоустройство которой он вкладывает какие-либо усилия. Этот “тун” обнесен стеной из камня или дерна и занимает в среднем два-три акра, хотя иногда достигает десяти. Его поверхность обычно представляет собой ряд плотно прилегающих холмиков, похожих на переполненное кладбище, с каналами или протоками между ними глубиной около двух футов. Сюда прибегает каждый человек, работающий на ферме, или тот, кого фермер может нанять, с косой и граблями с коротким лезвием и приступает к скашиванию грубой густой травы и сгребает ее в небольшие кучки.

После этого косилки спешат расчистить склоны соседних холмов и неосушенные болота.

Эта примитивная сенокоска, столь непохожая на систематическую операцию, носящую это название в Англии, проводится в течение двадцати четырех часов долгого летнего дня. Сено, когда оно достаточно просохнет, скручивается в пучки, перевязывается веревками и ремешками и укладывается на спины пони, которые несут его в приготовленные для этого

глиняные стойла или сараи. И любопытное зрелище представляет собой длинная вереница нагруженных сеном пони, возвращающихся домой. Недоуздок каждого пони привязан к хвосту его предшественника; и маленькие животные настолько подавлены своей ношей, что видны только их копыта и соединяющие их веревки, и они кажутся множеством оживших стогов сена, чувствующих себя достаточно отдохнувшими и неторопливо возвращающихся к своим местам отдыха.

Во время затяжной зимы исландец, конечно, не может работать на улице и проводит время в своей хижине, которая во многих частях острова немногим превосходит ирландскую “хижину”.

Нижняя часть построена из необработанных камней высотой до четырех футов, а между каждым полем уложен слой дерна, который служит вместо строительного раствора и помогает уберечься от холода. Крыша, сделанная из любого доступного дерева, покрыта дерном и дерном. С южной стороны здание украшено дверями и фронтонами, каждый из которых увенчан флюгером. Эти двери являются входами в жилые комнаты и различные служебные помещения, такие как коровник, склад и кузница. Жилые комнаты соединены длинным, темным, узким проходом и отделены друг от друга прочными стенами из дерна. Поскольку у каждой квартиры есть своя крыша, здание, по сути, представляет собой совокупность нескольких низких хижин, которые получают свет через маленькие окна спереди или отверстия в крыше, прикрытые куском стекла или кожи. Полы выложены утрамбованной землей; камин сделан из нескольких камней, грубо сложенных вместе, в то время как дым выходит через отверстие в крыше или через бочку с выбитыми концами, которая служит дымоходом.

В некоторых частях острова вместо камней используется лава, а вместо дерева стропила сделаны из ребер китов. Лошадиный череп - лучшее сиденье для посетителя. Слишком часто одна и та же комната служит местом обедов, посиделок и сна для всей семьи, а кровати - это просто ящики, наполненные перьями или морскими водорослями. Есть, однако, несколько домов более высокого качества, в которых обстановка не сильно отличается от обстановки добротного старомодного английского фермерского дома; стены обшиты деревом, а двери и лестница из того же материала. Несколько гравюр и фотографий, несколько книжных полок, одна или две маленькие картинки украшают гостиную, а аккуратная железная печка и массивные комоды дополняют ее в достаточной степени.

От домов мы переходим к церквям. В Рейкьявике церковь представляет собой каменное здание, единственное каменное здание в городе; но это исключение: большинство церквей не намного лучше жилых домов. Поэтому мы удовлетворимся посещением святилища Рейкьявик, представляющего собой аккуратное и непритязательное сооружение, способное вместить триста или четыреста человек. Исландцы не возражают против “приличного ритуала”, и лютеранский священник носит черную мантию с оборками на шее. Большинство прихожан здесь, как и везде, составляют женщины; некоторые из них одеты в шляпки, а остальные носят национальную черную шелковую тюбетейку, небрежно сдвинутую набок, с длинной черной кисточкой, ниспадающей на плечо, или причудливую митрообразную конструкцию из белого полотна, почти такую же внушительную, как головной убор нормандского крестьянина. Мы можем добавить, что остальная часть костюма исландской леди состоит из черного корсажа, застегнутого спереди серебряными застежками, поверх которого наброшен суконный жакет, пестрящий бесчисленными серебряными пуговицами; вокруг шеи идет жесткая бархатная оборка, расшитая серебряным кружевом; и серебряный пояс, часто красиво отделанный, обвивает длинную темную ватную нижнюю юбку вокруг талии. Иногда украшения сделаны из золота, а не из серебра, и очень дорогие.

Ближе к концу лютеранской службы проповедник сходит с кафедры и, облачившись в великолепную ризу из малинового бархата, поворачивается спиной к прихожанам и нараспев произносит несколько латинских фраз.

Хотя исландцы все еще сохраняют в своих церемониях, по словам недавнего путешественника, некоторые пережитки старой религии, хотя алтари, свечи, картины и распятия все еще стоят во многих их церквях, они убежденные протестанты, на редкость набожные, невинные и чистые сердцем. Преступления, воровство, разврат, жестокость им неизвестны; у них нет ни тюрем, ни виселиц, ни солдат, ни полиции; и в образе их жизни есть что-то от патриархальной простоты, что напоминает о принцах Старого Света, о которых было сказано, что они были "прямыми и совершенными, избегавшими зла, и в их сердцах не было коварства".

В сельских округах, если такое выражение уместно применить к какой-либо части Исландии, церковь практически не отличается от любого другого здания, за исключением креста, установленного на ее крыше. Обычно его размеры составляют от восьми до десяти футов в ширину и от восемнадцати до двадцати четырех футов в длину; но из этого пространства около восьми футов отведено алтарю, который отделен деревянной перегородкой, протянувшейся через всю церковь, сразу за кафедрой. Стол для причастия - это не что иное, как небольшой деревянный сундук или буфет, расположенный в торце здания, между двумя маленькими квадратными окнами, каждое из которых образовано одним стеклом обычного размера. Над столом подвешена жалкая мазня по дереву, предназначенная для изображения Тайной вечери. Стены, обшитые деревянными панелями, имеют высоту около шести футов, а из стороны в сторону тянутся прочные деревянные балки. На них небрежно разбросано несколько старых Библий, псалтырей и отрывных листов грязных и устаревших рукописей. Внутренняя часть крыши, стропила которой опираются на стены, также облицована деревом. Для прихожан из тридцати-сорока душ предусмотрено помещение в виде нескольких грубых скамеек.

Какими бы бедными ни были церкви, пасторы все равно беднее. Лучшее пособие на острове стоит не намного больше 40 фунтов стерлингов в год; средняя стоимость составляет 10 фунтов стерлингов. Сам епископ получает не более 200 фунтов стерлингов. Таким образом, основная поддержка духовенства исходит от их поместий, получаемых за счет небольших сборов, взимаемых за крещения, бракосочетания и похороны.

В таком случае читатель не удивится, узнав, что исландское духовенство живет бедно и много работает. Они помогают на сенокосе; они нанимаются пастухами; они выступают в роли вожаков караванов вьючных лошадей, которые доставляют продукты острова в порты и возвращаются, нагруженные предметами первой необходимости; и они проявляют себя как кузнецы, ветеринары и подковщики лошадей.

Доктор Хендерсон приводит интересный и наглядный отчет о визите, который он нанес одному из таких "бедных священников", Джону Торлуксону, который, зарабатывая на жизнь подобной тяжелой работой, перевел "Потерянный рай" Мильтона и "Эссе о человеке" Поупа на исландский.

"Как и большинство его собратьев, в это время года, - говорит доктор Хендерсон, - мы нашли его на лугу, помогающим своим людям на сенокосе. Услышав о нашем прибытии, он поспешил домой со всей поспешностью, какую позволяли его возраст и немощь, и, поприветствовав нас в своем скромном жилище, провел в скромную комнату, где переводил моих соотечественников на исландский. Дверь была не совсем четырех футов в высоту, а комната могла быть примерно восьми футов в длину и шести в ширину. Во внутреннем

конце стояла кровать поэта, а рядом с дверью, у маленького окна, не более двух квадратных футов, стоял стол, на котором он записывал излияния своей музы. Когда я сказал ему, что мои соотечественники не простили бы мне, да и я сам не смог бы простить себя, если бы проезжал через эту часть острова, не нанеся ему визита, он ответил, что перевод Мильтона доставил ему много приятных часов и часто давал повод подумать об Англии".

Это правда, что этот отрывок был написан около пятидесяти пяти лет назад, но положение духовенства Исландии за это время не сильно улучшилось.

Путешествие по Исландии, даже при более благоприятных условиях, вызванных постоянным притоком туристов, не обходится без трудностей и дискомфорта. Страна не только лишена постоялых дворов и обычных удобств для удобства путешественников, но и многое, очень многое зависит от погоды. При ясном небе над головой небольшие *расхождения*, которые в плохую погоду перерастают в очень серьезные неприятности, можно расценить как тривиальные и недостойные внимания. Единственный способ передвижения - верхом, поскольку здесь нет дорог, экипажи были бы бесполезны; в то время как расстояния между различными достопримечательностями слишком велики, реки слишком бурны, а болота слишком обширны для пеших прогулок. Даже самому умеренному туристу требуется пара верховых лошадей для себя, пара для своего гида и пара вьючных лошадей; а когда путешествует большая компания, она разрастается в кавалькаду из двадцати-тридцати лошадей, привязанных голова к хвосту, которые медленно пробираются по неровным слоям лавы или опасной заболоченной местности.

Одно дело, как замечает лорд Дафферин, проезжать сорок миль в день по самым необычным пейзажам в мире, когда великолепное солнце придает каждой черте ландшафта поразительную отчетливость, превращая унылую измученную землю в башни, купола и шпили из сверкающего металла и облачая каждую вершину в многоцветное сияние, подобное тому, какими, должно быть, были "Спорные горы" во сне Баньяна; и совсем другое - тащиться те же сорок миль, промокнув до нитки, не видя ничего, кроме тускло-серых оснований холмов, которые, по-видимому, были во сне Баньяна. подниматься ты не знаешь, как, и тебе все равно, куда. "Если вдобавок к этому вам придется ждать, как это бывает очень часто, в течение многих часов после вашего собственного прибытия, мокрым, усталым, голодным, пока не подойдет обоз с палатками и едой, а тем временем у вас не будет иного выбора, кроме как лежать, дрожа, в доме с травяной крышей или делить жилье с какой-нибудь фермерской семьей, домашний уклад которой во всех деталях напоминает тот, который, по описанию Маколея, был преобладающим среди шотландских горцев сто лет назад; и если, наконец, после тщетного ожидания в течение нескольких дней, чтобы увидеть человека, живущего в Шотландии". извержение, которого так и не произошло, вы возвращаетесь в Рейкьявик в тех же печальных условиях, и не будет ничего противоестественного в том, что, вернувшись на свою родину, вы объявите Исландию с ее гейзерами обманом, иллюзией и западней!"

В Исландии нет мостов; никаких мостов, за исключением нескольких досок, перекинутых через Бруэру, и подвесного моста, или клафе, перекинутого через Йокюльсу; и, как это до сих пор имеет место в некоторых частях Шотландского нагорья, путешественнику приходится переходить вброд ручьи, которые всегда быстры, а иногда и неудобно глубоки. Следовательно, переправа через реку - это сложное предприятие, как можно заключить из опыта мистера Холланда и других путешественников.

Проводник указывает путь, и караван послушно следует за ним, сдерживая, насколько это возможно, стремительный поток. Часто кипящая вода поднимается высоко над плечами лошади и бросает тучи брызг в лицо всадникам. Течение настолько неистово быстрое, что невозможно уследить за отдельными волнами, когда они проносятся мимо, и при взгляде на него почти кружится голова. Сейчас, как никогда, настало время для твердой руки, надежной посадки и пристального взгляда: течение не только сильное, но и на дне его полно крупных камней, которые лошадь не может разглядеть в темных водах; и если она упадет, поток унесет вас к морю, чьи белые буруны отчетливо видны, когда они ползут вдоль гулкого пляжа на расстоянии мили. К счастью, хотя они и жаждут добычи, они не будут удовлетворены. Плавание было бы бесполезным, но “исландский водяной конь” редко ошибается или делает неверный шаг. Но другая опасность заключается в ледяных глыбах, сметаемых бурлящими волнами, многие из которых достаточно велики, чтобы опрокинуть лошадь и всадника.

Как лошади могут противостоять такому потоку, удивляется каждый путешественник; да они и не сделали бы этого, если бы не были приучены к этому предприятию с самой юности. Исландцы, живущие во внутренних районах страны, держат лошадей, известных своими способностями переходить вброд трудные реки, и никогда не отваживаются пересечь опасный поток, если не оседлают опытного “водяного коня”.

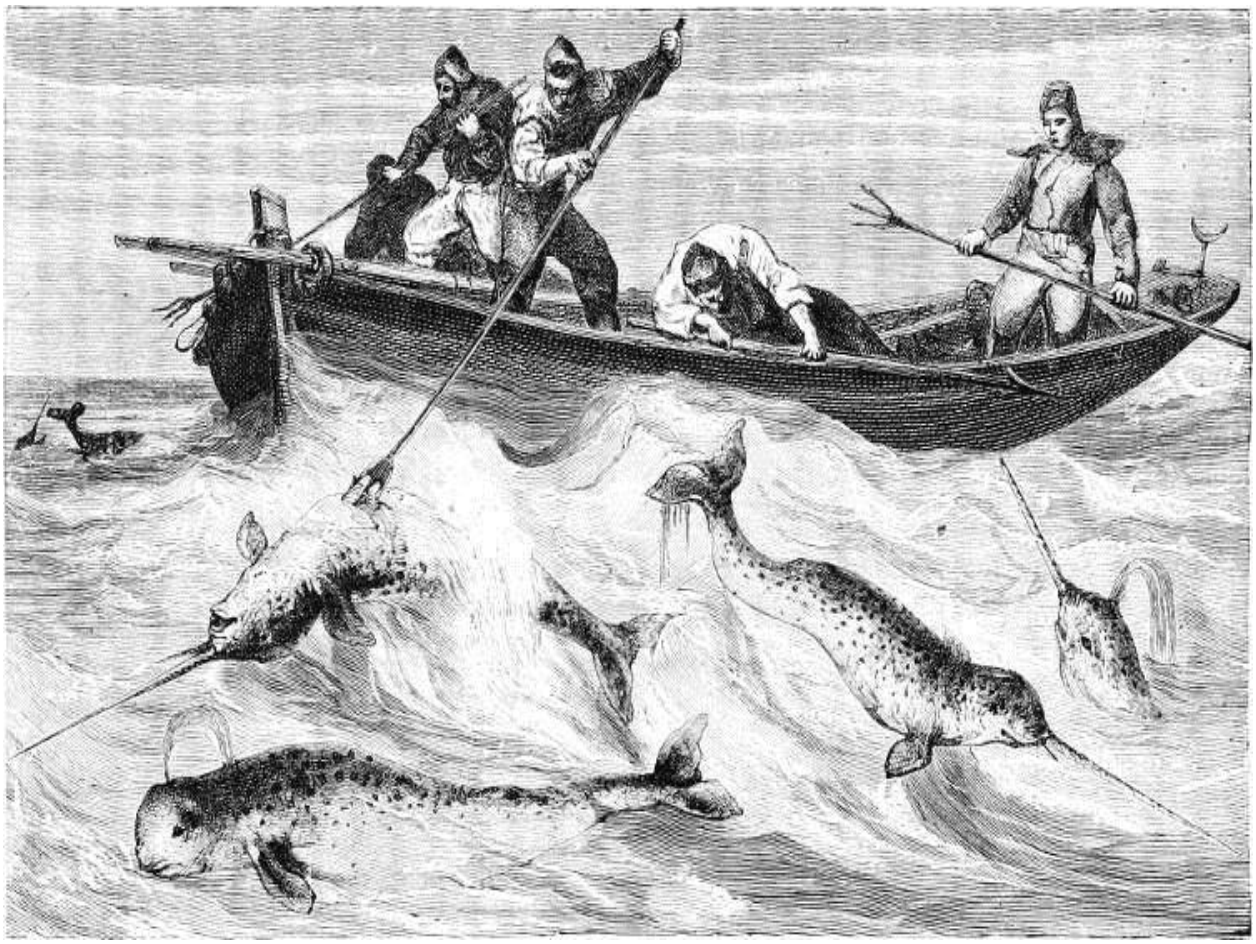
Действия исландских лошадей при переправе через быструю реку очень своеобразны. Они опираются всем своим весом *на* течение, чтобы максимально противостоять ему, и движутся вперед характерным боковым шагом. Это предложение неприемлемо. Кажется, что ваша лошадь топчется на месте, как солдат на учениях, не набирая оборотов, и поскольку прогресс действительно очень медленный, берег, с которого вы начали, кажется, отступает от вас, в то время как то, к чему вы привязаны, кажется, не приближается.

В середине течения рев воды часто бывает настолько силен, что путешественники не могут разобрать друг друга по голосам. Шум потока, бурление брызг, хруст плавучего льда, скрежет камней и валунов о дно — и все эти звуки сливаются в один сбивчивый хаотичный гул. До этого момента, а диагональные линии, а вниз по течению, осторожно следовали; но когда к середине достигается, лошадей голов поворачиваются немного *в сторону* течения, и после долгих усилий и множества рисков на противоположном берегу находится в безопасности.

Лорд Дафферин совершенно справедливо говорит, что путешественнику по Исландии постоянно напоминают о Востоке. С древнейших времен исландцы были народом, живущим в палатках. Во времена древнего Альтинга законодатели в течение всей сессии располагались лагерем в передвижных кабинках вокруг места проведения совета. В их внутреннем устройстве есть что-то патриархальное, и сама миграция их предков из Норвегии была протестом против антагонистического принципа феодализма. Ни один араб не мог бы гордиться своим резвым скакуном больше, чем исландец своим маленьким рослым, уверенным в себе пони: ни один азиат не мог бы уделять большего внимания обязанностям гостеприимства; в то время как торжественный обмен приветствиями между двумя группами путешественников, когда они проходят мимо друг друга в том, что повсеместно называется “пустыней”, не недостоин величественной учтивости самого серьезного из арабских шейхов.

Трудно представить себе что-либо более разнообразное, чем грузы, которые эти караваны ввозят во внутренние районы: сосновые доски, веревки, бочонки с бренди, мешки с ржаной или пшеничной мукой, соль, мыло, сахар, нюхательный табак, табакерки, кофе; по правде говоря, все, что необходимо для домашнего потребления в унылый зимний сезон. В обмен на эти товары исландцы дают необработанную шерсть, вязаные чулки, рукавицы,

вяленую треску, рыбий жир, китовый жир, лисьи шкуры, гагачий пух, перья и исландский мох. Ежегодный экспорт шерсти с острова составляет более 1 200 000 фунтов. шерсти и 500 000 пар чулок и варежек.



ИСЛАНДЦЫ ЛОВЯТ НАРВАЛА НА УДОЧКУ.

Любителям рыбной ловли Исландия предлагает множество развлечений. Ручьи изобилуют лососем, а соседние моря изобилуют тюленями, торском и сельдью. Промысел нарвалов также продолжается и имеет свои странные и захватывающие особенности. Используемое орудие - это просто трехзубый гарпун, похожий на трезубец, которым рыбак поражает рыбу, когда она всплывает на поверхность; его ловкость и хладнокровие настолько велики, что он редко промахивается мимо цели.

Об Исландии и исландцах написано множество работ на английском языке; наиболее заслуживающими доверия являются работы доктора Хендерсона, профессора Форбса, Холланда, Чемберса и лорда Дафферина. Король Дании посетил Исландию в 1874 году.

ГЛАВА VII.

ЭСКИМОСЫ.

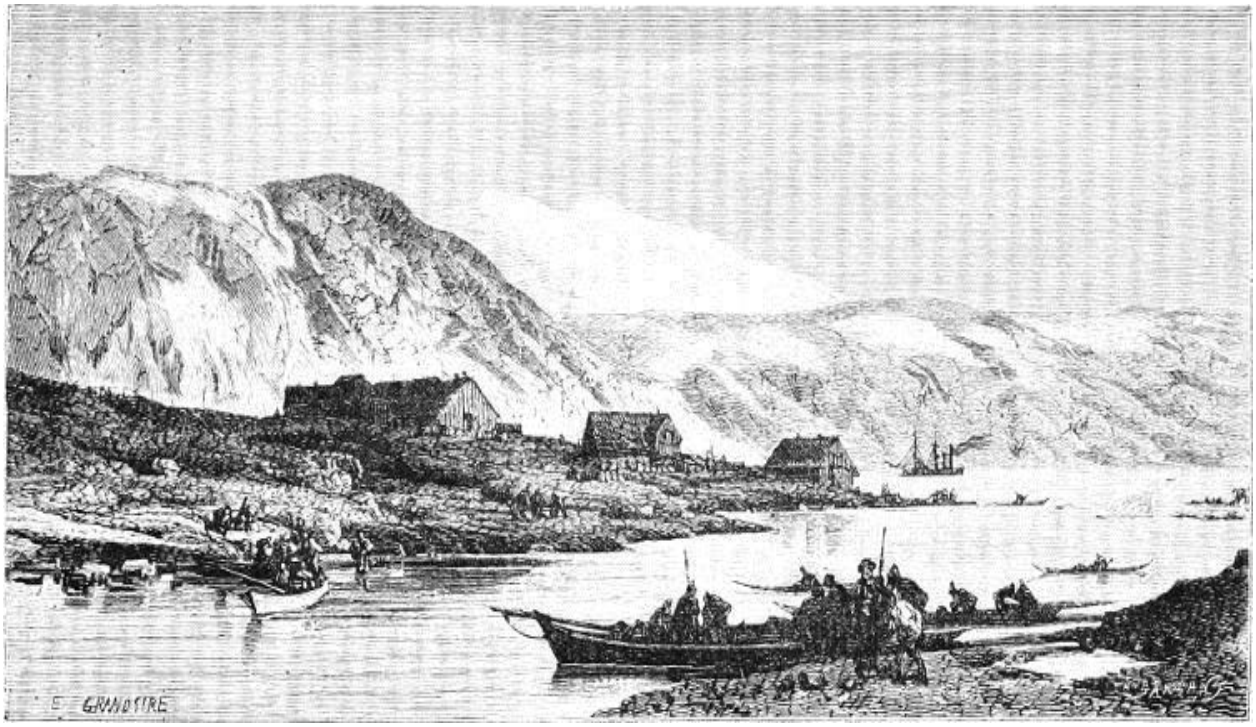
Территория эскимосов очень обширна. От Гренландии и Лабрадора они простираются по всем побережьям Арктической Америки до крайней северо-восточной точки Азии. Несколько эскимосских племен независимы; другие признают правление Великобритании, Дании, России, а совсем недавно и Соединенных Штатов. Китобои встречаются с ними на берегах Баффинова залива и в ледяном море за Беринговым проливом; исследователь выследил их до пролива Смита, шоссе к Северному полюсу; и хотя они опускаются ниже широты Вены, они заходят так далеко на север, что достигают 81-й и 82-й параллелей. Они - аборигены ледяных и снежных пустынь, древние хозяева арктической дикой природы, и вся Полярная Америка является их давно признанными владениями. В определенной степени они ведут кочевой образ жизни; вынуждены мигрировать из-за климатических условий, в которых они живут, и вынуждены искать свое скудное пропитание в новой местности, когда они исчерпали возможности любой выбранной среды обитания. Как рассказывает нам мистер Маркхэм, следы прежних обитателей обнаруживаются в самых мрачных пустошах арктических регионов, в стерильных и безмолвных местностях, где сейчас царит только одиночество. Известно, что эти дикие места были необитаемы на протяжении веков; тем не менее, они покрыты памятниками странникам или временным обитателям ушедшей эпохи. Кое-где, в Гренландии, в Бутии, на американском побережье, где возможна жизнь, все еще можно встретить потомков бывших кочевников.

"Открытие Арктики" пока остановилось примерно на 82 ° на западном побережье и 76 ° на восточном, от Гренландии. Эти две точки находятся примерно в шестистах милях друг от друга. В обоих пунктах были жители, хотя они отделены непригодным для жизни промежутком от поселений дальше на юг; таким образом, мы можем заключить, что *терра инкогнита* дальше на север также заселена или была когда-то заселена. В 1818 году было обнаружено , что небольшое племя эскимосов населяло суровое западное побережье Гренландии между 76 ° и 79 ° Северной широты . Они не могли проникнуть на юг из-за ледников залива Мелвилл; они не могли проникнуть на север, потому что всякое продвижение в этом направлении запрещено большим ледником Гумбольдта; в то время как огромный внутренний ледник *Серник-сук* удерживал их на узкой полосе морского побережья. Эти так называемые “арктические горцы” насчитывают около ста сорока душ, и в течение всей зимы их ненадежное пропитание зависит от рыбы, которую они ловят в открытых водоемах и протоках. При сходных условиях вполне вероятно, что эскимосские племена могли существовать еще севернее; или если, как предполагают географы, Полюс действительно окружает открытое море и преобладает более теплая атмосфера, условия их существования обязательно будут более благоприятными.

Прежде чем мы перейдем к описанию особенностей эскимосов, мы должны кратко остановиться на датских поселениях в Гренландии, которые постепенно привлекают

немалое их число в пределы цивилизации. Они разбросаны вдоль побережья, как множество центров света и жизни; но наиболее важными с коммерческой точки зрения являются Упернавик, Якобсхавн и Годхавн.

Упернавик - главный город округа, который простирается от 70-го до 74-го градуса северной широты и отличается тем, что является самым северным цивилизованным регионом в мире. Его северная граница представляет собой самый дальний шаг цивилизации в ее долгой борьбе с арктическим климатом.

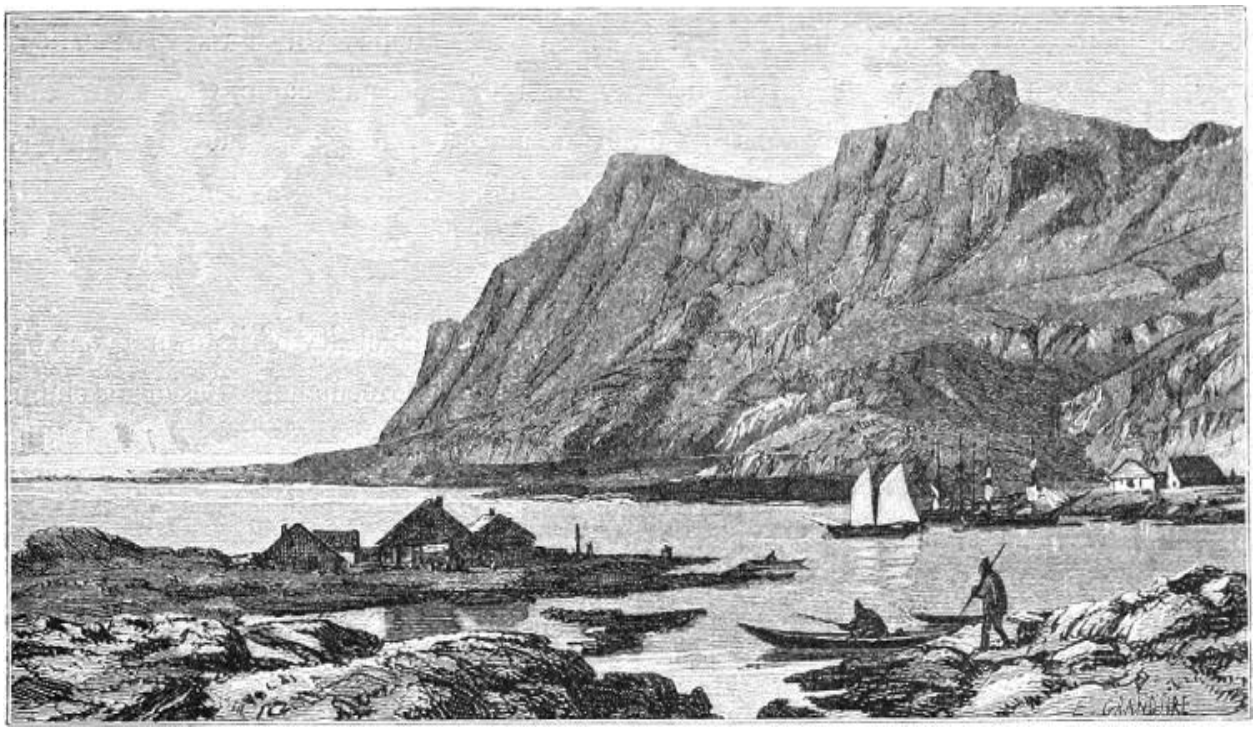


УПЕРНАВИК, ГРЕНЛАНДИЯ.

Город Упернавик расположен на вершине поросшего мхом холма, который спускается к небольшой, но защищенной гавани. В нем находится здание правительства, обмазанное смолой; пара лавок; жилые дома для датских чиновников; несколько деревянных хижин, в которых живут датчане; и несколько хижин из камня и дерна, перемежающихся палатками из тюленьих шкур, в которых размещаются туземцы. Его главными свидетельствами цивилизации являются аккуратная маленькая церковь и дом священника.

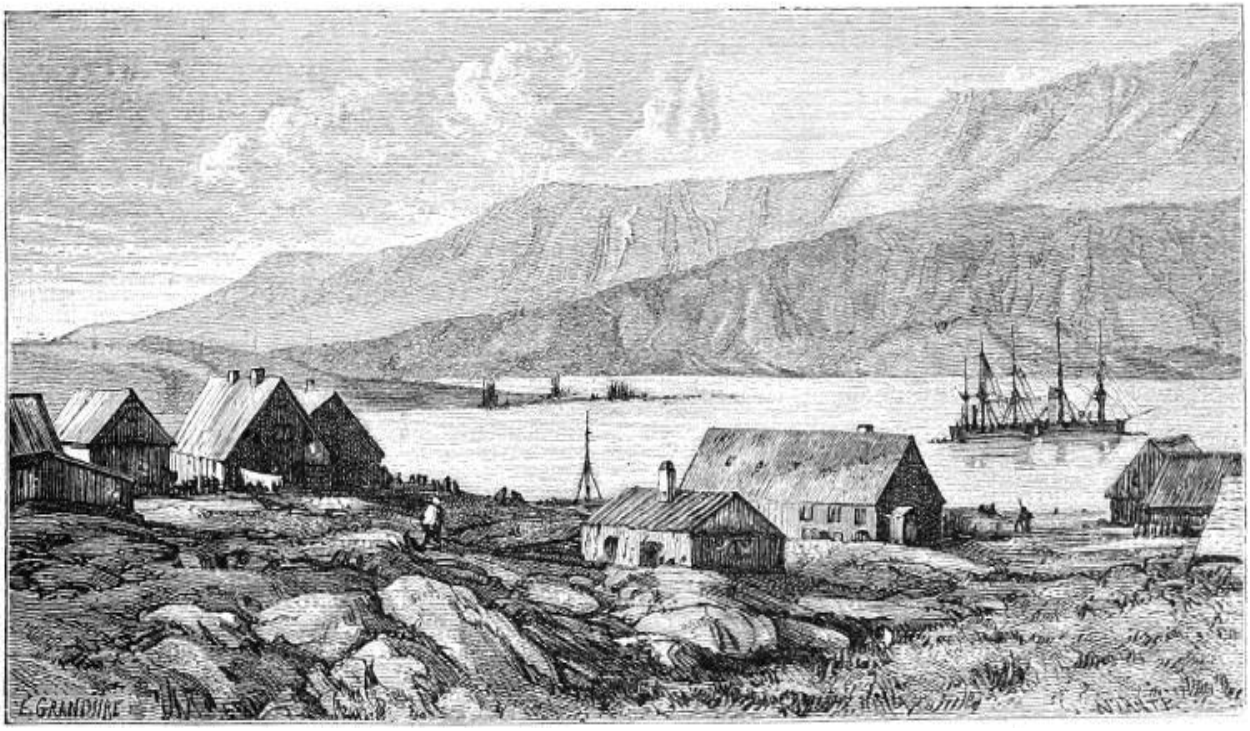
Жители в основном заняты рыбной ловлей и охотой, а также изготовлением подходящей одежды для защиты человеческого тела от зимних холодов. Шкуры северного оленя, тюленя и собаки ловко превращаются в капюшоны, куртки, брюки и ботинки. Последние - триумфы изобретательности. Они сделаны из тюленьей кожи, которая была выделана попеременным замораживанием и оттаиванием; сшиты из сухожилий, ”гофрированы" и подогнаны к ноге с одинаковым вкусом и мастерством. Доктор Хейс сообщает нам, что гренландские женщины, не лишенные любви к нарядам, характерной для их пола, отделывают свои сапоги совершенно очаровательным образом и выбирают самые яркие цвета. Красные сапоги, или белые, отделанные красным, по его словам, носились чаще всего, хотя разнообразию не было предела, как и прихотливости фантазии, которая это предлагала. И трудно было бы представить себе более гротескное зрелище, чем толпа красно-желтых, белых, фиолетовых и синеногих женщин, которые толпятся на пляже всякий раз, когда в гавань входит чужой корабль.

Население Упернавика насчитывает сейчас около двухсот пятидесяти душ, в том числе около сорока или пятидесяти датчан, большее число полукровок, остальные - коренные гренландцы, то есть эскимосы.



ОСТРОВ ДИСКО, ГРЕНЛАНДИЯ.

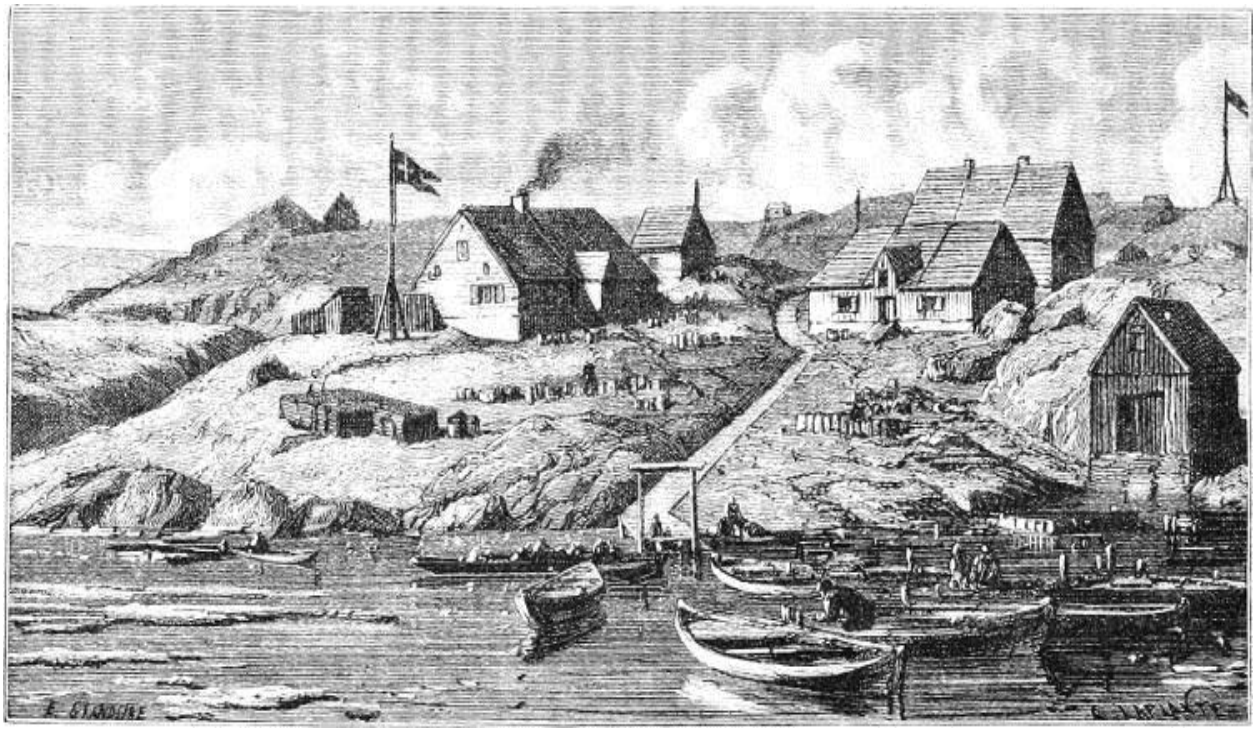
При описании *одного* датского поселения мы описываем все, поскольку они обладают совершенно одинаковыми характеристиками, разница между которыми заключается только в численности населения.



ГОДХАВН, ОСТРОВ ДИСКО, ГРЕНЛАНДИЯ.

Якобшав'н и Годхав'н расположены на острове Диско, который отделен от западного побережья Гренландии проливом Вейгат и был описан как одно из самых замечательных мест в Арктическом мире. Традиция гласит, что он был перенесен из южного региона в его нынешнее положение могущественным колдуном; и огромная дыра в скале указана как овраг, через который он пропустил свою веревку. Это высокий остров, и его побережье окружено высокими утесами-ловушками самого внушительного вида. Недалеко от его юго-западной оконечности, на лат. 69 ° южной широты, низкий скалистый отрог или язык гранита выдается в море примерно на полторы мили - полуостров при низкой воде и остров при высокой - и образует уютную маленькую нишу Годхав'на, или Хорошую гавань. К северу от залива, среди скалистых утесов, которые перпендикулярно поднимаются из моря на высоту 2000 футов, лежит город с тем же названием, который наши английские китобои знают как Ливелли, вероятно, искаженное прилагательное *оживленный*; ибо крошечная колония является столицей Северной Гренландии; и с начала нынешнего столетия она была излюбленным местом встреч рыболовных флотов и исследовательских экспедиций.

Дальше к северу находится Якобсхавн, который пользуется собственной известностью как одна из древнейших моравских миссионерских станций на севере Гренландии. Помимо церкви, он может похвастаться колледжем для обучения местных жителей, которые хотят быть полезными своим соотечественникам в качестве катехизаторов или учителей. Трудолюбие было настолько велико, и миссионеры пользовались таким заслуженным влиянием, что сейчас в этой части Гренландии трудно найти женщину-эскимоску, которая не умеет читать и писать. До датской колонизации Гренландии язык местных жителей был исключительно устным. Только с помощью речи они могли выражать свои простейшие идеи; а изобразительное искусство североамериканских индейцев было выше их мастерства. Но миссионеры возвели эскимосский язык в ранг письменных языков. В Годтхаабе печатный станок работает на полную мощность и уже выпустил несколько очень интересных исторических рассказов и эскимосских традиций.



ДАТСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ЯКОБСХАВН, ГРЕНЛАНДИЯ.

Как и все гренландские колонии, Якобсхавн обязан своим процветанием ловле тюленей. Более того, гренландский, или “правильный” кит, во время своих ежегодных миграций на юг входит в соседние воды в сентябре и обеспечивает работой рыболовецкое население.

В окрестностях Якобсхавна огромный ледник, одно из ответвлений великого центрального *мер-де-глас* Гренландии, спускается к морю. Тем не менее, говорят, что температура здесь мягче, чем в Годхавене.

Следующие замечания, конечно, применимы к тем эскимосам, которые все еще ведут кочевой образ жизни и практически ничего не получили от христианской цивилизации датских поселений и моравских миссий.

Между собой эскимосы известны как *инуиты*, или “люди”; моряки судов Гудзонова залива издавна привыкли называть их *Сеймос* или *Сукемос* — имена, происходящие от криков *Сеймо* или *Теймо*, которыми они приветствуют прибытие торговцев; в то время как древнескандинавцы называли их, намекая на их нестройные крики или выражая свое бесконечное презрение, *Скрелингерами*, “крикуны” или “негодяи”.

Европеец чувствует побуждение пожалеть о суровой судьбе, которая обрекает его населять один из самых унылых и негостеприимных регионов земного шара, где лишь немногие мхи и лишайники или растения, едва ли стоящие выше по шкале творения, могут с трудом поддерживать существование; где наземных животных и птиц немного; и где человеческая жизнь была бы невозможна, если бы не пища, которую в изобилии доставляют океанские воды. Поскольку они питаются в значительной степени рыбой и китообразными, они почти всегда обитают вблизи побережья и никогда не проникают вглубь страны на сколько-нибудь значительное расстояние.

На востоке эскимосы в течение нескольких столетий подвергались цивилизующему влиянию англичан и голландцев; на западе они долгое время находились под железным правлением московитов. На севере и в центре их общение с европейцами всегда было случайным и незначительным. Следовательно, понятно, что различные ветви этой широко распространенной расы обязательно должны демонстрировать некоторое разнообразие характеров и что одно и то же описание манер и образа жизни не во всех отношениях с одинаковой точностью применимо к диким и языческим эскимосам крайних северных берегов и островов, греко-католическим алеутам, верным слугам Компании Гудзонова залива и ученикам моравских братьев на Лабрадоре или Гренландии. Однако различия ни в коей мере не важны, и можно усомниться в том, что какая-либо другая раса, живущая в таких специфических условиях и распространяющаяся на такой обширной территории, может демонстрировать так мало и столь незначительных специфических разновидностей. Когда человек думает об эскимосе, он, естественно, вызывает в уме определенный образ: человека среднего роста или ниже среднего, с широким плоским лицом, узким сужающимся лбом и узкими или более или менее раскосыми глазами; и окажется, что этот образ или тип распространен по всей длине и ширине эскимосской Америки. Эскимос, вообще говоря, по-видимому, произошел от монгольского предка; во всяком случае, он не может претендовать на родство с краснокожими индейцами. К счастью для европейца, если он и уступает последнему по физическим качествам, то превосходит его по щедрости и дружелюбию нрава.

Об эскимосах иногда говорят, как о карликах или лилипутах, но это не так. Они ниже среднего француза или англичанина, но в заливе Камден были найдены особи ростом от пяти футов десяти дюймов до шести футов. Доктор Кейн говорит об эскимосах в проливе Смита, которые были на целый фут выше его самого. Однако в отношении самок верно то, что они сравнительно невелики.

Эскимосы - крепкая, широкоплечая раса, значительно более сильная, чем любая другая раса Северной Америки. У представителей обоих полов руки и ноги маленькие и правильной формы. Их мышцы сильно развиты благодаря постоянным упражнениям при охоте на тюленя и моржа. Они также являются сильными борцами и ни в коем случае не могут соперничать со спортивными знаменитостями Девона и Корнуолла. Их физиономии, несмотря на отсутствие красоты, далеко не неприятны; выражение их лиц жизнерадостное и добродушное, и долгая зимняя ночь, кажется, не омрачает их настроения и не угнетает их энергию. Самки хорошо сложены, и хотя их нельзя назвать красивыми, вряд ли их можно назвать уродливыми. У них очень белые и правильные зубы, а цвет лица теплый, чистый и приятный. Это правда, что их невозможно разглядеть в полную силу из—за слоев грязи, которыми они скрыты; но они не намного темнее, чем у темных брюнеток, а что касается грязи - что ж, возможно, она предпочтительнее косметики!

Даже в Арктическом мире женщина, похоже, осознает влияние своих чар, и мужчина, похоже, готов признать это. Они заплетают свои черные и блестящие волосы — эти эскимосские красавицы! — с большой тщательностью и вкусом; и они татуируют свой лоб, щеки и подбородок несколькими изогнутыми линиями, которые производят не совсем неприятный эффект.

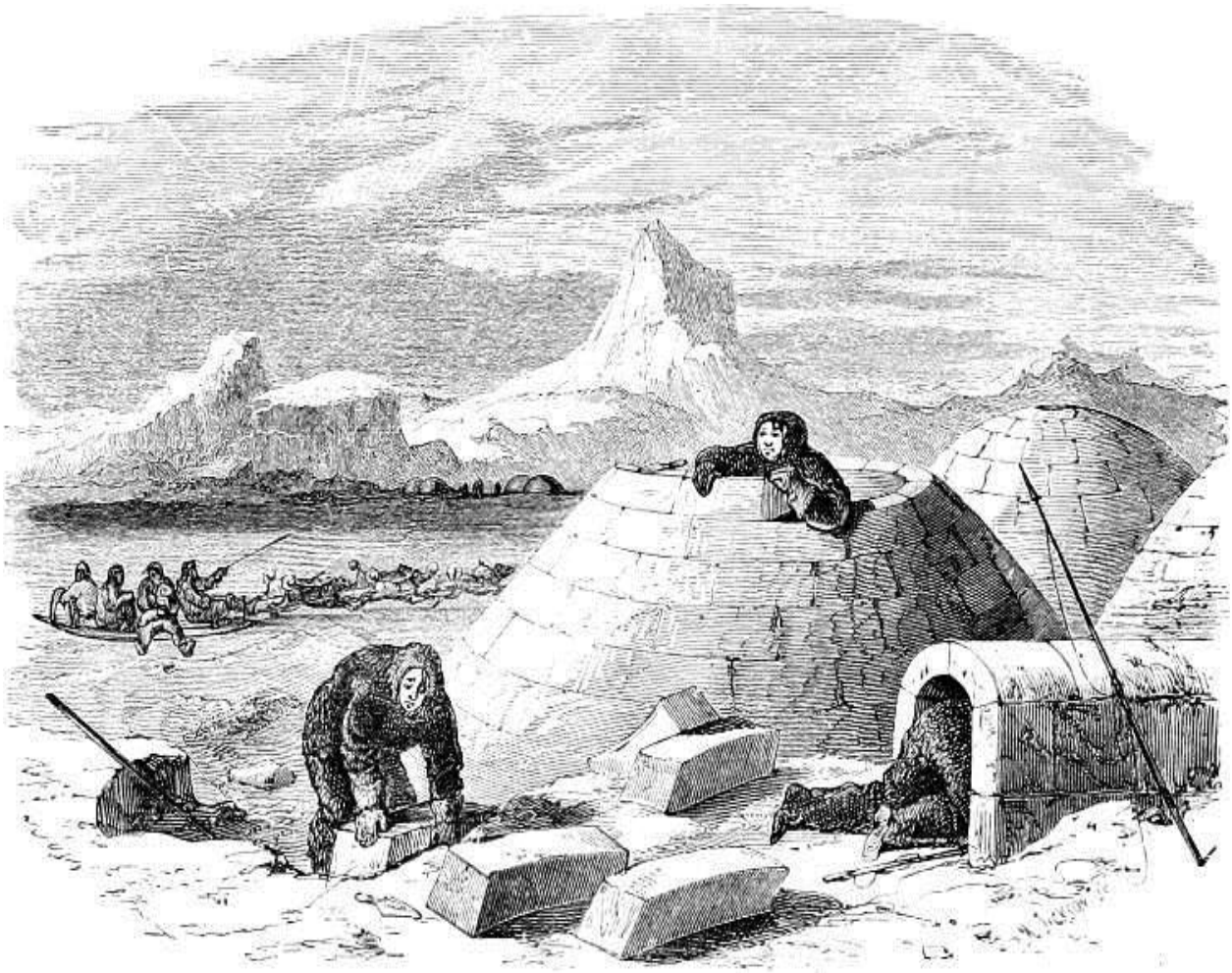
От Берингова пролива на восток, вплоть до реки Маккензи, самцы прокалывают нижнюю губу возле каждого угла рта, чтобы подвесить к ней украшения из синего или зеленого кварца или слоновой кости в форме пуговиц. Некоторые вставляют маленькое перо из слоновой кости или зубную раковину в хрящ носа. Кроме того, они украшают себя нитками стеклянных бус; или, когда и где их невозможно достать, нитками из зубов овцебыка, волка или лисицы; подвешивают их к подолу куртки или обвивают вокруг талии наподобие пояса.

Влияние климата на одежду - это тема, которую мы предлагаем вниманию искусствоведов и философов-эстетиков. В пределах Полярного круга проблема, требующая решения, заключается в том, как обеспечить максимальную защиту человека, не делая костюм слишком тяжелым или громоздким; и эскимосы преуспели в удовлетворительном решении этой проблемы. Они могут бросить вызов суровости арктической зимы, ее экстремальным холодам, сильнейшим штормам и заниматься своими делами на открытом воздухе даже в унылые ранние зимние сумерки, настолько искусно их одежда приспособлена к условиям, в которых они живут. Их сапоги, сделанные из тюленьей кожи и подбитые пуховыми шкурками птиц, полностью водонепроницаемы; их перчатки большие, но защищают руки от обморожения; они носят две пары бриджей из оленьей или тюленьей кожи, нижняя пара которых покрыта плотной, теплой, стимулирующей рост шерстью, прилегающей к телу; и две куртки, верхняя из которых снабжена большим капюшоном, полностью закрывающим голову и лицо, все, кроме глаз. Женщины одеты подобным образом, за исключением того, что их верхняя куртка немного длиннее, а капюшон, в котором они носят своих детей, значительно больше; и что летом они заменяют кожаную куртку водонепроницаемой рубашкой, или *камлейкой*, сделанной из внутренностей тюленя или моржа. Они шьют свои ботинки так плотно, что делают их непроницаемыми для влаги, и так аккуратно, что их можно почти причислить к разряду произведений искусства. На Лабрадоре женщины носят своих младенцев в сапогах, которые для этой цели имеют длинный заостренный клапан спереди.

В предыдущей главе мы случайно говорили об эскимосских хижинах. Они, как и эскимосская одежда, превосходно адаптированы к условиям страны и характеру климата. В качестве материалов используются замерзший снег, земля, камни или плавник. Снежная хижина представляет собой куполообразное сооружение, построенное следующим образом:—

Сначала строители очерчивают круг на гладкой ровной поверхности снега, а снег, собранный в пределах определенной таким образом области, разрезают на плиты и используют для возведения стен, оставляя лед под ними в качестве настила.

Щели между плитами и любые случайные трещины заделывают, засыпая здание несколькими лопатами рыхлого снега. Обычно в работе участвуют два человека; и когда купол закончен, тот, кто находится внутри, прорубает низкую дверь, через которую он пролезает. Поскольку толщина стен не превышает трех-четырех дюймов, они пропускают внутрь мягкий приглушенный свет, но обычно добавляют окно из прозрачного льда. Не только хижина, но и мебель внутри нее сделана из снега; снежные сиденья, снежные столы, снежные кушетки — последние становятся удобными благодаря покрытиям из шкур. Чтобы исключить проникновение холодного наружного воздуха, вход защищен прихожей и крыльцом; а для обеспечения связи из одной хижины в другую проведены крытые переходы.



СТРОИМ ЭСКИМОССКУЮ ХИЖИНУ.

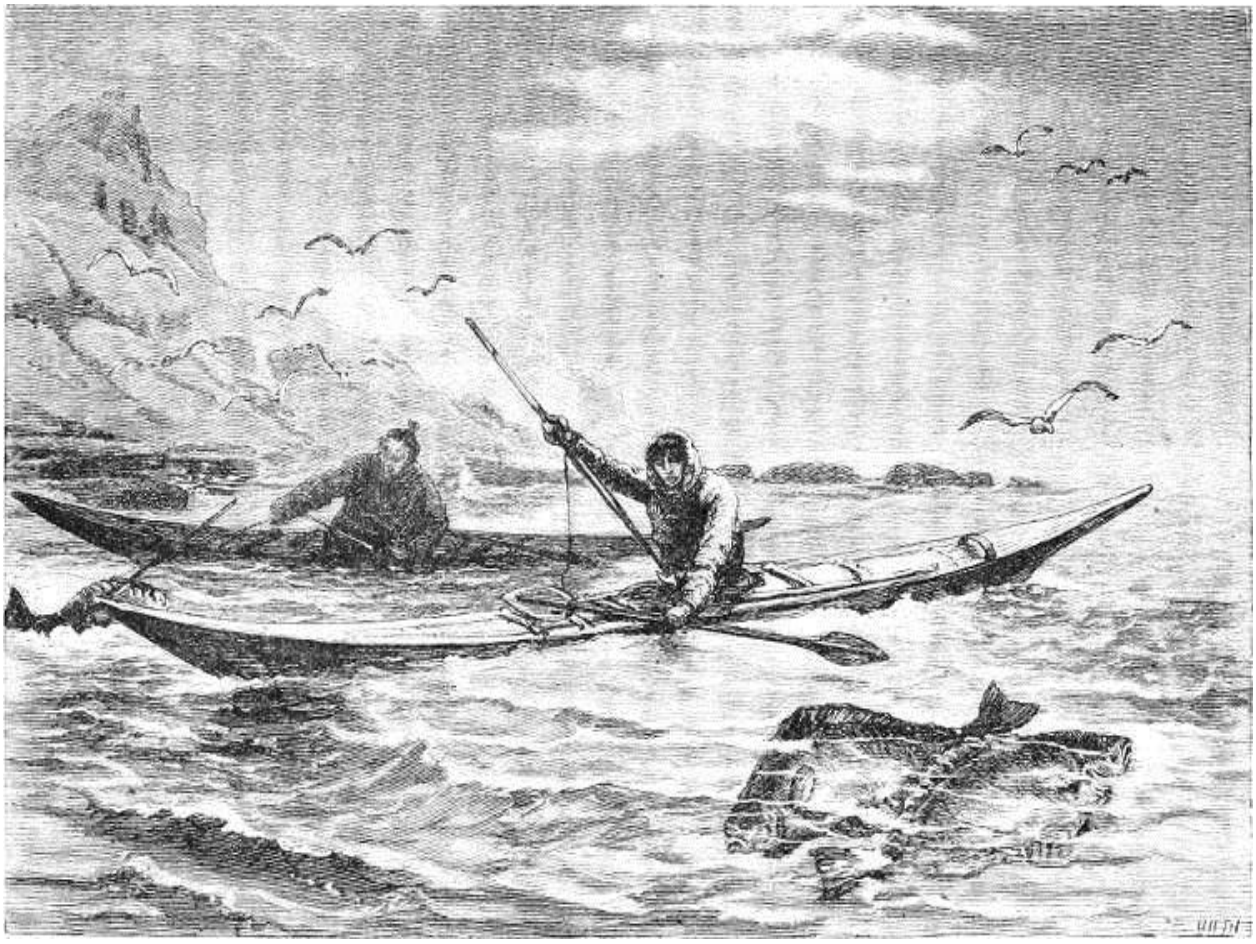
Скорость, с которой возводятся эти снежные хижины, весьма удивительна и, безусловно, является яркой иллюстрацией старой поговорки о том, что “практика приводит к совершенству”. Капитан Мак-Клинток за несколько гвоздей нанял четырех эскимосов построить хижину для команды своего корабля; и хотя она имела двадцать четыре фута в окружности и пять с половиной футов в высоту, ее возвели за один день.

В их конструкции часто проявляется большая изобретательность.

Доктор Скорсби в 1824 году обнаружил несколько заброшенных хижин на восточном побережье Гренландии, которые свидетельствовали о немалом мастерстве их строителей.

Горизонтальный туннель длиной около пятнадцати футов и такой низкий, что входящему в него приходилось ползти на четвереньках, одним концом выходил на юг, в то время как другой заканчивался внутри хижины. Она лишь слегка возвышалась над поверхностью земли и, будучи обычно поросшей мхом или травой, едва отличалась от соседней почвы. Это действительно напоминало большой муравейник или работу гигантского крота! В некоторых случаях пол туннеля был на одном уровне с полом хижины; но чаще он наклонялся вниз и вверх, так что более холодный и, следовательно, более тяжелый атмосферный воздух был еще более надежно защищен от слишком быстрого смешивания с более теплым воздухом внутри.Другие устройства проявили ту же изобретательность в обеспечении защиты от неудобств сурового климата.

От хижин эскимосов мы переходим к их лодкам.



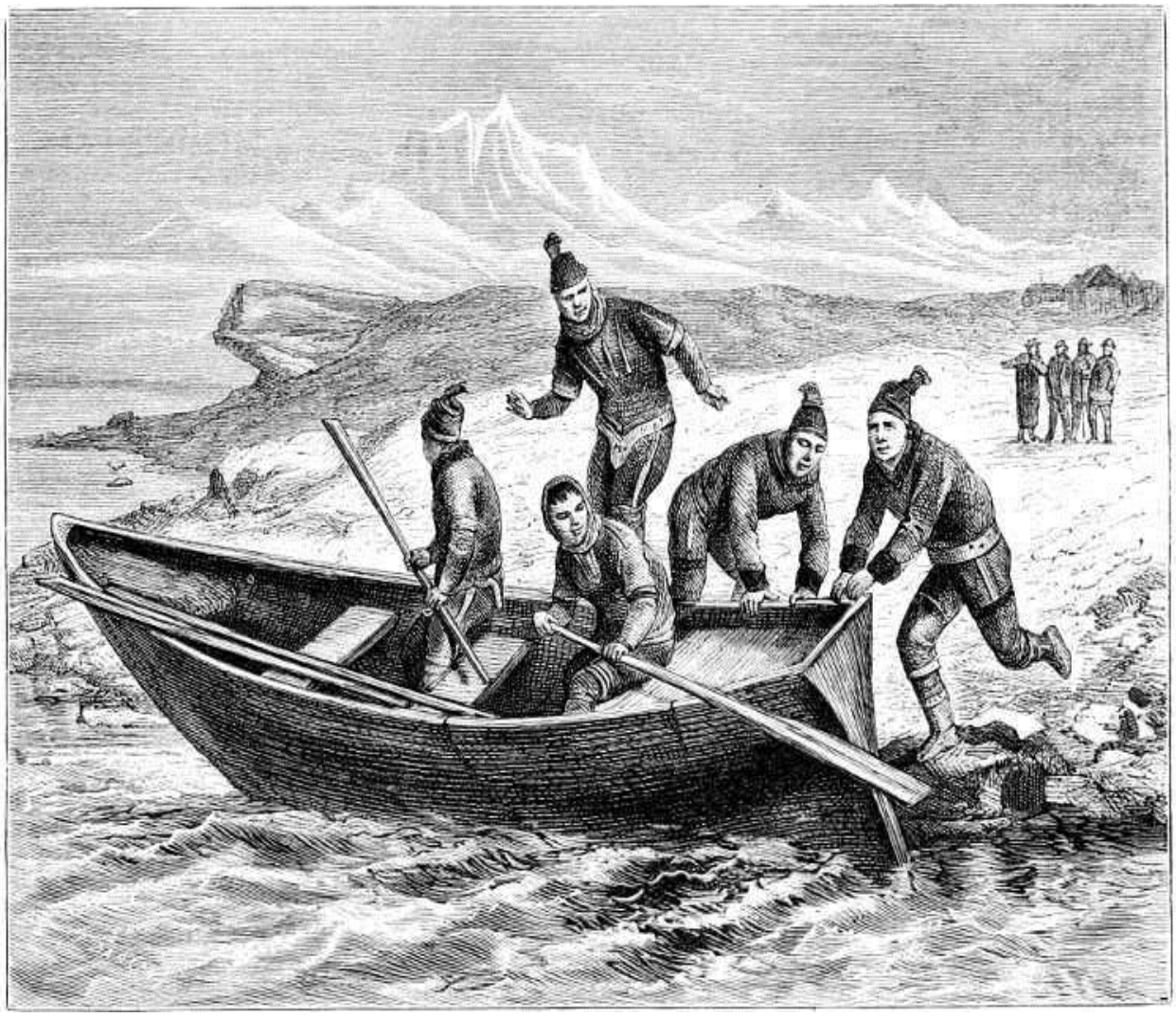
ЭСКИМОССКИЙ КАЯК.

The *Каяк* или *байдарка*, по-своему не уступает легким и стремительным каноэ жителей полинезийских островов. Он состоит из узкого, длинного и легкого деревянного каркаса,

водонепроницаемо обтянутого тюленьей кожей, с центральным отверстием для тела гребца. Иногда каркас делают из тюленьей или моржовой кости. Эскимос садится в свое плавучее судно, вытянув ноги, и так туго обвязывает вокруг талии мешок, сделанный из кишок кита или шкур молодых тюленей, что даже при волнении лодка остается водонепроницаемой. Ловко и быстро орудуя веслом, выставив перед собой копье или гарпун и сохраняя равновесие с поразительной стойкостью, он несется по волнам, как стрела; и даже если его опрокинуть, быстро восстанавливает равновесие сам и его плавучий ялик. *Умиак*, или женская лодка, состоит подобным образом из каркаса, обтянутого тюленьими шкурами; но она достаточно велика, чтобы вместить десять или двенадцать человек, со скамейками для женщин, которые гребут или гребут на веслах. Мачта поддерживает треугольный парус, сделанный из внутренностей тюленя и легко раздуваемый ветром.

Было замечено, что аналогичную степень изобретательности и исполнительского мастерства эскимосы проявляют в своих копьях и гарпунах, орудиях рыбной ловли и охоты. Их весла со вкусом инкрустированы моржовыми зубами; у них есть несколько видов копий или дротиков, в зависимости от характера животного, на которого они намереваются охотиться; а их луки с тетивами из тюленьих кишок настолько прочны и эластичны, что позволяют пускать шестифутовую стрелу на действительно значительное расстояние. Гарпуны и копья, используемые для убийства китов или тюленей, имеют длинные древки из дерева или кости, а зазубренный наконечник сконструирован таким образом, что, будучи вонзенным в тело животного, он остается вонзенным, в то время как древко, прикрепленное к нему бечевкой, отсоединяется от гнезда и действует как буй. Тюленьи шкуры, наполненные воздухом, подобно мочевым пузырям, также используются в качестве буйков для китовых копий, которые снимаются с животного таким образом, чтобы все естественные отверстия были легко герметичны.

Рыболовные крючки, ножи, наконечники копий или гарпунов эскимосы делают из рогов и костей оленя. Сооружая свои сани и покрывая крышей хижины, они прибегают к ребрам кита, когда нет под рукой плавника. Полоски тюленьей шкуры являются отличной заменой снастей, а шнуры для сетей и тетивы для луков изготавливаются из сухожилий овцебыков и оленей.



ЭСКИМОССКИЙ ООМИАК.

Между эскимосами и краснокожими индейцами царит странный и смертельный антагонизм. Со стороны последних это, по-видимому, проистекает из зависти, поскольку эскимосы превосходят их в мастерстве, социальных привычках, общем интеллекте, личной храбрости и силе; со стороны первых - в необходимости самообороны и в провокациях, которым они подвергались со стороны кровожадного врага.

Следовательно, индейцы, населяющие границы Полярного мира, ищут любую возможность застать врасплох и истребить безобидных эскимосов. Хирн рассказывает, что в ходе его экспедиции к реке Коппермайн сопровождавшие его индейцы получили информацию о том, что группа эскимосов построила свои летние хижины недалеко от устья реки. Несмотря на его щедрые усилия, они решили разрушить мирное урегулирование. Они крадучись приблизились, и когда полуночное солнце коснулось горизонта, они с ужасающим воплем набросились на своих несчастных жертв, ни одной из которых не удалось спастись. С той любовью к пыткам, которая, по-видимому, присуща краснокожим индейцам, они делали все возможное, чтобы усилить и продлить агонию страдальцев; и одной пожилой женщине вырвали оба глаза, прежде чем она получила смертельный удар. Место, где произошла эта жестокая бойня, и по сей день известно как “Кровавый водопад”.

Доктор Кейн приводит некоторые интересные подробности о группе эскимосов, с которыми он познакомился во время своей памятной экспедиции. Близость началась при неблагоприятных обстоятельствах, поскольку трое из группы были уличены в скандальной краже, попытались унести награбленное, были преследуемы, настигнуты и наказаны. Вскоре после этого на место происшествия прибыл Метек, главный человек или вождь, и был заключен мирный договор.

Со стороны *инуитов*, или эскимосов, это звучало следующим образом:—

“Мы обещаем, что не будем воровать. Мы обещаем, что будем приносить вам свежее мясо. Мы обещаем, что продадим или одолжим вам собак. Мы составим вам компанию, когда захотите, и покажем, где найти игру ”.

Со стороны *каблунов*, или белых людей, это звучало следующим образом:—

Мы обещаем, что не станем навещать вас смертью или колдовством, а также не причиним вам никакого вреда. Мы будем стрелять для вас на нашей охоте. Вас радушно примут на борту корабля. Мы дадим тебе в подарок иголки, булавки, два вида ножей, обруч, три куска твердого дерева, немного жира, шило и нитки для шитья; и мы обменяем это и все остальное, что ты захочешь, на моржовое и тюленье мясо высшего качества”.

Договор, говорит доктор Кейн, не был скреплен клятвой; но он и не был нарушен.

Эскимосское поселение в Анатоаке, лат. 73° северной широты, на берегу пролива Смита, недалеко от мыса Инглфилд, по-видимому, заслуживает описания.

Хижина, или иглоя, представляла собой единственное грубое эллиптическое помещение, построенное не без мастерства из камня, снаружи облицованное дерном. В дальнем конце находилась грубая платформа, также из камня, возвышавшаяся примерно на фут над полом входа. Крыша была неправильной формы. Он был сложен из плоских камней, удивительно больших и тяжелых, расположенных так, чтобы перекрывать друг друга, но, по-видимому, без какого-либо разумного применения принципа арки. Высота этого похожего на пещеру жилища едва позволяла человеку сидеть прямо. Его длина составляла восемь футов, ширина - семь футов, а расширение туннельного входа сделало придаток примерно на два фута больше.

Настоящий зимний вход называется *тоссут*. Это обнесенный стеной туннель длиной в десять футов и такой узкий, что человек едва может проползти по нему. Она открывается наружу ниже уровня иглоэ, в которую ведет постепенный подъем.

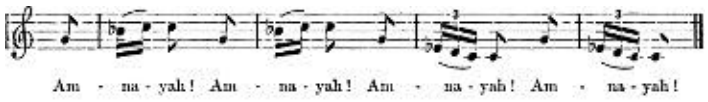
Таким образом, читатель увидит, что хижина в Анатоаке была построена по тем же принципам, что и хижины, открытые доктором Скорсби.

Время сделало свое дело, говорит доктор Кейн, над иглой Анатоака, как и над роскошными сооружениями более южных пустынь. Вся передняя часть купола обрушилась, закрыв *тоссут*, или туннель, и вынудила посетителей и местных жителей входить через единственное окно над ним. Пролом был достаточно широк, чтобы пропустить санную упряжку, но эскимосы не выказали ни малейшего желания заделывать его. В одежде, пропитанной ледяной водой льдин, эти железные люди собрались вокруг костра из шипящего и пылающего китового жира и парились с очевидным комфортом. Единственным отклонением от их обычного распорядка, вероятно, были открытая крыша и унылость ночи; и поэтому они воздержались от того, чтобы раздеться догола, прежде чем войти в хижину, и повесить свои промокшие одежды сушиться, как приношение богу моря.

Их кухонные принадлежности отличались простотой. “Грубая чашка из тюленьей кожи в форме блюдца для сбора и удержания воды была единственной посудой, которая могла

достойно служить мебелью для стола. Плоский камень, служащий опорой для хижины, поддерживаемый другими камнями чуть выше лопатки моржа, — камень слегка наклонен, полость кости достаточно велика, чтобы вместить фитиль из мха и немного жира; на камень положили квадратный кусок снега, и, когда горячий дым кружился вокруг него, блюдце из тюленьей кожи собирало воду, капавшую с края. У них не было сосуда для варки; то, что они не ели сырым, они запекали на раскаленном камне. Единственный моток моржовой лески, прикрепленный к подвижному наконечнику копья (*нун-гак*), с поношенной и хорошо промокшей одеждой на спине завершали опись их имущества".

Эскимосы развлекали доктора Кейна и его спутников хоровым исполнением, распевая свою грубую, монотонную песню "Амна Айя" до тех пор, пока несчастные белые люди почти не сошли с ума от диссонанса. Более того, они сымпровизировали специальное песнопение в свою честь, которое повторяли с большой серьезностью, неизменно завершая звучным и комплиментарным припевом "*Налегак! налегак! налегак-замочи!*"— "Капитан! капитан! великий капитан!" Скандирование звучало следующим образом: —



Ам-на-ях! Ам-на-ях! Ам-на-ях! Ам-на-ях!

[[Слушать]

Ранней весной эскимосы возобновляют свои охотничьи экспедиции, и их заснеженные хижины превращаются в места самой оживленной деятельности. Груды разделанного мяса, главным образом моржового, складываются у подножия льда; женщины растягивают шкуры для выделки подошв, а мужчины запасают на зиму гарпунные лески. Моржовые головы с клыками наблюдают за этим зрелищем с сугроба, где они прячутся за своей слоновой костью; собаки привязаны ко льду; а дети, каждый из которых вооружен изогнутым ребром какого-нибудь крупного моржа или тюленя, играют в мяч и биту среди снежных заносов.

Количество моржового мяса, которое эскимосы накапливают в сезон изобилия, должно, несомненно, избавить их от всякого риска зимней нехватки; но другие причины, помимо расточительности, делают их запасы скудными. Они никогда не сидят сложа руки; они постоянно охотятся, не теряя ни дня. Когда штормы не позволяют пользоваться санями, они занимаются тем, что складывают добычу, добытую на предыдущей охоте. Для этой цели они роют яму либо на материке, либо, что предпочтительнее, на острове, недоступном для лисиц, и разделанное мясо укладывают внутрь и прикрывают тяжелыми камнями.

Истинным объяснением дефицита, от которого так часто страдают эти люди, является чрезмерное потребление, которому они предаются в летний сезон. По их древним законам все они являются общими; и поскольку они мигрируют в большом количестве, когда их вынуждает необходимость, налог с каждого отдельного поселения является чрезмерным. Количество, которое потребляют члены семьи, постороннему человеку кажется чрезмерным; однако это происходит не в результате необдуманного обжорства, а из-за особенностей их жизни и организации. При активных физических нагрузках и под воздействием высоких температур отходы углерода должны быть огромными.

Находясь в доме и на отдыхе, занимаясь своими кольцами для сбруи из слоновой кости, сетями для ловли птицы или другими домашними принадлежностями, они едят, как многие едят в более цивилизованных странах, просто для животного удовольствия и чтобы

скоротать время. Но когда они заняты охотой, они едят только один раз в день, и то до окончания дневных трудов. Они выходят на лед без завтрака и редко что-либо едят до возвращения. Доктор Кейн оценивает средний рацион эскимоса в сезон изобилия в восемьдесять фунтов мяса в день с добавлением супа и воды в количестве половины галлона. Такое содержание могло бы удовлетворить аппетит Гаргантюа!

Доктор Хейс во время своего полного приключений арктического путешествия на лодке много общался с эскимосами, и его впечатления в целом, по-видимому, были весьма благоприятными.

Его набросок пары, с которой он познакомился по соседству с эскимосской колонией Нетлик, очень забавен.

Он описывает их как самую *не*похожую на человека пару. Все на них и около них говорило о битве, которую они так доблестно и терпеливо вели со стихией. С головы до ног они были покрыты слоем льда и снега. Бесформенные белые глыбы, они напоминали снежных королей или статуи, которые с удовольствием лепят мальчики, за исключением того, что обладали способностью двигаться. Их длинные, тяжелые пальто из лисьих шкур, доходившие почти до колен и увенчанные капюшоном, закрывавшим, как круглая глыба, всю голову, кроме лица, панталоны из медвежьих шкур, сапоги и рукавицы были пропитаны снегом. Их длинные черные волосы, ниспадавшие из-под капюшонов на глаза и щеки, ресницы, редкие волоски, растущие на подбородках, меховая опушка вокруг лиц — все блестело белым инеем - замерзшей влагой их дыхания. Каждый держал в правой руке хлыст, а в левой - кусок замороженного мяса и ворвани. Мясо они бросили на пол хижины доктора Хейса; затем, не дожидаясь приглашения, просунули свои хлысты под стропила и, сняв рукавицы и верхнюю одежду, повесили их на них. Под своими замерзшими шубами они носили теплые плотные рубашки из птичьих шкурок.

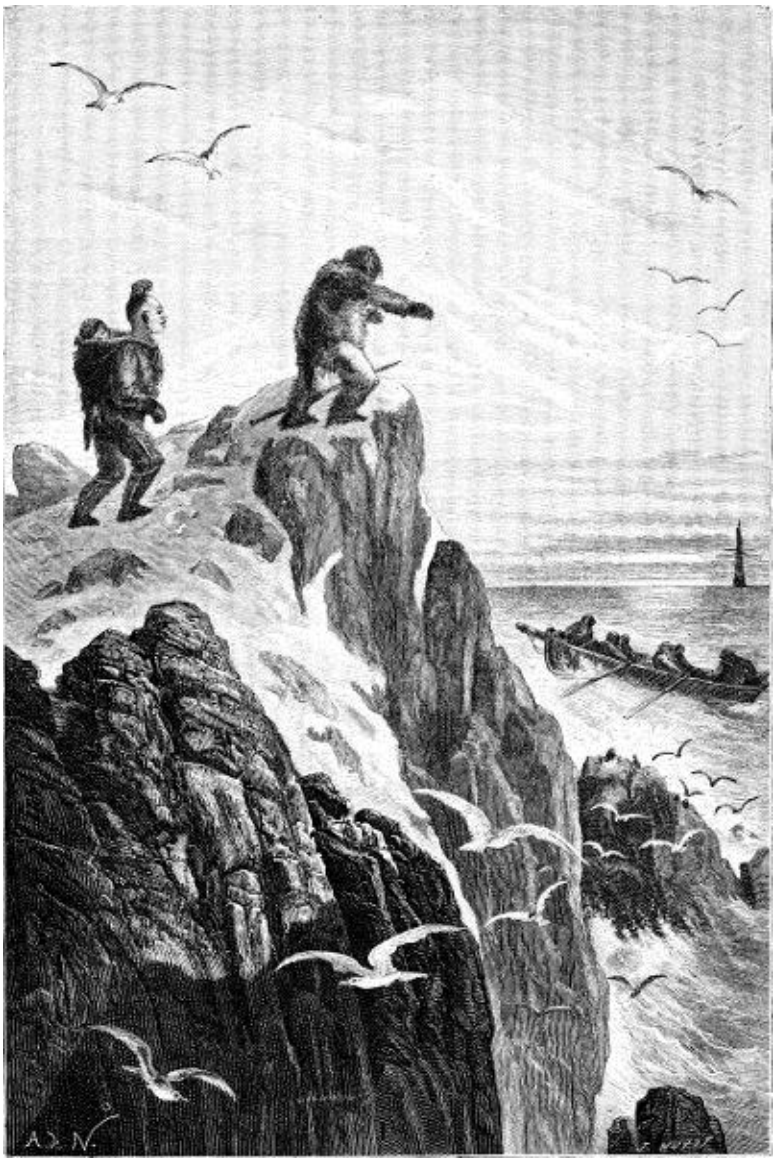
В рассказе того же отважного исследователя о его исследовательском путешествии в 1860 году очень заметны два других эскимоса; и один из них, по имени Ханс, по-видимому, представлял собой очень точный тип эскимосского характера. Ганс, как мы можем заметить, первоначально служил в экспедиции доктора Кейна, а затем завоевал доверие доктора Хейса; так что, когда последний предпринял свое собственное незабываемое путешествие, он загорелся желанием заручиться услугами эскимоса.

Когда его корабль пересек залив Мелвилл и оказался в мрачной тени мыса Йорк, доктор Хейз вспомнил об эскимосском охотнике. Он вспомнил, что слышал, будто Ганс влюбился, взял жену и отправился вместе с ней разделить судьбу диких эскимосов, населяющих отдаленные северные берега Баффинова залива.

Но доктор Хейс был уверен, что охотник, познавший кое-что о высшем комфорте и счастье общественной жизни цивилизации, вскоре устанет от своего добровольного изгнания, а также от нищеты и тягот существования эскимосских кочевников. Он решил, что Ганс вернется на Кейп-Йорк и поселится там в надежде, что его подберет какой-нибудь проходящий корабль.

Итак, доктор Хейз оказался поблизости и обнаружил, что его догадки полностью оправдались. Проплывая вдоль побережья, он обнаружил группу людей, нетерпеливо пытавшихся знаками и жестикуляцией привлечь к себе внимание. Пришвартовав шхуну, он

и его заместитель, мистер Саунтаг, отправились на берег в лодке, и там был Ганс! Эскимос сразу узнал их обоих и назвал по имени.



ДОКТОР ХЕЙС ЗНАКОМИТСЯ С ХАНСОМ-ОХОТНИКОМ.

Мы можем взять на вооружение оставшуюся часть интересного небольшого эпизода доктора Хейса, потому что она иллюстрирует укоренившийся эгоизм, или сосредоточенность на себе, эскимосского характера.

Ханс сильно испортился за время своего пребывания у диких эскимосов и опустился до их уровня грязного уродства. Его сопровождали его жена, которая несла своего первенца в капюшоне на спине; брат его жены, быстроглазый мальчик двенадцати лет; и мать его жены, “пожилая дама с болтливым и легкомысленным языком”. Все они были одеты в обычную эскимосскую одежду из шкур; предметы интереса, но не “красивые вещи”.

Ганс повел своих гостей по грубым камням и глубоким снежным заносам к своей грубой хижине, стоявшей на холодной вершине холма, примерно в двухстах футах над уровнем

моря. Отличная позиция для “наблюдения”, но настолько неудобная для охотника, насколько это можно себе представить. Здесь он наблюдал и ждал много тоскливых месяцев, день за днем осматривая море в слабой надежде обнаружить какое-нибудь европейское судно. Но ничего не последовало; лето сменилось зимой, а зима продлилась до лета; а Ганс все смотрел и ждал, тоскуя по своему южному дому и друзьям своей юности.

Его палатка — ибо это была скорее палатка, чем хижина, — была сделана из тюленьих шкур, и ее вместимости едва хватало, чтобы вместить его маленькую семью.

Доктор Хейс спросил его, согласится ли он сопровождать экспедицию.

-Да.

Заберет ли он свою жену и ребенка?

-Да.

Пойдет ли он без них?

-Да.

Этот последний ответ свидетельствует о странной впечатлительности эскимоса, который переносит со спокойствием, более того, даже с безразличием те расставания, которые задевают сердечные струны европейца. Возможно, именно в результате постоянной борьбы, которую он ведет с негениальной и суровой Натурой, он начинает считать себя своей первой и главной, почти единственной заботой. Пока его окружают жена и дети, он не проявляет явного недостатка привязанности; но он не возражает расстаться с ними, если эта разлука отвечает его личным интересам.

Поскольку у доктора Хейса не было времени критически проанализировать состояние его психики, и поскольку он был убежден, что постоянная разлука мужа и жены должна рассматриваться как болезненное событие, он решил оправдать это традиционное подозрение матери-эскимоски. Таким образом, и муж, и жена были доставлены на борт шхуны, а также их ребенок, палатка и все их домашнее имущество. Ясноглазый мальчик и пожилая дама закричали, чтобы они шли с ними, но у доктора Хейса больше не было места, и он был вынужден оставить их на попечение своего племени, которое, числом около двадцати, обнаружило шхуну и с веселыми криками перебралось через холм. Преподнеся им несколько полезных подарков, доктор Хейс вернулся на свой корабль.

Он добавляет, что Ганс был единственным беззаботным человеком в группе. Позже командиру пришла в голову мысль, что он ни в коем случае не был бы недоволен, если бы жену и ребенка оставили на попечение их диких сородичей: в то время как у доктора Хейса было множество причин в ходе экспедиции жалеть, что он не оставил эгоистичного и ленивого эскимоса сидеть в своей палатке из тюленьей шкуры среди холмов и скал Кейп-Йорка.

Тот же путешественник описывает охотничье снаряжение группы эскимосов, отправившихся в погоню за медведями.

Во-первых, собаки. Они были расставлены, каждая команда отдельно, на удобном участке ровной земли; и при приближении доктора Хейса и его товарищей они вскочили с узловатой кучи, в которой пролежали всю ночь, с диким, свирепым воплем, который перешел в низкий вой и нетерпеливое рычание. Они, очевидно, были голодны, и их хозяева,

казалось, хотели их накормить, потому что, подойдя к своим саням, каждый принес по плоскому куску чего-то, удивительно похожего на листовое железо, но при осмотре оказалось, что это моржовая шкура толщиной в три четверти дюйма, очень прочно замороженная. Бросив его на снег в нескольких футах впереди своих команд, они вытащили ножи из своих вместительных сапог и попытались разрезать кожу; но ее твердость не поддавалась всем их усилиям, и доктору Хейсу пришлось принести топор и пилу, прежде чем работа по разделению была завершена.

За несколько минут, проведенных таким образом, собаки почти обезумели. Они пытались вырваться на свободу; натягивая поводья, отбегая назад и прыгая вперед, напрягаясь и задыхаясь, пока их глаза не загорелись огнем, а изо рта не пошла пена. Вид еды разожгл их волчьи страсти, и они, казалось, были готовы сожрать друг друга. Не проходило и минуты, чтобы двое или больше из них не вцеплялись друг другу в глотки и, сцепившись, не катались, не швырялись и не кувыркались по снегу.

Эскимосы смотрели на происходящее явно беззаботно, за исключением тех случаев, когда возникал риск покалечить одну из собак, и тогда они обеспечивали временное затишье, издавая сердитое гнусавое “Эй! Да!”

Когда, наконец, еда была брошена, собаки издали жадный вопль, за которым последовало минутное молчание, пока падали куски, затем началась потасовка, и твердые замороженные куски исчезли. То, как они проглатывались или как переваривались, было для зрителя необъяснимо! Достаточно сказать, что “челюсти тьмы действительно поглотили их”, и шторм мгновенно сменился спокойствием.

Эскимосская собака среднего размера и плотного телосложения; фактически, это восстановленный волк, и она демонстрирует то разнообразие окраса, которое спустя несколько поколений обычно характеризует ручных животных. Серый, который часто встречается, вероятно, когда-то был преобладающим цветом. Некоторые собаки черные с белой грудью; некоторые совершенно белые; другие рыжеватые или желтоватые; но, действительно, среди них можно увидеть почти все оттенки. Их кожа покрыта грубым, плотным мехом, и туземцы очень ценят ее в качестве одежды. В облике животных большое разнообразие, но общими признаками, по-видимому, являются заостренный нос, короткие уши, трусливый, предательский взгляд и свисающий хвост. Но иногда случаются исключения, и один из них фигурирует в повествовании доктора Хейса под именем *Тудламик*, или, более кратко, *Тудла*.

Он отличался от себе подобных более компактной головой, менее заостренным носом, взглядом, выражающим привязанность и уверенность, а также прямой, смелой, бесстрашной осанкой. Доктор Хейс, однако, выражает некоторые сомнения относительно чистоты его крови. С начала и до конца круиза он был хозяином всех собак, которые были доставлены на корабль. В этой связи стоит отметить, что в каждой стае одна собака неизменно достигает господства над целым — своего рода генеральства; и в каждой упряжке тот, кто является хозяином своих товарищей, бригадный генерал. Однажды ставший хозяином, останется хозяином навсегда; но почетный пост достается многим ценой хромой ноги и страшных ран, и удерживается он только ежедневными битвами со всеми желающими. Они могли бы легко добиться господства в любом случае, если бы не их собственная мелочная ревность, которая часто мешает их союзу для достижения такой цели. Однако, если комбинация все же состоится и лидер будет безнадежно разбит, то после этого он никогда ничего не будет стоить; его дух полностью упадет, бедняга зачахнет и в конце концов умрет с разбитым сердцем.

ЭСКИМОССКИЕ СОБАКИ.

Тудла, по словам доктора Хейса, был по-своему незаурядным человеком. Он был тираном без всяких претензий. Очевидно, он считал своим особым долгом нападать на каждую собаку, большую или малую, которая была присоединена к стае: если животное было большим, вероятно, для того, чтобы оно сразу почувствовало, что у него есть хозяин; если маленьким, то для того, чтобы остальные испытывали к нему больший трепет. Иногда было довольно забавно наблюдать, как он пускается в погоню за незнакомой собакой, высоко подняв голову и грациозно закинув хвост за спину; медленно и неторопливо он шел прямо на цель с уверенным, вызывающим видом человека, осознающего силу и важность своей должности. Против него нередко создавались союзы и заговоры, вызванные, без сомнения, чувством отчаяния; но ему всегда удавалось разгромить их — правда, не без случайной помощи “извне”, ибо матросы, которые его очень любили, иногда вставали на его сторону, когда борьба была явно неравной.

Но мы должны оставить собак и вернуться к саням.

Это был, по правде говоря, гениальный образец местного механического мастерства. Он был сделан полностью из кости и кожи. Полозья, квадратные сзади и закругленные кверху спереди, около пяти футов в длину, семи дюймов в высоту и трех четвертей дюйма толщиной, представляли собой костяные пластины; не цельные, а составленные из множества кусков различной формы и размера, ловко подогнанных и плотно связанных друг с другом. Некоторые из них были не больше двух пальцев человека; некоторые были квадратными в три-четыре дюйма; другие были размером с ладонь и треугольной формы; третьи, опять же, имели несколько дюймов в длину и два-три в ширину. Все они располагались на своих местах так же точно, как кубики китайской головоломки. По краям их шли ряды маленьких отверстий, и через них были продеты нитки из тюленьей кожи, с помощью которых блоки скреплялись друг с другом, пока все не становилось прочным, как доска.

Чудо в том, что все эти кусочки расплющиваются и обтесываются до нужной формы не с помощью искусно изготовленных инструментов, а с помощью камней. Труд должен быть огромным. Шлифовка, необходимая для изготовления одной направляющей, должна занимать месяцы. На постройку совершенно новых саней, вероятно, ушла бы жизнь целого поколения; и поэтому транспортное средство такого рода становится семейной реликвией и передается от отца к сыну, от сына к внуку и постоянно подвергается ремонту и реставрации; новая деталь здесь, другая там, пока от первоначальной конструкции не останется так же мало, как от старого матросского ножа, когда у него было новое лезвие и новая рукоятка! Происхождение некоторых эскимосских саней теряется в туманах далекой древности.

Полозья обычно обиты слоновой костью из бивня моржа. Упомянутая слоновая кость также была отшлифована плашмя, а ее углы сделаны квадратными с помощью камней; и она была прикреплена к бегунку веревкой, продетой через два заглубленных друг в друга отверстия. Кусочков, из которых он состоял, было множество, но поверхность была удивительно однородной и гладкой, как стекло.

Полозья располагались примерно в четырнадцати дюймах друг от друга и были скреплены вместе крепко привязанными к ним костями; в качестве костей использовались бедренная кость медведя, рога северного оленя и ребра нарвала. Два моржовых ребра, прикрепленные по одному к заднему концу каждой направляющей, служили опорами и были закреплены куском оленьего рога, закрепленного сверху.

Расправившись таким образом с упряжкой и санями, переходим теперь к снаряжению.

Сначала один из охотников-эскимосов расстелил на санях кусок тюленьей кожи, надежно закрепив его маленькими веревочками, прикрепленными к краю. На него он положил небольшой кусок моржовой шкуры в качестве припасов для собак, кусок жира для топлива и кусок мяса для своего собственного обеда. Во время своего отсутствия он не готовил еду, но ему требовалась вода; и поэтому он носил с собой *котлук*, или лампу, а именно маленькую каменную тарелочку; комок *маннека* или сухого мха, предназначенного для фитиля; и несколько ивовых цветков (*na—owinals*) для трута. Чтобы разжечь трут, у него был кусок железного камня и небольшой острый осколок кремня.

ЭСКИМОССКИЕ САНИ И УПРЯЖКА.

Мы можем проследить за ним по его маршруту и убедиться, как он использует эти приспособления. Когда ему хочется пить, он останавливается; соскребает снег до тех пор, пока под ним не обнажается твердый лед; и с трудом выкапывает в нем небольшое углубление. Затем он приносит глыбу пресноводного льда с соседнего айсберга, зажигает свою лампу и, используя ворвань в качестве топлива, кладет глыбу на край углубления. По мере того как она медленно оттаивает, вода струйками стекает в ямку; и когда эскимос считает, что собранного количества достаточно, чтобы утолить жажду, он снимает грубое приспособление и, наклонившись, пьет окрашенную сажей жидкость. Если он чувствует голод, он отламывает несколько кусочков от своего куска замороженной моржовой говядины, отрезает несколько ломтиков от жира и наслаждается своей невкусной едой. Обитатель арктической пустыни ничего не знает об эпикурейских вкусах, а если бы и знал, у него нет средств удовлетворить их.

Вернуться к оборудованию. Охотник взял с собой запасную пару сапог, чулок из собачьей шкуры и рукавиц на случай, если ему не повезет выйти на тонкий лед и лед проломится.

Когда все снаряжение было уложено на сани, он набросил поверх них кусок медвежьей шкуры, который был сложен вдвое, так что, когда его развернут, он будет достаточно большим, чтобы обернуть им свое тело и защитить его от снега, если он захочет лечь и

отдохнуть. Затем он вытянул длинную веревку, просунул ее конец в отверстие в передней части одного из полозьев, протянул ее по диагонали к противоположному полозью, пропустил ее через отверстие там и так продолжал, взад и вперед, из стороны в сторону, пока не достиг другого конца саней. Там он закрепил леску, и таким образом груз был надежно защищен от любого риска потери в результате опрокидывания. Затем он подвесил к одному выскочке моток тяжелой лески, а к другому - моток полегче, крепко привязав их маленькой бечевкой. Первая была его гарпунной леской для ловли моржа, вторая - для ловли тюленя. Его древко для гарпуна было сделано из бивня нарвала; имело пять футов в длину и два дюйма в диаметре на одном конце, сужаясь к острию на другом.

Когда все было готово, была подготовлена упряжка, состоящая из семи собак. Упряжь имела очень примитивное описание. Он состоял из двух сдвоенных полос медвежьей шкуры, по одной из которых располагались по обе стороны тела животного, а две были скреплены вместе на верхней части шеи и на груди, образуя ошейник. Оттуда они проходили внутри передних ног собаки и вверх по ее бокам до хвоста, где четыре конца, сходясь вместе, прикреплялись к следу длиной восемнадцать футов.

След был соединен с санями веревкой длиной в четыре фута, один конец которой был прикреплен к каждому полозью. К середине лески была прикреплена прочная бечевка, продетая через костяные кольца на концах следов и закрепляемая скользящим узлом, который легко развязывался - устройство, разработанное с целью обеспечения безопасности при охоте на медведя. Медведя яростно преследуют, пока сани не подъезжают примерно на расстояние пятидесяти ярдов; тогда охотник наклоняется вперед и затягивает узел; собаки, спущенные с саней, быстро загоняют зверя в угол. Если узел будет поврежден, вполне вероятно, что произойдут серьезные несчастные случаи. Охотник тщетно пытается вытащить его, и прежде чем он успевает выхватить нож, чтобы перерезать его — предположим, ему посчастливилось заполучить такой инструмент, — человек, собаки и сани оказываются среди ног медведя, сбившись в кучу и оказавшись во власти разъяренного чудовища.

Собаки замерзли и рвались в путь. В одно мгновение они были впряжены в сани; охотник правой рукой выбросил кольца своего длинного кнута, левой он схватил стоявшего впереди и, протащив сани на несколько шагов, в тот же миг издал пронзительный испуганный крик: “Ка! ка!—ка! ка!”, отчего собаки врассыпную бросились на свои места, и они понеслись по неровному льду. Охотник умело вел свои сани среди кочек, умеряя порывистость своей упряжки гнусавым “Ай! ай!”, которое они прекрасно понимали. Добравшись до гладкого льда, он вскочил на сани, позволил хлысту тянуться за собой по снегу, крикнул “Ка! ка!—ка! ка!” - своей свирепой упряжке и исчез в таком диком галопе, какого никогда не совершал охотник на демонов из немецкой легенды!

Похоже, что у эскимосов нет магистратов или законов, тем не менее в их общинах царит абсолютный порядок, а ссоры редки. Когда это все-таки происходит, та или иная из недовольных сторон собирает свой небольшой запас и переезжает в другое поселение. Устройство их общества справедливо описывается как патриархальное, но правитель, похоже, не избирается: он достигает своего поста, доказав, что обладает превосходящей силой, ловкостью и мужеством. Как только его физические силы ослабевают или старость ослабляет его разум, он слагает с себя полномочия, занимает свое место в *умиаке*, или женской лодке, и по общему согласию отправляется в женское общество. Как и у всех диких

племен, у эскимосов есть свои люди-загадки, или *ангекоки*, которые прибегают к обычным уловкам, чтобы приобрести и удержать превосходство, глотают ножи, прибегают к чревовещанию и разговаривают на таинственном жаргоне, непонятном “простому стаду”. Они заявляют, что поддерживают связь с определенными могущественными духами и используют их посредничество для вознаграждения или наказания своих обманутых; и даже влияние христианских миссионеров едва ли искоренило веру в суеверия, порожденные и взращенные этими людьми.

Несмотря на тяжелые условия своей жизни и унылость региона, который они населяют, эскимосы - жизнерадостный народ. Они остро ощущают прелесть музыки, хотя их собственный вокал непостижимо меланхоличен; и они неравнодушны ко многим грубым развлечениям, в основном гимнастического характера.

Многие путешественники хвалили их добродушие, но они проявляют обычную бесчеловечность дикарей по отношению к старикам и немощным. Слабость не является основанием для симпатии эскимоса; он уважает силу, но совершенно не обращает внимания на слабых и жестоко угнетает их. Он неблагодарен по отношению к своим благодетелям, и в общении с незнакомцами на его верность можно положиться только до тех пор, пока он знает, что любое нарушение веры будет сурово наказано. Он не крадет у своего народа, и “Тигликпок”, “он вор”, является упреком среди эскимосов, как и среди нас; но ему не стыдно, если он грабит белого человека, хотя последний, возможно, осыпал его милостями.

Если мы добавим, что они проявляют сильную привязанность к своим детям и что дети на редкость послушны своим родителям, мы скажем достаточно, чтобы помочь читателю составить точное представление об особенностях обитателей Страны эскимосов.

ГЛАВА VIII.

ЛАПЛАНДИЯ И ЛОПАРИ.

Лапландия, или Земля лопарей, которую сами лопари называют Самеанда или Сомеллада, образует северную и северо-восточную части Скандинавского полуострова и разделена между Швецией и Россией. Норвежская Лапландия включает провинции Норрланд и Финмарк; шведская - Северную и Южную Ботнию; и российская - Кольский полуостров и Кеми. Последний из названных имеет площадь 11 300 квадратных миль с населением 9000 человек; шведская Лапландия площадью 50 600 квадратных миль с 4000 жителями; и норвежская, площадью 26 500 квадратных миль с населением 5000 человек. Здесь мы имеем в виду численность настоящих лопарей; в каждом подразделении численность населения значительно увеличилась бы, если бы мы включили финнов, русских, шведов, норвежцев.

Лапландия в течение девяти месяцев в году страдает от сурового зимнего климата. Летними месяцами, когда солнце не заходит в течение нескольких недель, являются июль и август; им предшествует короткая весна, а за ней следует еще более короткая осень. Зерновые культуры произрастают не выше шестьдесят шестой параллели, за исключением ячменя, который выращивают на севере вплоть до семидесятой. Большая часть страны находится в пределах той лесистой зоны, которую мы описали в предыдущей главе, и леса, состоящие из березы, сосны, пихты и ольхи, раскинулись на очень обширной территории. Мхами и лишайниками, в изобилии растущими в их убежище, питаются огромные стада северных оленей, которые составляют главное богатство жителей.

Лопарей можно почти считать нацией лилипутов. Их мужчины редко превышают пять футов в высоту, в то время как большинство на несколько дюймов ниже этого весьма умеренного роста; а женщины еще ниже. Однако это крепкая раса, с мускулистыми конечностями и необычным обхватом тела, окружность их груди почти равна их росту. Цвет их лица темный, смуглый или медного оттенка; их темные, пронзительные, глубоко запавшие глаза посажены очень широко, чтобы придать физиономии особый характер. Дикий, странный эффект еще больше усиливается неопрятной массой темных, прямых волос, которые свисают по обе стороны безбородого лица без усов. Скулы выступающие, как у кельтского горца; нос плоский; рот широкий, с тонкими сжатыми губами. Исходя из этих указаний, можно предположить, что лопари не являются образцами мужской или женской красоты; и доктор Кларк утверждает, что в возрасте многие из них, выставленные в зверинце, могут быть ошибочно приняты за давно утраченную переходную форму, промежуточную между человеком и обезьяной. И, конечно, есть что-то отталкивающее в постоянном моргании глаз, воспаленных от едкого дыма их хижин или белого блеска снега, а также в выражении упрямства и низкой хитрости, которые читаются в каждой черте.

Аристократ мог бы гордиться своими маленькими руками изящной формы, но их руки, как и ноги, непропорционально короткие, неуклюжие и толстые. Мы имеем в виду неуклюжесть по форме; конечно, не в движениях, поскольку необычайная гибкость их конечностей - одна из черт, по которым легко отличить лопарей.

Об одежде лопарей излишне много говорить. Зимой она состоит из медвежьих шкур, в которые и самец, и самка кутаются мехом наружу. Летом мужчины носят что-то вроде туники, *поэск*, сшитой из грубой светлой шерстяной ткани длиной до колен, но стянутой на

талии поясом. Их головной убор состоит из своего рода фески, сделанной из шерсти и украшенной красной камвольной лентой по краю и ярко-красной кисточкой. Их сапоги или башмаки вырезаны из необработанной кожи северного оленя острием наружу и имеют остроконечную форму. Они тонкие и без подкладки, но лапландец защищает свои ступни и лодыжки от холода, набивая свободное пространство ботинка широкими листьями *Carex vesicaria*, или травы Cyperus, которую он срезает летом, растирает в руках и сушит перед использованием. Женский костюм похож на мужской, но их пояса более яркие, украшенные кольцами и цепочками.

Лопари - суеверная раса. Как и все скандинавские племена, они верят в колдовство; и в старину лапландские ведьмы имели репутацию, которая распространилась на Англию, за то, что могли отгонять дождь или разгонять бури. Английские моряки, направлявшиеся в Архангельск, часто посещали их побережье, чтобы купить попутный ветер.

Многие лопари заявляют о способности предсказывать будущие события и впадают или притворяются, что впадают, в транс или экстаз, во время которого они видят видения, изрекают пророчества и раскрывают секреты тех, кто доверяет их предсказаниям. Они также предсказывают судьбу любознательным простакам с помощью стакана спиртного или самого вульгарного жаргона хиромантии. Суеверие - дочь невежества. Это также сестра Страха, поскольку суеверные люди неизменно склонны видеть сверхъестественные знаки и чудеса в явлениях небес или слышать неземные голоса, приносимые полуночным ветром, и во всем, чего они не могут понять, воображать присутствие какой-то враждебной силы. Как американские аборигены впадали в панику при приближении солнечного затмения, так и лопари преисполняются ужаса, когда небо озаряется сиянием северного сияния.

Эти суеверия преобладают, несмотря на усилия священников и школьных учителей. Их лелеют тайно, даже когда о них не объявляют открыто; и лапландец, благоговейно выслушав речь своего пастора, вернется домой, чтобы выразить почтение своим сайдам, или деревянным идолам; съежиться при имени троллей, злых духов леса; и быть обманутым уловками любой так называемой ведьмы или гадалки.

Существуют лопари, и каждый из них, в зависимости от региона, в котором он обитает, обладает своими отличительными чертами и сохраняет свои индивидуальные привычки. Таким образом, существуют фьеллаппары, или горные лопари; скогслаппары, или лесные лопари; и фишерлаппы.

Исходя из природы страны, читатель ожидает, и будет прав, ожидая, что Фьельлаппары образуют самый многочисленный раздел. Это кочевники Лапландии, и их образ жизни полностью пастушеский. Как арабы со своими стадами кочуют из одного оазиса в другой или татары со своим скотом, так и лопари мигрируют с места на место, вынужденные необходимостью добывать пропитание для своих оленьих стад. Мхи и лишайники, которыми питаются эти животные, вскоре истощаются, и проходит некоторое время, прежде чем их заменяет наполовину промерзшая почва. Та же причина мешает лопарям собираться в большие сообщества. Редко более трех, четырех или пяти семей разбивают лагерь по соседству.

Не следует предполагать, что временное жилище кочевника обладает какой-либо архитектурной завершенностью. Их *тугурии*, или хижины, самой грубой конструкции. Они сооружают конический каркас, состоящий из гибких стволов деревьев, и покрывают его грубой холстиной, а зимой шкурами северных оленей и других животных. Дверной проем не требуется, а для выхода и входа в помещение необходимо приподнять часть полотна внизу так, чтобы образовался треугольный зазор; и приподнятую таким образом часть снова опускают на ночь. В центре интерьера сложено несколько больших камней для камина, а

квадратное отверстие в крыше над ним отводит дым и пропускает свет и воздух — не говоря уже о дожде, снеге и тумане, когда они преобладают.

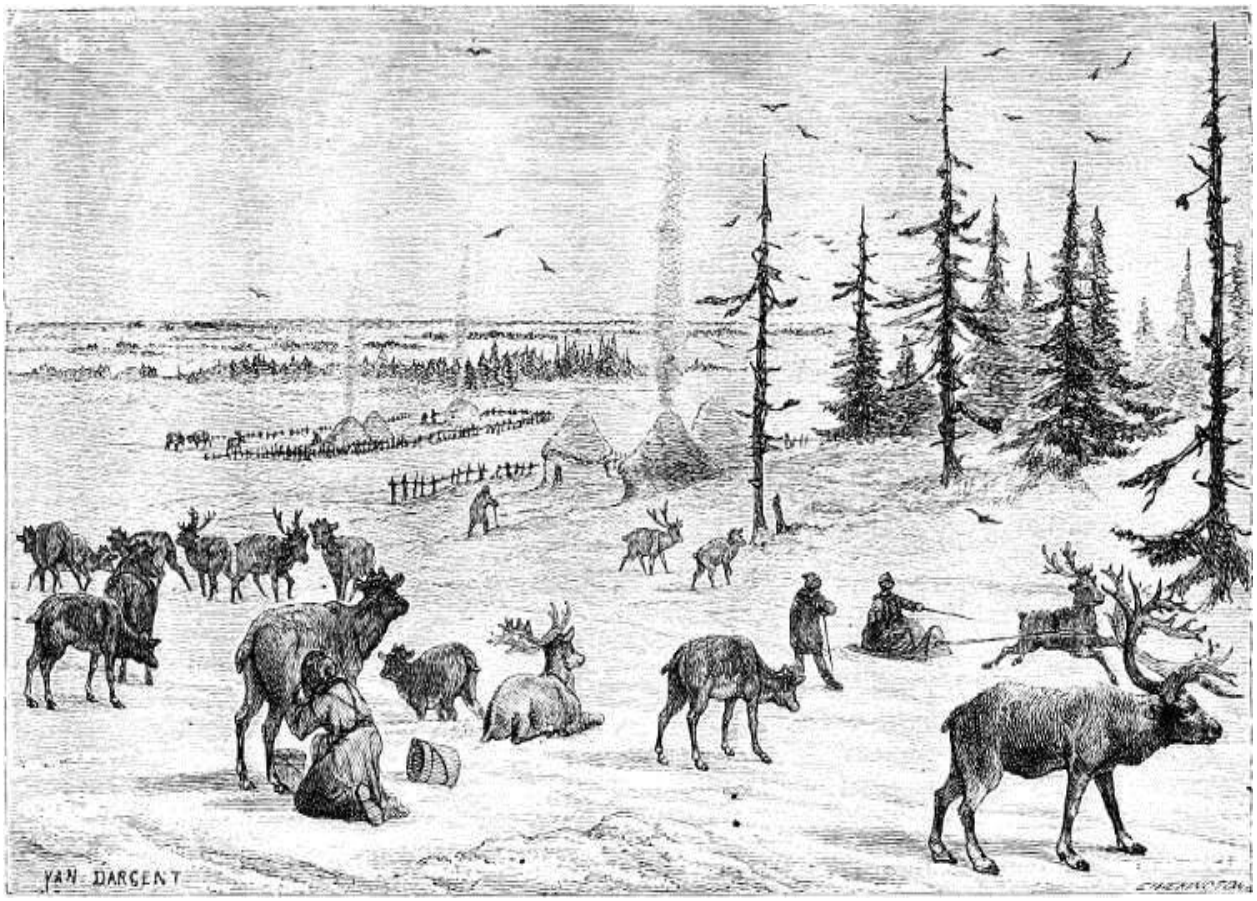
Палатка или хижина, которую мы описали, обычно имеет около шести футов в диаметре и от восемнадцати до двадцати в окружности. Высота ее не превышает десяти футов. Пола там нет, но земля покрыта оленьими шкурами, и на них обитатели сидят или приседают днем, а ночью сворачиваются калачиком. Домашняя утварь, орудия труда и оружие подвешены по бокам хижины, а одежда семьи, не слишком обширный запас, хранится в сундуке.

На полке или платформе, расположенной высоко, вне досягаемости собак и волков, между двумя соседними деревьями, лопарь хранит свои запасы сушеного оленьего мяса, сыра и простокваши; ибо его рацион столь же прост, как и его общий образ жизни. Свое стадо северных оленей он загоняет на ночь или когда им требуется дойка, в большой загон длиной около четырехсот-пятисот футов, образованный барьером из столбов и пней деревьев, поддерживающих ряд горизонтальных жердей. Против последнего березовые жерди и ветви деревьев располагаются по диагонали, образуя своего рода бойню, которая, как считается, является достаточной защитой от нападений волков.

Говорят, что дойка стада северных оленей представляет собой живое и живописное зрелище. Когда они загнаны вглубь помещения и все розетки закрыты, болонка, выбрав длинный шнур или ремешок, наматывает оба конца на левую руку, а затем правой собирает сам ремешок в свободные кольца. Остановившись на северном олене, он накидывает кольца ему на рога. Иногда последняя не оказывает сопротивления, но обычно, почувствовав прикосновение ремешка, она бросается прочь, и ее преследователю приходится прилагать самые энергичные усилия, чтобы удержать ее. И сцена действительно оживленная, когда полдюжины северных оленей, преследуемых таким же количеством лопарей, носятся круг за кругом по загону, пока первые окончательно не одолевают их или, как это иногда случается, не вырывают веревку из рук сбитого с толку лопаря и не оставляют его распростертым на земле. Когда животное привязано, его хозяин ловко затягивает ремень вокруг его морды и головы, а затем привязывает его к стволу поваленного дерева. Операцию доения выполняют как мужчины, так и женщины.

Как только пастбище по соседству истощается, лагерь разбивают, и маленькая компания переезжает на какое-нибудь новое место. Грубые тугурии разбираются менее чем за полчаса и вместе со всем домашним убранством грузятся на спины северных оленей, которые благодаря долгим тренировкам приучены служить вьючными животными. В пути их связывают вместе, по пять человек, кожаными ремнями, и женщины ведут их через горы; в то время как отец семейства предшествует походу, чтобы выбрать подходящее место для нового лагеря, а его сыновья или слуги следуют за остальным стадом.

Когда весна приближается к лету, лопари покидают свои горные пастбища и перебираются на побережье. Как только северные олени вдыхают острый морской воздух, они, потеряв всякий контроль, бросаются очертя голову в соленые волны фиорда и большими глотками пьют соленую морскую воду. Лопари считают, что эта миграция к морю необходима для здоровья их стад. Когда лето достигает своего расцвета и снег тает, они возвращаются в приятные горные уединения, поднимаясь все выше и выше в соответствии с повышением температуры. Затем, с приближением зимы, они удаляются в леса, где им с большим трудом удается защитить свои стада и самих себя от нападений волков. В этой непрекращающейся войне им очень помогает храбрость их собак. Они размером примерно со скотч-терьера, с длинной лохматой шерстью и головой, удивительно похожей на рысью.



СЕВЕРНЫЙ ОЛЕНЬ В ЛАПЛАНДИИ.

Зимой лапландец совершает свои путешествия либо на санках, либо на коньках.

Их коньки нельзя назвать красивыми, но они превосходно соответствуют своему назначению. Один из них длиной с человека, который его носит; другой примерно на фут короче. Ноги пользователя располагаются посередине, и коньки, или *лыжи*, прикрепляются к ним ремешками или петлями. Они сделаны из елового дерева и покрыты оленьими шкурами, которые препятствуют любому движению назад, действуя на снег подобно щетине. Удивительно, с какой скоростью Лапп, экипированный таким образом, может передвигаться по замерзшей земле. Самый ловкий конькобежец на каналах Голландии не смог бы обогнать его. Он загоняет самых быстрых диких зверей; и это упражнение настолько стимулирует и согревает его тело, что даже в середине зимы, совершая одно из этих молниеносных движений, он может обойтись без меховой одежды. Когда он хочет остановиться, он использует длинный шест, к концу которого прикреплен круглый деревянный шарик, чтобы он не слишком глубоко увязал в снегу.

Он не менее искусен и в езде на санях. Его транспортное средство, или *пулька*, имеет форму лодки с выпуклым дном, чтобы легче скользить по снегу; нос острый, но задняя часть плоская. Возможно, его лучше сравнить с плоскодонкой, чем с лодкой. Во всяком случае, в этом любопытном транспортном средстве лапландец связан и укутан, как младенец в колыбели. Чтобы сохранить равновесие, он полагается на ловкость, с которой он перемещает свое тело взад и вперед и из стороны в сторону, когда это может потребоваться; и он направляет его с помощью толстого шеста. Его скакун, северный олень, привязан к нему поводьями, прикрепленными к ошейнику и соединенными с передней частью саней; поводья обвиты вокруг его рогов, а по всей его сбруе развешано множество маленьких колокольчиков, перезвон которых доставляет животному огромное удовольствие.

Экипированный таким образом, он будет преодолевать по пятьдесят-шестьдесят миль в день; иногда проезжая по пятьдесят миль без остановки и не подкрепляясь ничем, кроме случайного глотка снега.

ПУТЕШЕСТВИЕ По ЛАПЛАНДИИ.

С поразительной точностью лопарь проведет себя и своего скакуна по дикой местности, кажущейся лабиринтом, когда обычные знаки и характеры ландшафта занесены глубоким снегом. Но память у него цепкая, и поваленное дерево, или выступающая скала, или заросли елей дают ему достаточное представление о правильности его курса. Он часто продолжает свое стремительное путешествие ночью, когда луна наполняет сверкающие равнины странным блеском, или полярное сияние наполняет землю и небеса отражением своих чудесных огней.

Французский путешественник месье де Сен-Блез придерживается мнения, что лопари, как и все дикие и полуцивилизованные расы, быстро сокращаются в численности. Однако это сокращение вряд ли связано с условиями, в которых они живут. Цивилизованному европейцу их жизнь кажется суровой и почти невыносимой; но хотя она отмечена лишениями и усталостью, она не лишена своего очарования. Они свободны, независимы и лишены тревог. Что же касается лишений и усталости, то лопарь едва ли осознает их, потому что его выносливость велика, и он привык к ним с самых ранних лет. Умеренный,

активный и приученный к физическим нагрузкам, он обладает удивительно крепким физическим телосложением, и он ничего не знает о большинстве болезней, от которых страдают жители городов. Одной ужасной болезни, действительно, ему не избежать, и это, возможно, имело большое отношение к их упадку, — оспы. В остальном они здоровая и выносливая раса. Если во время путешествия лапландская женщина рожает ребенка, она помещает новорожденного в раму из полого дерева, в которой проделано отверстие для головы малыша; затем взваливает эту грубую колыбель себе на спину и продолжает свой поход. Когда она останавливается, она подвешивает младенца и его колыбельку к дереву, проволока, которой он покрыт, обеспечивает достаточную защиту от диких зверей.

Профессор Форбс, однако, описывает более удобную колыбель, вырезанную из цельного дерева и обтянутую кожей, с клапанами, расположенными так, что сверху они перевязываются кожаными ремешками; внутри она выстлана оленьим мхом, а для головки младенца предусмотрена подушка, также из оленьего мха, которая настолько точно вписывается в пространство, что не может пошевелить ни рукой, ни ногой.

Лопух - смелый охотник, и он встретится с медведем в одиночку. Подобно сибиряку, он испытывает суеверное почтение к этому сильному животному, которое он считает самым мудрым и сообразительным из всех полевых зверей, и предполагает, что знает и слышит все, что о нем говорят; но поскольку его мех ценен, а мясо вкусное, он не воздерживается от преследования его до смерти, хотя и старается, так сказать, убить его с величайшим уважением.

В начале зимы медведь удаляется в скальную пещеру или укрытие из ветвей, листьев и мха и остается там без пищи в состоянии оцепенения до тех пор, пока весна не вернет его к активной жизни. После выпадения первого снега охотники на лопарей отправляются в лес на поиски следов своего врага. Когда они найдены, место тщательно помечается, и через несколько недель они возвращаются, будят дремлющее животное и побуждают его к нападению; ибо стрелять в него во сне или, более того, использовать любое оружие, кроме копья, считается бесчестным.

Хоггер, рассказ которого цитирует Хартвиг, сопровождал пару лопарей, хорошо вооруженных топорами и крепкими пиками, в одной из таких опасных экспедиций. Примерно в сотне шагов от медвежьей берлоги отряд остановился, и один из лопарей с криком двинулся вперед, а его товарищи подняли шум, какой только могли. Он отважился приблизиться к пещере на расстояние двадцати шагов, а затем бросил в нее камни. Некоторое время все было тихо, и Хоггеру начало казаться, что они наткнулись на пустое логово, но внезапно послышалось сердитое рычание.

Теперь охотники возобновили и удвоили свой крик, пока медленно, подобно честному гражданину, пробужденному от добродетельного сна компанией гуляк, зверь не вышел из своего логова.

Сначала он казался безразличным и вялым; но, увидев своего ближайшего врага, он преисполнился ярости, издал короткий, но ужасный рык и стремглав бросился на него. Саранчанин, опустив копье, спокойно ожидал нападения, в то время как медведь, подойдя вплотную, встал на задние лапы и ударил своего противника передними лапами.

Чтобы избежать этих мощных ударов, отважный охотник пригнулся, а затем внезапным прыжком вонзил свое копье, направляемое сильной рукой и верным глазом, в сердце зверя.

Победитель отделался лишь легкой раной на руке, но на железном наконечнике копья были обнаружены глубокие следы зубов медведя.

Согласно старому обычаю, жены охотников собираются в одной из своих хижин и, как только слышат, что они возвращаются, громко, нестройно распевают в честь медведя. Когда мужчины, нагруженные своей добычей из шкур и мяса, приближаются, считается необходимым встретить их словами упрека и оскорбления, и им не разрешается входить через дверь; поэтому они вынуждены проникать через отверстие в стене. Но когда *гривы* животного были умилостивлены таким образом, женщины не меньше мужчин стремятся извлечь максимум пользы из его туши; и после того, как кожа, жир и мясо удалены, они разделывают тело и хоронят его с большой церемонией, сначала голову, затем шею, затем передние лапы, и так далее, вплоть до “последнего” животного — его хвоста. Это делается из дикой веры в то, что медведь восстает из мертвых и, если его должным образом похоронить, любезно позволит тому же охотнику убить себя во второй раз!

Основным продуктом питания лопарей является оленина. Ее они отваривают, и из нее получается как мясо, так и бульон. Летом они разнообразят свой рацион сыром и оленьим молоком; а богатые едят что-то вроде хлеба или лепешки, выпекаемой на горячих железных тарелках или "поясах”. В качестве роскоши они прибегают к бренди и табаку, и женщины ценят их не меньше, чем мужчины. Что касается последних, то их никогда не видят без трубки, кроме как за едой; и первое приветствие, с которым лапландец обращается к незнакомцу, - это требование ”табак“ или "браенди”. Доктор Кларк рассказывает нам, что, посетив одну из их палаток, он дал отцу семейства около пинты бренди, и, увидев, что тот поставил ее за своей кроватью, у края палатки, он решил, что это будет использовано экономно. Через несколько минут вошла дочь и попросила драхму на том основании, что потеряла свою долю, когда была занята домашними делами на улице. Старый лопарь ничего не ответил, но тихонько обошел палатку с внешней стороны, пока не добрался до того места, где было спрятано бренди. Затем, протянув руку, он вытащил драгоценную бутылку и одним глотком опорожнил ее содержимое.

Мы не находим большой разницы в привычках между горным лопарем и скогами, или лесными лопарями, за исключением того, что последний занимается рыбной ловлей летом, а зимние месяцы посвящает своим стадам и охоте. Но со временем его стада требуют больше внимания, чем он может им уделить, и он превращается в лопаря-рыбака, который всегда обитает на морском побережье и одновременно является самым грязным и наименее цивилизованным представителем расы. Он напоминает горного лопаря своей любовью к табаку и бренди. Он отличается от него тем, что никогда не мигрирует и полностью отказывается от пастушеской жизни.

РЫБОЛОВ ЛОПАЕТ.

Картина того, что художники называют “интерьером” лапландии, домашнего хозяйства лапландской хижины, нарисована для нас автором недавно вышедшей книги о путешествиях, озаглавленной “Попробуй Лапландию”.

После долгого дневного путешествия в окрестностях озера Рандехаур, усталые и замерзшие, он и его спутники набрели на маленькую хижину и подумывали о ночлеге; но более близкое знакомство с хижиной убедило их, что такой поступок нежелателен.

Ибо, постучав в дверь и подняв щеколду, они вошли и увидели перед собой семейную сцену!

В невообразимо грязной комнате стояла еще более грязная бельдаме и варила кофе. Ее муж, семидесятилетний старик, сидел с одной стороны, в то время как отвратительный, уродливый маленький болонок, мужчина или женщина, они с трудом могли сказать, сидел на корточках на полу с другой стороны, в полном костюме, состоящем из синей матерчатой шапочки с высоким козырьком и платья из оленьей кожи, украшенного бисером и блестками. Ее лицо было коричневым, как ягода, длинные вьющиеся черные волосы струились по щекам; и, уставившись на незваных гостей, она просила ”пенге" (денег). Двое

молодых мужчин храпели на одной кровати, а двое мальчиков - на другой, напротив нее, каждый был укрыт несколькими оленьими шкурами.

Появление незнакомцев разбудило спящих, они поспешно оглянулись, а затем снова захрапели.

Хозяйка дома предложила кофе; и хотя все выглядело таким грязным, что вызывало чувство отвращения, путешественницы не могли позволить себе быть привередливыми и приняли ее предложение, которое привело ее в совершенный восторг.

Она быстро сбегала к колодцу за водой и, наполнив чайник, принялась готовить свежий кофе.

Старик встал и попытался разбудить спящих, когда понял, что незнакомцам срочно нужны лодки и гребцы.

Оставив его делать необходимые приготовления, они вышли взглянуть на окружающий пейзаж; вернувшись через четверть часа, они ожидали застать их готовящими лодки, которые лежали в двухстах или трехстах ярдах от них. Но, к их удивлению, в положении спящих не произошло ни малейших изменений; и, выпив кофе из единственной чашки, которая была у лопарей, они потеряли терпение и набросились на молодых людей, пытаясь даже вытащить их из постели, но те не сдвинулись с места.

“Отец, ” говорит наш авторитет, “ который заявлял о большой любви к англичанам, но оказался самым большим негодяем, с которым мы когда-либо сталкивались, так же, как и мы, беспокоился о том, чтобы его сыновья встали и гребли к нам; но ни капельки не смутился! Он рассказал нам, что они провели на холмах три дня и три ночи и были совершенно измотаны. Что было делать, мы не могли придумать. Это становилось серьезным; мы, конечно, не могли спать в этой ужасной дыре, а другого убежища поблизости не было.

“Деньги не имели силы: хотя я показал всемогущий доллар усталым дремлющим (они наверняка никогда не были в Америке!). они с ворчанием отвернулись.

Тогда, о счастливая мысль, я вспомнил о *бренди*; и, поставив свой бочонок к кровати, я постучал по нему и предложил им по стакану, если они захотят встать. Это было совсем другое дело; они зевнули, потянулись и встали на пол. Бедняги! затем мы увидели, какими больными и изможденными они выглядели, хотя и были великолепными представителями человеческой расы.

“Влив себе в глотки по стакану огненной смеси, они надели пальто и последовали за нами, как сонные собаки; но через несколько мгновений гребли как герои”.

Все путешественники соглашаются свидетельствовать о страсти лопарей к спиртным напиткам. Если бы мы могли пощадить наших апостолов воздержания и защитников Доброго тамплиерства, которые, увы! мы не можем себе этого позволить, мало можно найти лучших полей для их замечательного труда, чем Лапландия.

Однако у капитана Хатчинсона есть о чем рассказать и более приятные “интерьеры” для набросков, чем в предыдущем. Давайте составим ему компанию, например, в поездке на остров Бьеркхольм.

Поселение здесь очень маленькое, состоящее всего из двух или трех домов и нескольких амбаров и сараев. Жители, по обычаю лопарей, добывают себе пропитание рыбной ловлей летом и охотой на северных оленей зимой. На острове не растет ни дерева, ни кустарника, только трава.

Хозяйкой на этот раз была активная, добродушная маленькая женщина ростом не более четырех футов, которая летала туда-сюда с поистине удивительной ловкостью. В какой-то момент она вскарабкалась на комод в поисках вилок и ложек; в другой, почти зарывшись в глубокую коробку, нырнула за простынями и скатертью. Посуды было явно мало, а фарфоровому тазу для мытья посуды с венком из красиво раскрашенных цветочков по краям пришлось действительно нелегко.

Сначала его подарили капитану Хатчинсону и его спутникам для мытья рук; за ужином он оказался наполненным шоколадом; утром он снова появился как их общий таз для умывания.

Однако маленький лапландец угостил их по-королевски: горячим лососем с копченой рыбой, блинами, вяленой олениной и яйцами.

Кровати были очень удобными, матрасы из сена, с белейшими простынями. И хотя хозяйка и ее семья казались очень бедными, реликвии былого величия были заметны в серебряных ложках, чайнике, кубке и кувшинчике для сливок.

Один недавний автор отмечает, что неполноценность лапландской расы столь же очевидна как с интеллектуальной, так и с физической точки зрения. Это очевидно при самом беглом взгляде на их жизнь и манеры. Лапландец, в целом, простое, робкое, правильное, честное существо. На его большой недостаток мы уже указывали — чрезмерное пристрастие к крепким напиткам, которого было бы достаточно, чтобы привести к уничтожению его расы в течение более или менее ограниченного периода, даже если бы его дни не были сочтены по всем другим сопутствующим причинам. По сути, он ведет кочевой образ жизни. Он совершенно свободен и независим на пустынных просторах, простирающихся от Северного мыса до шестьдесят четвертого градуса широты; он ставит свою палатку там, где ему заблагорассудится, обычно рядом с лесом или озером; и он уходит дальше, когда мох вокруг нее съеден. Такой образ жизни, конечно, несовместим с прогрессом шведской, норвежской и даже финляндской цивилизации, которая год за годом сокращает территорию, отданную под миграцию лопарей-кочевников.

В жизни лопарей летом, по словам графа Д'Алмейды, есть определенное очарование независимости, которое может оказаться соблазнительным для определенных умов, уставших от цивилизации и не подозревающих о комарах. Но зимой ни одно существо какой-либо другой расы не могло бы безнаказанно терпеть такие лишения и страдание, каким подвергаются они. Они вынуждены внимательно следить за своими стадами, которые находятся в постоянной опасности от снежных бурь и волков. В сильные морозы, когда толщина снега превышает три фута, они вынуждены раскапывать его своими топорами, чтобы получить доступ для своих северных оленей ко мху, который является их единственной пищей зимой. Их крепкое телосложение и способность переносить лишения и суровые климатические условия объясняют, как получилось, что человек в ледниковый период, хотя и без каких-либо средств цивилизации, мог переносить его чудовищные суровые условия. То, что лопари могут вынести в плане тяжелого труда и нужды, почти невероятно. Они страдают и сильны в том смысле, о котором поэт никогда не задумывался.

Часто случается, что их застает врасплох снежный ураган; они спят на земле, покрытые хлопьями снега, которые, проснувшись, они просто стряхивают и продолжают свой путь. При избытке холода, который остудил бы нашу кровь, даже если бы мы бежали на предельной скорости, они упадут в припадке опьянения на землю и будут безнаказанно лежать там часами. Говорят, что в середине зимы женщин, внезапно охваченных родовыми муками в дороге, рожают прямо в снегу, без каких-либо негативных последствий ни для них, ни для их потомства.

Но, как отмечает тот же автор, человеческая сила не может превышать определенных пределов. Лопарь рано стареет и умирает молодым. Когда он достигает преклонного возраста, его судьба становится еще более плачевной. Говорят, что если старик заболевает в то время, когда племя совершает одно из своих обычных переселений, его дети часто бросают его, оставляя его с некоторыми запасами провизии у подножия дерева или на берегу ручья, с ужасной перспективой умереть от голода или стать добычей диких зверей. Лапландец всегда беден, даже когда его можно назвать богатым; подсчитано, что для содержания семьи из четырех человек необходимо стадо из полных четырехсот оленей, что составляет капитал примерно в 160 фунтов стерлингов.

Лаппский диалект описывается как похожий на финский. Если мы вспомним, что лопари и квены, или финны, носят похожую одежду, отличаются очень похожими обычаями и что эти два народа называют себя одним и тем же общим именем - суоми, мы сможем понять, почему некоторые путешественники упорно считают их выходцами из одного общего племени. Но тщательное исследование показывает абсолютное отличие лопарей от финнов, несмотря на это сходство названия и языка — сходство, обусловленное, как и во многих других странах, влиянием завоевания или колонизации. Некоторые этнологи, и среди них М. Д'Омалин, относят финнов к белой, или кавказской расе, а лопарей относят к низшим ветвям великой монгольской семьи. Представляется несомненным, что между кенами и лопарями Северной Норвегии существует большая разница, чем между кенами и скандинавами того же региона.

Квены полностью приспособились к оседлому образу жизни и земледелию, в то время как лопари пока не сделали ни единого шага в направлении возвышения над скотоводческой и кочевой жизнью. С другой стороны, финны постоянно вступают в браки со шведами или норвежцами; в то время как союзы между лопарями и скандинавами или даже между лопарями и финнами рассматриваются по всей стране как чудовищные аномалии. Наконец, оставляя в стороне аргументы, основанные на физическом облике лопарей и финнов, важное историческое соображение, по-видимому, доказывает их особое сосуществование с периода, намного предшествовавшего расселению суйонов и готов на полуострове; это то, что в финской мифологии мы постоянно встречаемся с легендами о битвах между карликами и великанами. Невозможно, чтобы это могло относиться к войне между финнами и скандинавами, поскольку последние были того же роста, что и первые; и только по сравнению с лопарями финнов можно было условно назвать *гигантами*.

Мы позаимствуем у графа Д'Альвиеллы несколько подробностей, касающихся стационарных лопарей, населяющих регион Западная Ботния, или Вестерботтен, длинную узкую полосу суши, отделяющую Ботнический залив от собственно Лапландии. Эти лопари, по-видимому, являются продуктом смешения рас, в которых преобладает скандинавский элемент. Они обычного роста, крепкие, с правильными чертами лица, светлыми волосами и ясными серыми глазами.

Страна, в которой они живут, имеет странный, оригинальный, но однообразный характер. Именно его однообразие утомляет путешественника, хотя поначалу он будет впечатлен его свежей, но суровой красотой. Березовые и еловые леса кажутся бесконечными, а огромные озера в их глубинах утомляют глаз своими пустырями с холодной, унылой водой. Время от времени, однако, путешественник натыкается на улыбающуюся равнину, покрытую эмалью миозотиса и озаряемую сверкающим серебром, музыкально журчащим ручьем. Кое-где древесина тоньше, и можно увидеть тощих коров, пасущихся среди наполовину ободранных стеблей. Далее следует поляна, где лес был уничтожен огнем; поляна с полями ржи и ячменя; ограда из частокола и группа шалашей со сравнительно просторным и неповрежденным зданием в центре.

Эти *гарды*, как их еще называют, очень похожи друг на друга по всему Северу. Архитекторы Западной Ботнии не жалеют ни материалов, ни пространства. Даже самая маленькая ферма состоит из трех или четырех зданий, которые обычно образуют квадрат с четырех сторон внутреннего двора. Эти постройки — как непохожи на жалкие, грязные хижины лапландцев—кочевников! - состоят из трех жилых комнат, кухни и конюшен; и отделены друг от друга только перегородкой из горизонтально уложенных досок, промежутки между которыми заросли мхом. Мебель простая, удобная, подходящая и сияет чистотой, как голландская кухня. Вокруг камина развешана серия ярких гравюр, изображающих либо сцены из Священных Писаний, либо события из жизни выдающегося персонажа — короля Карла XV или епископа епархии, бок о бок с легендарными фигурами мирового масштаба, Наполеоном I и Гарибальди. Рядом стоит старый наследственный шкафчик, в котором муж копит свои деньги, а жена хранит свои безделушки; к стене подвешен полный набор трофеев: ножи, трубки, пояса с серебряными пряжками, кувалдные колокольчики и хлыст с резной роговой рукоятью. Вся сцена посвящена порядку и приличиям семейной жизни.

Можно добавить, что все эти жилища не носят прежнего вида процветающей опрятности; но даже там, где присутствует бедность, ей не сопутствуют тот угрюмый мрак и меланхолическая убогость, которые в других странах являются болезненным признаком и результатом длительных лишений. И здесь мы также должны помнить, что бедность и голод не всегда являются неразлучными спутниками. Тень голода часто омрачает дверь богача, и человек может погибнуть из-за недостатка пищи на мешке с золотом. Однажды зимой самые богатые члены общины были вынуждены есть хлеб, приготовленный из коры, смешанной со мхом.

Тем не менее, мы видим, насколько велика разница между постоянными и кочевыми лапландцами и насколько невозможно для кочующего населения приобрести или оценить удобства цивилизованной жизни. Пастушеская раса в нынешнюю эпоху мира является и должна быть загнивающей, потому что является варварской расой. Если она и соприкасается с границами цивилизации, то только для того, чтобы заразиться ее пороками и таким образом ускорить ее неизбежный упадок.

ГЛАВА IX.

САМОЕДЫ И ДРУГИЕ ПЛЕМЕНА АРКТИЧЕСКОЙ АЗИИ.

Самоеды - непосредственные соседи лопарей. Как и они, они кочевники; но они еще менее цивилизованны и меньше выиграли от напряженных и полных энтузиазма трудов христианских миссионеров. Они обитают в лесах и каменистых тундрах Севера России и Западной Сибири; перегоняют свои оленьи стада от берегов Чатанги до ледяных берегов Белого моря или охотятся на диких зверей в густых лесах, простирающихся между Обью и Енисеем.

Они погрязли гораздо глубже, чем лопари, в грубых и унизительных суевериях. Это правда, что они верят в верховное божество—Нум, или Джилибеамбертье, которое обитает в воздухе и, подобно греческому Зевсу, ниспосылает гром и молнию, дождь и снег; и они проявляют ту скрытую способность к поэтическому чувству, на которую указывают даже самые варварские племена в их описании радуги как “края его одежды”. Однако они считают его настолько возвышенным над миром людей и настолько холодно равнодушным к человечеству, что бесполезно пытаться умилостивить его молитвой или жертвоприношением; и они прибегают, соответственно, к низшим богам, которые, как они верят, управляют человеческими делами и находятся под влиянием заклинаний, обетов или особого почитания.

Считается, что главный из всех идолов самоедов до сих пор освящает своим присутствием, как во времена предприимчивого Баренца, унылый, скованный льдами остров Вайгац. Это каменная глыба, заостренная на вершине и имеющая некоторое грубое сходство с человеческой головой, созданная по этому подобию причудой природы. Это послужило моделью для самодийских скульпторов, которые умножили его изображение в дереве и камне; и легко созданных таким образом идолов они называют *сядаи*, потому что они носят человеческое (или получеловеческое) лицо (*сья*). Они наряжают их в оленьи шкуры и украшают бесчисленными цветными тряпками. В дополнение к *сядай*, они используют в качестве идолов любое причудливо изогнутое дерево или камень неправильной формы; а домашнего идола (Хахе) они повсюду возят с собой, тщательно завернутого, в специально отведенных для этой цели санях - хахенгане. Считается, что один из упомянутых пенатов является хранителем семейного счастья, другой - рыболовства, третий - здоровья своих почитателей, четвертый - их стад северных оленей. Когда требуются его услуги, Хахе уносят с места его упокоения и устанавливают в палатке или на пастбище, в лесу или на берегу реки. Затем его рот смазывают маслом или кровью, и перед ним ставят блюдо с мясом или рыбой, в обмен на угощение ожидается, что он воспользуется своей властью ради своих артистов. Поскольку его помощь больше не нужна, он возвращается в хахенган.

Помимо этих услужливых божеств, самоед верит в существование отряда невидимых духов, которых он называет *Тадебциос*. Они всегда и повсюду окружают его и заботятся скорее о его вреде, чем о его благополучии. Поэтому становится важным умилостивить их; но это может быть сделано только через вмешательство *Тадибе*, или колдуна, который при случае доводит себя до состояния дикого возбуждения, подобного неистовству пифийской

или дельфийской жрицы. Когда доверчивый самоед обращается к нему за помощью, его первой заботой является облачение в полный костюм волшебника — нечто вроде рубашки, сшитой из оленьей кожи и отороченной красной тканью. Его швы отделаны таким же образом, а плечи также украшены красными матерчатыми нашивками или эполетами. На лицо надет кусок красной ткани в качестве маски, а на груди поблескивает пластина из полированного металла.

ХИЖИНЫ САМОЕДОВ На ОСТРОВЕ ВАЙГАЦ.

Облачившись таким образом, тадибе берет свой барабан из оленьей кожи, украшенный медными кольцами, и в сопровождении неофита величественно ходит по кругу, призывая присутствие духов нестройным дребезжанием. Это постепенно набирает силу и сопровождается гудящей интонацией заклинательных слов. Духи появляются в положенное время, и Тадибе продолжает советоваться с ними; стуча в свой барабан тише и время от времени делая паузы в своем заунывном пении, которое, однако, послушник старается не прерывать, — чтобы послушать, как предполагается, ответы воздушных божеств. Наконец разговор смолкает; пение переходит в яростный вой; барабан гремит все громче и громче; тадибе, кажется, находится под сверхъестественным воздействием; его тело дрожит, а на губах собирается пена. Затем внезапно безумие прекращается, и Тадибе озвучивает волю Тадебцио и дает совет, как можно вылечить заблудившегося северного оленя, или облегчить болезнь поклоняющегося самоеду, или вознаградить труд рыбака обильным “урожаем моря”.

Должность тадибе обычно передается от отца к сыну; но иногда какой-нибудь индивидуум, предрасположенный от природы к припадкам возбуждения и наделенный живым воображением, посвящается в ее тайны. На его болезненное воображение

воздействуют долгие уединенные самообщения, длительные посты и бдения, а на его организм - употребление пагубных наркотиков и стимуляторов, пока он не убедит себя, что его посетили духи. Затем его принимают как Тадибе с многочисленными церемониями, которые проходят в полночь, и ему вручают волшебный барабан. Таким образом, будет видно, что Тадибе, если он обманывает других, частично обманывает самого себя. Но он не гнушается прибегать к самым обычным трюкам фокусника, чтобы произвести впечатление на своих невежественных соотечественников. Среди них - знаменитый трюк с веревкой, привнесенный в Англию братьями Дэвенпорт и с тех пор повторяемый многими профессиональными некромантами. Со связанными руками и ногами он садится на ковер из оленьей шкуры и, когда гаснет свет, призывает духов прийти ему на помощь. Вскоре об их присутствии сообщают странные звуки; кажется, что белки шуршат, змеи шипят, а медведи рычат. Наконец беспорядки прекращаются, огни зажигаются снова, и Тадибе выходит вперед свободным; зрители, конечно, полагают, что ему помогли Тадебцио.

Столь же варварский, говорит доктор Хартвиг, чьим страницам мы здесь в долгу, столь же варварский, как и бедняги, которые подчиняются его руководству, Тадибе неспособен улучшить их моральное состояние, да и не желает этого делать. Под разными именами — *шаманы* у тунгусов, *ангекоки* у эскимосов, *знахари* у кри и чепевян, - мы находим похожих магов или самозванцев, устанавливающих духовную диктатуру над всеми арктическими народами Старого и Нового Света, везде, где их власть не была сломлена христианством или буддизмом; и эта мрачная вера до сих пор распространяет свое влияние по меньшей мере на полмиллиона душ, от Белого моря до оконечности Азии и от Тихого океана до Гудзона. Залив.

Самоеды, как и сибирские племена, приносят жертвы умершим и совершают различные церемонии в честь их памяти. Подобно североамериканским индейцам, они верят, что желания и занятия усопших остаются такими же, какими они были на земле; и поэтому, чтобы у них не было недостатка в оружии или инвентаре, они кладут в свои могилы или около них кувалду, копье, кухонный котел, нож, топор. На похоронах и в течение нескольких лет после этого родственники приносят в жертву северного оленя над могилой. Когда умирает князь, Старшина, возможно, владелец нескольких стад северных оленей, его ближайшие родственники создают изображение, которое хранится в палатке умершего и которому уделяется такое же уважение, какое было оказано самому человеку при его жизни. Она занимает его обычное место за каждым приемом пищи; каждый вечер ее раздевают и кладут в его постель. Эти почести сохраняются в течение трех лет, а затем изображение хоронят, полагая, что тело к тому времени, должно быть, разложилось и утратило все воспоминания о прошлом. Только души тадибе и тех, кто умер насильственной смертью, удостоены бессмертия и парят в воздухе в виде бестелесных духов.

СЕМЬЯ САМОЕДОВ.

Самоеды разбросаны — числом около тысячи семей — по своему дикому и негостеприимному региону. Этнологи обычно считают, что они имеют общее происхождение с финнами Европы. Ростом они несколько выше лопарей, а их цвет более рыжевато-коричневый. Резкие черты их лица напоминают индуистский тип. Лоб высокий, волосы черные, нос длинный, рот правильной формы; но запавшие глаза, прикрытые тяжелым веком, выражают жестокую и вероломную натуру. Нравы самоедов жестоки; а по характеру они свирепы и хитры. Они пастухи, охотники, торговцы, а при удобном случае и грабители. Как и другие арктические народы, они одеваются в оленьи шкуры. Они сбривают свои волосы, за исключением довольно большого пучка, которому позволяют расти на макушке, и выщипывают бороду так же быстро, как она растет. Женщины украшают себя поясом из позолоченной меди, а также множеством стеклянных бусин и металлических украшений.

Продолжая наше продвижение на восток, мы подходим к остякам, народу, населяющему самые северные районы Сибири, от Уральских гор до Камчатки.

Некоторые интересные подробности их привычек и обычаев описаны мадам Фелинской, полькой, которую российское правительство приговорило к длительной ссылке в Сибирь.

Однажды, когда она искала тропинку в лесу, она столкнулась с парой остяков, собиравшихся совершить свои обряды. Они самого простого рода: молящийся садится перед деревом (предпочтительно лиственницей) в самой густой чаще леса и предается череде экстравагантных жестов и гримас. Поскольку эта форма богослужения запрещена российским правительством, остяк может прибегать к ней только тайно. Он действительно утверждает, что принял христианство, но есть слишком много причин опасаться, что большая часть расы все еще привержена своей языческой вере.

Почти каждый остиак носит при себе грубое изображение одного из божеств, которому он поклоняется, под именем *Шайтан*; но это не мешает ему носить на груди маленькое медное распятие. *Шайтан* представляет собой грубую имитацию человеческой фигуры, вырезанную из дерева. Она бывает разных размеров, в зависимости от различных применений, для которых она предназначена: если носить ее на себе, то это миниатюрная кукла; но для украшения хижины Остяка можно получить изображение в большем масштабе. Она всегда одета в семь расшитых жемчугом сорочек и подвешена к шее на нитке из серебряных монет. Деревянное божество занимает почетное место в каждой хижине — иногда в компании с изображением Девы Марии или какого-нибудь святого, — и перед началом трапезы остяки стараются предложить ему самые изысканные лакомства, смазывая ему губы рыбой или сырой дичью; выполнив этот священный долг, они заканчивают трапезу довольными.

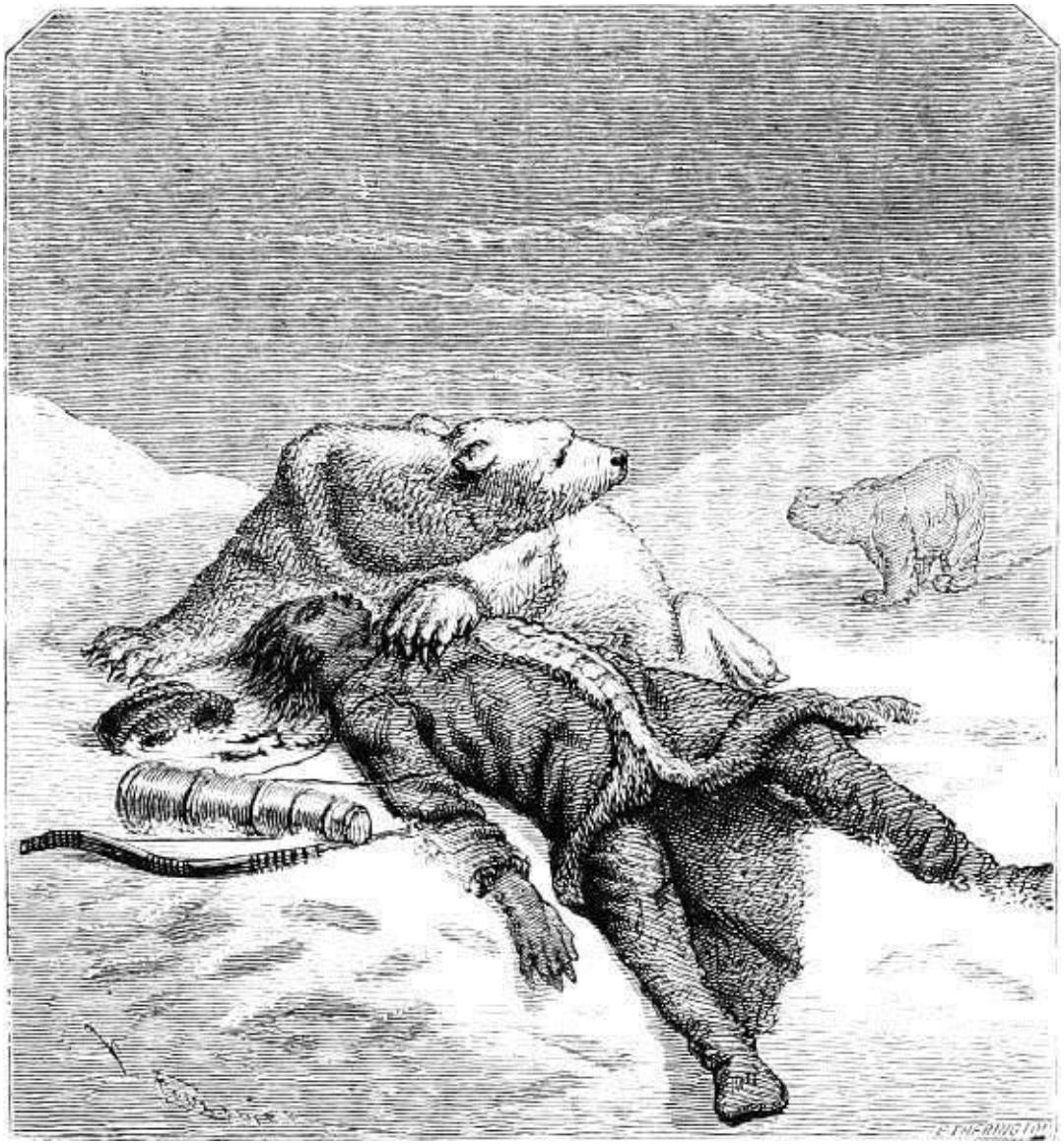
Остяцкие священники называются *шаманами*; свое огромное влияние они используют для продвижения своих личных интересов и поддержания самых низких суеверий.

Летом остяк устраивает свою резиденцию на берегу Оби или одного из ее притоков. Обычно он имеет квадратную форму, с низкими каменными стенами и высокой остроконечной крышей, сделанной из ивовых ветвей и покрытой кусками коры. Размягченные при кипячении, они сшиваются вместе, образуя большие циновки или ковры, которые легко сворачиваются и переносятся с места на место. Очаг находится в центре; он состоит из нескольких камней, сложенных вокруг углубления в почве. Здесь остяк живет, питаясь рыбой, которую он часто ест, не готовя, и время от времени покупая предметы роскоши, такие как табак и выпивка, на лосося и осетрину, пойманных его ловкостью.

Зимой он уходит в лес, чтобы поохотиться на соболя или белку или выпасать стада северных оленей, которыми некоторые из них владеют. Он строит свою юрту на небольшом возвышении недалеко от берега ручья, но вне досягаемости его весенних разливов. Он низкий, маленький, убогий; стены его обмазаны глиной, окно сделано из тонкого листа льда.

Остяки обычно небольшого роста, со смуглой кожей и черными волосами, как у самоедов; но это не всегда так. Похоже, они принадлежат к той же семье, что и самоеды и финны. Они честны, добродушны, инертны, крайне беспечны и грязны в своих привычках; хотя можно признать, что их хижины не грязнее “внутренностей” исландских рыбаков. С их женщинами обращаются не намного лучше, чем с африканскими рабынями, и их выдают

замуж за того, кто предложит самую высокую цену. Цена обязательно варьируется в зависимости от состояния родителей; дочь богатого человека продается за пятьдесят оленей, бедняка - за полдюжины сушеных осетровых и пригоршню беличьих шкурок.



ЯКУТСКИЙ ОХОТНИК И МЕДВЕДЬ.

Остяки и самоеды - великие охотники на белого медведя. То же самое и с якутами (или якоутами), народом, живущим рядом с бурятами и, подобно им, приближающимся к монгольскому типу. Однако их цель в погоне не всегда состоит в том, чтобы убить животное, а в том, чтобы взять его живым. Мадам Фелинская утверждает, что однажды она видела, как в Березов пригнали значительное стадо медведей, похожих на стадо ручного скота и, по-видимому, столь же безобидных. Однако она не сообщает нам, какими средствами они были доведены до столь желательного состояния подчинения. Часто остяки и якуты нападают на белых медведей лицом к лицу, без какого-либо другого оружия, кроме топора или длинной сабли. Они должны наносить своему грозному противнику удары с огромной силой и убивать его с первого удара, иначе их собственная опасность будет чрезвычайной. Если

охотник промахнется, его единственное спасение - броситься на землю и лежать неподвижно до тех пор, пока медведь, понюхав его тело и перевернув его, неосторожно снова подставит себя для атаки.

Теперь мы добираемся до полуострова Камчатка. По площади она равна Великобритании, а ее природные ресурсы богаты; однако из-за разрушительных последствий оспы и чрезмерного употребления бренди ее население не превышает семи-восьми тысяч душ. Климат здесь гораздо мягче, чем во внутренних районах Сибири, и на него благоприятно влияют теплые бризы с моря; и хотя зерновые культуры не процветают, его пастбища богаты и обильны, а травянистая растительность чрезвычайно обильна.

Рыбные промыслы Камчатки пользуются заслуженной репутацией. Весной лосось поднимается по рекам такими поразительно многочисленными стаями, что если вы погрузите дротик в воду, то наверняка попадете в рыбу; и Стеллер утверждает, что медведи и собаки в этом благодатном регионе ловят на берегах лапами и пастями больше рыбы, чем в менее благополучных странах самые искусные рыболовы могут поймать в ловушку всеми приемами науки о рыбах. Германн также ссылается на изобилующие мириады вод Камчатки. В ручье глубиной всего шесть дюймов он увидел бесчисленные стаи чакко (*Slagocephalus*) двух-трех футов в длину, частично выброшенных на травянистые берега, частично пытающихся пробиться через отмель.

Берега Камчатки подобным же образом кишат водоплавающими птицами, которые устраиваются на ночлег и выводят потомство на каждой скале и уступе, в каждой нише и впадине и при малейшей тревоге поднимаются со своих мест отдыха с шумом крыльев и гулкими голосами, повторяемыми тысячью отголосков.

Камчатчане проявляют в охоте за этими птицами и их яйцами ловкость, не уступающую бесстрашию и ловкости жителей Фарерских островов или Гебридских островов. Босиком и даже без помощи веревок они отваживаются спускаться по самым ужасным склонам, которые пенящиеся воды делают недоступными снизу. На левой руке у них висит корзина, которую по мере продвижения наполняют яйцами; в правой руке они несут короткий железный крюк, с помощью которого стаскивают птиц с их скалистых насестов. Поймав птицу, птицелов сворачивает ей шею, привязывает к поясу и спускается еще ниже по крутому обрыву.

Камчатчане небольшого роста, но с сильными конечностями и широкими плечами. У них высокие скулы, массивные, широкие и выступающие челюсти, глаза маленькие и черные, носы маленькие, губы очень полные. Преобладающий цвет кожи мужчин - темно-коричневый, иногда приближающийся к рыжевато-коричневому; цвет лица женщин светлее; и чтобы уберечь его от солнца, они украшают его медвежьими кишками, прилипающими к лицу с помощью рыбьего жира. Они также красят свои щеки в ярко-красный цвет морскими водорослями.

KAMTSCHATKANS.

Камчатка может похвастаться очень ценным домашним животным в лице своей собаки. Мистер Хилл придерживается мнения, что его следует считать коренным жителем страны, где он дико бродит по холмам и добывает себе пропитание точно таким же образом, как волк. По своей природе, как физически, так и в отношении своего нрава и предрасположенности, он, по-видимому, примерно в равной степени напоминает это прирученное животное и мастифа; но не совсем таким образом, который, как можно было бы предположить, произошел от скрещивания двух видов, а скорее как обладающий некоторыми качествами обоих, не смешанными и не модифицированными, но отчетливо отмеченными и, возможно, в равном совершенстве аналогичными качествам, которыми обладают эти животные по отдельности. Он примерно такого же размера, как обычный мастиф, и его окрас обычно охристый или серебристо-серый, с несколькими более темными или светлыми оттенками этих окрасов в качестве неизменной основы. По форме своего тела он тоже напоминает мастифа, но его голова больше похожа на голову волка. Еще больше мы узнаем волчий характер по глазам, которые жестоки и вороваты, а также по его привычкам и нраву. Как и его товарищ по скитанию, он больше спит днем, чем ночью, и лучше видит при скудном свете звезд или луны, чем при полном сиянии солнца: это породило ту же

вульгарную ошибку относительно его зрения, которая в Британии преобладает в отношении зрения кошки, - что он может видеть в темноте.

Если и есть какое-либо исключение, говорит мистер Хилл, из того, что камчатская собака обладает характером и качествами как волка, так и мастифа, то это касается ее голоса, который слышен в громких криках и неразличимых звуках, что-то среднее между лаем одной и воем другой.

Во всем, что связано с работой, которой он занимается, камчатская собака проявляет более чем обычный интеллект. Он очень охотно работает и послушен, как все виды собак в целом, только одному хозяину; но он не проявляет никаких признаков той привязанности, которая в большей или меньшей степени присуща всем другим видам собак, позволяет человеку сочувствовать им, а иногда даже вызывает такую степень дружбы, которую не каждый представитель его собственного вида способен внушить. Таким образом, каждой стаей или упряжкой собак всегда должна управлять одна и та же рука и направляться одним и тем же голосом, который кнут, а не ласки, научили их помнить и повиноваться.

Обладая этими качествами, собака становится в этой стране очень полезным животным. На самом деле, что бы ни делали для нас здесь, в Британии, наши лошади и быки, если не считать того, что мы носим себя на их спинах и пашем нашу пашню, собаки выполняют для камчатчан. Однако летом для них не так уж много работы; и в это время года им разрешается бродить по окрестностям и добывать пищу, которую они обычно находят в реках, наилучшим доступным им способом. Некоторые виды боли всегда необходимы, чтобы поддерживать их в хорошем настроении и в мире со своими соседями, будь то собаки или люди. И поэтому все камчатканцы, которые держат упряжку возле своих домов, стараются, когда на земле лежит снег, вбить в землю несколько кольев или жердей, установленных таким же образом, как каркас хижины или вигвама; к ним привязывают собак поодиночке или парами. Но при спаривании, будь то на кольях или в упряжи, необходимо, чтобы те, кто запряжен вместе, были не только из одной семьи, но и из одного помета, или, по крайней мере, их должны были спаривать, когда они были щенками. Оставлять большую часть из них на свободе небезопасно; и молодые собаки описываются как наиболее опасные в этом отношении. Они не только постоянно убивают домашнюю птицу, которую камчатчане, следовательно, не в состоянии разводить, и собак более мелких пород, которые могут случайно оказаться в этом месте, но, как известно, уничтожают детей. Пока они не работают, они довольно тучны, и им обычно полагается половина вяленого лосося, или порция весом около двух фунтов, в день; но когда они работают, с ними обращаются хуже и они более истощены, чем сибирские лошади, и получают только половину того количества корма, которое им полагается на отдыхе; тем не менее, при таком обращении они будут совершать поездки продолжительностью в три-четыре недели с гораздо меньшим отдыхом, чем требуется лошадям. Более того, они даже во время путешествия продолжительностью в четыре или пять дней будут работать четырнадцать или шестнадцать часов из двадцати четырех, не пробуя никакой пищи вообще и, по-видимому, не испытывая никакого упадка сил; и всеобщее мнение, по-видимому, таково, что чем меньше пищи они получают по эту сторону голода во время путешествия, тем лучше.

Пять из этих собак потянут сани, в которых могут находиться три взрослых человека и шестьдесят фунтов багажа. При небольшой загрузке такие сани преодолевают от тридцати до сорока верст за день по плохим дорогам и глубокому снегу, в то время как по ровным дорогам они преодолевают от восьмидесяти до ста двадцати. И в этом неоценимая ценность камчатских собак, поскольку лошадь была бы бесполезна в езде на санях: в глубоком снегу она бы утонула; и она была бы неспособна из-за своего веса пересекать реки и ручьи, покрытые лишь тонким слоем льда.

КАМЧАТСКИЕ САНИ И УПРЯЖКА.

Но путешествовать с собаками отнюдь не просто. Вместо кнута погонщик использует кривую палку с железными кольцами, которые своим позвякиванием подают руководителю упряжки необходимые сигналы. Если у собак проявляются симптомы ослабления усилий, им бросают палку, чтобы побудить их двигаться быстрее; и погонщик ловко поднимает ее снова, когда его сани проносятся мимо. Во время снежной бури они согревают своего хозяина и часами спокойно лежат вокруг него. Они также являются опытными предсказателями погоды, поскольку, если во время отдыха они роют ямки в снегу, это верный признак шторма.

Дрессировка этих собак начинается в очень раннем возрасте. Вскоре после рождения их помещают вместе с матерью в глубокую яму, чтобы они не видели ни людей, ни животных; и после отлучения от груди они по-прежнему обречены на полное исключение из “обезумевшей толпы”. По истечении шестимесячного испытательного срока их запрягают в сани со старшими собаками, и, будучи чрезвычайно застенчивыми, они бегут изо всех сил. По возвращении домой они проходят еще один период жизни в яме, пока не будут признаны идеально обученными и способными совершить долгое путешествие. Затем им разрешают наслаждаться летней свободой. Такой способ обучения может сделать их послушными, но он также делает их мрачными, недоверчивыми и вспыльчивыми.

Сибирь, насколько это касается долины Лены, и даже на восток до Колимы и на запад до Енисея, населена смелой и энергичной расой якутов. Их численность оценивается примерно в 200 000 человек, и они населяют обширную, но унылую провинцию Якутск с главным городом того же названия.

Якуты в значительной степени являются скотоводческим народом, но поскольку они торгуют лошадьми и крупным рогатым скотом, а также ведут оживленную торговлю мехами с русскими, они достигли гораздо более высокого уровня цивилизации, чем это принято среди скотоводческих рас. Летом они живут в легких конических палатках ("уроссах"), которые крепятся на шестах и покрываются березовой кожурой. Их они разбивают на открытых равнинах и долинах, а затем посвящают себя сбору запасов сена на предстоящую зиму. Для них это очень важный труд, поскольку их главное богатство - стада крупного рогатого скота, и найти для них достаточное пропитание в суровом климате бассейна Лены и на границах Арктического мира - задача огромной сложности. Действительно, часто запасы заканчиваются до наступления весны, и тогда волам приходится питаться молодыми побегами березы и ивы.

С приближением зимы якут уходит из своей палатки в теплую деревянную хижину, или *ярт*, которая принимает форму усеченной пирамиды и имеет внешнее покрытие из дерна и глины. Его окна сделаны из тонких пластин льда, которые с наступлением оттепели заменяются рыбьими пузырями или бумагой, пропитанной маслом. Пол земляной, очень редко дощатый и обычно заглубленный на два-три фута ниже поверхности земли. Сиденья и спальные места расположены по бокам; очаг, или *червал*, занимает центр, и его дым выходит через отверстие в крыше. Одежда и оружие развешаны по стенам, а общий вид интерьера убогий и беспорядочный.

Рядом с яртом находятся стойла для коров; но когда морозы очень сильные, они, подобно ирландским свиньям, находят приют в подвалах. Что касается лошадей, то они остаются день и ночь на открытом воздухе, хотя погода может быть такой суровой, что замерзает даже ртуть; и у них нет другой пищи, кроме пожухлой осенней травы, которую они находят под снегом.

Выносливость, которую проявляют якутские лошади, почти невероятна. Как и у других четвероногих в арктических регионах, летом у них меняется шерсть. Преодолевая месяц за месяцем унылую пустыню, где единственной растительностью является скудная и полусгнившая трава, они все еще сохраняют свою силу и энергичность; и, несмотря на тяжелые условия их жизни, они стареют не так быстро, как наши собственные, более ухоженные лошади. Стремиться улучшить якутскую лошадь означало бы, по мнению многих путешественников, позолотить ее чистым золотом и надушить "фиалкой". Он может часами продолжать ровную рысь по дорогам, о которых ни один англичанин не может составить представления, и остановиться передохнуть, не имея никакой другой пищи, кроме коры лиственницы и ивы или небольшого количества жесткой травы, без покрытия, защищающего его покрытые пеной бока от холода, при температуре ниже 40 °с.

Как лошадь, так и хозяин. Якут - само олицетворение выносливости. Кажется, он способен вынести все и попробовать все. В самое долгое зимнее путешествие он не берет с собой ни палаток, ни дополнительных покрывал, ни даже одной из больших меховых накидок, какие обычно носят сибиряки. На самом деле он довольствуется своей обычной одеждой; в ней он обычно спит под открытым небом: его кровать - конская попона, расстеленная на снегу; его подушка - деревянное седло. Той же меховой курткой, которая днем служит ему одеждой и которую он снимает, ложась на ночь, он защищает спину и плечи, в то время как передняя часть его тела повернута к огню, почти ничем не прикрываясь. Затем он затыкает нос и уши маленькими кусочками кожи и закрывает лицо

так, чтобы оставалось лишь небольшое отверстие для дыхания; это все меры предосторожности, которые он принимает против самой сильной простуды. Даже в Сибири якуты известны как “железные люди”.

Лошадь для якута так же ценна, как верблюд для араба или северный олень для лапландца. Это не только его конь, который, кажется, не способен устать, — его тягловое животное, терпеливо переносящее тяжелые нагрузки, — но из его шкуры делают одежду; из его шерсти он плетет рыболовные сети; вареная конина - его любимое блюдо, а кислое кобылье молоко, или *кумыс*, - его главный напиток. Смешивая это молоко с ржаной мукой или внутренней кожурой ели или лиственницы, он готовит густую кашу, которую сдабривает ягодами, или сушеной рыбой, или прогорклым жиром.

До того, как торговля была перенесена в долину Амура, тысячи вьючных лошадей под предводительством якутов ежегодно пересекали Стоновые горы по пути в Охотск; путешествие ужасной трудности, которое могло потрясти самые крепкие нервы. Но якут переносит крайности холода и голода с удивительным хладнокровием. Он не боится ни штормовых ветров, ни потемневших небес, ни глубины коварного болота, ни темноты и тишины леса. Ничто не пугает его, кроме незримого присутствия “Лешея”, духа гор и леса. Путешественник часто натыкается на холм, поросший елями, и видит, что с ветвей одной из самых старых елей свисают бесчисленные пучки конского волоса. Что это значит? Ему не нужно спрашивать, ибо, о чудо! его погонщик-якут, слезая со своего коня, спешивает вырвать несколько волосков из гривы своего коня, а затем с большим почтением прикрепляет их к ближайшему суку, чтобы умилостивить ужасного Лешего. Даже якуты, которые были крещены и номинально причислены к христианскому населению, виновны в этом глупом суеверии; хотя есть основания подозревать, что они все еще лелеют свою веру в шаманизм и свой древний страх перед злыми духами. Однако, когда мы вспоминаем абсурдные верования и вульгарные заблуждения, все еще сохраняющиеся во многих частях нашей страны, мы не в состоянии вынести очень суровый вердикт легковерию якутов.

В дороге они скрашивают скуку пути пением песен самого печального характера, соответствующих обычной меланхолии, которую они, по-видимому, унаследовали от своих предков; меланхолия, навеянная, вероятно, мрачностью пейзажа, леденящим видом неба, суровостью климата и длительной битвой, в которой проходит их жизнь. Тем не менее их песни достойны смелого и умного народа и, подобно поэзии скандинавов, изобилуют образами, заимствованными у природы. Они постоянно описывают ярким языком величественное великолепие заснеженных гор, звездную красоту ночи, журчание реки, завывание ветра, когда он струится по сосновому лесу. Якутские менестрели по большей части импровизаторы; и, чтобы заручиться благосклонностью лешей, они будут превозносить прелести дикой природы, которой они правят, как если бы эта дикая местность была частью Элизиума.

Якутские купцы отличаются предприимчивостью. Их столица - Якутск на Лене, и оттуда они расширяют свою деятельность во всех направлениях. В суровую зиму они поведут свои караваны в Охотск, или Кяхту, или Островное.

Однако страна, по которой они путешествуют, всегда представляет собой пустыню. Средняя температура в году всего +14 °. В ноябре столбик термометра опускается до -40 °, или на 72° ниже точки замерзания. Яна у Нижнего Колымска замерзает в начале сентября; а ниже по течению, где течение слабое, нагруженные лошади могут пересечь ее замерзшую

поверхность уже в середине августа: однако лед тает не раньше июня. Солнце остается, правда, около пятидесяти двух дней над горизонтом; но его свет, окутанный почти постоянными туманами, почти не нагревается, и его шар, сжатый рефракцией до эллиптической формы, может быть рассмотрен невооруженным глазом без каких-либо неудобств.

Как климат, так и растительность. Низкорослые ивняки, чахлая трава, мох и несколько ягодных растений составляют флору безрадостных тундр. В соседних и лучше защищенных долинах Аниуж больше изобилия и разнообразия; тополь, береза, тимьян, абсент и низкий стелющийся кедр оживляют их склоны; но даже в этих местах природа наиболее скупа на свои дары. Однако с фауной Арктической Сибири дело обстоит иначе. В лесах обитает множество северных оленей, лосей, медведей, лисиц, соболей и серых белок, а в низинах устраивают свои норы каменные лисицы. С приходом весны прилетают огромные стаи лебедей, гусей и уток, которые вьют свои гнезда в самых уединенных уголках. Морское побережье часто населяют орлы, совы и чайки; в зарослях - белые куропатки; в ручьях - сотни маленьких бекасов. Даже в песнях зяблика нет недостатка весной, и дрозд не совсем умолкает осенью.

Подводя итог деталям, записанным адмиралом Врангелем, недавний автор рисует впечатляющую картину образа жизни людей на этой безлюдной пустоши и замечает: “Все указывает на то, что здесь переходят границы обитаемой земли; и с удивлением спрашивается, что могло побудить людей поселиться в столь неуютном регионе?”

Главным ресурсом суллахери с реки Аниудж, по его словам, является охота на оленей, успех которой в основном определяет, постигнет ли их голод или некоторое изобилие в течение предстоящей зимы. Пролет северных оленей происходит дважды в год: весной, когда стаи комаров выгоняют их на морское побережье, где они питаются тундровым мхом; и осенью, когда усиливающиеся холода вынуждают их удаляться вглубь страны. Весенняя миграция, которая начинается примерно в середине мая, не очень прибыльна; отчасти потому, что животные тогда находятся в плохом состоянии, а отчасти потому, что их труднее убить, когда они перебегают замерзшие реки. Главная охота проводится в августе-сентябре, когда стада, каждое из которых насчитывает несколько тысяч оленей, возвращаются в леса. Они неизменно пересекают реку в определенном месте, где плоский песчаный берег позволяет им сравнительно легко высадиться; и здесь они как бы смыкают свои ряды под руководством стойких ветеранов стада.

После короткой паузы колебания стадо ныряет в воду, и через несколько минут поверхность реки кажется оживленной от плавающих северных оленей. Настало время охотника, и он выходит из своего укрытия в заросшем камышом ручье на своей маленькой лодке, раня столько животных, сколько сможет. Пока он и его товарищи заняты таким занятием, они подвергаются некоторому риску быть опрокинутыми в суматохе, поскольку самцы храбро защищаются рогами, зубами и задними ногами, в то время как косули обычно пытаются запрыгнуть передними лапами на планшир лодки. Если охотник опрокинется, его единственный шанс спастись - вцепиться в сильное животное, которое надежно перенесет его через ручей. Однако такой несчастный случай случается редко. Хороший охотник убьет сотню оленей, а то и больше, за полчаса. Тем временем другие лодки захватывают убитых животных, которые становятся собственностью их экипажей; в то время как те, которые просто ранены и выплывают на берег, принадлежат охотникам, которые в разгар суматохи,

когда все их силы задействованы на пределе, направляют свои удары только на то, чтобы серьезно ранить более крупных животных. Звук рогов, ударяющихся друг о друга, “ожившие” воды, крики охотников, крики боли, ярости и тревоги борющихся животных - все это образует сцену, которую, однажды увидев, нелегко забыть.

В то время как мужчины Колымска, таким образом, в течение короткого летнего периода заняты охотой, рыбной ловлей и заготовкой сена, женщины бродят по стране и взбираются на склоны гор с целью сбора съедобных кореньев, ароматных трав и различных видов ягод, хотя последние созревают не каждый год. Сезон сбора ягод на Колымске, как и сбор винограда во Франции или Италии, - это сезон веселья, отпускной период в тяжелой и кропотливой жизни. Молодые женщины и девушки собираются большими группами и проводят целые дни и ночи на открытом воздухе. Когда ягоды собраны, их заливают холодной водой, и они сохраняются в замороженном виде в качестве дополнения к скудному зимнему рациону. Нам говорят, что “светские вечеринки” не являются чем-то неизвестным на Колымске и, вероятно, позволяют себе там так же много или так же мало развлечений, как в более благополучных и цивилизованных сообществах. Главная роскошь — это поток некрепкого чая - очень некрепкого, потому что ароматные листья, которые бодрят, но не опьяняют, очень дороги на Колымщине; а поскольку сахар тоже дорогостоящий предмет, каждый гость берет в рот конфету, пропускает чай, который он отпивает, мимо ушей, а затем кладет его обратно на блюдце. Было бы нарушением вежливости, если бы он съел весь кусок целиком, который, таким образом, используется более чем на одном званом вечере. Наряду с чаем, но не менее почитаемым, главным атрибутом колымского угощения является коньяк.

Другим важным сибирским народом являются тунгусы, которые распространились от бассейнов Верхней, Средней и Нижней Тунгуски до западных берегов Охотского моря, а также от границ Китая и Байкала до Полярного океана. Их численность не превышает тридцати тысяч. В соответствии с их занятиями и домашними животными, составляющими их богатство, они известны как Северные олени, Лошади, Собаки, лесные и речные тунгусы. Тех, кто держит или разводит лошадей и крупный рогатый скот, единицы; большинство зависит от северных оленей. Положение всех прискорбно плачевное. У тунгусов нет других ресурсов, кроме рыбной ловли или охоты. Когда реки замерзают, он уходит в лес. Здесь его страдания настолько велики, а нужда настолько велика, что он часто становится каннибалом и нападает на жен и детей своих более удачливых соотечественников. В более счастливых обстоятельствах он примечателен живостью своего остроумия, живостью манер и беспечной беспечностью своего характера. Утверждается, однако, что он одновременно злобен и лжив. Он тщеславен; и любит украшать себя нитками и стеклянными бусами, от своей маленькой татарской шапочки до кончиков ботинок. Однако, охотясь на северного оленя или путешествуя по лесам, он надевает большие водонепроницаемые сапоги или *сари*, хорошо смазанные жиром; и в таких случаях он берет с собой небольшой топорик, котелок, кожаную сумку с вяленой рыбой и короткое ружье или лук с пращой. Его всегда сопровождает его верный пес.

“С помощью своих длинных и узких снегоступов он летит над ослепительной равниной; и защищает свои глаза, как якут, сеткой, сделанной из черного конского волоса. Он без колебаний нападает на медведя в одиночку и, как правило, побеждает его. Тунгусам-кочевникам, естественно, требуется передвижное жилище. Его палатка покрыта кожей или большими кусками податливой коры, которые легко сворачиваются и переносятся с места

на место. *Джарт* оседлых тунгусов напоминает джарт якутов и настолько мал, что его можно очень быстро и основательно согреть огнем, разведенным в каменном очаге в центре. В еде тунгусы отнюдь не изысканны. Одно из его любимых блюд состоит из содержимого желудка северного оленя, смешанного с лесными ягодами и разложенного в виде тонких лепешек на кожуре деревьев для просушки на воздухе или на солнце. Те, кто поселился на Вильне и в окрестностях Нерчинска, также потребляют большое количество березового чая, который они варят с жиром и ягодами в густую кашу; и эта нездоровая пища, без сомнения, усиливает желтизну их лица".

Теперь, наконец, мы бросим взгляд на чукчей (или тусков), которые населяют северо-восточную оконечность Азии, с одной стороны покрытой льдом акватории Полярного моря, а с другой - Берингова моря. Их страну посещают крайне редко; однако все, кто отваживался побывать там, сходятся в том, что описывают ее как один из самых меланхоличных регионов земли. Почва бесплодная и наполовину промерзшая, на ней нет никакой другой растительности, кроме мхов и лишайников, вакцинии и карликовой березы и ивы, — за исключением низин, где на заросших тростником болотах летом часто встречаются гуси, лебеди, утки и болотные птицы. Климат настолько суровый, что удивительно, как человек может решиться вынести это. Лето наступает не раньше 20 июля, а 20 августа на землю опускается тень зимы. Животный мир, однако, если и не очень разнообразен, то изобилует: моржи, морские львы и тюлени населяют побережья; а северный олень, волк, архар и песец водятся во внутренних районах.

Чукчи - предприимчивый народ, любящий независимость. В отличие от своих соседей, кориаков, они всегда защищали свою свободу от посягательств России. Они активные и энергичные торговцы. На обтянутых кожей лодках они пересекают Берингов пролив и обмениваются мехами и моржовыми зубами с туземцами Америки. Длинными караванами, запряженными северными оленями, они отправляются на большую ярмарку в Островное и ведут оживленную торговлю с русскими купцами. За ними следуют сани, нагруженные запасами лишайника и мха для северных оленей, поскольку в своих странствиях, какими бы кружными они ни были, они вынуждены пересекать обширные пространства каменистой пустыни, где даже эти воздержанные животные не могут добыть пищу. Поскольку их передвижения регулируются потребностями их стад, им требуется пять или шесть месяцев на путешествие, длина которого по прямой линии не превысила бы тысячи верст; они почти всегда мигрируют с места на место, но, поскольку они неизменно носят с собой свои жилища, они никогда не покидают их. Караван обычно состоит из пятидесяти или шестидесяти семей, и как только одна ярмарка заканчивается, они отправляются готовиться к следующей.

Основным продуктом торговли в Островном является табак. Чтобы заполучить небольшой запас наркотика, составляющего единственную роскошь их унылой жизни, эскимосы Северной Америки, простирающиеся от Ледяного мыса до Бристольского залива, пересылают свои товары по обмену из рук в руки до островов Госдус в Беринговом проливе, где чукчи покупают их на табак, купленный в Островном. Таким образом, в ледяных регионах крайнего севера табак является источником и опорой значительной торговли; а наркотический сорняк, который Роли и его современники завезли из Америки в Европу и который из Европы попал в Азию, экспортируется из Азии для употребления американскими племенами.

Однако торговый баланс, по-видимому, полностью противоречит последнему. Нам говорят, что шкурки, которые чукче покупает у эскимоса за полпуда (восемнадцать фунтов) табачной крошки, он продает русскому за два пуда (семьдесят два фунта); и эти шкурки, которые стоят русскому около ста шестидесяти рублей, последний продает в Якутске за двести шестьдесят и в Санкт-Петербурге более чем за пятьсот рублей.

В Островном продаются в основном меха каменных лисиц, черных и серебристо-серых лисиц, чревоугодников, рысей, выдр, бобров и куниц. Другими товарами, которые привозили туда чукчи, были медвежьи шкуры, моржовые зубы и ремни, полозья для саней (сделанные из китовых ребер) и платья из оленьей кожи. Русские, помимо табака, распоряжаются чайниками, топорами, ножами, пистолетами, чаем и сахаром.

Посещение семьи вождя чукчей так описывает один из спутников адмирала Врангеля:

Мы вошли во внешнюю палатку, или *намет*, состоящую из дубленых оленьих шкур, натянутых на тонкий каркас. Отверстие наверху для выхода дыма и чайник на очаге в центре указывали на то, что прихожая и кухня были здесь гармонично объединены в одно целое. Но где могли быть обитатели? Скорее всего, в том большом мешке, сделанном из тончайших шкурок телят северного оленя, который занимал, рядом с котелком, центр *намета*. Чтобы проникнуть в эту “святая святых” чукотского дома, мы подняли неплотно закрывающуюся створку, служившую дверью, проползли на четвереньках в образовавшееся отверстие, осторожно закрыли створку, заправив ее под шкуру на полу, и оказались в *пологе*, то есть приемной или гостиной. Без сомнения, это был уютный ящик для холодного климата, но довольно низкий, поскольку мы не могли стоять в нем вертикально; и при этом он не был настолько хорошо вентилируемым, как того требовал санитарный комиссар, поскольку в нем решительно не было отверстия для света или воздуха. При входе нас встретил удушливый дым; мы протер глаза; и когда они, наконец, привыкли к едкой атмосфере, мы увидели при тусклом свете железнодорожной масляной лампы достойное семейство, сидящее на полу почти в полной наготе. Ничуть не смутившись, мадам Лютт и ее дочь приняли нас в своих примитивных костюмах; но чтобы показать нам, что чукчи умеют принимать гостей и оказывать им честь, они немедленно вдели в волосы нитки стеклянных бус.

Их гостеприимство было равносильно вежливости, ибо вместо холодного приема перед ними вскоре дымилось горячее блюдо из вареного оленьего мяса, обильно полито прогорклым жмыхом опытной рукой хозяйки дома. Кулинарный вкус русских, однако, не смог оценить это произведение искусства, и семье Лютт пришлось отдать должное ему без посторонней помощи.

Чукчи полигамны. Их женщины считаются рабынями, но с ними обращаются неплохо. Большинство чукчей были крещены, но они втайне цепляются за свою языческую веру и владеют силой шаманов, или некромантов. Они образуют два больших подразделения: северных оленей, или кочующих чукчей, которые называют себя теннигками; и постоянных чукчей, или оукилонов, которые проявляют родство с эскимосами и живут охотой на китов, моржей и тюленей. Предполагается, что оукилонов насчитывается 10 000, а теннигков - около 20 000.

ГЛАВА X.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ОТКРЫТИЯ АРКТИКИ.

В царствование Генриха VIII доктор Роберт Торн заявил, что “будь его воля, первое, что он понял бы, даже попытался бы, было бы, будут ли наши северные моря судоходными до Полюса или нет”. И говорят, что король по его наущению “отправил два прекрасных корабля с хорошо укомплектованными экипажами и провиантом, имея на борту искусных ныряльщиков, на поиски незнакомых регионов; и так они вышли из Темзы 20 мая, на девятнадцатом году своего правления, который был годом год от Рождества Господа нашего 1527”. Однако о деталях этой экспедиции у нас нет никаких сведений, за исключением того, что одно из судов потерпело крушение у берегов Ньюфаундленда.

В 1536 году лондонский джентльмен по имени Хор предпринял второе арктическое путешествие в сопровождении тридцати членов Inns of Law и примерно такого же количества искателей приключений низшего сословия. Они достигли Ньюфаундленда, который, согласно некоторым источникам, был открыт Себастьяном Кэботом в 1496 году, и здесь их постигли ужасные бедствия; в крайней нужде они дошли до каннибализма. После гибели большей части экипажа выжившие захватили врасплох французское судно, которое прибыло к побережью, и благополучно доставили его в Англию.

Но истинная история открытия Арктики восходит, как отмечает мистер Маркхэм, к тому дню, когда ветеран-мореплаватель Себастьян Кэбот объяснил все молодому Эдуарду VI. феномен изменения стрелки. В тот же день престарелый моряк получил пенсию; и сразу же после этого компания "Московия" под его руководством оснастила три исследовательских судна. Командовать ими был назначен сэр Хью Уиллоуби, а Ричард Чэнселлор из "*Эдварда Бонавентуры"* был его заместителем. Последний, вскоре после выхода из Англии, отделился от эскадры и, плывя в северном направлении, достиг, наконец, просторной гавани на московском побережье. Корабль сэра Хью и его спутник, "*Bona Confidentia*", были выброшены на безлюдную часть побережья Лапландии, в устье реки Арзина. Они вошли в реку 18 сентября 1563 года и оставались там неделю; и “видя, что год уже далеко прошел, а также очень плохую погоду в виде мороза, снега и града, как будто стояла глубокая зима, они решили, что лучше всего перезимовать там”. Но день шел за днем, неделя за неделей, в этих мрачных пустынях льда и снега отважные искатели приключений гибли один за другим; и много месяцев спустя их побелевшие кости были обнаружены несколькими русскими рыбаками.

Весной 1556 года Стивен Берроу, впоследствии главный лоцман Англии, снарядил катер “Поиск-бережливость” и отплыл на далекий север. Он обнаружил пролив, ведущий в Карское море, между Новой Землей и островом Вайгац; но он решил вернуться, потому что, во-первых, постоянно дули северные ветры; во-вторых, “великое и ужасное изобилие льда, которое мы видели своими глазами”; и, в-третьих, потому что ночи становились все темнее. Он прибыл в Архангельск 11 сентября, перезимовал там и вернулся в Англию в следующем году.

Двадцать лет спустя, погожим майским утром королева Елизавета помахала на прощание Мартину Фробишеру и его доблестной компании, когда они спускались по Темзе на двух небольших барках, *Габриэле* и *Майкле*, каждая водоизмещением по тридцать тонн, вместе с

катером водоизмещением десять тонн. Они достигли берегов Фрисландии 11 июля и, плывя на юго-запад, достигли Лабрадора. Затем, двинувшись на север, они обнаружили “большую впадину, залив или пролив”, который они назвали проливом Фробишера (63° 8’ северной широты), и впали в ошибку, предположив, что он соединяет Атлантический океан с Тихим. Здесь они вступили в контакт с несколькими эскимосами; и Фробишер описывает их как “странных неверных, подобных которым никогда раньше не видели, не читали и не слышали о них: с длинными черными волосами, широкими лицами и приплюснутыми носами, смуглого цвета, одетые в тюленьи шкуры, женщины, отмеченные на лице синими полосами на щеках и вокруг глаз”.

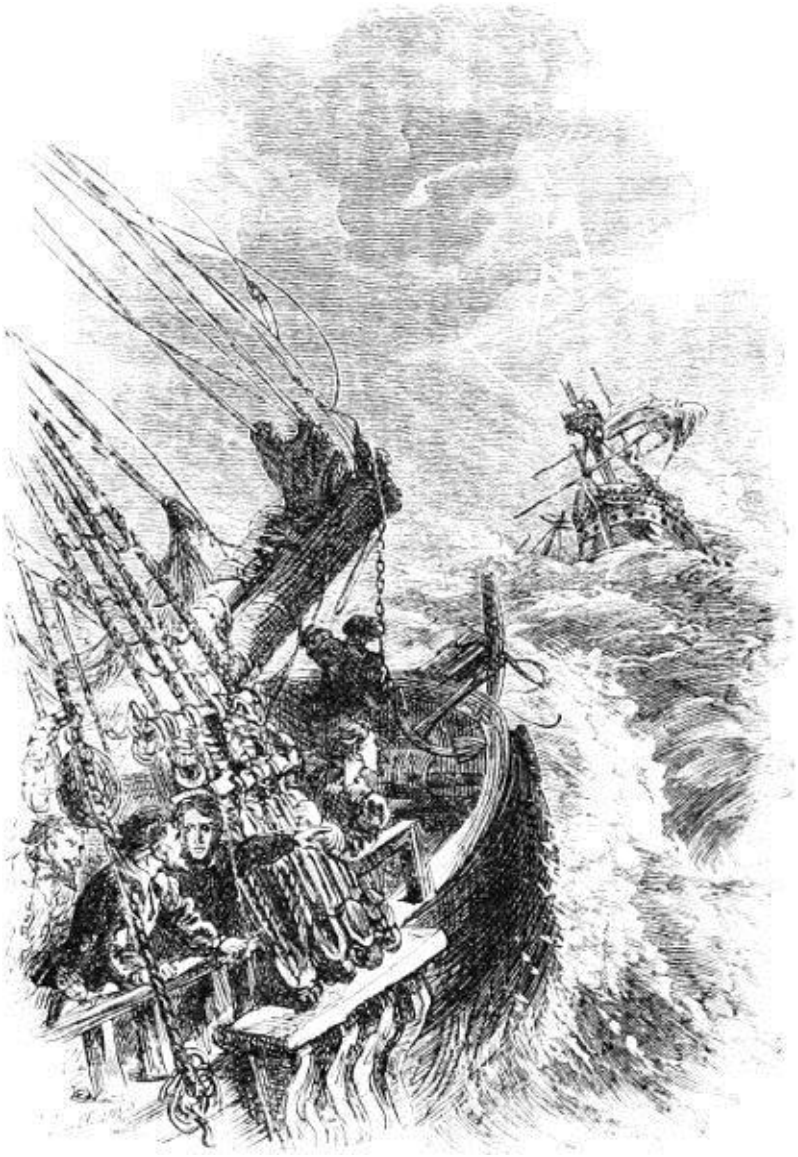
Открытия Фробишера произвели столь сильное впечатление на общественное мнение, что в следующем году его поставили во главе более крупной экспедиции в надежде, что он откроет английским предприимчивым людям богатства “далекого Китая”. Примерно в конце мая 1577 года он отплыл из Грейвсенда на *Айде* водоизмещением в сто тонн, на *Габриэле* водоизмещением в тридцать тонн и на *Майкле* водоизмещением в тридцать человек с экипажами всего в девяносто человек, помимо примерно тридцати торговцев, шахтеров, переработчиков и ремесленников. Он вернулся в сентябре с двумястами тоннами того, что должно было быть золотой рудой, и встретил теплый прием. Считалось почти несомненным, что он наткнулся на какую-то часть индийского побережья, и королева Елизавета, назвав ее *Meta Incognita*, решила основать там колонию. Для этой цели Фробишер был отправлен с пятнадцатью хорошо оборудованными кораблями, три из которых должны были в течение года оставаться в новом поселении, в то время как остальные, взяв на борт груз драгоценной руды, должны были вернуться в Англию.

На третьей неделе июня Фробишер прибыл во Фрисландию, которой он вступил во владение от имени королевы. Направляясь к проливу Фробишера, он обнаружил, что вход в него завален колоссальными айсбергами; и барк "*Деннис*", перевозивший деревянные дома и припасы для колонии, столкнувшись с одним из них, к сожалению, затонул. Затем, во время сильного шторма, флот был рассеян повсюду — часть судов отнесло течением в море, часть загнало в пролив; и когда большинство из них присоединились к своему адмиралу, оказалось, что они пострадали так сильно, что не оставалось ничего другого, как отказаться от проекта создания колонии. Однако они собрали свежие запасы руды, а затем, насколько могли, вернулись в Англию. Здесь они были встречены неприятным известием о том, что предполагаемая золотая руда вообще не содержала золота и на самом деле была просто шлаком и отбросами.

Однако мечте о северном пути в Китай не суждено было развеяться из-за случайных злоключений. Даже человек с таким острым умом, как сэр Хамфри Гилберт, был убежден, что через северные моря лежит кратчайший путь к сокровищам Востока; и, получив от королевы Елизаветы патент, разрешающий ему предпринимать северо-западные открытия и вступать во владение любыми землями, не населенными или колонизированными христианскими князьями или их подданными, он снарядил в 1583 году с помощью своих друзей эскадру из пяти небольших кораблей, и отплыл из Англии, полный ярких видений и оптимистичных ожиданий. На борту его флота были кузнецы, и плотники, и корабельщики, и каменщики, и рафинадщики, и “добытчики полезных ископаемых”, не говоря уже о некоем Стефане Парменио, ученом венгре, который обязан был записывать на звучной латыни все “поступки и вещи, достойные памяти”.

Сэр Хамфри основал поселение на Ньюфаундленде; а затем, поднявшись на борт "*Белки*, маленькой лодки грузоподъемностью в десять тонн, и взяв с собой "*Золотую лань"* и "*Восторг*", он отправился в исследовательское путешествие. К несчастью, "*Восторг*" выбросился на берег на мелководье близ Сейбл-Лэнд, и вся его команда, за исключением

двенадцати человек, и все припасы погибли. Несчастье заставило сэра Хамфри вернуться в Англию, и его товарищи умоляли его подняться на борт "*Золотой лани*", ссылаясь на то, что *Белка* непригодна для столь длительного плавания. “Я не покину, - ответил рыцарский искатель приключений, - храбрых и свободных товарищей, с которыми я претерпел столько бурь и опасностей”. Вскоре после прохождения Азорских островов их настиг страшный шторм, во время которого крошечную лодку швыряло волнами, как соломинку. "*Золотая лань*" держалась так близко от нее, насколько позволяли накатывающие волны; и ее капитан оставил запись, что видел сэра Хамфри, спокойно сидевшего на корме и читавшего книгу. Было слышно, как он воскликнул— “Мужайтесь, мои ребята; по морю мы так же близки к небесам, как и по суше!” Затем наступила ночь с ее тенями и тишиной, а на следующее утро стало ясно, что катер и его доблестный груз отправились пополнять запасы невозвратных сокровищ морских глубин.



ПОТЕРЯ “БЕЛКИ”.

Но ни неудача Фробишера, ни печальная судьба сэра Хамфри Гилберта не смогли остановить поток английской предприимчивости, развернувшийся на Севере. В этих отдаленных северных морях и окутанных туманом землях была непреодолимая притягательность со всеми их возможностями богатства и славы; и открытие Арктики уже начало оказывать на умы английского народа то особое очарование, которое не ослабело с

течением веков и сохраняется даже по сей день. Итак, в 1585 году сэр Адриан Гилберт и некоторые другие джентльмены из Девоншира собрали средства, достаточные, чтобы снарядить два судна — "*Саншайн* водоизмещением пятьдесят тонн и "*Лунный свет"* водоизмещением тридцать пять тонн - для великой работы "Открытие"; и они передали командование опытному моряку и способному штурману, капитану Джону Дэвису, их собственному земляку или представителю графства. К концу июля он достиг западного побережья Гренландии, и его безрадостный вид побудил его окрестить ее "Землей запустения". Однако его общение с эскимосами носило самый дружелюбный характер. Отойдя к северо-западу, он открыл и пересек пролив, который до сих пор носит его имя; а мысу на его западном побережье он дал название мыс Уолсингем. Открыв таким образом, хотя и невольно, великую дорогу к Полярному морю, он отплыл в Англию, куда прибыл 20 сентября.

Во время своего второго путешествия в 1586 году, когда в дополнение к *Sunshine* и *Moonshine* у него были с собой "*Русалка* водоизмещением сто двадцать тонн и десятитонный катер "*Полярная звезда"*, он повторил свой прошлогодний маршрут. Однако *Солнечный свет* и *Полярную звезду*он использовал для плавания вдоль восточного побережья Гренландии; и говорят, что они поднялись так высоко, что достигли лат. 80° Северной широты

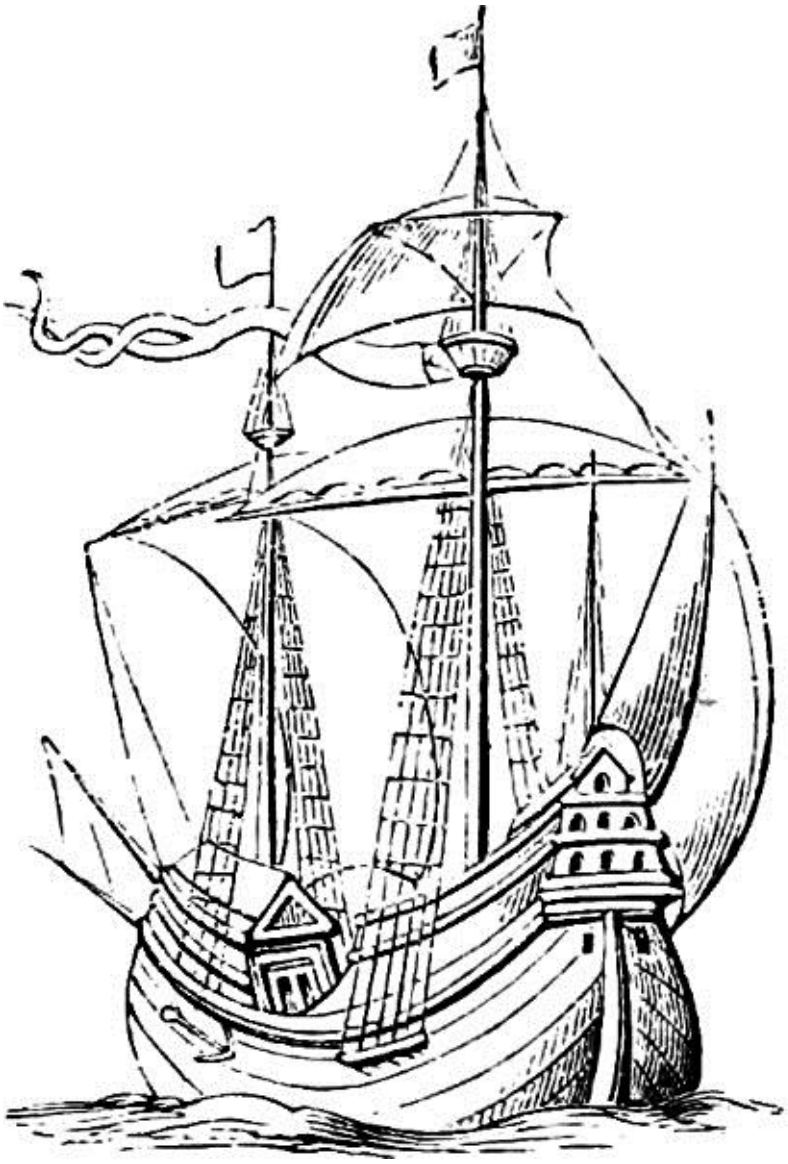
Дэвис в своем третьем путешествии продвинулся дальше на север, достигнув смелого мыса, который он назвал мысом Сандерсон. Он также пересек большой канал, впоследствии известный как Гудзонов залив.

Следующим англичанином, отважившимся выйти в замерзшие моря, был некий капитан Уэйм в 1602 году; но он ничего не добавил к уже полученным скудным сведениям. Англичанин Джеймс Холл был главным лоцманом экспедиции, организованной в 1605 году королем Дании, которая исследовала некоторую часть побережья Гренландии. Он совершил три путешествия подряд; но, демонстрируя собственную храбрость и решительность, он ничего не внес в сокровищницу географических знаний.

Теперь мы подходим к имени, которое заслуженно входит в число выдающихся исследователей Арктики, — имени Генри Хадсона. Он внес больший вклад в наше знакомство с полярными морями, чем кто-либо из его предшественников, и лишь немногие из его преемников превзошли его в объеме и тщательности его исследований.

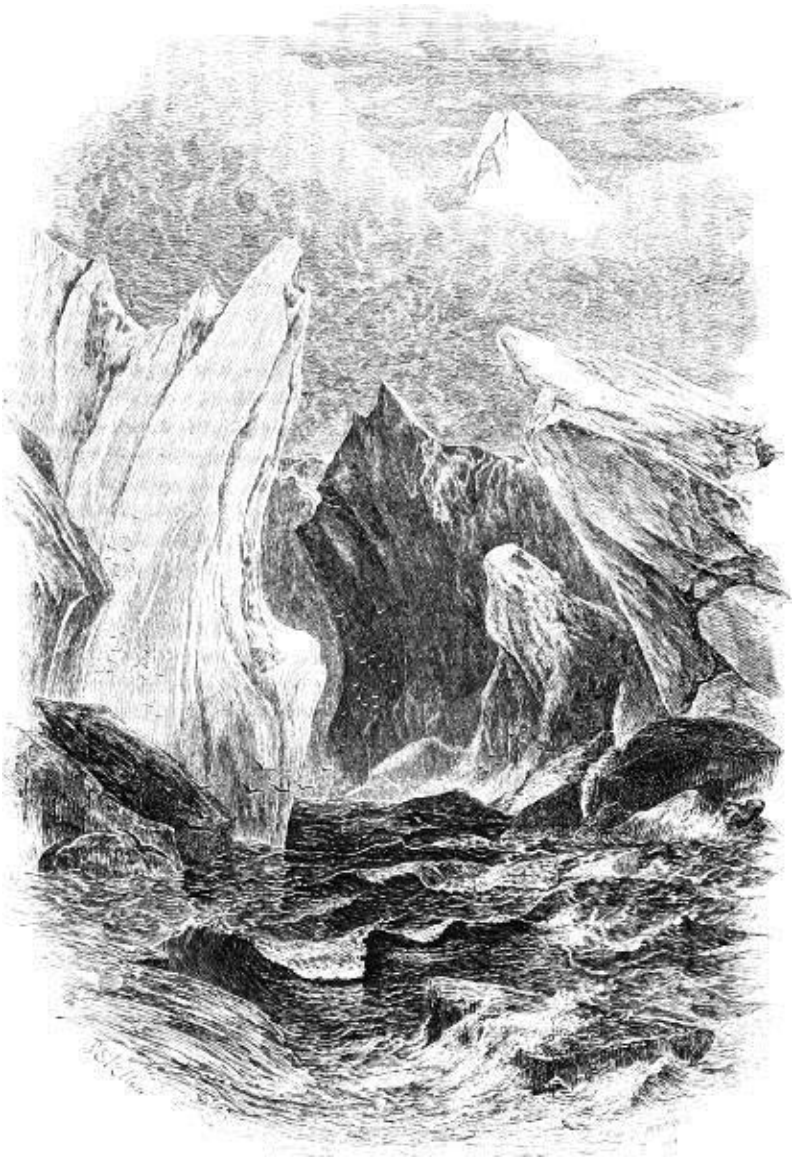
Сначала он появляется, говорит мистер Маркхэм, снаряжая для Московской компании маленькую шлюпку под названием "*Хоупвелл*" (водоизмещением восемьдесят тонн), чтобы открыть проход через Северный полюс. 1 мая 1607 года он отплыл из Гринвича. “Когда мы рассматриваем средства, которыми он был обеспечен для достижения этого великого открытия, мы поражаемся бесстрашной дерзости попытки. Команда из двенадцати мужчин и мальчика на жалком суденышке водоизмещением в восемьдесят тонн хладнокровно рассуждала о том, чтобы переплыть прямо через Полюс в Японию, и на самом деле проверяла возможность этого так тщательно и рассудительно, как никогда не проверяли самые оснащенные современные экспедиции.... Представьте себе этого отважного моряка, отплывающего из Грейвсенда к Северному полюсу на судне размером с один из самых маленьких современных угольных бригов. Мы можем составить хорошее представление о ее общем виде, потому что три таких судна обозначены на карте, нарисованной самим Хадсоном. *"Хоупвелл"* больше всего на свете походил на старый "Сурат баггалоу", который сейчас плавает по морям, с высокой кормой и низким заостренным носом; на бушприте у

него не было передних парусов, но, чтобы компенсировать это, фок-мачта была выдвинута вперед. Под высокой и узкой кормой была каюта, где разместились Хадсон и его маленький сын, а команда столпилась на носу".



КОРАБЛЬ СЕМНАДЦАТОГО ВЕКА.

Гудзон впервые увидел землю за полярным кругом на 70 ° широты. Это было холодное, мрачное побережье Восточной Гренландии. Тремя градусами севернее на горизонте поднималась цепь высоких пиков, совершенно голых от снега, и люди Хадсона заметили, что температура с каждым днем становилась все мягче. Держа курс на северо-восток, великий мореплаватель прибыл к берегам Шпицбергена, где несколько его людей высадились на берег и подобрали различные фрагменты китового уса, оленьи рога, моржовые зубы и останки других животных. Северо-западной точке Шпицбергена он дал название, которое она носит до сих пор — мыс Хаклюйт. Однажды он забрался так далеко на север, что достиг 81 °; и кажется вероятным, что он открыл Семь островов: он заметил, что море в одних местах зеленое, в других голубое; и он говорит: "Мы обнаружили, что наше зеленое море наиболее свободно ото льда, а наше лазурно-голубое море - это наше ледяное море"; наблюдение, не подтвержденное более поздними мореплавателями. Зелень, вероятно, была вызвана присутствием мельчайших организмов.



ПЕЙЗАЖИ ЯН-МАЙЕНА.

Завершив обследование западного побережья Шпицбергена, он решил обогнуть северную оконечность Гренландии, которую он считал островом, и вернуться в Англию проливом Дэвиса. С этой целью он еще раз осмотрел море между Шпицбергеном и Гренландией, но по сильному мерцанию льда вдоль северного горизонта убедился, что прохода в этом направлении нет. Поэтому, увидев Шпицберген, он решил вернуться в Англию и по пути домой обнаружил остров в лат. 71° северной широты, которую он назвал Гудзоновыми Сутками и которая с тех пор неправильно называется Ян-Майен. *"Хоупвелл"* прибыл в Темзу 15 сентября.

Результаты этого путешествия, говорит мистер Маркхэм, были очень важны как с географической, так и с коммерческой точки зрения. Хадсон открыл часть восточного побережья Гренландии; он дважды исследовал кромку льда между Гренландией и Шпицбергеном — в июне и в конце июля; и он плыл к северу от Шпицбергена, пока его не остановили льды, достигнув почти такой же высокой широты, как у Скорсби в 1806 году, которая составляла 81 ° 12' 42" с.ш. Наивысшей широтой Хадсона по наблюдениям было 80 ° 23' с.ш., но он плыл еще два дня в северо-восточном направлении. Практическим следствием его путешествия стало то, что его отчет о количестве китов и морских коньков в морях

Шпицбергена привел к созданию богатого и процветающего рыболовного промысла, который продолжал процветать в течение двух столетий.

В следующем году Хадсон совершил второе плавание в надежде обнаружить северо-восточный проход в Китай между Шпицбергеном и Новой Землей. Он проявил характерную для него решительность и пробился к самым воротам неизведанного края, которые все еще закрыты для человеческой деятельности непроницаемым ледяным барьером; но все его усилия оказались напрасными, и 26 августа он вернулся в Грейвсенд.

В 1610 году на судне водоизмещением пятьдесят пять тонн он снова вышел в полярные моря и достиг крайней точки Лабрадора, которую назвал мысом Вольстенхольм. Здесь перед ним открылся вид того великолепного моря, которое с тех пор ассоциируется с его именем; и не может быть сомнений, что его предприятие предвосхитило бы открытия более поздних мореплавателей, если бы не мятеж, вспыхнувший среди его команды и в конечном итоге приведший к тому, что он был отправлен по течению с девятью верными товарищами в маленькой открытой лодке. Больше о нем никогда не слышали.

Дух коммерческой предприимчивости и любовь к морским приключениям были все еще достаточно сильны в Англии, чтобы побудить к снаряжению дальнейших экспедиций. В 1612 году плавал капитан Баттон, который обнаружил ручей и назвал его рекой Нельсона; где позже Компания Гудзонова залива основала свое первое поселение. Здесь он перезимовал. В апреле 1613 года, когда лед растаял, он возобновил свои исследовательские работы и обнаружил на 65 ° северной широты группу островов, которые он назвал островами Мануэля, ныне известными как Мэнсфилд. Затем он отправился в Англию и прибыл на Темзу в начале сентября.

Роберт Байлот и Уильям Баффин предприняли морское путешествие в 1615 году. У последнего был некоторый предыдущий опыт арктического мореплавания, который он использовал с пользой в 1616 году, когда сопровождал Байлота во второй экспедиции. Их судно водоизмещением в пятьдесят пять тонн "*Дискавери*" достигло мыса Хоуп-Сандерсон, самой дальней точки, достигнутой Дэвисом, 30 мая; и, встретив некоторое препятствие из льдов, направилось на север к 72 ° 45’ с.ш., где на некоторое время бросило якорь среди Женских островов. Баффин держался севера, пока не наткнулся на лед на 74 ° 15’ северной широты, а затем поднялся по заливу Мелвилл, коснулся устья большого бассейна, ныне известного под его именем, и поплыл вдоль его западного побережья. Он прибыл в Дувр 30 августа после блестяще успешного плавания, которое открыло основные северо-западные каналы, ведущие в Северное Ледовитое море.

Здесь необходимо вставить несколько замечаний, объясняющих трудности, с которыми сталкивается маршрут исследования Арктики в Баффиновом заливе. Географы утверждают, и это утверждение, кажется, подтверждается опытом мореплавателей, что поверхностное течение постоянно течет по этому заливу и уносит огромные флотилии айсбергов и косяки льдин в Атлантику из его южных проливов — проливов Ланкастера, Джонса и Смита. Следовательно, в устье залива существует значительное открытое и судоходное

пространство, которое летом и в начале зимы простирается на некоторое расстояние до проливов Ланкастера и Смита и известно как “Северная вода”. Но между этим открытым пространством и проливом Дэвиса лежит огромная масса льда, имеющая в среднем от ста семидесяти до двухсот миль в ширину и блокирующая центр Баффинова залива, препятствуя подходу к северо-западной оконечности. Он известен как “средний пак” и состоит из нескольких древних льдин большой толщины, которые, возможно, были принесены из отдаленной части арктических морей; из большого количества льда, накопившегося за каждую зиму, толщиной около шести-восьми футов; и из огромных айсбергов, которые являются столь характерной чертой пейзажа залива Мелвилл. Каждое последующее лето очень большое количество этого слоя разрушается в результате оттепелей или повышения температуры в Атлантике по мере того, как лед дрейфует на юг.

О льдах Баффинова залива замечено, что они намного легче, чем те, что встречаются в морях Шпицбергена. Последнее часто встречается в виде отдельных листов, твердых, прозрачных, толщиной от двадцати до тридцати и даже сорока футов. В Баффиновом заливе средняя толщина льдин не превышает пяти-шести футов, а восемь-десять футов встречаются очень редко.

Со времени путешествия Баффина в 1616 году до 1817 года не предпринималось попыток форсировать эту “среднюю стаю” и войти в Северные воды; но теперь плавание совершается каждый год, и открыты три маршрута. Первый называется “Окольным Северным проходом” и проходит вдоль побережья Гренландии; второй, или “Средний проход”, возможен только в конце сезона, если войти в дрейфующий лед в центре залива; и третий, или “Южный проход”, также возможный только в конце сезона, вдоль западной стороны Баффинова залива. Оказавшись в Северных Водах, какой бы маршрут ни был выбран, можно считать, что всем препятствиям на пути к исследованию неизвестного региона пришел конец. От Кейп-Йорка до пролива Смита море всегда судоходно в летние месяцы.

Таким образом, будет видно, что великие дороги к Полюсу были открыты Уильямом Баффином.

Наши ограничения вынуждают нас не упоминать о путешествиях Стивена Беннета (1603-1610), Джонаса Пула (1610-1613) и капитана Люка Фокса (1631). В 1631 году бристольские купцы отправили капитана Томаса Джеймса, но он ничего не добавил к открытиям своих предшественников. А затем почти на два столетия Англия отказалась от своих попыток наладить сообщение между Атлантикой и Тихим океаном.

Однако в 1818 году вопрос о существовании Северо-Западного прохода вновь занял общественное сознание; и британское правительство соответствующим образом снарядило исследовательскую экспедицию, "*Изабеллу* и "*Александра*" под командованием капитана Росса и лейтенанта Парри.

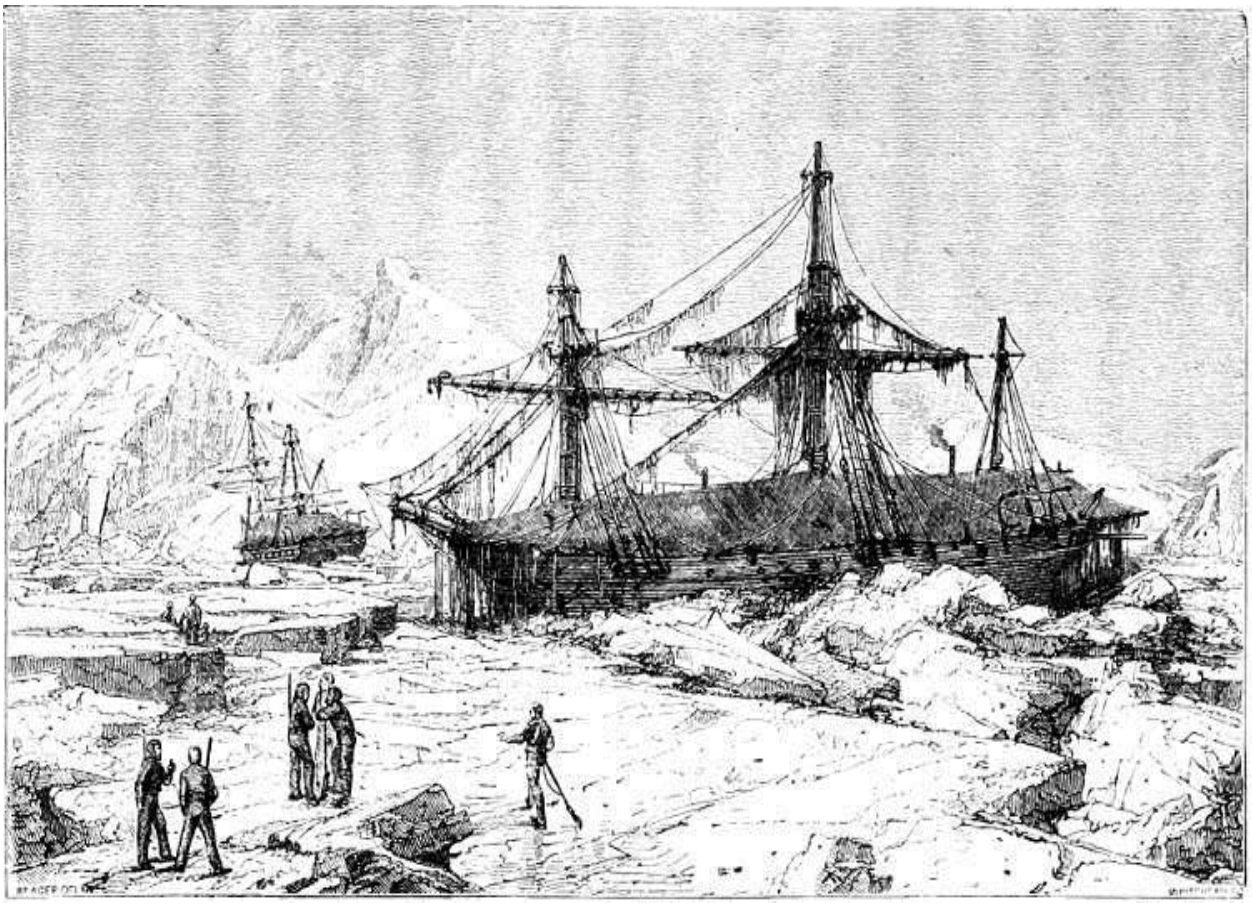
Они отплыли из Англии 18 апреля, достигли южной границы льда Баффинова залива 2 июля и, после тридцативосьмидневного задержания, достигли Северной воды 8 августа. Мысы по обе стороны от устья пролива Смит Росс назвал в честь двух своих кораблей; и, добившись этого, он подтвердил, что видел землю на горизонте на расстоянии восьми лиг, а затем изменил свой курс и отплыл в Англию.

Британское правительство, однако, отказалось расстраиваться из-за провала экспедиции, которая, очевидно, проводилась с полным отсутствием энергии и предприимчивости. Поэтому они снарядили "*Геклу*" и "*Захватчик*" и передали командование лейтенанту Парри, который вышел из Темзы 5 мая 1819 года и 15 июня увидел мыс Прощания. Двинувшись на север, вверх по проливу Дэвиса и Баффинову заливу, он

обнаружил, что ему мешает ледяной барьер в широте. 73 ° северной широты Человек неустрашимой решимости, он пришел к решению форсировать проход во что бы то ни стало; и за семь дней, проявив сильную волю, большую проницательность и первоклассное морское искусство, ему удалось провести свои корабли через паковый лед, ширина которого составляла восемьдесят миль.

Затем он смог войти в пролив сэра Джеймса Ланкастера; и вверх по этой благородной бухте он проследовал с попутным ветром, надеясь войти в великое Полярное море. Но, продвинувшись на значительное расстояние, он снова был встречен ледяными силами Севера, и на этот раз он был вынужден признать себя побежденным. Соответственно, он вернулся на юг, открыв пролив Барроу; и, более западно, залив, который с тех пор занимал видное место в арктических путешествиях — канал Веллингтона. Остров Батерст он также добавил на карту, а затем в поле зрения появился остров Мелвилл. 4 сентября он достиг меридиана 110 ° западной долготы и, таким образом, получил право на парламентский грант в размере 5000 фунтов стерлингов. Удобная гавань поблизости была названа “Бухтой *Геклы* и *Захватчика*”, и здесь лейтенант Парри решил провести зиму.

Следующей весной он возобновил свой полный приключений курс и завершил очень тщательное обследование берегов Баффинова моря; после чего направился в Англию и благополучно достиг Темзы со своей командой в добром здравии и кораблями в отличном состоянии примерно в середине ноября 1820 года.

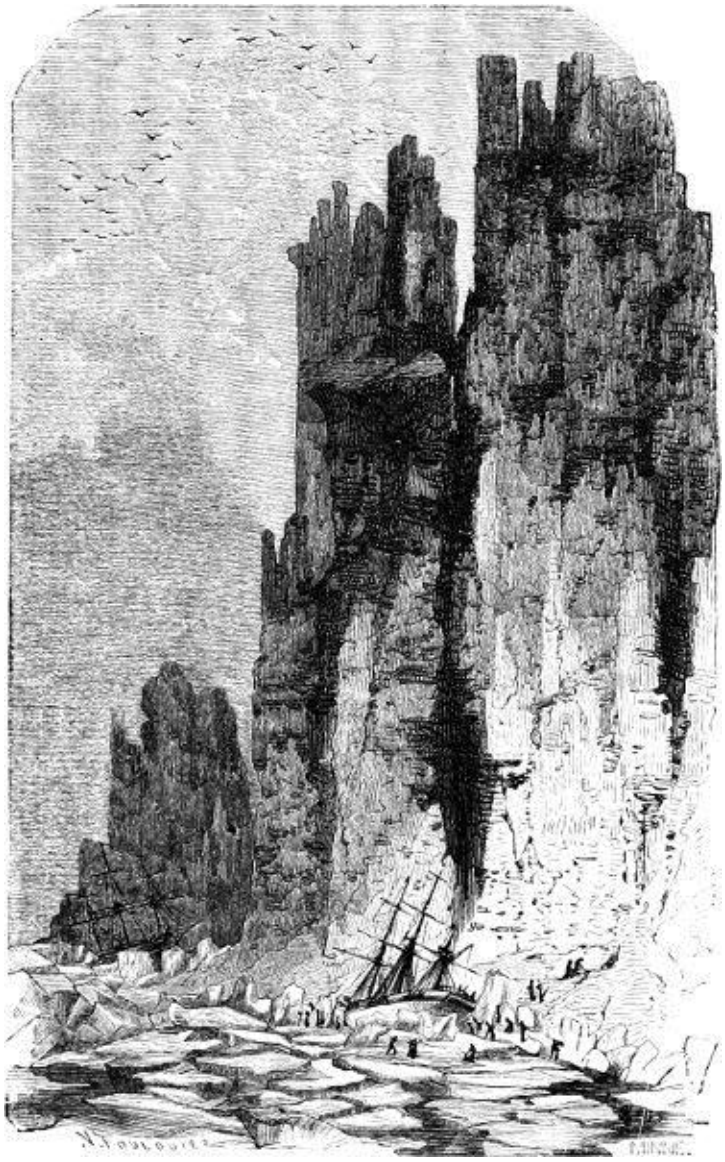


“ГЕКЛА” И “ФЬЮРИ” ЗИМУЮТ НА ОСТРОВЕ УИНТЕР.

После того, как он проделал так много и так хорошо, было естественно, что капитана Парри снова выбрали для работы в арктических морях в следующем году. Он поднял свой флаг на своем старом корабле "*Гекла*", и его сопровождал "*Фьюри"*; оба судна были оснащены самым лучшим образом. Он отплыл из Нора 8 мая 1821 года; вернулся на

Шетландские острова 10 октября 1823 года. За этот промежуток времени, длившийся двадцать семь месяцев, он открыл залив Дьюк-оф-Йорк, многочисленные заливы, которые разбивают северную береговую линию американского континента, остров Винтер, острова Анатоак и Оогт, проливы *Фьюри* и *Гекла*, полуостров Мелвилл и остров Кокберн. Во время зимнего пребывания на острове Винтер английские экипажи были удивлены визитом группы эскимосов, поселение которых, в свою очередь, посетил капитан Пэрри. Он обнаружил, что это сооружение из пяти хижин с каноэ, санями, собаками и более чем шестьюдесятью мужчинами, женщинами и детьми, расположенными так регулярно и, по всей видимости, так надолго, как будто они всю зиму находились на одном и том же месте. “Если первый взгляд, - говорит Пэрри, - на внешний вид этой маленькой деревни был таков, что вызывал изумление, то это чувство в немалой степени усилилось, когда мы приняли приглашение, вскоре полученное нами, войти в эти необычные дома, при строительстве которых, как мы заметили, не использовался ни один материал, кроме снега и льда. Пробравшись по двум низким коридорам, в каждом из которых был свой арочный дверной проем, мы попали в небольшое круглое помещение, крыша которого представляла собой идеальный арочный купол. Отсюда три дверных проема, также арочные и больших размеров, чем внешние, вели в такое же количество жилых комнат — по одной с каждой стороны, а другая была обращена к нам, когда мы вошли. Внутреннее убранство этих хижин представляло собой сцену не менее необычную, чем интересную: женщины сидели на кроватях по бокам хижин, у каждой был свой маленький очаг или лампа, а вокруг лежала вся домашняя утварь. Дети поползли за спинами своих матерей, а собаки в смятении шарахнулись от нас. Конструкция этой жилой части хижины была аналогична конструкции внешнего помещения, представляющего собой купол, образованный отдельными снежными блоками, уложенными с большой регулярностью и немалым искусством, каждый из которых был обтесан по форме, необходимой для образования прочной арки высотой от семи до восьми футов в центре, и не имел никакой опоры, кроме той, которую обеспечивает этот принцип строительства. Достаточное количество света проникало в эти любопытные здания благодаря круглому окну изо льда, аккуратно вмонтированному в крышу каждой квартиры”.

В 1824-25 годах капитан Пэрри предпринял третье плавание, но с меньшим, чем обычно, успехом. "*Фьюри"* был выброшен на берег под давлением пакового льда и настолько поврежден, что Пэрри счел необходимым покинуть его и перевезти команду и припасы на "*Геклу*.



“ЯРОСТЬ”, БРОШЕННАЯ ПАРРИ,—1824 год.

Четвертая и последняя экспедиция сэра Джона Парри в 1827 году характеризовалась его смелой попыткой пересечь ледяное море на легких лодках и санях; к первому он прибегал, когда его продвижение было прервано лужами воды, а ко второму - при пересечении сплошной поверхности ледяных полей. Однако вскоре он был вынужден отказаться от саней из-за торосов и неровностей льда.

Мы согласны с мистером Кули в том, что добровольное принятие на себя тяжелого труда и отвага перед опасностями такой экспедиции требовали усердия, граничащего с энтузиазмом. Когда путешественники достигли водного пути, они были вынуждены спустить на воду свои лодки и отправиться в путь. Достигнув противоположного берега, их лодки приходилось тащить, часто вверх по крутым и опасным утесам, предварительно снимая с них груз. Благодаря этому кропотливому процессу, продолжавшемуся с небольшими перерывами, им удалось преодолеть восемь миль за пять дней. Они путешествовали только ночью, благодаря чему их меньше беспокоила снежная слепота; они обнаружили, что лед более твердый и плотный, и имели большое преимущество - ложились спать в более теплую часть суток. Вскоре после захода солнца они позавтракали; затем несколько часов трудились, прежде чем приступить к основному приему пищи. Вскоре после полуночи, перед восходом солнца, они остановились как бы на ночлег, выкурили трубки,

посмотрели на ледяную пустыню в том направлении, в котором предстояло возобновить путешествие; а затем, завернувшись в свои меха, прилегли отдохнуть. Продвинувшись на север до 82° 40’ с.ш., они были затем вынуждены из-за снежных заносов вернуться по своим следам. 21 августа они вернулись на свои корабли и отплыли в Англию.

Теперь мы должны вернуться на несколько лет назад. В мае 1819 года была отправлена сухопутная экспедиция, чтобы установить точное положение реки Коппермайн, спуститься по ней до ее устья и исследовать побережье Северного Ледовитого моря по обе стороны. Командование было передано лейтенанту Франклину, которого сопровождали доктор Ричардсон, натуралист, господа Худ и Бэк, два английских мичмана и два отборных матроса. Экспедиция длилась два с половиной года, и рассказ о том, чего достигли и пережили ее участники, читается как роман. Они достигли устья реки Коппермайн, а затем запустили свои маленькие барки в холодные воды Полярного моря. С большим упорством и столкнувшись с некоторыми серьезными препятствиями, они пробрались вдоль его берегов в западном направлении до мыса Тернаган, расположенного на широте 68 ° 30’ Северной широты. Между этим мысом на востоке и мысом Барроу на западе открывается глубокий залив, простирающийся вглубь страны до Полярного круга, Франклин назвал его заливом коронации Георга Четвертого; и описывает его как усеянный многочисленными островами и изрезанный проливами, обеспечивающими превосходные гавани, все они снабжены небольшими реками с пресной водой, изобилующими лососем, форелью и другой рыбой. .

Минуя последующие труды Франклина в великом деле открытия Арктики, труды, которые принесли ему заслуженную награду в виде рыцарского звания, мы переходим к тому последнему путешествию, которое помогло, как мы увидим, решить проблему Северо-Западного прохода, но стало причиной одной из самых печальных глав в истории морских предприятий.

Весной 1845 года сэр Джон Франклин, командовавший "*Эребусом* и "*Террором*", с капитаном Крозье, опытным арктическим мореплавателем, в качестве своего лейтенанта и во главе ста тридцати семи отборных моряков, храбрых, решительных и выносливых, снова отправился в полярные воды.

8 июня он покинул Оркнейские острова, а месяц спустя прибыл в Баффинов залив. Примерно в конце июля несколько китобойных судов в заливе Мелвилл видели, как "*Эребус* и "*Террор*" доблестно боролись со льдами, которые препятствовали их продвижению к проливу Ланкастера. Вечером 26-го лед расступился, и два корабля-разведчика отплыли в северо-западные моря.

Прошло два года, а до Англии не доходило никаких известий о Франклине и его спутниках. День сменялся днем, неделя сменялась неделей, а вестей по-прежнему не поступало, и люди начинали беспокоиться, а затем и вовсе настораживаться; “ожидание

переросло в тревогу, беспокойство - в ужас". Наконец, было решено начать поиски пропавших героев. Была отправлена экспедиция под командованием сэра Джеймса Росса; еще одна - под командованием сэра Джона Ричардсона; но ни тот, ни другой не получили никакой информации. Тогда многие оставили всякую надежду, и судьба Франклина рассматривалась как одна из тех загадок, которые историк тщетно пытается разгадать. Он и его люди погибли; в *этом* не могло быть никаких разумных сомнений. И все же некоторые были достаточно оптимистичны, чтобы поверить, что они нашли убежище у эскимосов или влачат тяжелое существование в какой-нибудь отдаленной глуши в ожидании помощи из дома. Храбрая и благородная жена Франклина была одной из тех, кто, чего бы они ни боялись и на что бы ни надеялись, во всяком случае, были полны решимости не успокаиваться, пока не будет получена какая-либо точная информация. И вокруг нее собрались самые выдающиеся ученые того времени, чье влияние в сочетании с общей симпатией народа вдохновило правительство на дальнейшие усилия.

Именно в 1850 году первый ключ к разгадке местонахождения "*Эребуса* и "*Террора*" был получен на острове Бичи благодаря случайному задержанию там поисковых экспедиций капитанов Остина и Пенни.

Они направлялись к острову Мелвилл, но, достигнув входа в канал Веллингтона (август 1850 г.), были встречены такими огромными ледяными полями, несущимися по нему и из пролива Барроу, что были рады укрыться в большой бухте на восточном конце канала, — бухте, как бы разделенной пополам островом Бичи. 23-го числа шлюпка с корабля капитана Оммани "*Помощь*" случайно причалила к одной из крайних точек залива; и команда в ходе своих скитаний была немало удивлена, обнаружив следы прежнего визита европейцев. Под высоким утесом мыса Райли они наткнулись на основу палатки, обрывки парусины и веревок, множество птичьих костей и перьев, а также грабли с длинной ручкой, которые, по-видимому, использовались для сбора редких сорняков, покрывающих дно арктических вод.

То, что европейцы стояли там лагерем, было несомненно, но ни одно имя или запись не связывали останки с экспедицией Франклина. Известие об открытии, однако, дошло до капитана Пенни, моряка из Абердина, который был нанят британским адмиралтейством в качестве руководителя отдельной экспедиции; и вместе с лейтенантом де Хейвеном из военно-морского флота Соединенных Штатов, который командовал экспедицией, щедро снаряженной мистером Гриннеллом из Нью-Йорка, он решил тщательно исследовать восточное побережье пролива Веллингтон в надежде, что таким образом будут обнаружены какие-нибудь памятники Франклину.

От точки, называемой мысом Спенсер, американцы пешком шли по следу саней вверх по восточной стороне пролива Веллингтон, пока в одном дне пути за мысом Иннис он внезапно не оборвался, как будто отряд снова повернул назад. Бутылка и обрывок *газеты "Таймс"* были единственными реликвиями, которые попали в руки поисковиков. Тем временем капитан Пенни бросил якорь у западной оконечности острова Бичи и отправил шлюпку, чтобы взять ключ к разгадке на мысе Райли и следовать по нему на восток, на тот случай, если обнаружатся следы отряда, отступавшего с кораблей, предполагая, что они были скованы льдами на северо-западе, в Баффинов залив. Эта прогулка на лодке в конце концов закончилась неудачей; но однажды днем несколько человек, принадлежащих к *Леди Франклин*, попросили разрешения и получили его, чтобы совершить прогулку по острову Бичи. Они неторопливо направились к низкой выступающей части острова, которая простирается на север, выбрав удобное место, чтобы пересечь огромные ледяные гряды, нагроможденные вдоль пляжа; было видно, как они взбирались на откос или хребет мыса. Через минуту после этого их друзья на борту кораблей (говорит адмирал Шерард Осборн) увидели, как группа одновременно бросилась к темному объекту, вокруг которого они

собрались, с признаками сильного волнения. Вскоре один побежал туда, другой сюда. Охваченные тревогой, те, кто был на борту, сразу поняли, что были обнаружены какие-то свежие следы, и была предпринята общая вылазка на остров Бичи. “Эх, сэр, — сказал доблестный шотландский моряк, рассказывая о своем открытии, - эх, сэр, у меня сердце ушло в пятки, и я не знал, что раньше умел так быстро ополаскиваться”.

И что же было найдено?

Пирамидальная пирамида, которая, очевидно, была сооружена с большой тщательностью. Основание состояло из ряда жестянок из-под мясных консервов, заполненных гравием и песком; и еще больше жестянок было расположено таким образом, чтобы постепенно сужаться кверху, к вершине пирамиды, в которую был воткнут обломок абордажной пики. Судя по всему, его специально подняли для получения какой-то документальной записи, однако, несмотря на самые настойчивые усилия, в этом месте и около него ничего найти не удалось. Но вскоре, глядя вдоль северного склона острова, внимание привлекли и другие странные объекты. Еще один прилив взволнованных существ, и они стояли перед тремя могилами; и многие из них смахнули непривычную слезу, читая на своих скромных табличках слова *Эребус* и *Террор*.

Капитан Остин последовал примеру капитана Пенни в его исследованиях арктических просторов, но никакой дополнительной информации о передвижениях Франклина получено не было. Невозможно было определить, погиб ли он по пути домой в Баффиновом заливе; попал ли он на северо-запад через пролив Веллингтон; или, возможно, он был заключен в тюрьму на острове Мелвилл.

У нас нет места, да и нет необходимости подробно останавливаться на отчетах о различных поисковых экспедициях, организованных правительством или леди Франклин и ее друзьями. Следует, однако, отметить, что одному из них, возглавляемому капитаном (впоследствии сэром) Робертом Макклюром, удалось завершить предприятие, в ходе которого погиб Франклин, и, войдя в Северный океан через Берингов пролив, фактически проложить себе путь через снег и льды в Атлантику. Таким образом, был открыт Северо-Западный проход, который так долго искали; но это открытие, хотя и интересное и ценное с географической точки зрения, не привело к каким-либо коммерческим результатам. По правде говоря, это доказывало, что маршрут вдоль северо-запада Американского континента никогда не мог быть осуществим для обычных судов.

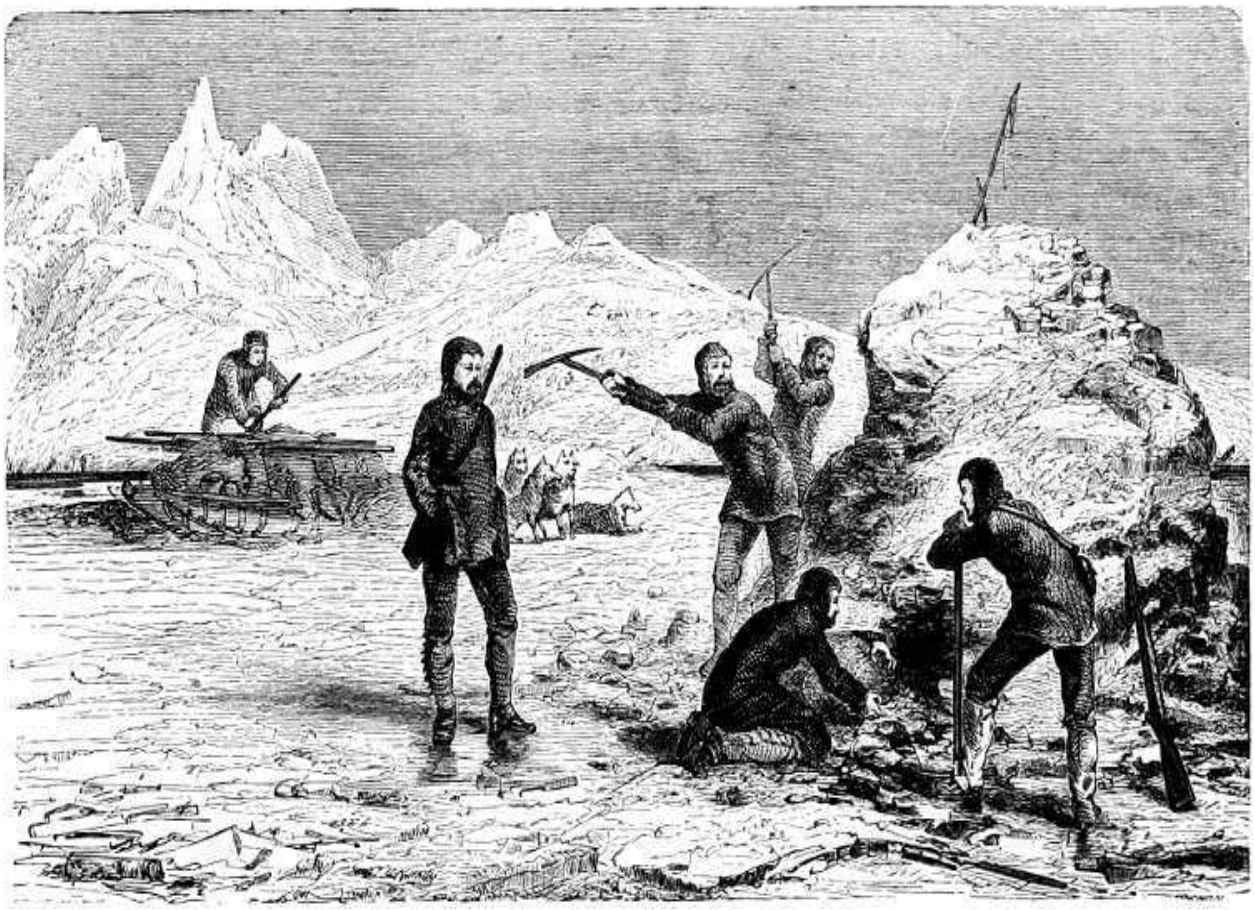
Можно утверждать, что почти все люди оставили надежду выяснить какие-либо точные подробности судьбы Франклина и его последователей, когда ближе к концу осени 1854 года доктор Рей, хорошо известный путешественник и исследователь Арктики, внезапно появился в Англии, привезя с собой любопытнейшие свидетельства бедствий, постигших группу, которая, очевидно, направлялась от скованных льдами *Эребуса* и *Террора* к Грейт-Фиш-Ривер. Доктор Рей узнал от некоторых эскимосов, с которыми он путешествовал, что эта группа насчитывала сорок человек, и все они умерли от голода за четыре года до визита доктора Рея. Несчастных “белых людей” впервые увидели на Земле короля Вильгельма; позже, в том же году, их мертвые тела были обнаружены недалеко от устья Грейт-Фиш-

Ривер (1850 г.). Доктор Рей привез домой множество серебряных пластинок, полученных от эскимосов, на которых были помечены имена офицеров двух кораблей. Леди Франклин была воодушевлена этим известием и настаивала на том, чтобы убедить правительство в целесообразности отправки экспедиции в пункты, указанные эскимосами; но правительство удовлетворилось обращением к Компании Гудзонова залива. Результатом стала сухопутная экспедиция в 1855 году к устью реки Грейт-Фиш, предпринятая мистером Андерсоном, одним из главных должностных лиц Компании. У него не было с собой лодки, способной добраться до Земли короля Вильгельма, хотя она находилась всего в шестидесяти милях от того пункта, которого он достиг, и его не сопровождал эскимосский переводчик. Однако он установил, что только часть офицеров и матросов "*Эребуса* и "*Террора*" достигла Грейт—Фиш-Ривер - возможно, около сорока из них, как сообщили доктору Рей; эти сорок, включая три могилы на острове Бичи, все еще оставляют девяносто пять человек пропавшими без вести.

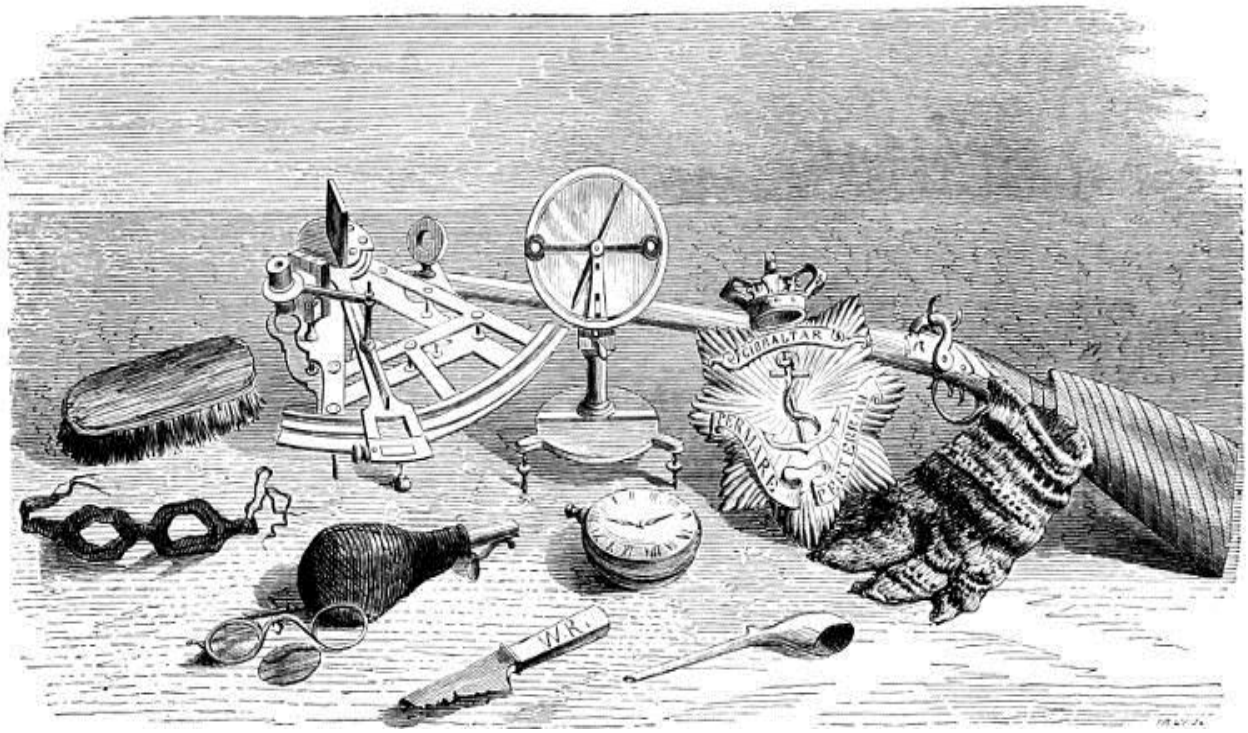
Леди Франклин и ее друзья продолжали настаивать на необходимости дальнейшего расследования; но, обнаружив, что ответственные министры не желают вмешиваться в то, что они привыкли считать безнадежным предприятием, они ухитрились с некоторой помощью общественности приобрести и снарядить прочную винтовую шхуну, командование которой вызвался принять капитан Мак-Клинток.

Он отплыл из Англии летом 1857 года; благополучно добрался до залива Мелвилл, но затем был крепко зажат плавучими льдами. Зима, однако, пришла и прошла без какого-либо ущерба для него и его доблестного отряда; и 27 июля 1858 года *Фокс* добрался до пролива Ланкастер. 11 августа она прибыла на остров Бичи и пополнила свои уменьшившиеся запасы из запасов, оставленных там предыдущими экспедициями. Затем она двинулась на запад, мимо мыса Хотэм и острова Гриффит, на юг через пролив сэра Роберта Пила и таким образом вошла в залив Принс-Риджент. Прибыв к восточному входу в пролив Белло, она обнаружила, что он заблокирован стеной льда, и с 20 августа по 6 сентября высматривала возможность прорваться сквозь нее. 6-го числа она совершила переход, но только для того, чтобы обнаружить, что другой конец прегражден непроходимым ледяным барьером; и после пяти бесплодных попыток ее капитан поставил ее на якорь на зимовку в Порт-Кеннеди, на северной стороне пролива.

Когда наступил новый год, Мак-Клинток решил совершить санные экскурсии в различных направлениях с целью получения некоторой информации о Франклине и его экспедиции. В одном из них, на мысе Виктория, на западном побережье Бутии (69° 50’северной широты, дл. 96° з.д.), он узнал от туземцев, что несколькими годами ранее у северных берегов Земли короля Вильгельма потерпел крушение корабль; что вся его команда благополучно высадилась и отправилась в путешествие к Грейт-Фиш-Ривер, где они погибли. И снова: в апреле, встретившись с той же партией эскимосов, они узнали, что, кроме корабля, затонувшего на большой глубине, еще один был выброшен на берег льдами. После этого капитан Мак-Клинток переправился на остров Монреаль, обогнул устье реки Грейт-Фиш и посетил Пойнт-Огл и остров Барроу. 7 мая он встретился со старой эскимоской, которая рассказала ему, что многие белые люди погибли по дороге, направляясь к Большой Рыбной реке; что некоторые были похоронены, а некоторые нет. Следуя по тому маршруту, который, по его мнению, был маршрутом отступающих экипажей, он обнаружил близ мыса Гершель побелевший скелет; очевидно, скелет того, кто отстал от основных сил от слабости и переутомления и умер там, где упал.



ОБНАРУЖЕНИЕ ПИРАМИДЫ ИЗ КАМНЕЙ С БУМАГАМИ СЭРА ДЖОНА ФРАНКЛИНА.



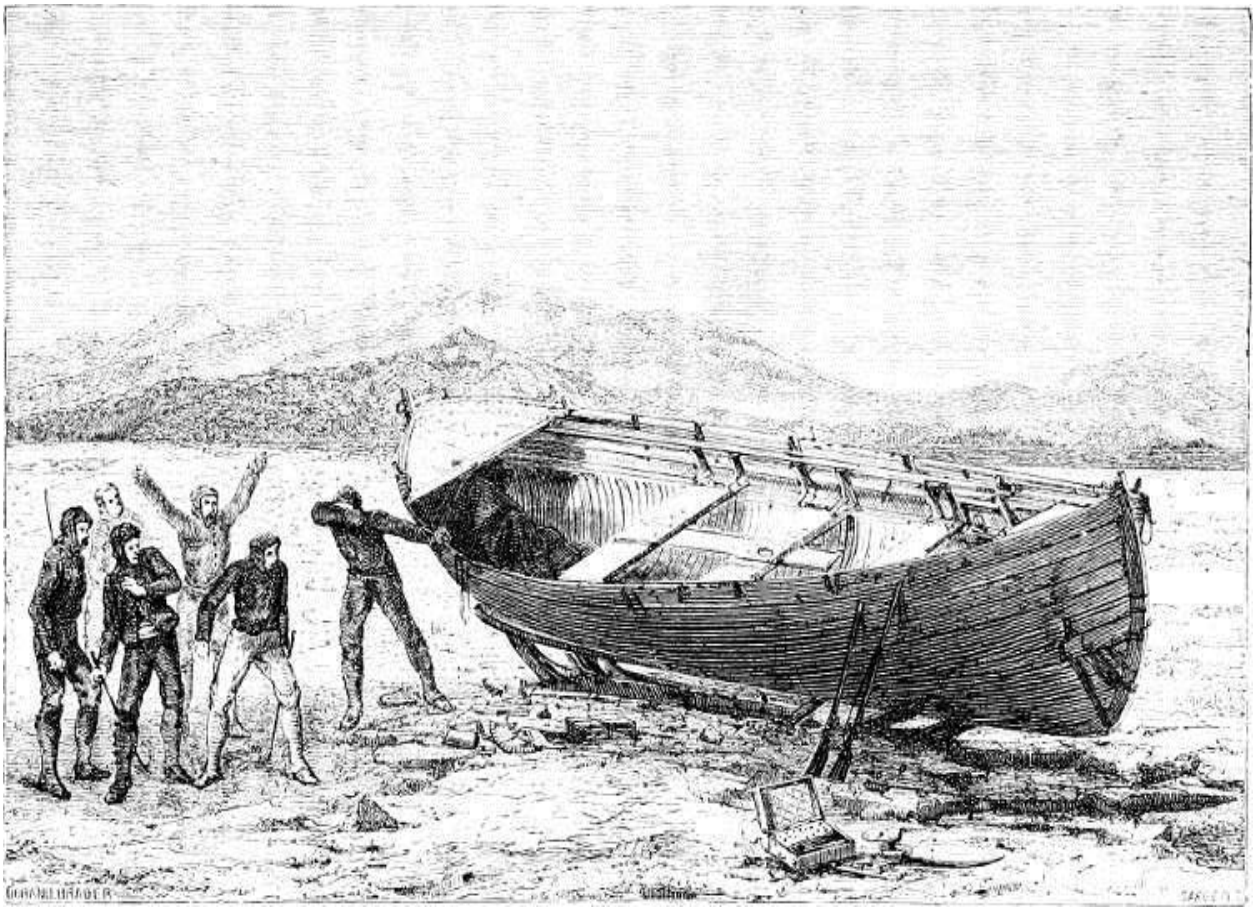
РЕЛИКВИИ ЭКСПЕДИЦИИ ФРАНКЛИНА ДОСТАВЛЕНЫ ОБРАТНО В АНГЛИЮ.

Тем временем лейтенант Хобсон, отправившийся в путь с другой санной партией, сделал важное открытие - обнаружил запись, содержащую краткий отчет об экспедиции

Франклина вплоть до того времени, когда были потеряны корабли. Он был найден в пирамиде из камней, сооруженной на мысе Виктори, и в нем содержались следующие сведения:—

The *Эребус* и *Террор* провели свою первую зиму на острове Бичи, в месте, открытом экспедицией Пенни и Остина; но ранее они исследовали пролив Веллингтона до 73 ° северной широты и снова спустились в пролив Барроу, между землей Корнуоллис и землей Батерст. В 1846 году два корабля, по-видимому, плыли через канал Пил, пока 12 сентября не попали под лед у земли короля Уильяма. В мае 1847 года лейтенант Грэм Гор и мистер де Вье высадились на берег и воздвигли пирамиду из камней в нескольких милях к югу от Пойнт Виктори и поместили в нее документ, в котором говорилось, что в тот день все было хорошо под командованием сэра Дж. Франклина. Однако в течение месяца этот прославленный мореплаватель скончался (11 июня) и, таким образом, был избавлен от ужасных испытаний, обрушившихся на его последователей. Лед не тронулся, и зима 1847-48 годов надвинулась на них. Это оказалось смертельным для девяти офицеров и пятнадцати матросов. 22 апреля 1848 года два корабля, просидевших взаперти более девятнадцати месяцев, были покинуты, а офицеры и команды численностью сто пять человек под командованием капитанов Крозье и Фицджеймса отправились в Грейт-Фиш-Ривер.

На пирамиде и повсюду вокруг нее лежало огромное количество одежды и других предметов, которые, как обнаружили страдальцы на протяжении трех дней, были тяжелее, чем они могли тащить своими ослабевшими силами.



ОБНАРУЖЕНИЕ ОДНОЙ ИЗ ЛОДОК ЭКСПЕДИЦИИ ФРАНКЛИНА.

С этого места и примерно на полпути между Пойнт Виктори и Пойнт Гершель ничего особо важного обнаружено не было, а скелеты, а также реликвии были глубоко занесены снегом. Однако на этой промежуточной станции лейтенант Хобсон заметил верхушку куска

дерева, торчащего из снега, и, покопавшись вокруг него, обнаружил лодку. Он стоял на очень тяжелых санях, а внутри него лежала пара скелетов. Тот, что лежал внизу на корме, был покрыт большим количеством сброшенной одежды; другой, на носу, по-видимому, принадлежал какому-то бедняге, который забрался туда, чтобы выглянуть наружу, и в таком положении заснул своим последним сном. Пара ружей, заряженных и взведенных, стояли вертикально под рукой, словно их приготовили для использования против диких животных. Вокруг этой лодки было еще одно скопление брошенных вещей; и Мак-Клинток был уверен, что команда, ответственная за нее, возвращается на корабли, поскольку обнаружила, что их силы не выдерживают предстоящего им ужасного путешествия. Можно предположить, однако, что более сильная часть команды все же продолжила путь на другой лодке, и что некоторые достигли острова Монреаль и поднялись по Грейт-Фиш-Ривер.

Точка, говорит Шерард Осборн, в которой произошли роковые заточения на "*Эребусе* и *Терроре* в 1846 году, находилась всего в девяноста милях от места, которого Диз и Симпсон достигли на своих лодках в 1838-39 годах, двигаясь с востока. Еще девяносто миль открытой воды, и Франклин и его доблестная команда не только выиграли бы приз, к которому стремились, но и добрались бы до своих домов, чтобы носить заслуженные почести. “Этому не суждено было сбыться. Давайте преклонимся в смирении и благоговении перед непостижимыми указами того Провидения, которое распорядилось иначе. Им предстояло открыть великую магистраль между Тихим и Атлантическим океанами. Им было дано завоевать для своей страны открытие, ради которого она рисковала своими сыновьями и щедро тратила свое состояние на протяжении многих веков; но им предстояло умереть, выполняя свою последнюю великую земную задачу: и, что еще более странно, если бы не энергия и преданность жены их вождя, по всей вероятности, никогда бы не стало известно, что они действительно были *Первыми первооткрывателями Северо-Западного прохода*.”

Мы сочли необходимым для удобства наших читателей представить им непрерывный рассказ об усилиях, предпринятых английскими моряками, находившимися под английским влиянием, для выяснения судьбы Франклина и его спутников; но теперь мы должны вернуться в 1853 год, чтобы описать американскую экспедицию под руководством доктора Кейна, которая, по сути, не преуспела в достижении своей основной цели, но внесла некоторые замечательные дополнения в наши знания о полярных регионах.

Доктор Элиша Кейн отплыл из Бостона в 1853 году под командованием *Advance*с командой из семнадцати офицеров и рядовых, к которым впоследствии были добавлены двое гренландцев.

7 августа он миновал два больших мыса, охраняющих вход в пролив Смит, — мыс Изабелла и мыс Александр, открытые и названные в предыдущем году капитаном Инглфилдом, — и после путешествия, не менее трудного и опасного, достиг залива Ренсселер на восточном побережье пролива, где провел зиму. Несколько выдержек из его дневника покажут, в каких условиях Кейн и его последователи провели долгие и унылые зимние месяцы:

“*28 октября.*—Луна достигла своего наибольшего северного склонения примерно 25 ° 35’. Это великолепный объект; проносясь по небу, в самой нижней части своей кривой она все еще находится на высоте 14 ° над горизонтом. В течение восьми дней она совершает свой круг с почти неизменной яркостью. Это одна из тех сверкающих ночей, которые

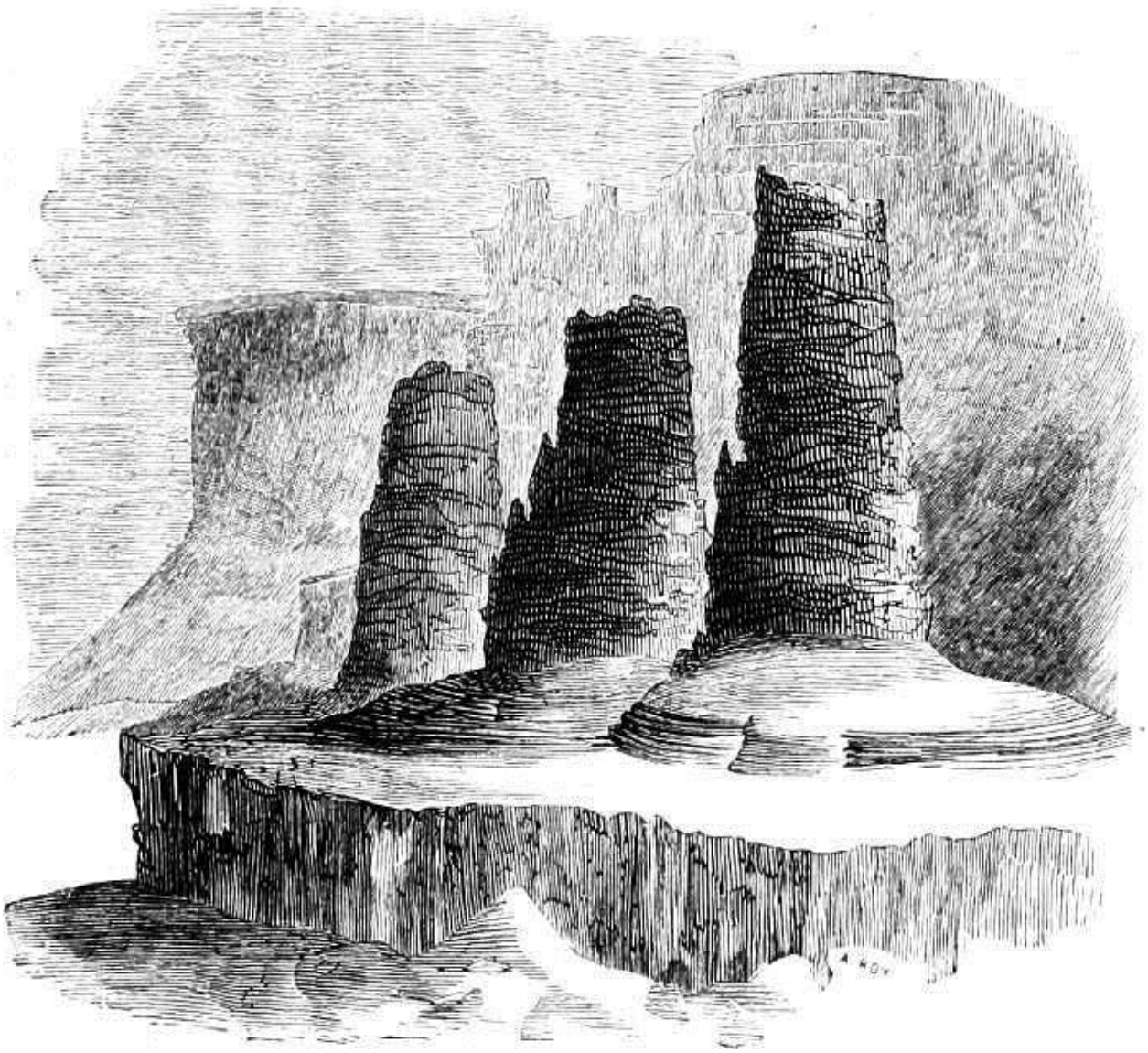
навевают воспоминания о колокольчиках на санях, песнях и радостном общении сердец в далеких краях.

“*7ноября.*— Тьма надвигается с коварной неуклонностью, и ее продвижение можно ощутить, только сравнив один день с ее собратьями некоторое время назад. Мы по-прежнему показываем показания термометра в полдень без света, и около пяти часов черные массивы холмов кажутся ровными, с их ослепительными пятнами снега; но все остальное - темнота. Звезды шестой величины сияют в полдень. За исключением острова Шпицберген, который обладает преимуществами островного климата и смягчается океанскими течениями, ни один христианин не зимовал на столь высоких широтах, как эта. Это русские моряки— которые встретились там, люди, привыкшие к лишениям и холоду. У нашей тьмы впереди девяносто дней, прежде чем мы снова вернемся к оспариваемым сумеркам сегодняшнего дня. В общей сложности наша зима будет бессолнечной в течение ста сорока дней.

“*15 декабря.*— Мы потеряли последние остатки наших полуденных сумерек. Мы не можем видеть отпечатки пальцев и почти не видим бумагу; пальцы невозможно сосчитать на расстоянии фута от глаз. Полдень и полночь похожи друг на друга; и, кроме смутного проблеска в небе, который, кажется, очерчивает очертания холмов на юге, у нас нет ничего, что говорило бы нам о том, что в нашем арктическом мире есть солнце. В темноте и, как следствие, бездействии почти напрасно мы пытаемся создать темы для размышлений и с помощью вынужденного возбуждения отразить посягательства болезни ”.

Но в свое время долгая полярная ночь прошла, и наступил сезон для совершения санных путешествий, которые были главной целью экспедиции. Но затем доктор Кейн столкнулся с новой трудностью. Из девяти великолепных ньюфаундлендов и тридцати пяти эскимосских собак, которыми он владел изначально, только шесть пережили странную болезнь, поразившую их зимой; и хотя у эскимосов, посетивших гавань Ренсселер в начале апреля, были сделаны кое-какие новые покупки, его транспортных средств по-прежнему было совершенно недостаточно.

Более того, Кейн, который, хотя и был силен сердцем, был слаб телом, сильно пострадал от сурового климата и находился в крайне слабом состоянии, когда 25 апреля 1854 года отправился в свое путешествие на север. Поднимаясь по морю Кейн, он обнаружил, что побережье Гренландии полно романтических сюрпризов; скалы поднимаются на высоту от десяти до тысячи ста футов и имеют самые смелые и фантастические очертания. Этот характер продолжается вплоть до Большого ледника Гумбольдта. Побережье изрезано четырьмя большими заливами, все они сообщаются с глубокими ущельями, которые орошаются ручьями с внутренних ледяных полей. Средняя высота плоскогорья до тех пор, пока оно не достигнет ложа Великого Ледника, доктор Кейн оценил в круглых цифрах в 900 футов; самая высокая вершина у воды - в 1300, а высота фона над общим уровнем - еще в 600 футов. Поверхность этой колоссальной ледяной массы, очерчивающей побережье, повсюду представляла собой крутой и угрожающий обрыв, прерываемый лишь расщелинами и глубокими оврагами, придававшими широту и интерес ее дикому выражению.



“БАШНИ ТРЕХ БРАТЬЕВ”.

Доктор Кейн сообщает нам, что самая живописная часть побережья находится по соседству с заливом Даллас. Здесь красные песчаники очень выгодно контрастируют с абсолютной белизной и ассоциируются с теплыми красками более южных земель и холодными оттенками арктических пейзажей. Времена года воздействовали на различные слои скалы таким образом, что придавали им вид сросшейся каменной кладки, а узкий слой зеленого камня на вершине венчает их смелыми зубчатыми стенами. Одному из этих “интересных чудаков природы” Кейн дал название “Башни трех братьев”. Полуразрушенные руины у подножия береговой стены вели вверх, подобно искусственной дамбе, к ущелью, которое в полдень озарялось лучами южного солнца, в то время как повсюду вокруг скалы были погружены в непроглядную тень. Прямо на краю этой полосы света возвышалось подобие замка, окруженного тройными башнями, полностью изолированного и четко очерченного. Это были Три башенки.

Еще дальше к северу одинокий утес из зеленого камня, отмеченный некогда покрывавшим его сланцеватым известняком, возвышался из массы битого песчаника, подобно грубо обтесанному крепостному валу древнего города. На его северной оконечности, на краю глубокого оврага, образовавшегося среди руин, стояла одинокая

колонна, или башня-минарет, высота постамента которой составляла не менее 280 футов, в то время как шахта достигала полных 480 футов. Доктор Кейн связал этот замечательный маяк с именем поэта Теннисона.

Доктор Кейн продолжил свое продвижение и 4 мая приблизился к Великому леднику. Однако этот прогресс был заслужен дорогой ценой. Из-за чрезмерного холода и работы большая часть его отряда страдала от мучительной прострации; на троих напала снежная слепота; и всех беспокоили водянки. У мыса Кент, когда Кейн проводил наблюдения за широтой, его самого охватила внезапная боль, и он потерял сознание. Его конечности затекли. Он был привязан ремнями к саням и настаивал на продолжении марша. Но 5-го числа у него начался бред, и, теряя сознание каждый раз, когда его переносили из палатки в сани, он окончательно сдался.

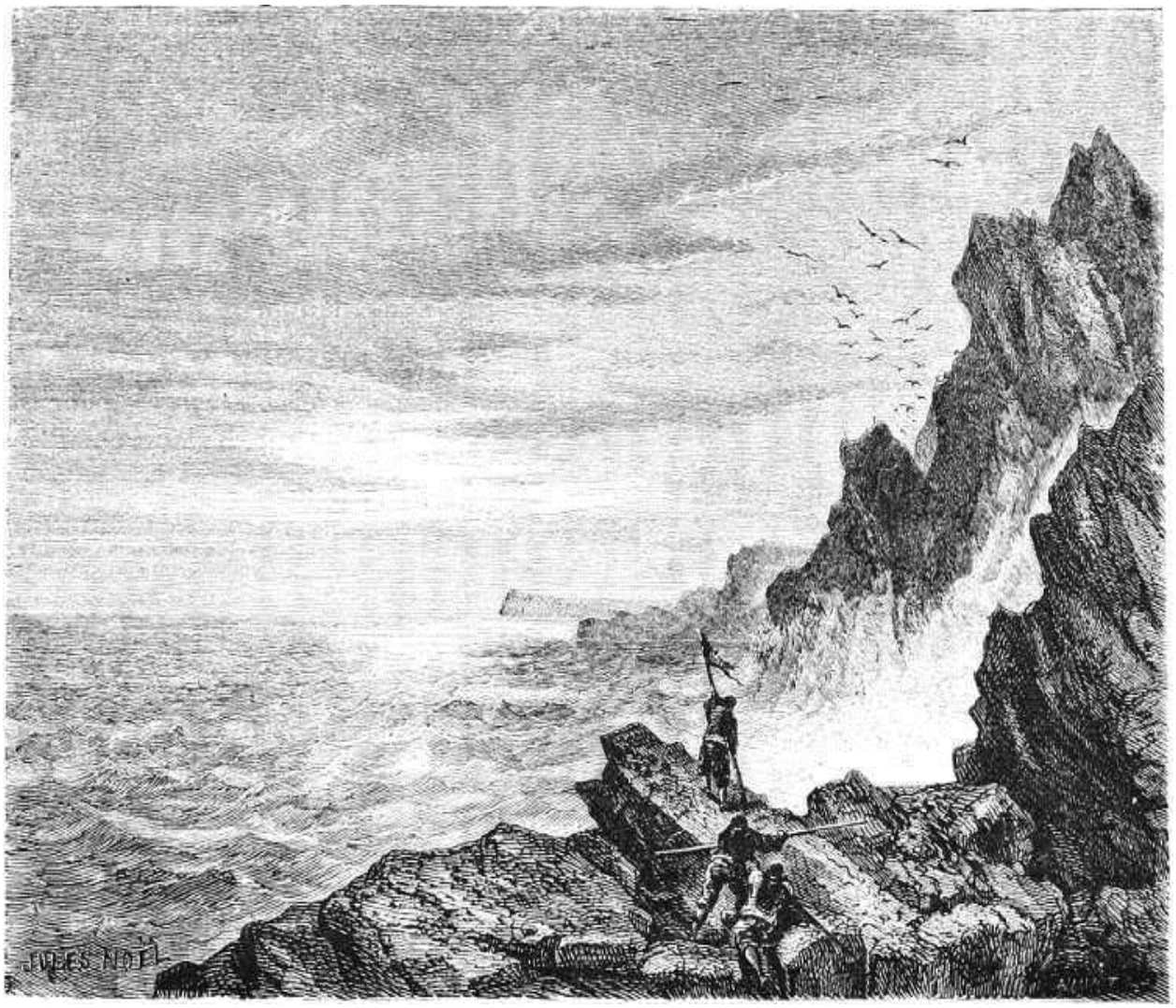
“Мои товарищи, ” пишет этот героический человек, храбрее и решительнее которого никто никогда не отваживался отправиться в унылые северные дебри, - любезно убедили бы меня, что, даже если бы я оставался в здравом уме, мы не смогли бы продолжить наше путешествие. Снегопады были очень обильными и усиливались по мере того, как мы продвигались; некоторые сугробы были совершенно непроходимы, а ровные льдины часто покрывались снегом глубиной в четыре фута. Среди мужчин уже разразилась цинга с симптомами, похожими на мои собственные; и Мортон, наш самый сильный человек, начал сдавать. Для меня совсем не утешительно, что они разделяли мою слабость. Все, о чем я должен вспоминать с приятным чувством, - это то, что пятерым храбрецам, которые сами едва могли передвигаться, я обязан своим спасением”.

Они отнесли его обратно на гауптвахту в гавани Ренсселер, и несколько дней он лежал, колеблясь между жизнью и смертью. Однако с наступлением лета его здоровье постепенно улучшалось; и хотя он не мог лично совершать никаких санных экскурсий, он организовал серию экспедиций, в которых приняли участие его более сильные товарищи. Доктор Хейс пересек пролив в северо-восточном направлении, достиг противоположного побережья Земли Гриннелла, где высота утесов варьировалась от 1200 до 2000 футов, и обследовал его до мыса Фрейзер в лат. 79° 45’.

Он вернулся 1 июня, а несколько дней спустя Мортон отправился исследовать побережье Гренландии за ледником Гумбольдта. Его путешествие было трудным, так как препятствия, создаваемые ледяными торосами, иногда были почти непреодолимыми, а ледяное поле пересекали пропасти и водные полосы, часто шириной в четыре фута. Обогнув побережье того, что сейчас известно как залив Моррис, отряд Мортона вышел на более легкую почву; и вскоре на материковом льду открылась длинная низменность, широкая равнина между большими мысами, по которой пролегали холмы. По этой долине, шумя крыльями, спустилась стая гусей породы брент, а на открытой воде были видны толпы уток. Появились также гаги и голубки, а крачки были очень многочисленны и чрезвычайно ручны. Высоко над головой, отдаваясь эхом от скал, летали большие белые птицы, которые, как предположил Мортон, были бургомистрами. Были также чайки цвета слоновой кости и моллюски; первые летали очень высоко, а вторые уносились далеко в море.

Канал (канал Кеннеди) был здесь свободен ото льда, и его волны свободно и шумно накатывались на берег. Мортон осторожно продвигался вдоль его зеленой окраины и 26 июня 1854 года достиг впечатляющего мыса Конституции высотой около 2000 футов. Его основание омывал мощный прибой, через который было невозможно пройти — *ne plus ultra*, как казалось, человеческой предприимчивости. Карабкаясь со скалы на скалу, он ухитрился достичь высоты в 300 футов, с которой смог проследить очертания побережья на протяжении пятидесяти миль к северу. Вдалеке возвышалась гряда гор, очень высоких, с

закругленными вершинами. На северо-западе виднелась голая вершина, расчерченная вертикально выступающими гребнями и вздымающаяся на высоту от 2500 до 3000 футов. Этот пик, самая отдаленная северная земля, известная в то время на земном шаре, был назван в честь великого пионера арктических путешествий сэра Эдварда Пэрри.



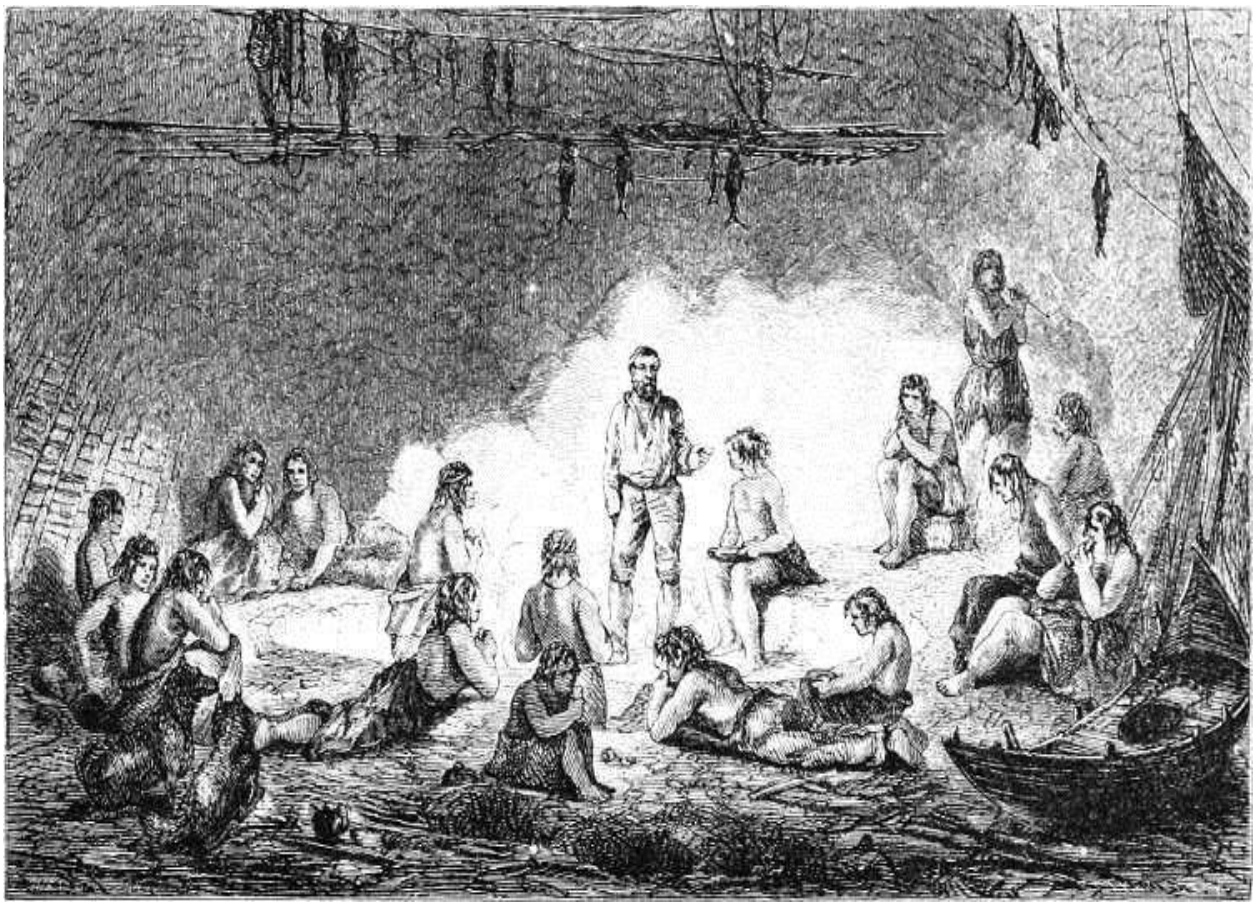
МОРТОН НА БЕРЕГУ ПРЕДПОЛАГАЕМОГО ПОЛЯРНОГО ОКЕАНА.

Хребет (горы Виктория и Альберт), с которым он соединялся, был намного выше, подумал Мортон, чем любой из тех, что они видели на южной или гренландской стороне залива. Вершины, как правило, были округлыми, напоминая череду сахарных батонов и сложенных друг на друга пушечных ядер, медленно уменьшающихся в перспективе.

Теперь все санные отряды снова были на борту брига, и сезон арктических путешествий закончился. Короткое лето быстро подходило к концу, и все же лед оставался твердым и непроницаемым барьером. Было очевидно, что освободить корабль невозможно, и Кейн оказался вынужден выбирать между двумя одинаково мрачными альтернативами — покинуть корабль или провести еще одну зиму среди полярных снегов. Что касается его самого, то он решил остаться; но для тех, кто был готов рискнуть добраться до датского поселения в Упернавике, он оставил выбор открытым. Из семнадцати выживших членов

отряда восемь, как и доктор Кейн, решили остаться у брига; остальные двинулись на юг, к Упернавику. Они были обеспечены всей провизией и снаряжением, какие только можно было найти, и отправились в путь в понедельник, 28 августа; прихватив с собой письменное заверение в том, что им окажут братский прием, если они будут отброшены назад, — заверение, которое с лихвой оправдалось, когда суровые испытания подготовили их к тому, чтобы снова разделить судьбу своего командира.

Доктор Кейн встретил зиму с такой же проницательностью и решимостью. Он тщательно изучил эскимосов и пришел к выводу, что их образ жизни и особенности питания, без их расточительности и грязи, были самыми безопасными из всех, которые можно было перенять. Таким образом, он превратил бриг в нечто вроде *иглоэ*, или хижины. Шканцы были хорошо устланы мхом и дерном, а каюта внизу, площадью около восемнадцати квадратных футов, была огорожена от пола до потолка внутренними стенами из того же материала. Сам пол был тщательно выровнен парижской штукатуркой и обычной пастой и покрыт манильской паклей толщиной в два дюйма и холщовым ковром. Вход из трюма вел через низкий, поросший мхом туннель, *тоссут* из туземных хижин, с таким количеством дверей и занавесок, которые закрывали его, сколько хватало изобретательности. Это была их гостиная, столовая, спальня; но их было всего десять, и чем ближе, тем теплее.



ДОКТОР КЕЙН НАНОСИТ ВИЗИТ В ЭСКИМОССКУЮ ХИЖИНУ НА ЭТА.

Пока они были заняты этой обороной от врага, они ухитрились завязать дружеские отношения с эскимосами, посетив их снежные хижины в поселениях Эта и Анатоак, расположенных примерно в тридцати-семидесяти милях от брига; и в обмен на подарки в виде иголок, булавок и ножей они обязались показать белым пришельцам, где можно добыть дичь, а также снабдить моржей и свежим тюленьим мясом. Помощь, оказанная

эскимосами, имела величайшую ценность, и мы можем сделать вывод, что без нее доктор Кейн и его последователи, должно быть, не выдержали бы тягот той ужасной зимы.

---

12 декабря группа, покинувшая корабль, внезапно появилась снова, обнаружив, что проникнуть на юг невозможно. Они жестоко страдали, были покрыты инеем и снегом и теряли сознание от голода. Необходимо было соблюдать большую осторожность, перенося их вниз, потому что после воздействия такой ужасающей интенсивности и продолжительности, которому они подверглись, тепло каюты могло привести к их полному изнеможению. Они преодолели три ста пятидесяти миль; и их последний переход от залива близ Этаха, около семидесяти миль по прямой, проходил через торосы, когда термометр показывал -50 °. “Один за другим, ” говорит Кейн, “ они все вошли и получили жилье. Бедняги! когда они расстегивали у плиты свою эскимосскую одежду, как они наслаждались скудной роскошью, которую мы могли им предложить. Кофе, и мясной бисквитный суп, и патока, и пшеничный хлеб, даже соленая свинина, к которой из-за цинги остальным из нас запрещалось прикасаться, — как все это им нравилось! Более двух месяцев они питались замороженным тюленьим и моржовым мясом”.

Мы не можем подробно останавливаться на различных мелких инцидентах, которыми была отмечена та печальная и ужасная зима, но пара выдержек из дневника доктора Кейна покажут читателю, как тяжело пришлось заключенным исследователям и с каким духом они переносили свои испытания:

“*1 декабря, пятница.*—Я пишу в полночь. У меня дежурство с восьми до двух. На палубе день, залитый лунным светом, столбик термометра снова поднимается до 36 ° ниже нуля. Когда я спускаюсь в хижину — так мы до сих пор называем это наше маленькое, поросшее мхом иглоэ, — все спят, храпят, скрипят зубами или разговаривают во сне. Это патогномонично; в нем рассказывается об арктической зиме и ее спутнице - цинге. Том Хики, наш добродушный, неуклюжий юнга, удостоенный звания повара, лежит на маленькой грязной койке по правому борту; остальные кровати расставлены рядами. Мистер Брукс и я разместились на корме. Наши койки вплотную примыкают к стене, покрытой замерзшим мхом, откуда мы можем окинуть взглядом всю семью. Размеры квартиры двадцать на восемнадцать футов; ее высота в одном месте составляет шесть футов четыре дюйма, но в других местах она разнообразна балками, пересекающимися на разном расстоянии от пола. Аллея, по которой к нему приближаются, едва видна за мшистой стеной впереди; двадцать футов герметичного пространства создают туманное расстояние, потому что повышение температуры снаружи, пришедшее вместе со мной, наполнило нашу атмосферу пузырьками пара. Проспект — Бен-Джербек — наше поэтическое название для него - закрывается изнутри дверью, хорошо залатанной фланелью, из которой, опустившись на четвереньки, вы спускаетесь по спуску длиной четыре фута на двенадцать в туннель высотой три фута и шириной два фута шесть дюймов. Оказавшись внизу, вы выпрямляетесь, и вторая дверь впускает вас в темный и унылый трюм, пустой от припасов и ободранный до голого потолка на дрова. Оттуда мы ощупью добираемся до главного люка и по грубой лестнице из ящиков поднимаемся на открытый воздух.

“*21 февраля, среда.*Сегодня гребни северо-восточного мыса были позолочены настоящим солнечным светом, и все, кто был в состоянии, поднялись на палубу, чтобы поприветствовать его. Солнце поднялось над горизонтом, хотя все еще было скрыто от наших глаз возвышающимися холмами. Хотя мощное преломление полярных широт предвещает его непосредственное появление ярким светом, это так же далеко от великолепных оттенков дня, как и от простых сумерек. Тем не менее, в течение последних десяти дней мы наблюдали за растущей теплотой нашего пейзажа, по мере того как он проступал из погребенной тени, проходя все стадии отчетливости туши, шаг за шагом переходя к четкому, смелому определению нашего пустынного портового пейзажа. Мы отметили каждую черточку цвета, которой великий Художник в своей щедрости удостоил нас; и теперь пурпурно-синее, чистое, ни с чем не спутаешь, расстилающееся озеро, мерцающий желтый цвет; вглядываемся во все это, бедняги! все казалось превосходным блеском и непревзойденной славой. Мы так пресмыкались во тьме, что перестали следить за светом.

“Мистер Уилсон простудился и у него случился рецидив. Мистер Ульсон после подозрительного дня поразил меня приступом частичной эпилепсии; одним из тех странных, неописуемых приступов, припадков,как бы их ни называли на жаргоне, которые указывают на глубокое расстройство. Я скрываю его случай, насколько могу; но предвкушение мрачных сцен припадка эпилепсии, происходящих в нашей единственной квартире, добавляет мне хлопот ”.

“*28 февраля, среда.*—Февраль заканчивается: слава Богу, что прошло двадцать восемь дней! Если тридцать первое число предстоящего марша не утащит нас еще дальше вниз, мы можем надеяться на успешное завершение этой унылой драмы. К 10 апреля у нас должна быть печать; и когда они придут, если мы останемся, чтобы поприветствовать их, мы сможем считать себя спасенными.

Но беспристрастный анализ наших перспектив говорит мне, что я должен посмотреть льву в лицо. Цинга неуклонно настигает нас. Я делаю все возможное, чтобы поддержать наиболее отчаянные случаи; но как только я частично восстанавливаю один, другой обрывается. Болезнь, возможно, менее злокачественна, чем была, но она более распространена среди нашей группы. За исключением Уильяма Мортона, который стал инвалидом из-за отмороженной пятки, никто из наших восемнадцати не является исключением. Из шести работников нашей партии, как я насчитал их месяц назад, двое не в состоянии выполнять работу на открытом воздухе, а остальные четверо делят между собой обязанности на корабле. Ганс собирает все оставшиеся силы, чтобы провести охоту. Петерсен - его удрученный, хандрящий помощник. Двое других, Бонсолл и я, ведаем всеми повседневными делами по дому и в больнице. Мы нарубаем пять больших мешков льда, отрезаем шесть восьмидюймовых канатов толщиной шесть саженей на куски толщиной в фут каждый (на топливо), подаем мясо, когда оно у нас есть, рубим патоку, вырубаем ломиком и топором свинину и сушеные яблоки, отказываемся от грязных помоев и уборных в нашей спальне; одним словом, готовим, *готовим* и ухаживаем за больными. Вдобавок ко всему, пять ночей подряд я бодрствовал с 8 ВЕЧЕРА до 4 УТРА, днем по возможности дремал, не переодеваясь, но осторожно просыпался каждый час, чтобы посмотреть показания термометров.

“Таково состояние, в котором оставляет нас февраль, когда впереди еще сорок один день точно такого же характера, как и двадцать восемь, которые, слава Богу! теперь мы сочтены прошлым. Грустно думать, насколько эти двадцать восемь дней подорвали нашу способность к выдержке. Если мы с Гансом только сможем продержаться, то сможем пройти свой путь до конца. Все зависит от судьбы или Силы, которая ею управляет”.

Однако бесполезно дольше останавливаться на этой печальной записи. Кейн понимал, что теперь единственным выходом было покинуть бриг: лед держал его крепко, не было никакой вероятности, что он освободится, и третья зима в заливе Ренсселер была бы смертельной для всей группы. Поэтому, как только возвращение весны в какой-то мере укрепило здоровье его последователей, он сделал необходимые приготовления к отплытию; и 20 мая вся команда корабля попрощалась с *Авансом*и отправилась домой. С большим трудом они протащили свои лодки по неровному, торосистому льду и вышли в открытое море. 17 июня они сели на корабль и взяли курс на Упернавик, до которого, по их расчетам, должны были добраться через пятьдесят шесть дней. Когда они довольно далеко отошли от суши и во время великого ледохода двинулись на юг, они обнаружили, что их лодки такие хрупкие и дырявые, что их можно было удерживать на плаву только постоянным вычерпыванием воды; труд, который тяжело сказывался на людях, и без того ослабленных болезнями и нуждой. Голод был им грозен, когда, к счастью, они наткнулись на крупного тюленя и поймали его, которого жадно съели; и эта своевременная помощь восстановила их иссякающую энергию. С тех пор они не испытывали недостатка в пище, так как тюлени водились в изобилии; и в начале августа, прожив восемьдесят четыре дня под открытым небом, они оказались под удобными крышами Упернавика, наслаждаясь радушным приемом щедрых датчан.

Доктор Кейн вернулся в Нью-Йорк 11 октября 1855 года после тридцатимесячного отсутствия. Его открытия были важны, его героизм достоин расы, из которой он происходил, и никто не может отрицать, что он вполне заслужил оказанные ему почести. К сожалению, рама, никогда не отличавшаяся прочностью, была сломана испытаниями двух арктических зим, и этот доблестный исследователь скончался 16 февраля 1857 года на тридцать седьмом году жизни.

В 1860 году доктор Хейс, компаньон доктора Кейна, принял командование экспедицией, целью которой было завершить исследование канала Кеннеди и достичь, если это будет возможно, Северного полюса. Его шхуна "*Соединенные Штаты*" была остановлена на зимовку в Порт-Фоулке, примерно в двадцати милях к югу от гавани Ренсселер; и в начале следующего апреля доктор Хейс отправился в путешествие на санях и лодке через пролив и вдоль берегов Земли Гриннелла.

Из красноречивого отчета о его приключениях, который делает столько чести его литературному мастерству, “Путешествие на арктической лодке”, мы уже цитировали несколько волнующих отрывков; но следующий отрывок нам, возможно, будет позволено повторить, поскольку он проливает ясный свет на природу трудностей, с которыми Хейс столкнулся при продвижении на север:

“Трасса, ” говорит он, - была грубой, не поддающейся описанию. Я не могу сравнить это ни с чем, кроме беспорядочного нагромождения камней, плотно уложенных друг на друга и нагроможденных на обширной равнине огромными кучами и бесконечными гребнями, не оставляя и фута ровной поверхности. Промежутки между этими плотно скопившимися ледяными массивами в некоторой степени заполнены занесенным снегом. Читатель легко представит себе остальное. Он увидит, как сани петляют по запутанной пустоши из разбитых ледяных плит, как люди и собаки тянут и толкают свой груз. Он увидит, как они карабкаются на самую вершину высоких хребтов, через которые нет прохода, и снова спускаются с другой стороны — сани часто срываются с обрыва, иногда переворачиваются и часто ломаются. Снова он увидит группу, сбитую с толку в их попытке пересечь или найти проход, прокладывающую тропу лопатой и заступом; или, снова, неспособные даже с помощью этих приспособлений достичь своей цели, они отступают в поисках лучшей тропы: и, возможно, им повезет найти что-то вроде щели или ворот, по извилистой и неровной поверхности которых они пройдут милю или около того со сравнительной легкостью. Снежные заносы иногда помогают, а иногда и мешают. Их поверхность равномерно твердая, но не всегда приятная для стопы. Корочка часто прогибается, причем самым утомительным и провоцирующим образом. Она не выдерживает веса, и нога опускается в тот самый момент, когда поднимается другая. Но хуже всего то, что пропасти между кочками часто занесены снегом таким образом, что значительное пространство на дне остается совершенно незаполненным; и в тот самый момент, когда все выглядит многообещающе, один человек проваливается по пояс, другой по шею, третий скрывается из виду; сани проваливаются — и вытащить всех из этого печального положения, вероятно, стоит нескольких часов. Трудно было бы представить себе какой-либо вид труда, более обескураживающий или который быстрее истощил бы энергию как людей, так и животных”.

После столкновения с подобными трудностями, которые истощили силы большей части его группы, так что они были вынуждены вернуться на шхуну, доктору Хейсу удалось пересечь пролив и начать свое путешествие вдоль побережья. Но трудности не уменьшались и так требовали выносливости путешественников, что самый сильный из них не выдержал, и его пришлось оставить на попечение другого члена отряда. Затем решительный Хейс двинулся дальше в сопровождении Кнорра и 18 мая достиг берега глубокого залива, где дальнейшее продвижение было невозможно из-за гнилого льда и широких водных путей. Однако с этой точки он мог видеть на другой стороне ла-Манша, прямо напротив себя, высокую вершину горы Парри, открытую в 1854 году доблестным Мортоном; а еще севернее - резко выделяющийся мыс, который он назвал Кейп Юнион, самую северную из известных земель на земном шаре. Ему показалось, что за ней он видит открытое море Полюса, которое от мыса Юнион находится на расстоянии пятисот миль; но более позднее плавание на "*Полярисе*" показало, что то, что он видел, было всего лишь заливом, не имеющим выхода к морю.

12 июля шхуну освободили ото льда, но она оказалась слишком сильно поврежденной, чтобы продолжать свое опасное плавание; и, удовлетворенный тем, что доказал, что прямой и вполне осуществимый путь к полюсу лежит вверх по проливу Смита и каналу Кеннеди, доктор Хейз вернулся в Бостон.

Однако некоторые географы придерживаются мнения, хотя оно вряд ли подтверждается установленными фактами, что к Полюсу легче добраться так называемым шпицбергенским маршрутом. Они утверждают, что к востоку от этого заснеженного архипелага дает о себе знать влияние Гольфстрима; и они приходят к выводу, что это мощное теплое течение, возможно, доходит до самого Полюса. Известно, что Пэрри, расположенный к северу от Шпицбергена, достиг широты 82 ° 45'; и записано, что халл-китобой "*Тру-Лав"*в 1837 году плавал в открытом море в лат. 82 ° 30 ' северной широты и лонг. 15 ° восточной долготы; так что она, вероятно, могла бы решить проблему и достичь полюса, если бы продолжала следовать своим северным курсом.

Придерживаясь этой веры, прославленному немецкому географу доктору Петерманну удалось собрать средства для немецкой экспедиции в 1868 году; и *Германия*, восьмидесятитонный бриг под командованием капитана Кольдевея, отплыл из Бергена 24 мая к острову Шеннон в лат. 75° 14' северной широты - самая дальняя точка на побережье Гренландии, достигнутая Сабиной в 1823 году. Его сопровождала *Ганза*, капитан Хегеманн; и оба корабля были оборудованы самым тщательным образом и щедро снабжены приборами и припасами.

9 июля экспедиция покинула остров Ян-Майен и в полночь того же дня плыла прямо на север. Надвинулся сильный туман, и два корабля, даже плывя бок о бок, не могли видеть друг друга, и связь можно было поддерживать только с помощью переговорной трубы. Тогда их экипажи могли бы составить представление о том непроницаемом хаосе, который, согласно Пифию, положил конец миру за пределами Туле и который не является ни воздухом, ни землей, ни морем. Невозможно представить себе что-либо более меланхоличное, чем эта серая, однородная, бесконечная вуаль или балдахин; сам океан, насколько хватает глаз, серый и мрачный.

В течение пяти дней подряд погода оставалась в таком состоянии, только туман менялся по интенсивности и становился все гуще и гуще. 14-го числа воцарилось затишье, и на "*Германии*" спустили шлюпку, чтобы набрать дров и поохотиться на чаек. Проблеск льда на горизонте показал, что корабли приближаются к огромным ледяным полярам Полярного океана; и другим признаком их близости было появление чайки цвета слоновой кости (*Larus eburneus*), которая никогда не забредает далеко ото льда. Время от времени корабли натыкались на рорквала, или норд-кейпера, как называют его моряки, — разновидность китов, отличающуюся наличием спинного плавника.

Утром 15 июля с юга подул легкий бриз, и два корабля уверенно плыли своим курсом на северо-запад по морю, покрытому плавучими льдами. Привычное ухо уже могло различить отдаленный рокот, который, казалось, становился все ближе и еще ближе; это была морская зыбь, разбивавшаяся о далекое ледяное поле. Ближе и еще ближе! Все собрались на палубе; и вдруг, словно в силу какого-то заклинания, туман рассеялся, и искатели приключений увидели перед собой, в нескольких сотнях ярдов, лед! Он образовывал длинную линию, похожую на отвесную стену из обломанных и неровных скал, чьи лазурные обрывы сверкали на солнце и невозмутимо отражали набег пенистых волн. Вершина была покрыта глубоким слоем слепящего снега.

Они молча любовались великолепной панорамой. Это был торжественный момент, и в каждом сознании пробудились новые мысли и впечатления, в которых смешались надежда и сомнение.

Точка, где *Германия* врезалась в лед, была широтной. 74° 47' северной широты и длинная. 11° 50' восточной долготы, и ледяной барьер простирался почти прямо с севера на юг. *"Ганза"* коснулась льда в тот же день, но под широтой. 74° 57' северной широты и долгой. 9° 41' E.

Два корабля, разделившиеся в тумане, 18-го числа соединились, и "*Германия* взяв на буксир "*Ганзу*", направилась к острову Сабина. Через некоторое время буксирный трос был сброшен, и "*Германия*" сочла необходимым потушить пожары и продолжить движение под парусом. Затем они двинулись вверх по огромному ледяному барьеру в южном направлении в поисках прохода, который мог бы дать им шанс повернуть на запад.

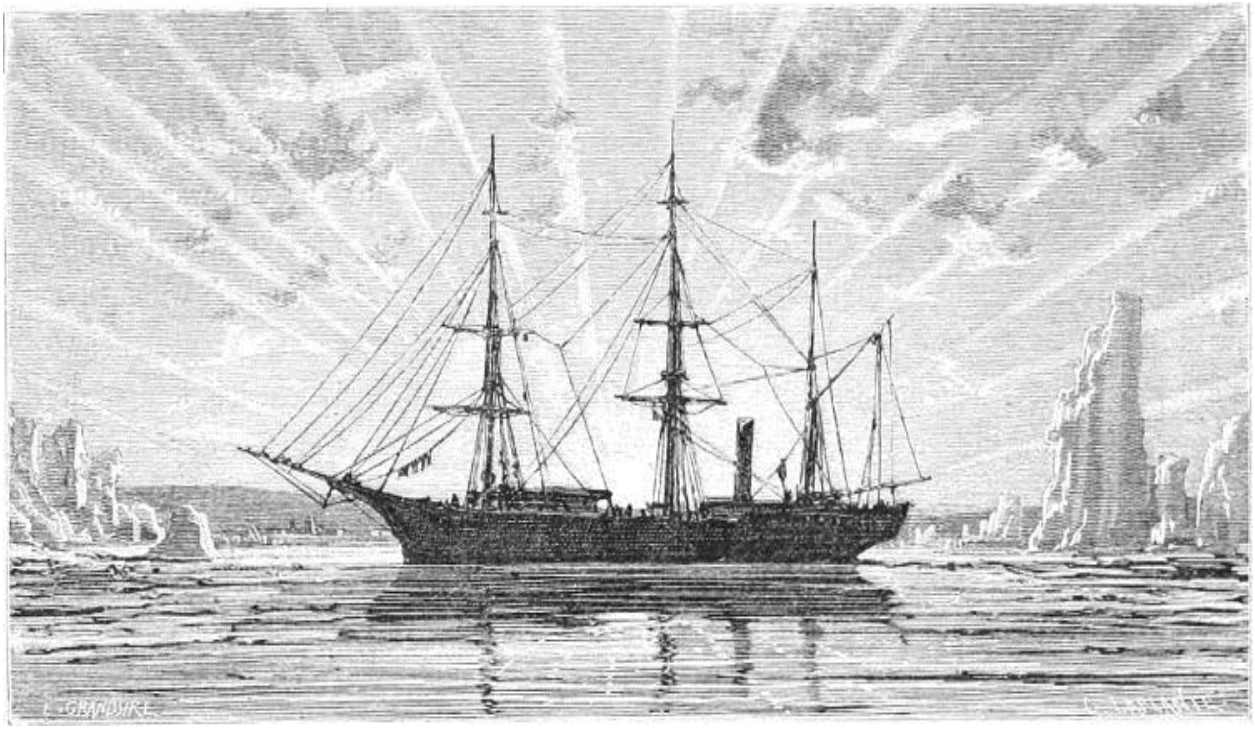
20-го на "*Германии*" лед на юго-западе был настолько плотным, что она взяла курс на запад и подала сигнал капитану "*Ганзы*" прибыть на борт для совещания. Последний, однако, неверно истолковал это и вместо того, чтобы прочитать сигнал как “Подойдите ближе”, прочитал его как “Долго оставайтесь на высоте”; поднялся на всех парусах и быстро исчез в тумане, который стал удивительно густым, прежде чем "*Германия*" смогла последовать за ним. Из-за этой курьезной ошибки два корабля были разделены, и в течение четырнадцати месяцев экипаж "*Германии*" оставался в неведении о судьбе своих товарищей".

Прежде чем последовать за *Германией* в ее исследовательское путешествие, мы предлагаем посмотреть, что случилось с *Ганзой* среди арктических льдов.

Капитан Хегеманн понял сигнал своего старшего офицера как означающий, что корабли должны продвигаться как можно дальше на запад, и, как мы видели, он поднял все паруса. Но когда сгустился туман и он оказался вне поля зрения "*Германии*", он залег в надежде, что та сможет присоединиться к нему. Разочарованный этим, он продолжил свой путь и 28 июля увидел скалистое и мрачное побережье Восточной Гренландии от мыса Бреер-Рейсса до мыса Джеймс.

Погода оставалась прекрасной. При свете полуночного солнца, которое освещало фантастические очертания айсбергов, искатели приключений отправились на охоту на нарвалов. Нет ничего более экстраординарного, чем эффект проникновения лучей полуночного солнца в океан, покрытый плавучим льдом. Теплые и холодные тона накладываются друг на друга во всех направлениях; море оранжевое, свинцово-серое или темно-зеленое; ледяные рифы окрашены в нежный розовый цвет; широкие тени ложатся на снег, и повсюду в спокойных водах возникают самые разнообразные миражи.

ЭКИПАЖ “ГАНЗЫ” ПЫТАЕТСЯ ЗААРКАНИТЬ МЕДВЕДЯ.

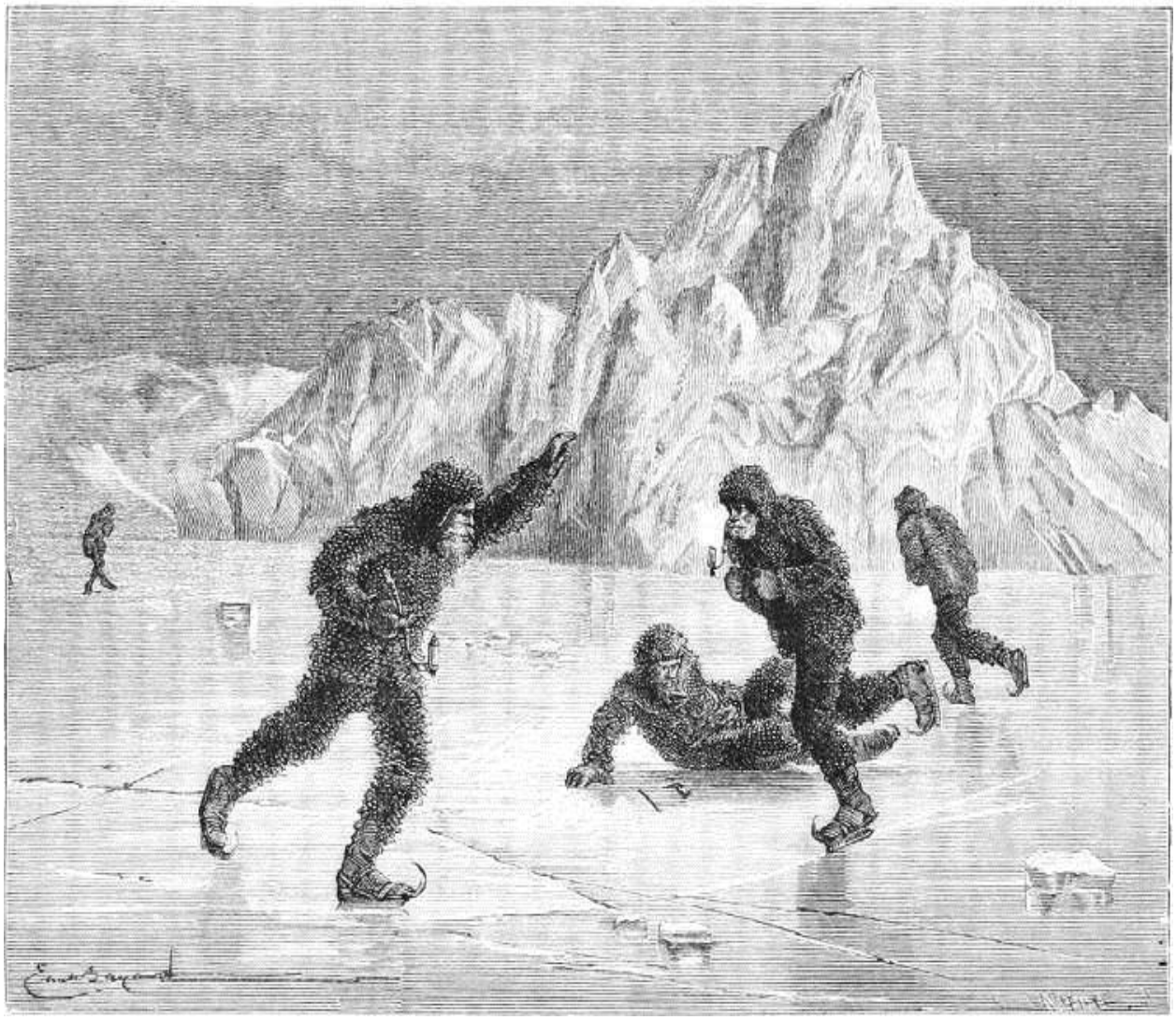


ПОЛУНОЧНОЕ СОЛНЦЕ, ГРЕНЛАНДИЯ.

МЕДВЕДЬ НА ЯКОРЕ.

9 сентября *"Ганза"* обнаружила, что канал свободной воды, по которому она плыла, закрыт огромной массой льда, и для защиты от дрейфа плавучих айсбергов была пришвартована к нему прочными тросами. Несколько дней спустя лед был расколот штормовым ветром с северо-востока, и тросы лопнули. Лед, скопившийся позади корабля, поднял его на полтора фута. На сплошном ледяном покрове исследователи обнаружили медведицу с ее детенышем, и в погоню была отправлена лодка. Вскоре пара заметила это и начала бегать трусцой по кромке льда рядом с лодкой, мать скрипела зубами и облизывала бороду. Ее враги приземлились и выстрелили, и медведица упала в снег, смертельно раненная. Пока детеныш был занят тем, что нежно вылизывал и ласкал ее, было предпринято несколько попыток поймать его лассо; но он всегда умудрялся высвободиться и, наконец, пускался в бегство, горько плача и стоная. Несмотря на то, что в него попала пуля, ему удалось сбежать.

12-го числа они снова увидели пару медведей, идущих с востока и возвращающихся с моря к суше. Мать пала жертвой их ружей, но детеныш был схвачен и прикован к якорю, который они вбили в лед. Он казался чрезвычайно беспокойным и встревоженным, но не менее жадно проглотил кусочек мяса своей матери, который бросили ему матросы. Для его жилья был наспех сооружен снежный вигвам, а пол покрыт слоем стружек; но детеныш презирал эти блага цивилизации и предпочитал устраиваться лагерем на снегу, как истинный обитатель Полярных областей. Несколько дней спустя оно исчезло вместе со своей цепью, которую ухитрилось отцепить от якоря; и тяжесть железа, по всей вероятности, утащила бедное животное на дно.



КАТАНИЕ На КОНЬКАХ — У БЕРЕГОВ ГРЕНЛАНДИИ.

The *Ганза* теперь была намертво скована льдами, и не было никакой надежды освободить ее до наступления весны. Ее команда развлекалась катанием на коньках, а когда позволяла погода, всевозможными гимнастическими упражнениями. Однако возникла необходимость подумать о том, какие приготовления следует предпринять для встречи с арктической зимой, одним из злейших врагов, с которыми человеку приходится бороться. *"Ганза"* была прочно построена, но ее командир опасался, что она может не выдержать все более частого натиска льдов. Сначала предлагалось покрыть лодки парусиной и переоборудовать их в зимние помещения; но было сочтено, что они не обеспечат достаточной защиты от суровости полярного климата, его яростных ветров, избытка холода, диких снежных вихрей. И поэтому было решено воздвигнуть на льдине подходящую зимнюю хижину, построенную из блоков угля. Кирпичи, изготовленные из этого материала, обладают двойным преимуществом: они поглощают влагу и отражают получаемое тепло. Вода и снег могли бы послужить строительным раствором, а из покрытия, защищающего палубу *Hansa* от снега, можно было бы соорудить крышу.

План дома был разработан капитаном Хегеманном; он имел двадцать футов в длину и четырнадцать футов в ширину; конек крыши составлял восемь с половиной футов, а боковые стены - четыре фута восемь дюймов в высоту. Эти стены были сложены из двойного ряда кирпичей шириной девять дюймов и высотой два фута, после чего использовался один ряд. Они были зацементированы совершенно новым способом. Стыки и

щели были засыпаны сухим снегом, на который была вылита вода, и через десять минут он затвердел в плотную массу, из которой было бы чрезвычайно трудно извлечь отдельный кирпич. Крыша состояла из парусов и циновок, покрытых слоем снега. Дверь была шириной в два с половиной фута, а пол был вымощен плитами угля. В этот дом, который был построен за семь дней, доставили провизию на два месяца, в том числе четыреста фунтов хлеба, две дюжины ящиков мясных консервов, ломоть бекона, немного кофе и бренди, а также запас дров и несколько тонн угля.

---

8 октября, после завершения строительства дома, разразилась сильная снежная буря, которая, несомненно, сделала бы его строительство невозможным и которая за пять дней полностью похоронила и корабль, и хижину. На палубе "*Ганзы*" скопились такие огромные кучи снега, что моряки с величайшим трудом добирались до своих коек.

С 5 по 14 октября течение было таким сильным, что скованное льдами судно отнесло не менее чем на семьдесят две мили к юго-юго-востоку.

Тем временем давление льда продолжало возрастать, и *"Ганза"*, казалось, находилась в крепких объятиях непобедимого гиганта. Огромные массы вздымались спереди, и сзади, и с обеих сторон, и под ней, пока она не поднялась на семнадцать футов выше своего первоначального положения. Положение казалось настолько критическим, что капитан Хегеманн поспешил выгрузить запасы одежды, научные инструменты, карты, вахтенный журнал и дневники. Было обнаружено, что из-за постоянной нагрузки на обшивку судно начало сильно протекать, и при зондировании в насосах было обнаружено два фута воды. Всем работать! Но после получасовых энергичных усилий вода продолжала подниматься, медленно, но верно; и самые тщательные поиски не смогли указать место утечки. Было до боли очевидно, что хороший корабль спасти невозможно.

“Несмотря на сильное потрясение, - говорит летописец экспедиции, - от этой печальной катастрофы, мы перенесли ее стойко. Смирение было необходимо. Угольная хижина, построенная на зыбкой льдине, была с тех пор нашим единственным убежищем в долгие ночи арктической зимы, и, возможно, ей суждено было стать нашей могилой.

Но нам нельзя было терять ни минуты, и мы приступили к работе. В девять часов ВЕЧЕРА снегопад прекратился; небо засверкало звездами, луна осветила своим сиянием необъятную ледяную глушь, а лучи Северного сияния тут и там озаряли небосвод своими разноцветными бликами. Мороз был сильный; ночью столбик термометра опустился до -20°R. Одна половина экипажа продолжала работать у насосов; другая активно занималась выгрузкой на лед самых необходимых вещей. О сне не могло быть и речи, потому что в нашем ужасном положении разум был охвачен самыми противоречивыми предчувствиями. Что стало бы с нами в самом начале сезона, который грозил стать сезоном чрезмерной суровости? Напрасно мы пытались придумать какой-нибудь способ спастись. Невозможно было всерьез думать о попытке завладеть этой землей. Возможно, нам удалось бы, несмотря на величайшие опасности, достичь побережья, открыв путь через льдины, но у нас не было средств перевезти туда наши припасы; и, судя по донесениям Скорсби, мы не могли рассчитывать на то, что найдем какие-либо эскимосские заведения, так что тогда нашей единственной перспективой было бы умереть с голоду”.

Единственное, что оставалось исследователям, - это плыть на юг на движущейся льдине и тем временем оставаться в своей угольной хижине. Если бы их ледяной плот оказался

достаточно прочным, они могли бы надеяться весной достичь поселения эскимосов на юге Гренландии или добраться до побережья Исландии, пересекая ее ледяную цепь.

Это было 22 октября по широте. 70° 50’ Северной широты и долго. 21° с.ш., что *Ганза* затонула подо льдом. Доктор Лаубе пишет: “Мы устроились как можно уютнее, и, когда наш маленький домик был полностью занесен снегом, нам не пришлось жаловаться на холод. Мы наслаждались прекрасным здоровьем и проводили время в долгих прогулках и за нашими книгами, которых у нас было много. Мы сделали рождественскую елку из березовых прутьев и украсили ее кусочками восковой свечи”.

Чтобы предотвратить приступы болезней и поддерживать бодрость людей, офицеры экспедиции поощряли их ко всем видам активной работы и установили строгие правила надлежащего распределения рабочего дня.

В семь утра их разбудил бой часов. Они встали, облачились в свою теплую толстую шерстяную одежду, умылись водой, добытой при таянии снега, а затем выпили свою утреннюю чашку кофе с куском черствого хлеба. Успешными были различные занятия: изготовление такой полезной утвари, какая оказывалась необходимой; сшивание парусины, починка одежды, ведение дневника и чтение. Когда позволяла погода, не забывались астрономические наблюдения и расчеты. В полдень всех приглашали на обед, главным блюдом которого был хороший наваристый суп; а поскольку консервированных овощей было в изобилии, меню часто менялось. В употреблении спиртных напитков соблюдалась самая жесткая экономия, и только по воскресеньям каждый человек получал бокал портвейна.

Льдина, на которой стояла их хижина, была усердно и тщательно исследована во всех направлениях. Его окружность составляла около семи миль, а средний диаметр - почти две мили.

Развлечения на свежем воздухе состояли в основном из катания на коньках и создания огромных снежных изображений - египетских сфинксов и тому подобного.

Границы льдины, особенно на западе и юго-западе, представляли собой любопытный вид; истирание и давление плавучего льда образовали вокруг нее высокие блестящие стены высотой более десяти футов. Снежинки сверкали и переливались на солнце, как мириады бриллиантов. Красное сияние утра и вечера придавало странный изумрудный оттенок белой поверхности пейзажа. Ночи были великолепны. Сияющий небосвод и снег, отражавший его блеск, создавали такую сильную яркость, что можно было без утомления читать тончайший почерк и различать удаленные предметы. Явление Северного сияния происходило постоянно, и однажды оно было настолько удивительно ярким, что затмило сияние звезд, и все на льдине отбрасывало тень, как если бы это было сияющее солнце.

Рядом с угольной хижиной стояли две маленькие хижины, одна из которых служила для омовений, другая - сараем. Вокруг этого ядра маленькой колонии, потерпевшей кораблекрушение, в удобных местах были расположены кучи дров для топлива, лодки и бочки с патентованным топливом и свининой. Чтобы предотвратить попадание ветра и снега в жилую хижину, был построен вестибюль с извилистым входом.

Самый сильный мороз был -29 ° 30’ F. И это было в декабре. После Рождества на маленькое поселение обрушилось несколько сильных штормов, и их ледяной плот отнесло вплотную к берегу, иногда на расстояние восьми-девяти миль, среди сильного разрушения

льда, которое настолько уменьшило его со всех сторон, что к 4 января 1870 года его размеры составляли не более одной восьмой от его первоначальных размеров.

6 января, когда они спустились на юг до 66° 45’ северной широты, снова выглянуло солнце, и их радостно приветствовали.

В ночь на 15 января колонию охватила внезапная и ужасная тревога. Лед разверзся прямо под хижиной, и ее обитатели едва успели укрыться в своих лодках. Здесь они лежали в жалком состоянии, не имея возможности расчистить снег, и были очень плохо защищены от пронизывающей, яростной бури. Но 17-го шторм утих, и, как только позволила погода, они приступили к восстановлению из руин старой хижины новой, но гораздо меньшей по размеру. Он был недостаточно велик, чтобы вместить больше половины колонии, а другая половина поселилась в лодках.

Февраль выдался тихим и погожим, и льдина все еще продолжала дрейфовать на юг вдоль суши. Ночи были великолепными, с полярными сияниями. Светящиеся снопы расплывались по темно-синему небосводу, словно складки веера или лепестки цветка.

Март был очень снежным и в основном пасмурным. 4-го числа ледяной плот прошел в двадцати пяти милях от ледника Кольбергер-Хайде. День или два спустя он чуть не столкнулся с большим приземлившимся айсбергом. Часть, ближайшая к дрейфующей колонии, образовывала огромную нависающую массу; ее основная часть была придана действием солнца и волн самым причудливым формам и казалась совокупностью скал и шпилей, башен и проходов. Потерпевшие кораблекрушение могли ухватиться за его выступающие углы, когда проплывали мимо. Они думали, что их гибель неизбежна, но осколки льда, окружавшие плот, послужили “буферами” и спасли его от фатального столкновения.

29 марта они оказались на широте Нукарбика, острова, где исследователь Грааб зимовал с 3 сентября 1827 года по 5 апреля 1830 года. Они лелеяли надежду, что отсюда смогут сесть в свои лодки и отправиться во Фридрихсталь, моравскую миссионерскую станцию на южном побережье Гренландии. Однако лед был еще слишком плотным, чтобы предпринять что-либо подобное.

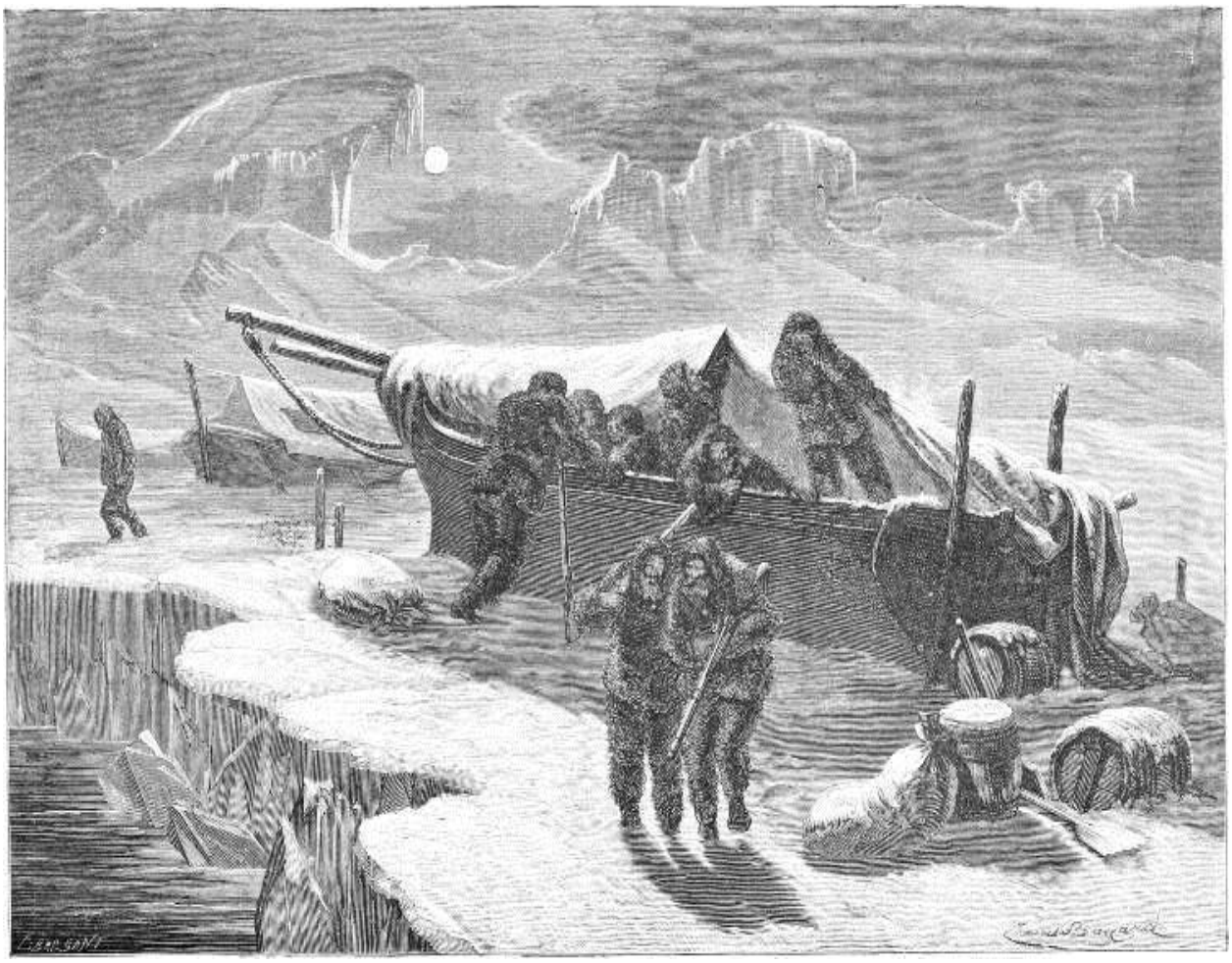
В течение четырех недель они были задержаны в бухте Нукарбик, всего в двух или трех милях от берега, но так и не смогли добраться до него. Их плот попал в какой-то водоворот, и его иногда относило к югу, иногда к северу. Прилив относил его к берегу, отлив снова уносил в море. Во время этого задержания их посетили небольшие стаи птиц, снежных коноплянок и овсянок. Моряки бросили им немного овса, который они с жадностью съели. Они были настолько ручными, что позволяли ловить себя за руку.

СНЕЖНЫЕ КОНОПЛЯНКИ И ОВСЯНКИ В ГОСТЯХ У ЭКИПАЖА “ГАНЗЫ”.

С конца марта по 17 апреля путешественники продолжали свои унылые колебания между островом Скьельдунге и мысом Мольтке; затем шторм быстро погнал их на юг. Побережье с его отвесной прибрежной горной цепью, глубокими заливами, бухтами, островами и романтическими мысами представляло собой череду новых и впечатляющих пейзажей; особенно впечатляющим был великий ледник Пуйсорток, могучая ледяная река, которая огибает берег более чем на тридцать миль.

В начале мая они достигли 61° 12’ северной широты.

7-го числа несколько водных путей открыли им путь к берегу; и, бросив ледяной плот, они сели в свои лодки с намерением продвигаться вдоль побережья на юг. Сначала они столкнулись со значительными трудностями, поскольку часто были вынуждены вытаскивать лодки на льдину и так коротать ночь или ждать, пока ветер не станет попутным. Поскольку это требовало постоянной разгрузки и перезарядки лодок, работа была очень тяжелой. Однажды они были задержаны на льду на шесть дней из-за плохой погоды, сильных штормов и сильных снежных ливней. Температура колебалась от +2° днем до -5°C ночью.



ЭКИПАЖ “ГАНЗЫ” РАСПОЛОЖИЛСЯ БИВУАКОМ НА ЛЬДУ.

Их рацион в этот период распределялся следующим образом: —Утром чашка кофе с кусочком сухого хлеба. В полдень на ужин суп и бульон; вечером несколько глотков какао, конечно, без молока и сахара.

Они были вынуждены соблюдать строжайшую экономию в использовании своих припасов, чтобы, не достигнув какого-либо поселения, не оказаться доведенными до крайности голода. Тем не менее, их аппетит был очень острым; обстоятельство, легко объяснимое, поскольку они по необходимости очень экономно расходовали мясо и жир, которые в суровом арктическом климате незаменимы в качестве пищи.

Поскольку положение окружавших их ледяных глыб не изменилось, они решили тащить свои лодки к острову Иллиудлек, находившемуся примерно в трех морских милях от них. Они приступили к этому предприятию вечером 20-го числа, используя несколько прочных тросов, которые они изготовили за зиму, и привязывая себя с помощью скоб, перекинутых через плечи. В тот вечер они прошли триста шагов. Выпал сильный снег, который таял так же быстро, как и выпадал, так что во время ночного привала они сильно страдали от сырости.

На следующий день они обнаружили перед собой такой лабиринт глыб и обломков льда, плавучих ледяных полей и проток, что были вынуждены отказаться от мысли переплыть

его на своих лодках и решили дождаться весеннего прилива, который, как они знали, наступит через несколько дней. Задержка была очень утомительной. Чтобы скоротать время, некоторые моряки занялись резьбой по дереву, в то время как офицеры и ученые джентльмены изготовляли фигуры для игры в шахматы. Другие приготовили несколько леск длиной в восемьдесят морских саженей в надежде поймать желанную добавку к своему скудному рациону.

24-го числа погода была великолепной. Солнце сияло в безоблачном небе, и везде, куда падал его теплый свет, термометр показывал + 28 ° 5’ С. Это была прекрасная возможность высушить их одежду, которая, как и их белье, была насквозь промокшей бесчисленное количество раз. С лодок сняли чехлы, которые в лучах теплого солнца испускали огромные облака пара. Повар попытался пополнить свои запасы провизии, но тюлени упрямо отказывались показываться на свет, рыба пренебрегала клюющими на крючки с жирной наживкой, а глупые кайры были достаточно хитры, чтобы ускользать от метких выстрелов.

М. Гильдебрандт с двумя моряками предпринял попытку — в которой они преуспели — достичь острова Иллиудлек, лежащего примерно в трех милях от них и имеющего высоту от 450 до 500 футов. Они нашли его пустынным; ни следа растительности; его берега были очень крутыми, а в некоторых местах обрывистыми; его поверхность была изрезана трещинами и оврагами. Единственная доступная часть, казалось, находилась на севере; но так как приближался вечер, у них не было времени на разведку, и они поспешили вернуться к лодкам.

Теперь потерпевшие кораблекрушение пришли к решению найти временное убежище на этом пустынном острове. Поскольку солнечный жар был достаточным, чтобы сделать их работу очень болезненной, и они сильно страдали от воздействия снега на глаза, они приступили к работе ночью, с большим трудом таща свои лодки вперед, а днем отдыхали. Таким образом, они достигли острова 4 июня.

Здесь они пришвартовали свои лодки в небольшой бухте, защищенной от северного ветра скальной стеной, которую они назвали *Ганза-Хафен*. На следующий день они подстрелили двадцать два ныряльщика, что обеспечило им пару хороших обедов. Этот запас был очень ценным, поскольку имевшихся под рукой провизии хватило бы не более чем на две недели.

После короткого отдыха искатели приключений возобновили свое плавание, держась поближе к берегу и упорно пробиваясь сквозь лед и камни - и в дальнейшем сверялись с неточной картой, которая привела их в глубокий фиорд, а не к королю Кристиану IV. Звук. Однако 13 июня они прибыли на моравскую миссионерскую станцию Фридрихсталь, где их соотечественники оказали им сердечный прием. Двести дней они провели на дрейфующем ледяном поле, испытывая все тяготы арктической зимы, усугубленные нехваткой продовольствия.

Они достигли Юлианшааба 21 июня, поднялись на борт датского брига "*Констанция*" и 1 сентября высадились в Копенгагене.

Теперь мы должны вернуться в *Германию*.

Капитан Колдевей предпринял несколько смелых попыток проникнуть сквозь паковые льды, но ни одна из них не увенчалась успехом, пока 1 августа он не достиг 74 ° северной широты, где ему удалось пройти; и хотя его сильно задержали череда туманов и штилей, он добрался до острова Сабина и бросил якорь на его южной стороне, в Северной широте. 74° 30’ северной широты и долгой. 29° западной долготы, 5 августа.

10-го числа он снова направился на север, держась вдоль побережья Гренландии до тех пор, пока, в лат. 75° 31’ северной широты, его продвижение было остановлено массой плотно утрамбованного льда, который тянулся от побережья материка до острова Шеннон длинной непрерывной линией в четырнадцать миль. Он имел очень устрашающий вид, будучи окаймлен в некоторых местах каймой из битого льда, валунов и глыб, возвышавшихся кучами и кочками высотой в сорок футов.

The *Германия* оставалась в таком положении несколько дней. Поскольку к северу не было видно ничего, кроме льда, и не открывалось никаких перспектив дальнейшего продвижения в этом направлении, капитан Колдевей 16 августа перевел свой корабль на южную сторону острова и бросил якорь недалеко от мыса Филип-Броук.

Одиннадцать дней было потрачено на тщательное исследование острова Шеннон, во время которого был подстрелен овцебык, и велось тщательное наблюдение с возвышенности на льду, лежащем к северу. Но поскольку погода оставалась твердой и непоколебимой, а сезон подходил к концу, капитан Колдевей вернулся на север и 27 августа поставил свое судно на якорь у южной стороны острова Маятник.

Когда стало необходимо подготовиться к встрече с наступающей зимой, капитан Колдевей 13 сентября перевел свой корабль в маленькую гавань, которую он занял 5 августа. Их последующий опыт показал, что это был единственный безопасный путь между параллелями 74 ° и 77 °. Несколько дней спустя корабль был заморожен.

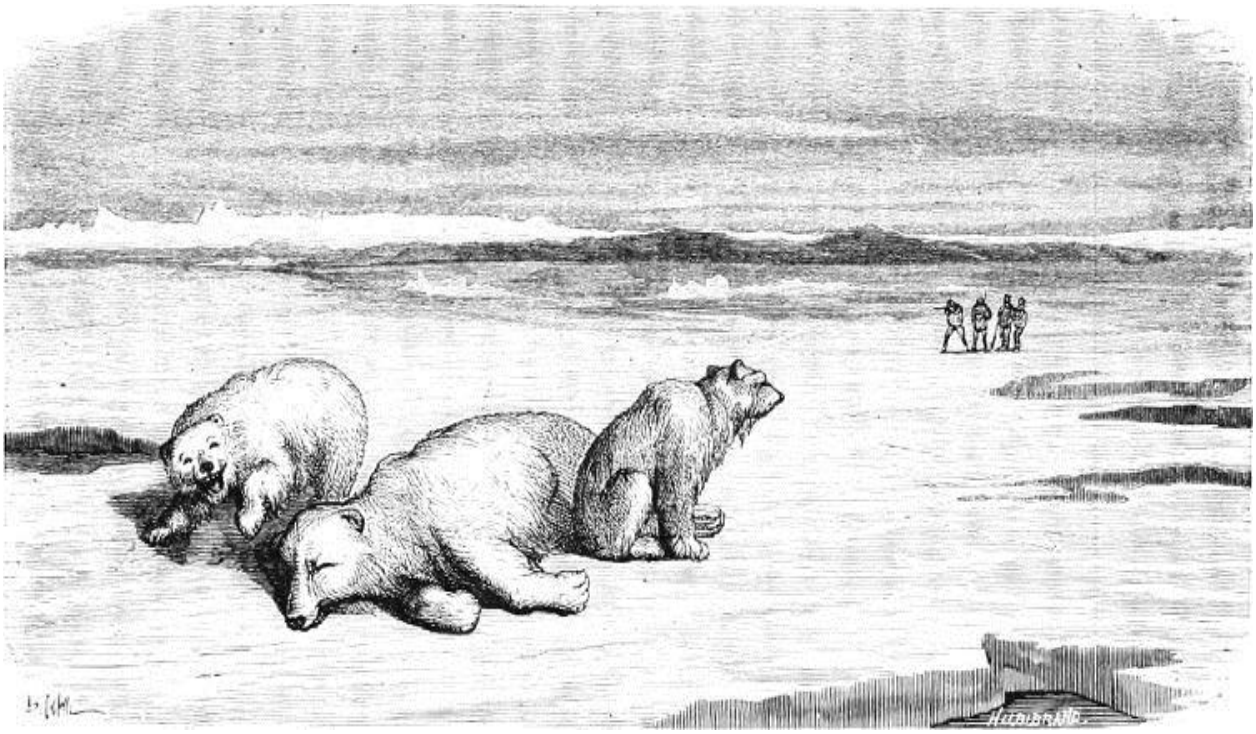
Первый санный отряд был отправлен 14 сентября и оставался в пути восемь дней. Достигнув материка, они четыре дня путешествовали вверх по недавно открытому фиорду, обнаружив множество окаменелостей и много бурого угля. Они также видели большие стада овцебыков. Растительность была обильной, но в основном состояла из видов *Андромеды*. В ходе этой экскурсии у наших исследователей было одно или два приключения с медведями. Сначала самка со своими двумя детенышами нанесла им визит, но, будучи встречена несколькими ружейными залпами, быстро ретировалась. В другой раз дерзкий злоумышленник пробрался в их палатку. Однако его безрассудство стоило ему жизни, и немцы весело накинулись на жир и мясо, которыми он их неослабно снабжал.

ОПРОМЕТЧИВЫЙ НЕЗВАНЫЙ ГОСТЬ.

Когда зимние приготовления были завершены, капитан Колдевей организовал несколько охотничьих отрядов, которые добыли хорошую добычу в виде северных оленей и овцебыков и весьма удовлетворительно пополнили запасы провизии; не менее полутора тысяч фунтов хорошей говядины и оленины свидетельствовали о мастерстве и удаче охотников. Но после начала ноября ни овцебыков, ни северных оленей, ни медведей видно не было.

Второе путешествие на санях было предпринято в конце октября в южном направлении. Группа обнаружила еще один фиорд и вернулась 4 ноября. На следующий день солнце совсем скрылось, и их настигла мрачная полярная ночь продолжительностью в три месяца.

Конец года ознаменовался чередой сильных штормов, и температура поднялась до 25 ° F. Однако вскоре он снова упал до нуля; но только в 1870 году он показал максимум холода, испытанного за всю зиму, а именно -40 ° F. Из декабрьских штормов самый яростный разразился 16-го и продолжался до 20-го. Это освободило лед в гавани и даже в радиусе трехсот ярдов от корабля; но, к счастью, судно стояло на якоре в наиболее защищенной части залива, недалеко от берега, всего в десяти футах от воды; в противном случае раздробленный лед, перемещаемый течением, вероятно, унес бы его почти навстречу неминуемой гибели.



ОХОТАНАМЕДВЕДЯ-ГРЕНЛАНДИЯ.

Однако героическая маленькая компания ничуть не была обескуражена мрачностью и трудностями своего положения. Судя по рассказу капитана Колдевея, они, похоже, провели настоящее веселое Рождество по немецкому обычаю. Они танцевали при свете звезд на льду; они праздновали Сочельник с открытыми дверями при температуре 25 ° F.; из вечнозеленой *Андромеды* они сделали знаменитую рождественскую елку; они украсили хижину флагами и разложили на столах подарки, приготовленные по этому случаю добрыми руками: каждый получил свою долю, и каждый присоединился к общему веселью.

По окончании святочных праздников они подготовили снаряжение для своих санных экспедиций следующей весной, целью самой важной из которых было достижение как можно более высокого градуса северной широты.

В феврале вернулось солнце, а с ним и медведи; и ежедневные экскурсии по острову, предпринимавшиеся учеными-участниками экспедиции, стали опасными из-за их дерзости. От каждого требовалось ходить вооруженным, но все же случались несчастные случаи. Один из “ученых” был тяжело ранен в голову, и его протащили более четырехсот шагов, прежде чем товарищи спасли его от медведя. Однако по прошествии нескольких недель он оправился от полученных ран.

24 марта первая санная группа покинула корабль и двинулась на север, пока 15 апреля не достигла 77° 1’ Северной широты. Затем дикие северные порывы ветра вынудили их вернуться по своим следам. На обратном пути им посчастливилось подстрелить несколько медведей, жир которых служил им топливом для разогрева пищи; ветер наполнял паруса, которые они подняли на своих санях, и они продвигались вперед с такой быстротой, что достигли корабля 27 апреля.

В самой северной точке, достигнутой этим отрядом, — лат. 77° 1’, — пояс материкового льда, окаймлявший берег, показался путешественникам шириной в четыре мили и

возрастом в несколько лет. Они говорят о нем как о “бастионе, построенном на вечность”. В сторону моря лед, который был очень бугристым, тянулся сплошной полосой.

“В ВОДОЕМ”.

В начале мая были отправлены еще две санные группы: одна из них занималась географическими и научными исследованиями соседнего побережья Гренландии; другая пыталась измерить дугу меридиана. Их путешествия были достаточно трудными и доставляли много хлопот и предъявляли большие требования к энергии тех, кто их предпринимал. Переход через торосы и неровный лед был утомительной работой, и иногда весь отряд проваливался в глубокие снежные заносы. Однажды сани провалились в водоем, или расселину; и прежде чем их удалось вытащить на льдину, они были вынуждены разгрузить их и убрать каждый предмет, один за другим. Затем им снова придется пробиваться сквозь шторм безжалостного насилия; северный ветер швыряет замерзший снег им в лица с такой яростью, что они почти ослепляют. По колено в свежевыпавшем снегу они продвигались вперед с упрямой отвагой, перенося трудности и преодолевая препятствия, о которых “толпа джентльменов, которые спокойно сидят дома”, не может составить адекватного представления.

Теперь медведей стало больше, и они стали смелее, как будто они решили осадить небольшую компанию, оставшуюся на борту корабля. Была необходима величайшая осторожность, чтобы предотвратить несчастные случаи; и хотя несколько человек были застрелены, их смерть, похоже, не испугала выживших.

Оттепель началась примерно в середине мая, и к концу месяца санные отряды были вынуждены переходить вброд воду, затопившую поверхность морского льда.

В июне большие участки льда на суше постоянно откалывались, и на юго-востоке можно было увидеть много открытой воды. Но только 10 июля лед вокруг корабля треснул. Четыре дня спустя стало возможным кататься на лодке, и было совершено путешествие в эскимосскую деревню на острове Клаверинг. Все закончилось разочарованием — деревня опустела, а хижины пришли в упадок.

22 июля "*Германия*" снова направилась на север, чтобы повторить попытку предыдущего года. Однако ее котельные трубы протекли так серьезно, что было очевидно, что котел вскоре вообще выйдет из строя. После некоторой задержки его временно подлатали; и, следуя узким каналом между рыхлым паковым льдом и прочным поясом прибрежных льдов, судно ухитрилось продвинуться к северо-восточному мысу острова Шеннон, в широте. 75° 29’ северной широты Здесь ледяной барьер показал себя компактным, прочным и непреодолимым. Поэтому "*Германия*" 30 июля направилась на юг и продолжила свои исследования в этом направлении. Было обнаружено, что ”залив Маккензи", открытый капитаном Клаверингом в 1823 году, исчез; его место занимала низкая плоская равнина, на которой паслись стада северных оленей. Они были так непривычны к виду человека и так не боялись опасности, что пятеро из них были быстро застрелены.

6 августа "*Германия*" открыла широкий и глубокий фиорд в латыни и вошла в него. 73° 13’. Он был совершенно свободен ото льда, но флотилия огромных айсбергов выплывала из него вместе с течением. Вскоре было замечено, что чем дальше они поднимались по этому живописному морскому рукаву, тем теплее становились воздух и поверхность воды. Он отбрасывал несколько ответвлений, и они вились между высокими горами. Их склоны были омыты каскадами, а ущелья заполнены ледниками, так что неожиданно открывшаяся таким образом панорама внутренних районов Гренландии была необычайно романтичной и впечатляющей.

Некоторые из искателей приключений поднялись на гору высотой 7000 футов; но даже с этой высокой сторожевой башни нельзя было разглядеть границы западного, или главного рукава фиорда. Примерно на 32 ° западной долготы. Было установлено, что горный хребет поднимается на высоту 14 000 футов. "*Германия*" проникла на семьдесят две мили в эту замечательную бухту и достигла 26 ° западной долготы; но ее котел работал нерегулярно, и капитан Колдевей, опасаясь последствий, если он полностью выйдет из строя, начал свое обратное плавание 17 августа. Он снова вошел в паковый лед в устье фиорда и до 24—го числа был занят тем, что пробивался сквозь него, достигнув открытого, незамерзающего моря в лат. 72° северной широты и длиннее. 14° W.

ЭКИПАЖ “ГЕРМАНИИ” В СНЕЖНУЮ БУРЮ.

"*Германия*" из-за непригодности своего котла проделала остаток пути под парусами и прибыла в Бремен в целости и сохранности 11 сентября, со всеми находящимися на борту. Стоит отметить, что, за исключением двух случайных ранений, эта интересная экспедиция прошла без каких—либо заболеваний - обстоятельство, которое в высшей степени свидетельствует о предусмотрительности и тщательности тех, кто занимался ее снаряжением и проведением.

Нашим кратким сообщением о плавании "*Германии*" мы обязаны статье капитана сэра Леопольда Мак-Клинтока, который подводит итоги в сжатой и понятной форме; а также рассказам капитана Колдьюи и его офицеров, переведенным мистером Мерсье и опубликованным под руководством мистера Х. У. Бейтса.

Берег Гренландии, расположенный ниже семьдесят пятой параллели широты, вовсе не является замерзшей пустыней, какой его до сих пор считали. Здесь часто пасутся большие стада северных оленей, которых было замечено до пятидесяти одновременно. Овцебыки ни в коем случае не были редкостью, но появлялись группами по пятнадцать-шестнадцать особей; встречались и более мелкие животные, такие как горностаи и лемминги. Птиц было немного; были замечены косяки моржей, но китов не было.

С географической точки зрения путешествие было ценным благодаря наблюдениям, полученным в отношении региона, который ранее был почти неизвестен.

Отсутствие туземцев и всех недавних следов их присутствия является примечательным фактом. В 1829 году капитан Грааб обнаружил северных гренландцев, простирающихся до 64 ° 15’ северной широты; но они ничего не знали о каких-либо людях, живущих дальше на север; сами они также не могли двигаться в этом направлении, поскольку путь был прегражден огромными непроходимыми ледниками.

В 1822 году, когда Скорсби частично исследовал побережье Гренландии между параллелями 70° и 72° 30’ с.ш., он обнаружил множество разрушенных жилищ и могил, но никаких недавних признаков присутствия людей.

В следующем году капитан Клаверинг встретился с партией эскимосов у 74 °; но ни он, ни Скорсби не нашли ни северных оленей, ни овцебыков; и факт, установленный *Германией*, что в 1869 году эти животные были многочисленны и не боялись человека, дает основание предположить, что сейчас существует лишь небольшая часть этого изолированного племени эскимосов, если таковые вообще имеются. Теперь, поскольку овцебыки, а также северные олени, по-видимому, забрели сюда с *севера*, мы можем предположить, что туземцы следовали тем же маршрутом.

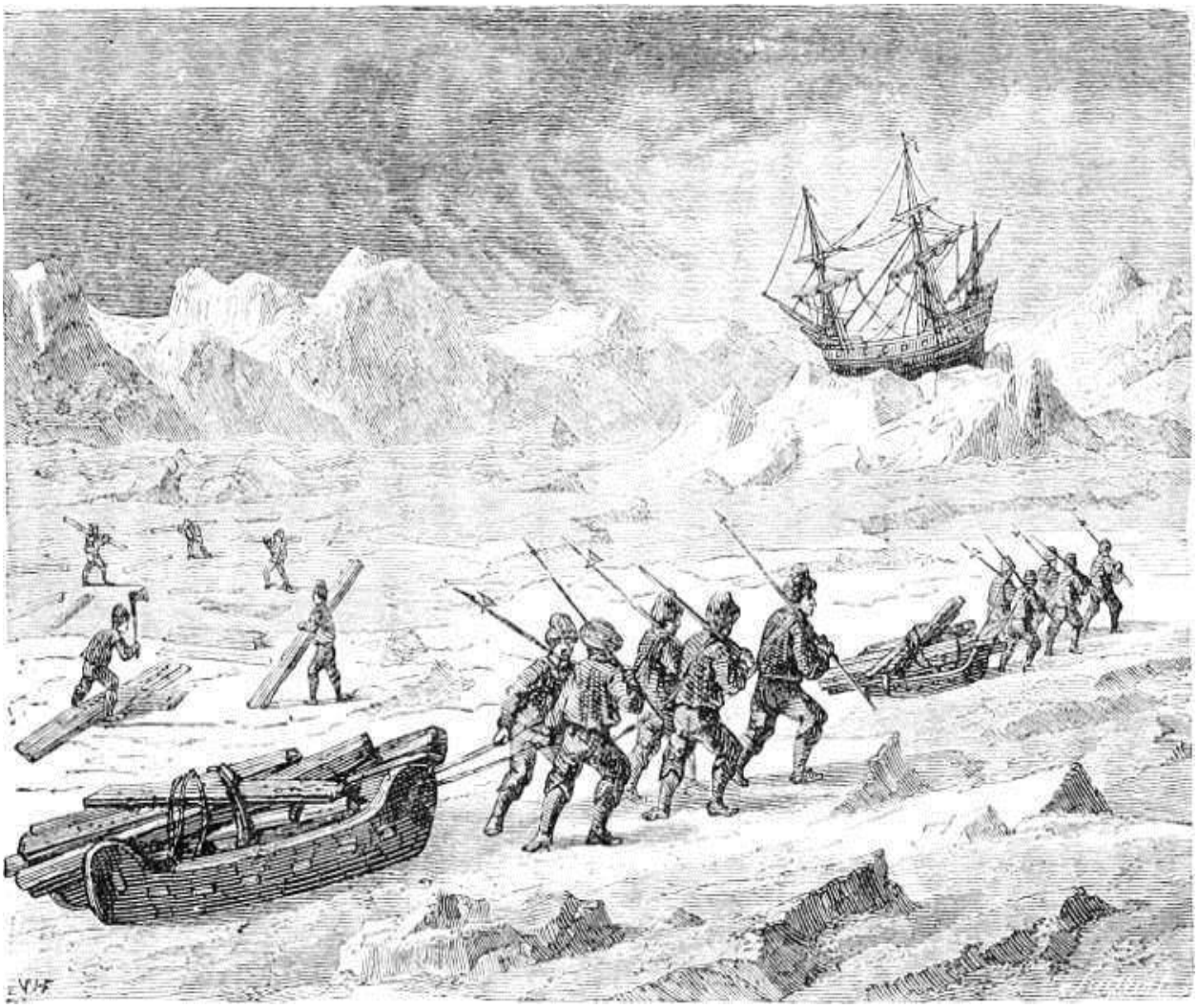
“Если верно, ” говорит Мак-Клинток, “ что эта миграция людей и животных происходила с запада на восток вдоль северного берега Гренландии, мы, естественно, предполагаем, что она не простирается далеко к Полюсу; что, вероятно, ее самая северная точка находится у восточного выхода из пролива Кеннеди и что оттуда она резко поворачивает на восток и северо—восток, - расстояние по прямой до самой северной точки, достигнутой Колдевеем, составляет не более шестисот миль. Не менее странно, чем печально, обнаружить, что мирное и некогда многочисленное племя, населявшее береговую линию протяженностью по меньшей мере 7 ° широты, вымерло или почти вымерло, в то время как в то же время мы обнаруживаем, что из-за уменьшения ледников и увеличения животной жизни ужасающая суровость климата претерпела значительные изменения. Мы ощущаем этот печальный интерес с еще большей силой, когда вспоминаем, что расстояние от деревни Клаверинг до побережья Шотландии составляет менее тысячи миль! Они были нашими ближайшими соседями в Новом Свете”.

Внезапно возвращаясь в шестнадцатый век, мы обнаруживаем имена некоторых выдающихся голландских моряков, занесенных в летопись первых открытий Арктики, и среди них самым прославленным является Уильям Баренц. Мы ссылаемся на него здесь, потому что он связан с путешествием Карлсена в 1869 году, которое проходило во многом по той же местности, что и та, которую голландский исследователь обследовал почти триста лет назад.

Амстердамские купцы снарядили стотонный корабль "*Меркуриус*", чтобы попытаться обогнуть северную оконечность Новой Земли, командование было передано Уильяму Баренцу, который соответственно отплыл из Текселя 4 июня 1594 года.

Он увидел Новую Землю, на лат. 73° 25’ северной широты, 4 июля, проплыл вдоль его мрачного, изможденного побережья, 10-го обогнул мыс Нассау и 13-го наткнулся на кромку северного льда. В течение нескольких дней он огибал этот грозный барьер, тщетно выискивая брешь; и в поисках прохода в дальнее море он упорно плыл от мыса Нассау к

Оранжевым островам. В своих усердных поисках он прошел не менее тысячи семисот миль и примерно восемьдесят раз сажал свой корабль. Он обнаружил также длинную береговую линию между двумя названными нами точками, обозначив ее с точностью, которая была признана более поздними исследователями. Его люди устали от работы, которая, казалось, не давала положительных результатов, и Баренц оказался перед необходимостью вернуться домой.



МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ДОМА.

В 1596 году амстердамцы снарядили еще одну экспедицию, состоящую из двух прочных кораблей под командованием Якоба ван Химскерха и Яна Корнелизуна Рейпа, с Баренцем в качестве лоцмана, хотя на самом деле командовал он.

В этом путешествии искатели приключений держались подальше от суши, чтобы избежать паковых льдов, и, плывя на запад, 9 июня открыли остров Медвежий. Затем они взяли курс на север и ровно через десять дней появились в поле зрения Шпицбергена. Однако они предположили, что это всего лишь часть Гренландии, и были вынуждены отклониться на северо-запад - курс, который быстро был остановлен вечным ледяным барьером. Затем Баренц прошел вдоль западного берега Шпицбергена; и поскольку северо-западный мыс часто посещало огромное количество птиц, он назвал его Фогельзанг.

1 июля он снова достиг острова Медвежий, и здесь они с Риджпом договорились расстаться. О последнем мы знаем только, что его попытка найти брешь во льдах к востоку

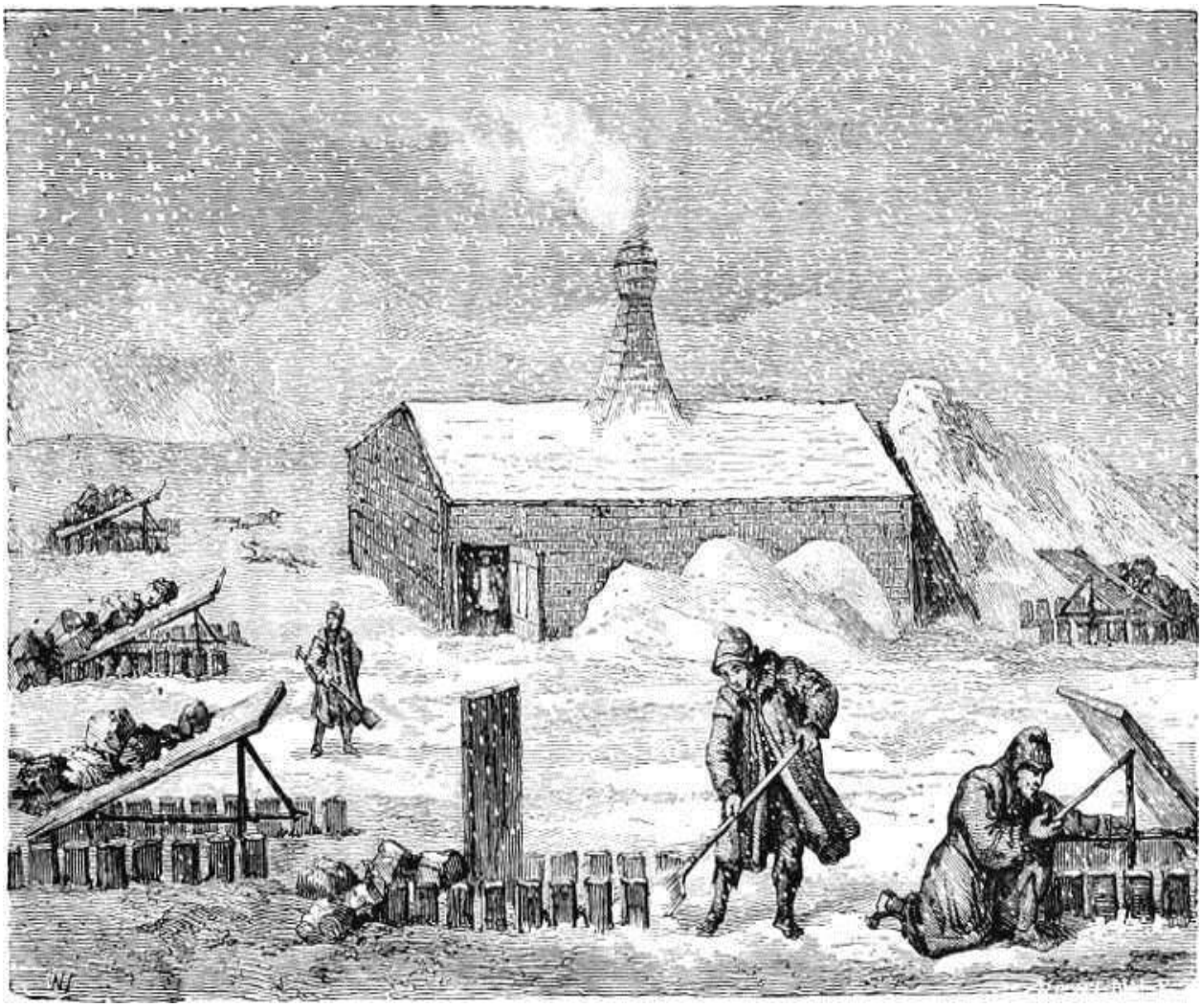
от Гренландии потерпела неудачу и что в том же году он вернулся в Голландию. Что касается первого, то повествование болезненно полно и интересно.

Покинув остров Медвежий, он достиг Новой Земли 17 июля, осмотрев побережье на лат. 74 ° 40’ Северной широты, держась вдоль нее с характерным упорством до 7 августа, он миновал мыс Комфорт; но только для того, чтобы снова оказаться лицом к лицу с унылым зрелищем далеко простирающихся полярных льдов. Оно так окружило его со всех сторон, что он не мог вытащить из него свое судно; и, загнанные в бухту, которую он назвал Ледяной гаванью, “там они были вынуждены в сильном холоде, бедности, невзгодах и горестях оставаться всю зиму”. Ибо тяжелый паковый лед, дрейфующий в залив, закрыл его и смыкался вокруг корабля до тех пор, пока он не стал крепким, как в железных оковах.

НАПАДЕНИЕ НА МЕДВЕДЯ.

Теперь Баренц и его шестнадцать последователей с добрым сердцем готовились встретить испытания долгой арктической зимней ночи. Они проявили, по правде говоря, мужество, терпение и доброе товарищество, которые были героическими. Найдя большой запас плавучего леса, они построили с помощью досок с кормы и бака судна достаточно просторный дом, в который перенесли все свои запасы и провизию. Они установили дымоход в центре крыши; установили голландские часы, которые должным образом отбивали неурочный час; спальные места были расставлены вдоль стен; винная бочка была превращена в ванну. Все эти хитроумные приспособления, однако, мало помогали против ужасного чувства подавленности, которое вызывается продолжением в течение стольких недель пустой и безрадостной темноты.

Солнце зашло 4 ноября, и с тех пор холод усилился, пока не стал почти невыносимым. Их вино и пиво замерзли и потеряли всю свою крепость. Разводя большие костры, прикладывая к ногам раскаленные камни и кутаясь в двойные шубы из лисьих шкур, они едва спасались от смертельного холода. В поисках плавника они терпели самую острую боль и часто отваживались на неминуемую опасность. Вдобавок к их бедам, им пришлось немало повозиться, чтобы защититься от медведей, которые часто нападали на их хижину. Однако они ухитрились зарезать несколько отважных животных, и их жир послужил им маслом для ламп. Когда солнце село, медведи ушли, а затем в большом количестве появились белые лисицы. Они были гораздо более желанными гостями, и, попадая в ловушки, расставленные поблизости от дома, снабжали скованных льдом путешественников едой и одеждой.



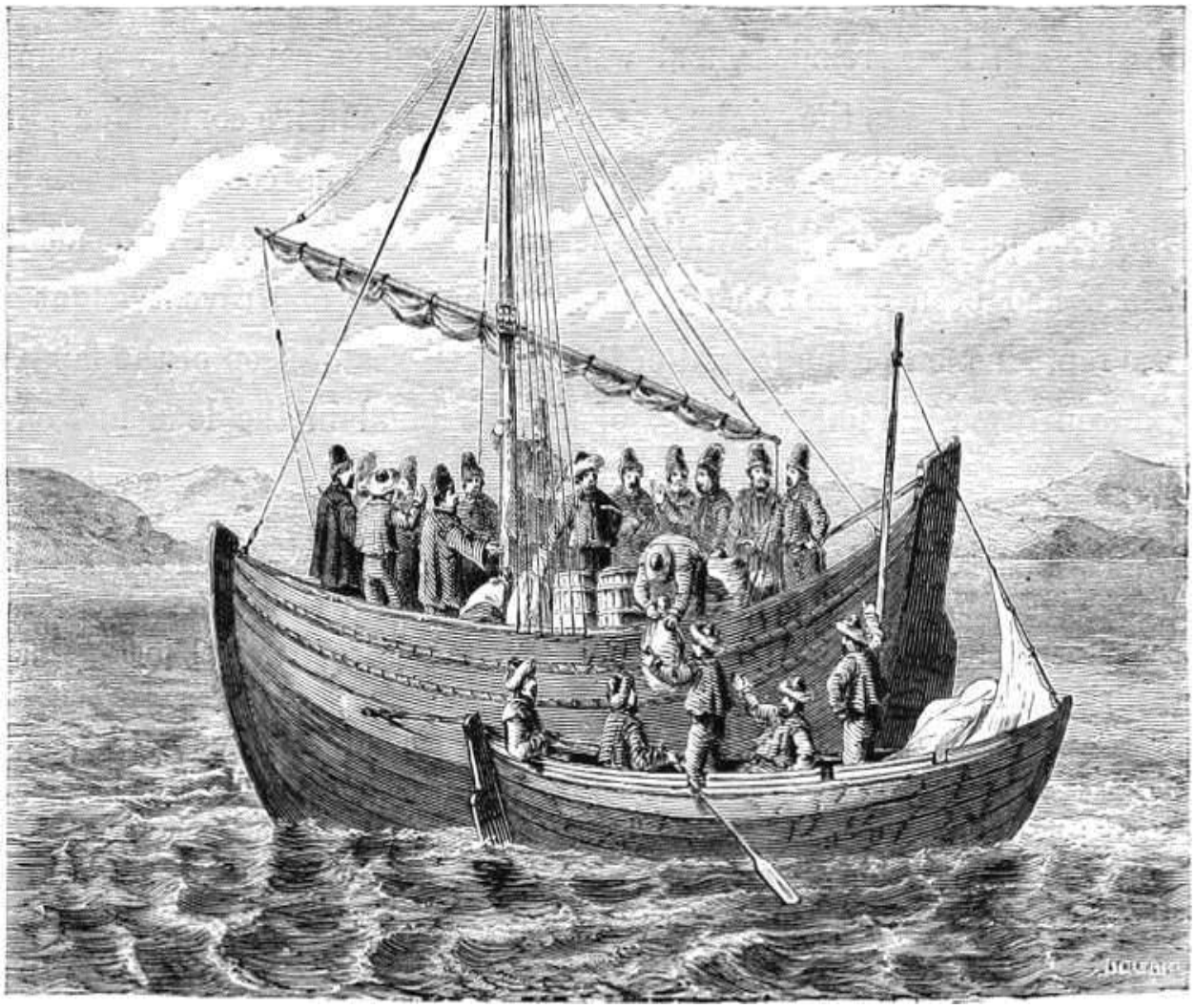
СТАВЛЮ КАПКАНЫ НА ЛИС.

Когда наступило 19 декабря, они нашли некоторое утешение в мысли о том, что половина унылого сезона темноты миновала и что теперь они могли считать, что каждый день приближает их к радостной весне. Они много страдали, но мужественно переносили свои страдания и отпраздновали Двенадцатую ночь с маленьким мешочком, двумя фунтами мяса и несколькими веселыми играми. Артиллерист получил приз и стал королем Новой Земли, “которая имеет по меньшей мере двести миль в длину и лежит между двумя морями”.

27 января каждое сердце возрадовалось, потому что сияющий диск солнца снова появился над горизонтом. Но это привело с собой их старых врагов медведей, против которых они сочли необходимым проявлять величайшую бдительность.

22 февраля они снова увидели “много открытой воды в море, которой они давно не видели”. В течение целого месяца бушевали сильные штормы, и снега выпало в огромных количествах.

12 марта шторм с северо-востока принес лед обратно, и открытая вода исчезла; лед надвигался с большой яростью и могучим шумом, его куски ударялись друг о друга, “страшно было слышать”. Вплоть до 8 мая лед был повсюду, и их печальные глаза не могли видеть ничего приятного или обнадеживающего. Затем она начала распадаться, и изможденные, усталые исследователи приготовились снова испытать море. Они принялись за ремонт двух своих лодок, так как их корабль был настолько искалечен льдами, что они не могли его восстановить.



ИСПЫТЫВАЮ ОБЛЕГЧЕНИЕ.

14 июня они покинули место своего долгого заточения; Баренц, прежде чем они отправились в путь, составил в письменном виде список их имен с кратким описанием пережитого и оставил его в деревянной хижине. Сам он был так измучен болезнью, нуждой и беспокойством, что не мог стоять, и его пришлось отнести в лодку. 16-го числа капитан, прибывший с другой лодки, поинтересовался, как дела у лоцмана. “Совсем хорошо, приятель”, - ответил Баренц. "Я все еще надеюсь поправиться до того, как мы доберемся до

Уордхауса”, — Уордхаус - это остров на побережье Лапландии. Но он умер 19-го (или, как утверждают некоторые авторитетные источники, 20-го) числа, к великому горю своих товарищей, которые ценили его мужественный характер и очень полагались на его опыт и мастерство.

Искатели приключений столкнулись со многими трудностями во льдах: иногда их уносило далеко от ледяного пояса, а в других случаях им приходилось тащить лодки на большие расстояния по неровной поверхности льдин, чтобы добраться до открытой воды. Было хорошо замечено, что известно много случаев длительных океанских путешествий, совершаемых на открытых лодках, но, возможно, ни один из них не носит столь экстраординарного характера, как тот, который мы описываем, - когда два маленьких и неуклюжих суденышка отважились пересечь замерзшие моря на протяжении тысячи ста миль, постоянно сталкиваясь с огромными плавучими массами льда, которым угрожали медведи, и в течение сорока дней подвергались совокупным испытаниям болезней, голода, холода и усталости.

Наконец, к концу августа они прибыли в Кола, в Лапландии; и, как ни странно, были приняты на борт голландского судна под командованием того самого Корнелизуна Рипа, который в прошлом году командовал родственным кораблем discovery. Они благополучно достигли Мааса в октябре 1597 года.

Ни один путешественник, по-видимому, не плавал по маршруту Баренцева моря или, во всяком случае, не посещал место, где он зимовал, до 1871 года. Никто, кроме него, не обогнул северо-восточную оконечность унылой Новой Земли. Однако в 1869 году, 16 мая, капитан Карлсен, норвежец с большим опытом торговли в Северном море, отплыл из Хаммерфеста на шестидесятитонном шлюпе под названием *Solid*. 7 сентября он достиг Ледяной гавани, а 9-го обнаружил грубый деревянный дом, стоящий в начале залива. Его размеры составляли 32 фута на 20, и он был построен из досок размером от 14 до 16 дюймов в ширину и 1½ дюйма в толщину. Было очевидно, что они принадлежали кораблю, и среди них было несколько дубовых балок. Вокруг хижины были сложены кучи костей тюленя, медведя, северного оленя и моржа, а также несколько больших колотушек. Это была зимняя тюрьма Баренца и его спутников, и с тех пор, как они покинули ее, в нее ни разу не ступала нога человека. Сковородки стояли над камином, старинные часы висели на стене; здесь были книги, и принадлежности, и инструменты, и оружие, которые сослужили такую службу двести семьдесят восемь лет назад. Это была арктическая репродукция легенды о столетнем сне сказочной принцессы.

Капитан Карлсен приводит следующий список вещей, найденных в одинокой хижине на берегу Новой Земли:—

Железной раме над камином, со смещением бар; два корабля готовки-кастрюли из меди, обнаружили стоящую на железный каркас, с остатками совка медь; медь оркестров, вероятно, в одно время с ремешком вокруг ведерка; - бар железа; железный рычаг; один длинный и два небольших стволов; две скважины или шнеками, каждая три фута в длину; долото, замок, шпаклевка железа, три стамески, и шесть файлов; пластины из цинка; глиняный кувшин; кружка с цинковой крышкой; нижняя половина еще кружка; шесть фрагментов из перечницы; олово мясо-сетчатый фильтр; сапоги; меч; фрагментов старинных гравюр с латинскими куплеты под ними; три голландских книг; небольшой кусочек металла; девятнадцать гильз, некоторые до сих пор полон порошка; железный сундук, с крышкой, и хитроумные блокировки работы; фрагменты металлической ручкой одного; точильный камень; восемь-килограммовую гирьку; малый пушечного

ядра; пистолет-замок, с серпом и Флинт; часы, колокол часы, и нападающий; напильник; маленькая сверла; небольшие узкие полоски медной лентой; две баночки для соли и перца, около восьми дюймов в высоту; две пары компасы; фрагмент железной рукояткой ножа, три ложки; бур; оттачивать; одна деревянная и одна бронзовая крана; две деревянные пробки для пушки дулами; два копья льда-полюс голов; четыре навигационных приборов; флейты; замок и ключ; еще один замок; кувалды головы; часы вес; двадцать шесть оловянные подсвечники и фрагменты, шесть-в полной сохранности; кувшин этрусской формы, с красивой гравировкой; верхняя половина еще один кувшин; деревянные резные, красного цвета; часы аларум; три шкалы; четыре медальона, круглой, около восьми дюймов в диаметре, три из них установлены в дубовых рамах; строка кнопок; рукоять меча, а ноги его; лезвие алебарды глава; и две резные фигуры из дерева, с черенком ножа в нем.

14 сентября капитан Карлсен вышел из Ледяной гавани и держался вдоль восточного побережья Новой Земли, сталкиваясь с плохой погодой и встречными ветрами, но преуспел в достижении своей главной цели - кругосветном плавании вокруг острова, которое он совершил 6 октября. Он вернулся в Хаммерфест в начале ноября.

Теперь наше хронологическое резюме подводит нас к австрийской полярной экспедиции 1872 года. Командование было поручено лейтенанту Пайеру, опытному моряку, служившему под командованием капитана Кольдевея; Карлсен был нанят в качестве лоцмана; и пароход *"Тегетхофф"* был тщательно и богато оборудован для плавания. План, предложенный лейтенантом Пайером, был хорошо продуман, а именно: обогнуть северо-восточную оконечность Новой Земли и плыть на восток, пока он не достигнет крайнего севера Сибири, где он предполагал перезимовать. Весной группы путешественников отправлялись в исследовательские поездки, а летом путешествие продолжалось до Берингова пролива.

"*Тегетхофф"* вышел на пароходе из гавани Тромсе 13 июля; впервые сошел со льда 25-го, в лат. 74° 15’ северной широты; а 29-го увидели побережье Новой Земли. Здесь она попала в стаю; но когда поднялся пар, по противнику были произведены повторные атаки, и ее смело вынесло на открытый водный путь шириной около двадцати миль к северу от пролива Маточкиа. 12 августа к ней присоединилась *яхта "Исбьерн"* с графом Вильчком и несколькими друзьями на борту. Два судна бросили якорь недалеко от берега, в широте. 76 ° 30’ северной широты, и 18-го числа праздновали день рождения императора Австрии. Санные отряды совершали ежедневные экскурсии на соседние острова, в результате чего были собраны ботанические и геологические образцы, помимо убитых медведей и лисиц, а также большое количество плавника. 23—го числа суда разделились: "*Тегетхофф"* направился на север, а "*Исбьерн"* попытался продвинуться вдоль побережья на юг. Достигнув устья Печоры, граф Вильчек и его друзья покинули ее, чтобы отправиться в обратный путь в Тромсе, а сами поднялись по Печоре на небольших лодках до Перми и вернулись в Вену через Москву.

The *Тегетхофф* провел зимы 1872 и 1873 годов в Ледяном море и сделал несколько интересных открытий. Он вернулся в целости и сохранности летом 1874 года.

В 1871 году была снаряжена американская экспедиция под командованием капитана Чарльза Фрэнсиса Холла, который уже прославился своими исследованиями в полярных

регионах и долгим пребыванием среди эскимосов. Благодаря щедрости мистера Гриннелла, которому помогло правительство Соединенных Штатов, ему был предоставлен надежный пароход "*Поларис*", который вышел из Бруклина 29 июня. Команда судна состояла из семнадцати офицеров и матросов, — мистер Баддингтон был рулевым и помощником штурмана по плаванию, а мистер Тайсон — помощником штурмана, - помимо шести взрослых эскимосов и двух детей; и научного персонала, состоящего из доктора Эмиля Бесселя, мистера Брайана и мистера Фредерика Мейерса.

За несколько дней до отплытия экспедиции мистер Гриннелл подарил Холлу исторический флаг, который лейтенант Уилкс в 1838 году пронес ближе к Южному полюсу, чем какой—либо американский флаг до этого, - который лейтенант Де Хейвен, а затем доктор Кейн и, наконец, доктор Хейс пронесли дальше на север, чем любой другой энсин. Капитан Холл, получая его, выразил свою убежденность в том, что весной 1872 года “он поплывет над новым миром, в котором Северная полярная звезда является венчающей жемчужиной”.

3 июля *"Поларис"* вошел в не имеющую выхода к морю гавань Сент-Джонс, Ньюфаундленд, где он оставался неделю, пока его оборудование проходило некоторый ремонт. Затем она направилась на север, в Гольштейнберг, в Гренландии, но не смогла раздобыть ни угля, ни оленьих мехов, которые были очень нужны. 4 августа она прибыла в датское поселение Годхейвен и, к счастью, обнаружила пароход "*Конгресс*Соединенных Штатов", который был отправлен с дополнительными припасами. Оттуда она направилась на север, к Упернавику, которого достигла 18-го числа. До сих пор ее продвижение, казалось, было особенно удачным; но среди офицеров уже вспыхнули разногласия, которые не предвещали окончательного успеха экспедиции. Однако в своих депешах домой капитан Холл ни словом не обмолвился об этом обескураживающем обстоятельстве; и его биограф объясняет это молчание “его своеобразием, которое позволило ему утопить все остальное в одной идее продвижения на крайний север”.

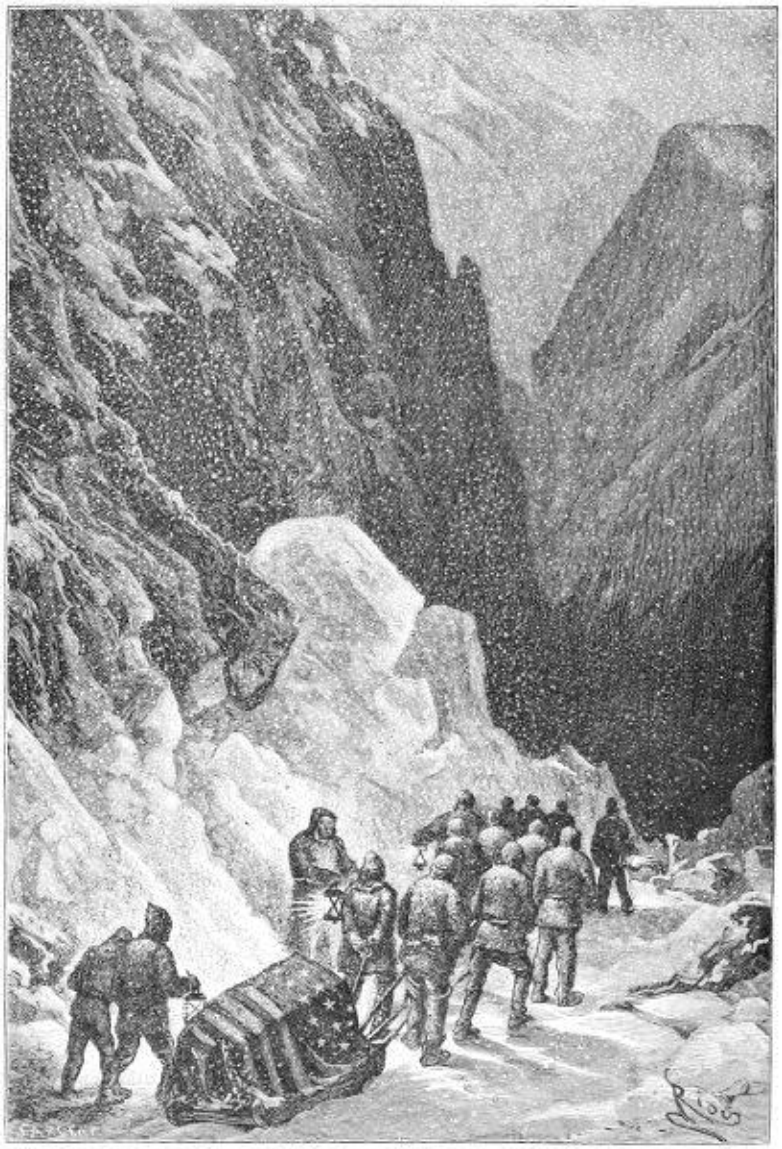
Упернавик с его маленькой колонией датских чиновников и аборигенов-эскимосов остался позади 21 августа, и *"Поларис"* продолжила свой полный приключений курс. Шесть дней спустя она прибыла на зимовку Кейна в 1853-55 годах, к месту, где он покинул свое маленькое судно "*Адванс*". На следующий день ее команда обнаружила перед собой огромную ледяную стену и обогнула ее, повернув на запад-северо-запад. Затем, снова повернув свое судно носом на север, они направились вверх по каналу Кеннеди и достигли порога того, что доктор Кейн принял за Открытое Полярное море. Однако они обнаружили, что с обеих сторон он ограничен сушей, а далеко за ним простирается обширное ледяное пространство. Тщательное наблюдение показало, что на самом деле это был *залив*, который Кейн принял за открытое море, когда его сухопутные границы были скрыты туманом. Он имеет около сорока пяти миль в ширину.

Оттуда они вошли в канал, подобный каналу Кеннеди, который имел ширину около семнадцати миль и был перекрыт тяжелым льдом. Теперь их продвижение было медленным и трудным, и у многих членов экипажа были печальные лица, как будто они собирались “отплыть за край света”. Более серьезным препятствием была робость капитана Баддингтона, который проявил себя противником дальнейшего продвижения на север. Поэтому Холл решил перенести пароход на берег, выгрузить часть своих припасов и подготовиться к зимовке в этом передовом пункте “Ультима Туле”.

В полночь 4 сентября капитан Холл поднял американский флаг на этой земле, самом северном месте, на котором когда-либо водружался любой цивилизованный флаг. Когда она развевалась на ветру, он провозгласил, что завладевает окружающей территорией из снега и льда “во имя Господа и во имя президента Соединенных Штатов”. Затем он вернулся на

борт *"Полариса"*, и ее якорь был спущен. Это место было всего лишь изгибом берега и не представляло никакой защиты в качестве гавани; поэтому они поплыли по открытой воде и поискали дальше на юг; но, не найдя более защищенного жилья, они вернулись на свою прежнюю якорную стоянку и начали выгружать провизию — печально завывал ветер, а снег валил проливным дождем.

7-го числа они снялись с якоря и подошли ближе к берегу, обогнув корабль за айсбергом, который лежал на мели на глубине тринадцати морских саженей. Оказалось, что эта огромная масса льда имела около 450 футов в длину, 300 футов в ширину и 60 футов в высоту; длина - 81° 38’ северной широты. 61° 45’ W. Айсберг был назван “Айсберг Провиденс”, а бухта, в которой они обосновались, “Гаванью благодарения Богу”. Обследовав окружающую местность, они не обнаружили ничего, что могло бы улучшить перспективы наступающей зимы. Прибрежные холмы поднимались от девяти до тысячи трехсот футов в высоту и были изрезаны огромными трещинами, свидетельствовавшими о жестоком обращении с морозом, ветром и непогодой. К югу лежал большой ледник, который огибал бухту широкой дугой и впадал в нее непосредственно к северу от их якорной стоянки. То тут, то там виднелись следы эскимосов; круги из камней указывали, где они разбили свои палатки. Весь пейзаж был тусклого нейтрального оттенка, какого-то холодного серого, потому что зимний снег еще не окутал его своей мантией ослепительной белизны. Для этого, однако, искателям приключений не пришлось долго ждать. 27 сентября началась снежная буря, которая продолжалась тридцать шесть часов.



ПОХОРОНЫ КАПИТАНА ХОЛЛА.

10 октября капитан Холл организовал санную экспедицию в качестве предварительной подготовки к длительному путешествию весной. Там было две нарты, каждую тянули семь собак; капитан Холл и эскимос Джо в одних санях, а мистер Честер и эскимос Ганс в других. Они отсутствовали до 24-го, но из-за неровностей льда прошли всего пятьдесят миль и ничего не обнаружили.

Тем временем команда была занята насыпью льда вокруг корабля, чтобы защитить его от столкновения с дрейфующими льдинами; палуба была частично перекрыта брезентом; были сделаны и другие приготовления, чтобы противостоять ужасным суровым условиям арктической зимы. Они, однако, были временно приостановлены из-за внезапной болезни капитана Холла. 1 ноября ему стало немного лучше, но 3-го его болезнь, которая, по-видимому, была формой паралича, ухудшилась; и конец наступил так быстро, что пылкий сердцем, полный энтузиазма исследователь, перенесший так много суровых испытаний в Полярном мире, “уснул” рано утром 8-го. Для захоронения его останков примерно в полумиле от берега была немедленно подготовлена могила; неглубокая могила, потому что земля промерзла так крепко, что ее едва ли можно было расколоть даже кирками; и 11-го числа состоялись похороны. Было выбрано время - половина двенадцатого утра; однако

было так темно, что мистер Брайан читал молитвы при свете “тускло горевшего фонаря”. Присутствовала вся команда корабля. Гроб везли на санях, над которыми, как покров, был развешан американский флаг со звездно-полосатыми изображениями. Капитан и офицеры, доктор Бессел и мистер Мейерс последовали за ним в качестве провожающих; и странной и живописной, должно быть, выглядела эта печальная процессия, прокладывающая свой путь сквозь лед и снег, в то время как странный северный свет или отблеск в воздухе вырисовывал очертания далеких холмов, возвышающихся подобно крепостному валу на краю заснеженной равнины, и время от времени мерцал над замерзшим пространством скованного льдом залива.

Так, говорит капитан Тайсон, закончились честолюбивые проекты бедняги Холла; так утих кипучий энтузиазм его пылкой натуры. “ Возможно, он не всегда был мудрым, но его душа была отдана работе; и если бы он дожил до весны, я думаю, он зашел бы так далеко, как только может зайти смертный, чтобы выполнить свою миссию. Но с его смертью, я боюсь, придется отказаться от всех надежд на дальнейший прогресс ”. То, что Тайсон был прав в своем предположении, покажет наш рассказ.

Командование принял капитан Баддингтон, и одной из его первых мер было прекращение воскресной службы по причинам, которые он, по-видимому, не объяснил, а мы не в состоянии себе представить. Насколько мы можем судить по опубликованным отчетам об экспедиции, он был человеком, не способным нести ответственность, — человеком без энтузиазма в самом себе и, следовательно, неспособным стимулировать его в других. Он также не мог добиться повиновения своих подчиненных. Моряки всегда быстро замечают слабость своих офицеров; и команда *"Полариса"* вскоре убедилась, что их новому капитану не хватает ни смелости, ни решимости.

Однако зима постепенно надвигалась на маленькую, скованную льдами компанию *"Поларис"*, и им пришлось переносить со всем терпением, какое было в их силах, суровость долгой полярной ночи. Было очень темно, но все же не совсем темно. В течение часа или двух в полдень можно было побродить на небольшом расстоянии от покрытого снегом судна; но, оказавшись вдали от него, мрак и тишина всего вокруг окутывали странника, как покров. Не было слышно ни одного из обычных звуков Природы, которые могли бы разрядить глубокую подавленность происходящего. “Как-то вечером, ” вспоминает Тайсон, “ я отошел от корабля, испытывая отвращение к неразберихе и шуму и страстно желая хоть на минуту успокоиться. Оказавшись за пределами слышимости мужских голосов, не было абсолютно никаких других звуков. Было совершенно спокойно — ни ветра, ни движения какого-либо живого существа; ничего, кроме свинцового неба над головой, льда под ногами и *тишины повсюду*. Это нависло над всем, как пелена. В конце концов, это стало таким мучительно гнетущим, что у меня часто возникало искушение громко закричать, чтобы разрушить чары. Наконец я это сделал, но никакого ответа не последовало, даже эха.

Пространство было пустым; там стоял я,

И единственным призраком было одиночество”.

АРКТИЧЕСКАЯ СНЕЖНАЯБУРЯ.

Записано, что 1 января 1872 года прошло восемьдесят дней с тех пор, как искатели приключений увидели солнце. Внутренняя экономика *"Поларис"*, тем временем, была плачевно дезорганизована. Не было ни дисциплины, ни порядка, ни метода. Мужчины делали все, что им заблагорассудится, и, следовательно, делали ночь отвратительной своими продолжительными кутежами. Офицеры разошлись во мнениях между собой, и цель экспедиции, по-видимому, была упущена из виду или больше не вызывала какого-либо глубокого или постоянного интереса. Даже обсуждался как правильный и вероятный вариант отказаться от предполагаемого исследования северного направления и, как только тронется лед, как можно скорее вернуться в Нью-Йорк.

В начале февраля дневной свет начал понемногу уступать ночи, и эскимосы охотились на тюленей, так как было слышно, как они проделывают дыхательные отверстия подо льдом. Штормы были очень частыми — штормы, которые уносили снег далеко в виде плотных, слепящих облаков; а ложные луны и другие атмосферные явления привлекали внимание любознательного наблюдателя.28-го, после отсутствия в течение ста тридцати пяти дней, снова взошло солнце; и никогда еще царственный гость не был так радушно встречен верноподданным народом. Его лучи, казалось, приносили с собой обещание новой жизни. Сердца людей невольно становились легче, и все чувствовали себя так, словно освободились от тяжелого и невыносимого бремени. Не то чтобы температура показывала какую-то заметную разницу. 1 марта термометр показывал 37 ° ниже нуля!

Пройдя через пару месяцев, в течение которых не было никаких важных событий, мы обнаруживаем, что 9 мая монотонная скука экспедиции была нарушена путешествием на санях на север, предпринятое капитаном Тайсоном в сопровождении Мейерса, Джо и Ганса. Они отсутствовали на корабле шесть дней; двинулись вглубь страны в направлении восток-северо-восток, к заливу Ньюман, а оттуда держались дальше на север, пока не достигли широты. 82° 9'. Мистер Мейерс обследовал берега залива Ньюман, а капитан Тайсон попытался раздобыть немного дичи. Однажды они наткнулись на большое стадо овцебыков. Эти животные ведут себя очень странно, когда на них совершается нападение. Они образуют круг, корма к корме, и ожидают нападения своих врагов. Собаки окружают их и держат на расстоянии. Нередко бросают собаку. Хотя Джо и капитан стреляли и перезаряжали оружие так быстро, как только могли, бедняги не оказывали сопротивления; но когда восемь человек были убиты, остальные обратились в бегство. Затем с забитых быков сдирали кожу, а лучшие куски разрезали для отправки на корабль.

Этот крупный рогатый скот достигает своих огромных размеров и веса на том, что, как можно было бы предположить, формирует очень скудный рацион. Их пища - мхи и лишайники, растущие на скалах; и чтобы добыть их, они должны сначала соскрести снег копытами. При первых признаках опасности телята укрываются телом своих родителей, а их шерсть такая длинная, что обеспечивает детенышам очень полную и удовлетворительную защиту. Овцебык - животное значительной массы. Несколько из тех, кого подстрелили Тайсон и эскимосы, весили от 500 до 600 фунтов. каждый. Пропорционально их размеру и весу, их ноги очень короткие.

В начале июня капитан Баддингтон решил отправить пару лодок с целью исследовать соседнее побережье и обнаружить, если возможно, открытый водный канал на север. Одним из них командовал мистер Честер, другим - капитан Тайсон. Шлюпка мистера Честера налетела на льдину и разлетелась на куски. Экипажу с трудом удалось спастись, но исторический флаг был утерян. Капитан Тайсон продвинулся к заливу Ньюман, где было застрелено несколько уток-гагарок, чаек и голубятен. Присоединившись к мистеру Честеру, который вернулся на корабль и закрепил спасательную шлюпку, он обнаружил, что его дальнейшее продвижение остановлено плотным, непреодолимым ледяным полем, приводящим в отчаяние арктических мореплавателей. Все попытки продвинуться дальше на север оказались тщетными; а поскольку от капитана Баддингтона поступил приказ возвращаться, ничего не оставалось, как вернуться на "*Полярис*.

Лето миновало, а *"Поларис"* все еще лежал среди льдов; или, скорее, медленно дрейфовал на юг вместе со льдиной, к которой он был прикреплен. Никаких санных экспедиций организовано не было, и единственной заботой капитана Баддингтона было высматривать возможность выбраться в открытый ла-манш и вернуться в Нью-Йорк. Время от времени удавалось немного продвинуться на юг, но к концу октября стало очевидно, что исследователям придется провести вторую зиму в своем ледяном плену. Их вынесло за пределы гавани Ренсселер, где доктор Кейн зимовал в 1853-1855 годах и начал строительство склада провизии на случай, если судну будет угрожать дрейфующий лед.

Эта страшная катастрофа действительно произошла в ночь на 15-е число. Давление льдины было огромным, но *"Поларис"* выдержал это мужественно, хотя каждая древесина стонала и поскрипывала. Через некоторое время, однако, было обнаружено, что у нее началась течь в кормовой части и что вода набиралась в помпы. Это открытие, похоже, лишило Баддингтона всякого хладнокровия и размышлений. Он вскинул руки и закричал, чтобы “бросали все на лед”. Сразу же воцарился хаос. Мужчины хватали все, что попадалось им под руку, и выбрасывали за борт. Некоторое количество припасов было заранее размещено на палубе в ожидании такого события; но теперь они были выброшены на

льдину в беспорядочной неразберихе и со значительными потерями. Капитан Тайсон и несколько матросов спустились за борт, намереваясь навести там, по крайней мере, подобие порядка; но пока он был занят этим, лед начал трескаться. Вскоре после этого она взорвалась у него под ногами и разломалась во многих местах; корабль скрылся в темноте, и Тайсон и его спутники немедленно потеряли его из виду.

Это была ужасная ночь. Дул ураганный ветер, и снег валил густыми, кружащимися массами. “Мы не знали, - говорит Тайсон, - кто был на льду или кто был на корабле”; но, увидев несколько шкур овцебыка, лежащих поперек широкой трещины во льду, он подтянул их к себе, чтобы спасти, — и вот, в одной из них были завернуты двое или трое детей эскимоса Ганса! Некоторые из людей оказались на плаву на небольших кусках льда, но с помощью вельбота их удалось спасти; и когда серый свет утра озарил место происшествия, Тайсон убедился, что восемнадцать человек, кроме него самого, потерпели кораблекрушение. Это были: мистер Мейерс, метеоролог; Херон, стюард; Джексон, повар; шесть моряков; Джо и Ханс, эскимосы, их жены и дети.

Кусок льдины, на который их выбросило, был почти круглым, около четырех миль в окружности. Она была не ровной, но изобиловала холмами и прудами или небольшими озерами, которые образовались в результате таяния льда в течение короткого лета. Толщина льда сильно различалась. Некоторые насыпи или холмы были, вероятно, тридцати футов толщиной; плоские участки не превышали десяти-пятнадцати. Поверхность была чрезвычайно неровной, а кочки побелели от снега.

Первой задачей Тайсона было осмотреть запасы провизии, которые были собраны на льдине. Он состоял из четырнадцати банок пеммикана, одиннадцати с половиной мешков хлеба, одной банки сушеных яблок и четырнадцати окороков; и если корабль не вернется за ними, им, возможно, придется питаться этими запасами всю унылую зиму или умереть с голоду. К счастью, у них была пара лодок, и второй заботой Тайсона было загрузить их, погрузить на борт свою маленькую компанию и попытаться добраться до берега. В этой попытке им помешал дрейфующий лед; и прежде чем они смогли повторить ее, они увидели *Полярную звезду*. Они немедленно подали грубый сигнал готовности, но, похоже, никто не наблюдал за происходящим, и потерпевшие кораблекрушение с огорчением увидели, как судно уходит за остров Литтлтон, не предприняв никаких поисков своей пропавшей команды.

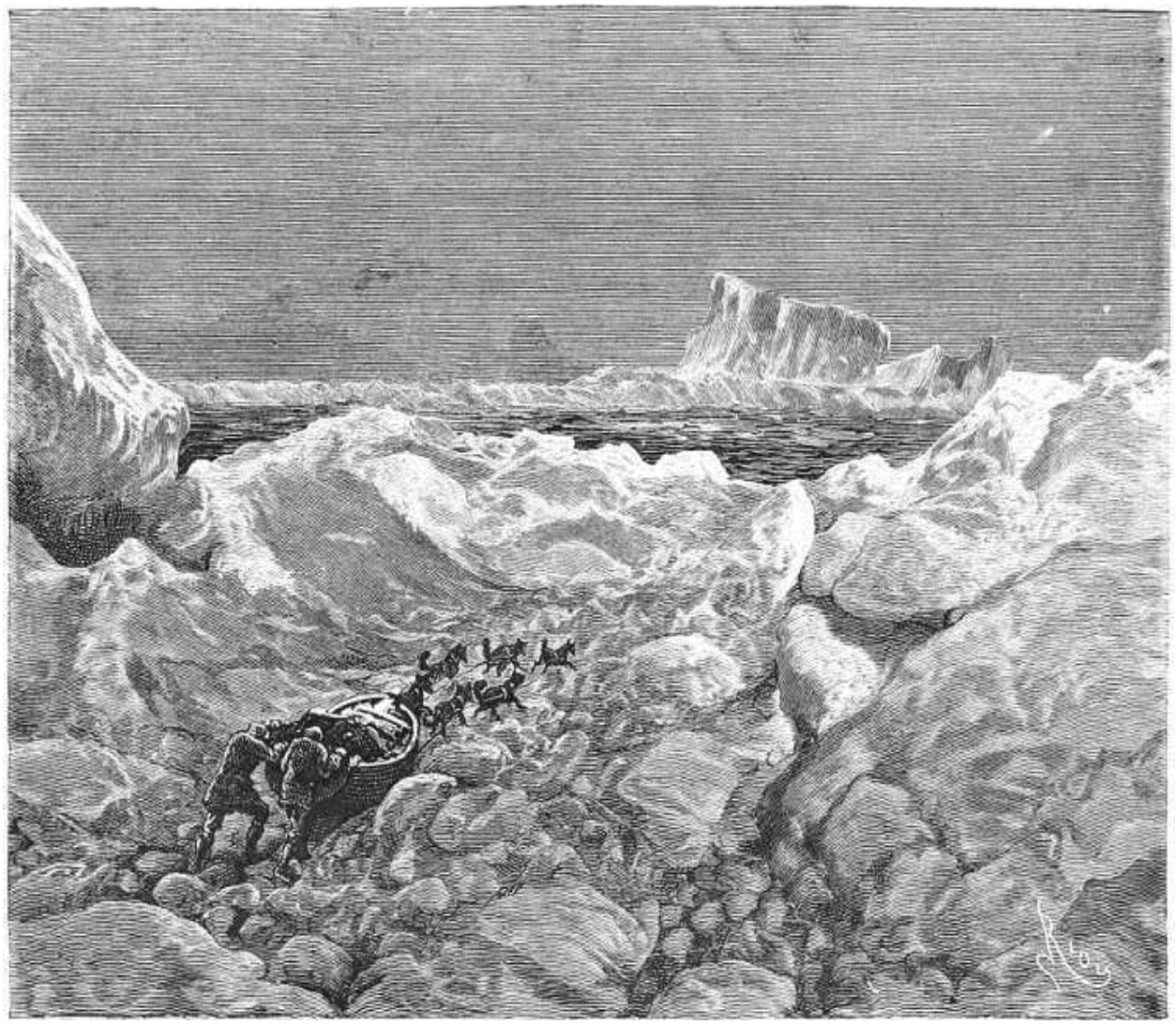
Поэтому Тайсон решил перебраться на другую сторону льдины и направиться к суше, возможно, ниже, чем находилась *"Поларис"*, чтобы перехватить ее. Все было выброшено, за исключением провизии на два-три дня, и лодки были готовы. Но люди двигались медленно и неохотно; не хватало весел; поднялся сильный шторм; и с приближением ночи Тайсон оказался вынужден отказаться от своего намерения. На следующий день лед снова тронулся; и теперь искатели приключений дрейфовали в одной лодке по одному куску льда, в то время как другая лодка, часть их провизии и импровизированная хижина из жердей оставались на основной части первоначальной льдины. Ледяной плот, на котором находились Тайсон и его спутники, имел длину около 150 ярдов в каждую сторону.

ПОТЕРПЕВШИЕ КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ НА ЛЬДУ.

ДРЕЙФОВАТЬ ПО ЛЬДИНЕ.

Однако 21-го числа лодка и провизия были возвращены. Джо, обладавший острым глазом эскимоса, заметил нос лодки, выступающий из куска битого льда. Сопровождаемый своим верным союзником, Тайсон отправился на поиски, перепрыгивая, как охотник на серн, со скалы на скалу. Его сопровождали шесть собак. Их впрягли в лодку и с помощью крепких рук перетащили ее через разрушенную льдину. Затем вся группа перебралась на большую льдину, где было быстро возведено несколько снежных домиков. Они образовали настоящий лагерь: одна хижина, или, скорее, что-то вроде полу-хижины, для мистера Мейерса и капитана Тайсона; хижина Джо для него самого, его жены и их приемной дочери; хижина для мужчин; склад провизии и кухня - все это соединено арочными галереями, построенными из слежавшегося снега, с одним главным входом и хижинами поменьше, ответвляющимися к нескольким квартирам или хижинам. Ханс построил свою *иглу* отдельно, но неподалеку. Все они были построены по эскимосскому образцу, то есть земля была выровнена, одна половина пола в самом дальнем от входа конце была слегка приподнята над другой, или передней половиной. Приподнятая часть, как мы уже объясняли ранее, служит гостиной и спальней; нижняя часть - мастерской и кухней. Стены и сводчатая крыша были сложены из квадратных блоков твердого снега, плотно утрамбованных силой ветра. Квадрат этого спрессованного снега или льда толщиной около восемнадцати дюймов служил окном.

Проделав эту хорошую работу, Тайсон подвел итоги. Последующие экспедиции собрали почти все, что было на льду, когда *"Поларис"* отошел от них, и он обнаружил, что их запасы включали две лодки — одну из которых, однако, разобрали на топливо - и одну байдарку, хороший запас пороха и дроби, одиннадцать с половиной мешков хлеба, четырнадцать банок пеммикана, четырнадцать окороков, десять дюжин банок мяса и супов, одну банку сушеных яблок и около двадцати фунтов шоколада и сахара в смеси. Ящики с пеммиканом были большими, каждый весом по сорок пять фунтов; мясо и супы были всего в одной и двухфунтовых банках; ветчина была маленькой; банка из-под сушеных яблок весила двадцать два фунта. Очевидно, что, будучи разделенным между девятнадцатью людьми, этого запаса не могло хватить на много недель; и если они не доберутся до суши или не смогут поймать тюленей, их вероятной конечной участью казалась голодная смерть. Норма была сокращена до одиннадцати унций для каждого взрослого и вдвое меньше для детей — рацион, крайне недостаточный для надлежащего поддержания человеческого тела в Полярном регионе и во время арктической зимы.

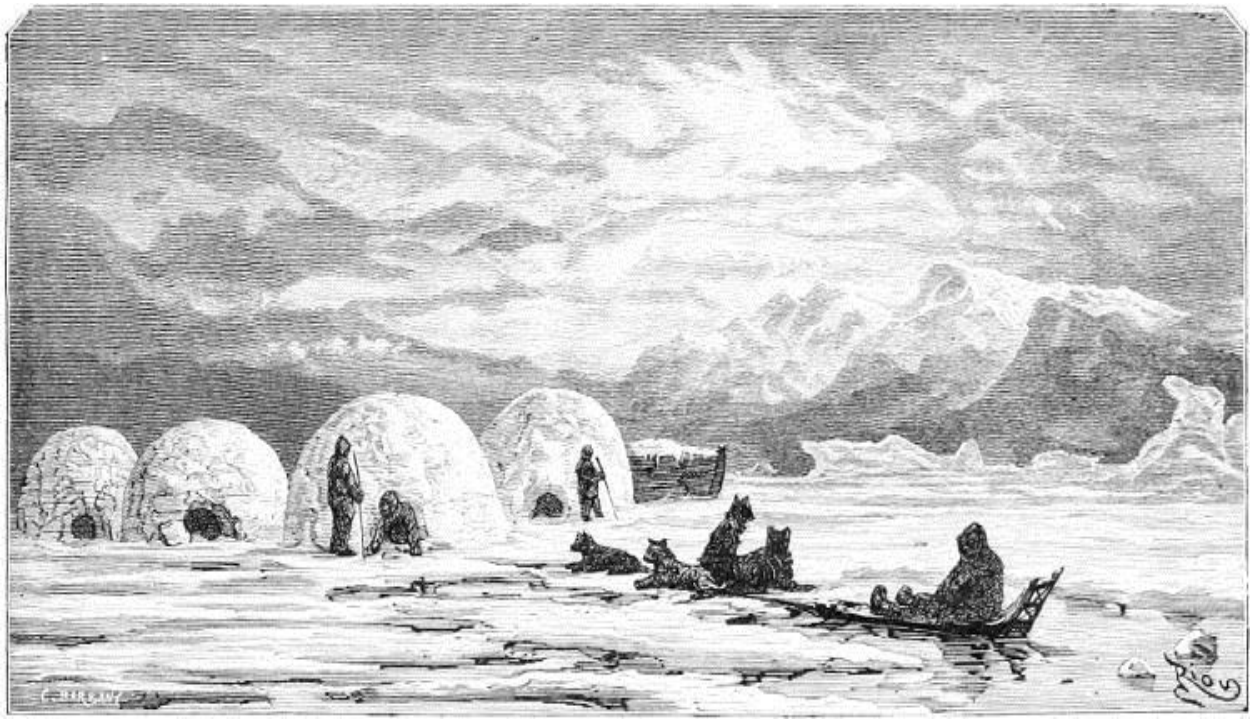


ВОЗВРАЩЕНИЕ ЛОДКИ КАПИТАНОМ ТАЙСОНОМ.

23 октября они потеряли солнце из виду. В это время они находились примерно в восьми-десяти милях от берега и в сорока-пятидесяти милях к западу от острова Нортумберленд, по широте. примерно 77° 30’. Эскимосы день за днем высматривали тюленей, но безуспешно. По правде говоря, зимой найти тюленей нелегко, так как они живут в основном подо льдом, и увидеть их можно только тогда, когда он трескается.

Будучи теплокровным животным, они не могут всегда оставаться под замерзшей поверхностью без дыхания, и для этой цели они проделывают отверстия для воздуха во льду и снегу. Однако они настолько малы на поверхности, не превышая двух с половиной дюймов в поперечнике, что их нелегко различить, особенно в сумерках арктического зимнего дня.

Льдина, или ледяной плот, на котором команда "*Полариса*" нашла убежище, продолжала медленно дрейфовать на юг, подгоняемая ветром и течением. Погода была настолько суровой, что пытаться добраться до берега было более чем бесполезно. Поэтому потерпевшие кораблекрушение сбивались в кучу в своих *иглоях*, или снежных хижинах, или развлекались тем, что позволяла охота на лисиц или тюленей. Или, когда выдавалась хорошая погода, Тайсон совершал короткую поездку на своих санях и исследовал, насколько осмеливался, лед, лежащий у берега. 1 ноября была предпринята попытка достичь берега, причем собак запрягли в сани, а лодку нагрузили самыми необходимыми вещами; но состояние льда сделало все попытки такого рода бесплодными.



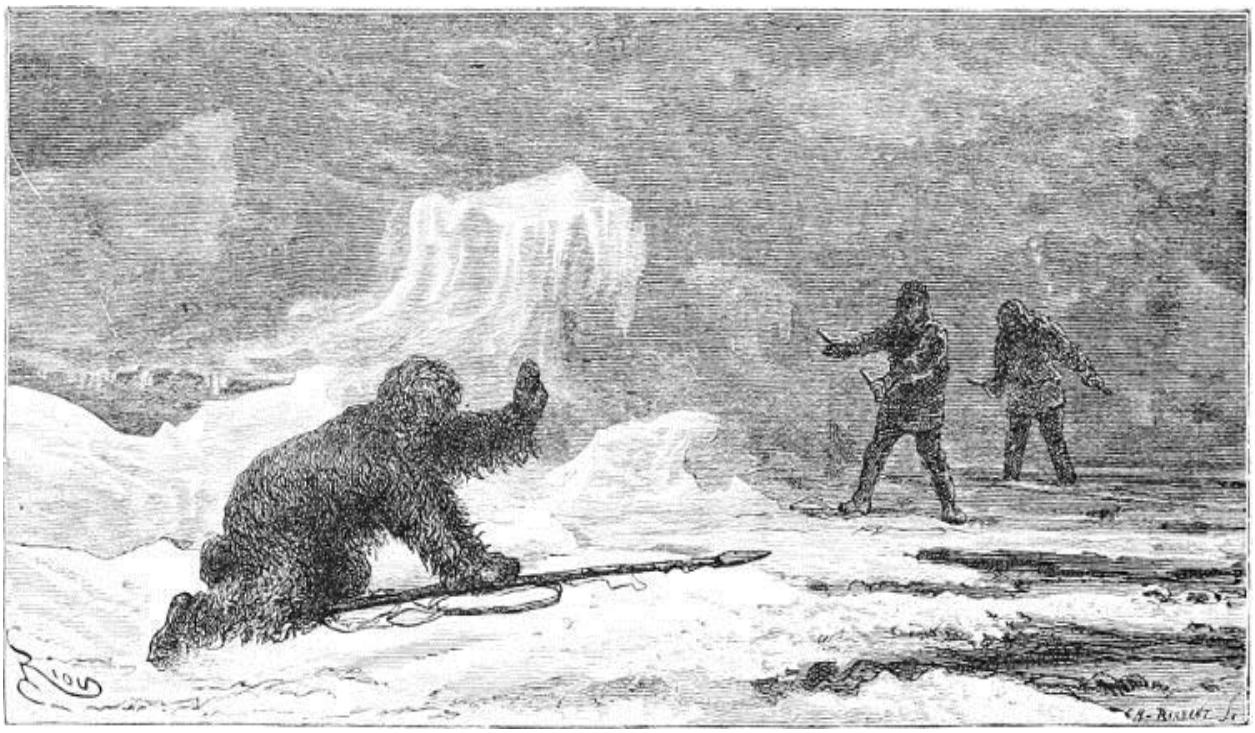
ИГЛУ, ПОСТРОЕННЫЕ ПОТЕРПЕВШИМИ КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ.

Однажды Джо и Ганс, эскимосы, отправились на поиски дичи. Блуждая по кочкам, они потеряли друг друга, и Джо, попытав счастья в одиночку, вернулся к хижине еще до наступления ночи; он вполне ожидал обнаружить, что Ганс опередил его, и был очень встревожен, когда услышал, что тот не вернулся. В сопровождении Роберта он отправился на его поиски. Мчась сквозь быстро сгущающуюся темноту, они увидели то, что показалось им приближающимся Белым медведем; зарядили пистолеты и приготовились оказать ему теплый прием, когда, к счастью, существо вскинуло руки и выпрямилось, и они поняли, что это был их пропавший товарищ. Он использовал обе руки и ноги, карабкаясь по неровным кочкам, а поскольку его меховая одежда была покрыта снегом, обман был вполне сносным.

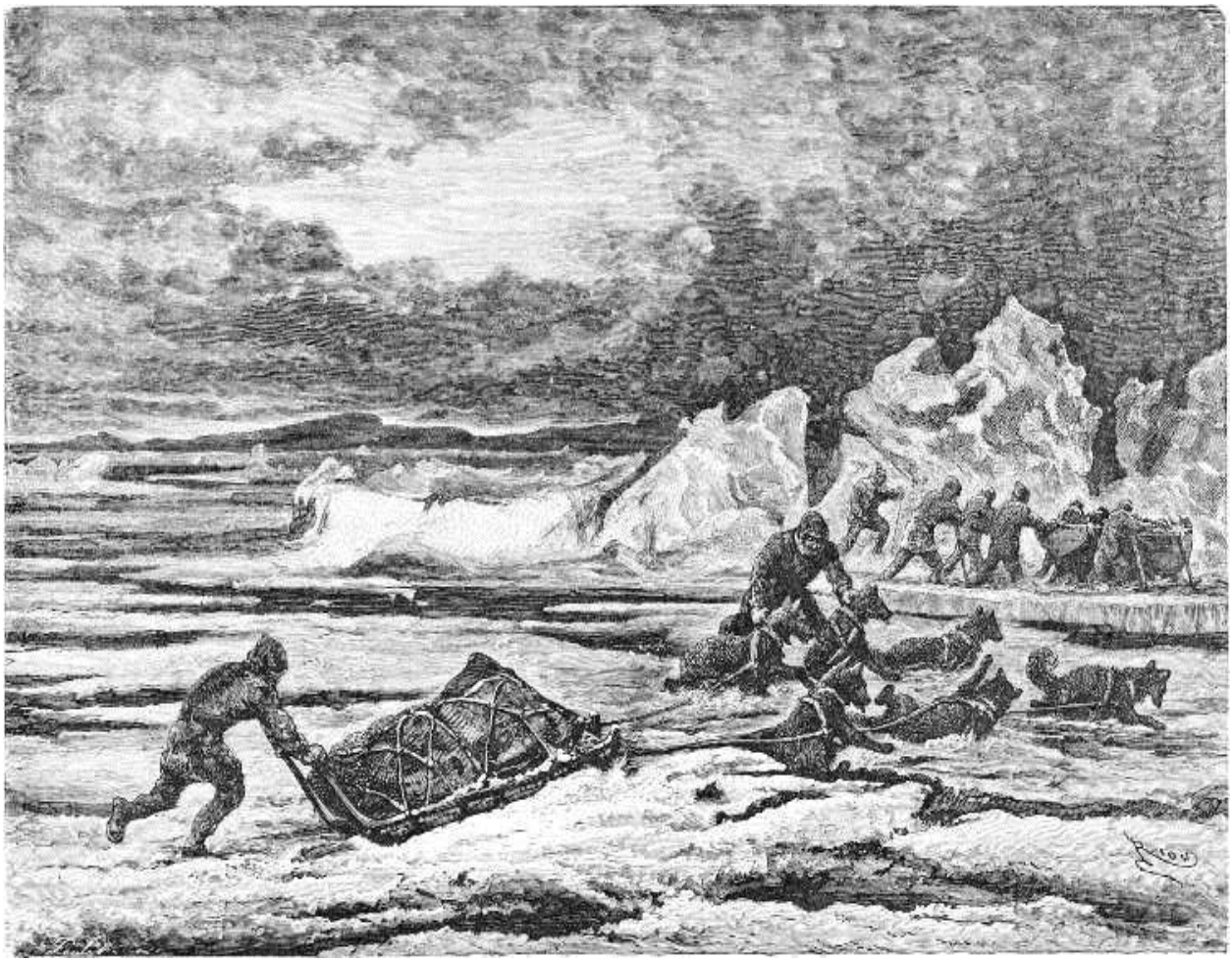
21 ноября капитан Тайсон записывает в своем дневнике: “Сейчас мы живем на то немногое, что человеческий организм может вынести, не сдаваясь; некоторые дрожат от слабости, когда пытаются ходить. Мистер Мейерс сильно страдает по этой причине; он был нездоров, когда вышел на лед, и здешний режим его не улучшил. Сейчас он живет с этими мужчинами; в основном они немцы, как и он сам, и, я полагаю, их сближает кровное родство.

С тех пор, как он поселился с мужчинами, я жил в хижине с Джо, Ханной и Пани. Пуни, бедный ребенок, часто бывает голоден; действительно, все дети часто плачут от голода. Мы даем им все, что безопасно использовать. Я больше ничего не могу сделать, как бы мне ни было их жаль”.

Но нет необходимости день за днем прослеживать невзгоды и страдания маленькой компании капитана Тайсона. Их жалкое положение — плывущие по течению на ледяном плоту, недостаточно одетые, недостаточно накормленные, плохо размещенные, без каких-либо удобств, которые обычно делают арктическую экспедицию сносной, страдающие от снежных бурь, в постоянном опасении, что их ненадежный плот разобьется, — не требует преувеличения красок, чтобы произвести полное впечатление на читателя. В январе 1873 года было обнаружено, что провизия истощается со страшной быстротой; и это было связано не столько с регулярным ежедневным потреблением, сколько с тайными хищениями команды, которая не контролировалась никакими узами дисциплины и подчинялась капитану Тайсону несовершенно и неохотно. Все они были немцами, за исключением Херона, англичанина, и повара, цветного человека, и их поведение было позором для их национальности. Они, по-видимому, думали, что их плот быстро несет их к Диско в Гренландии, где можно легко раздобыть обильные припасы; но на самом деле они дрейфовали в направлении Лабрадора, и безопасность всех требовала строжайшей экономии их небольшого запаса провизии.



ГАНСА ПРИНЯЛИ ЗА МЕДВЕДЯ.



ТРУДНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ.

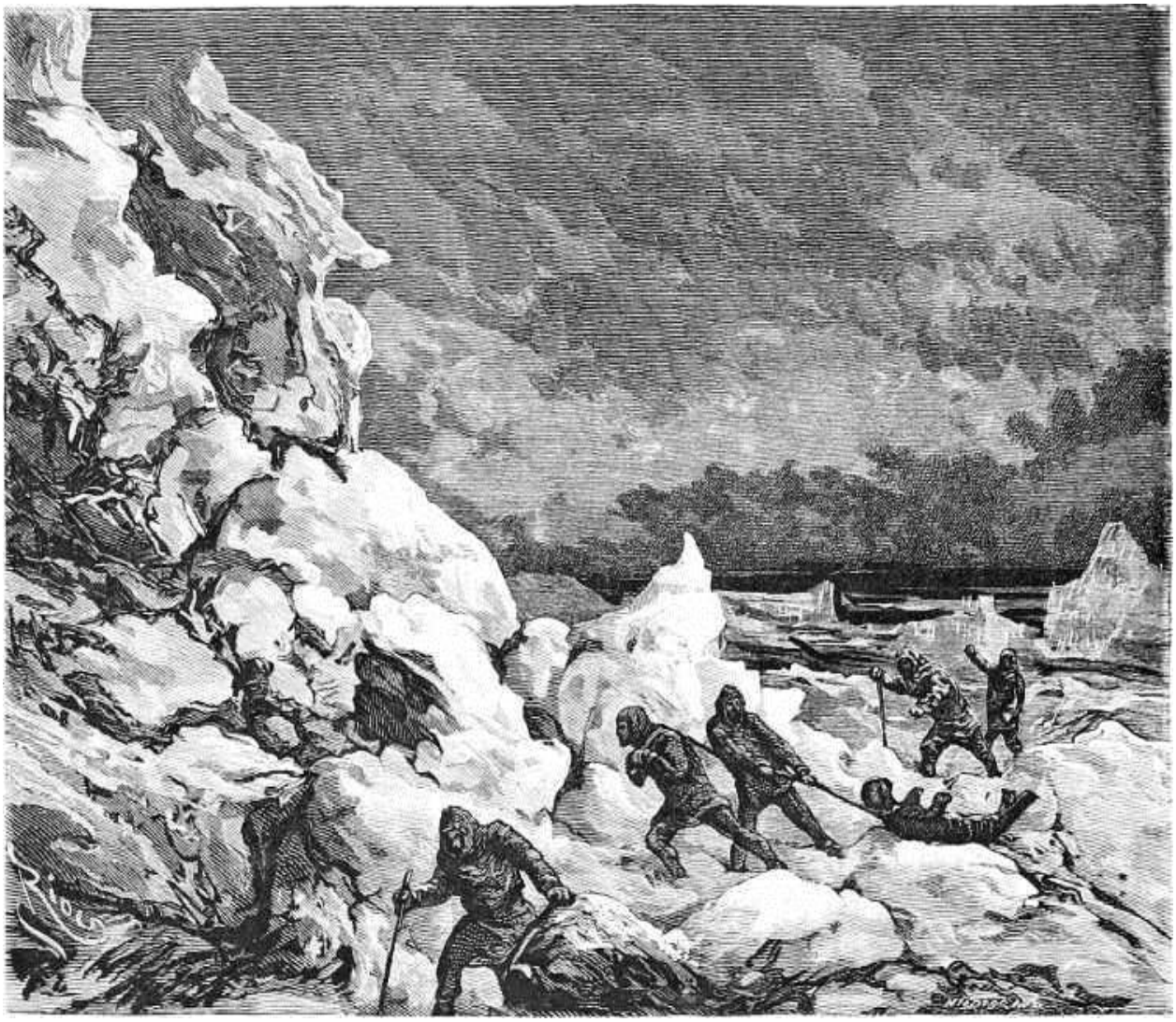
Холод теперь был невыносимым: -35 ° ниже нуля в полдень и 37 ° в полночь. 13-го числа температура опустилась ниже 40 °. Однако на следующий день поднялся сильный западный шторм; холод стал более умеренным — температура поднялась до -14°. Под воздействием шторма лед начал трескаться, перемалываться и раскалываться; туземцы спустили на воду каяк; была устроена охота на тюленя, и потерпевшие кораблекрушение славно попировали. Это, однако, было лишь кратковременным проблеском удачи. 17-го стекло снова опустилось до 38 °, и больше уплотнений видно не было. Теперь люди съедали менее двенадцати унций пищи в день, чего было недостаточно для обеспечения внутреннего тепла или для защиты организма от ужасных последствий арктического климата.

19-е число было, в какой-то степени, днем надежды, ибо после восьмидесяти трехдневного отсутствия солнце снова поднялось над туманным горизонтом. Эскимос Джо воспользовался рассветом, чтобы отправиться на охоту. Примерно в пяти милях от хижины он нашел открытую воду и подстрелил двух тюленей, но смог вытащить на берег только одного; молодой лед унес второго. Ободренный веселым сиянием солнца, он задержался на улице позже обычного, и, когда он вернулся, было уже очень темно. Был зажжен огонек из горящего ворвани, чтобы указать ему путь к хижине. Он сиял во мраке ночи, как фарос.

ПУТЕВОДНЫЙ СВЕТ.

25 января исполнился сто третий день плавания потерпевших кораблекрушение на ледяном плоту, и они остро ощутили всю монотонность своего убогого существования. День был прекрасный и совершенно безветренный; но термометр показывал 40 ° ниже нуля. В полночь небеса озарились всем великолепием ослепительного северного сияния. Они, казалось, пылали: с юго-запада на северо-восток, от горизонта до зенита, магнитные огни вспыхивали тут и там, колебались и колыхались, подобно пламени, гонимому сильным ветром. Одно время великолепие было почти ошеломляющим, и напряженный глаз был вынужден искать утешения в темноте.

1 февраля поднялся сильный шторм, дувший с северо-запада, и лед, качавшийся под его воздействием, раскололся на большие трещины, которые угрожали безопасности потерпевших кораблекрушение. От льдины отвалились огромные глыбы, и огромные айсберги, которые до сих пор сопровождали ее и частично прикрывали, быстро сдвинулись с места по ветру. Все свидетельствовало о мощи бури; но пока что искателей приключений ничто не потревожило, хотя они были окружены горами льда, достаточно тяжелыми, чтобы, если их столкнуть с их лагерем, разнести их на атомы. До сих пор они плыли благополучно, но положение было таким, что заставляло задуматься: они знали, что рано или поздно лед должен треснуть; но выживут ли они в катастрофе, было невозможно предположить. Им оставалось только ждать и надеяться.



ТАЩУ ТЮЛЕНЯ.

Вот фотография внутреннего убранства одного из *игло*, или снежных хижин:-

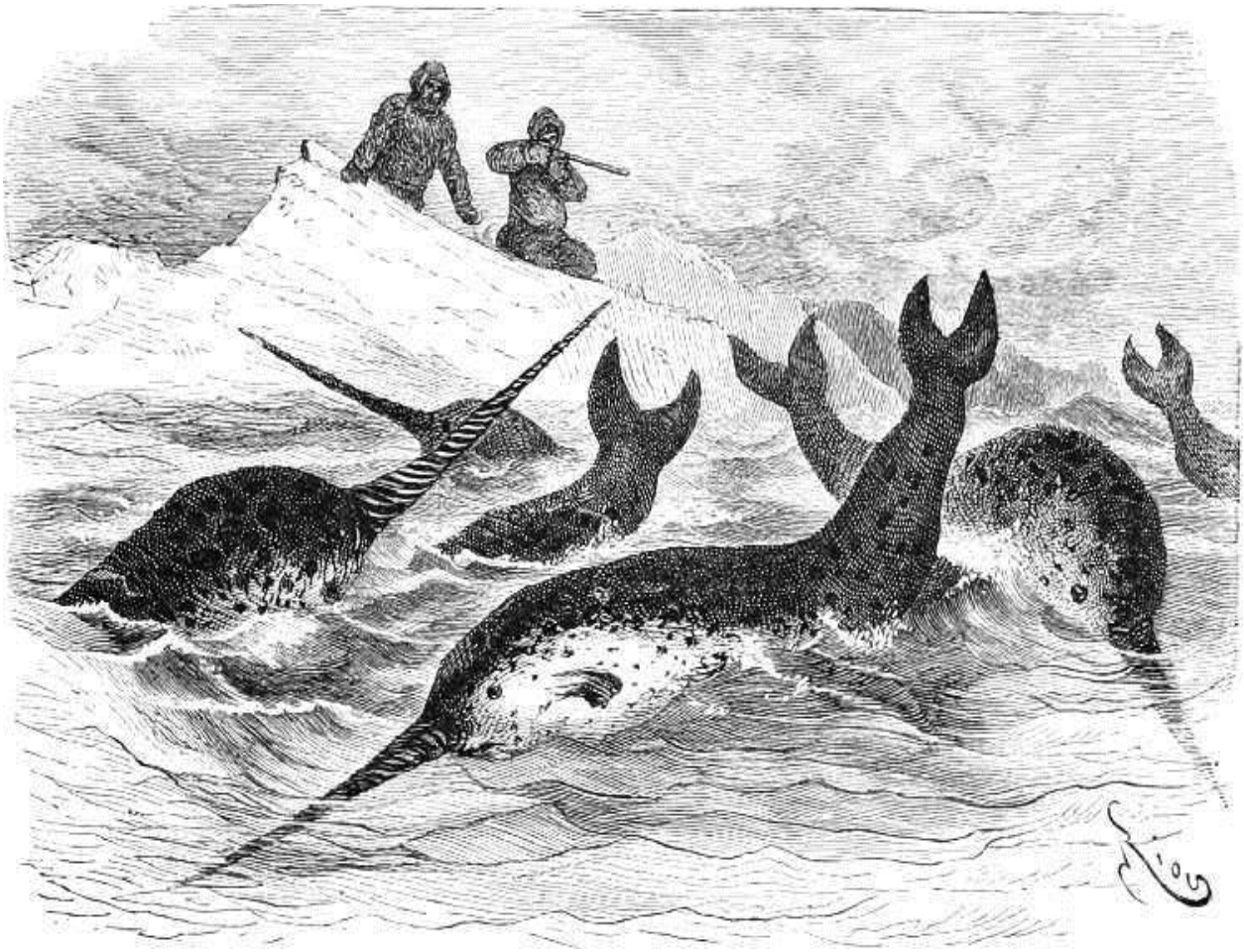
“Джо и Ханна сидят перед лампой и играют в шашки на старом куске холста, квадраты размечены карандашом Тайсона. Они используют пуговицы для мужчин, так как у них нет ничего лучше. Туземцы легко осваивают любую игру; некоторые из них могут даже прилично сыграть в шахматы; в картах они разбираются не хуже "китайцев-язычников’. Карты ходят везде, куда ходят моряки, и первые уроки, которые получают уроженцы любой нецивилизованной страны, обычно получают от моряков.

“Маленькая Пани, приемная дочь Джо и Ханны, маленькая девочка, сидит, завернувшись в шкуру мускусного быка; каждые несколько минут она говорит своей матери: "Я *так* проголодалась!’ Дети часто плачут от голода. У кого-то от этого болит сердце, но они вынуждены терпеть это вместе со всеми”.

Шторм продолжился 2—го числа с ослепляющими потоками снега - мелкого, пронизывающего, едкого. На следующий день погода испортилась, и температура поднялась до 15 ° ниже нуля. Горизонт заволокли темные тучи, не позволяя разглядеть землю, если поблизости был какой-либо берег. Но быстрое повышение температуры после столь сильного северо-западного шторма позволило Тайсону надеяться, что ветер справился с течением и подгоняет их к берегу Гренландии.

ВОЗВРАЩЕНИЕ СОЛНЦА.

Хотя вокруг не было видно ничего, кроме льда и айсбергов, в этой сцене была своя особая красота — странная, сверхъестественная красота, похожая на картинку из сна. Когда солнце освещало айсберги и их массивные или фантастические формы, все призматические цвета радуги переливались через “хрустальные подвески“ или ”выступающие пики". Интерес к этой сцене усиливался разнообразием ее форм. Казалось, у каждого айсберга была своя индивидуальная история, а его изломанные очертания и бороздчатая поверхность свидетельствовали о пережитом — шторме и дожде, ветре и воде. Некоторые возвышались вокруг потерпевших кораблекрушение подобно прочным крепостным валам; другие представляли собой шпиль готического собора, вершину турецкого минарета, сверкающие стены дворца: все были прекрасны, но в то же время ужасны в своей красоте, передавая глубокое ощущение мощи и разрушительной силы.



СТРЕЛЬБА ПО НАРВАЛУ.

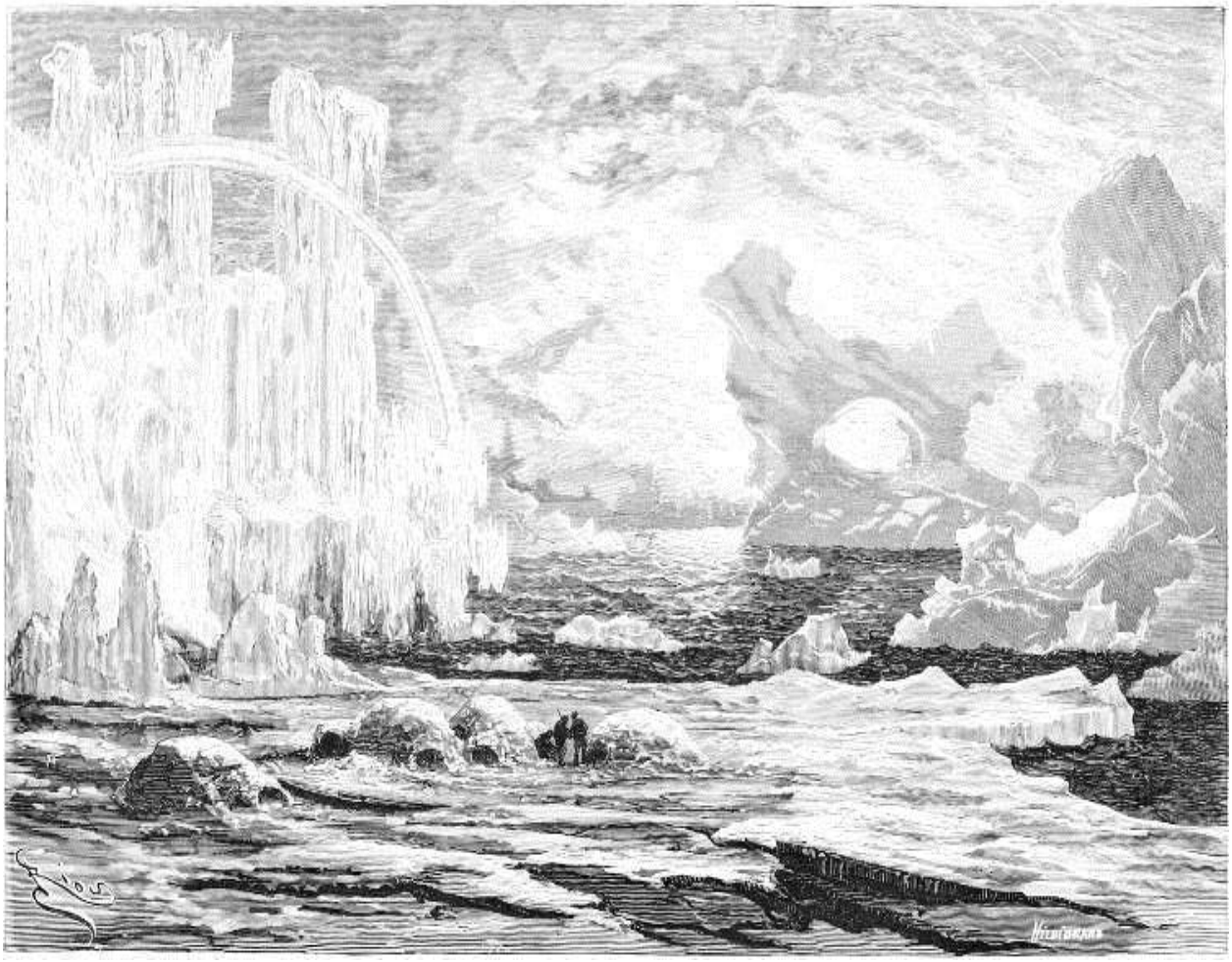
5-го и еще раз 7-го числа был пойман тюлень, и маленькая компания насладилась обильной трапезой. В последний день была подстрелена пара нарвалов, но оба затонули прежде, чем до них удалось добраться. Этих нарвалов иногда называют морскими единорогами, или монодонами, имея в виду длинный рог, от шести до восьми футов в диаметре, или, скорее, удлиненный зуб, выступающий из верхней челюсти; грозное оружие, сужающееся от основания к кончику, с закручиванием спиралью слева направо. Первые мореплаватели рассказывали об этих морских единорогах странные истории, но наука быстро справилась с легендами и вымыслом.

Изо дня в день история *наших* мореплавателей была одной и той же; никакой волнующей романтики, а суровая реальность: ветер и снег, снег и ветер — ветер, который почти замораживал кровь у тех, кто подвергался его воздействию, и снег, который падал так быстро и густо, что окутывал местность мраком запустения. И все же ледяной плот дрейфовал на юг; медленно, но верно дрейфовал сквозь ночную тьму и сумеречный мрак дня; в то время как маленькая компания, которую он нес, сильно страдала от растущей слабости, хотя и была лучше обеспечена пищей, чем раньше, из-за частой поимки нарвалов и тюленей. Время от времени туман рассеивался, и солнце изливалось в меридиональном великолепии, освещая каждую черту “ледяного ландшафта" — можно ли подобрать такое

слово? — вокруг них. Но слишком часто “снег и ветер, ветер и снег” были, как замечает Тайсон, “в порядке вещей”.

Надежда вечно живет в человеческой груди; и хотя она совсем угасла в сердцах наших искателей приключений, она внезапно возродилась 19 февраля, когда они увидели западное побережье на расстоянии не более тридцати восьми-сорока миль. Его пламя было поддержано 21-го числа открытием, что столбик термометра поднялся до 3 ° выше нуля. На следующий день температура поднялась до 20 °, или в пределах 12 ° от точки замерзания; и люди, привыкшие к суровым условиям арктической зимы, с радостью отзывались о такой погоде как “очень комфортной”. Теперь омрачала эту перспективу нехватка еды, потому что дичь начала падать. Охотники отправлялись в путь каждое утро, но возвращались с пустыми руками. Слабость отряда возросла до угрожающей степени. Потребовалось несколько человек, чтобы нести легкий эскимосский каяк, который для обычного человека даже не в тягость. Что было делать? Казалось, единственный шанс выжить заключался в том, чтобы добраться до берега; но как эти изможденные, хрупкие скелеты могли провести свою лодку по неровному льду до открытой воды?

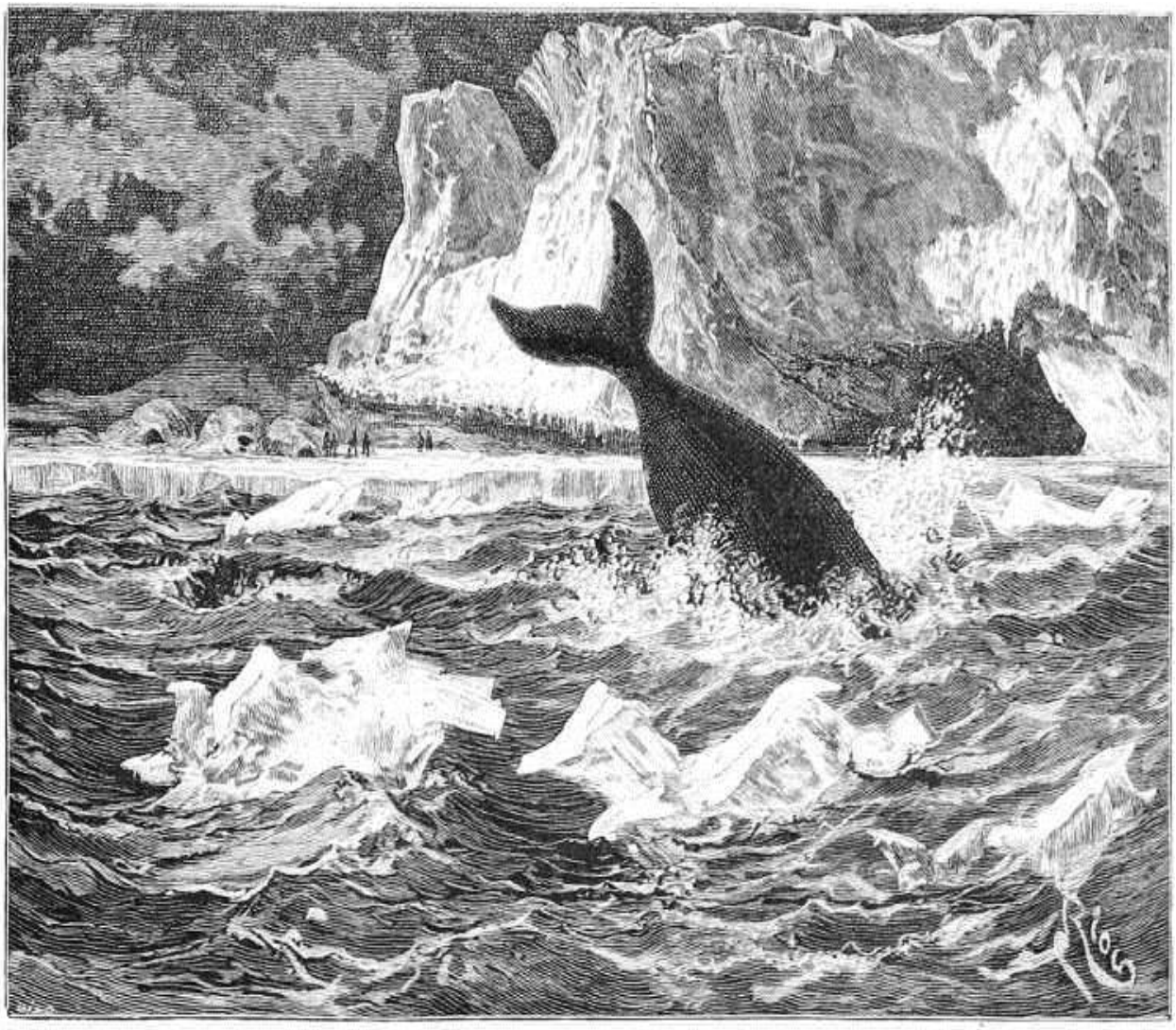
ПЕРЕТАСКИВАНИЕ УГДЖУКА (СМ. стр. 295).



ВЛИЯНИЕ СОЛНЕЧНОГО СВЕТА В АРКТИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ (СМ. стр. 291).

Однако они решили предпринять эту попытку в надежде достичь места под названием Шаумен, расположенного немного севернее мыса Мерси, в лат. 65 ° северной широты, где водилась дичь, а иногда и эскимосы. Несмотря на все их усилия, они потерпели неудачу из-за череды ослепляющих, хлещущих, избивающих снежных бурь. Температура ртутного столба снова опустилась до 24 ° ниже нуля, и их положение стало отчаянным. Они были сведены к одному приему пищи — и такому приему пищи! —*в суточные*. Велика была их радость 28-го числа, когда охотники принесли тридцать семь голубятен, или по две штуки на каждого. Их приготовили без промедления и съели до последнего кусочка, кроме перьев. Еще большей была их радость 2 марта, когда эскимос Джо подстрелил монстра угджука (крупный вид тюленя), самого крупного из всех, кого они когда—либо видели, - такого монстра, что потребовались все руки, чтобы дотащить его тушу до хижин. Питер танцевал и пел в припадке восторга, и все почувствовали, что на какое-то время они спасены от голодной смерти. При измерении этот великолепный угджук оказался семи футов девяти дюймов в длину, или полных девяти футов, включая хвост.

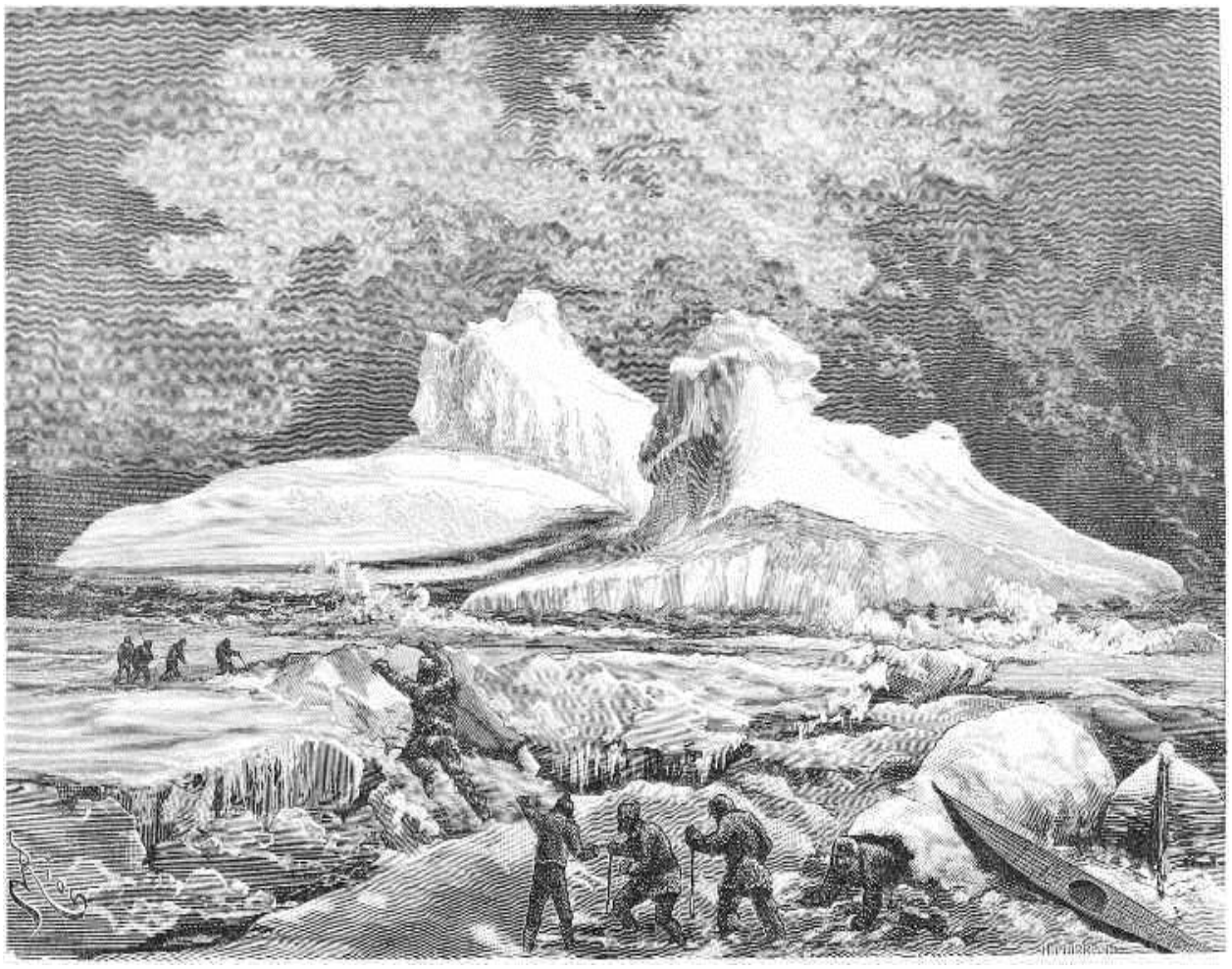
Ледяной плот приближался к заливу Камберленд, и Тайсон подсчитал, что они достигли широты. 65 ° Северной широты. Их относило все быстрее и быстрее; и если они не умрут от голода, — если лед не расколется слишком внезапно, — была вероятность, что они доберутся до китобойных угодий и наткнутся на какое-нибудь дружественное судно. Штормы, однако, были частыми и сильными; столбик термометра оставался очень низким — от 32 ° до 34 ° ниже нуля; и страдания всей компании были невыносимыми. Даже эскимосы были серьезно поражены; хотя без этих смелых и терпеливых охотников белые люди, несомненно, погибли бы.



ПЕРВЫЙ ВЗГЛЯД НА КИТА.

7 марта появились признаки разрушения льдины. Она треснула под ними со звуком, похожим на раскаты далекого грома. Однако на поверхности не было видно никаких признаков разлома; глаз, устремленный во все стороны, не видел ничего, кроме сплошного ледяного покрова. И так продолжалось до 12-го, когда во время ужасного шторма произошла угрожавшая катастрофа: ледяной плот внезапно разлетелся на сотни кусков, на одном из которых, размером не более ста ярдов на семьдесят пять,авантюристы оказались плывущими по течению! О, какую ужасную ночь тревоги провели они, каждую минуту ожидая, что и эта часть тоже рухнет и ввергнет их в разорение! Но все держалось вместе; и когда ветер стих, и снег перестал падать, и дикий грохот ломающегося льда утих, они смогли оглядеться вокруг и осознать свое положение. Состояние льда претерпело абсолютные изменения; “льдины” были собраны в ”пак", и огромные глыбы всех форм и размеров были нагромождены и прижаты друг к другу в неразберихе.

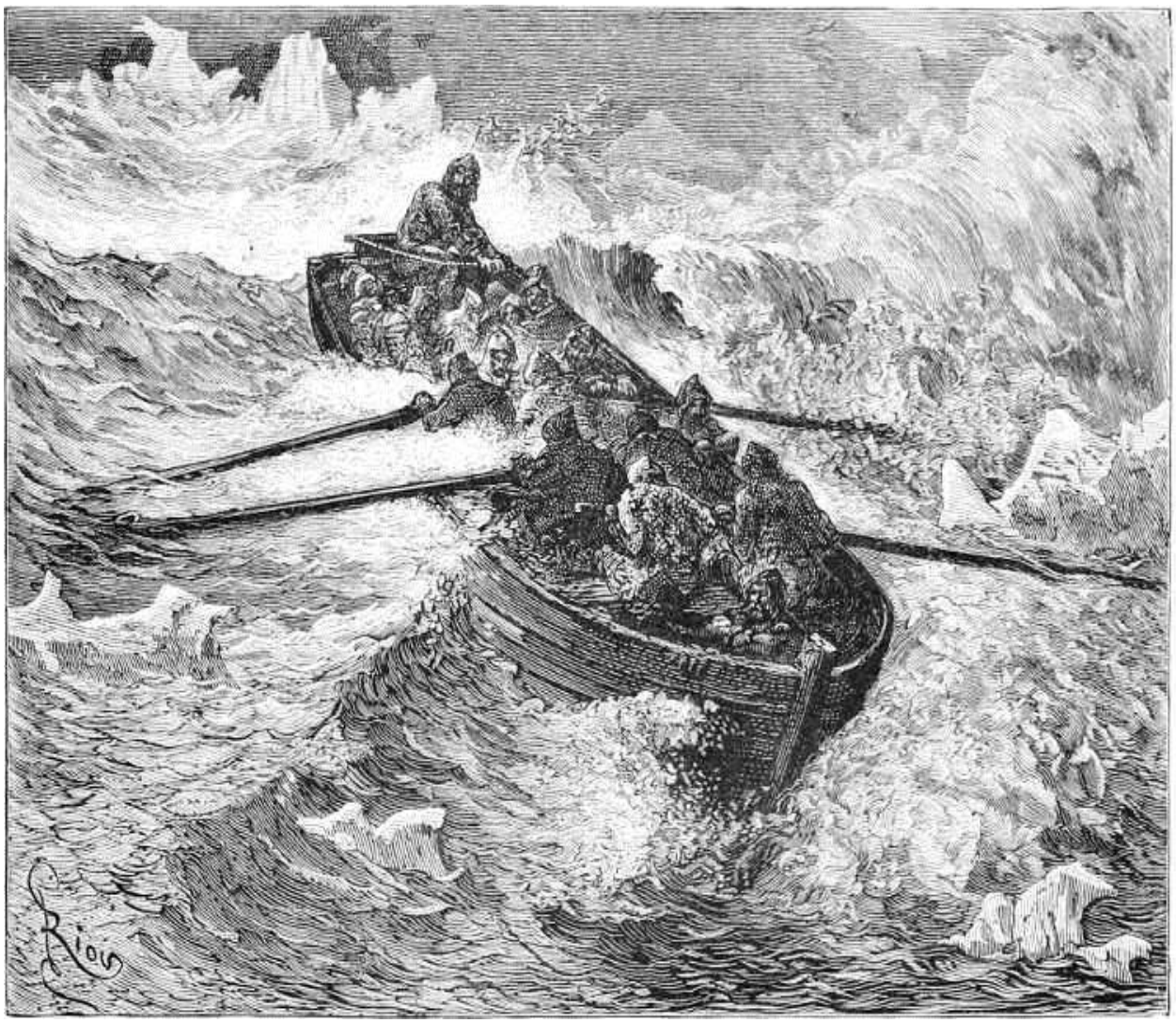
ЛИЦОМ К ЛИЦУ С БЕЛЫМ МЕДВЕДЕМ.



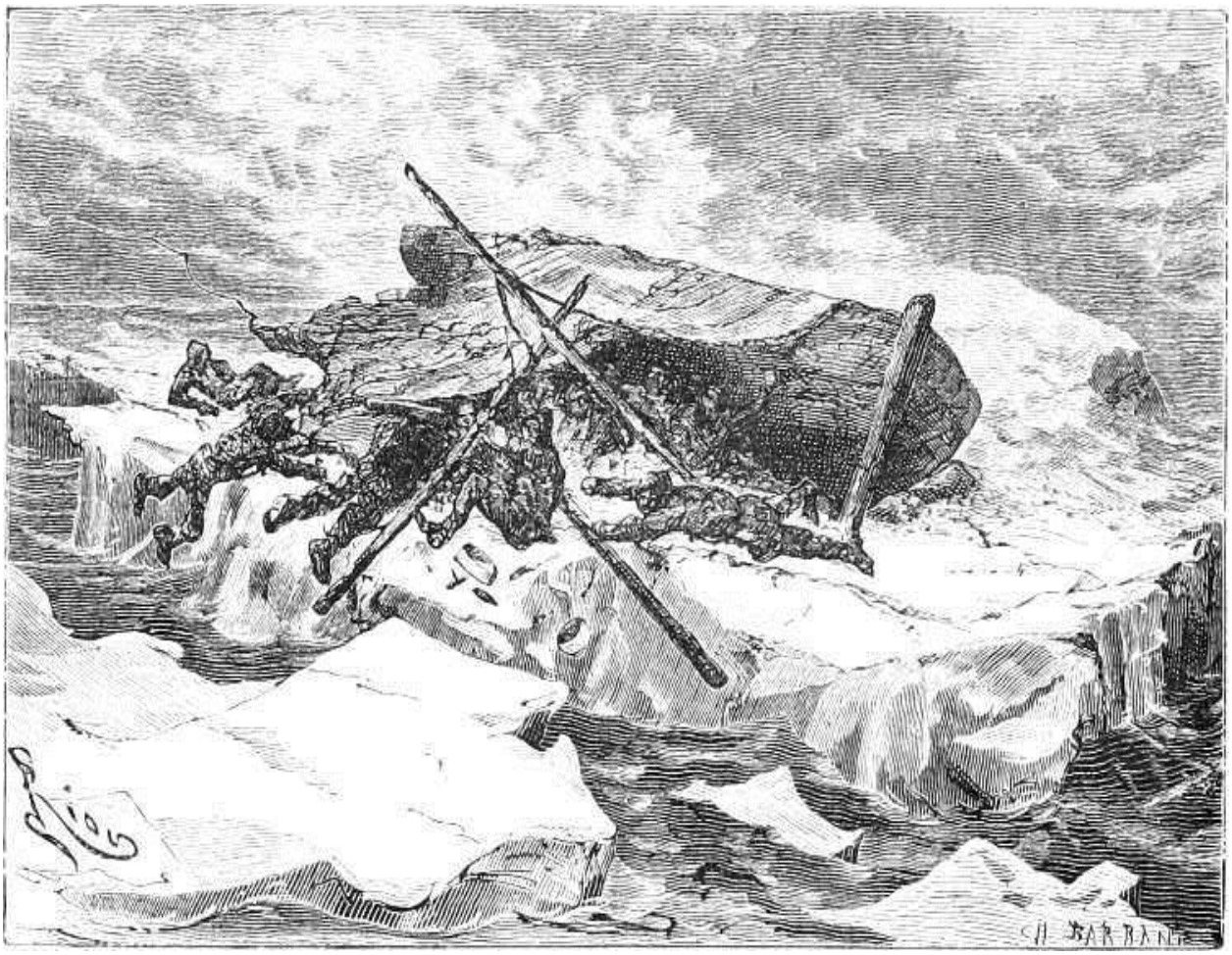
ЛЕДЯНОЙ ПЕЙЗАЖ АРКТИКИ (СМ. стр. 292).

Отметив, что 21 марта семь тюленей пополнили пустую кладовую наших искателей приключений и что 26—го числа впервые были видны киты - желанный знак, указывающий на их приближение к местам лова, — мы переходим к 29-му, которое было отмечено любопытным происшествием. Вскоре после наступления темноты Тайсон услышал шум возле своей хижины; он только что снял ботинки, готовясь к отдыху; Джо тоже собирался ложиться спать, но, подумав, что лед тронулся, он вышел посмотреть на “ситуацию”. Через несколько секунд он поспешно вернулся, бледный и испуганный, и воскликнул: “К моей байдарке приближается медведь!” Байдарка лежала в десяти футах от входа в хижину. Винтовки Джо и Тайсона были снаружи; Джо был в каяке, а Тайсон лежал рядом с ним; но у Джо был свой пистолет в хижине. Капитан надел сапоги, и затем оба осторожно вылезли наружу. Тюленьи шкуры и комки жира валялись во всех направлениях; и Бруин, оттащив некоторые из них примерно на тридцать футов от каяка, непринужденно пировал. Джо прокрался в хижину моряков, чтобы встревожить их. Тем временем Тайсон украдкой подобрался к своей винтовке, но, хватая ее, сбил стоявший рядом дробовик. Медведь услышал это, но винтовка Тайсона уже прикрывала его; он зарычал; Тайсон нажал на спусковой крючок, но ружье не выстрелило; второй и третий раз — пуля не выстрелила; но Тайсон выстрелил, потому что медведь теперь полностью бросился на него. Вернувшись в хижину, он вставил еще один патрон, а затем снова выполз на открытое место, заняв позицию, откуда мог видеть животное, хотя ночь была темной. Медведь тоже увидел нападавшего и повернулся к нему лицом; но на этот раз пуля попала точно в цель; медведь пробежал около двух прутьев и упал замертво.

Жертвой оказался “морской медведь”, *Ursus maritimus,* и он обеспечил компании на ледяном плоту долгожданную смену рациона.



НА БОРТУ ЛОДКИ.



РАСКАЛЫВАНИЕ ЛЬДА.

ДЖО ЛОВИТ ТЮЛЕНЯ.

Поскольку лед постепенно таял, искатели приключений с *"Полариса"* решили попытаться вернуть основную стаю, которая, несомненно, была бы безопаснее. Со своими спальными принадлежностями, палаткой и запасом дроби и пороха они погрузились на борт лодки и держали курс на запад; и 4 апреля, после ряда тяжелых испытаний, достигли “пака”. Здесь положение их было ненамного лучше, так как с северо-востока дул сильный шторм, лед начал откалываться огромными кусками; и вскоре территория, находившаяся по команде штурманов, стала настолько мала, что они были вынуждены перегрузить лодку и приготовиться к поспешному отплытию. Ветер, однако, стих, стая сомкнулась, и все вернулось в свое нормальное состояние.

НОЧЬ СТРАХА (СМ. стр. 296).

18 апреля потерпевшие кораблекрушение несколько приободрились после поимки тюленя, которого Джо доставил на берег на своей байдарке, и появления земли к юго-западу. Но в этом диком арктическом регионе погода весной подвержена удивительным изменениям, и 20-го числа начал дуть еще один шторм. Его ярость была такова, что на ледяной плот обрушилась сильная морская зыбь, которая смыла все незакрепленные предметы. Волна за волной накатывали со все возрастающей силой; палатка, шкуры и почти все постельное белье были унесены в кипящую воду. Спаслось лишь несколько вещей, которые вместе с женщинами и детьми были уложены в лодку. Спасти лодку было поручено силами всего отряда, который должен был держаться за нее изо всех сил, чтобы не допустить ее уноса в море. Всю ужасную ночь люди были начеку, готовясь к этой главной катастрофе; всю унылую ночь, с 9 ЧАСОВ ВЕЧЕРА до 7 УТРА, напрягая каждый нерв, задействуя каждый ресурс энергии. Время от времени одна из огромных волн обрушивалась вниз и поднимала лодку целиком, а вместе с ней и людей, и несла ее вместе с ними вперед по льду, почти к противоположному краю плавучего плота; несколько раз лодка частично переворачивалась, и ее тянули обратно только благодаря сверхчеловеческой силе, которую команда черпала из знания своего положения. Лодка пропала, все было потеряно! Ужасной была работа; будь вода спокойной, задача была бы нелегкой; но они были заполнены рыхлым льдом, который валялся глыбами всех форм и размеров, и почти с каждой волной они опрокидывались, перекатывались и неслись вперед, как лавина, и падали на головы и конечности людей, отчаянно цеплявшихся за лодку. Но Бог милостиво снабдил их силой, в которой они нуждались; и поэтому, трудясь изо всех сил, они ждали наступления дня. В

течение двенадцати часов не раздавалось ни звука, кроме плача детей и строгой команды Тайсона “Держаться” или “Давить” с ответным “Есть, есть, сэр” мужчин.

“ВОДНЫЙ АД”.

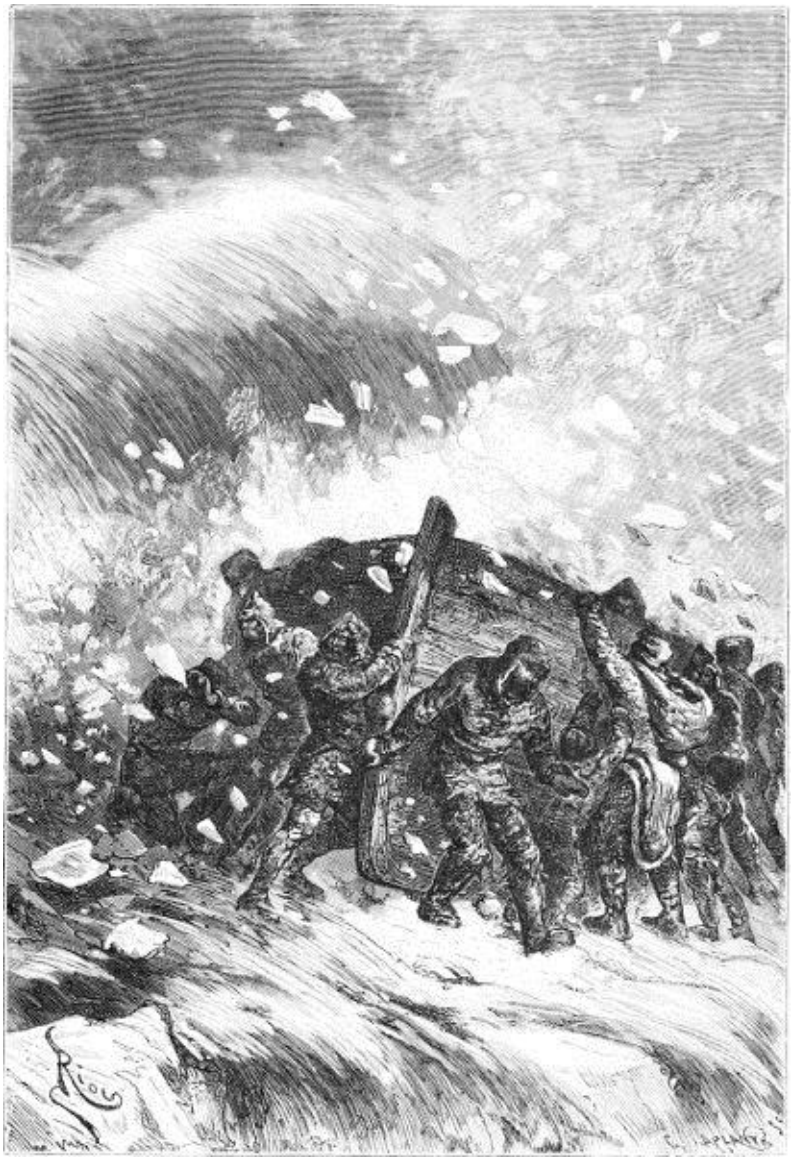
Наконец рассвело, тусклый серый свет окутал беспокойное море, и Тайсон с неописуемой благодарностью увидел большой ледяной плот, плывущий в пределах досягаемости. Он решил доплыть до него, хотя матросы не решались спускать лодку на воду в таком “аду”. Но дело было сделано; сначала на борт поднялись женщины и дети, а затем все мужчины оказались в безопасности. Изо всех сил подтягиваясь, они добрались до льда, высадились на берег, подкрепились кое-какой пищей, а затем на этом новом ледяном плоту прилегли отдохнуть. Следующее утро застало их “целыми и невредимыми” после всех испытаний, за исключением нескольких ушибов.

22 апреля был убит еще один медведь, и как раз вовремя, потому что у всего отряда не осталось ни кусочка пищи. Этого им хватило на три или четыре дня; а затем, 25-го, когда голод снова встал перед ними, они решились на отчаянную попытку овладеть землей. Что еще им оставалось делать? Дождь лил как из ведра; ветер дул ураганный; ледяной плот постоянно таял; у них не было провизии. Правда, лодка была хрупкой и прохудившейся, а море поднялось высоко; но так как лед больше не позволял им даже стоять на ногах, им пришлось принять вынужденное решение.

ЗАТАСКИВАНИЕ ЛОДКИ НА ЛЬДИНУ.

Итак, в своей искалеченной, перегруженной лодке они отправились в путь, ветер дул штормовой, а по огромному морю бушевали маленькие, похожие на ножи льдинки. После восьмичасовой работы на веслах они подошли к куску льдины и расположились на ней лагерем на ночь. На рассвете 28-го они снова спустили на воду свою лодку; и после долгих утомительных усилий по прокладыванию пути сквозь флотилию айсбергов они вышли в сравнительно открытую воду.

В половине пятого - радостное зрелище!— прямо по курсу пароход, держащий курс на север от них. Потерпевшие кораблекрушение подняли свои знамена и направились к нему. Она ловила тюленей, направляясь на юго-запад и пробираясь сквозь плавучий лед. Сердца потерпевших кораблекрушение бились от радости при мысли о скором спасении; но, увы, они были обречены на разочарование! Она не видела жалкую маленькую компанию в перегруженной лодке; и им было невозможно догнать ее. Над морем сгустилась ночь, и она исчезла.



ЦЕПЛЯЮСЬ За ЛОДКУ (СМ. стр. 308).

Добравшись до подходящего участка льдины, они взобрались на нее и снова разбили лагерь на ночь под небом, которое было ясным и спокойным и сияло великолепием звезд. Море тоже было спокойным, и, несмотря на свое разочарование, они почувствовали больше надежды, чем прежде; было очевидно, что они достигли границ цивилизации и могли рассчитывать на помощь. Тюленьим жиром они разожгли на льду сигнальные огни и разделили своих людей на две вахты.

На следующий день они заметили другой пароход, спустили на воду свою лодку и энергично потянули к ней. Напрасно: она их не видела, и после пары часов напряженной работы они оказались зажатыми льдом и не могли продвигаться вперед. Они высадились на льдину и подняли свои знамена; собрали и зарядили все свои ружья и пистолеты и наполнили эхо звонким звуком трех одновременных залпов. В ответ они услышали три выстрела и — великолепное зрелище! — увидели, что пароход направляется к ним. Они кричали изо всех сил, но в пронизывающем воздухе их голоса, казалось, беззвучно затихали. Вскоре пароход изменил курс, повернув на юг, затем на север, затем на запад, как будто тщетно пытался пробиться сквозь скопившийся лед. И все же, казалось, на ее пути не было

непреодолимого препятствия. Беглецы стреляли снова и снова, но судно не подходило ближе и ближе к вечеру ушло на юго-запад.

На закате они увидели землю в том же направлении, примерно в тридцати пяти милях.

На следующий день, 30 апреля, Тайсон лежал в лодке, его вахта только что закончилась, когда вахтенный внезапно крикнул: “Там пароход! там пароход!” Словно свежая жизнь влилась в его вены, Тайсон вскочил на ноги, приказал открыть огонь из всех орудий, присоединился к своим товарищам в громком одновременном крике и поднял их знамя на верхушке мачты лодки. Ганс вскочил в свой каяк и был послан перехватить судно, если это возможно, так как существовала некоторая опасность потерять его из виду в стоявшем тумане; но, к счастью, оно неслось прямо на них. Ганс греб дальше и на своем ломаном английском прокричал: “Американский пароход”. Те, кто был на борту, не поняли его, но они продолжали следовать своим курсом и через несколько минут оказались рядом с ледяным островом, который приютил Тайсона и его компанию. О, какие три громких, сердечных, радостных возгласа приветствовали их избавление! Они были немедленно возвращены экипажем парохода, который, как оказалось, ловил тюленей *Tigress*из залива Консепсьон, Ньюфаундленд.

Мы цитируем лаконичный рассказ капитана Тайсона:-

“Две или три их маленькие тюленьи лодки были немедленно спущены на воду. Мы, однако, теперь, когда облегчение было несомненным, побросали все со своей лодки, и через минуту она была в воде; в то время как подошли лодки "*Тигрицы*", и команда вышла на наш кусок льда и с любопытством заглянула в грязные кастрюли, которые мы использовали над масляными кострами. Мы готовили суп из крови и внутренностей последнего маленького тюленя, которого подстрелил Ганс. Вскоре они увидели достаточно, чтобы убедиться, что мы в нем остро нуждаемся. Не требовалось слов, чтобы сделать *это* понятным.

Посадив женщин и детей в их лодки, мы перебрались в свою и вскоре были рядом с “*Тигрицей*". Мы оставили все, что у нас было, и все, что у нас было, - это просто несколько помятых закопченных жестяных сковородок и *обломки* нашего последнего тюленя. В наших глазах оно уже превратилось в субпродукт, хотя мы часто радовались такому угощению.

“Когда я поднялся на борт, меня сразу же окружило множество любопытствующих людей — я имею в виду мужчин, преисполненных любопытства узнать нашу историю, и все они задавали вопросы мне и этим людям. Я рассказал им, кто я такой и откуда мы родом. Но когда они спросили меня: "Как долго вы были на льду?" и я ответил: "С 15 октября прошлого года", - они были так поражены, что буквально остолбенели от изумления.

Один из участников вечеринки, глядя на меня с широко раскрытыми от удивления глазами, воскликнул: -

“*И вы занимались этим днем и ночью?*"

Странное выражение тона и абсурдность вопроса были слишком велики для моей вежливости. Я невольно рассмеялся, и мои давно не упражнявшиеся шутки вызвали непривычное ощущение”.

Тайсона и его группу задержали в лат. 53 ° 35’ северной широты; факт, который даст читателю некоторое представление об удивительном путешествии, совершенном ими на различных ледяных плотах.

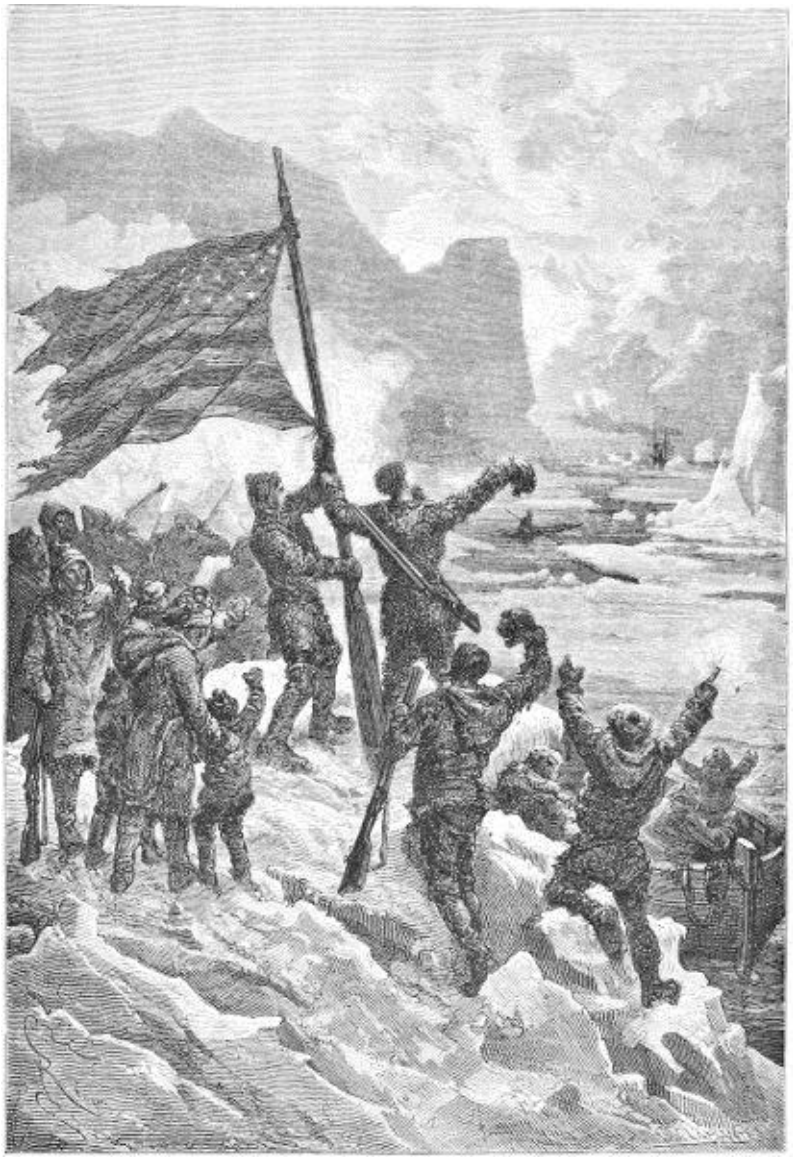
На борту "*Тигрицы*", которая 7 мая повернула голову в сторону Ньюфаундленда, к ним относились с заботливой добротой. На следующий день она зашла в залив Консепсьон, где высадились американцы, и оставалась там до 12-го. Затем они отправились в Сент-Джонс, и

известие об их замечательных приключениях, предшествовавшее им, по прибытии стало предметом самого всеобщего и живого любопытства. После короткого пребывания они были доставлены в Вашингтон на борту американского парохода *Frolic*. И вот заканчивается их странная, насыщенная событиями история.

Теперь мы должны вернуться к *Полярной звезде*.

Когда судно дрейфовало в темноте той штормовой ночи, на борту его находилось четырнадцать человек: капитан Баддингтон, доктор Эмиль Бессель, господа Дж. Брайан и Честер, а также десять офицеров и матросов. Что стало с ними и их судном? Таков был естественный вопрос, возникший после благополучного прибытия в Вашингтон Тайсона и его спутников; и американское правительство быстро пришло к решению организовать группу помощи для поиска и возвращения выживших и останков, если таковые имеются, экспедиции *"Поларис"*. Для заблаговременного формирования склада припасов на побережье Гренландии был немедленно отправлен пароход *Juniata*. 31 июля она достигла Упернавика и там пустила в ход свой паровой катер "*Маленькая Джуниата"*, который, управляемый доблестной командой, продвинулся вперед в ледяных водах залива Мелвилл, но так и не наткнулся на какие-либо следы пропавших исследователей. Тем временем американское правительство приобрело "*Тигрицу*" и подготовило ее к основательному плаванию по арктическим морям. С капитаном Гриром под командованием и мистером Тайсоном в качестве исполняющего обязанности лейтенанта, а также командой из одиннадцати офицеров и сорока двух матросов, “в общем”, "*Тигрица* отплыла вечером 14 июля и бросила якорь в Сент-Джонсе утром 23-го.

11 августа мы находим ее в Упернавике, где она приняла на борт запас угля с "*Джуниаты*". Затем она двинулась на север, столкнувшись с тяжелым паковым льдом у мыса Йорк. 14-го ее видели у эскимосского поселения Нетлик. Теперь она приближалась к острову Нортумберленд, в окрестностях которого, как предполагалось, или острова Литтлтон, "*Полярис*" отделился от льдины. Капитан Грир тщательно обследовал остров Нортумберленд, но безуспешно. Затем он направился к острову Литтлтон; для высадки на берег была спущена шлюпка, на борту которой находились лейтенант Уайт, капитан Тайсон и другие офицеры. Каково же было их удивление, когда, приблизившись, они обнаружили несколько человеческих фигур и пару палаток на материке, недалеко от острова Литтлтон. Фигуры оказались эскимосами; и через посредство эскимоса Джо, находившегося на борту “*Тигрицы*”, вскоре было установлено, что капитан Баддингтон покинул "*Поларис"* на следующий день после того, как она отделилась от льдины; что он и его товарищи построили дом на материке и перезимовали в нем; оборудовали его спальными местами для четырнадцати человек, всего числа, и снабдили его печью, столом, стульями и другими предметами, снятыми с покинутого корабля; что за зиму отряд построил и оборудовал убежище для четырнадцати человек. пара парусных лодок; и что "примерно в то время, когда утки начинают вылупляться", они отплыли на юг.



СПАСЕН!

Эскимосский вождь добавил, что капитан Баддингтон подарил ему "*Поларис*", но этот подарок не возымел действия, поскольку во время сильного шторма судно оторвалось ото льда, отнесло течением в ла-манш и затонуло.

Дальнейшие поиски привели экипаж "*Тигрицы* к зимнему лагерю команды "*Поларис*". Он был расположен в широте. 78° 23’ Северной широты и длинный. 73° 46’ с.ш. Там были найдены некоторые рукописи, судовой журнал, медицинские припасы и остатки инструментов; и все это, а также все остальное, что казалось ценным, было перевезено на борт "*Тигрицы*", экспедиция двинулась на юг и 16 октября достигла Сент-Джонса, Ньюфаундленд, где они получили долгожданное известие о спасении группы "*Поларис"* при обстоятельствах, о которых мы сейчас расскажем.

Мы возвращаемся к богатой событиями ночи 15 октября 1872 года. Во время сильнейшего шторма, который тогда бушевал у арктического побережья, носовой трос “*Полариса*” оборвался, как "вьючная нить", якоря соскользнули, и корабль унесло течением в темноту. Ветер гнал судно в северо-восточном направлении; и на следующее утро

находившиеся на борту обнаружили его “немного севернее острова Литтлтон, в проливе Смит, находясь часть ночи точно на одной линии с островом Сазерленд”.

Поскольку она быстро давала течь, были приведены в действие насосы; и когда с большим трудом разожгли костры, корабль был вынужден повиноваться рулю. Затем было установлено, что на борту остались следующие офицеры и матросы: капитан Баддингтон; мистер Честер, старший помощник; Уильям Мертон, второй помощник; Эмиль Шуман, главный инженер; Оделл, помощник инженера; Кэмпбелл и Бут, кочегары; Коффин, плотник; Симан, Хобби, Хейс и Манч, моряки; доктор Эмиль Бессель, метеоролог; и мистер Брайан, астроном и капеллан.

Говорят, что за девятнадцатью пропавшими без вести наблюдали, но никаких признаков их обнаружения обнаружено не было, и капитан Баддингтон пришел к выводу, что они спаслись в шлюпках. Сомневаясь в возможности переноса *"Поларис"* на юг, он решил покинуть ее и перезимовать на берегу. С этой целью она была подведена как можно ближе к суше и, наконец, приземлилась в бухте спасательной шлюпки Кейна, лат. 78 ° 23' 30" северной широты и лонг. 73 ° 21’ с.ш. Здесь 17 октября капитан Баддингтон приготовился разбить зимний лагерь; и следующие несколько дней были заняты тем, что сняли с севшего на мель судна всю провизию и топливо, а также те предметы, которые могли обеспечить комфорт и пропитание партии в течение последующей зимы.

Из лонжеронов, балок и парусины, привезенных с *"Полариса"*, был возведен просторный дом размером двадцать два фута в длину и четырнадцать футов в ширину. Он был полностью водонепроницаемым, внутри обогревался печкой, а снаружи был засыпан кусками плотного снега. Внутри по бокам располагались четырнадцать спальных мест. Стол, стулья и лампы добавляли общего уюта, так что наши исследователи были готовы встретить полярную зиму в более благоприятных условиях, чем те, с которыми сталкивается большинство арктических мореплавателей.

Через несколько дней появилась группа туземных эскимосов с пятью санями, и их дружный труд был признан весьма ценным. Они сочли, что с лихвой вознаградили себя несколькими подарками в виде ножей, иголок и тому подобного, и после короткого пребывания вернулись в свое поселение в Этахе. Однако вскоре их место заняли другие; и в конце концов две или три семьи построили свои *иглу* по соседству с американским лагерем. Эскимосские женщины были очень полезны, шили и чинили одежду и оказывали другие женские услуги; в то время как мужчины, когда дичи стало много, снабжали маленькое поселение долгожданным изобилием свежего мяса. И это было не единственное преимущество, полученное от присутствия эскимосов; напротив, оно оказало превосходное влияние на *моральный дух* мужчин, которые не ощущали той полной изоляции, того чувства оторванности от человеческого общества и оторванности от остального мира, что является одним из самых суровых испытаний зимовки в арктических регионах. Тяжелое давление долгой, темной полярной ночи чудесным образом рассеивалось благодаря доброму вниманию и веселому обществу эскимосов.

Вполне вероятно, что кто-то из экипажа *"Полариса"* никогда не проводил более счастливой зимы. Они не испытывали недостатка в еде, не страдали от холода; их жилище было теплым, веселым и хорошо освещенным. Время не тяготило их, потому что, когда работа по дому была закончена, когда были разведены дрова, почищены лампы и приготовлена дневная провизия, они развлекались чтением или письмом, или играли в шахматы, шашки и карты. Это правда, что у них не было связи с внешним миром, и никакие сведения не могли дойти до них от друзей или родственников; но, *surgit amari aliquid*— в чаше человеческого счастья всегда найдется горькая капля!

Когда худшая часть зимы миновала, они начали под руководством плотника сооружать пару лодок, чтобы вернуться домой, как только тронется лед. Каждый был двадцати пяти футов в длину, квадратный в носовой и кормовой частях и шириной в пять футов; он был способен перевозить семь человек с запасом провизии примерно на два месяца, за это время они, по разумным расчетам, доберутся до цивилизованных поселений. Был конец мая, прежде чем состояние льда позволило им отправиться в путь. Затем они разбили лагерь, наградили своих друзей-эскимосов, взяли на борт припасы и провизию; и, наконец, ранним утром 1 июня они попрощались со своим зимним домом и вышли в воды пролива Смит.

Их путешествие не было отмечено никакими катастрофическими происшествиями и представляет странный контраст с опасным опытом Тайсона и его спутников. Где бы они ни высаживались, они получали обильный запас водоплавающих птиц, тюленей и другой дичи. Все они были в добром здравии, хорошо накормлены, хорошо одеты. Их лодки были надежными. Зима давно миновала, и великолепное летнее солнце разливало все свое сияние по спокойной поверхности Северного Ледовитого моря. Приятно проплыв, они причалили к острову Хаклюйт, а затем высадились на западном берегу острова Нортумберленд. Паковый лед задержал их там до 10-го числа. Затем они вошли в водный путь к мысу Парри, но впоследствии были вынуждены вернуться под натиском льда к тому месту, откуда стартовали. 12-го числа пролив стал чище. Они снова отправились в плавание; пересекли южную часть пролива Мерчисон, обогнули мыс Парри и остановились для отдыха на мысе Блэквуд, недалеко от скалы Фитц-Кларенс. Оттуда они в должной последовательности направились к острову Уолстенхольм и мысу Йорк — названиям, напоминающим о приключениях первых исследователей.

Теперь их курс приобрел более трудный характер, поскольку они столкнулись лицом к лицу со льдами залива Мелвилл — этого огромного пространства арктических вод, которое окружено покрытыми ледниками берегами и всегда было излюбленным “местом китобойного промысла”. Здесь они столкнулись с некоторыми трудностями с “паком”; "уступы”, или водные пути, причудливо пересекались друг с другом, уходили далеко в лед и так смыкались, что часто приходилось перетаскивать их лодки через что-то вроде мыса, или языка, с одного уступа на другой. Однако их неприятности были кратковременными. На двадцатый день после того, как они покинули бухту Спасательной шлюпки, они заметили пароход, застрявший во льдах, на расстоянии тридцати или тридцати пяти миль от мыса Йорк. Она не могла прийти к *им*, это было правдой, но они могли прийти к ней; и они были готовы это сделать. Однако они не прошли и половины расстояния, как встретили отряд из восемнадцати человек с корабля; ибо их тоже увидели и признали белыми людьми, и помощь была немедленно отправлена. Дружественным судном оказался *"Рейвенскрейг"* из Данди, капитан Аллен, стоящий в лат. 75° 38’ северной широты и длинный. 65° 35’ W.

Теперь, согласно рассказу участников экспедиции, выяснилось, что помощь пришла не слишком скоро, поскольку лодки получили значительные повреждения при соприкосновении с грубым торосистым льдом. А об усталости от перетаскивания их по такой поверхности можно судить по тому факту, что экипажу *"Полариса"* с восемнадцатью сменщиками с *"Рейвенскрейга"*потребовалось шесть часов, чтобы добраться до последнего судна. Трудность усугублялась глубоким раскисшим снегом, который толстым слоем покрывал лед и был не только тяжелым и неприятным для путника, но и чрезвычайно опасным, в чем не раз убеждались, проваливаясь в ямы, которые он предательски скрывал.

Но они достигли *Рейвенскрейга* в полночь и получили сердечный прием от капитана Аллена, который также смог сообщить радостную весть о том, что их товарищи, маленькая компания, отправленная дрейфовать на ледяном плоту, все в безопасности.

Хорошо было сказано, что экспедиция *на*Полярису, в которой участвовали люди, оказалась удивительно богатой на поразительные и волнующие инциденты. С того момента, как капитан “*Тигрицы*” Бартлетт спас "измученных беспризорников" со льдины, и до разыгрывания последней сцены этой романтической драмы общественное сознание находилось в состоянии постоянного ожидания из-за развития событий, связанных с историей этих исследователей Арктики. Прискорбная смерть капитана Холла, долгое плавание на льдине во мраке полярной ночи, возвращение девятнадцати потерпевших кораблекрушение после стольких отчаянных побегов и удивительных приключений, отплытие "*Тигрицы*", обнаружение зимнего лагеря Баддингтона, а теперь и спасение его самого и его команды китобоем "Данди" составили череду удивительных и волнующих событий, которые если и не представляют эпического интереса, то, несомненно, послужили бы материалом для поэтической песни. Даже в ранних летописях освоения Арктики с их повествованиями о достижениях и страданиях Хадсона, Дэвиса, Баренца нет происшествий более примечательного характера. Размышляя о них, мужчины приходили к пониманию того, что "эпоха романтики” еще не закончилась.

18 сентября 1873 года *китобойный пароход "*Арктика*прибыл в Данди с одиннадцатью выжившими с "*Полариса*", которые были переведены на него с "*Рейвенскрейга", поскольку последний не направлялся домой. Трое других достигли Америки на "*Бесстрашном*"; и, таким образом, экспедиция "*Полариса"* завершилась без человеческих жертв, если не считать прискорбной смерти ее восторженного командира, капитана Холла.

Это, правда, ничего не добавило к нашим географическим знаниям об Арктическом мире; и все же это не обошлось без некоторых полезных результатов. *"Полярная звезда"*, во всяком случае, приблизилась к Северному полюсу ближе, чем любая из ее предшественниц; и с тех пор ученые имели полное право утверждать, что надежда на полный успех больше не была химерической. Расстояние до полюса от точки, достигнутой *Полярной Звездой*, было сравнительно настолько незначительным, что давало веские основания полагать, что оно ненадолго поставит в тупик человеческую решимость и предприимчивость. Затем, опять же, было установлено как неоспоримый факт, что европейцы могут безопасно перезимовать на широте 81 ° 38’; что хорошо построенный и хорошо оснащенный корабль может продвинуться на север до 82 ° 16’; и что тогда не будет обнаружено никаких непреодолимых препятствий для его дальнейшего продвижения. Было также показано, что температура, даже в широте 82 °, не была такой, чтобы преодолеть энергию и энтузиазм людей, привыкших к жизни и приключениям в Арктическом мире. Эти данные, столь убедительно подтвержденные опытом, послужили источником большого воодушевления для будущих мореплавателей и позволяют сделать вывод, что *экспедиция "Поларис"*, несмотря на все ее катастрофы и бесхозяйственность, способствовала продвижению великой работы по открытию Северного полюса.

“Теперь мы знаем, ” говорит м-р Маркхэм, “ что американское судно под командованием капитана Холла прошло вверх по проливу за один рабочий сезон расстояние по прямой в двести пятьдесят миль без какой-либо проверки и достигло широты. 82° 16’ северной широты; и что в самой дальней точке море все еще было судоходным, а к северу простиралось водное небо”.

The *Поларис*, однако, был ничем иным, как маломощным речным пароходом, плохо приспособленным для встреч с опасностями арктического плавания, с экипажем из тридцати мужчин, женщин и детей, включая восемь эскимосов. Если бы она могла совершить такое плавание без затруднений и могла достичь столь высоких широт, было бы разумно ожидать, что должным образом оснащенная английская экспедиция при столь же благоприятных обстоятельствах сделала бы не только столько же, но и гораздо больше, и

подняла бы британский флаг в водах циркумполярного моря, если бы таковое существовало. С этой целью Адмиралтейство снарядило "*Алерт* и "*Дискавери*" под командованием капитанов Нэрса и Стивенсона. Были приняты все меры предосторожности, какие только могла предложить наука, чтобы обеспечить полноту их оснащения; и два корабля, сопровождаемые до Диско его превосходительством *Valorous* в качестве тендера, покинули Англию 29 мая 1875 года.

Британская экспедиция, состоявшая из *Alert* и *Discovery*, не преуспела во всем, чего от нее хотели добиться; и все же о ней вряд ли можно говорить как о неудаче. Он не достиг общепринятой точки географов, Северного полюса, но проник на расстояние четырехсот миль от него; и он установил точную природу препятствий, которые делают доступ невозможным, за исключением условий, которых в настоящее время не существует. Мы согласны с вдумчивым автором из *Spectator*, что это была важнейшая услуга, оказанная как науке, так и государству. Теперь мы знаем, что по маршруту пролива Смита судно может приблизиться к Полюсу на расстояние 450 миль; и что после этого должно быть предпринято путешествие примерно такой же продолжительности, как от Лондона до Эдинбурга, в суровом климате, при температуре термометра 50 ° ниже нуля, по льду, образовавшему бугры и кочки, которые делают передвижение на санях практически невозможным или осуществимым только путем прорубания пути киркой со скоростью полторы мили в день. И далее: работа должна была быть начата и завершена через четыре месяца, иначе из-за недостатка света и тепла ее вообще нельзя было бы выполнить. Это серьезные трудности, и стоит ли людям сталкиваться с ними там, где выигрыш был бы проблематичным, нам нет необходимости здесь выяснять. Прежде чем предпринимать какие-либо попытки, необходимо найти какие-то средства для защиты тех, кто делает это, от чрезмерного холода, и для более надежного и быстрого способа передвижения, чем сани. Журналист, на которого мы ссылались, предполагает, что наука может снабдить будущие экспедиции невообразимыми ресурсами — переносным светом и теплом, например, из недавно открытых шахт в Диско; средствами профилактики цинги; электрическим освещением; запасами динамита для подрыва льда; и тяговым двигателем для прохождения проложенной таким образом дороги; но, в настоящее время, эти приспособления не в нашем распоряжении. Мы должны быть довольны тем успехом, которого достигли капитан Нейрс и его доблестные последователи.

И они вполне заслуживают благодарности всех, кто считает славу и честь нации драгоценным достоянием. Они ясно показали, что “раса” не выродилась; что англичане могут поступать и страдать сейчас так же, как они поступали и страдали в прежние времена. Они проявили мужество и стойкость поистине героических масштабов. А арктические путешествия по своей природе всегда требуют высочайшего мужества и суровой стойкости. Долгая полярная ночь сама по себе является самым суровым испытанием для истинной мужественности, какое только можно придумать. Шахтер работает в условиях менее трудоемких, чем те, которым подвергается исследователь Арктики, поскольку он наслаждается чередованием света и темноты; его подземный труд длится всего несколько часов кряду. И все же мы знаем, что это серьезное испытание мужских качеств мужчины! Что же тогда должно быть, чтобы оставаться храбрым, жизнерадостным и правдивым в течение долгой ночи продолжительностью сто сорок два дня - этой кажущейся бесконечной тьмы, почти тьмы мира без солнца?

Мы также знаем, что непрерывная работа без отдыха в течение месяца за месяцем расшатывает нервы и расшатывает интеллект даже у самых сильных. Тем не менее, мы читаем, что люди из "*Бдительности*" однажды трудились, как рабы, в течение семидесяти двух дней на таком сильном морозе, что читатель не может составить себе представления о его тяжести, и с постоянно нависающим над ними страхом перед этой ужасной и самой угнетающей болезнью - цингой. Из-за неспособности раздобыть свежую дичь, как это делало большинство предыдущих экспедиций, каждый из расширенных санных отрядов, находясь на самом дальнем расстоянии от какой-либо помощи, подвергался ее нападению. Таким образом, обратный путь представлял собой длительную борьбу людей, которые слабели с каждым шагом, сила, необходимая для того, чтобы тащить сани, постоянно уменьшалась, а вес, который приходилось тащить, неуклонно возрастал, по мере того как одного за другим падавших людей приходилось нести их ослабевшим товарищам.

Хорошо было сказано, что в подобных подвигах присутствует устойчивый героизм, который мы не можем полностью оценить, потому что не можем полностью осознать ужасный характер связанных с этим жертв. Но нам сравнительно легко понять и, следовательно, восхититься мужеством лейтенанта Парра, когда он в одиночку отправился в тридцатипятимильное путешествие, не имея другого проводника в своих смелых шагах, кроме свежего следа бродячего волка на льду и снегу, чтобы оказать помощь и утешение своим терпящим неудачу товарищам. Легко понять и, следовательно, восхититься преданностью мистера Эджертона и лейтенанта Роусона, когда, рискуя собственной жизнью, они ухаживали за переводчиком Петерсеном во время путешествия от *Алерта* до *Дискавери* при температуре 40° ниже нуля. Петерсен, сопровождавший их на собачьих упряжках, заболел; и с благородным бескорыстием им удалось сохранить тепло в теле бедняги, поочередно ложась по очереди рядом с ним, в то время как другой с помощью физических упражнений восстанавливал свое собственное жизненное тепло. Мы также можем признать и восхититься постоянством капитана Нэрса, который в том ужасном климате прожил тридцать шесть дней в “вороньем гнезде”, в то время как его корабль трудился среди скрежещущих, дрожащих, дробящихся льдов, пока его не одолело изнеможение. И мы можем признать и восхититься храбростью и верностью людей из санных отрядов, которые в течение нескольких дней и недель тянули сани и их товарищей, когда над ними и вокруг них царил мрак, лед и снег повсюду ограничивали перспективу, и при температуре, которая, казалось, замораживала кровь и парализовывала сердце.

Что за история, говорит писатель из *Times*, что это за история о неразделенных страданиях! Конечно, не “безответный”; для тех, кто страдал, страдал по зову долга и был вознагражден одобрением своих соотечественников и сознанием того, что совершил что-то великое, что жил не напрасно. “Как легкомысленно все говорят о славе; как мало они знают, что это значит! Маленькой армии приходилось прорубать себе путь через ледяные преграды, таща тяжело груженные сани и передвигаясь взад и вперед, причем часто для каждой сани требовались все силы, довольствуясь тем, что преодолевали милю с четвертью в день в погоне за целью, до которой оставалось еще четыреста миль, преодолевая все возрастающие трудности, и имея всего пять месяцев, или сто пятьдесят дней, на то, чтобы пройти и вернуться. Роды - ужасная реальность; сама схема - кошмар, фантазия расстроенного мозга. Даже небольшая и вспомогательная экспедиция по закладке хранилища прошлой осенью стоила трех ампутаций. Холод превосходил все прежние ощущения по интенсивности и продолжительности, и физическое воздействие долгой зимы, проведенной на кораблях в таких условиях, рассматривается как одна из причин, по которой люди были менее способны переносить холод, труд и нехватку нормальной пищи. Каждая из экспедиций, независимо от направления, возвращалась в самом печальном положении: некоторые тащили за собой остальных, а в одном случае добрались до корабля

только благодаря героизму офицера, который в одиночку преодолел много миль, чтобы сообщить о возвращении своих товарищей и заручиться помощью, благодаря которой только они были спасены от гибели. Это всего лишь эпизоды, но именно они придают истории особую ценность. Они рассказывают нам, что будут делать англичане в случаях, выходящих за рамки наших слабых домашних опасений, когда они примут вызов и будут связаны своим долгом ”.

На момент написания этих строк подробных отчетов об экспедиции опубликовано не было, и поэтому материалы для следующего очерка собраны из различных сообщений, появившихся в ежедневных журналах. Мы начнем с того, что попытаемся представить читателю, с помощью мистера Клементса Р. Маркхэма, краткое изложение того, чего достигла экспедиция. А затем мы опишем его более интересные происшествия.

Целью капитана Нейрса и его последователей было обнаружить и исследовать как можно большую часть неизвестной области в Полярных регионах с учетом имеющихся в их распоряжении средств и позиций, которых судам удалось достичь в качестве отправных точек. Теории об открытых полярных бассейнах и судоходных водах, которые когда-то были получены, уже давно отвергнуты практическими арктическими географами. Береговая линия, однако, необходима как средство продвижения к “порогу работы”; и она также необходима для обеспечения желаемых результатов открытия Арктики в различных областях научных исследований.

Таким образом, экспедиции, в первую очередь, пришлось пробиваться через забитый льдом канал, соединяющий Баффинов залив с Полярным океаном; канал, который последовательно носит названия пролива Смита, бассейна Кейна, канала Кеннеди, бассейна Холла и пролива Робсона. Пролив Смита открывается из Баффинова залива между мысами Александр и Изабелла. "*Алерт"* и "*Дискавери*" миновали эти знаменитые мысы и вошли в пролив 29 июля 1875 года; и с этой даты до 1 сентября, когда "*Алерт*" пересек Порог Неизвестного региона, они вели непрерывную битву со льдами. *"Поларис"*, это правда, совершил быстрый переход по случаю своего памятного путешествия, но обстоятельства были исключительными. Как правило, пролив перекрыт тяжелыми льдинами, с извилистыми водами, вызванными действием ветра и прилива. С большим трудом наши два корабля преодолели барьер; но их успех был в немалой степени обязан мастерству и бдительности капитана Нэрса, который не позволял себе отдыхать до тех пор, пока они не оказались вне опасности. Наконец, после многих отчаянных побегов, многих трудных ночей и дней, с большой энергией и преданностью со стороны офицеров и не меньшей храбростью и трудолюбием со стороны матросов, экспедиция достигла северного берега залива Леди Франклин и нашла безопасную, удобную гавань в Латиноамериканском регионе. 81° 44’ северной широты Здесь "*Дискавери"* устроился на зимовку, как было условлено ранее; а "*Алерт*" после короткого перерыва в отдыхе продолжил движение на север.

Это ей удалось сделать благодаря своевременному открытию водной полосы между берегом и льдом. Она смело бросилась вперед, обогнула мыс Юнион, названный так членами *экспедиции*"Поларис", и вышла в открытый Полярный океан. Затем, в широте. 82 ° 20’

северной широты, белый флаг был поднят на борту британского военного корабля на широте более северной, чем корабль любой другой страны до этого. Вскоре после этого твердые массы полярного пакового льда начали смыкаться вокруг судна "авантюрист"; и 3 сентября 1875 года "*Алерт*" был прочно закреплен в своем зимнем жилище, на скованном льдом берегу негостеприимного Полярного моря в лат. 82° 27’ северной широты

Это, по словам мистера Маркхэма,[11] было первым крупным успехом; и это гарантировало окончательное завершение работы. Ибо благодаря замечательному морскому мастерству капитана Нэрса, а также рвению и преданности офицеров и команды, *Тревога* была перенесена через Порог и находилась *в* Неизведанном Регионе. Таким образом, была получена отправная точка, которая делала несомненным достижение полного успеха; поскольку, в каком бы направлении ни двигались санные отряды, результатом не могли не стать ценные открытия.

Осенние экскурсии, во время которых были созданы склады провизии для использования в работах предстоящей весны, не обошлись без очень значительных страданий. Лейтенант Мэй и два моряка были настолько сильно обморожены, что для спасения их жизней была признана необходимой ампутация.

Как будет видно из приведенной широты, корабли зимовали дальше к северу, чем когда-либо ранее зимовали какие-либо корабли. Холод превысил все, что было зарегистрировано ранее, и темнота затянулась на унылый период. Зима, однако, не была проведена праздно: были возведены обсерватории и усердно накоплена масса ценных научных данных.

“Но венец этой приснопамятной кампании был, - восклицает мистер Маркхэм, - достигнут весной”. Были организованы три основные санные экспедиции: одной, под командованием коммандера Маркхэма и лейтенанта Парра, было поручено держаться строго на север, насколько это возможно, во вновь открытый Полярный океан; другой, под командованием лейтенанта Олдрича, исследовать американское побережье в западном направлении; и третьей, под командованием лейтенанта Бомонта с "*Дискавери*", обследовать северное побережье Гренландии, обращенное на восток. Каждая партия состояла из двух саней, и все шестеро со своими доблестными экипажами отправились в путь 3 апреля 1876 года, преисполненные решимости отстоять и поддержать репутацию британских моряков. Они расстались на мысе Джозеф—Генри; и прежде чем они снова встретились, вот чего они достигли:

Коммандер Маркхэм и лейтенант Парр продвинулись на север до широты. 83 ° 20' 26 " северной широты; это самая северная точка, которой когда-либо достигали исследователи. Поэтому их можно справедливо считать “Чемпионами” по открытию Арктики до тех пор, пока некоторые преемники, более удачливые, чем они, не превзойдут их славный подвиг.

Лейтенант Олдрич двинулся на запад; обогнул мыс Колумбия на широте. 83° 7’ северной широты; и исследовал 220 миль береговой линии Америки, ранее не нанесенной ни на одну карту.

Лейтенант Бомон пересек пролив Робсона и обследовал северное побережье Гренландии на протяжении примерно семидесяти миль.

“Для того, ” говорится, “ чтобы эти три основные группы могли успешно выполнять свою работу, каждая душа на двух кораблях была активно задействована. Депо и сменные отряды выполняли самую тяжелую работу, и офицеры соперничали друг с другом в продвижении целей экспедиции, при этом царили самая совершенная гармония и единодушие. Капитан Фейлден и мистер Харт были особенно активны в создании коллекций естественной

истории; а лейтенанты Гиффард, Арчер, Роусон, Эджертон и Конибир проделали замечательную работу по исследованию и поддержанию открытых коммуникаций ". Когда санные отряды вернулись на корабли, капитан Нэрс обнаружил, что они ужасно пострадали; но он также обнаружил, что их успех был полным. Они решили географическую проблему: полюс не был окружен открытым морем, как ожидали многие сангвиники. Путь на север пролегал по ледяной пустоши — по льду, разбитому на торосы и тяжелые массы. А с теми приборами, которыми они располагали, дальнейший прогресс был невозможен; экспедиция достигла своего *ne plus ultra*.

Работа была сделана, и капитан Нэрс понял, что больше ничего добиться нельзя, в то время как ценные жизни могут быть потеряны, если дольше оставаться в Полярном океане. Он решил вернуться в Англию со следующими богатыми результатами в качестве награды за героическое предприятие:

Во-первых, экспедиция открыла огромный Полярный океан, знание которого не может не оказаться чрезвычайно ценным для гидрографа. Затем были исследованы берега этого океана вдоль пятидесяти градусов долготы, и были сформированы важные коллекции образцов арктической фауны, флоры и геологии. Канал, соединяющий Полярный океан с проливом Смита, также был тщательно обследован, и были проведены точные очертания обоих берегов. Были также сделаны геологические открытия высокой ценности; как, например, открытие о существовании вечнозеленого леса в прошлом на широте. 82 ° 44' северной широты - факт, свидетельствующий о значительных климатических изменениях. И, наконец, были тщательно записаны интересные наблюдения в области метеорологии, магнетизма, приливных и электрических явлений, а также спектральный анализ. Таким образом, экспедицию 1875-1876 годов следует отнести к числу наиболее успешных, когда-либо совершавшихся в арктических водах, хотя ей, как и ее предшественникам, не удалось достичь Северного полюса.

"*Алерт* и "*дискавери*" покинули берега Англии в мае 1875 года. После пятиминутного путешествия они прибыли в Ливели, порт острова Диско, на западном побережье Гренландии. Это небольшое поселение насчитывает около девяноста шести жителей, датчан и эскимосов, — вообще говоря, смешанная раса. Здесь проживает датский инспектор Северной Гренландии, и он приветствовал экспедицию салютом из трех медных пушек, установленных перед его домом. Здесь есть хорошо организованная школа, которую посещают около шестнадцати детей; и небольшая церковь, где школьный учитель по воскресеньям читает лютеранскую службу, а священник иногда приезжает из Упернавика, чтобы совершить бракосочетания, крестины и другие религиозные службы.

The *Алерт* взяв на борт тридцать эскимосских собак и погонщика, экспедиция покинула Диско в час дня 16 июля и на следующее утро достигла Килтенбунто, примерно в тридцати милях к северу.

Килтенбунто - небольшой остров в проливе Вайгаттет, между Диско и материком. Здесь "*Дискавери*" взял на борт тридцать собак; и охотничьи группы с обоих кораблей совершили вылазку на "ткацкий завод", или "птичий базар", часто посещаемый кайрами, киттивейками и другими океанскими птицами. Два или три дня спустя экспедиция прибыла в поселение под названием Провен, где к ней присоединился эскимосский погонщик собак Ханс Кристиан, сопровождавший Кейна, Хейса и Холла в их нескольких экспедициях. В Proven авантюристы получили свои последние письма из "дома" и ответили на них.

Двинувшись на север через Баффинов залив, они достигли мыса Йорк 25 июля и встретились с отрядом так называемых арктических горцев, которые пересекли льдины на своих собачьих упряжках и вскоре подружились с моряками. После того как нарвал был загарпунирован, некоторое количество кожи и жира было отдано этим эскимосам. Мистер Ходсон, капеллан "*Дискавери*", описывает их как чрезвычайно жадных и варварских, поедающих все, что попадается им на пути, но питающихся в основном тюленями. Они не были настолько развиты в цивилизации, чтобы уметь сооружать каяки, и, по-видимому, никогда раньше не видели европейцев. На них были штаны из медвежьей шкуры и верхняя одежда из тюленьейшкуры.

Двигаясь на север мимо Багровых скал доктора Кейна, они вскоре достигли знаменитого зимовья этого отважного исследователя, Порт-Фоулка, и воспользовались однодневной задержкой, чтобы посетить ледник Брата Джона. Они нашли дневник доктора Кейна, но никаких реликвий; застрелили северного оленя и большое количество птиц.

Между заливом Мелвилл и входом в пролив Смита лед не был встречен; но 30 июля “пак” был замечен у мыса Сабин, на лат. 78° 41 северной широты Здесь, в порт-Пайере, корабли были надежно скованы льдами на несколько дней. Была предпринята попытка продвинуться дальше на север к западу от островов в проливе Хейс; но водный путь не вел в нужном направлении, и корабли вернулись. 6 августа они начали все сначала и с тех пор вели непрерывную борьбу со льдом. “*Тревога*" шла впереди, а капитан Нейрс в своем "вороньем гнезде” с тревогой высматривала возможные каналы связи. У мыса Фрейзер огромная сплошная масса снова задержала их. Затем им удалось пересечь канал Кеннеди на восточную сторону и укрыться в Петерманн—фиорде, названном так в честь великого немецкого географа. Через несколько дней они снова двинулись на север; и 25 августа, после множества чудом избежавших столкновения со льдами, их приняла хорошо защищенная гавань на западной стороне бассейна Холл, к северу от пролива Леди Франклин, в лат. 81° 44 северной широты Это место было сразу выбрано в качестве зимовья для *"Дискавери"*. Ее однотипное судно, продолжая свой курс, обогнуло северо-восточную оконечность Земли Гранта; но вместо того, чтобы упереться в непрерывную береговую линию, протянувшуюся на сотню миль дальше к северу, как все ожидали, оказалось на границе того, что, очевидно, было очень обширным морем, со всех сторон окруженным непроходимыми льдами. Поскольку никакой гавани найти не удалось, корабль был закреплен как можно дальше к северу, внутри своего рода насыпи из затонувшего льда, недалеко от суши. Там она провела зиму, и в течение одиннадцати месяцев ее заключения не было ни одного судоходного водного пути, по которому она могла бы продвинуться дальше на север.

Наши искатели приключений были далеки от встречи с “великим Полярным морем”, о котором мечтали Кейн и Хейс, но обнаружили, что ледяной барьер перед ними необычайно толстый и прочный. Он выглядел так, словно состоял из плавающих айсбергов, которые постепенно сжимались и спаривались вместе. Отныне оно будет известно на наших картах как Палеокристаллическое море, или Море древнего льда; а выброшенная на берег масса льда, оторвавшаяся от льдины, будет называться флобергом.

Толщина обычного льда не превышает десяти футов; но в Полярном море, поколение за поколением, слой накладывается на слой, пока вся масса не достигнет размеров от восьмидесяти футов до ста двадцати футов; его поверхность нигде не поднимается ниже, чем на пятнадцать футов над ватерлинией. Именно эта удивительная толщина не позволила "*Тревоге*" пристать к берегу. Из-за большой глубины плавания, от шестидесяти до ста футов, масса приземлилась на мелководье и образовала волнорез, внутри которого судно находилось в относительной безопасности. “Когда два куска обычного льда прижимаются друг к другу и края ломаются, раздробленные куски под действием давления поднимаются

в высокую, длинную, похожую на стену ледяную изгородь. Когда встречаются две древние льдины Полярного моря, страдает только промежуточный более легкий раздробленный лед, который может оказаться плавающим между ними; он вдавливается между двумя смыкающимися массами на большую высоту, образуя хаотичное нагромождение угловатых глыб всех форм и размеров, различающихся по высоте до пятидесяти футов над водой и часто покрывающих площадь более мили в диаметре ”.

Теперь мы должны вернуться к *Открытию*. Как только судно заняло свои зимние квартиры, его команда начала разгружать судно, выгружая лодки, припасы и запасные лонжероны, а также иным образом готовясь к зимовке. В первый же день на берегу они подстрелили стадо из одиннадцати овцебыков. Через несколько дней море вокруг корабля замерзло, так что они могли свободно перемещаться взад и вперед по льду. Неделю спустя они увидели большое количество овцебыков и подстрелили около сорока, запасшись таким образом значительным запасом провизии.

Свой зимний порт, окруженный покрытыми снегом холмами высотой около двух тысяч футов, они окрестили Дискавери-Харбор.

Как только море полностью замерзло, были организованы и должным образом отправлены санные отряды; но так как осень быстро проходила, очень мало что можно было сделать в этом направлении. Затем были проведены обычные приготовления со стороны исследователей Арктики к “гибридизации”. Были построены жилые дома, а также магнитная обсерватория и ледовый театр, напоминающие о сверкающем здании, построенном Екатериной II в России на Неве и воспетом Каупером в хорошо известных строках:

“Ни один лес не повалился

Когда ты хотел строить, ни одна каменоломня не присылала своих запасов

Чтобы обогатить твои стены; но ты прорубил потоки,

И сделай свой мрамор из стеклянной волны”.

11 ноября была возведена кузница, которая стала первой в истории арктического льда. Ее крыша была сделана из мешков с углем, скрепленных льдом. Корабельный кочегар безраздельно властвовал в нем как кузнец; и когда мы рассматриваем аксессуары — лед, снег, темноту, — мы должны признать, что его пылающий горн, должно быть, представлял собой любопытную картину. Капеллан с юмором рассказывает нам, что кузнец проделал во внутренней стене множество отверстий, поскольку каждый раз, когда его железо требовало охлаждения, он просто втыкал его в лед!

Что касается театра, который, как мы знаем, всегда был излюбленным местом развлечения исследователей Арктики во время зимовки, то он имел шестьдесят футов в длину и двадцать семь футов в ширину и в честь принцессы Уэльской был назван “Александра”. Днем открытия был выбран день ее рождения — 1 декабря; и вступительной пьесой был популярный фарс “Моя очередь следующая”. Поскольку моряки, как правило, мастера драматических воплощений, мы можем предположить, что пьеса “прошла хорошо" и разные актеры получили заслуженные аплодисменты. Записано, что первым среди них был инженер мистер Миллер, который, судя по всему, был *Полярной звездой*. Несколько матросов пели песни; время от времени звучали декламации, старые и новые, - результат всего этого был направлен на то, чтобы отвлечь умы и поддержать боевой дух команды корабля в течение долгой-долгой арктической ночи.

Пятое ноября и его освященные веками ассоциации не были забыты. На льду пылал огромный костер; "Гай Фокс” был изготовлен и разодет по самой модной моде; и тишину замерзшего безлюдья нарушили звуки грандиозного фейерверка и одобрительные крики зрителей.

Путем расчистки снега на льду была проложена прекрасная ровная дорожка длиной около мили; она служила площадкой для ежедневных упражнений. Также был построен каток. Для лучшей вентиляции во льду была тщательно подготовлена свободная лунка. Всякий раз, когда она закрывалась в процессе постепенного застывания, приводились в движение пилы для резки льда, чтобы открыть ее снова, или ее взрывали порохом. Собаки прожили на льдине всю зиму. Не следует думать, что холод был постоянным изо дня в день. Вероятно, дело не столько в *низкой* температуре, сколько в *переменной* температуре, которая делает арктическую зиму такой тяжелой для европейца. Через несколько часов изменение температуры составит не менее 60 °. Холод достиг своей высоты — или глубины - зимой, когда термометр показывал 70½ ° ниже нуля; это самый сильный холод, который когда-либо испытывала любая полярная экспедиция. Человеческому организму трудно противостоять этому избытку суровости, даже с помощью хорошего огня, хорошей еды и хорошей одежды. Ослаблены и подавлены не только физические, но и умственные способности.

Однако нашим морякам, скованным льдами, удалось весело провести Рождество. Рано утром в день, столь дорогой для христианских воспоминаний, “уэйтс” отправились на свой обычный обход — сержант морской пехоты, помощники старшего боцмана и трое других добровольцев, — распевая рождественские гимны и устраивая "особое дежурство возле капитанской каюты”. До полудня на нижней палубе были произнесены молитвы, после чего

капитан и офицеры посетили мужскую столовую, попробовали рождественский пудинг и осмотрели сделанные со вкусом украшения. Затем подарки, которые в преддверии этого дня были разосланы добрыми сердцами англичан, были розданы капитаном, причем к каждому подарку предварительно было прикреплено имя получателя. Это была трогательная сцена; и сердечными, хотя и не без налета пафоса, были приветственные возгласы, раздававшиеся во время раздачи; раздача, напоминающая о стольких “старых знакомых лицах” и всех приятных ассоциациях и нежных мыслях о доме! Раздались также приветственные крики в адрес капитана и бойцов "Далекой *тревоги*". Затем был сформирован хор, и эхо разнесло мелодию “О, ростбиф Старой Англии!”, о которой, без сомнения, многие певцы вспоминали с большой нежностью. Матросы поужинали в двенадцать, а офицеры - в пять, и день, похоже, во всех отношениях удался как праздничный.

Несколько подробностей о "ситуации” здесь можно привести собственными словами капеллана: “Мы привезли рыбу, говядину и баранину из Англии, “ говорит он, - все это мы повесили на одну из мачт, и вскоре оно стало твердым, как кирпич, и прекрасно сохранилось. Мы также привезли с собой из Англии несколько овец, и время от времени их убивали. Когда мы прибыли в залив Дискавери, как мы его назвали, шестеро из них были живы; но при высадке на берег их потревожили собаки, и их пришлось зарезать. Зимой матросам приходилось таскать лед с айсберга, расположенного примерно в полумиле от корабля, чтобы растопить его для получения пресной воды ”.

Наконец долгая полярная ночь подошла к концу. С чувством надежды, благодарности и радости исследователи встретили первые лучи возвращающегося солнца в последний день февраля. В течение четырех месяцев они жили в безвестности и мраке, за исключением того облегчения, которое иногда доставляли звезды и луна. В день возвращения солнца в Полярный мир было известно, что оно взойдет около двенадцати часов, и все поднялись на холмы, чтобы полюбоваться великолепным зрелищем. Туманы, однако, превзошли их ожидания; и хотя они *почувствовали* его влияние, они не видели его в течение нескольких дней после того, как оно поднялось над горизонтом.

В конце марта два офицера и двое рядовых принесли новости из *пункта боевой готовности*. Они совершили путешествие, когда термометр показывал 40 ° ниже нуля, и на это ушло шесть дней. Офицерами были лейтенант Роусон и мистер Эджертон, которые сначала отправились в путь в сопровождении переводчика Петерсена, но, как уже говорилось, были вынуждены вернуться вместе с ним, потому что он был сильно обморожен. Как только они вернулись к *Находке*, начались приготовления к отправке санных отрядов. Два офицера и три матроса на собачьих упряжках отправились через канал Робсона в Холлс-Рест, зимовье *"Полариса"*, чтобы сообщить о припасах, оставленных американским судном, которые правительство Соединенных Штатов предоставило в распоряжение британской экспедиции. Они снова появились на пятый день с информацией о том, что нашли печенье, пеммикан, мясные консервы, патоку и другие продукты. Они жили в деревянной обсерватории, которую обнаружили воздвигнутой там. Могила капитана Холла прекрасно сохранилась, и они установили в изголовье доску с надписью, чтобы отметить ее местоположение.

Лейтенант Бомонт и мистер Коппинджер, врач, каждый с санями на восемь человек - или, скорее, с семью людьми, кроме них самих, — отправились в "*Тревогу*" на поиски других саней, зимовавших с этим судном; их целью было пересечь пролив Робсон и исследовать северное побережье Гренландии. В этом путешествии, из-за “торосистого” характера льда, они провели двенадцать дней.

Два дня спустя третья группа, состоящая из саней на двенадцать человек и саней на восемь человек, с двумя офицерами, приступила к обследованию берегов пролива Леди Франклин. Капитан сопровождал их в санях на восемь человек и отсутствовал около недели; но сани на двенадцать человек, которые отправились только для того, чтобы перевезти припасы для остальных, не возвращались в течение двух недель, поскольку сани были повреждены, а один из морских пехотинцев сильно обморозил пятку. Другие сани, пробыв около четырех недель, благополучно вернулись, обнаружив, что пролив Леди Франклин, как называют его американцы, представляет собой пролив или фиорд длиной около шестидесяти миль. Они наткнулись на овцебыков, которые были слишком дикими, чтобы их можно было добыть, и увидели три или четыре ледника и холмы высотой в три тысячи футов.

Примерно в июне теплое лето начало заявлять о себе, и в лучах солнца их ледники растаяли, как беспочвенная ткань видения. Итак, санный отряд, о котором говорилось в последний раз, отправился по льду в залив Поларис, взяв с собой на всякий случай спасательную шлюпку (поскольку лед мог в любой момент расколоться) и запас провизии для использования в экспедиции в Северную Гренландию. Покончив с этой работой, они вернулись на корабль, оставив позади двух офицеров и трех матросов, которые продвинулись вверх по Петерманн-фиорду примерно на восемь миль, пока их не остановил непроходимый барьер огромного ледника.

Вернувшись со своих исследований, они обнаружили, что лейтенант Ньюсом с четырьмя людьми, из которых один умер по дороге от цинги, случайно отделился от отряда из Северной Гренландии и достиг Петерманн-фиорда 3 июня. Все были серьезно больны цингой, кроме мистера Роусона и морского пехотинца. Однако благодаря мастерству и заботе доктора Коппингера они выздоровели. Как можно скорее доктор вместе с мистером Ньюсомом и эскимосами отправились в путь на собачьих упряжках, чтобы собрать кое-какие сведения о других членах экспедиции в Северную Гренландию. Через день или два они присоединились к ним; и не слишком скоро, потому что все были совершенно измотаны. Они бросили все и, когда прибыл доктор, остались без еды. Четверо из них, которые разместились на санях, заболели цингой, а двое других подверглись легкому нападению. Что было делать в таком критическом положении дел? Сначала было сочтено целесообразным остаться на месте на некоторое время и посмотреть, смогут ли эскимосы подстрелить тюленя. Но дневной опыт показал, что этот план не годится, и тогда они решили отвезти двух самых тяжелых инвалидов на собачьих упряжках в Холлс-Рест. Это было сделано, и беднягам, казалось, стало лучше, когда они подкрепились тюленьим супом и нормальной пищей; но на следующее утро один из них утонул и умер. Жизнь другого некоторое время висела на волоске. Теперь вся компания была инвалидом; и Покой Холла можно было бы назвать госпиталем Холла.

По прошествии нескольких дней — утомительных, меланхоличных дней - офицер с парой матросов был послан на корабль доложить о серьезном состоянии дел. Поскольку был конец июня, лед во многих местах растаял, и прохождение пролива проходилось не без трудностей и частых погружений в воду. Как только капитан Стивенсон узнал, где находится отряд, он отправился в путь с семью людьми, чтобы взять с собой запас медикаментов, провизии и различных удобств. У них была с собой лодка и сани на четырехколесной повозке, и в них они пересекли сушу до кромки моря, на расстояние около шести миль. Иногда требовалась лодка, чтобы перевозить себя и сани со льдины на льдину. С половиной людей они вернулись через несколько дней, оставив остальных на попечение лейтенанта Бомонта и доктора Коппингера, пока те не добьются большего прогресса в выздоровлении.

В начале августа прибыл офицер с "*Тревоги*, чтобы сообщить, что судно продвинулось на юг и находится всего в десяти милях отсюда; и что капитан Нэрс, посчитав основные цели экспедиции обеспеченными, решил вернуться в Англию. Примерно в то же время вернулась группа из Северной Гренландии, у которой не хватило провизии. Несколько дней спустя "*Алерт"* присоединился к "*Дискавери*" в заливе Дискавери. Следующей прибыла группа мистера Бомонта, и оба судна приготовились к возвращению домой. Как мы увидим, они покинули залив Дискавери 28 августа.

Давайте теперь вернемся к *Сигналу тревоги*, который мы оставили вмурованным во льды Северного Полярного океана.

Ее экипаж провел смену, чтобы провести сносно веселую зиму, пользуясь обычными ресурсами исследователей Арктики в аналогичных условиях. Распорядок дня был примерно следующим: В 6.45 УТРА был вызван командир, и вся команда была поднята на палубу; предварительно убрав гамаки и вымыв палубы, все с большим аппетитом сели завтракать. После этого каюта и нижняя палуба были убраны, и вскоре после 9 ЧАСОВ УТРА матросы были отправлены выполнять свои ежедневные обязанности. В 10 УТРА был созван очередной общий парад экипажа, и в качестве профилактики цинги была введена дневная доза сока лайма. Затем команда разошлась по каютам; был произведен обычный тщательный осмотр, и капеллан прочитал молитвы. В час дня палуба была расчищена, и “ужин дымился на доске”. В дни, когда темнота была не слишком плотной, команда выходила работать на лед или по очереди совершала пешие прогулки и развлекалась. Так они были заняты до ужина, который подали около пяти часов; за ним последовала вечерняя школа, обязанности в которой оказались одинаково приятными как для офицеров, которые преподавали, так и для солдат, которые учились. Вскоре после девяти дежурные офицеры осмотрели корабль, чтобы убедиться, что ночью все было спокойно. В десять погас свет у старших старшин, а в одиннадцать - в кают-компании.

Эта повседневная рутина свободно прерывалась по случаю праздников. День Гая Фокса отмечали так же весело, как и люди с *"Дискавери"*; и любопытной иллюстрацией силы старых английских традиций является то, что обычаи веселиться пятого ноября столь тщательно соблюдались обоими скованными льдами судами. Должное почтение было оказано и Деду Морозу; не был забыт и День Нового года. Драматический талант существовал у людей из "*Бдительности*" в достаточном количестве, чтобы обеспечить регулярную драматическую труппу. “Королевский арктический театр” был возведен на Воронкообразном ряду, и развлекательные мероприятия проводились еженедельно. Программы “Thursday Pops”, как их обычно называли, печатались на печатном станке, установленном на Трэп-лейн мистерами Дж. Гиффард и Симмонс; и из одного из них мы узнаем, что Королевский арктический театр открылся на сезон “под выдающимся патронажем капитана Нэрса, участников Арктической экспедиции и всей знати и джентри по соседству” 18 ноября 1875 года. Оркестр состоял из одного выдающегося пианиста, синьора Алдричи (лейтенант Олдрич), а художником-постановщиком был доктор Мосс. Представления начинались в 7.30; а “сани” можно было заказать на девять часов. Они ни в коем случае не были полностью драматичными. В меню были научные и исторические лекции, чтения и декламации, песни и инструментальная музыка, варьирующаяся от серьезной до веселой, от веселой до суровой; и время от времени, чтобы привлечь внимание публики, устраивались такие аттракционы, как фокусы "настоящего волшебника Севера на пути в Гиперборейские регионы”; акробатические трюки “Прыгающих братьев из Холодной

зоны”; или вокальные выступления “Менестрелей Бледно-о'Кристи”, которые “никогда не поют в Лондоне”. Поставленные пьесы представляли собой оригинальную бурлеск-оперетту “Вульгарный маленький мальчик, или Плачущий Билл” (по мотивам популярных “Злоключений Бархэма в Маргейте”), специально написанную корабельным капелланом, преподобным У. Х. Пулленом, автором хорошо известных политических романов “Школа дамы Европы”; "Аладдин, или Замечательный негодяй”; “Сапоги в "Лебеде”; и “Красавица местности”. Последним и грандиозным вечером было 2 марта 1876 года, когда капитан Нэрс читал лекцию на тему “Палеокристаллическое море и опыт катания на санях”; и после множества песен и чтений компания и зрители исполнили грандиозную хоровую композицию “Палеокристаллический хор”, которую мы позаимствовали со страниц "*Графики*:

-Не так давно,

На шестифутовой льдине

Из Палеокристаллического моря,

Два корабля действительно плыли

Посреди сокрушительного прилива,

The *Тревога* и *Открытие*.

“Солнце никогда не светило

Их доблестные экипажи на

На сто сорок два дня;

Но ни темноты, ни кочек

Их веселые сердца могли прийти в замешательство,

Итак, они взялись за работу и разыгрывали пьесы.

“Там была музыка и пение

Чтобы скоротать время,

Принесено из хороших корабельных запасов;

И каждый старался изо всех сил

Чтобы позабавить и развеселить остальных,

И "никто не может сделать большего".

“Выпьем за здоровье *Марко Поло*;

Пусть он достигнет своей северной цели, о!

И продвинуть флаг Англии в неизведанные области;

Пусть *претендент* будет там

На все курсы смело отваживайся,

И *Виктория* одержит победу в Замороженной зоне.

“Пусть наша *Поппи* будет на виду

С ее яркими красками, струящимися рекой;

И *Бульдог* весело перебегает с пряди на прядь;

И *Александра* храбрая

Смотрите, как гордо развевается наше знамя,

Над самыми высокими скалами и вершинами самой северной земли.

“За здоровье Геракла,

Которого заморозил осенний ветер,

И все наши доблестные товарищи от мороза залегли на дно.

Просто подожди еще немного,

Пока они не станут немного сильнее,

И им никогда не станет хуже из-за того, что они потеряли палец на ноге.

“Вот здоровье, умноженное на трижды три

За отважное *Открытие*,

И нашим веселым, развеселым гостям здесь искренне рады;

И бампер еще не набит до краев

Нашему галантному маленькому питомцу,

Живой *Клементс Маркхэм* со своим смелым возничим.

“За здоровье всех истинно голубых,

Офицерам и экипажу,

Кто руководит этой экспедицией аккуратно и умело, о!

И пусть они когда-нибудь докажут,

Как в Катании на санках, так и в Любви,

Что смоляне старой Британии - настоящие денди, о!”

В объяснение некоторых отрывков из вышеприведенного пылкого излияния мы можем заявить, что шесть саней, принадлежащих *Alert*, были названы соответственно *Марко Поло*, *Виктория*, *Челленджер*, *Поппи*, *Бульдог* и *Александра*. “Геркулес”, по-видимому, было прозвищем одного из самых сильных людей на корабле.

"*Алерт"* перезимовал так далеко на севере, что его офицеры и матросы не смогли воспользоваться некоторыми обычными принадлежностями полярной экспедиции. Не было ни белых медведей, ни эскимосов; даже полярные сияния были нечастыми. С другой стороны, темнота описывается как не особенно густая. Отражение снега и яркий “свет звезд” значительно смягчали “глубокую темноту”, и раз в четырнадцать дней великолепие луны освещало причудливые очертания однообразного арктического пейзажа.

Некоторые катания на санях проводились осенью, хотя весна - это время года, когда лучше всего заниматься этим. Не успел "*Бдительный* устроиться поудобнее в своем зимнем жилище, как санные отряды перевезли провизию и лодки вдоль берега как на север, так и на запад, готовые к использованию экспедициями следующей весной; склад был заложен в миле от самого дальнего северного места, доселе достигнутого цивилизованным человеком. После ужасного двадцатидневного путешествия путешественники вернулись 14 октября, всего через два дня после исчезновения солнца. Выпал сильный снег, который, защищая неровный лед от сильного мороза, затруднял передвижение. Мужская обувь насквозь промокла; в результате некоторые из них были обморожены, а одному офицеру и двум рядовым по возвращении пришлось подвергнуться ампутации. Под утесами лежали огромные плотные, глубокие сугробы, и во многих местах дорогу пришлось вырыть на глубину шести футов. Люди увязли по пояс. Сани часто оказывались полностью погребенными. Лейтенанту Роусону потребовалась вся решимость и терпение, чтобы вернуть свой маленький отряд в целости и сохранности.

Основная санная группа под командованием коммандера Маркхэма, лейтенантов Парра и Мэя и двадцати пяти человек покинула *Алерт* 25 сентября с целью создания базы на мысе Джозеф-Генри. Они продвинулись на три мили дальше самой северной точки сэра Эдварда Парри и с горы высотой 2000 футов увидели землю на западе-северо-западе, вплоть до широты. 83° 7’ северной широты, но к северу ничего не видел.

С восходом солнца 29 февраля капитан Нейрс начал подготовку к весенним санным экспедициям, организовав два основных отряда: один, направлявшийся на север под командованием коммандера Маркхэма и лейтенанта Парра, с пятнадцатью людьми, при поддержке доктора Мосса и мистера Уайта, с двумя санями на семь человек; и другой, направлявшийся на запад, состоящий из двух саней на семь человек, во главе с лейтенантами Олдричем и Гиффардом.

12 марта лейтенант Роусон и мистер Эджертон, как уже говорилось, отправились на связь с *"Дискавери"*, но были вынуждены вернуться из-за болезни Петерсен, за которой они ухаживали по дороге с женской нежностью и преданностью. На следующей неделе в сопровождении Симмонса из *Alert* и Риган из *Discovery* они возобновили свой авантюрный путь по торосистому льду при температуре 40 ° ниже нуля, много терпя, но неустрашимо продвигаясь вперед. Когда их товарищи с *“Дискавери”* выразили им соболезнования по поводу обмороженных щек, носов и пальцев, лейтенант Роусон ответил с откровенным, беспечным героизмом истинного британского моряка: "Что ж, по крайней мере, мы чувствуем, что приветствия с пляжа Саутси были заслужены".

Санные экспедиции начались всерьез в первую неделю апреля, и на борту каждого корабля оставалось всего несколько человек. Капитан Стивенсон с "*Дискавери* нанес визит на "*Алерт*", а также дважды пересек бассейн Холла в Гренландию. Капитан Нейрс вместе с капитаном Фейлденом были не менее энергичны, и на значительной территории вокруг двух кораблей царили оживление и движение. В заливе Поларис капитан Стивенсон в память о доблестном и несчастном Холле водрузил американский флаг и установил бронзовую табличку над одинокой могилой исследователя. На нем выгравирована следующая надпись:—

“Посвящается памяти капитана К. Ф. Холла с американского корабля *"Поларис"*, который пожертвовал своей жизнью во имя развития науки 8 ноября 1871 года. Эта табличка была установлена британской полярной экспедицией 1875 года, которая, следуя по его стопам, воспользовалась его опытом”.

Здесь можно отметить, в качестве иллюстрации труда, связанного с снаряжением арктической санной партии и отправкой провизии для их пропитания, что для поддержки экспедиций на северном побережье Гренландии и в Петерманн-фиорде “одиннадцать раз пересекался канал Робсона от позиции *Тревоги* до склада, расположенного к северу от мыса Бревурт, и бассейн Холла одиннадцать раз между заливом Дискавери и заливом Поларис; в общей сложности двадцать две санные партии пересекли проливы, включая транспортировка двух лодок. Главный склад на мысе Джозеф-Генри для поддержки северной и западной дивизий, в тридцати семи милях от *Алерта*, посетили шестнадцать различных саней”.

Наши путешественники не преминули осмотреть различные пирамиды из камней, возведенные моряками *"Поларис"*. В одном месте был обнаружен коробчатый хронометр, который находился в отличном состоянии, хотя и прошел испытания четырьмя арктическими зимами. И немного пшеницы, которую *компания "Поларис"* вывела, чтобы выяснить влияние на нее экстремальных холодов, было успешно выращено доктором Ниннисом под стеклянным колпаком — почти такой же интересный эксперимент в своем

роде, как посев и успешный сбор мумие пшеницы, зерна, найденного в древнеегипетских гробницах.

Британская экспедиция продвинулась так далеко на север, что медведи, птицы и даже тюлени оказались за пределом жизнедеятельности, и санные отряды, не имея возможности добыть свежую дичь, серьезно заболели цингой. Эта смертельная болезнь неизменно начиналась тогда, когда ее жертвы были наиболее далеки от какой-либо помощи. Следовательно, обратные путешествия к кораблям предпринимались, как мы уже указывали, людьми, силы которых убывали с каждым днем; и бремя становилось все больше по мере того, как человека за человеком валили с ног и, чтобы спасти свою жизнь, сажали на сани. Велика была тревога на борту "*Алерта*", когда ближе к концу 8 июня неожиданно появился лейтенант Парр. Он был один. Где были его товарищи? Какое несчастье постигло их? Вскоре он объяснил, что предпринял путешествие в тридцать пять миль, двадцать два часа продираясь сквозь туман, сугробы и снег и руководствуясь только свежим следом бродячего волка, чтобы сообщить весть о плачевном состоянии членов северной экспедиции. Немедленно были сделаны приготовления к тому, чтобы поспешить им на помощь. С помощью офицеров, которые все вызвались тащить сани, капитан Нерес смог к полуночи отправиться в путь с двумя сильными группами помощи — господами. Эджертон, Конибер, Вуттон и Уайт, офицеры, которых можно было оставить на корабле, заняли свои места у буксирных канатов; а лейтенант Мэй и доктор Мосс двинулись вперед с запасом медикаментов в собачьих упряжках.

Проворство и энергия двух последних были таковы, что им удалось добраться до лагеря коммандера Маркхэма в течение пятидесяти часов после ухода лейтенанта Парра; хотя, к сожалению, не вовремя, чтобы спасти жизнь одному из морских пехотинцев, который всего за несколько часов до этого скончался и был погребен под льдинами. Однако на остальных членов пострадавшей роты их прибытие оказало самое благотворное влияние; и когда рано утром следующего дня капитан Нэрс пришел им на помощь, их мужество и решимость, которые никогда их не покидали, возросли до предела, и даже инвалиды избавились от той ужасной депрессии, которую неизменно вызывает приступ цинги. Утром 14-го все снова были в безопасности на борту корабля и возносили Богу свою сердечную благодарность.

Капитан Нэрс приводит некоторые подробности, которые очень ярко иллюстрируют ужасные переживания отважного санного отряда, а также опустошительные действия, которые цинга никогда не прекращает совершать. Он говорит, что из семнадцати офицеров и рядовых, которые первоначально покинули *Боевую готовность*, только пятеро, а именно трое офицеров и двое рядовых, смогли перетащить сани рядом. Трое других — такие же настоящие герои, как любой из тех, кого прославил Гомер! — мужественно держались на ногах до последнего, перенося крайнюю боль и усталость, вместо того чтобы, катаясь на санях, увеличивать нагрузку, которую приходилось тащить их ослабевшим товарищам. Они едва смогли заползти на борт корабля без посторонней помощи. Остальные восемь храбро боролись, но болезнь оказалась для них непосильной, и их перенесли на санях. Из всего этого числа только два офицера избежали разрушительных последствий цинги. После надлежащего отдыха и медицинской помощи помощник старшего плотника вернулся к своим обязанностям, и трое других выздоровели, чтобы иметь возможность ухаживать за своими больными товарищами; но Джоллифф, старшина, который благородно боролся с болезнью во время активной службы, когда у него затекли ноги от отдыха на борту, оказался одним из самых затяжных случаев.

Несомненно, нация никогда не пожалеет о расходах на экспедиции, которые дают такой повод для проявления самого щедрого бескорыстия и благороднейшей преданности!

Эти поездки на санях совершались перед лицом огромных трудностей. За пределами простой береговой полосы гладкого льда было немного; достаточно ровные льдины или поляны, обычно примерно в шести футах над соседним льдом, редко достигали мили в поперечнике. Их поверхность была густо покрыта округлыми ледяными горбами с голубыми вершинами, достигавшими в среднем двадцати футов в высоту; иногда они располагались грядами, а иногда на расстоянии ста-двухсот ярдов друг от друга, промежуточные пространства были заполнены гонимым ветром снегом, и все это напоминало штормовой океан, внезапно застывший в покое.[12]Между этими льдинами, подобно насыпи грубой формации, простиралась обширная груда обломков и отбросов от разрушенного пакового льда предыдущим летом, которые за зиму превратились в одну неровную и беспорядочную массу угловатых блоков различной высоты до сорока и пятидесяти футов и всех мыслимых конфигураций, подобно вскипевшей лаве в устье кратера. Они перемежались непрерывной серией “снежных заносов с крутыми склонами”, которые тянулись вниз от самой высокой вершины ледяного хаоса, пока не терялись в общем уровне на расстоянии около ста ярдов. Можно предположить, что найти проход для саней по этим лабиринтам льда и снега было нелегко. Снежные склоны ни в коей мере не помогали, так как зимние ветры дули главным образом с запада, а путь саней лежал прямо на север, и их приходилось встречать почти под прямым углом. Следовательно, путешествие представляло собой непрерывную борьбу с постоянно возникающими препятствиями; как только одно было преодолено, возникало другое. Кирки постоянно требовались либо для того, чтобы прорубать путь сквозь плотный лед, либо с перпендикулярной стороны высоких льдин. Вместо того чтобы неуклонно продвигаться вперед, весь отряд часто задерживался на полдня из-за необходимости поворачиваться лицом к саням и тащить их вперед на несколько футов за раз. Эти соображения позволят читателю судить, насколько велики должны были быть “мужество”, настойчивость и энергия, которые смогли преодолеть семьдесят миль в таких исключительных обстоятельствах.

Капитан Нейрс отмечает — и читатель поддержит его хвалебную речь, — что никакие два офицера не смогли бы выполнить это трудоемкое предприятие с большими способностями и отвагой, чем коммандер Маркхэм и лейтенант Парр. И совершенно справедливо, что заслуги Роулингса и Лоуренса, капитанов двух саней, должны быть занесены в протокол. В дополнение к их общей жизнерадостности и добродушию — качествам, которые всегда помогают облегчить трудную работу, — их заботливости и мастерству было обусловлено благополучное возвращение саней, от которых зависели жизни всех, — целыми, невредимыми и в таком же исправном состоянии, в каком они покидали корабль, несмотря на ужасный характер дороги, по которой они прошли. Таким людям, как эти, и храбрым, терпеливым, решительным санным экипажам в целом мы обязаны отдать дань нашей похвалы. Какими бы тяжелыми ни были их лишения, они никогда не жаловались. Во время этого памятного путешествия на север по суровым полярным океаническим льдам, путешествия, в котором "мужество" и решимость британских моряков день за днем наиболее ярко проявлялись, преодолевая препятствия, которые вполне могли считаться непреодолимыми, двум офицерам и их отважным спутникам удалось продвинуть "Юнион Джек" до 83 ° 20' 26" северной широты, или в пределах четырехсот миль от Северного полюса.

Чтобы достичь этого передового поста, нынешнего рубежа географических исследований в этом направлении, общее пройденное расстояние составляло двести семьдесят шесть миль в сторону и двести сорок пять миль в обратном направлении, хотя самое дальнее прямое расстояние от корабля не превышало семидесяти трех миль. Результат труда столь колоссален, а страдания столь суровы, что мы должны считать длительное путешествие по полярным паковым льдам на санях и лодке невыполнимым ни в

какое время года. Поскольку сани обязательно продвигались на каждом этапе поодиночке, мы можем рассчитать точную скорость продвижения, которую можно ожидать, если будет сочтено желательным продвигаться вперед на легких санях без каких-либо дополнительных средств возвращения позже в сезоне в случае разрушения льда в задней части. Максимум, которого достигал коммандер Маркхэм, составлял две с тремя четвертями мили в день; средняя скорость составляла одну милю с четвертью.

Вспышка цинги заставила капитана Нэрса очень беспокоиться о благополучии роты лейтенанта Олдрича по возвращении с запада; и тем более, когда выяснилось, что пирамида из камней, воздвигнутая над его складом провизии в тридцати милях к северо-западу, оставалась нетронутой в день, назначенный для его прибытия туда. Поэтому навстречу ему послали лейтенанта Мэя с собачьей упряжкой и трех крепких мужчин. 20 июня обе стороны встретились на складе и сообщили капитану Наресу о приятном факте. К счастью, лейтенант Олдрич вернулся вовремя, потому что на следующий день началась быстрая оттепель с южным ветром, и заснеженные долины стали непроходимыми для саней до конца сезона. Его отряд, как и отряд коммандера Маркхэма, заболел цингой, четверо из них беспомощно лежали на собачьих упряжках, и прибытие лейтенанта Мэя оказалось как нельзя кстати.

Теперь, когда вся его команда была собрана на борту "*Алерта*", капитану Нэрсу предстояло решить, возможно ли продолжить исследовательскую работу или экспедиции следует вернуться в Англию. Из-за отсутствия какой-либо суши с уклоном на север и несудоходного характера полярных паковых льдов он пришел к выводу, что ни по одну из сторон пролива Смит ни одно судно не могло продвинуться дальше на север, чем это сделал *Алерт*; а также, что из-за отсутствия безопасной позиции в проливе Смит сани не могли продвинуться ближе к полюсу. Если экспедиция останется в окрестностях еще на один сезон, исследование берегов Земли Гранта можно было бы продолжить на юго-западе, а Гренландии - на северо-востоке, но не более чем на пятьдесят миль дальше уже достигнутых пунктов. В ослабленном состоянии экипажа и ради столь незначительного дополнительного выигрыша капитан Нерес решил, что было бы неразумно рисковать еще одной зимой. Как только лед тронулся, “Хо за веселую Англию!”

Обычная оттепель наступила только в последнюю неделю июня. 1 июля в оврагах разлилась вода. После этой даты оттепель постепенно продолжалась и усилилась с такой быстротой, что 23-го сильный юго-западный ветер отогнал стаю на милю от берега. 26-го на берегу была воздвигнута пирамида из камней, и в нее был помещен отчет о работе экспедиции; а 31-го, когда был расчищен проход через зимний барьер айсбергов, "*Алерт*" при сильном юго-западном ветре, наполнявшем его парусину, вышел в пролив Робсон, направляясь домой. Пройдя две мили вдоль берега по довольно открытому проходу между паковым льдом и тем, что доктор Кейн называет “ледяной опорой”, она была остановлена на пути тяжелой льдиной диаметром в полторы мили, которая почти касалась суши; и, поскольку другого укрытия не было, она встала на якорь в небольшой бухте или заливчике среди группы айсбергов, выброшенных на берег на мелководье.

Рано утром 1 августа преградившая путь льдина обнаружила признаки движения и вскоре после этого ушла на север со скоростью полутора миль в час, несколько тревожно скрежеща по подошве льда по мере приближения к кораблю. Однако, когда пар был поднят, "*Алерт*" отдал швартовы и преуспел в прохождении между сушей и льдиной, в то время как последняя сильным рывком развернулась к берегу недалеко от того места, которое корабль занимал ранее.

Здесь мы можем отметить разницу, на которой настаивает капитан Нэрс, между обычной льдиной, которая обычно встречается в арктических водах, и древним полярным морским льдом. Толщина первого редко превышает шесть футов, и он разбивается на куски при

столкновении с препятствием или может быть атакован пароходом; но второй, имеющий толщину около восьмидесяти или ста футов, устраняет все препятствия на своем пути — или, так сказать, пренебрежительно отбрасывает их. “Так было и в этом случае: полярная льдина, от которой, - рассказывает капитан Нэрс, - мы отошли всего на несколько ярдов, наткнувшись на тяжелый бруствер из отдельных льдин, окаймляющих побережье, некоторые из них высотой в сорок футов и весом во много тысяч тонн, которые недавно служили нам защитой от более мелких льдин, опрокинула их одну за другой и вытеснила выше по склону, словно играющий великан, не получив ни малейшего вреда — ни одна частичка не откололась. Провидением было то, что благодаря своему повороту *”Алерт* смогла вырваться из ловушки, в которую она была заключена".

Берег здесь представлял собой грозную линию ледяных утесов высотой от двадцати до сорока футов, обрывающихся в чистую голубую воду глубиной от десяти до двадцати морских саженей. "*Алерт"* продолжал двигаться вперед, так близко к утесу, что лодки, висевшие по бокам от него, часто касались его, пока снова не остановился у мыса Юнион из-за скопления стаи. Однако ее капитан смог здесь подвести судно к большому ручью, течение которого подорвало ледяной утес примерно на пятьдесят ярдов, и унесло его в море, оставив что-то вроде бухты или гавани, где судно могло быть пристегнуто к берегу таким образом, что, если бы на него обрушился шквал, оно могло бы только вытолкнуть его на берег. Читатель "Арктических путешествий", вероятно, помнит, что примерно такое же положение когда-то занимал корабль сэра Эдварда Парри при примерно таких же обстоятельствах.

Когда прилив повернул вспять и начал течь на юг, он расколол лед вокруг мыса Юнион и образовал узкий водный путь, который дал капитану Нэрсу шанс спастись. Немедленно был поднят пар, но из-за неизбежной задержки с отправкой руля лед сомкнулся прежде, чем судно удалось развернуть. Последняя стадия его плавания была хуже первой, потому что теперь он был отрезан от своей безопасной маленькой гавани, и не было лучшего укрытия, чем небольшая впадина или пролом в ледяном утесе. Здесь, однако, ее привели в чувство, когда ледяные глыбы пронеслись мимо нее на расстоянии двадцати ярдов. При отливе капитан Нэрс отвалил от берега и пробурил немного пути в стаю, чтобы "*Бдительный*" мог обогнуть мыс с южным приливом. Примерно в четверти мили от берега она двигалась вместе со льдом, а когда прилив спал, вышла из пака еще до того, как он начал смещаться к северу. Затем, держась поближе к подножию льда, она медленно продолжила свой путь на юг, водный путь расширялся по мере приближения к заливу Линкольна, который она пересекла без труда. Когда мы были в пяти милях от мыса Бичи, начался прилив, но после небольшой задержки канал открылся, позволив кораблю обогнуть мыс. В этом месте ледяной утес заканчивается, и суша плавно переходит в берег, который защищен барьером из льдин, похожих на те, что окаймляют берег Полярного моря, но меньших размеров. Здесь корабль пришвартовался на глубине трех морских саженей, в двадцати ярдах от берега, примерно в миле к югу от мыса.

Мы останавливаемся на этих подробностях для того, чтобы наши читатели могли составить некоторое представление о трудностях арктического путешествия. Слова “Она пробилась сквозь льды” не дают никакого представления о препятствиях, которые приходится преодолевать, и опасностях, которых следует избегать кораблю, плывущему среди паковых льдов и льдин; или о мастерстве, бдительности и терпении офицеров и матросов, только благодаря которым предприятие может завершиться успешно.

Нам сообщили, что 4 августа с юго-запада подули снежные шквалы. Когда лед сомкнулся вокруг корабля, зажав его в тисках, участники экспедиции высадились на берег и посетили несколько соседних озер в поисках дичи. Они нашли несколько диких гусей и убили

пятьдесят семь, что стало приятным дополнением к обычному рациону. Мистера Эджертона и матроса отправили на "*Дискавери*", находившуюся тогда примерно в двадцати милях отсюда, с приказом готовиться к возвращению домой. Мы уже рассказывали, как они благополучно добрались до корабля.

Пока *Тревога* была таким образом заключена в тюрьму, огромный паковый лед в окрестностях носило вверх и вниз по проливу в результате приливного движения, а ветер увеличивал скорость течения и продолжительность его течения как на север, так и на юг. Лед обычно был более легкого характера, чем в Полярном море; но многие тяжелые полярные льдины были отнесены штормом на юг и отнесены в пролив Леди Франклин и Арчер-Фиорд, а не вниз по каналу Кеннеди. Пролив Леди Франклин, действительно, кажется вместилищем всего тяжелого льда, который приходит на юг через пролив Робсон; он удерживается до тех пор, пока преобладающие западные ветры не отнесут его снова на север и не опустошат пролив, прежде чем он снова наполнится при возвращении северных штормов. По словам капитана Нэрса, только в сезоны, когда северные ветры дуют чаще западных, значительные количества огромного полярного льда заносятся в пролив Смита и Баффинов залив.

Шторм 6 августа был очень сильным. Прилив, устремившийся на юг, отбросил несколько тяжелых льдин к небольшим айсбергам, защищавшим судно, и полностью опрокинул один из них. Он прочно сел на мель, когда ударился о острие большой льдины; но сила столкновения была такова, что он поднялся в воздух во весь свой рост по меньшей мере в шестидесяти футах над водой, когда, совершив полное сальто, как опытный гимнаст, он рухнул на спину с таким толчком, что разлетелся на куски и поднял волну, достаточную, чтобы значительно качнуть корабль. В образовавшуюся таким образом брешь продвигался лед, пока, наконец, не задел *Тревогу*, хотя и не опасно.

В тот же вечер лейтенант Роусон и два матроса прибыли с "*Дискавери*" с известием о несчастье, постигшем гренландский санный отряд.

Вскоре стало очевидно, что нет никакой возможности освободить скованное льдами судно, кроме как срубив тяжелую льдину, державшую его в плену; и, соответственно, все принялись за работу. После трехдневных усилий была оторвана такая большая часть льдины, что при высокой воде она всплыла и освободила корабль; в то же время основная стая отошла, и "*Алерт* поплыл дальше, присоединившись к своему спутнику, "*Дискавери*", 11 августа.

Все инвалиды, находившиеся на борту "*Алерта*, были отправлены на "*Дискавери*", а капитан Нейрс остался у входа в гавань, готовый, как только позволит лед, перейти в залив Поларис, чтобы сменить лейтенанта Бомонта. Однако, как уже говорилось, он прибыл 14-го и избавил командира экспедиции от серьезной тревоги. Теперь оба судна были готовы к отплытию, но состояние льда задержало их до 20-го числа, когда, “пробравшись” через пак, они отплыли и подошли вплотную к мысу Лоуренса, не встретив никаких серьезных препятствий. Здесь их старый враг, лед, снова выступил против них; и капитан Нэрс обнаружил, что перед ним открыты только знаменитые “три пути” известного государственного деятеля: либо вернуться на север, вырваться вперед в стаю, либо привязать корабли к какому-нибудь из выброшенных на берег флобергов. Был принят этот последний способ, и во внутреннем бассейне, не имеющем выхода к морю, была, соответственно, обеспечена *Тревога* и *Обнаружение*. Но, к сожалению, при падении паводка кусок льда прижал к *Алерту*, и в то же время защищающий его флоберг выбросило на берег. Результат: *Alert* сел на мель носом вперед, но под кормой была глубокая вода. И прежде чем ее удалось освободить, уровень прилива снизился на четырнадцать футов, так что корабль

накренился под углом 22 °, при этом носовая часть и киль были обнажены до самых носовых швеллеров. Ничего нельзя было сделать, пока не поднялся прилив. Затем корабль облегчили, а затем оттащили, не получив никаких повреждений.

22 августа пролив снова открылся, и два корабля продвинулись на юг до мыса Коллинсон, не встретив никаких других неприятностей, кроме густых снежных бурь, туманов и сильного встречного ветра. Но у мыса, когда "*Бдительному*" пришлось сдать назад, чтобы избежать столкновения, она на мгновение сбила с толку "*Дискавери*"; однако последнему удалось спастись, не причинив ничего худшего, чем потеря шлюпбалки.

Лед постепенно раскалывался под воздействием сильного юго-западного ветра, и два корабля пересекли залив Скорсби, который был совершенно чист, но бурлил из-за сильного волнения. Когда они приблизились к мысу Фрейзер, на них налетел ужасный шторм, и их отнесло в залив Мори, где они бросили якорь среди большого количества припайного льда. Три дня были потрачены на напряженные попытки обогнуть мыс Фрейзер — один из *шедевров* арктических мореплавателей, потому что это место встречи северных и южных приливов, один из Полярных океанов, а другой из Атлантики, - и мыс Хейс, пограничный знак ла-манша. Затем путешественники с радостными сердцами вошли в пролив Смит и, держась берега так близко, как это было безопасно, прибыли 29-го на остров Принс-Империал в заливе Доббин, “все от души благодарные за то, что выбрались из стаи, избавились от разбросанных айсбергов и за то, что корабли снова оказались привязанными к неподвижному льду”.

Температура снова опустилась ниже точки замерзания. Короткое арктическое лето закончилось, и днем и ночью молодой морской лед формировался непрерывно. Туман, до сих пор сопровождавший корабли, рассеялся под порывом свежего северного ветра, и открылась великолепная панорама высоких гор, белых от снежных пелен, и глубоких долин, заполненных колоссальными ледниками. Один из них тянулся вниз, к берегу, и отбрасывал огромные айсберги, которые всплывали или садились на мель в бухте Доббин. Он был назван в честь императрицы Евгении, которая проявляла живой личный интерес к экспедиции.

Пересекая залив Доббин 1 сентября, путешественники подошли на расстояние четверти мили к складу провизии, созданному прошлой осенью возле мыса Хоукс, и им удалось забрать часть провизии. День или два спустя капитан Нейрс высадился на острове Вашингтон и посетил пирамиду из камней, которую он воздвиг там 12 августа 1865 года. Он посетил также две старые пирамиды, возведенные бывшими исследователями; лишайники, которыми они были покрыты, доказывали, что они были более ранними, чем экспедиция доктора Хейса.

3 сентября, усердно работая паром, корабли протаранили полосу воды к западу от мыса Хокс, которая была неудобно перегорожена рыхлыми кусками старого льда. Обогнув мыс, говорит капитан, стая, удаляясь от суши, оставила незамерзшую воду и множество отделившихся небольших льдин, что вынудило их идти очень извилистым курсом и время от времени проходить в тридцати ярдах от низкой опоры льда на берегу, к счастью, всегда находя глубокую воду. Таким образом, они достигли залива Оллман, расположенного на полпути между мысом Хоукс и заливом Франклина Пирса. Встретив здесь пояс новых льдов, "*Дискавери*" послали вперед; и на полных парах она прорвала канал во льду толщиной от одного до трех дюймов. С высоких холмов в глубине страны огромный ледник спускается к заливу Оллман; и примечательно, что всегда по соседству с ледниковым ручьем вода была почти пресной и имела температуру 32 °C.

7-го числа наши корабли, направлявшиеся домой, достигли острова Нормана Локьера на окраине залива Принцессы Марии. Сезон был уже далеко в разгаре, и поскольку малейшая ошибка могла привести к тому, что суда были скованы льдами на зиму, два капитана поднялись на самую высокую точку острова, чтобы получить некоторое представление о открывшейся перед ними перспективе. Они испытали большое облегчение, увидев примерно в двадцати милях от себя большое пространство открытой воды, которое, как они предположили, простиралось до устья пролива Смит. Не теряя времени, они тронулись в путь, и корабли преодолели две трети расстояния, прежде чем попали под лед. Зарядив его на всех парах, они преодолели препятствие, а затем по каналу с открытой водой направились к мысу Сабин.

9 сентября они прибыли с мыса Изабелла, где нашли небольшую пачку писем и газет, оставленных на складе *"Пандорой"*. Погода теперь была спокойной, а ветер попутным. Поэтому, поскольку запасы угля начали подходить к концу, были подняты паруса, и вечером 12-го экспедиция достигла бухты Бардин. В течение 13-го и 14-го они продвигались на юг, в пролив Вольстенхольм, а оттуда при юго-восточном ветре переправились к мысу Байам-Мартин, которого достигли 16-го. Два дня спустя они вошли в хорошо известные воды залива Мелвилл; 25-го они прибыли в Диско, где, а затем в Эгедесминде, получили небольшие запасы угля.

Эгедесминде остался позади 2 октября, а 4—го оба корабля вновь пересекли Полярный круг - ровно через пятнадцать месяцев с момента пересечения его в обратном путешествии. Испытывая неблагоприятные ветры, они лишь медленно продвигались на юг; и когда погода стала теплее и сырее, несколько человек заболели ревматизмом и катарами. Во время сильного шторма 19-го числа два корабля разделились; но оба, как мы видели, благополучно достигли берегов Англии, где их доблестные офицеры и команды встретили сердечный прием, столь заслуженный их мужеством, настойчивостью и героическим трудолюбием.

Некоторые заметки об общих результатах, полученных экспедицией в области зоологии, ботаники и геологии, появились в *Академии*. Два натуралиста, под чье попечение были отданы эти отделы, — капитан Фейлден из "Алерта*и мистер Харт из "*Дискавери*" — работали с неослабевающей энергией и немалыми успехами.*....."

Из млекопитающих самыми удаленными к северу видами были песец, волк, горностай, полярный заяц, лемминг и овцебык — все они были замечены на берегах большого Полярного бассейна, или Палеокристаллического моря. К северу от Пайер-Харбор, недалеко от мыса Сабин, не было замечено ни одного китообразного; факт, который делает еще более серьезным постепенный процесс истребления гренландского (или правильного) кита в более южных широтах. Единственный тюлень, найденный за пределами мыса Юнион, в лат. 82° 15’ северной широты, был маленьким кольчатым тюленем, или “плавучей крысой” (*Phoca hispida*).

По мере расширения суши преобладала жизнь птиц; это были снежная сова, снежная овсянка и белая куропатка. Были собраны полные коллекции всех птиц, часто посещающих пролив Смит; и наши натуралисты с удовлетворением обнаружили давно разыскиваемые места размножения нотта и сандерлинга.[13]

Было добыто несколько видов морской рыбы, но “интересный маленький лососевидный” был встречен в пресноводных озерах далеко на север от лат. 82° 35’. Дноуглубительными работами и тралением была собрана прекрасная коллекция морских беспозвоночных, а также изучен характер морского дна от Баффинова залива до лат. 83° 19’ северной широты было точно установлено серией тщательных зондирований.

На кафедре ботаники наши натуралисты были вознаграждены открытием от двадцати до тридцати видов фанерогамных растений между параллелями 82 ° и 83 °. Гораздо более богатые и разнообразные результаты были получены в криптогамной флоре.

С геологической точки зрения полученные факты имели первостепенную ценность. “Все западное побережье пролива Смит, от мыса Изабелла до мыса Юнион, было полностью обследовано и нанесено на карту, и были собраны большие коллекции как окаменелостей, так и образцов горных пород; в то время как санные экспедиции, исследовавшие побережье Полярного бассейна, как на востоке, так и на западе, привезли достаточно материала, чтобы определить геологический характер страны. Силурийские известняки, богатые ископаемыми, были преобладающими породами вдоль пролива Смита. Миоценовые отложения, *включая двадцатифутовый пласт угля*, были обнаружены на севере вплоть до лат. 81° 44’. Из сланцев и песчаников этой формации была собрана прекрасная серия отпечатков листьев, иллюстрирующих характерную флору той эпохи и представляющих собой замечательную демонстрацию существования умеренного климата в пределах пятисот миль от нынешнего полюса в сравнительно недавнее геологическое время. Не менее важны указания на значительные недавние изменения в рельефе суши, вызванные открытием мощных постплиоценовых отложений, залегающих на значительной высоте над уровнем моря и содержащих окаменелости, сходные с существующей морской фауной. Наконец, были сделаны очень интересные и наводящие на размышления наблюдения за оледенением и действием льда в целом”.

Это, конечно, всего лишь краткое и сжатое изложение исследований, которые, очевидно, имели первостепенное значение. И можно почти сказать о последней экспедиции, что даже если бы ее географические открытия были менее ценными, ее научные результаты обеспечили бы ей ведущее место в анналах арктических предприятий.

Наш отчет об арктических экспедициях уместно завершить описанием круиза на *Pandora*, винтовой яхте под командованием капитана Аллена Янга, которая покинула Англию летом 1876 года, чтобы установить связь с экспедицией Адмиралтейства.

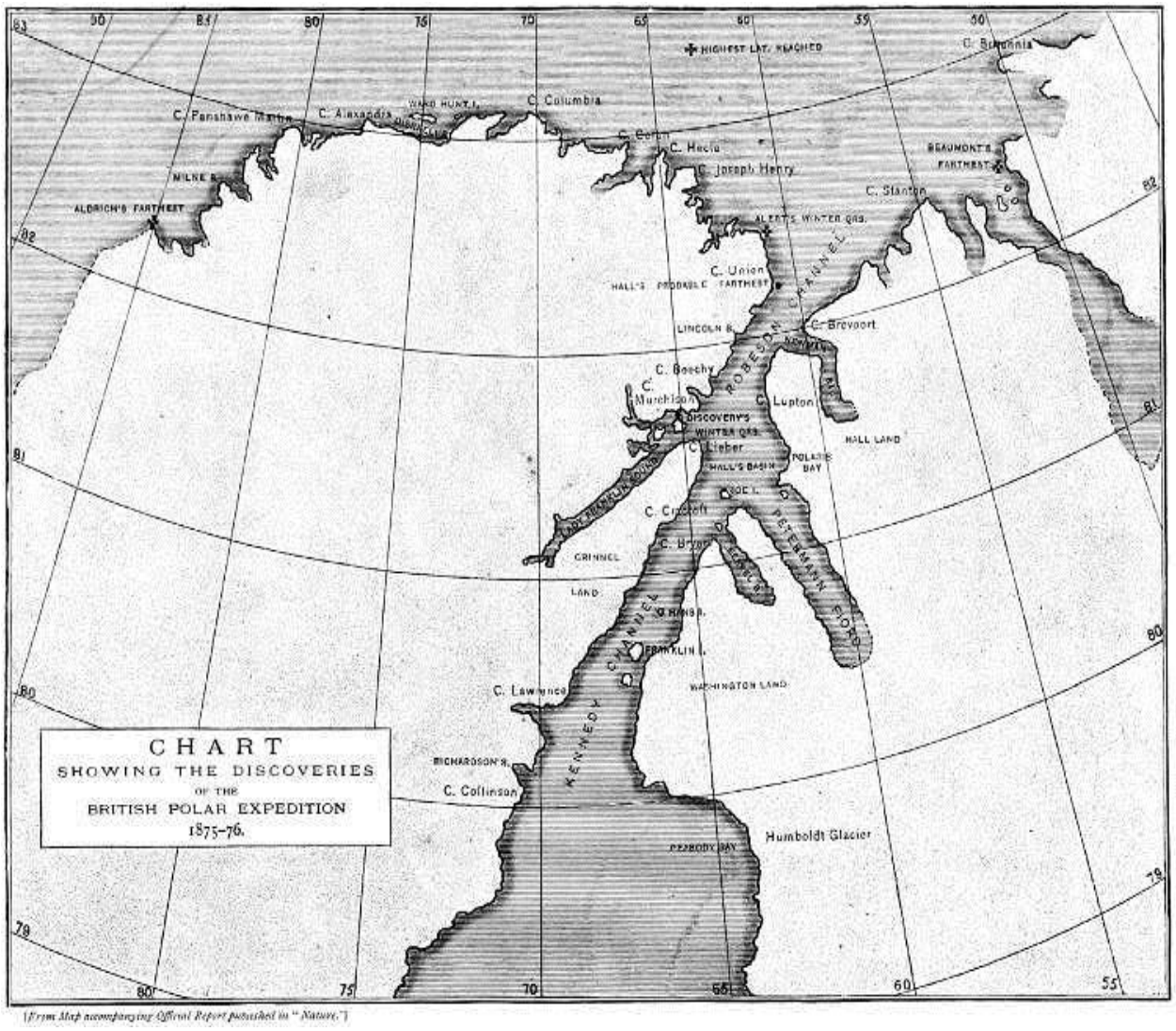


ДИАГРАММА
ПОКАЗЫВАЮЩАЯ ОТКРЫТИЯ

БРИТАНСКОЙ ПОЛЯРНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
1875-76гг.

[*Из карты, прилагаемой к официальному отчету, опубликованному в “Nature”.*]

Капитан Янг покинул Упернавик вечером 19 июля и держал курс на север — в плохую погоду и при сильном штормовом ветре. Через обширные ледяные поля он прокладывал свой путь, иногда под парусами, иногда под парами, пока утром 24-го не обнаружил, что его корабль полностью окружен в лат. 75° 10’ северной широты

Не теряя времени, пытались спастись, атакуя лед на полной скорости, снова и снова возвращаясь к началу атаки; и продвигались медленно, но неуклонно, когда поле, на котором они крепко держались, дрейфуя перед штормом, “столкнулось” с группой выброшенных на берег айсбергов и подвергло маленькое суденышко такому сильному давлению, что были сделаны приготовления к оставлению его. Провизия, боеприпасы, походное и дорожное снаряжение - все было готово, и шлюпки были спущены на воду, насколько это было возможно, с помощью шлюпбалок. Тем временем были использованы тяжелые заряды пороха, чтобы взорвать лед там, где он сильнее всего давил на корабль;

айсберги повернули в другом направлении, "*Пандора*" начала приходить в себя и к ночи опустилась почти до своего обычного уровня. В темноте ночи, при завывающем ветре и проливных дождях со снегом и слякотью она двинулась вперед со стаей; и таким образом продолжала свое продвижение до 27-го, когда погода прояснилась, и капитан Янг обнаружил, что он продвинулся прямо в сердце залива Мелвилл, где воды не было видно. Как на ладони были видны мысы Уокер и Мелвилл, Остроконечный холм и огромные ледниковые потоки, протекающие по промежуточным долинам. Все вокруг было одним огромным однообразным слоем неровного льда. Только 29-го *Пандора*, после многих ничтожных побегов, вышла в открытую воду, в лат. 75° 50’ северной широты и длинный. 64° 55’ W. Находясь таким образом в плену у льдин, исследователи убили только одного белого медведя, четырех тюленей и несколько мелких птиц.

Теперь в чистом море они держали курс на запад, миновав мысы Дадли, Диггес и Атол, а также другие мысы, знакомые по записям арктических приключений. В полдень 31-го, когда они находились у острова Вольстенхольм, их настиг очередной шторм, быстро усилившийся почти до ураганной ярости. Это был неприятный опыт, так как палубу омывало сильное море, и им с большим трудом удалось избежать столкновения с айсбергами, которые быстро дрейфовали сквозь снег и брызги.

Достигнув острова Кэри, они высадились, чтобы осмотреть запасы провизии капитана Нэрса, и обнаружили, что они в хорошей сохранности. Пирамиду никто не посещал с момента визита Янга на остров 10 сентября прошлого года. После этого они отправились на остров Сазерленд, где нашли запись американского исследователя капитана Хартстена, датированную 16 августа 1855 года. С любопытным чувством путешественник наталкивается в этих краях почти вечной зимы на такие слабые свидетельства людей, которые, подобно ему, преодолели все опасности, связанные с льдинами и айсбергами, и отправились в моря далеко за пределы обычных коммерческих предприятий.

На острове Литтлтон была найдена запись об экспедиции. Документ был датирован 28 июля 1875 года и подписан капитаном Нэрсом; в нем указывался курс, который должны были взять корабли по его приказу. Однако из-за того, что проливы были перегружены льдами, капитан Янг не мог следовать по нему; и вместо того, чтобы направиться к мысу Изабелла, он решил исследовать побережье в заливе Хартстен, чтобы найти гавань для спасательного судна, которое Адмиралтейство намеревалось отправить в 1877 году на случай невозвращения Полярной экспедиции. Он был найден 4 августа недалеко от эскимосского поселения Эта и назван в честь *Пандоры*. Казалось бы, здесь есть все преимущества в качестве зимовья для арктических исследовательских судов; окружающие холмы “усеяны арктическими зайцами, выглядящими как снежные шары на роскошной растительности”. Маленький аук тысячами гнездится на утесах, в водоемах обитают гаги и кайры, а в прилегающих долинах и на пастбищах часто водятся северные олени.

Затем капитан Янг направился к мысу Изабелла, которого достиг 6 августа. Внимательные глаза вскоре обнаружили большую пирамиду из камней на вершине этого мыса. Была спущена лодка, и вскоре было извлечено содержимое пирамиды, а вместо них были оставлены депеши и письма для экспедиции капитана Нэрса. Затем "*Пандора*" направилась на север, но из-за неблагоприятных ветров и скопившегося льда не смогла продвинуться дальше и была вынуждена вернуться к мысу Изабелла. Была предпринята еще одна попытка продвинуться на восток, и в течение нескольких дней доблестное суденышко пересекало проливы через пак, всегда покрытые льдом и часто окутанные непроницаемыми туманами. Не менее трех раз она была вынуждена искать убежища в гавани Пандоры. 19-го ее отогнали обратно к северу от острова Литтлтон, и капитан Янг и несколько его офицеров воспользовались возможностью посетить лагерь *Полярис*. От дома,

построенного капитаном Баддингтоном, ничего не осталось, кроме нескольких сломанных досок. Камни были усеяны кусками металла, обрывками одежды и другими беспризорниками. Был также осмотрен *тайник*, в который отступающий отряд сложил свои книги и инструменты; но единственными реликвиями были медная чаша семидюймового компаса, жестяная трубка и части телескопа. Несколько ящиков и бочек с документами, предназначенными для использования капитаном Нэрсом, были надежно спрятаны среди скал на западной оконечности острова, а затем капитан Янг вернулся на мыс Изабелла.

Не обнаружив здесь ничего интересного и убедившись, что с полярных кораблей туда не добирался ни один путешественник или группа лодок, "*Пандора*" взяла курс на север под парусами. “Было очень темно и густо, ” говорит капитан Янг, - но достаточно ясно, чтобы мы могли избежать столкновения с тяжелым льдом. К девяти УТРА мы были у острова Леконт, но туман задержал нас до одиннадцати часов, когда я смог разглядеть с высоты, что основная стая протянулась через пролив в залив Росс. Мы находились в озере с сухопутной водой, покрытом плотным и тяжелым льдом со всех сторон, с юга на север, и снова приближающимся к суше с востока. Наш единственный шанс продвинуться, казалось, был через узкий проход или слабину, двигаясь сначала на восток-северо-восток, а затем снова, по-видимому, к восточному побережью. Мы вошли в стаю, и к пяти ЧАСАМ вечера нам удалось снова выбраться на сушу в заливе Хартстен.” Таковы впечатления от двенадцати часов в скованных льдом водах Севера! Но нам нет нужды задерживать читателя этими мельчайшими подробностями, несмотря на их интерес как иллюстрации характера борьбы, которую с таким упорством и целеустремленностью вели исследователи Арктики. Море теперь повсюду было покрыто льдом и айсбергами. Штормы были частым явлением, и избитая ветром и волнами *Пандора* была вынуждена вернуться в Баффинов залив.

Здесь 28 августа ее капитан мог видеть, что сплошной лед заполнил пролив и входную часть залива вплоть до мыса Александр. Путь на север был таким образом перекрыт, и капитан Янг решил следовать к Упернавику в Северной Гренландии, надеясь обнаружить, что последний корабль еще не отплыл в Данию, и в этом случае отправить офицера домой с депешами, в то время как "*Пандора*" вернется в пролив Смита.

29-го числа она была у острова Хаклуит и взяла курс на залив Бардин в проливе Уэйл-Саунд. При входе в бухту виднелась летняя палатка и несколько эскимосов со своими собаками, бегавших взад и вперед, очевидно, с целью привлечь внимание посетителей. Капитан Янг соответственно высадился на берег с несколькими своими офицерами и в сопровождении Кристиана, своего переводчика-эскимоса, . Местные жители встретили их с величайшим доверием и бесстрашием, помогая вытащить лодку на берег. Их было десять человек, и все они были членами одной семьи. Еды у них, по-видимому, было в избытке, но они рассыпались в благодарностях за немного моржового мяса, подаренного капитаном Янгом. Их манеры были откровенными и общительными, и они проявляли значительную живость, радуясь результатам очень удачного охотничьего сезона. Много лет они не видели ни европейских кораблей, ни белых людей; но они сказали, что старик, который со своей семьей жил на острове Нортумберленд, рассказал о двух кораблях, которые прошли на север “прошлым летом”. Какой одинокой, должно быть, была жизнь, которую вели эти бедные дикари! Никогда не радовались виду паруса; но год за годом были заперты в своем ледяном уединении, и перед ними не стояло никакой другой цели, кроме как добыть ровно столько еды, чтобы избежать преждевременной и жалкой смерти!

Среди их сокровищ капитан Янг заметил корабельное ведро, половину крышки стола красного дерева, весло от каяка гренландца, сильно истертое льдом, и кусок упаковочного ящика с надписью “Лаймовый сок—Лейт"; все это, по их словам, занесло в залив в разное время с юга. Капитану Янгу эти люди показались добрыми и простыми по характеру, в то

время как они, очевидно, были крепкими и здоровыми. Всем, что у них было — а этого было достаточно мало, — они охотно предложили своему гостю; и когда их спросили, какой подарок они хотели бы получить, их вождь выбрал только несколько буравчиков и пятнадцатифутовое ясеневое весло. Последний, по его словам, будет разделен на древки для копий; первый ему нужен для растачивания кости и слоновой кости. Капитан Янг, однако, подарил им несколько других полезных предметов, приняв взамен несколько рогов нарвала, образцы их кухонных котлов из горного камня и железный колчедан, который они использовали для добывания огня. Состоялся также обмен собаками; пять собак, принадлежавших *Пандоре*, были отданы за трех лучших эскимосских охотничьих собак для охоты на медведя.

В Упернавик "*Пандора*" после бурного и опасного перехода прибыла вечером 7 сентября, но обнаружила, что последний корабль отплыл в Европу. Таким образом, поскольку не было никаких средств сообщения с Англией и поскольку без такой связи капитан Янг не чувствовал себя уполномоченным зимовать на Севере, на борт был взят запас пресной воды, и корабль направился домой. С 15 по 21 число она пробыла в Гудхэвене, на острове Диско. В проливе Дэвиса она столкнулась с большим количеством тяжелых дрейфующих льдов Шпицбергена и выдержала сильный юго-восточный шторм. 16 октября, в лат. 54° 38’ северной широты и длинный. 44° 30’ западной долготы, она заметила арктические корабли "*Алерт* и "*Дискавери*" и поспешила связаться с ними. Они держались вместе до 19-го числа. На следующий день на "*Пандору*" обрушился еще один ураган; но остальная часть путешествия прошла в безопасности и не была отмечена какими-либо важными происшествиями.

На этом в настоящее время заканчивается летопись британской предприимчивости и приключений в Арктическом мире. Однако трудно поверить, что нация успокоится до тех пор, пока “сердце тайны не будет раскрыто”, секрет окончательно не будет раскрыт и британский флаг не будет поднят над этой отдаленной точкой, которая обычно называется Северным полюсом.

СНОСКИ:

[1] *Тринга канутус* орнитологов.

[2] *Абиес белый и черный.*

[3] *Личинка Канадская.*

[4] *Сосна обыкновенная.*

[5] *Абиес Сибирский*, *Ларикс Сибирский*.

[6] Тиндаль, “Формы воды”, стр. 137.

[7] Название, данное ледяной равнине близ Монблана.

[8] Скорсби подсчитал, что потребовалось бы 80 000 человек, непрерывно работающих с момента сотворения человека до наших дней, чтобы подсчитать количество организмов, содержащихся в двух милях зеленой воды.

[9] Назван так из-за своей круглой формы, а также потому, что поверхность листа отмечена изогнутыми линиями.

[10] По более умеренным оценкам, 1300 человек.

[11] *Академия*, 4 ноября 1876 г., стр. 453.

[12] “Здесь пусть волны застынут и отдохнут”. —Кольридж.

[13] О скудости животного мира на далеком Севере свидетельствует небольшое количество дичи, подстреленной участниками экспедиции после зимовки: шесть овцебыков, двадцать зайцев, семьдесят гусей, двадцать шесть уток, десять куропаток и три лисы.

Примечания переписчика:

1. Очевидные типографские, пунктуационные и орфографические ошибки были исправлены автоматически.
2. Там, где расстановка переносов вызывает сомнения, она сохранена как в оригинале.
3. Некоторые варианты написания одних и тех же слов через дефис и без дефиса были сохранены как в оригинале.
4. Там, где это уместно, сохранено первоначальное написание.